

**БАХЧИСАРАЙСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Вып. 2

**Бахчисарайский государственный
историко-культурный заповедник
Таврический национальный университет
им. В. И. Вернадского**

**БАХЧИСАРАЙСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Вып. 2

**BAKHCHISARAY HISTORICAL AND
ARCHAEOLOGICAL COLLECTED
WORKS**

Vol. 2

**Симферополь
«Таврия-Плюс»**

2001

ББК 63.3(0) 4(2Ук - 4Крм)

Б 30

Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

Рекомендован к печати ученым Советом
Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Редакторы-составители
Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов

Редакционная коллегия:

В. Д. Крыжицкий, чл.-кор. НАН Украины;
О. А. Габриэлян, д. филос. н.; В. М. Зубарь, д. и. н.;
Е. И. Лазаренко, Ю. М. Могаричев, д. и. н.; Е. В. Петров,
А. В. Сазанов, д. и. н.; А. В. Симоненко, д. и. н.;
С. Б. Сорочан, д. и. н.; А. С. Русяева, д. и. н.;
И. Н. Храпунов, к. и. н.

ISBN 966-7503-30-5

Б 30 Бахчисарайский историко-археологический сборник.
Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. 496 с.

В настоящий сборник включены исследования по древней и средневековой истории и археологии Крыма и Северного Причерноморья.

Издание предназначено историкам, археологам, студентам вузов и всем, кто интересуется прошлым Крымского полуострова.

© Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2000.

© Могаричев Ю. М., Храпунов И. Н., составление, 2000.

© Таврия-Плюс, оригинал-макет, 2000.

ISBN 966-7503-30-5

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящее издание является продолжением серии сборников научных трудов, издаваемых Бахчисарайским государственным историко-культурным заповедником с 1992 г. В 1997 г. редколлегия пришла к выводу о целесообразности сделать данное издание периодическим, и в свет вышел Бахчисарайский историко-археологический сборник. К сожалению, второй выпуск несколько задержался. Однако благодаря стараниям администрации Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника, изыскавшей средства для настоящего издания, оно предлагается на суд читателей.

Сборник состоит из четырех разделов. В первый включены статьи, посвященные исследованию археологических памятников античной и средневековой эпох. Авторы: С. Г. Колтухов, В. Л. Мыц (Симферополь), И. И. Лобода (Бахчисарай), В. М. Зубарь (Киев), И. А. Антонова (Севастополь), А. Н. Щеглов (Санкт-Петербург), С. Б. Ланцов (Симферополь), В. А. Кутайсов (Симферополь), И. Н. Храпунов, А. А. Стоянов, С. А. Мульд (Симферополь), В. П. Власов (Симферополь), В. В. Кропотов (Симферополь), А. В. Сазанов (Москва), А. В. Белый (Бахчисарай), Т. А. Бобровский (Киев), Д. Ю. Пономарев (Симферополь), А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев (Симферополь).

Во второй раздел включены исторические исследования. Среди авторов: С. Б. Сорочан, (Харьков), В. Е. Науменко (Симферополь), О. Б. Белый (Севастополь), В. А. Дмитриева (Симферополь), В. Г. Зарубин (Симферополь), С. В. Юрченко (Симферополь).

В третьем разделе И. И. Вдовиченко (Симферополь), Е. И. Лазаренко и И. Б. Арбитайло (Бахчисарай) описывают и анализируют фондовые коллекции, хранящиеся в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике.

В четвертом разделе публикуются краеведческие исследования преимущественно по различным проблемам истории г. Бахчисарая, Бахчисарайского дворца и Бахчисарайского района. Среди авторов А. Е. Гайворонский, М. М. Чореф, О. А. Желтухина, А. Ю. Маленко (Бахчисарай), Р. И. Куртнев, В. Н. Гуркович, Д. В. Омельчук (Симферополь), А. И. Маманчук (Киев).

Редакционная коллегия и администрация Бахчисарайского историко-культурного заповедника планируют в будущем году издание третьего выпуска Бахчисарайского историко-археологического сборника. Мы приглашаем к сотрудничеству всех специалистов, занимающихся историей и археологией Крыма.

АРХЕОЛОГИЯ

И. И. Лобода

РАСКОПКИ КУРГАНОВ У с. ВИЛИНО

Памяти В. Н. Хоменко
и А. А. Щепинского

В 1986 г. экспедицией Бахчисарайского музея под руководством автора проведены охранные работы по исследованию двух курганов на территории Предгорного опытного хозяйства Всесоюзного научно-исследовательского института виноградарства «Магарах» близ с. Вилино Бахчисарайского района.

Участие в раскопках принимали ныне покойные научный сотрудник Института археологии АН УССР, кандидат исторических наук А. А. Щепинский и заместитель директора по научной работе Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника В. Н. Хоменко, а также бывший архитектор, ныне директор Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника Е. В. Петров и студенты исторического факультета Симферопольского университета им. М. В. Фрунзе.

Оба раскопанных в 1986 г. курганы находились на левом, коренном берегу низовьев долины реки Альмы, в 1,5–2 км к юго-западу от с. Вилино*.

Изученные курганы располагались в 200 м друг от друга, на невыразительном степном водоразделе, в 0,5–0,6 км от кромки долины Альмы (рис. 1). Как и окружающие поля, в течение многих лет они подвергались интенсивной распашке, в том числе плантажным плугом на глубину до 0,6–0,7 м. В результате этих работ не только понизились сами курганы, но почти полностью уничтожена их стратиграфия.

Насыпи курганов удалялись при помощи бульдозера, путем последовательного снятия слагающего их грунта пластинами толщиной 5–10 см. Зачистка контрольных бровок, участков погребальных сооружений, захоронений и т. д. производилась вручную.

* На расстоянии 700 м к западу от наших курганов находились еще три, раскопанные В. Н. Хоменко в 1985 г. Материалы не опубликованы.

Четвертый курган находился также на левом берегу р. Альма, в 1 км к востоку от публикуемых курганов. Раскопан В. Н. Хоменко и И. И. Вдовиченко в 1983 г. Опубликован С. Г. Колтуховым и И. И. Вдовиченко (1997, с. 4–24).

После полного изучения выявленных археологических объектов вся площадь раскопок, в целях самоконтроля, углублялась в материк на 0,4 м. Этим самым исключалась возможность пропуска незамеченных ранее захоронений.

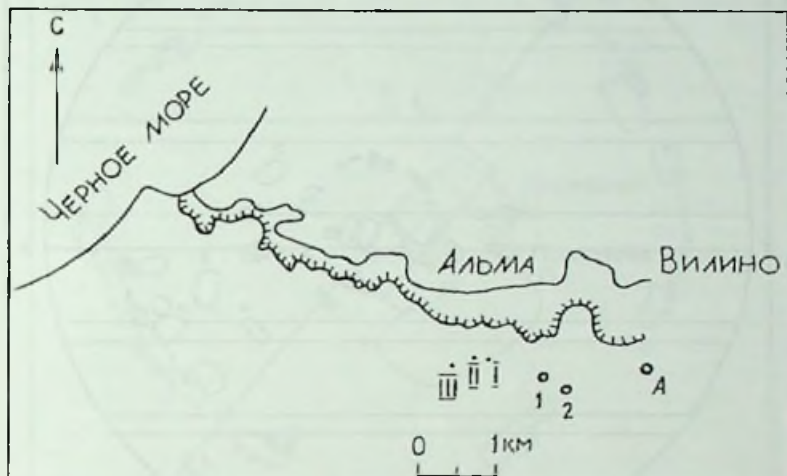

Рис. 1. План расположения исследованных курганов:
 А — курган, раскопанный В. Н. Хоменко и И. И. Вдовиченко в 1983 г.;
 I, II, III — курганы, раскопанные В. Н. Хоменко в 1985 г.
 1, 2 — курганы, раскопанные автором в 1986 г.

Курган №1 диаметром 36 м, высотой до 1 м (рис. 2). На поверхности лежало несколько обломков песчаника, очевидно от распавшихся впускных погребальных сооружений. Основная контрольная бровка шириной 2 м проходила через центр кургана в направлении с севера на юг. К западу и востоку от нее на расстоянии 4 м друг от друга располагались три вспомогательные контрольные бровки шириной 1 м. Нулевая точка раскопа находилась на высшей части курганной насыпи, которая соответствовала ее геометрическому центру.

Изучение контрольных бровок показало, что потревоженная распахкой стратиграфия сохранилась только в нижней центральной части кургана. На этом участке, сверху вниз, она дает следующее напластование слоев:

0 – 0,6 м — перепаханный слой насыпи с отдельными небольшими камнями от разрушенных погребальных сооружений;

0,6 – 1,00 м — буровато-серый слой насыпи с небольшими линзами материковых выбросов из грунтовых могил и тонкой (до 8–

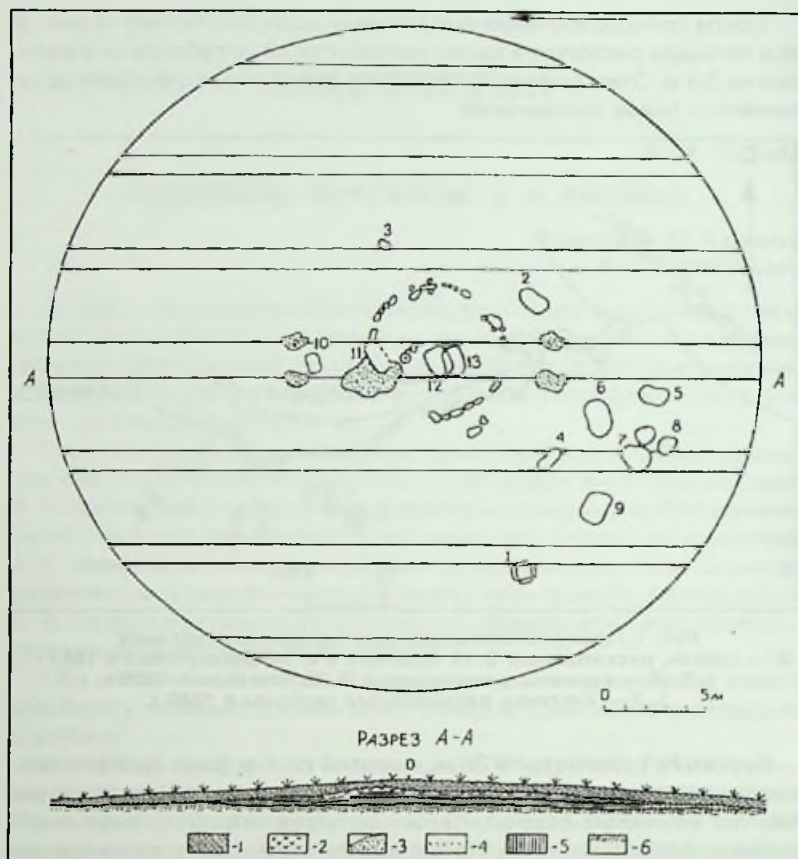

Рис. 2. Курган №1. План и стратиграфия. Условные обозначения:

- 1 — пахотный слой насыпи. 2 — буровато-серый слой насыпи.
- 3 — материковые выбросы. 4 — подсыпка из гравия.
- 5 — древний погребенный слой почвы. 6 — материк (гравий).

10 см) гравийной подсыпкой на уровне древней погребенной поверхности в центральной части кургана, в пределах кромлеха;

1,00 – 1,40 м — погребенный слой почвы и подпочвы;

1,40 – 1,80 м и ниже — плотный материковый гравий

Помимо погребений, в центральной части кургана, на древней погребальной поверхности выявился кромлех диаметром 6,5 м (рис. 3). Его геометрический центр, по отношению к центру кургана, на 1,3 м был смещен к югу. Кромлех состоял из небольших прямоугольных, поставленных на ребро плит местного известняка. Размеры плит:

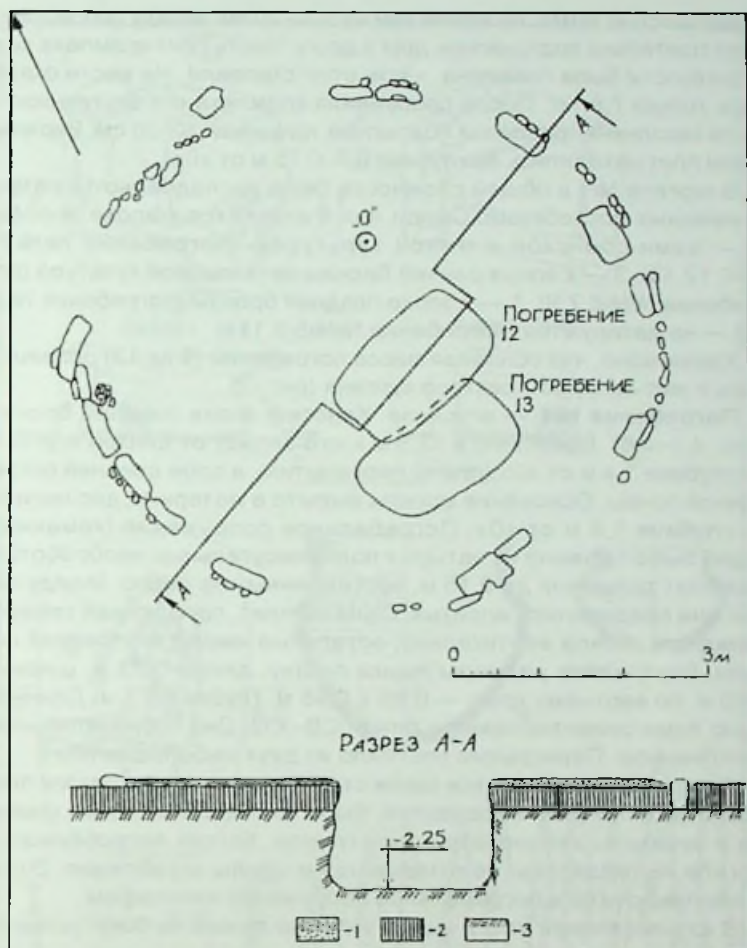

Рис. 3. Кургan №1. Кромлех. План. Условные обозначения:
 1 — галечная подсыпка. 2 — слой древней погребенной почвы.
 3 — материк.

длина — 0,55 м, высота — 0,4—0,7 м при толщине 0,15—0,2 м. Кромлех сооружен до возведения кургана. Для установки слагающих его плит в слое почвы был вырыт ровик шириной 0,3—0,35 м и глубиной до 0,45—0,5 м. После установки плиты с наружной стороны, по основанию, закреплялись небольшими камнями—«фиксаторами». Затем ровик засыпался. Верхние края плит возвышались на окружающей

поверхностью земли не менее чем на 10—20 см. Между собой грани плит тщательно подгонялись друг к другу. Часть плит кромлеха еще в древности была повалена, часть отсутствовала. На месте оказались только 7 плит. После сооружения кромлеха его внутренность была заполнена гравийной подсыпкой толщиной 10–20 см. Верхние грани плит находились на глубине 0,7–0,75 м от «0».

В кургане №1 в общей сложности было исследовано 13 разновременных погребений. Среди них 6 относятся к эпохе энеолита — кеми-обинской и ямной культурам (погребения №№2–4, 10, 12, 13). 3 — к эпохе ранней бронзы-катакомбной культуре (погребения №№6, 7, 9). 1 — к эпохе поздней бронзы (погребение №1) и 3 — не датируются (погребения №№5, 8, 11).

Характерно, что основная масса погребений (9 из 13) размещалась в юго-западном секторе кургана (рис. 2).

Погребение №1 — впускное. Кенотаф эпохи поздней бронзы (рис. 4, 1–4, 6). Выявлено в 12,5 м к юго-западу от центра кургана, на глубине 1,4 м от «0» (плиты перекрытия), в слое древней погребенной почвы. Основание могилы вырыто в материке, дно могилы на глубине 1,8 м от «0». Погребальное сооружение (каменный ящик) было сложено из четырех подпрямоугольных необработанных плит толщиной до 0,15 м, поставленных на ребро. Между собой они соединялись впритык. Одна из плит, продольная северо-западная, стояла вертикально, остальные имели внутренний наклон. Внутренние размеры ящика по дну, длина 0,73 м, ширина 0,55 м, по верхнему краю — 0,65 х 0,45 м, глубина 0,3 м. Длинной осью ящик ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Дно горизонтальное, уплотненное. Перекрытые состояло из двух небольших плит.

С наружной стороны все щели стыка, как между боковыми плитами, так и плитами перекрытия, были заложены мелкими камнями и замазаны зеленовато-серой глиной. Костей погребенного в могиле не оказалось, не отмечаются и следы ограбления. Это и позволяет считать погребальное сооружение кенотафом.

В юго-восточной части ящика у стенке лежал на боку, устьем к западу, плоскодонный, остросереберный лепной сосуд. На изломе он темноглиняный с красновато-коричневыми пятнами на внешней поверхности. Край венчика слегка отогнут, дно с закраиной. По ребру и закраине орнамент нанесенный трехзубчатым штампом. На плечах и тулове меандровая композиция — тройные ломанные горизонтальные и вертикальные длинные и короткие линии, примыкающие одна к другой под прямым углом, исполненные острым предметом по сырой глине. Высота сосуда 10,8 см, диаметр венчика 10,5 см, тулова — 11,7 см, дна — 5 см. В северном углу ящика обнаружен кусочек охры и кремневый отщеп длиной 3,3 см.

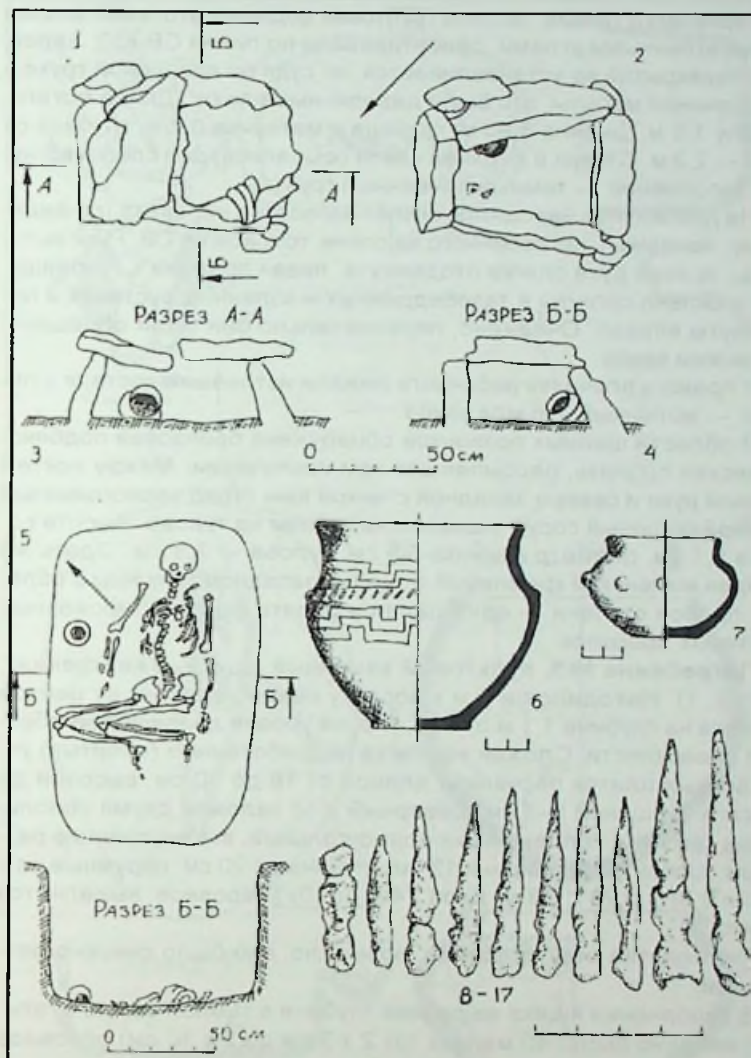

Рис. 4. Курган №1. Погребения и инвентарь.

1-4 — погребение. 5 — погребение. 6 — сосуд из погребения 1.

7 — сосуд. 8-17 — костяные проколки из погребения 2.

Погребение №2 — впускное. Энеолитическое, кемпи-обинское (рис. 4, 5, 7-17). Выявилось в 6,5 м к юго-востоку от центра кургана на глубине 1,6 м от «0» по темному могильному пятну на уровне

материкового гравия. Могила грунтовая подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Характер перекрытия не устанавливается, но судя по древесной трухе в заполнении могилы, это были деревянные плахи. Длина могилы по дну 1,6 м, ширина 0,95 м, глубина в материке 0,7 м, глубина от «0» — 2,3 м. Стенки в верхней части осыпались, дно слегка вогнуто. Заполнение — темный почвенный грунт.

На дне могилы находился скелет взрослого человека (по-видимому, женщины), погребенного на спине, головой на СВ. Руки вытянуты, правая рука слегка отодвинута, левая прижата к туловищу. Ноги сильно согнуты в тазобедренных и коленных суставах и повернуты вправо. Очевидно, первоначально они были обращены концами вверх.

У правого плеча погребенного лежали истлевшие кости, а у левого — молочный зуб младенца.

В области шейных позвонков обнаружена бронзовая подбиконическая пронизь, рассыпавшаяся при извлечении. Между локтем правой руки и северо-западной стенкой ямы стоял черноглиняный лепной лощеный сосуд с шестью налепами на тулове. Высота сосуда 5,1 см, диаметр венчика 5,5 см, тулова — 7,8 см. Здесь же найден маленький кремневый отщеп. В западном углу ямы в области правой ступени — одна целая и девять фрагментированных костяных проколов.

Погребение №3. Культовый каменный ящик — (жертвенник, рис. 5, 1). Находился в 6 м к востоку северо-востоку от центра кургана на глубине 1,1 м от «0», т. е. на уровне древней погребенной поверхности. Сложен из слегка подработанных (оббитых) уплощенных плиток песчаника длиной от 18 до 30 см, высотой до 25 см и толщиной 5–7 см. Северный угол заложен двумя небольшими камнями. В плане ящик прямоугольный, его внутренние размеры: длина 23 см, ширина 13 см, глубина до 20 см; наружные размеры 0,37 x 0,28 x 0,3 м. Дно (1,4 м от «0») неровное, выделяется плохо.

Перекрытие отсутствовало, возможно, оно было снесено распашкой.

В заполнении ящика на разной глубине в темной земле с галькой найдено около 40 мелких (от 2 x 3 см до 2 x 10 см) обломков костей, большая часть которых — со следами пребывания в огне. Кому принадлежали кости — человеку или животному, установить не удалось. Толщина слоя с костями до 20 см. Здесь же обнаружен небольшой кремневый отщеп.

Создается впечатление, что этот явно культовый каменный ящик связан с рядом расположенным кромlexом. И то и другое со-

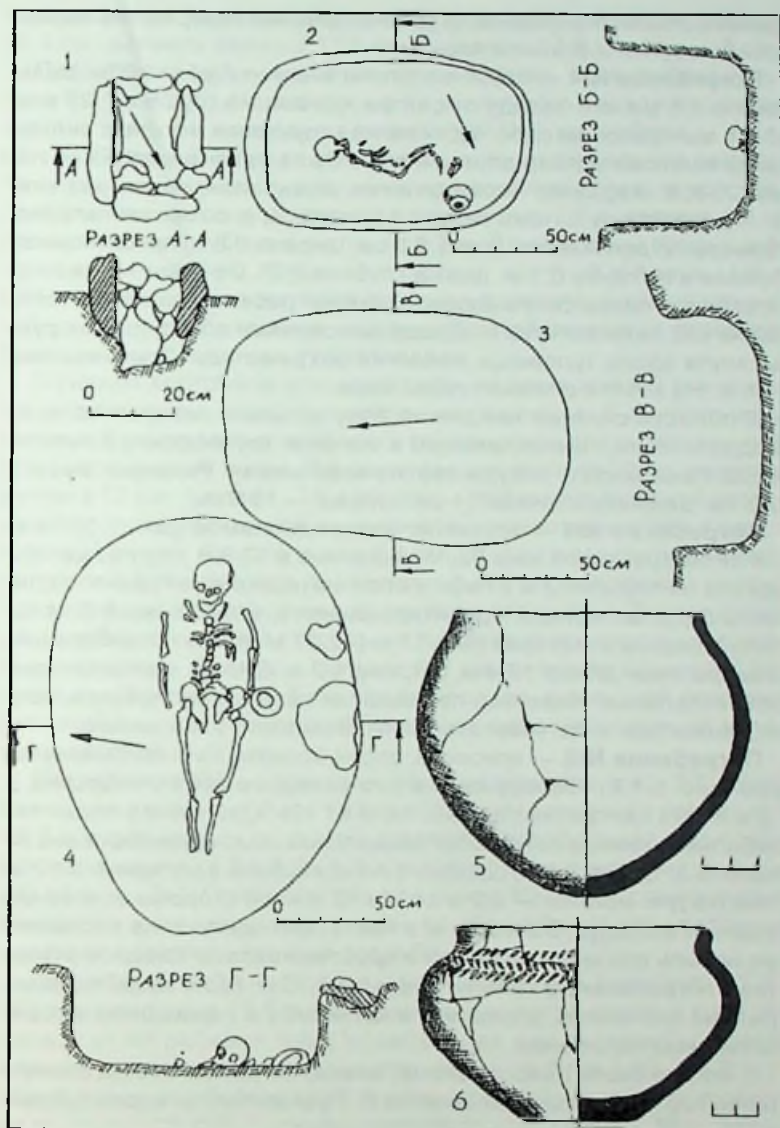

Рис. 5. Курган №1. Погребения и инвентарь.
 1 — погребение 3. 2 — погребение 4. 3 — погребение 5. 4 — погребение 6. 5 — сосуд из погребения 4. 6 — сосуд из погребения 6.

оружие были совершены на уровне древней поверхности еще до возникновения курганный насыпи.

Погребение №4 — впускное, эпохи энеолита (рис. 5,2,5). Выявлено в 8,5 м к юго-западу от центра кургана на глубине 2,25 м от «0», в материковом слое. Удлиненная грунтовая могила с сильно закругленными углами длинной осью была ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Характер перекрытия не установлен, вероятнее всего — деревянное, стенки сильно осыпались, дно горизонтальное. Размеры по основанию: длина 1,2 м, ширина 0,8 м, прослеженная глубина в суглинке 0,7 м, дно на глубине 2,25 м от «0». На дне могилы лежат плохо сохранившийся скелет ребенка, на спине, головой на ЮВ. Ноги согнуты и обращены коленями влево, правая рука вытянута вдоль туловища, левая не сохранилась. Длина костяка 1,04 м. На костях слабые следы охры.

В области ступней найден на боку устьем к северной стенке раздавленный, темноглиняный в изломе, круглодонный лепной сосуд. Поверхность сосуда светло-коричневая. Размеры: высота 12,3 см, диаметр венчика 11 см, тулова — 13,8 см.

Погребение №5 — впускное, неопределяемое (рис. 5,3). Темное пятно грунтовой ямы было выявлено в 12,8 м к югу от центра кургана на глубине 2 м от «0» в слое материкового гравия. Удлиненно-округлая могила, ориентированная длинной осью с С на Ю, была впущена в материк на 0,37 м (–2,37 м от «0»). Наибольшие размеры ямы: длина 1,64 м, ширина 1,2 м. Стенки неровные, дно горизонтальное. Характер перекрытия не устанавливается. Костяк, инвентарь и пр. отсутствовали. Возможно это кенотаф.

Погребение №6 — впускное, эпохи бронзы. Катакомбная культура (рис. 5,4,6). Обнаружено в юго-западном секторе кургана, в 9,5 м от его центра, на глубине 1,6 м от «0». Овальная в плане погребальная камера катакомбы продольной осью ориентирована по линии В-З. Длина 2,1 м, ширина 1,44 м, глубина в материке 0,62 м. Отметка дна могилы — 2,2 м от «0». С южной стороны основание входного колодца. Большая его часть приходилась на распаханную насыпь кургана и поэтому не прослеживалась. Входное отверстие в погребальную камеру, шириной 0,75 м, было закрыто двумя плитами песчаника, упавшими в катакомбу и лежавшими в горизонтальном положении.

В могиле скелет взрослого человека, погребенного на спине в вытянутом положении, головой на В. Руки вытянуты вдоль туловища. Череп лицевой частью обращен вверх.

Слева у костей таза и кисти левой руки стоял раздавленный темный глиняный лепной плоскодонный горшок со светло-серой внутренней и светло-коричневой наружной поверхностью. По пле-

чам штампом нанесен «елочный» орнамент. Высота сосуда 10,4 см, диаметр венчика 13,8 см, тулова — 17,6 см, дна — 9 см.

Погребение №7 — впускное, эпохи бронзы. Катакомбная культура (рис. 6,1,4,5). Находилось в 12 м к югу юго-западу от центра кургана и в 1,3 м к западу от погребения №6, на глубине — 1,9 м от «0». Входной колодец и верхняя часть погребальной камеры приходились на насыпь кургана и не прослеживались в ней. Погребальная камера округлая, ее длина по дну 1,6 м, ширина 1,4 м, прослеженная глубина в суглинке 0,3 м. Длинной осью ориентирована по линии С-Ю. Входной колодец, круглый в плане (1,0 х 0,95 м), примыкал с восточной стороны. В могиле, у южной стенки, находилось беспорядочное скопление костей взрослого человека. Большая часть скелета отсутствовала.

В северо-восточном углу катакомбы на куске желтой глины лежали фрагменты лепного плоскодонного сосуда. С внутренней и наружной сторон его поверхности сохранились следы коричневой обмазки и черные пятна. Размеры сосуда: высота 10 см, диаметр венчика 12 см, тулова — 14,4 см, дна — 6,8 см. На внешней стороне дна процарапан знак в виде креста с загнутым вправо и вверх нижним концом. Высота знака 1,8 см. Второй раздавленный лепной плоскодонный сосуд, темноглиняный в изломе, лежал на комке застывшей желтой глины во входном отверстии. Внутри сосуд сероватый, с внешней стороны — желтовато-красноватый с черными пятнами. Размеры: высота 6,3 см, диаметр венчика 7 см, тулова — 9,5 см, дна 5,5 см. На дне сосуда, с внешней стороны, процарапан знак, аналогичный знаку на первом сосуде, но меньшего размера — 1,1 см.

Погребение №8 — впускное, неопределяемое (рис. 2,8). Выявилось на глубине 1,9 м от «0» в слое материкового гравия и в 13,7 м к юго-западу от центра кургана. Погребальная яма почти круглая в плане (1,0 х 1,3 м), была заглублена в материк на 0,4 м (–2,16 м от «0»). Ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Останки погребенного и инвентарь отсутствовали. Назначение ямы остается неясным: возможно это и не погребение.

Погребение №9 — впускное, катакомбной культуры (рис. 6,2,6–12). Находилось в 11,5 м к юго-западу от центра кургана и в 3 м к западу от погребения №6. Погребальная яма катакомбы выявилась на уровне материкового суглинка, на глубине 1,85 — 1,9 м от «0». В плане она бобовидной формы, длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮВ. Размеры могилы по дну: длина 1,76 м, ширина 1,3 м, глубина в суглинке 0,65 м, глубина от «0» — 2,46 м. Стенки в верхней части сильно осыпались, в нижней — с неглубоким подбоем. Дно горизонтальное. Входной колодец находился с юго-

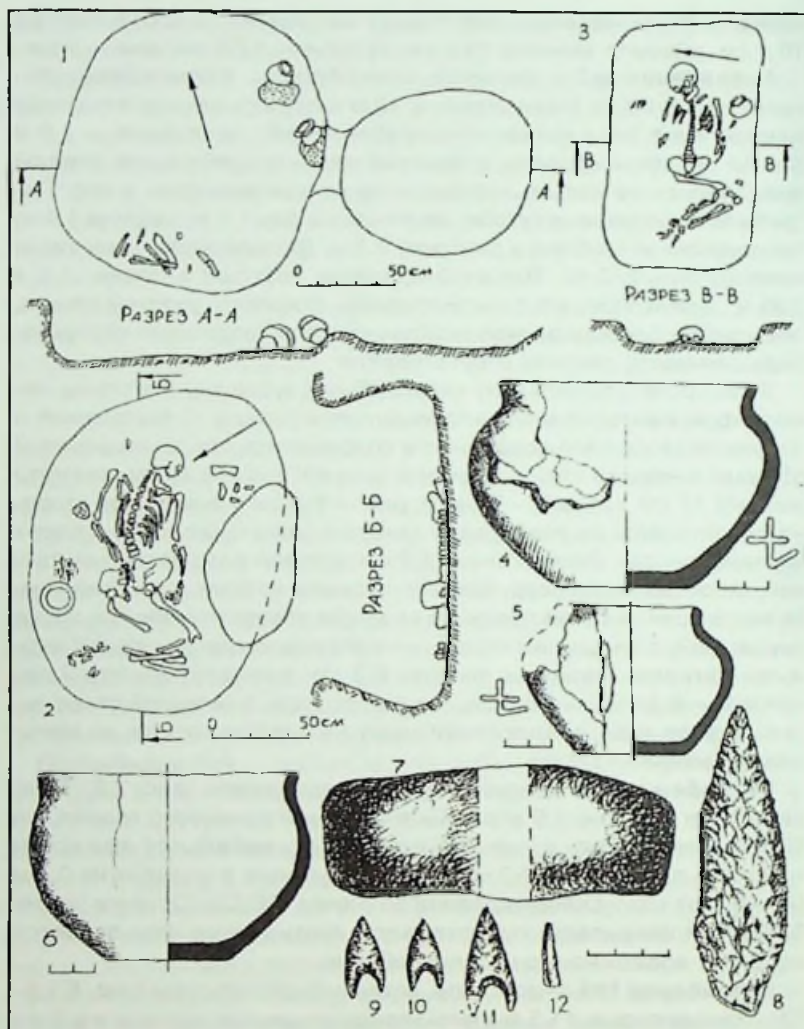

Рис. 6. Курган №1. Погребения и инвентарь.
 1 — погребение 7. 2 — погребение 9. 3 — погребение 10.
 4-5 — сосуды из погребения 7. 6 — сосуд. 7 — молоток — топорик.
 8 — наконечник копья. 9-11 — наконечники стрел.
 12 — шильца бронзового фрагмента из погребения 9.

западной стороны в насыпи кургана, проследить его не удалось. Входное отверстие в погребальную камеру закрывалось песчани-

ковой плитой толщиной 0,14 м, длиной 0,94 м, шириной 0,46 м. Щели были замазаны глиной. На дне могилы лежал костяк взрослого человека погребенного на спине, очевидно с незначительным наклоном на левый бок, головой на Ю-В, с поджатыми в коленях ногами. Голова была повернута влево, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть на тазе. Ноги сильно согнуты в тазобедренных и коленных суставах и повернуты коленями влево. Под верхней частью туловища и вне его, справа у таза и под сосудом у северной стенки — охра. У правого локтя — комок желтой глины.

Около черепа с левой стороны находились каменный полированный топорик-молоток длиной 12 см, кремневый наконечник копья листовидной формы, длина 11,5 см, три кремневых наконечника стрел. Справа за головой — обломок бронзового шильца, подквадратного в сечении, длиной 2,3 см. Между стенкой могилы и правым бедром погребенного стоял полуразрушенный лепной плоскодонный сосуд с красноватыми, коричневатыми и черными пятнами. Размеры: высота 8,4 см, диаметр венчика 11,5 см, тулова — 12,8 см, дна — 6 см.

Погребение №10 — впускное, энеолитическое (рис. 6,3; рис. 7,4). Находилось на расстоянии 4,4 м к северу от центра кургана. Темное могильное пятно выявилось на уровне материкового гравия, на глубине 2 м от «0». Верхняя часть могилы в насыпи кургана не прослеживалась. Не установлен и характер перекрытия. Могильная яма в плане подпрямоугольная с закругленными углами, длинной осью ориентирована с В на З. Размеры по дну: длина 1,36 м, ширина 0,8 м, прослеженная глубина в материке до 0,15 м (–2,1 м от «0»). Дно горизонтальное.

На дне могилы скелет взрослого человека, погребенного на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой на восток. Череп наклонен вправо, руки вытянуты вдоль туловища. Кости окрашены в красный цвет. Длина костяка 1,42 м.

Около левого плеча лежал раздавленный лепной темноглиняный в изломе сосуд с яйцевидным дном. Поверхность светло-коричневая с темными пятнами. Размеры: высота 12,8 см, диаметр венчика 10,3 см, тулова — 14 см. У южной стенки, близ колен найдены обломки костяной поделки (рассыпалась), а в насыпи фрагмент бронзового тонкостенного предмета, возможно, пронизи (рассыпалась). У северной стенки на уровне головы лежал кусочек красной охры.

Судя по четко прослеженным в центральной бровке линзам выбросов материкового гравия из могилы погребения №10, последнее было совершено с уровня древней погребенной поверхности, у основания первичной курганной насыпи.

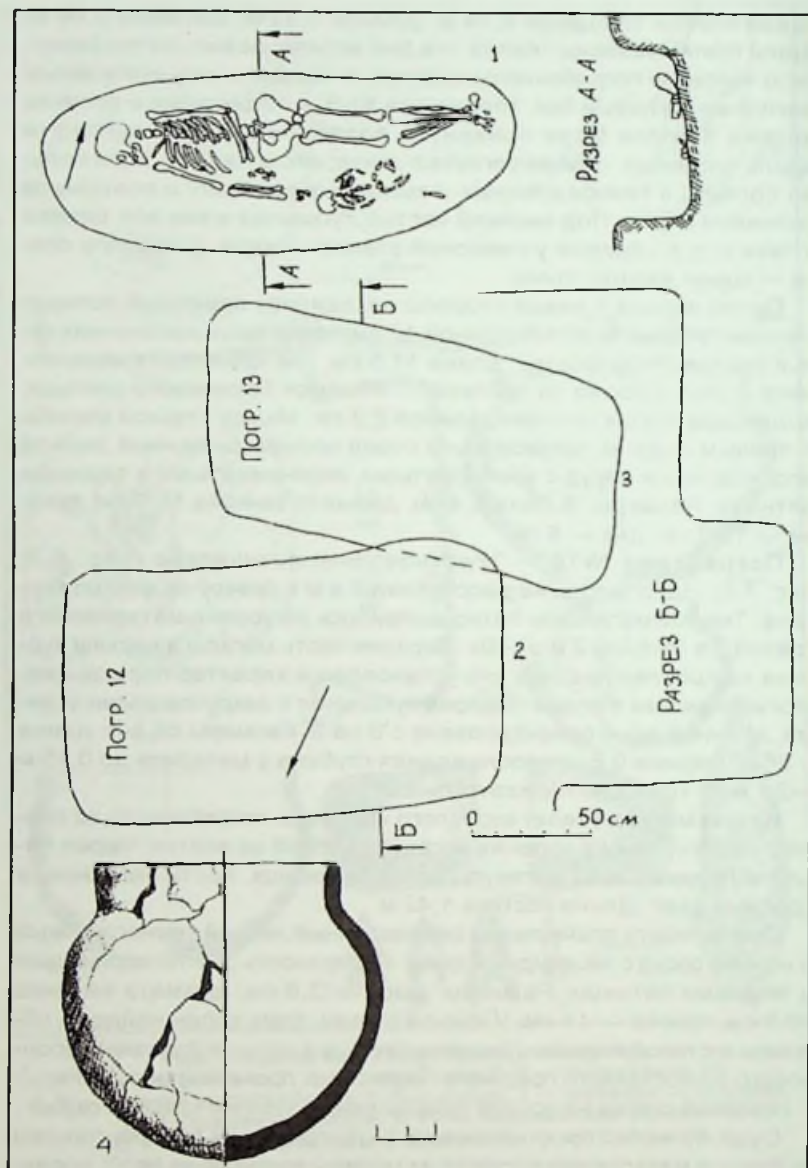

Рис. 7. Кургan №1. 4 — сосуд из погребения 10.
Кургan №2. 1-3 — погребения 11,12,13.

Погребение №11 — впускное, неопределяемое (рис. 7.1). В насыпи кургана, на расстоянии 1,5 м к северу от его центра, на глубине 1,05 м от «0». Форма могилы в насыпи кургана не прослеживалась. Судя по придонной части, она имела подпрямоугольную форму: длина 2 м, ширина 0,8 м. Длинной осью ориентирована по линии запад — юго-запад — восток — северо-восток. Захоронение взрослого человека, очевидно, женщины, было совершено на правом боку, головой на 3—Ю-3. Правая вытянутая рука была отброшена вправо, левая согнута в локте, ее кисть в области таза. Правая нога слегка согнута, ее нижняя часть отведена назад, левая лежала прямо. Рядом с костяком взрослого, справа на уровне бедер — костяк младенца, погребенного на спине, головой на Ю-3. Руки и ноги согнуты — локтями и коленями наружу.

В южной части могилы, на уровне голеней, лежал обломок кости животного (?). Инвентарь отсутствовал.

Погребение №12 — основное, энеолитическое (рис. 7.2). Выявлено у вершины кургана, в 1 м к югу от его центра, на глубине 1,25 м от «0», т. е. в слое древней погребенной почвы. Место положение этой могилы соответствует геометрическому центру кромлеха — древнейшего сооружения данного археологического объекта. В плане это подпрямоугольная грунтовая могила, вытянутая в направлении СВ-ЮЗ. Стенки могилы ровные, с легким внутренним наклоном, дно горизонтальное. Длина могилы по верху 1,8 м, по дну 1,85 м, ширина по концам: по верху 1,1 м, по дну 1,2 м, в центральной части — 1,25 м. Глубина от уровня древней погребенной поверхности 1,15 — 1,2 м. Отметка дна могилы — 2,25 м от «0».

Заполнение могилы — темный, довольно рыхлый перерытый грунт. Могила явно ограблена, костяка и инвентаря не содержала. В насыпи могилы, в ее верхней части попадались отдельные большие обломки человеческих костей и найден один фрагмент венчика тонкостенного лепного сосуда энеолитического (кемио-бинского) облика.

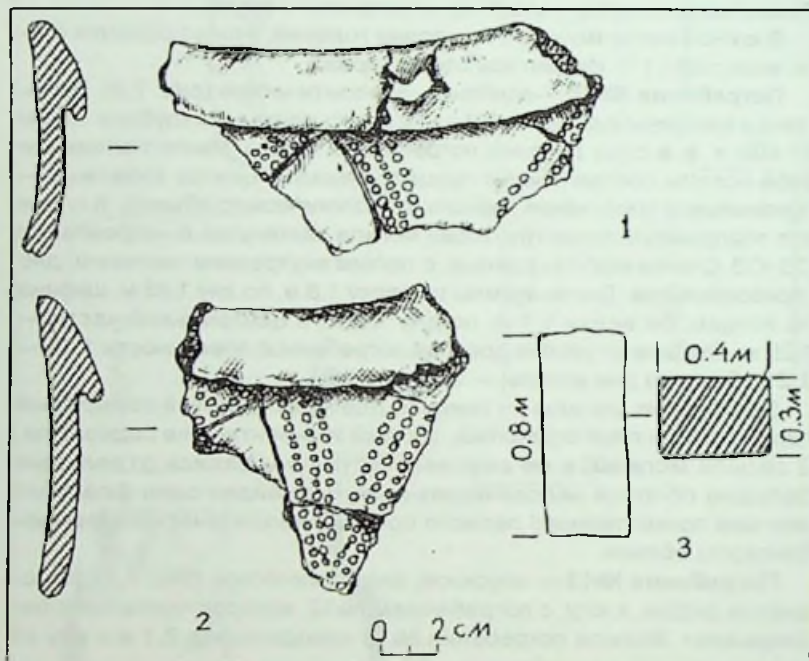
Погребение №13 — впускное, энеолитическое (рис. 7.3). Находилось рядом, к югу, с погребением №12, которое частично и перекрывает. Могила погребения №13 находилась в 2,1 м к югу от центра кургана, на глубине — 1,85 м от «0», на уровне древней погребенной почвы. В плане прямоугольная, длинной осью ориентирована на ЮЗ-СВ. Дно горизонтальное, стенки с незначительным внутренним наклоном. Размеры: по верху длина 1,8 м, ширина 1 м, по дну — 1,85 м x 1,1 м.

Заполнение — темный, довольно рыхлый, перемешанный грунт. Костяк, инвентарь и прочее отсутствовали. На лицо все признаки ограбления.

Кроме перечисленных погребений, следует отметить следующие моменты.

1. При зачистке плит кромлеха, в его северо-западной части, на уровне древней погребенной поверхности (0,8–0,9 м от «0») было отмечено небольшое скопление мелких камней. Это или разрушенное распахкой впускное захоронение, или, скорее, следы жертвоприношения.

2. В западной части кромлеха около внутренней стороны одной из составляющих его плит, среди небольшого скопления мелких рваных камней, встречены многочисленные древесные угольки и фрагменты венчика крупного лепного сосуда эпохи ранней бронзы (рис. 8, 1, 2). Вероятнее всего — это следы тризны.

8. Курган №1. 1, 2 — фрагменты лепного сосуда.
3 — фрагмент менира (?) или амфорной антропоморфной стелы (?).

3. В 14,5 м к югу от центра кургана, на глубине 1,4 м от «0» в слое гравия было выявлено основание крупного (высотой 0,8 м, шириной 0,3 м и толщиной 0,4 м), поставленного на ребро камня (плиты). Верхняя его часть была уничтожена распахкой. У осно-

вания этой плиты лежало несколько мелких камней — «фиксаторов». Не исключено, что это основание небольшого обломанного менгира или аморфной антропоморфной стелы (рис. 8,3).

Курган №2. Находился в 300 м к юго-востоку (110°) от кургана №1, полностью распахан. На современной поверхности едва выделялся. Примерный диаметр 24 м, высота не более 0,4 м (рис. 9). Контрольная бровка шириной 1 м проходила в направлении с С на Ю. За «0» точку была принята наивысшая точка кургана, совпадающая с его геометрическим центром. В кургане

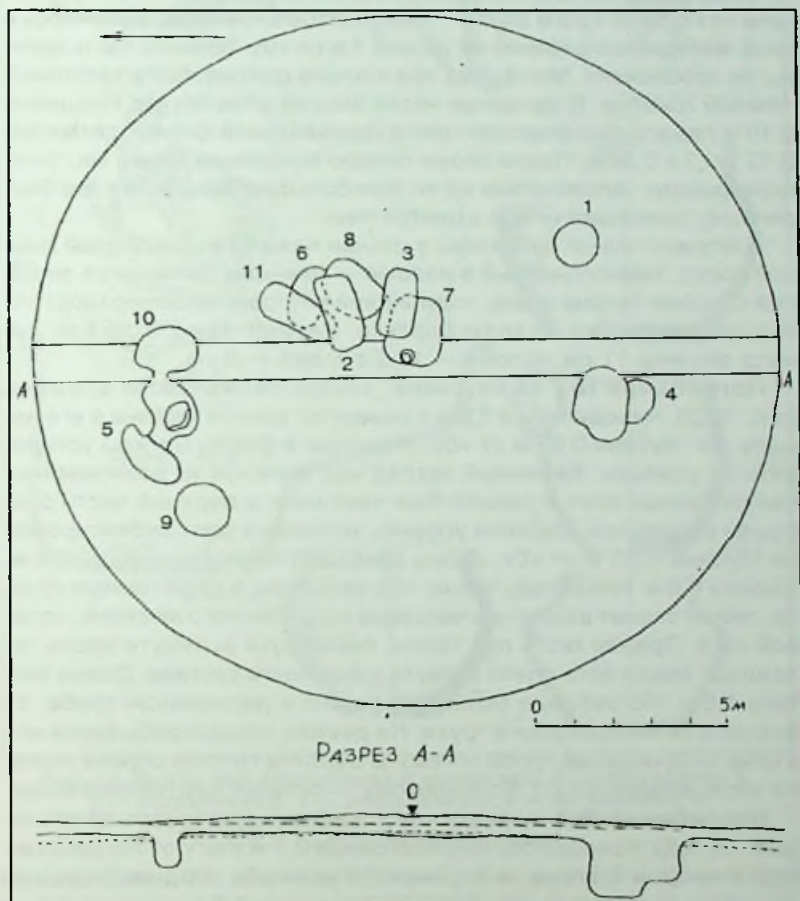

Рис. 9. Курган №2. План и стратиграфия.

не №2 исследованы 11 древних погребений. В их числе: одно захоронение (№8) энеолитическое, кеми-обинское; шесть — эпохи ранней бронзы (№№1, 4, 5, 7, 9, 10), катакомбной культуры; одно (№6) — раннего железного века, кизил-кобинской культуры; два (№2, 3) — скифо-сарматского времени и одно (№11) — кочевническое средневековое.

Основное погребение (№8) — кеми-обинское, остальные впускные

Погребение №1 — впускное, эпохи ранней бронзы (катакомбная культура); (рис. 10, 1, 5). Выявлено в 5,5 м к юго-востоку от центра кургана на глубине 1,22 м от «0». Темное могильное пятно выявилось в слое материкового гравия на уровне 1 м от «0». Верхняя часть могилы не прослежена. Могильная яма в плане круглая, была заполнена темным грунтом. В западной части ямы на слое грунта толщиной 0,15 м лежала песчаниковая плита неправильной формы, размером 0,12 x 0,3 x 0,36 м. Плита своим северо-восточным краем частично перекрывала человеческие кости (две большие берцовые и две бедренные), лежавшие кучкой в центре ямы.

В юго-восточной части ямы у стенки лежал раздавленный лепной сосуд, темноглиняный в изломе, с темными пятнами на внешней стороне тулова и дна, коричневой внутренней поверхностью, косыми насечками по краю бортика. Размер: высота 10,5 м, диаметр венчика 11 см, тулова — 13,5 см, дна — 8 см.

Погребение №2 — впускное, скифо-сарматского времени (рис. 10, 2). Находилось в 1,8 м к северу от центра кургана в его насыпи, на глубине 0,95 м от «0». Размеры и форму могилы установить не удалось. Каменный заклад над могилой из разномерных песчаниковых плит и камней был частично, в верхней части разрушен распахой. Верхний уровень залегания плит зафиксирован на глубине 0,58 м от «0», длина заклада (сохранившегося) 1,4 м, ширина 0,8 м. Непосредственно под закладом, в слое темного грунта, лежал скелет взрослого человека погребенного на спине, головой на В. Правая кисть под тазом, левая рука вытянута вдоль туловища, левая нога слабо согнута в коленном суставе. Длина костяка 1,8 м. Погребение было совершено в деревянном гробе, от которого остались куски и труха. На дереве следы пребывания его в огне — (очищение гроба огнем). В области головы справа лежала кость животного (?), по-видимому — остатки жертвенной пищи.

Погребение №3 — впускное, скифо-сарматского времени (рис. 10, 3, 6). Находилось на расстоянии 0,7 м к югу от погребения №2, в насыпи кургана на глубине 0,8 м от «0». Под закладом из песчаниковых плит (размеры заклада: длина 1,3 м, ширина 0,6 м) выявлена под прямоугольная в плане могила, впущенная в насыпь

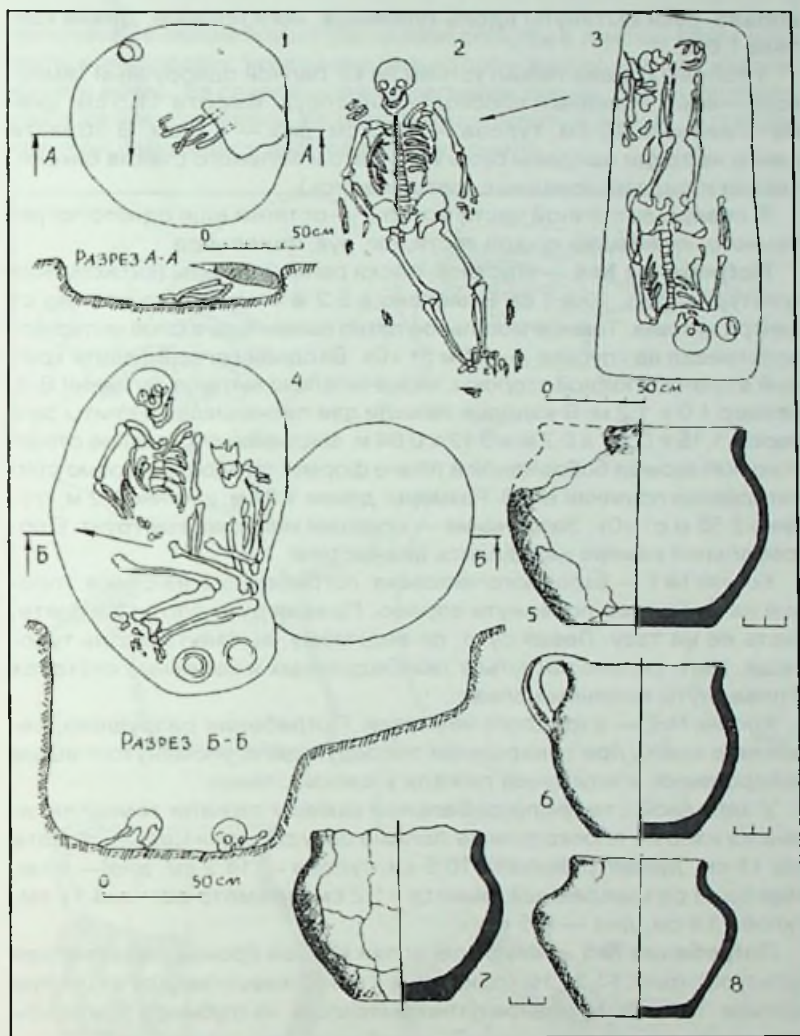

Рис. 10. Курган №2. Погребения и инвентарь. 1 — погребение 1.
2 — погребение 2. 3 — погребение 3. 4 — погребение 4.
5 — сосуд из погребения 1. 6 — сосуд из погребения 3.
7-8 — сосуды из погребения 4.

кургана. Длина 2 м, ширина у головы 0,86 м, у ног 0,6 м, ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ-ВЮВ. На дне ямы погребение взрослого человека на спине, головой на З. Голова повернута

вправо, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Длина костяка 1,6 м.

У головы справа лежал устьем на юг лепной одноручный темно-коричневый глиняный плоскодонный сосуд. Высота 11,5 см, диаметр венчика 10 см, тулова — 12,5 см, дна — 7,5 см. В области шеи и на груди найдены бусы из синего и зеленого стекла биконические и пирамидовидные (рассыпались).

В северо-восточной части могилы — останки еще одного погребенного: лежавшие кучкой кости ног, рук, череп и др.

Погребение №4 — впускное, эпохи ранней бронзы (катакомбная культура), (рис. 10,4,7,8). Выявлено в 5,2 м к югу — юго-востоку от центра кургана. Темное могильное пятно выявилось в слое материкового гравия на глубине — 1,4 м от «0». Входной колодец почти круглый в плане, с южной стороны, незначительно вытянут по линии В-З, размер 1,0 x 1,2 м. В колодце лежали две песчаниковые плиты размером: 1,15 x 0,57 x 0,7 м и 0,12 x 0,64 м, закрывавшие входное отверстие. Катакомба бобовидной в плане формы, продольной осью ориентирована по линии В — З. Размеры: длина 1,84 м, ширина 1,2 м, глубина 2,56 м от «0». Заполнение — осевший материковый грунт. В погребальной камере находились два костяка.

Костяк №1 — взрослого человека, погребенного на спине, головой на В. Голова повернута вправо. Правая рука согнута в локте, кисть ее на тазу. Левая рука, по-видимому, вытянута вдоль туловища. Ноги сильно согнуты в тазобедренных и коленных суставах и повернуты коленями влево.

Костяк №2 — взрослого человека. Погребение разрушено, вероятнее всего, при совершении последующего, упомянутого выше захоронения; кости кучей лежали у южной стенки.

У западной стенки погребальной камеры лежали темноглиняные на изломе плоскодонные лепные сосуды: один целый, высота его 11 см, диаметр венчика 10,5 см, тулова — 14,2 см, дна — 8 см, еще один раздавленный, высота 11,2 см, диаметр венчика 11 см, тулова 14 см, дна — 6,5 см.

Погребение №5 — впускное, эпохи ранней бронзы (катакомбная культура), (рис. 11,1). Находилось в 7,4 м к северо-западу от центра кургана. Темное могильное пятно выявилось на глубине 0,9 м от «0» в слое материкового гравия. Входной колодец с юго-восточной стороны, его форму проследить не удалось. Входное отверстие закрывалось песчаниковой плитой размером 0,1 x 0,42 x 0,43 м, лежавшей плашмя во входном колодце. Погребальная камера в плане округло-удлиненная, длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Глубина 2,15 м от «0», длина 2,16 м, ширина 0,92 м.

На дне погребальной камеры обнаружено погребение взрослого

человека на левом боку. Руки сильно согнуты в локтях, кости прижаты к подбородку, ноги сильно согнуты и поджаты к животу, колени влево. За спиной — два фрагмента стенки темноглиняного лепного сосуда. Здесь же лежал комок желтой глины. У головы спереди находились два кремневых отщепца.

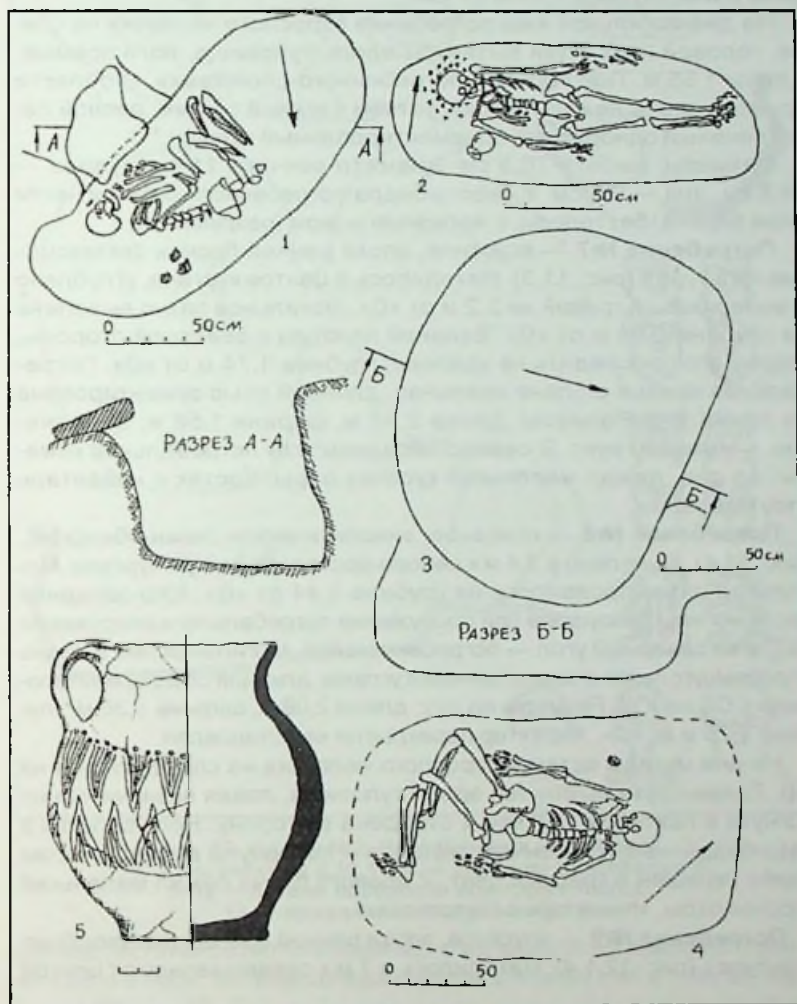

Рис. 11. Курган №2. Погребения и инвентарь.
1-4 — погребения 5, 6, 7, 8. 5 — сосуд из погребения 6.

Погребение №6 — впускное, раннего железного века (кизил-кобинская культура), (рис. 11,2,5). Выявлено в 3,1 м к северо-востоку от центра кургана, в слое материкового гравия на глубине 1,44 м от «0». Могила удлиненная, с сильно закругленными углами, ориентирована длинными сторонами по линии В-3. Длина 1,94 м, ширина 0,8 м, глубина 1,75 м от «0».

На дне могильной ямы погребение взрослого человека на спине, головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Длины 1,55 м. Под головой погребенного слой камки. В области правого плеча лежал на боку, устьем к южной стенке, лепной сероглиняный одноручный орнаментированный кувшин.*

Размеры: высота 18,5 см, диаметр венчика 11 см, тулова — 16,6 см, дна — 9,5 см. У левого бедра погребенного останки части туши барана, без головы, с железным ножом (разрушился).

Погребение №7 — впускное, эпохи ранней бронзы (катакомбная культура), (рис. 11,3). Находилось в центре кургана, углублено в материковый гравий на 2,2 м от «0». Могильное пятно выявлено на глубине 0,94 м от «0». Входной колодец с северной стороны, форму его проследить не удалось, глубина 1,74 м от «0». Погребальная камера в плане овальная, длинной осью ориентирована по линии В-3. Размеры: длина 2,16 м, ширина 1,58 м. Заполнение — темный грунт. В северо-западном углу погребальной камеры, на дне, лежал маленький кусочек охры. Костяк и инвентарь отсутствовали.

Погребение №8 — основное, энеолитическое (кеми-обинское), (рис. 11,4). Выявлено в 2,4 м к северо-востоку от центра кургана. Могильное пятно проявилось на глубине 1,44 от «0». Юго-западная часть могилы разрушена при сооружении погребального сооружения №7, а ее северный угол — погребением №6. Могильная яма в плане подпрямоугольная с закругленными углами, длинной осью ориентирована с СВ на ЮЗ. Размеры по дну: длина 2,08 м, ширина 1,36 м, глубина 1,75 м от «0». Характер перекрытия не установлен.

На дне могилы останки взрослого человека на спине, голова на СВ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая незначительно согнута в локтевом суставе и отведена в сторону. Ноги согнуты в тазо-бедренных и коленных суставах и повернуты вправо. Костяк слабо окрашен в красный цвет. У правого плеча лежал маленький кусочек охры. Инвентарь отсутствовал.

Погребение №9 — впускное, эпохи ранней бронзы (катакомбная культура), (рис. 12,1,4). Находилось в 7 м к северо-западу от центра

* Орнамент в виде треугольников, расположенных в два ряда, выполнен, по мнению С. Н. Сенеторова двузубой гребенкой.

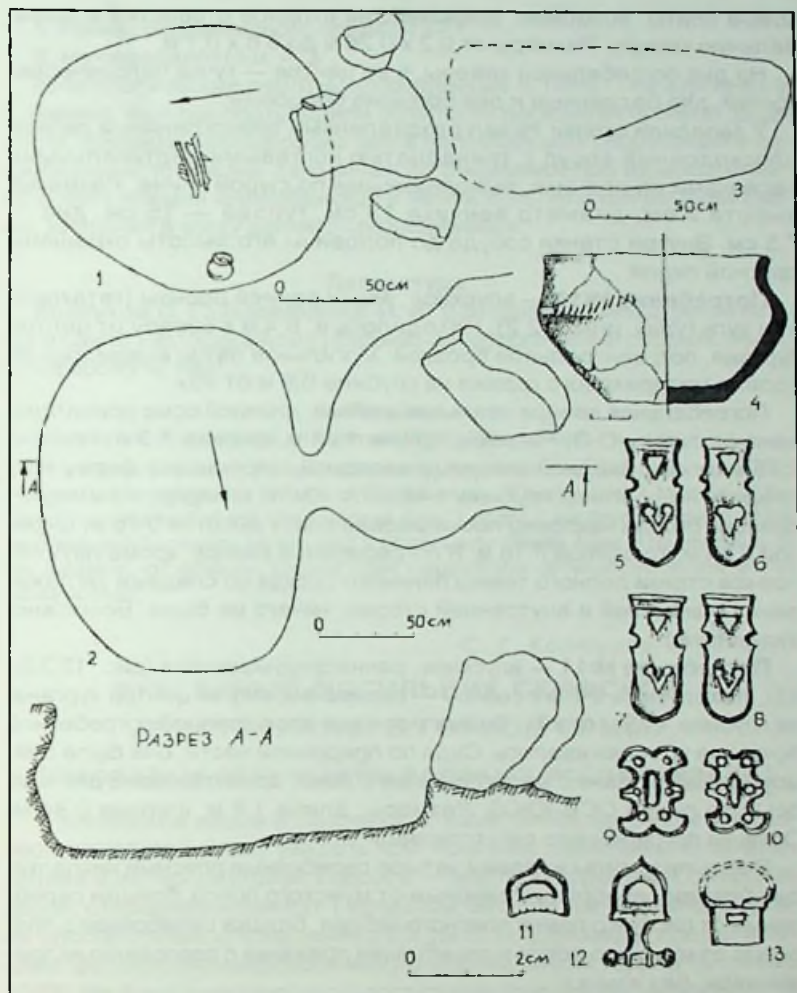

Рис. 12. Курган №2. Погребения и инвентарь.
 1-3 — погребения 9,10,11. 4 — сосуд из погребения 9.
 5-12 — детали наборного воинского пояса.
 13 — пряжка из погребения 11.

кургана. Могильное пятно выявилось в материковом гравии на глубине 1,05 м от «0». Могильная яма круглая в плане (1,48 x 1,55 м), глубина 1,82 м от «0». Входной колодец проследить не удалось, скорее всего, он находился с южной стороны, где обнаружены три песчани-

ковые плиты, возможно, закрывавшие входное отверстие в погребальную камеру. Размеры от 0,2 x 0,26 м до 0,6 x 0,7 м.

На дне погребальной камеры, в ее центре — кучка человеческих костей — две бедренные и две большие берцовые.

У западной стенки лежал раздавленный темноглиняный лепной плоскостонный сосуд с тринадцатью ногтевыми вертикальными насечками на плечике, выполненными по сырой глине. Размеры: высота 9 см, диаметр венчика 13 см, тулова — 15 см, дна — 7,5 см. Внутри стенки сосуда до половины его высоты окрашены красной охрой.

Погребение №10 — впускное, эпохи ранней бронзы (катакомбная культура), (рис. 12,2). Находилось в 6,4 м к северу от центра кургана, под центральной бровкой. Могильное пятно выявилось на уровне материкового гравия на глубине 0,9 м от «0».

Погребальная камера овальная в плане, длинной осью ориентирована по линии Ю-С. Размеры: длина 1,94 м, ширина 1,3 м, глубина 1,75 м от «0». Входной колодец с западной стороны, его форму проследить не удалось, глубина 1,46 м от «0». В колодце, к западу от камеры, стояла наклонно песчаниковая плита высотой 0,76 м, шириной 0,54 м, толщиной 0,16 м. В погребальной камере, кроме двух обломков стенки лепного темноглиняного сосуда со следами заглаживания с внешней и внутренней сторон, ничего не было. Возможно, это кенотаф.

Погребение №11 — впускное, раннесредневековое (рис. 12,3,5–13). Находилось в 2 м к северу — северо-востоку от центра кургана, на глубине 1,05 м от «0». Форма могилы в слое древней погребенной почвы не прослеживалось. Судя по придонной части, она была прямоугольная в плане с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ. Размеры: длина 1,8 м, ширина 0,84 м. Останки погребенного отсутствовали.

В засыпи могилы найдены четыре серебряные поясные накладки, две бляшки серебряные ажурные от мужского пояса, бляшки серебряные от висячего ремня поясного набора, бляшка серебряная с прорезью от мужского пояса и серебряная пряжка с разорванным приемником, без язычка.

Итак, в двух раскопанных в 1986 г. у с. Вилино курганах, исследовано в общей сложности 24 древних погребений. Наиболее ранние из них датируются III тыс. до н. э., а наиболее поздние — VI–VII вв. По эпохам и культурам они распределяются следующим образом:

1. Эпохи энеолита (кеми-обинская и ямная культура) — 7.
2. Эпохи ранней бронзы (катакомбная культура) — 9.
3. Эпохи поздней бронзы — 1.
4. Скифо-сарматского времени — 2.

5. Раннесредневекового времени — 1.

6. Не определяемых — 3.

Археологические работы, проведенные в 1986 г. на курганах у с. Вилино, еще раз подтвердили обжитость региона в глубокой древности, показали разнообразие типов погребальных сооружений и погребальных традиций, связанных со сменяемостью их носителей, начиная с племен кеми-обинской и ямной культур и кончая племенами, жившими в эпоху раннего средневековья.

Литература

Колтухов С. Г., Вдовиченко И. И. Два кургана в междуречье Альмы и Качи // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997.

Resume

Loboda I.I. Excavations on Barrows Near Vilino Village.

The article publishes materials from the excavations of barrows near Vilino village in administrative village of Bakchisaray. There were 7 burials of the Eneolithic epoch, 9 of the Early Bronze Age, 1 of the Late Bronze Age, 2 of the Scythian and Sarmatian period, and 1 of the Early Middle Ages. The changing of the bearers of different funeral rites caused the differences in the burial constructions.

С. Г. Колтухов, В. Л. Мыц

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК СКИФСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В ГОРНОМ КРЫМУ

(Некоторые результаты полевых исследований)

В последнее время в скифологии наметилось направление, позволяющее по-новому увидеть круг проблем, связанных с локализацией и интерпретацией Герроса — места захоронения скифских царей, охарактеризованного Геродотом. Этому в значительной степени способствовало появление работы В. П. Белозера, предложившего фольклорно-мифологическую модель земли герров (Белозер 1987). На фоне такой гипотезы достаточно привлекательно выглядит предположение о множественности Герросов — курганных могильников военно-аристократической прослойки варварского населения Северного Причерноморья скифского времени. В настоящее время хорошо известен Нижнеднепровский Геррос IV в. до н. э. (Мозолевский 1990), не имеющий, на первый взгляд, строгих пространственных границ. Однако, исходя из представления о множественности военно-аристократических кладбищ, к Герросам иного типа, обладающим пространственно-планировочной определенностью, в

архаическое время можно отнести Келермесский курганный могильник в Прикубанье (Галанина 1997), достаточно ярко выражена аристократическая часть у таких курганных некрополей Посулья, как Стайкин Верх и Великие Будки (Ильинская 1968, рис. 5–7). Классическим и позднескифским временем датируются элитные Семибратные курганы (Коровина 1957, Ильинская, Тереножкин 1983, с. 214–215), возникшие в Прикубанье, Предкавказье, там, где процессы социальной дифференциации зашли намного дальше, чем в Степной Скифии, и Елизаветинские (Ростовцев 1925, с. 320) курганы Прикубанья. Не исключено, что в собственно Степной Скифии, если верна почти интуитивная хронологическая интерпретация, предложенная Б. Н. Мозолевским, Герросом, или одним из Герросов V в. до н. э., окажется курганный могильник на р. Висунь, в междуречье Ингула и Ингульца (Мозолевский 1990).

В середине нынешнего столетия памятник такого типа, датруемый IV в. до н. э., был обнаружен в Предгорном Крыму близ Белогорска. В конце 1940-х гг. Белогорский отряд Тавро — Скифской экспедиции произвел археолого-топографическое обследование этого некрополя, однако, результаты работ не были опубликованы и многие годы хранились в личном архиве П. Н. Шульца. Введение объекта в широкое научное обращение является одной из заслуг Б. Н. Мозолевского, охарактеризовавшего некрополь в двух работах конца 1980-х гг. как курганный некрополь скифской верхушки крымской группы гипотетического Крымско-Приазовского царства (Мозолевский 1988, 1990). Впервые раскопки на территории этого курганного могильника были начаты экспедицией Крымского филиала Института археологии Национальной Академии Наук Украины в 1996 г. (Колтухов, Мыц, Колотухин 1997).

Десять крупных курганов высотой 6–10 м и диаметром 70–50 м расположены на покрытых степной растительностью вершинах куэст Ак-Кая и Беш-Оба (рис. 1). Второй гряды крымских гор, обращенных пологим склоном на север, в степь. Возвышенности занимают узкое междуречье, ограниченное с запада и востока долинами рек Бююк — Карасу и Кучук — Карасу. По существу, могильник размещен в восточной части Предгорного Крыма и географически тяготеет к Европейскому Боспору. Очевидно, вопрос о том, какие политические и экономические процессы обусловили его локализацию станет одним из основных в дальнейших исследованиях.

Собственно Аккайская группа состоит из двух курганов высотой 10 и 7 м, расположенных по оси север — восток — юго-запад, на расстоянии 430 м друг от друга и 8 курганов высотой от 3 м до 0,5 м (рис. 1). Необходимо отметить, что насыпь семиметрового кургана сильно разрушена находящейся сверху огромной воронкой, ее первоначаль-

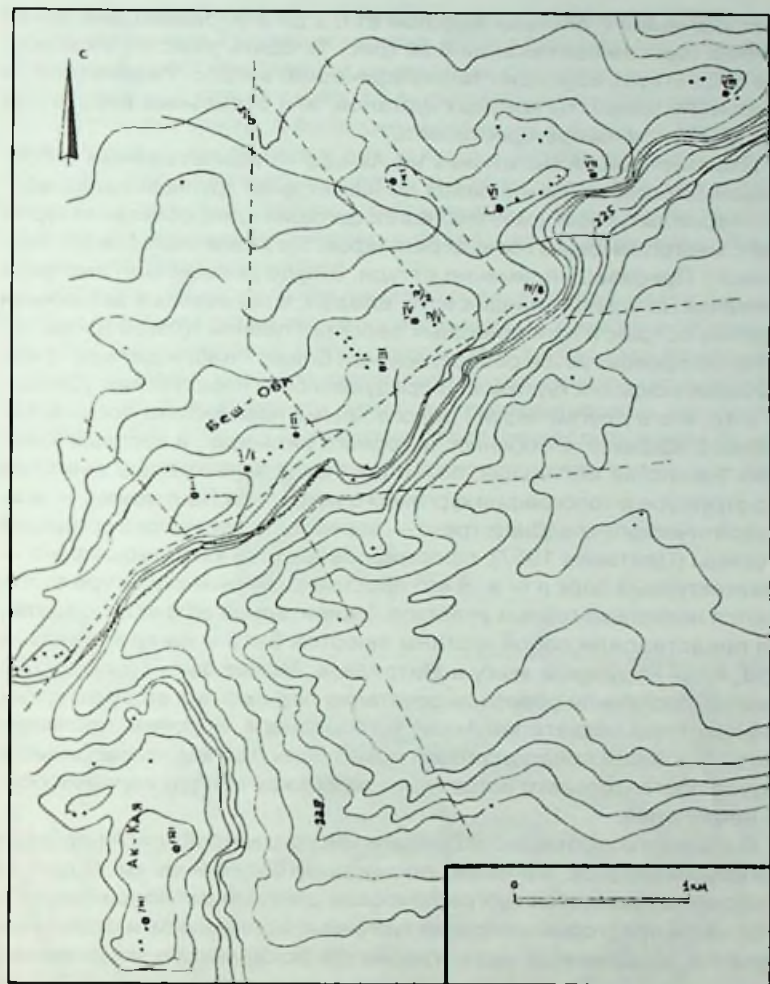

Рис. 1. План курганного некрополя Ак-Кая.
I—X — номера курганов высотой 6–10 м.

ная высота составляла не менее 10–11 м. В полукилометре, на северном склоне куэсты, расположены 7 небольших курганов, высотой до 1 м. В 500 м к северу за низким перевалом, начинается вытянутая с северо — востока на юго — запад пологая вершина г. Беш — Оба с расположенными цепью шестью курганами высотой от 10 до 7 м, двумя курганами высотой 6 м, а также пятидесятипятью, в основном

распаханными курганами высотой от 0,2 до 3 м, размещенными по гребню горы на протяжении 6 км (рис. 1). Здесь уместно заметить, что существует еще один топографический вопрос. Развивался ли некрополь только от крупных курганов, или отдельные небольшие курганы могли им предшествовать?

Итак курганный могильник на Ак-Кае — единственный в Восточной Европе сохранившийся до наших дней крупный ландшафтно — архитектурный комплекс, воплощающий идею сочетания курганов с многоплановым горным рельефом. Из равнинных степей Восточного Присивашья, именно оттуда, откуда должен был смотреть кочевник на усыпальницы своих владык, открывается ритмичная картина острых и куполовидных вершин Главной горной гряды, на которую проецируется расположенная ближе к наблюдателю гряда больших скифских курганов. В продуманности перспективы убеждает и то, что в другой части Горного Крыма невозможно достичь подобного эффекта. Особенности горного рельефа, в который «вписан» Аккайский могильник, позволяют видеть некоторые аналогии его структуре в топографии курганного некрополя Пантикапея — аристократического кладбища греко — варварской верхушки боспорской столицы (Цветаева 1957), сформировавшегося как ландшафтно — архитектурный парк в IV в. В его пространственной структуре выделяется несколько горных участков. Удивительно эффектное зрелище представляли собой курганы высотой 5–10 м на хребте Юз — Оба, Ак — Бурунском мысу и Митридате. Может быть курганы Пантикапея послужили образцом сочетания ландшафта и архитектурных доминант для создателей Аккайского шедевра. Впрочем, достоверность подобного предположения может быть подтверждена только в случае обстоятельного историко — топографического изучения обоих некрополей.

В отличие от громадного Пантикапейского некрополя, Ак-Кайский могильник меньше, занимает площадь не более 9 кв. км. С другой стороны, он является географическим центром расположенного в этой части предгорья скопления курганных могильников и отдельных курганов, сооруженных над могилами скифской знати и захоронениями рядовых скифов. В районе Белогорска, в расположении больших скифских курганов, на наш взгляд, выражен трехчастный принцип. Местом, в котором сосредоточено наибольшее количество курганов высотой 6–10 м, является Аккайский некрополь в междуречье Биюк-Карасу и Кучук-Карасу. На этой же широте, к востоку от Ак-Каи, на кузсте, возвышающейся над правым берегом реки Кучук-Карасу, расположена цепочка скифских курганов высотой не менее 4–6 м. К западу от Ак — Каи, на возвышенностях, над левым берегом реки Биюк — Карасу, в настоящее время сохранилась не менее 4 анало-

гичных курганов, ближе к Белогорску на топографических картах зафиксированы еще 2 больших кургана. Если допустить, что в основу сакральной пространственной ориентации положено направление течения рек — с юга на север, то Аккайский некрополь можно рассматривать как центр, а большие курганы над Кучук — Карасу и Бюк-Карасу — как правое и левое крылья огромного «родового» кладбища, принадлежавшего скифскому объединению, господствовавшему в Степном и Предгорном Крыму в IV в. до н. э. Естественно, такая интерпретация и хронология является предварительной и в дальнейшем будет уточняться.

Охранные раскопки были начаты в центральной части Бешобинской курганный гряды после проведения Т. Н. Смекаловой магнитосъемки и составления магнитокарт. Этот метод был применен впервые и принес хорошие результаты, позволившие определить планировочные особенности курганов и скорректировать методику полевых работ (рис. 2). В качестве объектов исследования были

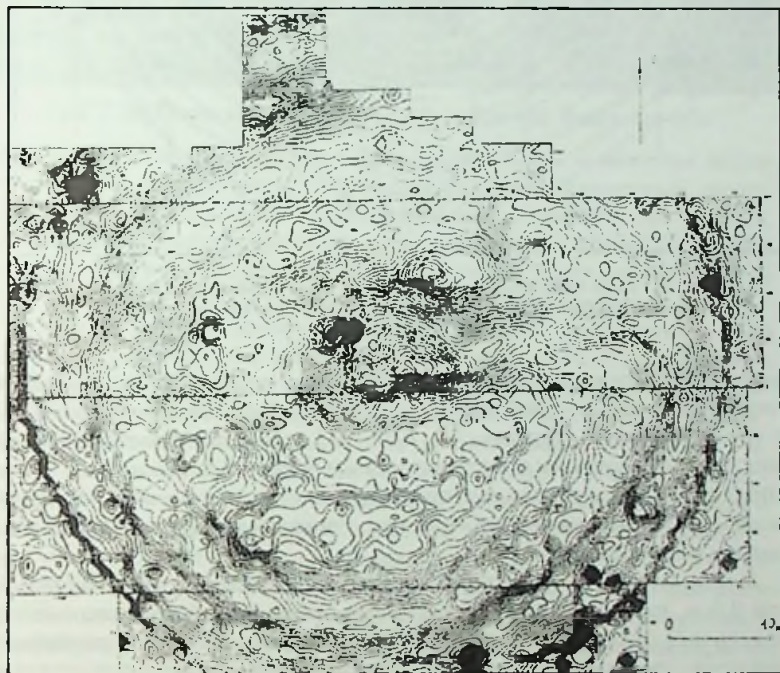

Рис. 2. Магнитокарта кургана Беш-Оба IV. Автор Т. Н. Смекалова. Изолинии показывают погребальные сооружения, вал из мергеля вокруг основного погребения и каменный кромлех.

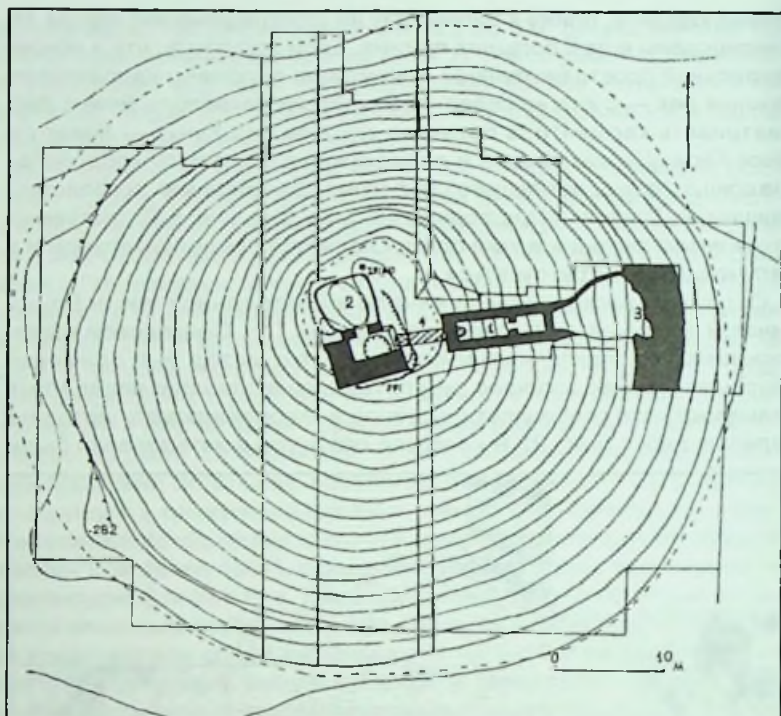

Рис. 3. План кургана IV. 1 — склеп; 2 — основная катакомба; 3 — кромлех; 4 — подземный ход (дромос катакомбы).

выбраны 5 курганов высотой от 0,5 до 10 м и одна курганообразная насыпь, на вершине которой находилось половецкое святилище. В трех случаях — курганы I/1, IV/1, IV/3, раскопки проведены «на снос» с последующим восстановлением насыпей, в остальных — исследованы лишь отдельные погребения, поврежденные или разрушенные современными грабителями. Раскопки же кургана IV все еще далеки от завершения.

Курган IV (рис. 3) — четвертый с юго-запада большой курган высотой 9,5 м, диаметром 72 м с плоской вершиной, образовавшейся в результате просадки грунта в основное погребение. Слой погребенной почвы лежит на многометровом горизонте мергеля. Ядро насыпи — из земляных вальков и кусков дерна. Верхняя часть из насыпного мелкоструктурного чернозема, содержит измельченные обломки амфор, в основном гераклеиских и фасосских. Магнитосъемка

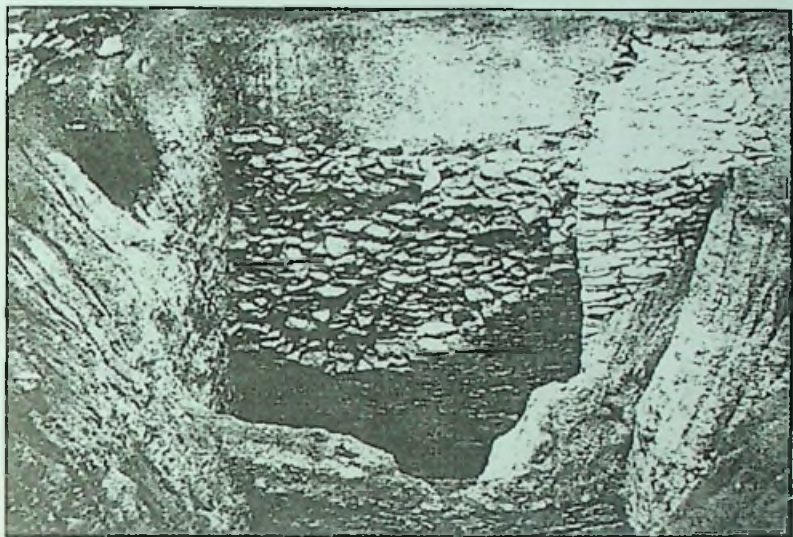

Рис. 4. Входная шахта катакомбы в кургане V. Вид с севера.

зафиксировала каменную крепиду шириной 5–3 м и высотой около метра, центральную катакомбу, каменный двухкамерный склеп, сооруженный в восточной части насыпи при строительстве кургана, валообразный выброс мергеля вокруг катакомбы, имеющий форму круга диаметром около 30 м, разомкнутого с восточной стороны (рис. 2; 3).

Основное погребальное сооружение (рис. 3) представляло собой катакомбу с поперечно-осевой планировкой, ориентированную с ЮЮВ на ССЗ, состоящую из трапециевидной входной шахты размером 7,5 x 5,5 м, глубиной 7,3 м, развернутой с ЮЗЗ на СВВ (рис. 4), трапециевидной погребальной камеры размером 5,7 x 5,2 x 4,7 м, высотой не менее 2,6 м (рис. 5), вырытой в СВВ стене шахты и короткой траншеи — дромоса, перекрытой бревенчатым накатником и каменными плитами, начинающейся под тыльной стеной каменного склепа, сооруженного в насыпи и заканчивающейся в верхней части северо-восточной стенки входной шахты катакомбы. Оригинальной особенностью катакомбы является сочетание подземных грунтовых сооружений с каменными конструкциями и бревенчатым перекрытием входной шахты. Западный и южный борта шахты усилены каменными стенами толщиной более 2-х м (рис. 4). Кладки постелистые однолицевые из тонких плитчатых обломков известняка, возведены на глиняном растворе. В такой же системе сооружена каменная двух-

Рис. 5. Погребальная камера катакомбы в кургане IV.

лицевая стена, закрывающая вход в погребальную камеру, в центре расположен дверной проем (рис. 5) в котором сохранился отпечаток деревянной дверной коробки и распахнутой дощатой двери. Пол камеры вымощен тонкими каменными плитами (рис. 5), на стенах сохранились отпечатки различных тканей, представлявших собой сплошную драпировку, северная часть пола была покрыта многослойной подстилкой из кож. Грабители проникали в могилу несколько раз. In situ сохранились три амфоры типа Пепарет, стоявшие во входной шахте, передняя левая часть туши лошади и железный нож в юго-западном углу погребальной камеры. В заполнении камеры и в грунте, попавшем во входной колодец при ограблении могилы, найдены фрагменты одних и тех же сосудов — чернолакового колоколовидного кратера и амфоры типа Пепарет. В заполнении камеры — обломки гераклейской амфоры, фасосской амфоры развитого типа с плохо сохранившимся клеймом, которое, вероятно, восстанавливается как NIK[IA] — саранча, и может быть датировано серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (Виноградов 1972, с. 35), амфоры типа Солоха 1, фрагменты чернолаковой чашки. Керамике из кургана Беш-Оба IV будет посвящена отдельная работа.

На полу шахты был виден отпечаток крупного дощатого предмета, скорее всего, площадки подъемника, в камере — отпечатки двух обтянутых кожей деревянных предметов, напоминаю-

Рис. 6. Вход в каменный двухкамерный склеп в кургане IV.
Вид с востока.

щих щит и горит, отпечаток сломанного стула и остатки изделия, покрытого железными пластинчатыми оковками, близкими по форме пластинам боевого пояса. Костей человека, украшений костюма и наступательного оружия в могиле не было. Несколько фаланг пальцев, шейный позвонок и обломок ключицы обнаружены в заполнении входного колодца в грунте, просевшем из насыпи. Все это дает основания для предположения об использовании могилы в качестве кенотафа, или об очень раннем ее осквернении, повлекшим за собой перезахоронение тела или тел.

Каменный двухкамерный склеп размером 9,1 x 2,2 м, по внутреннему обводу был сооружен в восточной части насыпи, на грунтовой подсыпке и ориентирован с СВВ на ЮЗЗ. Планировка продольно осевая, две прямоугольные камеры длиной 3,3 и 5 м, разделены поперечной стеной с дверным проемом (рис. 3). Вход в первую камеру был заложен сплошной каменной стеной (рис. 6). Высота стен 1,7 м, кладка постелистая иррегулярная из плитчатых обломков известняка на земляном растворе. Пол грунтовый с белой мергелевой подсыпкой. Бревенчатый потолок, а возможно, и стены были задрапированы войлочным покрытием. Перед входной стеной каменный заклад, размещенный в раструбообразном проходе длиной 7 м, примыкающем к каменной крепи кургана (рис. 3). В каменной наброске на краях деревянного перекрытия присутствовали фрагменты амфоры типа Пепарет. В ограбленной

могиле обнаружены костные остатки не менее чем 5 человек, обломки гераклейских, фасосских и коричневоглиняной амфор, осколки красноглиняного балызамария с полосами красной краски, несколько золотых полусферических бляшек, обломки железных ножей, единичные бронзовые наконечники стрел IV–III вв. до н. э., втулка копья и стеклянные бусы. В каменном захоронении и перед ним в насыпи кургана обнаружены фрагменты херсонесской амфоры варианта I-B (Монахов 1989, с. 51 и сл.), синопских амфор варианта II-C (Монахов 1992, с. 171, 173–174; Monachov 1997, fig. 11).

В целом, приведенные материалы позволяют отнести время сооружения кургана и его ранние погребения к середине – третьей четверти IV в. до н. э. Однако, в комплексе каменного склепа присутствует группа сосудов относящихся к концу IV – началу или первой половине III в. до н. э., что свидетельствует о более позднем подхоронении, или подхоронениях.

В целом, судя по размерам кургана IV, можно предположить, что он сооружен над могилой знатного скифа близкого по социальному статусу людям, похороненным в таких курганах, как Верхний Рогачик, Толстая могила, Желтокаменка или Куль — Оба. Вероятно, такой вывод, со временем, можно будет распространить на остальные крупные курганы Ак-Каи.

Курган I/1 расположен в западной части Бешобинской гряды между большими курганами №1 и II (рис. 1). Высота 3 м диаметр 40 м, под расплывшейся насыпью каменная кольцевая крепида диаметром 26 м. Ядро насыпи состоит из вальков и кусков дерна, выше две досыпки из мелкоструктурного чернозема. Основным погребальным сооружением является прямоугольный каменный склеп, ориентированный с СЗ на ЮВВ, сооруженный на древнем горизонте и окруженный куполовидной обкладкой (рис. 7). Размеры погребальной камеры 5,2 x 2,8 м. Высота двухслойных стен 1,7 м, кладка постелистая иррегулярная из плитчатых обломков известняка. Дромос, находившийся с восточной стороны, разобран при выборке камня. Деревянное перекрытие разрушено при ограблениях, грунтовый пол прокопан. Аналогичный по конструкции скифский склеп был раскопан в 50-е гг. под Симферополем А. А. Щепинским, материал не опубликован. Еще несколько похожих крупных склепов раскопаны в конце XIX в. Н. И. Веселовским и Ю. И. Кулаковским под Симферополем на землях Черкеса, С. Крыма и близ Тавеля, их краткие описания неоднократно переиздавались. В могилах обнаружены погребения позднеэллинистического и римского времени, но ранние материалы, очевидно, свидетельствуют о том, что погребальные сооружения могли быть возведены еще в IV в. до н. э.

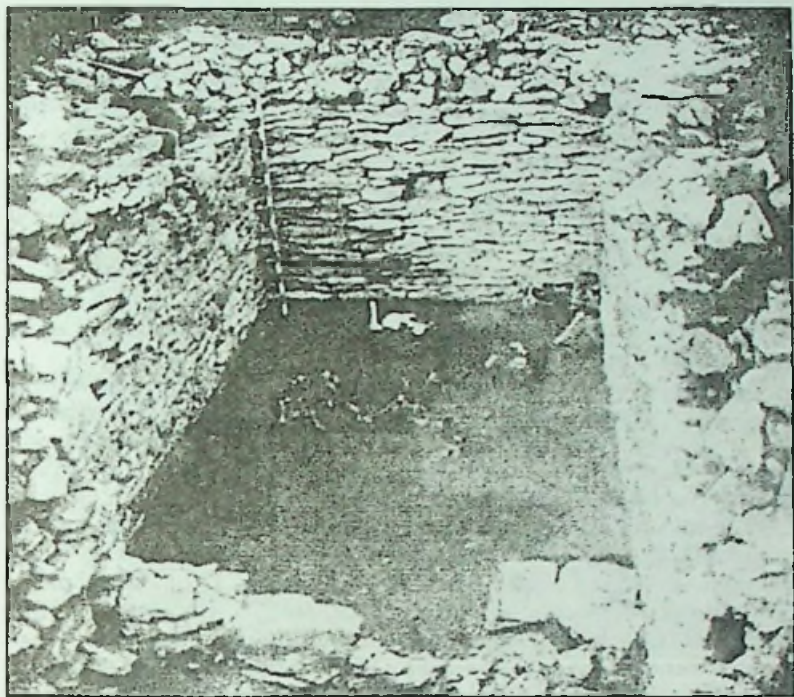

Рис. 7. 1. Склеп в кургане I/1. Вид с востока.

В заполнении склепа из кургана I/1 обнаружены костные остатки 4-х человек, обломки амфор IV в. до н. э., несколько мелких серебряных бляшек полусферической формы, обломок ножа, бронзовый наконечник стрелы. Под юго — западным углом склепа находилось погребение в грунтовой могиле. Костяк лежал вытянуто на спине головой на восток. Среди немногочисленных находок — чернолаковый килик рубежа первой — второй четверти IV в. (ср. Sparkes, Talcott 1970, cat. 655), побывавший в употреблении.

Впускное погребение находилось в восточной поле насыпи у кромлеха. Могилка размером 1,8 x 0,8 x 1,15 м, с каменной обкладкой стен, имитирующих подбой, наклоненных к северу. Единственная известная нам аналогия происходит из скифского кургана, исследованного на Керченском полуострове экспедицией А. А. Щепинского, материал не опубликован. На дне костные останки 4-х детей и подростков, похороненных вытянуто на спине головой на запад. Инвентарь расхищен в древности при подхоронениях.

Судя по находкам, курган может быть датирован второй четвертью — серединой IV в. до н. э. Он, несомненно, возведен над усыпальницей достаточно знатного по происхождению скифа, возможно относящегося к тому же роду, что и верхушка Крымской Скифии.

Курганы высотой менее 2 м исследовались в топографических границах одной из вершин горы на которой расположены большие курганы №III и IV (рис. 1).

Курган IV/2 высотой 1,5 м, диаметром 24 метра был сооружен из вальков и кусков дерна и опоясан кольцевой крепидой из камня. В границах современной грабительской ямы расколпана центральная часть насыпи. В центре и западной поле кургана обнаружены два погребения.

Основное захоронение было совершено в прямоугольной грунтовой могиле размерами 2,6 x 1,3 x 1,4 м с перекрытием из каменных плит. Костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. В ногах находилась гераклеяская амфора с двухстрочным клеймом KRONIOS EPILYKO[N]OS — лист, которое, судя по современным датировкам, можно отнести к 60 — 50 гг. IV в. до н. э. (Кац 1997, с. 216). Впрочем, деятельность эпонима Ликона С. Ю. Монахов относит к середине 60-х гг. IV в. до н. э., однако Крония, предположительно соотносит с 30-ми гг. (Монахов 1999, с. 296, 371). Слева от человека, были положены три сломанных копья с железными наконечниками и подтоками, у бедра — колчан или горит, в котором находились 65 стрел с бронзовыми наконечниками. С противоположной стороны в могилу положили часть туши овцы и железный нож. Рядом найдено 5 золотых накладок на деревянную чашу. На поверхности погребенной почвы, к СЗ от могилы, под каменной наброской, головами к востоку лежали три конских костяка.

Впускной каменный склеп с погребальной камерой размерами 2,5 x 1,2 x 1,4 м, обращенный входом на СЗ, был сооружен в западной поле кургана. Пол плитовый, однослойные стены из небольших плитчатых обломков известняка, возведены в постелистой иррегулярной системе, перекрытие разрушено. Раннее захоронение, относящееся к середине — второй половине IV в. до н. э., разрушено. Над ним обнаружено 7 ярусов захоронений, очевидно, II в. до н. э., содержавших костные остатки 23-х человек, похороненных в вытянутом положении на спине головами на СЗ. Чрезвычайно скромный погребальный инвентарь состоял из стеклянных бус различных типов, бронзовых проволоочных височных колец, железных ножей, половинок раковин моллюсков, лепных сосудов

Рис. 8. Склеп в кургане IV/3. Пятый ярус погребений. Вид с запада.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в разрушенном кургане IV/3 (рис. 1), где в столь же небольшом каменном склепе с уступчатым перекрытием, ориентированном дромосом к востоку, захоронение IV в. было разрушено. Вторичное использование склепа относится, скорее всего, ко II в. до н. э., когда в нем было совершено более 60 захоронений (рис. 8) с маловыразительным инвентарем, в котором выделяются лишь лепные сосуды скифского и сарматского облика.

Курган IV/8 (рис. 1) высотой 1,9 м, диаметром 26 м сооружен по тем же принципам, что и описанные выше курганы. Раскопано основное погребение. В центре, под насыпью, находится каменный склеп, наполовину впущенный в материк и обращенный входом к ССВ. Погребальная камера прямоугольная, размером 3,6 x 2,1 x 2,4 м. Дромос закрыт массивной известняковой плитой и смещен в сторону от осевой линии. Стены возведены в постелистой системе из хорошо подобранных известняковых плит толщиной до 40 см, перекрытие плоское, плитовое, пол вымощен тонкими изве-

стняковыми плитами. В грунтовом заполнении, нарушенном современными грабителями, обнаружены костные останки 8 человек. Среди уцелевших после многочисленных ограблений предметов погребального инвентаря, можно выделить обломки амфор IV в. до н. э. и более поздние предметы, связанные с погребениями, суммарно датируемыми II в. до н. э.

Мы уже отмечали выше, что основные, собственно скифские погребения Аккайского могильника не выходят за рамки IV в. до н. э. Однако и в этих хронологических границах уже возможна определенная корректировка. Так, основное погребение в кургане I/1 совершено не ранее второй четверти IV в., использование кургана продолжалось и позднее, во второй половине этого столетия. Курган IV датируется серединой – третьей четвертью IV в. Более позднее подзахоронение (или более поздние подзахоронения?) в каменном склепе, судя по археологическому материалу, не выходят за рамки последних десятилетий IV – начала или первой половины III вв. до н. э. С учетом современных взглядов на хронологию скифской культуры, можно предположительно ограничить верхний хронологический рубеж временем не позднее конца IV – начала III в. до н. э. Курган IV/2 сооружен не ранее 60 – 50 гг. IV в. до н. э. Основные каменные погребальные сооружения в небольших курганах IV/3, IV/8 можно достаточно определенно отнести к типам склепов с плоским и уступчатым плитовым перекрытием, широко распространенным со второй четверти – середины IV в. на Европейском Боспоре и в Крымской степи. Следовательно, среди исследованных курганов нет сооруженных ранее второй четверти IV в. до н. э. В целом, скифский могильник мог существовать и развиваться до конца IV – начала III в. до н. э.

По своим конструктивным особенностям, курган IV, сооруженный над погребением вельможи высокого ранга, не отличается от курганов степной скифской аристократии. Широкий круг аналогий со степными скифскими памятниками можно привести и для курганов меньшей высоты и диаметра.

По-иному выглядят погребальные сооружения. Основная катакомба кургана IV несет в себе уникальное сочетание грунтовых, каменных и деревянных элементов. Вероятно, подобную конструкцию не удастся найти за пределами Аккайского могильника. Этот объект можно поставить в один ряд с такими оригинальными памятниками скифской архитектуры второй половины IV в. до н. э., как основные погребальные сооружения аристократических курганов Желтокаменка (Мозолевский 1982) и Огуз (Boltrik, Fialko 1991), в которых, столь же наглядно выражена идея сочетания катакомбы и каменного склепа. В таком явлении можно видеть синтез

степных, мало характерных для Крыма, традиций и архитектурных новшеств, распространяющихся, скорее всего, с территории Боспора.

Столь же интересен каменный двухкамерный склеп с последовательно — иерархической планировкой и деревянным перекрытием, сооруженный в насыпи IV кургана. В настоящее время единственной легко улавливаемой топографической (расположение в кургане и смещение от центра к полю), планировочной (последовательно — иерархическое решение), а возможно и конструктивной (предполагаемое деревянное перекрытие) параллелью является близкий по времени склеп из кургана Карагодеуаш, таманской, по М. И. Ростовцеву, группы курганов местного эллинизированного населения (Ростовцев, 1925 с. 363 и сл.). Однако, необходимо отметить, что существует еще одно погребальное сооружение с близкой планировкой. Это каменный склеп, сооруженный в катакомбе кургана Желтокаменка. Скорее всего, ак-кайский склеп и склеп из Желтокаменки служат свидетельством распространения культурного влияния Боспора и Прикубанья, ярко проявившегося в погребальном обряде скифской элиты Крыма и Степного Причерноморья с середины — третьей четверти IV в. до н. э. Нельзя не отметить, что по такому же планировочному принципу, как и в кургане IV, спустя полтора — два столетия в Крыму и на Нижнем Днепре возводятся наземные постройки мегаронного типа. Не лишним кажется еще одно наблюдение: раструбообразный вход в четвертый Бешобинский курган в планировочном отношении напоминает раструбовидный, оформленный каменными стенами подход к главным городским воротам Неаполя скифского (Шульц 1957).

Каменный склеп с деревянным перекрытием из кургана I/1, на наш взгляд, может быть исторически связан с сырцовыми или каменными погребальными сооружениями с деревянным перекрытием из курганов Прикубанья (Ростовцев 1925, с. 302–343). Чрезвычайно важно и то, что каменные гробницы, а также склеп с деревянным перекрытием известны в IV в. до н. э. в курганах Нижнего Дона (Ольховский, 1991, с. 47). Склепы с каменными перекрытиями из небольших курганов, безусловно, относятся к тем же типам каменных погребальных сооружений, которые были широко распространены на территории Европейского, а отчасти и Азиатского Боспора (Савостина 1984) со второй четверти — середины IV в. до н. э.

В целом же, ак-кайский некрополь подтверждают реальность существования, по меньшей мере со второй четверти — середины IV в. до н. э., такого исторического феномена как Крымская Скифия. При этом особенности погребального обряда позволяют уверенно гово-

рить о присутствии ярко выраженной степной традиции и о мощном культурном влиянии, исходившем во второй – третьей четверти этого столетия с Боспора, а возможно и из Северо-Восточного Причерноморья — Приазовья. К сожалению, из-за разграбленности погребений и незавершенности полевых работ, мы не имеем возможности поставить вопрос о причинах этого явления. Впрочем, в достаточно осторожной форме, можно высказать предположение о том, что появление в Крымской Скифии погребальных сооружений, находящихся аналогии в Степной Скифии и на Боспоре, а также в Прикубанье и Приазовье, может свидетельствовать не только о культурных влияниях, но и о миграции новых групп населения в Крым в IV в. до н. э. Обоснование такой гипотезы, помимо подтверждения ее методами археологии, может потребовать новой оценки и интерпретации самого широкого круга исторических событий.

Особый интерес представляет группа «коллективных погребений», выделенная, в свое время, Т. Н. Троицкой на материалах курганов Предгорного Крыма (Троицкая 1951, с. 94–98). Комплексы Аккайских курганов позволяют датировать ее в широких, пока еще не откорректированных рамках, вероятно, конца III – II в. до н. э. Эти захоронения, совершавшиеся в каменных склепах уже существовавших небольших скифских курганов, скорее всего, принадлежат новой группе населения, сформировавшейся в Крыму из остатков старой скифской орды и тавров, или тавро — скифов и первой волны сармат(?), вероятно прошедших через Предкавказье. Именно там обнаружены «коллективные погребения» IV в. до н. э. в каменных склепах на р. Вербовка и II в. до н. э. на городище Татарка (Берлизов Н. Е. 1996, с. 113). Вполне вероятно, что в новую группу, заселившую крымское предгорье, влилась и часть эллинизированного населения хоры Европейского Боспора. По крайней мере, если мы примем предложенную А. А. Масленниковым датировку подкурганных склепов с «коллективными погребениями» на могильнике Стоячий Камень III – концом II вв. до н. э. (1995, с. 51) то подобное предположение будет выглядеть достаточно привлекательным. Очевидно, на этой смешанной этнической основе, именно в конце III или в первой половине II вв. до н. э. начала формироваться новая культура традиционно называемая «позднескифской».

Литература

Белозер В. П. О сущности скифского Герроса // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина. Часть I. Кировоград, 1987.

Берлизов Н. Е. Аланы Скифы // Историко-археологический альманах. Армавир, Москва. 1996. Вып. 2.

- Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. X. 1972.
- Галанина Л. К. Келермесские курганы. М., 1997.
- Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. К., 1968.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII – IV вв. до н. э. К., 1983.
- Кац В. И., 1997. Хронология клейм Гераклеи Понтийской (состояние и перспективы изучения) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.
- Колтухов С. Г., Мыц В. Л., Колотухин В. А. Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997.
- Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. №2. 1957.
- Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI – I вв. до н. э. // Боспорский сборник. Вып. 8. М., 1995.
- Мозолевский Б. Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии. К., 1982.
- Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. К., 1988.
- Мозолевський Б. М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. №1.
- Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV – II вв. до н. э. Саратов, 1989.
- Монахов С. Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 1992.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье/ Комплексы керамической тары VII – II вв. до н. э. Саратов, 1999.
- Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). М., 1991.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. М., 1925.
- Савостина Е. А. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация). Автореф. дисс. канд. исторических наук. М., 1994.
- Троицкая Т. Н. Скифские курганы Крыма // ИКОГО. 1951. Вып. 1.
- Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикалея // Пантикапей. МИА. 1957. 56.
- Boltrik J., Fialko E. Der Oguz — Kurgan. Die Grandanoage tines Skythtnkonign der Zeit nach Ateas // Hamburger Beitrage zur Archaologie 18. 1991.

Monachov S. J. Les amphores de Sinope// *Anatolia Antiqua*. Eski Anadoly. II. Paris 1997.

Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B. C // *The Athenian Agora*. Vol. XII. 1970.

Resume

Koltukhov S. G., Myts V. L. Scythian Aristocracy's Barrow Burial Ground in the Mountainous Crimea

In 1996 expedition of the Crimean Branch of the Institute of Archaeology of National Academy of Science of Ukraine for the first time started investigation of the Scythians aristocracy's barrow necropolis on the eastern part of the Crimean foothills. 10 barrow mounds 6-10-m height and 55 ones of 0,2-3 m height are located on the top of Ak-Kaya and Besh-Oba hills. In geographical respect the Scythian aristocrats' cemetery is the center of large part of barrow groups and separate ones which belonged to the Scythians dominating both Steppe and Mountainous Crimea in the 4th century BC. The five barrows under study were made in the second-third quarters of the 4th century BC. The latest secondary burials date back to the end of the 4th or the beginning of the 3rd century BC. On the constructive scheme big barrows are very close to the ones of the Scythian aristocracy in the steppe region, however funeral constructions (vaults made of stones with flat or ledged roof, one with wooden roof) possessed analogies at European and Asiatic Bosphorus, Kuban and Lower Done regions.

10 m height Besh-Oba IV barrow made in the middle-third quarter of the 4th century BC is of special interest. There were two synchronous funeral constructions: an underground corridor connected bi-chambered stone vault, which was located in the mound, with central catacomb with wooden roof, stone strengthening constructions along the walls, and external stone wall in burial chamber. To the regret all the funerals were completely robbed.

Under the barrow I/1 3 m height there was a stone vault placed on the ground surface and dates back not earlier then the second quarter of the 4th century. The primary burial of the barrow IV/2 dates back to the 60s-50s of the 4th century BC. Warrior's funeral in ground pit was accompanied with burials of three horses. Horse-burials were still being made during this period, they are characteristic feature of North Caucasian and Kuban river regions, and were extremely rare in the steppes of Black Sea North Littoral and the Crimea. Small stone vaults of "Bosporian" types with flat and ledged roofs dating back to the 4th century BC were excavated under other barrows.

In stone vaults under small barrows of Besh-Oba there were several secondary burials dating back to the second half of the 3rd - beginning of the 2nd century BC. They belong to the group of "collective funerals" which appeared probably as a result of mixing of the last Crimean Scythians with coming from the North Caucasus Sarmatians and local dwellers of Bosphorus *chora* being under the huge Greek influence.

О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЦИТАДЕЛИ ХЕРСОНЕСА

Одним из наиболее интересных памятников Херсонеса является так называемая цитадель, расположенная в юго-восточной части городища, где во второй половине II – третьей четверти III вв. дислоцировались римские войска. В последние десятилетия широкомасштабные археологические исследования здесь возобновились под руководством И. А. Антоновой, и был получен новый, в высшей степени интересный материал, без которого изучение истории этого центра на современном этапе уже невозможно. Все это заставило вновь обратиться к изучению территории цитадели и попытаться выяснить, с какими обстоятельствами в истории Херсонеса было связано возведение этого оборонительного комплекса.

Участок городища, получивший название цитадель, представляет собой укрепленный четырехугольник, расположенный в юго-восточной части Херсонеса (Рис. 1). Район, занимаемый цитаделью, самый низкий участок побережья современной Карантинной бухты. В 70–80-м к югу от этого участка находится высокий холм, получивший на-

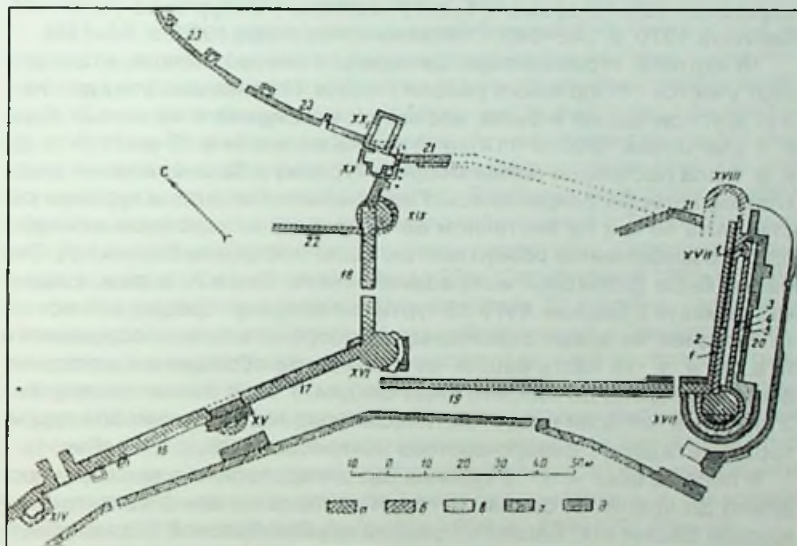

Рис. 1. Схематический план цитадели Херсонеса по А. Л. Якобсону
а — стены античного периода; б — стены римского периода;
в — стены V в.; г — стены V–VI вв.; д — стены VI в.

звание Девичья гора. С этого холма хорошо просматривается и простреливается внутреннее пространство цитадели, что заставляло при строительстве оборонительных сооружений учитывать этот фактор (Антонова 1996, с. 118–121).

Первоначально площадь форта составляла 45 x 92 м, то есть около 0,4 га. Оборонительные сооружения, возведенные здесь в середине — конце III в. до н. э. (Антонова, Бабинов 1970, с. 248–249; Антонова 1996, с. 120), были пристроены к более ранней оборонительной стене — 18 куртине. Впоследствии, видимо, в середине II в., площадь цитадели была увеличена за счет прирезки 10–12 метровой полосы намытого морем песчаного побережья (Антонова 1996, с. 117). Цитадель окружена со всех четырех сторон мощными оборонительными куртинами 18, 19, 20, 21, которые соединялись с башнями XVI–XXI (Гриневиц 1927, с. 33–97; Белов 1948, с. 45–52, Антонова 1996, с. 118–121) (Рис. 1).

До сооружения укреплений территория цитадели была занята некрополем, который, видимо, вплотную подходил к 18 куртине и был застроен при сооружении цитадели. Об этом свидетельствует значительное количество надгробий IV–III вв. до н. э., обнаруженных не только в башне XVII, но и в кладке 19, 20, 21 куртин, а также башни XVI (Стржелецкий 1969, с. 11; Антонова, Бабинов 1970, с. 248; Антонова 1972, с. 28, рис. 46; Антонова, Сухина 1990, с. 36–45). Два захоронения того же времени были раскопаны у 20 куртины. (Антонова, Бабинов 1970, с. 248–249; Соломоник, Антонова 1974, с. 94–105).

18 куртина, ограждающая цитадель с северо-запада, отделяла этот участок от Портового района города. Начиналась эта куртина у XVI круглой башни и была, вероятно, возведена в начале IV в. до н. э. (Антонова 1996, с. 114), а затем на ее месте в 60-ых гг. IV в. до н. э. была построена более мощная куртина и башня, нижние ряды кладки, которых сохранились. Первоначальная длина куртины составляла 45 м и на восточном ее окончании из огромных камней с плохо обработанной поверхностью была построена башня XIX. Эта башня была фланговой и обращена к бухте. Она в IV в. до н. э. замыкала вместе с башней XVI и 18 куртиной оборону города с юго-востока. Позднее, во время строительства оборонительных сооружений в III в. до н. э., та часть башни, которая была обращена к цитадели, была разобрана до нижнего ряда кладки. У этой башни начиналась 21 куртина, которая в эллинистический период ограничивала территорию цитадели с северо-востока (Антонова 1996, с. 117) (Рис. 1).

В первые века н. э. 18 куртина была надстроена в высоту и продлена до новой XX башни, которая располагалась в 12 метрах от круглой башни XIX. Башня XX редкой крестообразной формы возведена на морских песчаных наносах с незначительным заглублением фундамента и обращена в сторону гавани (Антонова 1997а, с. 19). От этой башни начиналась 21 куртина, сооруженная в первых веках н. э.

(Антонова 1996, с. 116–117). Но 21 куртина эллинистического периода не была полностью разобрана, а частично включена в стену терм (Антонова 1996, с. 117).

С остальных трех сторон цитадель была ограничена 19, 20 и 21 куртинами. 19 куртина начиналась у XVI круглой башни, рядом с которой была построена вылазная калитка высотой 2, 4 м со сводчатым перекрытием. Окружностью башня XVI была обращена к напольной стороне. После возведения цитадели эта часть башни составляла около трети окружности. Остальная ее часть теперь была обращена внутрь цитадели (Антонова 1997а, с. 19) (Рис. 1).

19 куртина наиболее протяженная в оборонительной системе Херсонеса. Ее длина составляет 92 м., а ширина неодинаковая: на западном фланге она достигает 2, 5 м., а на восточном — 3, 5 м. В 5 м к востоку от башни XVI она под прямым углом делает излом и идет по направлению к башне XVII, получившей название Зинона. В 19 куртине можно выделить несколько строительных периодов. Нижняя часть стены двухпанцирная с забутовкой на глиняном растворе. Среди бутовых камней в тех местах, где облицовка сорвана или повреждена, просматриваются надгробия эллинистического времени, заложенные между облицовкой в качестве заполнения стены. Куртина облицована относительно небольшими прямоугольными блоками (0,3 x 0, 7 x 1, 3 м), положенными по системе однорядной орфостатной сложной кладки (Антонова 1996, с. 121).

На востоке 19 куртина заканчивается башней XVII. Она состоит из ядра в виде первоначальной башни, сложенной в системе орфостатной кладки (кордонами на ребро плитой на образок) из прекрасно обработанных блоков известняка. Внутренний диаметр ядра башни составлял 9 м. С течением времени башня неоднократно увеличивалась в высоту и опоясывалась дополнительными рядами кладки, которая носила различный характер. В первые века существовало ядро башни, и был построен первый пояс толщиной 1,7 м, состоявший из огромных плит. После последующих перестроек в средневековый период диаметр башни увеличился до 23 м (Стржелецкий 1969, с. 7–29).

От башни XVII на северо-восток тянулась 20 куртина, за которой начинался некрополь. Эта куртина, обращенная к Девичьей горе, многократно перестраивалась и укреплялась. Она состояла из пяти оборонительных стен, пристроенных поочередно одна к другой с наружной стороны. При изучении 19 куртины выделено шесть строительных периодов. К эллинистическому и римскому периодам относятся первая и вторая стены. На северо-востоке 20 куртина фланкировалась башней XVIII, возведенной в первые века н. э. (Антонова, Бабинов 1970, с. 248–249; Антонова 1996, с. 119–120) (Рис. 1).

Внутрь цитадели вели две калитки и ворота. Одна калитка была сделана в средней части 18 куртины и соединяла защищенную часть цитадели с городскими кварталами в портовом районе. Вторая —

устроена в 19 куртине и соединяла цитадель с периболом. Первоначально ворота располагались у XX башни в 21 куртине и, несомненно, были главными (Антонова 1997а, с. 19).

На территории цитадели зафиксировано крайне мало строительных остатков эллинистического периода, и они исчисляются буквально единицами. Разрозненные, короткие обрывки стен III в. до н. э. были открыты в 1927–1928 гг. В частности, кладки в проходе калитки у XVI башни К. Э. Гриневич предположительно связывал с ранней башней, которая могла существовать на этом месте (Гриневич 1929, с. 27). На участке у 19 куртины, в нижнем горизонте, было зафиксировано значительное количество керамики III в. до н. э. (Гриневич 1929, с. 19–21), которая, как можно предположить, являлась выбросом из гончарной печи, открытой к западу от куртины, с ее напольной стороны (Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 16–20, 1902а, с. 18–22).

Далее к юго-востоку, у центра 19 куртины, на скале раскопками К. Э. Гриневича были открыты две идущие под прямым углом одна к другой стены небольшого помещения и остатки цистерны или водоема (Чертеж 295//Архив НЗХТ). А в 1990–1995 г. в 15 м. от этих строительных остатков раскопана цистерна III в. до н. э. глубиной 1,15 м., вырубленная в скале и использовавшаяся в первых веках нашей эры. К северо-востоку от цистерны открыт большой, сделанный в скале подвал, в который вели семь ступеней, вырубленные в скале вдоль его северо-восточной стены. Помещение XVII, раскопанное К. Э. Гриневичем, и описанный подвал содержали керамический материал I в. до н. э. – I в. н. э. Перечисленными объектами исчерпываются ранние строительные остатки на территории цитадели. К этому следует добавить, что находки керамического материала эллинистического периода на территории цитадели вообще весьма немногочисленны.

Возведение оборонительных сооружений цитадели Херсонеса потребовал огромного объема планировочных и строительных работ. Причем возведение хорошо продуманной системы башен, куртин и калиток-проходов, несомненно, указывает на то, что внутренняя территория, защищенная стенами, должна была быть застроена. Однако приведенный краткий перечень строительных остатков эллинистического периода заставляет задуматься над тем, почему до нашего времени дошло так мало памятников этого времени.

Для объяснения этого следует иметь в виду, что всеми исследователями цитадели неоднократно обращалось внимание на подтопление отдельных участков на территории цитадели, что препятствовало их дальнейшему углублению и археологическому изучению нижележащих слоев (Борисова 1963, с. 48, прим. 2). Но сохранившиеся цокольные ряды кладки XVI и XIX башен, 21 куртины, обкладки колодца 6. порога калитки у 20 куртины делают такое объяснение маловероятным. Вряд ли какие-либо археологические слои могли находиться ниже цокольного ряда кладки тех фортификационных соору-

жений, которые были построены на начальном этапе строительства, т. е. ниже древней дневной поверхности.

Такое положение, археологически прослеженное на территории цитадели, объясняется тем, что здесь перед новым этапом строительства удалялся грунт и нивелировалась территория для новых построек. Характер строительных остатков II–III вв. свидетельствует о том, что римскими военными здесь велось достаточно масштабное строительство, перед которым все более ранние сооружения были просто снесены и площадь цитадели выровнена. Ведь размещение в Херсонесе римских войск требовало возведения целого ряда специфических построек, видимо, носивших иной характер и назначение, чем те здания, которые располагались здесь ранее.

Как сейчас установлено, все куртины цитадели Херсонеса, кроме 18, были возведены в середине – конце III в. до н. э. одновременно. Впоследствии они лишь перестраивались и укреплялись. Это позволяет заключить, что цитадель была построена по определенному плану и, следовательно, отражает определенный этап в историческом развитии Херсонеса эллинистического периода. Однако, несмотря на то, что исследование цитадели Херсонеса ведется достаточно давно, пока не до конца ясны причины строительства в III в. до н. э. столь мощного оборонительного узла. А. Л. Бертъе-Делагард полагал, что возведение нового укрепления диктовалось необходимостью контроля и господства над городом (Бертъе-Делагард 1907, с. 95). Но так и осталось неясным, кто же должен был контролировать город, так как известно, что вплоть до времени Митридата VI Евпатора в Херсонесе функционировали демократические органы городского самоуправления и, следовательно, необходимость контроля за ними отсутствовала. Кроме этого 18 куртина, за которой начинались городские кварталы, была построена в русле балки и с ее помощью нельзя было надежно отгородиться от города. В противоположность этому, Г. Д. Белов полагал, что главным назначением возведенного укрепления была охрана порта в связи с его расширением (Белов 1948, с. 48). Это не лишено оснований, так как в приморских греческих городах, и в Гераклее Понтийской в частности, возводились специальные оборонительные сооружения для защиты военных гаваней (Сапрыкин 1986, рис. 1).

Но в отличие от античных центров Южного Причерноморья и Средиземноморья, Херсонес в эллинистический период не имел противника, который мог угрожать ему с моря. А в таком случае непонятно назначение 21 куртины, которая ограничивала цитадель со стороны Карантинной бухты, а также сохранение 18 куртины, отделявшей город от территории цитадели, которая неоднократно ремонтировалась и перестраивалась вплоть до XI в. С другой стороны, следует отметить, что задолго до угрозы скифских набегов, в результате которых могли быть использованы стратегические преимущества Де-

вичьей горы и возникнуть угроза захвата херсонесского порта, аналогичные укрепления возникли в Калос-Лимене (Кутайсов, Уженцев 1997, с. 77–81) и, возможно, в Керкинитиде (Кутайсов 1990, с. 60–62). Видимо, из этого чрезвычайно важного обстоятельства и нужно исходить, говоря о причинах, побудивших возвести в юго-восточной части городища хорошо укрепленную цитадель, которая использовалась для размещения не только римского гарнизона во II–III вв., но, видимо, войск фемы византийского Херсона (Антонова 1997, с. 14–18).

Видимо, для решения поставленного вопроса необходимо обратиться к эпиграфическим памятникам и в частности к почетной надписи в честь Агасикла, сына Ктесия. Особое внимание следует обратить на надпись в венке, вырезанном на одной грани мраморного постамента конной статуи этого выдающегося херсонесского гражданина (IOSPE, I², №418). В ней сказано, что почести были оказаны Агасиклу, «предложившему декрет о гарнизоне и устроившему его» (Виноградов, Щеглов 1990, с. 334).

На основании анализа лексики этой надписи и значительного количества аналогий Ю. Г. Виноградов и А. Н. Щеглов пришли к достаточно хорошо аргументированному заключению о том, что гарнизон, о котором шла речь в надписи, был устроен не в Херсонесе, а где-то за его пределами, видимо, в Северо-Западном Крыму, например, в Керкинитиде или Калос Лимене (Виноградов, Щеглов 1990, с. 354–357). Следовательно, в начале III в. до н. э. Херсонесское государство приступило к размещению стационарных гарнизонов в херсонесских укреплениях, расположенных в Северо-Западном Крыму. Но в таком случае логично предположить, что гарнизон, солдаты которого несли сторожевую службу, был и в самом Херсонесе и именно для его размещения в середине – конце III в. до н. э. в юго-восточной части городища была возведена цитадель. Это в свою очередь позволяет предполагать, что в III в. до н. э. произошли определенные изменения в организации херсонесских вооруженных сил в сравнении с более ранним временем и, вероятно, они стали формироваться на более или менее постоянной основе.

В связи со сказанным следует обратить внимание на три группы надгробий с изображением оружия, обнаруженных в Херсонесе. Первый вариант представлен известняковыми стелами, на лицевой стороне которых высечены изображения меча и портупеи, а второй — с круглым выпуклым щитом, ниже которого, на фоне защитного коврика, также помещены меч и портупея (Колесникова 1961, с. 14, 1969, с. 45). Третьим вариантом являются воинские надгробия, на которых изображение меча и портупеи было дополнено рельефным изображением стригиля и арибалла (Колесникова 1969, с. 46). Датируются эти надгробия второй половиной IV–III вв. до н. э. (Колесникова 1961, с. 19, 1969, с. 45, 54).

Исходя из надгробных эпитафий, сейчас можно уверенно гово-

речь, что они были поставлены гражданам Херсонеса. нередко родственникам, в частности трем братьям, сыновьям Санниона (Колесникова 1969, с. 46). Это позволяет согласиться с тем, что, по крайней мере, часть таких надгробий принадлежала юношам-эфебам, которые несли военную службу и, вероятно, погибли в одной из вооруженных стычек с неприятелем (Колесникова 1969, с. 47). С другой стороны, рассматриваемые варианты воинских надгробий являются памятниками, аналогии которым неизвестны в других районах Причерноморья и Средиземноморья (Колесникова 1961, с. 21; 1969, с. 54). Все это позволяет заключить, что в Херсонесе уже со второй половины IV в. до н. э. существовала определенная система организации вооруженных сил, местом дислокации которых позднее и стала цитадель, возведенная в юго-восточной части городища. Здесь, вероятно, дислоцировался гарнизон, состоявший из юношей-эфебов, обязанностью которых была сторожевая служба и готовность отразить нападение противника. Аналогичные гарнизоны были размещены и в других населенных пунктах Херсонесского государства (Виноградов, Щеглов 1990, с. 354–358), где они также занимали специально отведенные для их размещения районы, как это было, например, в Калос-Лимене (Кутайсов, Уженцев 1997, с. 81).

Не исключено, что широкое освоение земель в Северо-Западном Крыму и экономический подъем, который переживал в это время город (Зубарь 1993, с. 100–105), позволили херсонесской гражданской общине привлекать на военную службу наемников, которые уже в IV в. до н. э. составляли существенный элемент вооруженных сил государств того времени (подробнее см. Маринович 1975). Однако, ввиду отсутствия прямых данных, на этом настаивать сейчас нельзя. Но попутно следует отметить, что во фрагментированной надписи 30-х гг. II в. из Херсонеса упоминаются наемники (Граков, Виноградов 1970, с. 128–134; Кадеев 1981, с. 26, прим. 14), которые также могли дислоцироваться на территории цитадели до появления там римского гарнизона.

Суммируя сказанное, можно заключить, что возведение херсонесской цитадели в середине–конце III в. до н. э. сейчас есть все основания связывать с изменениями в военной организации и началом формирования гарнизона города на более или менее постоянной основе. Вероятно, именно здесь размещалось военное командование Херсонеса и гарнизон, который должен был в случае необходимости защитить город, а юноши-эфебы проходили военную подготовку. К сожалению, сказанное пока не может быть подтверждено прямыми данными источников. Но дислокация здесь римских военнослужащих во второй половине II–первой половине III вв. и строительство в середине–второй половине IX в. административного здания херсонесской фемы (Антонова 1997, с. 14–18) убеждает в правильности высказанного предположения.

Литература

Антонова И. А. Отчет об исследованиях 20 куртины и ворот Херсонеса // НА НЗХТ. Д. №1972.

Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны Херсонеса. Проблемы датировки // Хсб. 1996. Вып. VII.

Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // Хсб. 1997. Вып. VIII.

Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь, 1997 а.

Антонова И. А., Бабинов Ю. А. Исследование 20-ой куртины херсонесских оборонительных стен // АО за 1969 г. М., 1970.

Антонова И. А., Сухинина С. Н. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1990 // НА НЗХТ. Д. №2981.

Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.

Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21.

Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958–1959 гг. // СХМ. 1963. Вып. 3.

Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика история, культура. М., 1990.

Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. №3.

Гриневиц К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. II // Хсб. 1927. Вып. 2.

Гриневиц К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. // Крым. 1929. №1 (9).

Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев, 1993.

Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первые века н. э. Харьков, 1981.

Колесникова Л. Г. Стелы с изображением оружия // СХМ. 1961. Вып. 2.

Колесникова Л. Г. Воинские надгробия // СХМ. 1969. Вып. 4.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1900 г. СПб., 1902.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом // ИАК. 1902 а. Вып. 2.

Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида VI–II вв. до н. э. К., 1990.

Кутайсов В. А., Уженцев В. А. Эллинистическая цитадель Калос Лимена // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. междунар. конференции. Севастополь, 1997.

Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.

Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

Соломоник Э. И., Антонова И. А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. №1.

Resume

Zubar V. M., Antonova I. A. On the Date and Circumstances of so-called Chersonesos Citadel's Appearance.

The part of ancient town's site which is now called «the citadel» presents a fortified quadrangle. It is located on the south-eastern part of Chersonesos. From all four sides the Citadel is surrounded with high-powered defensive curtain walls no 18, 19, 20, 21, which were connected with towers no XVI-XXI. The curtain no 18 was built in the beginning of the 4th century BC, the others were constructed through the middle-the end of the 3rd century BC. Later on these structures had been rebuilt and strengthened.

Nowadays one could suppose that building of the citadel in the middle-end of the 3rd century BC was connected with the town's garrison began to be the standing one. Cherson's military government and garrison which was to defend the town when necessary, were probably staying here together with young *aefebai* were undergoing military training. As a result of that later on there were a military command of the Roman army, and the building of the Theme of Cherson was functioned in the middle-second half of the 9th century

А. Н. Щеглов

“СТАРЫЙ” ХЕРСОНЕС СТРАБОНА. УКРЕПЛЕНИЕ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА: IV. ТРАНШЕЯ 1967 ГОДА В ВЕРШИНЕ КАЗАЧЬЕЙ БУХТЫ

1. Общие замечания

Данная работа является продолжением давно начатой серии статей и заметок, в которых издаются или переиздаются конкретные археологические данные, а также излагаются некоторые наблюдения и соображения, относящиеся к изучению памятников Маячного полуострова. Все они так или иначе связаны с многолетней дискуссией о срытом, по словам Страбона (VII. 4. 2), до основания «старом» («древнем») Херсонесе.* Прямым и не очень приятным поводом для написания и напечатания настоящей статьи явилась публикация части коллекции фрагментированных амфор, найденных на перешейке Маячного полуострова в 1967 г. и хранящихся в собрании Херсонес-

* См.: (Щеглов 1993), (Щеглов 1994), (Щеглов 1995), (Щеглов 1995а), (Щеглов 1996), (Щеглов 1997). Очень благодарен Ю. М. Могаричеву за любезное предложение продолжить сотрудничество в издании материалов и исследований древностей Маячного полуострова.

ского заповедника. Ее предпринял С. Ю. Монахов в своей книге «Греческие амфоры в Причерноморье» (Монахов 1999 С. 551–553, табл. 232). Цитирую автора «В 1967 году в северо-восточной части городища Страбонова Херсонеса при прокладке строителями траншеи было обнаружено несколько фрагментированных амфор, которые поступили в фонды Херсонесского заповедника. Стратиграфическая ситуация находки остается неизвестной, поскольку исследование, насколько можно было выяснить, не проводилось. В комплекс входят фрагментированные родосская и херсонесская фракционная амфоры, а также верхние части двух синопских амфор, одна из которых имеет на ручке остатки клейма» (там же, с. 551 сл.).

В этом сообщении есть несколько досадных неточностей, которые не могут быть прощены исследователю, автору сводки нужных и полезных сведений о синхронных комплексах амфор. Во-первых, вопреки его утверждению, исследование непосредственно по следам находки в 1967 г. были сделаны в тот же день, в который поступило сообщение об обнаружении материала. Именно в результате этих скромных спасательных работ все собранные предметы поступили в Херсонесский музей и вошли в состав его научной коллекции. Во-вторых, выезд на место, зачистки, сбор материала и графическая фиксация (план, стратиграфия), а также камеральная обработка были выполнены мною с помощью моей помощницы и лаборанта отдела раскопок ГХМ (так тогда назывался нынешний Национальный заповедник «Херсонес») Г. М. Николаенко.* В-третьих, в архиве Херсонесского заповедника должен храниться оригинал моего отчета на шести машинописных страницах с приложением 14 чертежей и фотографий, а также специальным Приложением (автор его Г. М. Николаенко), в котором приведены вычисления емкостей трех амфор.** С. Ю. Монахов мог бы ознакомиться с отчетом будучи в Херсонесе. А если не было такой возможности, то, к стати, краткая информация о находке была в свое время напечатана (Щеглов 1969, с. 290 сл. Ср. Щеглов 1994, с. 16). Наконец, определив остатки четырех амфор как один из главных признаков, определяющих абсолютную дату данного «комплекса керамической тары»,*** автор почему-то без внимания оставил остатки других амфор, которые входили в тот же состав (фрагментов не четырех, как им описано, но одиннадцати сосудов), в том числе и двух иных, кроме упомянутых им трех цент-

* Почти все чертежи керамических находок, которые публикуются в этой статье, сделаны Г. М. Николаенко.

** Кроме архива Херсонесского заповедника, куда был сдан отчет, белые чертежи и негативы, машинописная копия отчета, черновые чертежи и фотоотпечатки остались в моем личном архиве.

*** Книга С. Ю. Монахова справедливо несет обязующий подзаголовок: «Комплексы керамической тары».

ров производства. Но если книга по замыслу является корпусом комплексов керамической тары, то каждый комплекс должен бы быть в ней представлен с максимальной полнотой. Кроме того, в состав собранной коллекции входят обломки черепицы, нескольких других сосудов, а также фрагментированный известняковый рельеф, о чем Монахов не сообщил. Иными словами — это не просто комплекс амфор. Последние составляют только часть (хотя и большую) вещевого набора. Это надо было бы учесть в работе при определении как хронологического, так и типологического положения в системе принятых автором временных и типологических координат.*

Изложенные замечания по, как мне кажется, фактическим и методическим огрехам С. Ю. Монахова, который, к моему огорчению, изучил материал весьма поверхностно, вынуждают меня опубликовать комплекс 1967 г. из местности «старого страбонова Херсонеса» полностью именно сейчас — несколько раньше, чем я собирался это сделать.**

Предлагаемая вниманию исследователей проблемы «старого» Херсонеса в первую очередь, и изучающих керамическую тару — во вторую, публикация конкретных материалов (без особых выводов) сделана на основании машинописной копии отчета 1967 г., черновых полевых и камеральных чертежей и фотографий из собственного архива. Все эти материалы только дублируют то, что хранится в Херсонесском заповеднике. Разумеется, содержащиеся в архивном отчете и первой краткой публикации ряд атрибуций, датировки материала и некоторые выводы, сделанные более тридцати лет назад (по тогдашним представлениям), во многом устарели. Часть их должна быть отброшена в соответствии с современными фактическими данными и современными представлениями. Поэтому расхождения в интерпретации и датировке материала между тем, что я писал раньше в 1967 и сейчас в 2000 годах естественны и объяснимы.

2. Условия находки, локализация, описание

Привожу первую страницу архивного отчета под названием «Об охранных зачистках в районе «страбоновского» Херсонеса в 1967 году»***

* Подобно тому, как, например, сам С. Ю. Монахов (1999, с. 466–469, табл. 201) методически верно поступил при публикации нинфейской пистерыи 1984 г. Здесь он учел весь керамический состав, хотя и с некоторыми фактическими ошибками.

** Я предполагал опубликовать свои материалы в хронологической последовательности только после детального рассмотрения и новой публикации результатов раскопок К. К. Космошко-Валюжича, Н. М. Печенкина и Р. Х. Лепера на перешейке Маячного полуострова.

*** Сделанные сейчас пояснения и дополнения взяты в квадратные скобки.

«19 сентября 1967 г. в музей [Херсонесский] позвонил майор Лукьянчук [командир части] и сообщил, что в верховьях Казачьей бухты, на территории военного ведомства при земляных работах найдены обломки древней посуды. В тот же день автором отчета было обследовано место находки. На следующий день произведена инструментальная плановая проверка и привязка к карте сохранившихся древних наделов в южной части Маячного полуострова (рис. 1, I). Керамика обнаружена во время рытья траншеи для фундамента [каменной] ограды. Траншея была проложена в северной части городища «страбонова» Херсонеса [примерно] в 200 м к юго-западу от центра островка в верховье Казачьей бухты и шла в направлении с северо-запада на юго-восток (азимут около 315 ± 5) параллельно современным постройкам военного ведомства, в 8 м к западу от здания камбуза. Напротив последнего и найдены обломки посуды.

К тому времени, когда я приехал на место, северная часть траншеи (к северу от здания камбуза) была уже заложена камнем. По словам строителей, ее глубина до скалы не превышала 0,3–0,4 м и находок керамики здесь не было. Против здания камбуза траншея наискось перерезала помещение какой-то постройки, стены которой, судя по развалам камня, шли параллельно крепостным стенам городища.

Ширина помещения между завалами камня около трех метров (рис. 1, II). Заполнение от современной поверхности до глубины 1,5 м — глинистое, с древесными угольками и золой. В обресе видны обломки керамики; на глубине 1,4 м от современной поверхности стояла (*in situ*) раздавленная нижняя часть синопского пифоса. Над ним и в нем — завал обломков амфор, фляги, черепицы и кусков разбитого рельефа. Большая часть обломков керамики и кусков рельефа была выброшена в отвал. Часть из них, вероятно, вместе с землей вывезена машинами».

Выписка из стр. 5: «[В последующие дни] на план нанесено 24 земельных участка в южной части Маячного полуострова без детальной внутренней съемки. В 1961 г. по поручению С. Ф. Стржелецкого мной с помощью Г. М. Кутыкиной-Николаенко были обмерены землемерной лентой 6 клеров (№8-11, 20-21 на плане, рис. 1, I) в масштабе 1:1000, но без инструментальной привязки к местности. Воспользовавшись разрешением военных властей [Инженерного управления Черноморского флота], мне удалось привязать к местности в масштабе 1:10 000 указанные 6 участков и кроме них еще 18».* [Данный

* Для картографирования были использованы аэрофотоснимки и крупномасштабные карты. Благодаря содействию севастопольского архитектора В. М. Артюхова, я смог частично скопировать и сопоставить в натуре с местностью археологическую ситуацию, содержащуюся в картах масштаба 1:10 000 и 1:5000.

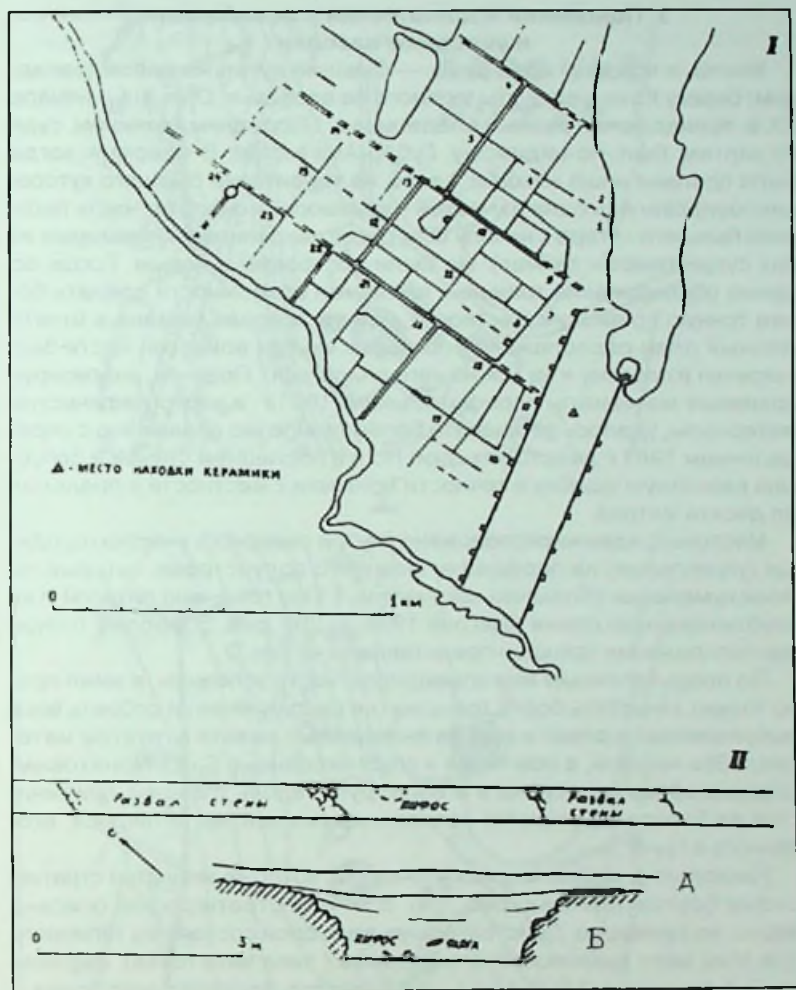

Рис. 1. I — план южной части Маячного полуострова;
 II — план и стратиграфия борта траншеи
 (съемка 1967 г. Архивный чертеж. См также: Ščeglov 1980, fig. 7).

план, приложенный к отчету (рис. 1. I), был много лет спустя опубликован (Ščeglov 1980, Fig. 7)].

3. Пояснения и дополнения к локализации и условиям находки

Место, о котором идет речь, — бывший хутор на левом (западном) берегу Казачьей бухты у самого ее верховья. Он в XIX — начале XX в. принадлежал разным владельцам. Последним хозяином, судя по картам, был, по-видимому, Губер-Аметистов. В то время, когда была сделана наша находка, здесь, на территории бывшего хутора, дислоцировалась одна из частей Черноморского флота. Часть построек бывшего хутора к началу 60-х годов сохранилась (некоторые из них существуют и сейчас). Но были построены и новые. Тогда, во время обследования траншеи, я не имел возможности сделать более точную привязку к местности, чем та, которая указана в отчете (точный план расположения построек внутри воинской части был секретен и поэтому я не мог на него опираться). Позднее, анализируя архивные материалы аэрофотосъемки 1961 г. и картографические материалы, удалось установить более точное (по сравнению с определением 1967 г.) место находки. Но и в последнем случае я допускаю вероятную ошибку в точности привязки к местности в пределах до десяти метров.

Местонахождение расположено внутри северного участка городища (укрепления) на перешейке Маячного полуострова, который по моей нумерации обозначен как участок 4. Оно помечено литерой *p* на опубликованном плане (Щеглов 1994, с. 299, рис. 5.). Более точное местоположение траншеи представлено на рис. 2.

По предъявленным мне командиром части условиям, я имел право только зачистить борта траншеи (не расширяя ее) и собрать весь выброшенный в отвал и еще не вывезенный вместе с грунтом материал. Все находки, в том числе и опубликованные С. Ю. Монаховым, главным образом собраны в отвале грунта вдоль траншеи, при зачистке ее бортов и расчистке заполнения нижней части пифоса, вкопанного в грунт.

Несколько дополнительных уточнений, которые касаются стратиграфии бортов траншеи (рис. 1, II). В отчете стратиграфия описана верно, но суммарно. Действительно, весь слой состоял из типичного для этих мест красноватого суглинка (типа *terra rossa*). Верхний слой А (толщина 0,3–0,4 м) — многократно перекопанная почва с мелкими осколками античной и современной керамики (рис. 1, II). В нижнем, весьма однородном по структуре суглинистом слое Б, который собственно и оставлял заполнение помещения, зафиксированы две различные по плотности фации: более рыхлая верхняя (B^1), толщиной 0,1–0,4 м, и нижняя (B^2), толщиной 0,65–0,9 м, состоявшая из плотного суглинка. Граница между ними на архивном чертеже (рис. 1, II) показана пунктиром.

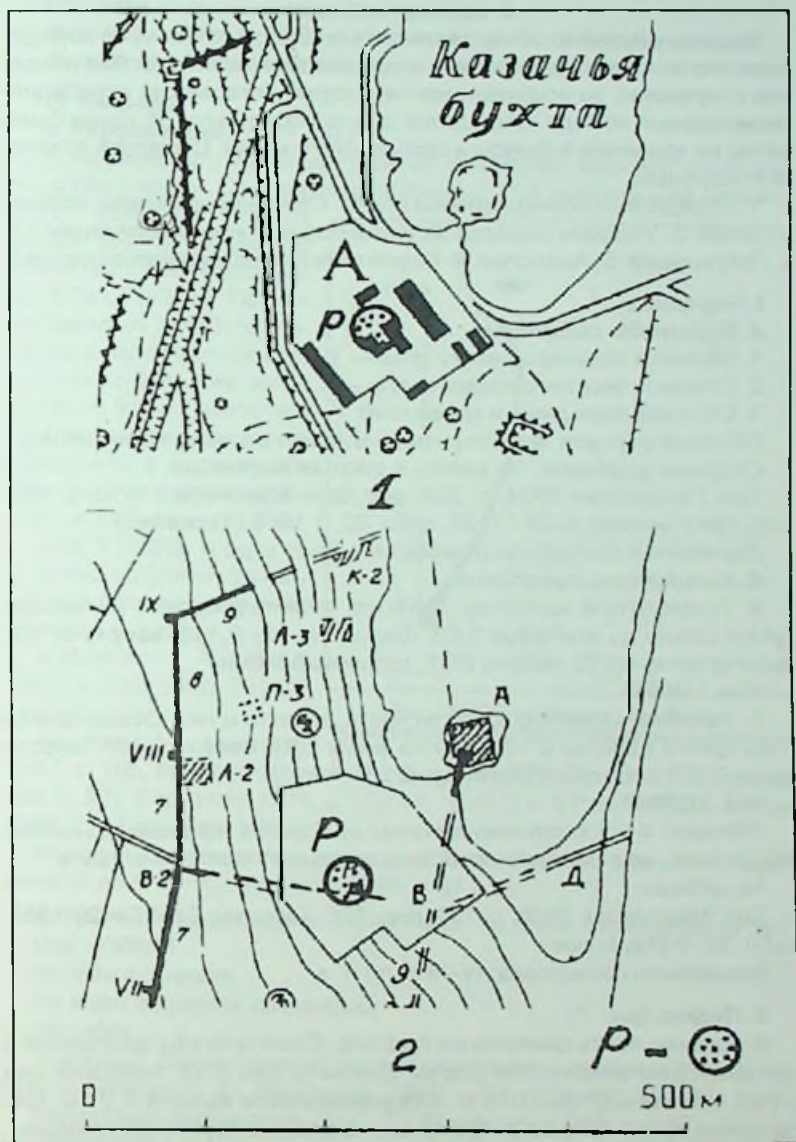

Рис. 2. Уточненная локализация места находки (P).
 1 — по аэроснимку 1961 г.;
 2 — реконструкция участка (по: Щеглов 1994, рис. 4 и 5).

4. Каталог находок

Вещи из случайно обнаруженного комплекса описаны по порядку перечисления в полевой описи и машинописном отчете. Все описания сохранены, за исключением некоторых устаревших атрибуций. Инвентарные номера приводятся для тех предметов, которые были взяты на хранение в фонды Херсонесского музея. Структура каталога следующая.

1. Порядковый номер полевой описи. Описание, размеры, особые отличия. 2. Условия находки. 3. Инвентарный номер коллекции ХЗ. 4. Публикации. 5. Аналогии. 6. Вероятная или возможная датировка.

I. Черепица

а. Керамиды синопские

1. Обломок верхнего левого угла — 1.
2. Обломок верхнего правого угла — 1.
3. Обломки середины и краев плит — 4.

Обломки плоской черепицы принадлежат разным экземплярам. *Собраны в отвале. Не взяты в состав коллекции.*

Тип: Гайдукевич 1934, с. 229, рис. 66а, Максимова 1956, с. 159, рис. 19а (Синопа); САИ Г1–20, табл. 32, 1 1966 (Херсонес).

Вероятная датировка (суммарно): IV–III в. до н. э.

б. Калиптеры синопские.

4. Полуокруглый калиптер. Лопатка отбита, расколот на четыре куска. Длина до плечиков 0,53, ширина внизу 0,155, сверху 0,132, высота внизу 0,073, сверху 0,07, толщина 0,015 м.

Инв. 1/36683

5. Такой же калиптер. Отбиты часть лопатки и низ. Общая длина 0,60, длина лопатки 0,10, ширина внизу 0,17, сверху 0,167, высота внизу 0,072, сверху 0,052, толщина 0,014 м.

Инв. 2/36683.

Обломки 4 и 5 частично вынуты из бортов траншеи в нижнем горизонте, но в основном собраны в разных местах в отвале.

Не изданы.

Тип: Максимова 1956, с. 159, рис. 196 (Синопа), САИ Г1–20 1966, табл. 32, 8 (Херсонес)

Вероятная датировка: IV–III в. до н. э.

II. Пифос (рис. 7)

6. Нижняя часть синопского пифоса. Стояла *in situ*, вкопанная в суглинок до поверхности скалы. Диаметр дна 0,19, толщина дна 0,025, стенок 0,013–0,015 м. Сохранившаяся высота 0,21 м. Отдельные куски тулова встречены и в отвале грунта из траншеи. Фрагменты принадлежали типичному синопскому пифосу яйцевидной формы.

Не взят в состав коллекции.

Не издан.

Аналогии: Щеглов 1978, с. 93, рис. 50 (IV – начало III в. до н. э.).

Вероятная датировка (суммарно): IV–III в. до н. э.

III. Амфоры

а. Херсонесские (рис. 3 и 8).

7. Амфора с удлинненным туловом. Недостаёт верхней части горла, ручек и ножки. Сохранившаяся высота 0,54, наибольший диаметр 0,25, толщина стенок 0,008–0,01 м. Объем, по расчетам Г. М. Николаенко, $8,9 \pm 1,5$ куб. дм. Покрывается светлым ангобом. Черепок в изломе розовато-красный с большим количеством белых известковых включений. На горле граффито в виде монограммы, по-видимому из «ню» и «альфы»: NA (?).

Инв. 3/36683.

Куски собраны при зачистке бортов и главным образом в отвале.

Издание: Монахов 1999, с. 552, табл. 232, 4. Тип I-B.

Аналогии: Ахмеров 1947, с. 165, рис. 4 (подгруппа Б), Зеест 1960, табл. XXI, 40 (третий тип, с. 99); Борисова 1974, с. 107 сл., рис. 3 и 4 (тип II B); Монахов 1989, с. 57 слл. (тип I B).

Вероятная датировка: последняя четверть IV – не позднее середины III в. до н. э. (ср.: Монахов 1989, с. 57 сл.).

8. Фрагмент валикообразного венчика. По глине отличается от №7 Инв. 4/36683.

Найден в отвале.

Не взят в состав коллекции.

Не издан.

Аналогии: Валик первого типа венчиков херсонесских амфор по классификации С. Ю. Монахова (1989, табл. XVIII, 89, 33, 147).

Вероятная датировка: По С. Ю. Монахову (1989, с. 140 табл. 1) валики такого типа характерны для амфор типа I-B (около конца IV – около середины III в. до н. э.).

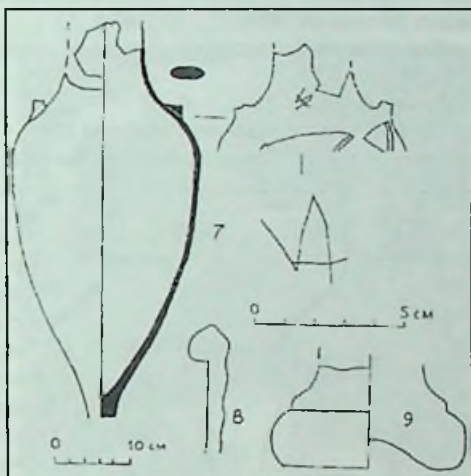

Рис. 3. Херсонесские амфоры.
Номера соответствуют номерам каталога.

9. Профилированная ножка, заканчивающаяся валиком с широким углублением внизу. Дм 0,064, высота 0,036 м. По глине не соответствует №№7-8. Инв. 5/36683.

Зачистка борта, внутри пифоса.

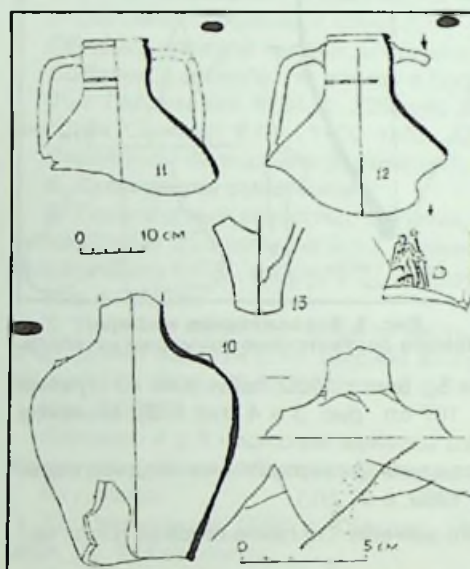
Не издана.

Аналогии: Зеест 1960, табл. XXI, 40. Относится к первому или второму типу по классификации Монахова (1989, табл. XXI–XXIII), которые чаще всего встречаются с амфорами типа I–Б его же классификации (Монахов 1989, с. 140, табл. 1).

Вероятная датировка: Конец IV – начало или первая половина III в. до н. э.

6. Синопские (рис. 4–6, 8)

10. Фрагментированная амфора (рис. 4 и 8). Нет дна, верхней части горла и ручек. Сохранившаяся высота 0,47, наибольший диаметр

0,33, толщина стенок 0,007–0,009 м. Примерный объем (емкость), по расчетам Г. М. Николаенко, $24 \pm 1,5$ куб. дм. Глина с характерным для синопской керамики сиреневым оттенком и значительной примесью черных угловатых (пироксены?) и белых (известковых) частиц. На нижней части горла небрежно процарапано граффито: ББ (?), или БХ (?).

Инв. 6/36683.

Обломки собраны в основном в отвале и некоторые куски при зачистке борта.

Не издана.

Аналогии: Зеест 1960, табл. XIII, 28. По классификации С. Ю. Монахова (1992, с. 173 сл., рис. 1) тип II С.

Вероятная датировка: По С. Ю. Монахову (1992, с. 173), "суммарно их следует датировать концом IV – началом III в. до н. э."

11. Горло амфоры с покатыми плечами (рис. 4 и 5). Невысокое, припухлое, венчик прямой, ручки в сечении овальные. На горле двойной врезной пояс. Высота 0,11, внутренний диаметр 0,83, толщина стенок 0,005 м. Керамическая масса розоватая, хорошо отмученная.

Поверхность покрыта светлым ангобом.

Инв. 7/36683

Обломки собраны в отвале.

Издание. Монахов 1992, с. 176 сл., табл. 10, 64 — тип III A; Монахов 1999, с. 553, табл. 232, 2

Аналогии. Монахов 1992, с. 176, табл. 10, 63 (амфора найдена в море).

Вероятная датировка: См. ниже, №12.

12 Горло и плечи амфоры, аналогичной №11, но без ангоба (рис. 4–6). На горле врезной пояс. Глина розоватая, в изломе с легким сиреневым оттенком, с примесью мелких остроугольных черных частиц (пироксены?). Сохранившаяся высота 0,255, высота горла 0,12, внутренний диаметр горла 0,08, наибольший диаметр тулова 0,295 м. Одна из ручек отбита. На сохранившейся части — остатки рельефного клейма: сидящая мужская фигура, вправо, с копьем (?) или тирсом (?), перед нею в поле лист плюща (рис. 6). Высота штампа около 0,025–0,027 м. В отвале.

Инв. 8/36683

Обломки собраны в отвале.

Издание. Монахов 1992, с. 176 сл., табл. 10, 64 — тип III A; Монахов 1999, с. 553, табл. 232, 1.

Аналогии. Монахов 1992, с. 176, табл. 10, 63 (амфора найдена в море).

Вероятная датировка: по определению Монахова (1992, 1999), вторая половина III – начало II в. до н. э. По моим наблюдениям – начало III в. до н. э.

13. Коническое дно амфоры. Покрыто светлым ангобом. Черепок в изломе с интенсивным сиреневым оттенком. Большая примесь чер-

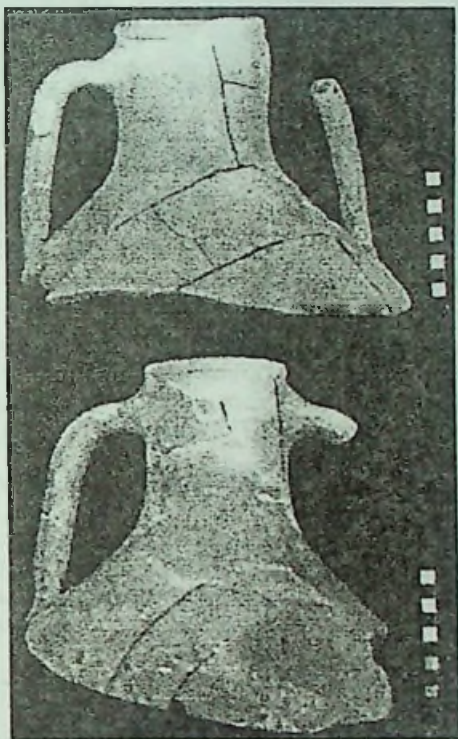

Рис. 5. Синопские амфоры
(Каталог, 11 и 12).

ных остроугольных частиц (пироксены?).

Не взят в состав коллекции.

Найдено в отвале

Не издано.

Рис. 6. Остатки клейма на ручке амфоры.

А—н. в. Б — около 2 : 1 (Каталог, 12).

Аналогии: Амфора с клеймом агораном Теопейта из раскопок участка У7 на поселении Панское I (ср. Монахов, 1992, табл. 10, 61 — тип II Е).

Вероятная датировка: По С. Ю. Монахову (1992, с. 176) — третья, начало последней четверти IV в. до н. э.

в. Родосские (рис 7 и 8)

14. Фрагментированная амфора. Нет горла с ручками, нескольких кусков тулова и дна. Покрыта светлым ангобом. Сохранившаяся высота 0,50, наибольший диаметр тулова 0,35, толщина

стенок 0,008 м. Объем, по расчету Г. М. Николаенко, около $23 \pm 1,5$ куб. дм. Тонкая, хорошо отмученная керамическая масса, в изломе черепок розовый. При зачистке борта и в отвале.

Инв. 8/36683

Обломки собраны при зачистке борта и в отвале.

Издание: Монахов 1999, с. 552, табл. 232, 3

Аналогии: По форме и пропорциям тулова, а также емкости наиболее близки (а) амфора из собрания Бенаки (Grace 1963, p. 324, Fig. 1, 1; повторение см. Empegeur, Hesnard 1987, pl. 2, 8), (б) амфора из монументального здания У6 на поселении Панское I (Монахов 1999, табл. 214, 5).

Вероятная датировка: рубеж IV—III — первые десятилетия III в. до н. э.

15. Обломки плеча и тулова подобной амфоры

Собраны при зачистке борта. Не взяты в состав коллекции.

Не изданы.

г. Восточно-средиземноморский центр (Самос?) (Рис. 7)

16. Обломки горла амфоры из светлоричневой хорошо отмученной расслаивающейся глины с примесью большого количества мелких серебристых блесток. Высота около 0,20, диаметр устья 0,125 м. Венец «грибовидный», нависающий. Ручки массивные, овальные в

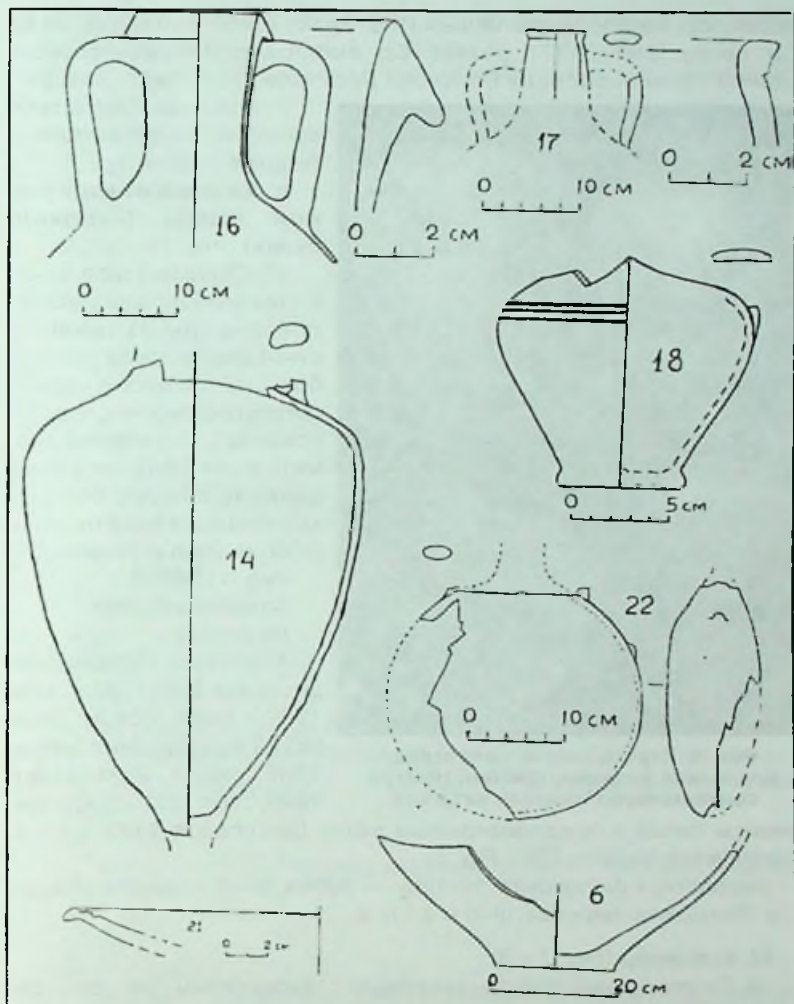

Рис. 7. Родосская, самосская (?), «колхидская» амфоры, другие сосуды. Номера соответствуют номерам каталога.

сечении. В отвале

Инв. 10/36683

Обломки собраны в отвале

Не издана.

Аналогии: Амфора принадлежит, по всей видимости, типу усть-

лабинских амфор, выделенных И. Б. Зеест (1960, табл. XVI, 336). Ср. также: Grace 1971, passim. Ср. амфора из монументального здания У6 на поселении Панское I (Монахов 1999, табл. 214, 5).

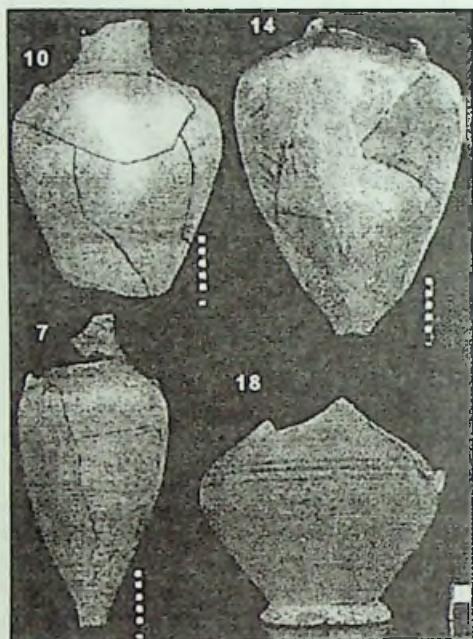

Рис. 8. Херсонесская, синопская, родосская амфоры, кувшин. Номера соответствуют номерам каталога.

рианты типов и предполагаемые даты: Цецхладзе 1992, рис. 4, Tsetskladze, Vnukov 1993, Fig. 5).

Вероятная датировка по типу — рубеж IV–III — начало III в. до н. э. Возможна широкая: III–II в. до н. э.

IV. Кувшины (рис. 7 и 8)

18. Плоскодонный одноручный кувшин с приземистым туловом и тремя поясками, нанесенными красно-коричневой краской (охра) на плечиках. Светлый ангоб. Недостаёт горла и ручки. Сохранившаяся высота 0,128, максимальный диаметр тулова 0,128, дна 0,07 м. Светлоокрасная глина с известковыми включениями. Херсонесское производство.

Инв. 12/36683

Часть обломков внутри пифоса (кат. 6) и рядом, часть — в отвале.

Не издан.

Вероятная датировка: рубеж IV–III — первые десятилетия III до н. э.

д. Амфора из коричневой глины («колхидская») (Рис. 7)

17. Обломки горла, ручки и стенок небольшой узкогорлой амфоры из темнокоричневой плотной глины с большой примесью черных остроугольных частиц (пироксены?). Внутренний диаметр устья 0,042, наружный диаметр венца 0,066, сохранившаяся высота горла 0,068 м. Рука уплощенная.

Инв. 11/36683

Зачистка борта.

Не издана.

Аналогии: Нимфейская цистерна 1984 г. (Монахов 1999, табл. 201, 8), яма №226 в Горгиппии (Зуйков 1987, рис. 1, 2; Монахов 1999, табл. 231, 3). Ср. варианты типов и предполагаемые даты: Цецхладзе 1992, рис. 4, Tsetskladze, Vnukov 1993, Fig. 5).

Аналоги: САИ Г1-20.1966, табл. 15, 1 (Борисова). Поселение Панское I (не изданы).

Вероятная датировка по типу — конец IV—III в. до н. э. (первая половина?).

19 Обломки стенок и ручки небольшого кувшина херсонесского производства. Форма не восстанавливается.

Не взят в состав коллекции.

Найден в отвале

Не издан.

20 Обломки стенки и горла кувшина аналогичного №18. На горле отверстие для починки.

Инв. 13/36683

Найден в отвале

Не издан.

Вероятная датировка по типу — конец IV—III в. до н. э. (первая половина?).

V. Рыбное блюдо (Рис. 7)

21. Обломок края рыбного блюда из серой глины с остатками темного покрытия.

Инв. 13/36683

Найден в отвале

Не издан.

Вероятная датировка: III—II в. до н. э.

VI. Фляга (Рис. 7)

22. Плоская двуручная круглая фляга. Недостает горла, ручек и куска бока. Диаметр 0,246, ширина 0,12 м. Светло-красная глина с примесью известковых частиц. Светлый ангоб. Херсонесское производство.

Инв. 13/36683.

Найдена на одном уровне рядом с нижней частью пифоса (см. рис. 1. II)

Не издана.

VII. Рельеф (Рис. 9)

23. Прямоугольная плита, очень сильно обгоревшая и растрескавшаяся на большое количество кусков, многих из которых не достает. Местный плотный мелкопористый известняк. Высота 0,575, ширина 0,345, толщина 0,066—0,068 м. Внизу выступает полочка шириной 0,06 и высотой 0,038—0,05 м. Сзади обработана гладко. На лицевой стороне в высоком рельефе изображена стоящая вправо фигура в коротком одеянии и высоких сапожках. Фигура стоит с упором на правую ногу (левая слегка отставлена в сторону). В выдвинутой вперед и

полуопущенной правой руке, с которой свисают складки одежды, был какой-то предмет, но он сколот. Левая рука, вероятно, была скрыта плащом, складки которого, обрамляющие руку и свисающие

Рис. 9. Рельеф. Известняк. Каталог, 23.

фоса (кат. 6) и один выпал из борта траншеи.

Не издан.

Готовится к изданию.

Вероятная датировка вторая половина IV – начало III в. до н. э. (предварительно)

вниз, хорошо сохранились. Отсутствуют голова и верхняя левая часть туловища, части ног и рук, куски поля плиты. Поверхность рельефа очень сильно обожжена и повреждена, сохранились следы копоти. Совершенно осыпалась моделировка одежды на туловище.

Судя по пропорциям фигуры, мягкой и пластичной моделировке складок одежды, рельеф может быть датирован раннеэллинистическим временем.

Предварительно можно предполагать, что в изображении на рельефе была представлена либо херсонесская Дева (Партенос), либо Дионис *

Инв. №16/36683.

Сильно обгоревшие куски рельефа в основном собраны в отвале. Один фрагмент был внутри пи-

4. Анализ собранной коллекции

Обломки и целые экземпляры синопской черепицы (кат. 1–5), как представляется, не могут быть датирующим признаком. Несмотря на то, что специального статистического исследования синопских черепиц пока не производилось, накопленные наблюдения показывают, что форма и типоразмеры этого стандартного вида керамической

* Рельеф будет рассмотрен отдельно.

продукции Синопы, судя по клейменым экземплярам, практически не изменялись на протяжении всего периода клеймения. Это первое. Второе. Черепица, если она находилась в конструкции кровли, надо думать, служила долго — от времени сооружения постройки до ее перестройки или разрушения. Пример — рухнувшая кровля на усадьбе у бухты Ветреной (Щеглов 1978, с. 93 и примеч. 1). Кроме того, она могла быть использована неоднократно на протяжении весьма длительного времени, причем не обязательно по прямому назначению.* Поскольку на наших экземплярах нет клейм (калиптеры вообще не клеймились), то датировка найденных черепиц может быть определена в очень широких пределах — от IV до конца III, и, не исключено, хотя и менее вероятно, до начала II в. до н. э.

То же самое касается дна синопского пифоса (кат. 6). Я не знаю ни одной работы, посвященной изучению типологии и хронологии пифосов этого центра. По моим наблюдениям, устойчивая форма синопской тары большой емкости, в том числе и клейменная, поступала в Херсонес и его хору, а также на Боспор в основном в IV в. до н. э. Исходя из этого я бы датировал дно пифоса примерно IV — началом или первой половиной III в. до н. э. Кстати, как и черепица, пифосы — предмет длительного пользования.

Иное дело амфоры. Срок их службы сравнительно невелик, хотя в стационарном хозяйстве (в городских и сельских домах) они могли использоваться тоже весьма долгое время.** В нашем случае амфоры представлены обломками трех херсонесских, четырех синопских, двух родосских сосудов, а также по одному экземпляру средиземноморского (Самос?) и причерноморского «колхидского» центров. Всего 11 (из них, повторю, в публикации Монахова (1999) учтены только четыре экземпляра).

Херсонесская амфора, как и обломки двух других сосудов этого центра, если мы будем опираться на весьма аргументированную типологическую классификацию и хронологию С. Ю. Монахова (1989), относятся к тем типам, которые регистрировались только в находках до первых десятилетий или примерно до середины III в. до н. э. Это он и сам признает (Монахов 1999, с. 553).

О том же самом, по-видимому, свидетельствуют как упомянутые,

* Например, что зарегистрировано, керамида не использовалась для бортов грунтовых могил, в устройстве хозяйственных «загородок», в конструкции очагов. Калиптеры использовались, например, в качестве водосточных желобов.

** В этом я убедился на примере раскопок нескольких «закрытых» строительных комплексов на поселении Панаское¹. У многих амфор ножки были отбиты и скол заглажен в древности, а от других сосудов в хозяйствах использовались либо только нижние части, либо горла (последние в качестве подставок).

так и не учтенные автором публикации фрагменты амфор родосского и неизвестного средиземноморского центра (Самос ?). Что касается первого сосуда (кат. 14), С. Ю. Монахов (1999, с. 552), очевидно, прав, когда предположил, «что она (амфора — Авт.) относится к серии тары еще третьего века». То же можно сказать и о фрагментах тулова и плеч второй родосской амфоры, идентичной первой (кат. 15). Во всяком случае, такое определение следует из работ В. Грэйс, на которые автор ссылается в разных местах своей книги. Что же касается амфоры с одним из вариантов «грибовидного» венца, которую не заметил С. Ю. Монахов (кат. 16), и которая может быть предположительно определена как самосская (?) по предположению В. Грэйс (в чем я не уверен), то в любом случае дата сосуда вряд ли может быть определена временем позднее первых десятилетий третьего века до н. э. Амфоры этого весьма широкого и разветвленного по вариантам формы и составу керамической массы типа, впервые описанные И. Б. Зеест (1960, с. 92 сл., табл. XVI) как «усть-лабинские» IV–III в., а В. Грэйс как предположительно самосские (Grace 1971, Pl 15, 13), в более или менее хорошо синхронизированных комплексах тары нигде не выходят за пределы первой трети III в. до н. э. (ср. Монахов 1999, с. 214, табл. 214,4*). Иными словами, остатки родосских и предполагаемой «самосской» амфор из публикуемой коллекции вряд ли могут быть отнесены к другому времени чем самое начало III в. до н. э. (первые два-три десятилетия). В крайнем случае, они могли бы дожить до середины века. Но таких данных сейчас нет.

Обломки «колхидской» амфоры (каталог 17). Ее темно-коричневая керамическая масса специфична. Характерны и профилирующие части. Нет, конечно, сомнений, что амфоры этого круга выпускались где-то в Восточном или Юго-Восточном Причерноморье. Это следует, хотя бы из относительной плотности ареала находок их обломков. Но центры производства не установлены.** Петрографический анализ С. Ю. Внукова (1992) привел его к предположению, что часть таких амфор производилась в IV–I в. до н. э. в разных местах Колхиды греческими (или связанными с ними местными мастерами), возможно, с использованием привозного отошителя (там же, с. 89). Анализ ручек клейменых амфор Диоскуриады позволил предполагать, что керамическая масса амфор этого центра по набору минеральных добавок выделяется в не имеющий аналогов самостоятельный петрографический тип (Щеглов, Селиванова 1992, с. 40).

* С. Ю. Монахов (1999, с. 501, табл. 214.3.4.7) опубликовал один «закрытый» комплекс с аналогичными или близкими по форме сосудами из моих раскопок монументального здания У6 на поселении Палеокое I. Он принял предложенную мной дату гибели комплекса в первой трети III в. до н. э.

** Пожачуй, за исключением клейменых амфор Диоскурии.

Г. Р. Цецхладзе сначала сам (1992), а затем в соавторстве с С. Ю. Внуковым (1993) построил диахроническую схему развития форм «колхидских» амфор. В соответствии с ней, публикуемый фрагмент может быть предположительно датирован первой половиной III в. до н. э. (Цецхладзе 1992, с. 94, рис. 2). С. Ю. Монахов в своей книге привел два комплекса, которые содержат обломки «колхидских» амфор. Первый — засыпь цистерны в Нимфее (Монахов 1999, с. 466 сл., табл. 201). Опираясь на клейменные и неклеяменные амфоры и чернолаковую керамику он определил время заполнения цистерны «в пределах первых трех десятилетий III в. до н. э.» (там же, с. 469).^{*} Второй комплекс — опубликованный Ю. В. Зуйковым (1987) материал из ямы 1981 г. в Горгиппии. С. Ю. Монахов (1999, с. 551 сл.), опираясь на два синопских клейма на обломках ручек амфор, определил дату совершения засыпки ямы около 20-х годов III в. до н. э. Но доказательство синхронности обломков «колхидских» амфор требует дополнительных подтверждений **

Наконец, остается группа из остатков четырех синопских амфор. Именно она, как мне кажется, ввела С. Ю. Монахова в заблуждение относительно определения общей абсолютной даты «комплекса» амфор. Из нашей находки он опубликовал только два горла (кат. 11, 12). Оставляя их пока в стороне, обратимся к не учтенным автором образцам. Тулово (кат. 10) и ножка (кат. 13) двух сосудов должны принадлежать по его же классификации к продукции, которая выпускалась в Синопе в конце IV — начале III в. до н. э. (типы II С и II Е). Предложенное им определение времени производства тары таких типоразмеров подкреплено данными археологии и успехами керамической эпиграфики. Что же касается атрибуции и датировки горл из траншеи, следует вспомнить следующее. В двух специальных статьях о типологии и хронологии синопских амфор (Монахов 1992; Monachov 1993) автор выделил вариант III А на основании двух тогда известных ему сосудов. Первый из них (ялтинский) был найден в море и естественно стратиграфически ни к чему не привязан. Никаких указаний на время изготовления или бытования он не содержит. Второй — один из публикуемых сосудов с остатками клейма на ручке (каталог, №12). В клейме, как мы помним, сохранилась только эмблема. Ссылаясь на устное сообщение Н. Ф. Федосеева, автор пишет: «сидящая фигура с копьем», которая встречается на штампах

^{*} Эту дату в свое время предложила Н. Л. Грач. О. Ю. Соколова обратила мое внимание на ошибку в описании сосудов. Изданный С. Ю. Монаховым (1999, с. 469, табл. 201.11) канфар в действительности не имеет накладного орнамента. Такой орнамент нанесен на обломок другого канфара с прямым венцом.

^{**} Сравнение чертежей профиля и самих обломков *de visu*, петрографический анализ.

Памфила (так! — Авт.), сына Гекатея (V группа). Видимо, амфоры варианта III A бытовали в конце III — начале II в. до н. э.» (Монахов 1992, с. 177 и прим. 54). Здесь дата клейма — главный признак для определения датировки формы сосуда. В тексте же книги (1999, с. 553) наоборот форма синопских амфор варианта III-A является главным признаком для определения даты, а клеймо вторичным — подтверждающим предложенную датировку. Иными словами, здесь типичный логический «перевертыш» — *circulus vitiosus* в системе доказательств.

Удивление вызывает описание эмблемы клейма и его принадлежности конкретному магистрату на ручке амфоры (кат. 12), которая и послужила единственным признаком для определения даты не только для выделения группы амфор варианта III-A (что может быть оправдано), но и для определения времени всего керамического набора из траншеи. По С. Ю. Монахову, в клейме изображен воин с копьем. Как говорилось выше, ссылаясь сначала на устную консультацию Н. Ф. Федосеева, а затем на его статью (Монахов 1999, с. 553, прим. 45), автор отнес эмблему к астиному V группы Гракова Панфилу, сыну Гекатея. Но! По Н. Ф. Федосееву (1993, с. 102, №121), клейма этого магистрата сопровождалась совсем другой эмблемой, а именно — «сидящая фигура с рогом изобилия». Эмблема «воин с копьем» принадлежит только клеймам с именем Плейстархида, сына Алемамнта, астиному VI группы Гракова (Граков 1928, с. 194, s. v. Πλεισταρχίδης; Федосеев 1993, с. 102, №126).

Период деятельности последних астиномов (группа VI Гракова) в Синопе и соответственно определение времени последнего этапа клеймения амфор, как мы знаем, все еще остаются дискуссионными (ср.: Шелов 1975, с. 134 слл.; Федосеев 1992). Сейчас уже очевидно, что предлагавшаяся ранее датировка шестой группы Гракова второй половиной II до н. э. (см.: Брашинский 1963, с. 133) вряд ли верна, ибо она входит в непримиримые противоречия с данными археологической стратиграфии. По предположению Н. Ф. Федосеева (1993), магистратское клеймение было прекращено еще в конце III в. до н. э. Однако это положение автором нигде не разъяснено. Поэтому наиболее аргументированными, как представляется, сейчас остаются гипотезы В. Грейс (Grace 1956, p. 165) и В. И. Цехмистренко (1960) о прекращении массового магистратского клеймения амфор в Синопе в первой четверти II в. до н. э. (около 183 г. до н. э.). Но если это действительно так, то мы обязаны опубликованный С. Ю. Монаховым остаток клейма, а соответственно и горла отнести не к концу III, т. е. к двадцатым — тридцатым годам этого столетия, как полагает автор, но к первой четверти II в. до н. э.

Некоторые замечания к описанию самой эмблемы на остатке клейма. Сидящая мужская фигура трактована как «воин с копьем». Ее предельно схематичный рисунок в книге С. Ю. Монахова

(табл. 232, 1) не соответствует действительности. Я специально привожу фотографию и увеличенный в два раза снимок эмблемы (рис. 6). Предмет в левой (!) руке сидящей мужской фигуры может быть понят не столько как копье, сколько как тирс. Кроме того, впереди фигуры в поле помещен явно различимый лист плюща. Исходя из этого, изображение можно весьма предположительно трактовать скорее всего не как некоего обезличенного воина, но как сидящего на шкуре пантеры (?) Диониса.* Я, конечно, не настаиваю на своем толковании, ибо это предмет специального корпусного изучения эмблем на синопских клеймах, чем я никогда не занимался.

Последняя группа материала из траншеи хотя и не дает «прямых» указаний на определение абсолютных дат, все же весьма полезна. Так, херсонесские расписные кувшины (кат. 18, 20) вряд ли могут быть отнесены ко времени позднее III в. до н. э. Все датированные сосуды такой формы не выходят за пределы первой половины III в. до н. э. (см., например, САИ Г1–20, табл. 15, 1).** Херсонесские кувшины конца III – начала II в. до н. э. имели другие, более вытянутые пропорции, что, например, прекрасно иллюстрируется комплексом вещей из раскопанного Г. Д. Беловым так называемого «дома Аполлония» в северном прибрежном районе Херсонеса (См.: Белов 1962, рис. 12–14). Найденные в траншее фляга и обломок края сероглиняного рыбного блюда пока не имеют более или менее строгих датирующих привязок. Форма и профилировка фляг вообще устойчивы. А рыбные блюда такого типа пока специально не классифицированы и не хронологизированы.*** Что касается рельефа, то, несмотря на свою плохую сохранность, по композиции, манере и технике исполнения, и другим стилистическим и техническим признакам, он не может быть вынесен за рамки греческого искусства поздней классики — раннего эллинизма, т. е. позднее второй половины IV — первых десятилетий III до н. э. Но его изучение и публикация впереди.

6. Обсуждение и заключение

Итак. Собрannую в основном в отвалах из траншеи (но не полученную в результате планомерных раскопок!) коллекцию можно только с очень большой натяжкой обозначить как «комплекс керамической тары». Во введении к своей книге, в методических установках

* В рукописном (архивном) отчете я трактовал изображение как фигуру сидящей Артемиды с факелом, что, конечно, было ошибкой.

** Большая серия хорошо датированных аналогичных кувшинов найдена в монументальном здании У6 на поселении Панское I. Они изучены и публикуются С. В. Кашаевым (в печати).

*** По моим наблюдениям они появляются в составе керамического материала в слоях начала III в. до н. э., если не несколько раньше. Но это надо проверять.

своего монументального труда, С. Ю. Монахов (1999, с. 14–24) наметил для себя и читателей иерархию более или менее достоверных «комплексов». В частности, он разумно подверг критике интерпретацию Д. Керда, которую последний предложил для группы амфор, поднятых со дна моря в местонахождении Эль Сек у острова Майорки (Arribas, Trias, Cerda, Hoz 1987), как единовременного комплекса, который образовался в результате предполагаемого авторами одного кораблекрушения (см.: Монахов 1999, с. 18). Но в данном случае он отошел от своего же метода рассмотрения исходных данных. В публикации материалов из траншеи, присутствует та же ошибка, на которую он сам же указал. Набор вещей и условия их обнаружения детально не рассмотрены, изучаемый археологический объект не описан, не стратифицирован, материал *a priori* принят как некое синхронное единство по одному признаку — амфорам.

Как следует из каталога, описания условий находки и анализа вещей, собранная коллекция делится, по-видимому, на две разновременные группы предметов. Первая, самая большая, относится, очевидно, к разрушенному помещению и выбросам заполнения из него. Она более или менее компактна и может быть с достаточной степенью вероятности отнесена примерно к концу IV — первым десятилетиям III в. до н. э. Вторая, незначительная по количеству группа находок может быть помещена (если существующие представления верны) в начало II в. до н. э., скорее всего, в его первую четверть. Между ними есть значительная временная лагуна — по-видимому, около ста лет.

В северной части перешейка Маячного полуострова, откуда происходят публикуемые находки, примерно такая и даже еще более сложная археологическая ситуация фиксировалась и раньше. В пока еще не опубликованных материалах из раскопок Р. Х. Лепера (тот же участок 4. См. рис. 2) присутствуют материалы от конца VI в. до н. э. до начала н. э.* Образование нижнего слоя Б² (рис. 1) и связанных с ним находок, на мой взгляд, более или менее объяснимо. Оно, очевидно, может быть связано с разрушением и очень сильным пожаром в помещении какой-то постройки, что произошло скорее всего на рубеже IV—III, или в первых десятилетиях III в. до н. э. Такое заключение согласуется и с некоторыми другими данными раскопок на других участках того же городища (ср.: Щеглов 1994). Находки начала II в. до н. э. (если верна дата) пока не объяснимы прежде всего из-за абсолютной неясности археологической ситуации (они же найдены в отвале). Но по времени, если принять датировку по С. Ю. Монахову,

* Материалы из раскопок Р. Х. Лепера подготавливаются к изданию. Пока опубликована только одна ранняя группа вещей (Щеглов 1997).

поздний материал из двух горл синопских амфор, по-видимому, совпадает по времени с прекращением существования домов в северном приморском районе Херсонеса. Кроме того, он совпадает с разрушением некоторых поздних херсонесских поселений в степном Северо-Западном Крыму, в которых найдены синопские клейма шестой группы Гракова и которые я отношу пока предположительно к первой или рубежу первой-второй четверти II в. до н. э.* Среди находок из раскопок Р. Х. Лепера на этом же участке тоже выделяется материал II в. до н. э. Случайны эти совпадения, или нет? Думаю нет. Но это совершенно другая тема, связанная с внезапным появлением и формированием так называемой "позднескифской" культуры в Крыму **

Так или иначе, но коллекция из траншеи 1967 г., которая хранится в Херсонесском заповеднике, в том числе и обломки амфор, никак не может рассматриваться в качестве единого и типического "комплекса керамической тары".

Р. С. Я бы не хотел, чтобы С. Ю. Монахов принял мою критику и пояснения болезненно. Что делать. И Зевс ошибался. Но опубликованный им же придуманный «комплекс» из его книги надо исключить как публикацию недостоверных и в данном случае не проверенных автором сведений. Иначе другие исследователи будут вынуждены опираться на данный керамический «комплекс» как на реальный факт и невольно будут введены в заблуждение.

Литература

Ахмеров Р. Б. Амфоры древнегреческого Херсонеса (IV–II вв до н. э.) // ВДИ, 1947, №1.

Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе // ТГЭ VII / Культура и искусство античного мира Л., 1962.

Боголюбова О. Ю. Керамические клейма поселения Большой Камень // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». III часть. Симферополь 1988

Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ 1974. Вып. XI.

Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы // Античный го-

* Например, разгромленное и сожженное поселение (усадьба) Большой Камень (См.: Щеглов 1988, с. 149). Среди всего керамического материала начала II в. до н. э. последние синопские клейма относятся именно к шестой группе Гракова (Боголюбова 1988, с. 235, Монахов 1999, с. 562). Примерно такая же картина наблюдается и в районе Евпатории — на поселении Песчанка (Коваленко 1991, с. 19, 29).

** Свою последнюю точку зрения я вкратце изложил (Щеглов 1998). Но она, естественно, требует проверки.

род. М., 1963.

Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора Боспорские черепицы // ИГАИМК, 1934. вып 104

Граков Б. Н. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. М. 1928.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА 83. М. 1961.

Зуйков Ю. В. Позднеэллинистический керамический комплекс из Горгииппии // КСИА, 1987. Вып. 191.

Коваленко С. А. Античное сельскохозяйственное поселение возле села Песчаное // Памятники раннего железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991.

Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья: Синопа. Амис. Трапезунд. М.-Л. 1956.

Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э. Изд. Саратовского университета. 1989.

Монахов С. Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Изд. Саратовского университета, 1992.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары. Изд. Саратовского университета. 1999.

САИ Г1—20 — Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М. 1966.

Федосеев Н. Ф. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Греческие амфоры. Изд. Саратовского университета. 1992

Федосеев Н. Ф. Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1993.

Цехмистренко В. И. Синопские керамические клейма с именами гончаров // СА, 1960, №3.

Цецхладзе Г. Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Изд. Саратовского университета. 1992.

Щеглов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I веков до н. э. М. 1975

Щеглов А. Н. Охранные раскопки и зачистки на Гераклеяском полуострове // АО. 1968. М. 1969.

Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Щеглов А. Н., Селиванова Н. Б. Оптико-петрографическое исследование причерноморских амфор IV—III вв. до н. э. // Греческие амфоры. Изд. Саратовского университета. 1992

Щеглов А. Н. Основные структурные элементы межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Щеглов А. Н. "Старый" Херсонес Страбона. Укрепление на пере-

шейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Щеглов А. Н. Крепостные стены "старого" Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье / Археологические изыскания. Вып. 20. СПб, 1995.

Щеглов А. Н. О времени возникновения "Старого" Херсонеса Страбона // Античное общество: проблемы истории и культуры. СПб, 1995а

Щеглов А. Н. Первая находка монеты-стрелки в Юго-Западном Крыму и ее значение для понимания текста Strabo. VII. 4. 2 // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове 23-24 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 1996.

Щеглов А. Н. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (к проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ / Проблемы археологии. Вып. четвертый. Изд. Санкт-Петербургского университета. 1998.

Arribas A, M^a T rias G, Cerda D, HozJ. de la. El barco de el Sec (Calvià, Mallorca). Estudio de los materiales. Mallorca 1987.

Empereur J-Y, Hesnard A. Les amphores hellénistiques // Céramiques hellénistiques et romaines II. Besançon. 1987.

Grace V. Pnyx. Stamped Wine Jar Fragments // Hesperia. Suppl. X. 1956

Grace V. Samian Amphoras // Hesperia XL, 1. 1971.

Monachov S. J. Les amphores de Sinope // Anatolia antiqua II. 1993.

Ščeglov A. Utilisation de la photographie aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonesos Taurique (IVe-IIe s. av. n. Ère) // Dialogues d'histoire ancienne 6. 1980.

Tsetskladze G. R. , Vnukov S. Ju. Les amphores colchidiennes // Anatolia antiqua II. 1993.

Resume

Shcheglov A. N. Strabo's «Old» Chersonese. The Fortification on the Isthmus of the Mayachniy Peninsula. IV. The Trench of 1967 in Headwaters of Kazachya Bay.

The article continues the series of publications on the sites of the Mayachniy peninsula. Publishing finds, such as tiles, amphorae, other types of ceramic vessels, limestone relief were made during construction work. However S.Yu. Monakhov, who had issued a part of items, supposed them to be a single assemblage, in fact one could divide them on two groups of different periods: the first dates to the 4th-first decades of the 3rd centuries BC, the second – to the beginning of the 2nd century BC.

КУЛЬТЫ И АДЕПТЫ В СВАТИЛИЩЕ

II в. до н. э. – III в. н. э. ОКОЛО г. САКИ В КРЫМУ

Археологический памятник, открытый автором в 1974 г., расположен на границе Юго-Западного и Северо-Западного Крыма, на песчаной пересыпи между Черным морем и Сакским соляным озером. Зона распространения подъемного материала достигает 8 га. Здесь в 1986 и 1987 гг. обнаружены яркие и исторически значимые материалы, осмыслению которых, в самых общих чертах, посвящена эта статья (Кутайсов, Ланцов, 1988, с. 301–302; Ланцов, 1987, с. 94; 1988, с. 249–250; 1991, с. 7–8, 10, 15).

Разнообразные археологические, нумизматические, эпиграфические находки, фрагменты рельефов и объемной скульптуры относятся ко времени с конца II в. до н. э. до середины III в. н. э. От святилища, к сожалению, сохранились лишь незначительные остатки ленточных каменных фундаментов небольшой постройки, по-видимому, — ритуальная площадка из керамического шлака — и ямка с костями жертвенного животного. Исходя из политической обстановки в Крыму в рассматриваемое время, начало функционирования святилища может быть связано только с восстановлением херсонесских владений Северо-Западного Крыма в результате побед понтийского полководца Диофанта над скифами, в ходе приморского похода второй кампании, состоявшегося в 112 или 109 гг. до н. э. (см. Виноградов 1985, с. 643–647, 1987, с. 70, прим.; Молев 1994, с. 19–21, 1995, с. 37–44, Сапрыкин 1996, с. 134–139). Именно этим временем датируются обнаруженные на памятнике монеты Херсонеса и Амиса (Понт). Появление ранних понтийских монет в Херсонесе обычно объясняют тем, что они были занесены солдатами войска царя Понта — Митридата VI Евпатора (см. Зограф 1940, с. 293–294, Гилевич 1968, с. 20; ср. Голенко 1964, с. 60–61; 1965, с. 309–310).

О том, что место расположения памятника находилось на пути маршрута передвижения Диофантова войска, свидетельствуют обнаруженные в трех километрах отсюда, на городище Кара-Тобе, слой пожара конца II в. до н. э. и фрагмент известняковой стелы этого же времени с остатками пяти строк надписи, в которой сказано о трофее, посвященном главной богине Херсонеса — Деве — в честь победы, одержанной неким Аристонином, находившимся якобы под началом Диофанта (Виноградов, Внуков 1989, с. 28–29; Внуков 1994, с. 64–65; Vinogradov, Vnukov 1997, s. 493–500, taf. 34,2; ср. Яйленко 1999, с. 124–125).

Издатели, Ю. Г. Виноградов и С. Ю. Внуков, отнесли этот победный памятник к первому этапу похода Диофанта в Северо-Западный Крым (вторая кампания), где его отряд вместе с херсонесским опол-

чением овладел Керкинитидой, укрепленными пунктами и осадил Калос Лимен (IOSPE I², 352). В связи с лапидарной находкой и с тем, что на Кара-Тобе в конце II в. до н. э. возводится в греческой строительной технике крупная крепостная постройка, вероятно, захваченная скифами около середины I в. до н. э. (Внуков 1994, с. 64–65, 1997, с. 66–67), С. Ю. Внуков в дальнейшем (1994, с. 65) поддержал гипотезу Д. С. Раевского о локализации здесь древнего Евпатория (Раевский 1968, с. 128–132), основанного Диофантом на начальном этапе военных действий против варваров в землях «окрестных (по отношению к Херсонесу. — Авт.) тавров» (IOSPE, I² 352, стк. 10; Strabo VII,4,7, Ptol VI,2). С. Ю. Сапрыкин считает, как первоначально и издатели трофея, что вышеупомянутая победа связана не с первым периодом войны, а со вторым (1996, с. 134, 139). Такого же мнения придерживается и автор, поскольку не может согласиться, как и большинство исследователей, с локализацией как театра военных действий первой кампании Диофанта, так и основанного им города Евпаториона, в Северо-Западном Крыму, чему нет какого-либо надежного подтверждения в источниках (см. Latyshev 1916, с. 305; ср. Колтухов 1993, с. 213; Молев 1995, с. 34–35, 1998, с. 211).

Однако, как представляется, битва, произошедшая рядом с Кара-Тобе, связана не с первым периодом второго похода, а с последующим, когда, по свидетельствам Страбона и Диофантова декрета, благодаря пророчеству и чудесному содействию херсонесской покровительницы богини Девы понтийскому войску удалось одержать победу над значительно по численности превосходящим противником. В честь этого события, вероятно, и был установлен победный памятник в честь Девы, в котором отмечен отличившийся в бою Аристоник.

Очевидно, возникновение святилища связано с победой, косвенно отраженной осколком эпиграфического документа с Кара-Тобе. Не исключено, что выбор места для расположения святилища на пересыпи был обусловлен конкретной территорией проведения сражения, о котором известно: «Когда Диофант сделал разумную диспозицию, воспоследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена: ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули немногие» (IOSPE I², 352). Страбон также отмечает сокрушительный разгром варваров (VII,3,17). Такого эффекта шеститысячный отряд понтийских гоплитов мог добиться, перегордив с двух сторон водораздел между морем и Сакским озером, в момент передвижения пятидесятитысячного войска роксолан под предводительством Тасия, пришедшего на помощь скифам, возглавляемым Палаком. Что касается реальной численности людей, то она, могла быть иной (см. напр. Колтухов 1993, с. 214).

Со времени возникновения в непрерывном существовании пункта на Сакской пересыпи необходимо выделить два этапа. Первый [112

(109) г. до н. э. — середина II в. н. э.] отличается от второго отсутствием посвящений. Только три фрагмента, вероятно, относятся к первой половине II в. н. э. Характерной чертой второго этапа (середина II — середина III в. н. э.) является наличие votивных мраморных плиток с фракийскими рельефами и посвячительных надписей на них. Факт отсутствия посвящений конца II в. до н. э. — I в. н. э. заставляет обратиться к вопросу о функциях раннего памятника.

Бесспорными представляются его херсонесская принадлежность и общественный характер, о чем свидетельствуют керамический и нумизматический комплексы, а также нетрадиционная (неаграрная) функция, поскольку он находится на морском засоленном песке, не пригодном для сельского хозяйства.

Косвенным аргументом в пользу раннего культового назначения памятника служат находки монет. Ко II в. до н. э. — I в. н. э. относятся 52 (1?) из 68 поддающихся определению. Такое количество монет на античных поселениях Западного Крыма встречается редко, да и то, в более раннее время (IV—III вв. до н. э.), и, в основном, в качестве кладов, а также, иногда, строительных жертв.

В плане интерпретации памятника на первом этапе существования в качестве культового, принадлежащего херсонессцам, существенный интерес приобретает также находка фрагмента подвечной части коричневоглиняного кувшина, с четко прочерченным в центре обломка граффити РГ (ро, гамма). Достаточно плотно расположенные буквы имеют узкую удлинённую форму. Надпись могла быть нанесена как на целом сосуде, так и на обломке. Обращает на себя внимание редкое сочетание согласных, не имеющее аналогий в просмотренных мной опубликованных керамических надписях Северного Причерноморья. Возможности для определения надписи, кроме как цифровой метки — 103-й, не существует. Я склонен видеть в этом обозначении 103 год Херсонесской эры, т. е. 79-й г. н. э., а нанесение года на сосуд или его фрагмент объяснить стремлением дедиканта, херсонессца по происхождению, зафиксировать таким образом время посещения святилища. Для этой цели могла быть использована и датированная монета. Однако, обращение к нумизматическим данным позволяет обнаружить отсутствие таковых в Херсонесе, право чеканки которому было возвращено при римском императоре Тите лишь на второй год его правления или, таким образом, в 104 г. херсонесской эры (80 г. н. э.) (см. Анохин 1977, с. 66).

Время существования Сакского святилища приходится на период непрерывного и безраздельного господства в регионе поздних скифов. Сначала неприкосновенность культового места могла гарантироваться, возможно, присутствием контингента понтийских войск, введенного на территорию Херсонесского государства в конце II в. до н. э. (Iustin XXXVIII, 3; Сапрыкин 1986, с. 213; Зубарь 1987, с. 120).

Именно тогда на расположенном поблизости городище Кара-Тобе (см. выше) возводится мощное фортификационное сооружение, в котором, по мнению его исследователя, размещались понтийские или (и) херсонесские военнослужащие. После их ухода и возвращения скифов в конце первой половины I в. до н. э. (Внуков 1994, с. 64–65), исходя из политической обстановки 60–40 гг. I в. до н. э., покровительство Сакскому святилищу мог оказать Боспор, в правления Фарнака, частично Асандра, Динамии и Полемона I распространявший власть на Херсонес, о чем свидетельствуют нарративные и эпиграфические источники (Strabo VII, 4, 3; IOSPE I², 354, 419, 704), а также нумизматические наблюдения (см. Анохин 1963; с. 16; 1977, с. 60; ср. Зубарь 1987, с. 120–121; 1994, с. 14–15). Не исключено, что власть подразумевала и заботу по обеспечению безопасности Херсонеса и его святилища от посягательств варваров. Следует отметить, что 10 из 15 боспорских монет в нумизматической коллекции из Сакской пересыпи относятся как раз ко второй половине I в. до н. э.

Все же, объяснить длительное присутствие греческого святилища на территории занятой варварами можно лишь предположив наличие некой, может быть «неписанной», договоренности Херсонеса со скифами (нечто вроде амфикитии) или негласной традиции, препятствующей разрушению мест отправления культа.

Возникшее в конце II в. до н. э. святилище на Сакской пересыпи, судя по находкам, достигло расцвета к концу первой половины II в. н. э., который продолжался до середины третьего столетия.

Изучение фрагментов скульптуры, рельефов и лапидарных надписей этого времени позволило уверенно зафиксировать культы фракийского Героя-всадника (Хероса) (рис. 1,3,5,7), Кибелы (рис. 1,8), Артемиды (рис. 2,3) и предположительно Юпитера Лучшего Величайшего (рис. 3,2), Митры Тавроктона (рис. 1,4) и Геры (рис. 1,6). Для более полного представления о пантеоне Сакского святилища следует, вероятно, обратить внимание на фрагменты протомы с изображением Асклепия и терракотовой маски Геракла.

Чрезвычайно сложен и до настоящего времени недостаточно ясен (для первых веков н. э.) синкретический культ так называемого фракийского Всадника. В излюбленном фракийскими племенами образе всадника изображались Зевс (Юпитер), Асклепий, Дионис, Аполлон, Аттис, Артемиды, Сильван, Сабазий, Рес (Штаерман 1961, с. 174; Щеглов 1969, с. 175; Милчев 1977, с. 73; Тачева-Хитова 1982; Колосовская 1986, с. 32–33; Русяева 1992, с. 152), и, вероятно, подразумевалась идея единого многообразного фракийского божества (Venedikov 1963). Надписи на рельефах, оставленные адептами этого культа, чаще всего содержат посвящения Херосу, Асклепию и Сильвану (Venedikov 1963), иногда упомянутым лишь по одной из эпиклес (см. напр. Крыкин, 1990). Сильван, в свою очередь, наибо-

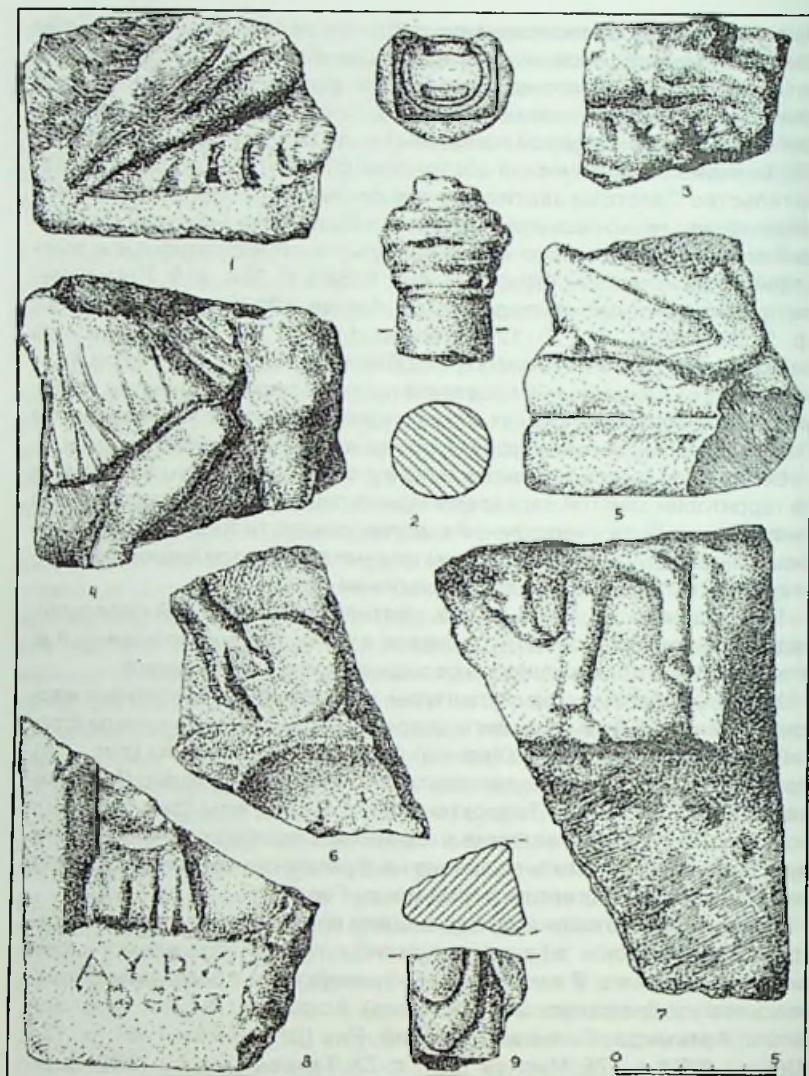

Рис. 1. Отдельные фрагменты мраморных рельефов и известняковой скульптуры II—III вв. н. э. из Сакского святилища.

1 — нижняя часть женской задрapированной фигуры; 2 — фрагмент миниатюрной известняковой колонны с капителью (постамент для не сохранившейся статуэтки); 3 — нижняя часть галопирующей вправо лошади, под ней голова кабана влево; 4 — фрагмент горельефа всадника

лее близок Гераклу. Им присущ и ряд общих эпитетов (Штаерман 1987, с. 235–239). Эпиклесу *invictus*, постоянную для Геракла, в ряду других божеств, включая Митру, носили Сильван и Херос (Штаерман 1987, с. 270). С Асклепием Геракла сближает эпитет Сотер (Соломоник 1984, с. 15). Всех четверых — Героя-всадника, Сильвана, Асклепия и Геракла — в определенной мере объединяют представления об их человеческом происхождении и достижении апофеоза. Известно также почитание Геракла в образе конного бога (см. Крыкин 1987, с. 18).

В генетической основе культа фракийского Всадника заложено хтоническое начало, а также заключена идея активной борьбы (Штаерман 1987, с. 301–302), нашедшая многочисленных приверженцев из среды легионеров римской Дунайской армии. Ими, в том числе и непосредственно фракийцами, культ Хероса был занесен в Северное Причерноморье. В связи с этим вызывает определенное сомнение предположение А. Н. Щеглова о том, что в Херсонесе он почитался в качестве хтонического божества (1969, с. 176). В какой ипостаси поклонялись здесь конному божеству не ясно так же как и в Сакском святилище. Для решения этой проблемы применительно к Херсонесу остаются некоторые перспективы. Так, Э. И. Соломоник на одном из рельефов Всадника выделила элементы, характерные для иконографии Сабазия (1984, с. 11). Для памятника же на Сакской пересыпи данный вопрос, останется открытым в связи с анэпиграфностью и крайней фрагментарностью рельефов.

Косвенным аргументом в пользу интерпретации всадника отсюда в качестве Асклепия может служить только одна находка глиняной статуэтки с его изображением. Не исключено и то, что он воспринимался здесь обобщенно, во всем своем синкретическом многообразии (см. Штаерман 1961, с. 248). Однако, имеются некоторые особенности сохранившихся изображений. В одном случае лошадь зафиксирована в спокойной позе, при отсутствии алтаря, в целом характерного для подобных сюжетов (рис. 1,7); в другом — несущейся в галопе, рядом с ведром (рис. 1,3). Еще один фрагмент, выполненный в высоком и как будто реалистичном рельефе, по изобразительной манере вообще значительно отличается от прочих пластических решений как всадника, так и других сохранившихся фигур (рис. 1,4). Не исключено, что это обломок рельефа Митры Тавроктоня

Состав божеств, совместно почитавшихся в Сакском святилище, вполне естественен. Сам синкретизм Героя-всадника может вклю-

(Митра Тавроктон?); 5 — задняя нога копытного животного, вероятно, лошади; 6 — кисть правой руки с патерой над рельефным краем алтаря (?); 7 — передние ноги идущей вправо лошади и ступня Фракийского всадника в обуви с загнутым острым носком; 8 — нижняя часть фигуры Матери богов (Кибелы) с остатками посвящения ей от Аврелия Хр...; 9 — фрагмент обрамления края рельефа в виде уложенного косицей конского хвоста или складок занавеси.

Рис. 2. Фрагменты беломраморных лапидарных эпитафических
вотивных памятников из Сакского святилища.

чать зафиксированные в ходе исследования культа Асклепия и Артемиды. Мраморные плитки с Герой почти всегда находят в местах отправления культа Всадника (см. напр. Ростовцев 1911, с. 21–22). Рельефы Кибелы не только встречаются в одних фракийских свя-

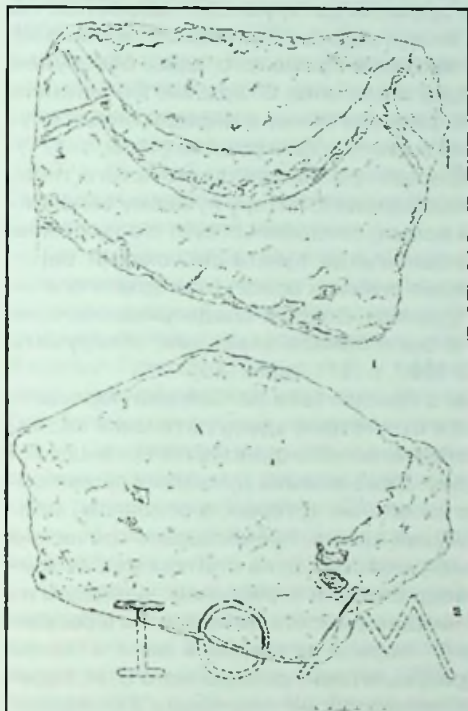

Рис. 3. Фрагменты известняковых плит из Сакского святилища.

- 1 — верхняя часть алтаря (?) с рельефом в виде стилизованной гирлянды (?);
- 2 — обломок плиты с остатками крупных букв, возможно, посвящение Юпитеру Лучшему Величайшему.

тилищах с вышеперечисленными божествами, но ее изображение даже присутствует вместе с Херосом на одних votivных табличках (ср. Тачева-Хитова 1982, II, №39). Асклепия и Артемиду между собой, помимо фактов их общего почитания с конным богом, соединяет мифологическая традиция (Ovid. *Metamorph* XV, 443, 497, 545; Штаерман 1987, с. 32). Культ последней во Фракии и Нижней Мезии во II–III вв. н. э. оформился, слившись с местным женским божеством, в единый образ богини-охотницы — Артемиду-Бендиду (Попов 1981). Однако, ряд причин заставляет нас выделить культ Артемиды из пантеона Сакского святилища и воздержаться от его отождествления с Бендидой (см. ниже).

Рассмотрение культов, зафиксированных около г. Саки, привело к выводу,

что все они обычны для фракийских святилищ II–III вв. н. э. Отправление этих культов, в первую очередь синкретического Героя-всадника, вне территории Подунавья не встречается, кроме мест дислокации римских фракизированных вексилляций (Крыкин 1987, с. 3, 12).

Появление контингентов Дунайской армии в Херсонесе (Щерлов 1969, с. 136–137; Граков, Виноградов 1970, с. 127–134; Золотарев 1981, с. 56–58; Зубарь 1986, с. 150–153; 1989, с. 126–127; Кобелев, Яшаева 1996, с. 32–33; Sarnowski, Savelja 1998, s. 321–341) относится

ко времени правления Антонина Пия (138–161 гг.), точнее, к сороковым годам II в. (Анохин 1977, с. 80–82; Кадеев 1981, с. 27–28; Зубарь, Сарновский 1997, с. 54–55; Зубар, Савеля, Сарновский 1997, с. 69, 70, 74, 80; Зубарь, Савеля, Сарновский 1999, с. 202, 205; ср. Зубар 1993, с. 135). Не ранее этого времени датируются и найденные на Сакской пересыпи votивные анэпиграфные рельефы и надписи на плитках из белого дунайского мрамора. Кроме того, здесь обнаружен денарий Адриана и сестерций Фаустины Старшей. По мнению П. О. Карышковского, наличие римских монет в определенных случаях может свидетельствовать о присутствии римлян (1988, с. 127). Обнаружение на Сакской пересыпи рельефов фракийского типа, римских монет и латинского посвящения Юпитеру лучшему величайшему (главному богу римской армии) свидетельствует о возможном расположении здесь, помимо святилища, пункта дислокации, вероятно, небольшого подразделения римских войск, хотя археологически этого пока установить не удалось. Вообще следы римских лагерей, в тех случаях если они не были обнесены валами, обнаружить очень трудно (см. Блаватский 1967, с. 171, прим. 45).

В связи с предположением о присутствии на Сакской пересыпи римлян, не следует удивляться отсутствию здесь латинских надписей, кроме сомнительно восстановленного фрагмента посвящения Юпитеру лучшему величайшему. Даже в самих дунайских провинциях, за исключением Дакии, из населения которых, в основном, формировалась во II–III вв. Дунайская армия, преобладают греческие тексты (см. ISM). Изучение имен дедикантов на плитках из Сак привело меня к мнению об их принадлежности peregrинам, выходцам из Нижней Мезии и Фракии, получившим римское гражданство в результате набора в армию в конце II – первой половине III вв. н. э. Такой вывод хорошо согласуется с результатами проведенного В. И. Кадеевым специального изучения латинской антропонимии Херсонеса, являвшегося центром римской оккупации Северного Причерноморья. Исследователь доказал, что большинство солдат херсонесского гарнизона и членов их семей не было римлянами по происхождению (Кадеев 1981, с. 103).

Это позволяет думать, что и среди греческого лапидария Херсонеса, вполне вероятно, имеются надписи, оставленные на родном языке римскими военнослужащими-peregrинами, вполне естественно выпавшие, в результате фрагментарности, из поля зрения исследователей. Рассмотрев под таким ракурсом греческие тексты Херсонеса II–III вв. н. э. в связи с эпиграфическими находками из Сак, мы обратили внимание на фрагмент надписи (Соломоник 1964, №22), содержащий перечень трех лиц, обладавших римским гражданством. Ни одно из дополненных вторых имен в более раннее время не встречалось. Два из них имели сокращенный nome Аврелий. Ана-

лиз этого гентильного имени, зафиксированного в Сакском святилище и хорошо известного в греческой и, особенно, в латинской каменной эпиграфике Херсонеса, заставил, опираясь на аналоги из Ольвии, Боспора и Харакса, усомниться в коренном местном происхождении большинства его носителей (ср. Анохин 1977, с. 91, Соломоник 1964, с. 64; Кадеев 1981, с. 99–100). Известно, что после отставки римские ветераны бывало получали землю в местности, где размещалась воинская часть, включались в муниципальную жизнь, избирались магистратами, входили в культовые коллегии, укреплялись в высших кругах городской знати (см. Штаерман 1946, с. 260, Дьячков 1997, с. 73–74, Савеля, Сарновский 1999, с. 44). Будучи гражданами Рима, они оставались надежными проводниками римской политики на окраине античной ойкумены.

Как сейчас представляется, вышеупомянутый список неясного происхождения, возможно, содержал имена военнослужащих одного из подразделений Дунайской армии, в котором могли служить адепты фракийских культов, засвидетельствованные на Сакской пересыпи, Аврелий Хрисипп (?) (рис. 1,8) и ...Максим... (рис. 2,9), чьи имена в херсонесской надписи утрачены. Это соображение и ряд других наблюдений, связанных с изучением личных имен на votивных табличках из Сак, наводят на мысль о вероятности в конце II начале III в. н. э. каких-то локальных передислокаций войск в северо-причерноморском регионе по маршруту: Ольвия — Херсонес — Сакская пересыпь, в неясной последовательности, но пересыпь в любом направлении — только через Херсонес.

Возвращаясь к вопросу о возможности присутствия римлян на водоразделе между морем и Сакским озером, отмечу, что, как правило, святилища фракийских богов связываются с римскими сторожевыми постами (см. напр. Щеглов 1969, с. 156; Ростовцев 1911, с. 7; Кадеев 1981, с. 29–31). Наиболее многочисленными в римских провинциях являлись отдельно расположенные *stationes*, не связанные с лагерями и кастелями, отличительной чертой которых было соседство с небольшим храмом или святилищем. Основной функцией таких постов был контроль за сухопутным передвижением (Ростовцев 1911, с. 7, Щеглов 1969, с. 155). Особенно широкое распространение пункты подобного типа, судя по многочисленным надписям, получают с начала III в. н. э. (см. Ростовцев 1911, с. 10; Зубарь 1989, с. 126–127, прим. 23). Обычно они возникали на дорогах, существовавших в предшествующее время (Ростовцев 1911, с. 9). Вдоль западного побережья Крыма проходит наиболее короткий и удобный, лишенный естественных препятствий путь, ведущий в Херсонес.

Одновременно, предполагаемый пост, учитывая его местонахождение у моря, мог контролировать, наряду с другими, еще не открытыми постами (ср. Кадеев 1981, с. 31), побережье Западного Крыма.

Хотя это маловероятно, поскольку памятник находится на равнинной территории в самой излучине плавной дуги Каламитского залива, а, следовательно, не мог использоваться ни в качестве маяка, ни в качестве места, пригодного для стоянки судов эскадры Мезийского Флавиева флота, размещенного в Херсонесском порту (IOSPE I², 417, Соломоник 1966, с. 167–171; 1973, №189, 1983, №7). Вместе с тем, выбор точки для святилища фракийских богов и, возможно, поста дорожной стражи не был произвольным. Оно (он) разместилось на существовавшем херсонесском святилище (или рядом с ним), лежащем, как и большинство античных отдельно стоящих культовых комплексов, на традиционном пути, в данном случае, по-видимому, из Херсонеса в Керкinitиду.

Возникает закономерный вопрос — какому божеству поклонялись здесь греки до привнесения римскими солдатами фракийских культов, на который ответить не просто.

Если верна наша датировка мраморной стелы Артемиды (рис. 2,3), и она действительно относится к первой половине II в. н. э., то Артемиды — наиболее ранний культ из зафиксированных на пересыпи, предшествовавший или синхронный моменту появления здесь в середине II в. н. э. римских военнослужащих (см. выше). Следует отметить, что структура камня этого и еще пяти фрагментированных вотивных памятников несколько отличается от белого мрамора фракийских рельефов. Она характеризуется мелкозернистостью. По ряду косвенных соображений сложилось мнение о том, что остатки надписей на двух таких посвячительных табличках следует датировать II в. н. э. скорее всего, в пределах первой половины; и о принадлежности этих посвящений гражданам Херсонеса (рис. 2,1,7). Зафиксированное на фрагменте одной из плиток греческое имя Филомус хорошо известно в среде высшей администрации Херсонеса, начиная с 20-х гг. II в. н. э. (Соломоник 1973, №111–113; Антонова, Яйленко 1995, с. 61, стк. 35; Сапрыкин 1998, с. 43, стк. 38). Отсутствие римского родового имени позволяет считать, что посвячитель был херсонеситом.

Вотивных рельефов и посвячительных надписей, твердо относящихся к концу II в. до н. э. — I в. н. э., на Сакской пересыпи не обнаружено. Однако, ретроспективные построения позволяют предположить, что в это время здесь также почиталась Артемиды. Святилище, как доказывалось выше, было основано на рубеже второго — первого десятилетий II вв. до н. э. войском Диофанта, в честь победы в крупнейшем сражении скифо-херсонесской войны, одержанной, по свидетельству херсонесского декрета, благодаря божественной помощи Девы (Партены) (IOSPE I², 352). Войско в основном состояло из понтийских солдат. Действующий же в его составе херсонесский отряд в битве, очевидно, не участвовал. Он завершал осаду Калос Лимена

(IOSPE, I², 353) Покровительница Херсонеса — Дева — местное божество, олимпийский же культ Артемиды, по сути идентичный ей (Мещеряков 1979, с. 115; Костромичева, Шевченко 1996, с. 162; Русева, Русева 1999, с. 73, 128, 139, 153, 156, 163, 168 и др.), общезеллинский, близкий, понятный и широко почитаемый разноэтничным населением Понтийского царства (Сапрыкин, Масленников 1998, с. 400–405). Партена — одна из эпиклес Артемиды. Не исключено, что в несохранившейся части трофея с Кара-Тобе тоже упоминалась Артемида, только с указанным эпитетом (см. выше), который восстанавливается не в начале надписи, а в месте перехода с первой на вторую строку (см. Виноградов, Внуков 1989, с. 28–29). Вполне вероятно также, что события второго периода войны дважды разворачивались вблизи Кара-Тобе. В первый раз войско, посланное на помощь Херсонесу Митридатом VI Евпатором, овладело укреплением и поставило трофеев, а во второй — произошла битва с основными силами варваров на Сакской пересыпи, в ознаменование победы в которой здесь было основано святилище Артемиды.

В последующем этому культу в Сакском святилище могли придать и целительные функции, что, возможно, определило его устойчивую продолжительную популярность. Сообщение Плиния Старшего (II, 210) о врачевании грязью позволяет предположить наличие в окрестностях Сакского грязелечебного озера, к которому порой относят сведения этого автора (Кулаковский 1896, с. 2; Скржинская 1977, с. 70–72; Ланцов 1994, с. 89–90), святилища и культа божества-целителя. В Херсонесском государстве таковыми являлись Асклепий и Гигиейя (см. Яценко 1986, с. 226–231; Ланцов 1994, с. 90; Туровский 1997, с. 96–97). Однако, перед первыми веками н. э. наблюдается спад их популярности, вновь возросшей лишь со времени появления римлян (Щеглов 1960, с. 15–16; Голенко, Щеглов 1965, Solomonik 1975; Анохин 1977, с. 82). Одним из наиболее распространенных в Херсонесе культов был Геракл, наделенный исследователями, не без оснований, различными функциями (см. напр. Щеглов 1978, с. 124; Соломоник 1984, с. 12–13; Ланцов, Павленков 1988, с. 181–182; Столба 1989; Латышева 1997, с. 117–121). Так, Э. И. Соломоник высказала и гипотезу о возможности распространения в районе грязелечебного озера и минерального источника вблизи г. Саки культа Геракла Сотера, близкого Асклепию (1984, с. 16).

В качестве богини врачевания, по-моему, могла выступать и Артемида. Один из эпитетов — Сотера (спасительница) — сближает ее не только с покровительницей херсонесцев Девой, но и с Асклепием. Следует также учесть родство богини с Аполлоном — верховным греческим божеством-целителем. Кроме того, Страбон (XIV, I, 6), у которого несомненно были четкие представления о функциональном многообразии ее культа, даже выводил этимологию теонима из

«здоровья» и «невредимости». В Асклепийеоне на острове Делос обнаружены и посвящения Артемиде (ID, №1909; Блаватская 1983, с. 91, 169). Присутствие таких культов, как Артемида и Геракл Спасители, в конце II в. до н. э. – первой половине II в. н. э. на изучаемом памятнике объяснило бы преемственность появления фракийского святилища с почитанием в качестве основного божества — Героя-всадника в ипостаси Асклепия или другого божества-врачевателя.

Подведем итоги.

В 112 г. или 109 г. до н. э. во время приморского похода Диофанта, вероятно, в связи с крупной победой над варварами, по оценке древнего автора «победой славной и достойной памяти на все времена» (IOSPE I², 352), на пересыпи понтийским войском основывается святилище, предположительно, Артемиды, идентичной херсонесской Деве. Оно становится популярным у граждан Херсонеса. В дальнейшем святилище, оставаясь принадлежащим Херсонесу, продолжает существовать на территории, занятой варварами, на договорных условиях или по негласной традиции.

На месте комплекса, связанного с отправлением культа Артемиды, зафиксированного для первой половины II в. н. э., возникает в середине II в. н. э. святилище богов, привнесенных фракизированными римскими legionaribus. Главным божеством являлся синкретический Герой-всадник, выделенный наряду с Кибелой и, предположительно, Митрой Тавроктоном, Асклепием, Герой и нимфами. Выбор места для святилища и предполагаемого поста римской дорожной стражи предопределялся, по-видимому, функциональной теологической преемственностью херсонесского и фракийских культов, а также чрезвычайно удобным расположением пункта (на водоразделе между морем и Сакским озером), позволяющим вести наблюдение за приморской дорогой и контролировать передвижение и перевозки.

В течение второй половины II – первой половины III в. н. э. сохраняется связь святилища (сторожевого поста) с Херсонесом, как центром римского военного присутствия в Таврике. Один только факт существования подобного пункта свидетельствует о преждевременности исключения западного побережья Крыма из орбиты римской оккупации (ср. Кадеев 1981, с. 31; 1996, с. 15). Прекращение существования памятника на Сакской пересыпи, непрерывно функционировавшего три с половиной века, относится, судя по датировке наиболее поздней херсонесской монеты [Анохин 1963, табл. XIX,3 (для л. с.), 1 (для о. с.)], к 50–60 годам III в. н. э., что совпадает со временем вывода римских войск из Таврики и эпохой «варварских» походов.

Литература

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса первых вв. н. э. // НЭ. 1963. Т. IV.

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XIII в. н. э.) К., 1977.

Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1995. №4.

Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.

Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967.

Виноградов Ю. Г. [Выступление в прениях] // Причерноморье в эпоху Эллинизма, материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси. 1985.

Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. №1.

Виноградов Ю. Г., Внуков С. Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Тез. докл. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. Запорожье, 1989. Т. I.

Внуков С. Ю. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // АИК 1993 год. Симферополь, 1994.

Внуков С. Ю. Исследования городища и могильника Кара-Тобе // АИК. 1994 год. Симферополь, 1997.

Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НИС. 1968. Вып. 3.

Голенко К. В. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках // Палестинский сборник. 1964. Вып. 11 (74).

Голенко К. В. Понтийская монета времени Митридата VI на Боспоре // Klio. 1965. Bd. 46.

Голенко К. В., Щеглов А. Н. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим и археологическим данным) // Dacia. 1965. IX.

Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса // ВДИ. 1970. №3.

Дьячков С. В. Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия. Харьков, 1997.

Зограф А. Н. Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии // Ольвия. Киев, 1940. Т. I.

Золотарев М. И. Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из окрестностей Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168.

Зубарь В. М. О свинцовых зеркалах из некрополя Херсонеса // Проблемы античной культуры. М., 1986.

Зубарь В. М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. №2.

- Зубарь В. М.** К пониманию IOSPE, I² 252 O, 550 // ВДИ. 1989. №2.
- Зубар В. М.** Нове свідоцтво про римські війська у Херсонесі Таврійському // Археологія. 1993. №4.
- Зубарь В. М.** Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К., 1994.
- Зубар В. М., Савеля О. Я, Сарновський Т.** Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. №4.
- Зубарь В. М., Савеля О. Я, Сарновский Т.** Новые эпитафические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1999. №2.
- Зубарь В. М., Сарновский Т.** Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. н. э. // ВДИ. 1997. №4
- Кадеев В. И.** Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981
- Кадеев В. И.** Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). Харьков, 1996.
- Карышковский П. О.** Монеты Ольвии. К., 1988.
- Кобелев А. С., Яшаева Т. Ю.** Домашний алтарь Зевса и Геры из загородной усадьбы Херсонеса // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Колосовская Ю. К.** О фракийском населении в Паннонии // Проблемы античной культуры. М., 1986
- Колтухов С. Г.** Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. IV. Запорожье, 1993
- Костромичева Т. И., Шевченко А. В.** Домашнее святилище на Страбоновом Херсонесе // ХСБ. 1996. Вып. VII
- Крыкин С. М.** Фракийцы в греческих городах Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Крыкин С. М.** Вотивный барельеф Фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея // ВДИ. 1990. №1.
- Кулаковский Ю. А.** Заметки по истории и топографии Крыма // АИЗ. 1896. Т. IV. №1.
- Кутайсов В. А., Ланцов С. Б.** Работы Западнокрымской экспедиции // АО 1986 г. М., 1988.
- Ланцов С. Б.** Отдельные вопросы истории херсонесской хоры (по данным лапидарной эпиграфики) // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. VI Республиканской конф. молодых археологов. К., 1987.
- Ланцов С. Б.** Позднеантичное святилище на Сакской пересыпи // ПАК. Тез. докл. конф. Симферополь, 1988. Ч. III.
- Ланцов С. Б.** Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1991.

Ланцов С. Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. К., 1994.

Ланцов С. Б., Павленков В. И. Рец. на кн.: Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984 // ВДИ. 1988. №3.

Латышева В. А. Новые данные о культе Геракла в Херсонесе и некоторые аспекты его почитания // Античный мир. Византия. Харьков. 1997.

Мещеряков В. Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979.

Милчев А. О культе Сабазия в Нижней Мезии и Фракии // ВДИ. 1977. №2.

Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.

Молев Е. А. Властитель Понта. Нижний Новгород. 1995.

Молев Е. А. Рец. на кн.: С. Ю. Сапрыкин. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996 // ВДИ. 1998. №4.

Попов Д. Тракийската богиня Бендида. София, 1981.

Раевский Д. С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. №3.

Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенифициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40.

Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992.

Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999.

Савеля О. Я., Сарновский Т. Две латинские надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. 1999. №1.

Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.

Сапрыкин С. Ю. Херсонесская проксения синопейцу // ВДИ. 1998. №4.

Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998.

Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К., 1977.

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964.

Соломоник Э. И. О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. 1966. №2.

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1973.

Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.

Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984.

Столба В. Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. №4.

Тачева-Хитова М. История на източните култове в долна Мизия и Тракия V в. пр. н. е. – IV в. от н. е. София, 1982.

Туровский Е. Я. Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности 1996. Харьков, 1997.

Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. №3.

Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов римской империи. М., 1961.

Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

Щеглов А. Н. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. 1960. Вып. 1.

Щеглов А. Н. Фракийские посвятельные рельефы из Херсонеса // МИА. 1969. №150.

Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Яйленко В. П. Призрак боспорского Сатира в Ольвии и тени ольвиополитов да митридатových солдат в Западном Крыму: комментарий к эпиграфическим видениям // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. Тез. докл. М., 1999.

Яценко И. В. Кубок Гигиен // Проблемы античной культуры. М., 1986.

Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. – Petropoli, 1916. Vol. I. Ed. 2.

Sarnowski T. Zubar V. M., Savelja O. Ja. Zum religiösen Leben der niedermoesischen Vexillationen auf der Südkrim // Historia. Stuttgart, 1998. XLVII.

Solomonik E. I. Neues zum Asklepioskult in Chersonessos // Klio. 1975. №57.

Venedikov I. Le syncretisme religieux en Thrace à l'époque zonaine // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. София. 1963.

Vinogradov Ju. G., Vnukov S. Ju. Eine bisher unbekannte Episode aus dem Krieg Mithridates' VI. Eupators gegen die Krimskythen // Vinogradov Ju. G. Pontische studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz. 1997.

Resume

Lantsov S. B. The Cults and Adherents in the Sanctuary of the 2nd century BC – 3rd century AD near the town of Saki in the Crimea.

The article is the first publication of main results of the investigation of ancient sanctuary located on the coast of the Western Crimea 70 km northwards from Chersonessus of Taurica. Taking archaeological finds into account one could run

to conclusion, that the site dates back to the 2nd century BC – 3rd century AD and was being used continuously. The sanctuary is supposed to be founded in 112 BC by soldiers from the Pontic state in commemoration of Diophantus' (military leader from staff of Mithradates VI Eupator's) army victory over the barbarians. Originally there probably was a center of Artemis's cult, because the inscription with dedication to this Goddess is the earliest. Later on, to the middle of the 2nd century AD, the sanctuary belonged to Chersonessos, however it was located on the land of the Crimean Scythians.

Then the cults typical to Roman soldiers appeared. Using analyses of fragments of images, and dedicative inscriptions on marble reliefs and thin slabs one may suppose the Thracian Rider Hero, *Cibela*, and, provisionally, *I(ovi) O(ptimo) [Maximo], Mithra Taurochthonos, Asklepius, and Hera*. Though dedications of the middle of the 2nd – middle of the 3rd century AD were written in Ancient Greek, they were made by Roman soldiers.

According to the date of the latest coins the sanctuary ceased to exist in 50s-60s of the 3rd century AD, which corresponds to the time when the Roman army left the Crimea, and the period of the Goths' military campaigns.

В. А. Кута́йсов

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ И ХЕРСОНЕС В

I в. до н. э. – СЕРЕДИНЕ I в. н. э.

Последними антиримскими действиями Херсонеса было оказание продовольственной помощи своей метрополии во время ее осады в 72–70 гг. до н. э. (Мемн., 47, 1–2, 49, 4). Впоследствии Херсонес присоединился к восстанию против Митридата, которое возглавил его сын Фарнак. Однако, город, как и Фанагория, не получил свободы и продолжал оставаться в зависимости от Боспорского царства. Основным направлением всей дальнейшей внешней политики полиса, вплоть до ввода в него римских вексилляций, было стремление к освобождению от любой формы подчинения Боспору. Получить элевтерию от Цезаря, вероятно, удалось в результате посольства в Рим во главе с Гаем Юлием Сатиром в 45 г. до н. э. (Ростовцев 1917, с. 1–21), что также подтверждается выпуском медных монет крупного номинала с соответствующей надписью (Анохин 1977, с. 74). Свобода эта, тем не менее, оказалась очень непродолжительной и утрачена была сразу после кончины римского императора.

В 25/24 гг. до н. э. в Херсонесе было введено новое летоисчисление, так называемый период "царствования Девы", когда эпонимом города становится главное божество полиса. Переход к новой эре большинством ученых связывается с подтверждением Августом дарованной Цезарем свободы Херсонесу от Боспора (Ростовцев 1917, с. 19; Белов 1948, с. 97–98; Кадеев 1981, с. 16). По мнению В. М. Зубаря, город получил не собственно "свободу", а ограниченные права.

Совсем иную точку зрения высказал В. А. Анохин, связывающий установление новой эры с неудачной попыткой Асандра захватить Херсонес, что получило отзвуки в легендарном рассказе о Гикии, переданном нам Константином Багрянородным (1977 с. 74–76; срав.: Зубарь 1998, с. 11–12, 21). В Херсонесе встречены надписи, в которых упоминаются посол царицы Динамии (IosPE, I³, 354), послание царя Полемона Совету и Народу, где он назван спасителем херсонеситов (IosPE I³, 704, Колобова 1953, с. 55–56), начальник вспомогательного отряда, посланного царю Полемену (IosPE, I, 419; Зубарь 1998, с. 16, прим. 1; 21) и, наконец, статуя Аспурга с надписью на постаменте (IosPE I, 573). Правда, недавно Ю. Г. Виноградовым было предложено относить IosPE, 419 к Полемену II (1992, с. 135–139; против — Яйленко 1996, с. 218–219); С. Ю. Сапрыкин включает ее в контекст событий 14–8/7 гг. до н. э. (1996, с. 316 сл.) Перечисленные выше документы подтверждают слова Страбона о зависимости города со времен Митридата VI от Боспорских царей (Strabo VII, 4–5, 7). Однако остается не до конца ясным вопрос о форме подчинения Херсонеса боспорским династам: была ли это симмахии (Кадеев 1981, с. 17–18, Зубарь 1998, с. 21, 30); какая-то пока нам не понятая степень зависимости (Виноградов 1992, с. 132, 139) или же город оставался свободным во времена Аспурга (Зубарь 1994, с. 18).

В I в. до н. э. на месте большинства херсонесских поселений в Северо-Западном Крыму возродилась жизнь. Все они приобрели чисто варварский облик, и нам остается только догадываться, с кем связано новое освоение этого региона: с Херсонесом или Боспором? Не можем мы дать утвердительный ответ и на какую четверть столетия — вторую или третью — приходится появление новых следов оседлости. В целом материальную культуру можно охарактеризовать как позднескифскую, близкую населению Юго-Западного и Центрального Крыма. А. Е. Пуздровский связывает демографический взрыв второй половины названного столетия с переселением на полуостров скифов из Нижнего Поднепровья и прилегающих к нему территорий, спасавшихся от сарматских набегов, а также населения ольвийской хоры, спасавшегося от гетского погрома (1992 с. 128). Такие городища, как Калос Лимен, Тарпанчи, Кульчук, Беяус и Южно-Донузлавское, были обнесены рвами, облицованными камнями, невысокими валами, под которыми возвышались стены (Щеглов 1978, с. 66–67, Дашевская 1991, с. 10, Кутайсов, Уженцев 1994 с. 176–177, Голенцов 1994, С. 82). Внутренняя застройка поселений — достаточно хаотичная, хотя в известной степени она подчинялась более ранней эллинистической планировке. Единственное исключение — поселение Чайка, где все жилые дома близкой планировочной схемы были сблокированы вместе, отдельные кварталы разделя-

лись узкими улицами, а внешние глухие стены комплексов служили оградой для всего поселения (Яценко 1972, с. 31–38; 1983, с. 46–66; Попова 1991, с. 37–75).

Большой Херсонес, то есть весь Крымский полуостров, по Страбону, находился под властью правителей Боспора (Strabo, VII, 4, 5, 7). Для нашей темы принципиальное значение имеет такой аспект: находились ли бывшие приморские владения Херсонеса под прямым контролем боспорских царей или в опосредованном подчинении через херсонесский полис? В двух боспорских надписях, одна из которых относится к 23 г. н. э., говорится о подчинении Аспургом скифов и тавров (КБН, 39, 40). Основываясь на этом факте, Д. С. Раевский выступил с тезисом об оккупации Боспором всей, или почти всей, полуостровной части позднескифского царства, включая его столицу, утверждения на скифском престоле своего ставленника, переселении сарматов-меотов, погребения которых появляются на Неаполе со второй трети первого столетия (1971, с. 150–151, 1973, с. 114–119). Несколько позже, сначала С. Г. Колтухов (1990, с. 187) и А. Е. Пузровский (1992, с. 129), а затем Ю. П. Зайцев (1995, с. 96; 1995а, с. 21), открыли на Неаполе пожар времени военных успехов Аспурга. Однако, по наблюдениям А. Е. Пузровского, само появление сарматских захоронений в подбоях на некрополе Неаполя относится ко второй половине I – первой половине II вв. н. э., а следовательно, победа Аспурга не сопровождалась подчинением значительной части Крыма и массовым переселением сарматов-меотов (1989, с. 36, 1992, с. 129–131; 1992а, с. 181 сл.; 1993, с. 10). Против позиции Раевского выступил В. М. Зубарь, который не исключал возможности участия херсонесского войска на стороне Боспорского царя против варваров (1994, с. 18; 1998, с. 29–30). К 20-м годам I в. н. э. относится полный и неожиданный разгром поселения Кара-Тобе, в следах пожара которого у входа в башню встречено более 20 наконечников стрел "сарматского" типа и два навершення копий (Внуков 1994, с. 65; Лагутин 1999, с. 203–207). Причем, С. Ю. Внуков — исходя из нескольких приведенных нами фрагментов светлоглиняных амфор с двухствольными ручками — связывал гибель Керкинитиды с теми же событиями. Однако, следует иметь в виду, что никаких культурных отложений, а тем более пожарищ рубежа нашей эры, здесь открыто не было. На двух опубликованных нами рисунках представлены чуть ли не все обнаруженные при раскопках обломки поздней керамики, собранной над каменными развалами скифских построек II в. до н. э. Конечно, это не исключает возможности какой-то жизни на городище, следы которой могут быть открыты в будущем. Речь идет лишь о том, что на месте, где располагалась некогда Керкинитиды, не существовало подобного ей крупного поселения, в лучшем случае это был очень

скромный населенный пункт. Следы его пока не удалось зафиксировать несмотря на то, что раскопками затронута так или иначе почти вся территория памятника. Естественно, этот объект разделит судьбу других близлежащих памятников.

Ко второй четверти I в. н. э. относит прекращение жизни на позднескифском поселении Чайка Е. А. Попова (1998, с. 190). Основанием тому послужило отсутствие в керамическом комплексе памятника узкогорлых светлоглиняных амфор (Ср. Попова 1996, с. 75; Яценко 1983, с. 64–65). С Беляуса происходит фрагмент надгробия боспорского типа, которое П. Д. Диатроптов датирует рубежом нашей эры (1994, с. 167–175).

В 45–49 гг. н. э. Херсонес — судя по выпуску серии монет с изображением Ники (Анохин 1977, с. 77–78) — принял участие в римско-боспорской войне, направленной на свержение царя Митридата VIII. Операция осуществлялась главным образом силами мезийских войск под предводительством А. Дидия Галла, вспомогательных когорт из Малой Азии под командованием Г. Юлия Аквилы. В ней приняли участие корабли Византия (Кадеев 1981, с. 19–20; Зубарь 1994, с. 19–23, 1998, с. 31–33). В. А. Анохин видит в тиране из херсонесского декрета *ΙσΡΕ, Ι², 355*, если не самого боспорского базилевса, то, по крайней мере, его ставленника (1977, с. 78). К этому времени В. А. Сидоренко относит ольвийский декрет, обнаруженный у подножия Мангула. Он полагает, что после своего смещения на Боспоре Митридат VIII установил в 45–49 гг. н. э. тиранию в Ольвии (1996, с. 57–58). Это созвучно с предположением П. О. Карышковского о лояльности Ольвии к мятежному царю, в честь которого была принята отдельная псефизма (1982, с. 24, прим. 35 на с. 26). По мнению С. Ю. Сапрыкина, этот документ ни по времени, ни по содержанию не имеет никакого отношения к упомянутым событиям (1988, с. 147–155). А. Е. Пуздровский относит гибель прибрежных поселений северо-западного побережья полуострова к середине I в. н. э. и связывает ее с деятельностью римского флота и конницы аорсов (1992, с. 129–130; 1993, с. 12). переброска войск с берегов Западного Понта — по расчетам В. Д. Блаватского 7–8 тысяч человек (1973, с. 216; 1985, с. 228) — не могла миновать Херсонес, в результате чего, вероятно, был задействован и его флот. Отражением этих событий явился выпуск в 47 г. н. э. золотых статеров, а спустя несколько лет — как результат военных успехов — медных монет с изображением Ники с пальмовой ветвью (Анохин 1977, с. 77). Следствием такого развития событий стало то, что Херсонес попал под контроль легата Мезии, а Боспор — прокуратора провинции Вифиния (Зубарь 1994, с. 23; 1998, с. 36). При таком положении западный берег Крыма с многочисленными варварскими поселениями на бывшей хоре Херсоне-

са, по всей видимости, находился в зоне его непосредственного влияния: предыдущий опыт боевых действий с Боспором доказал необходимость существования непрерывных коммуникаций от Ольвии до Херсонеса.

В середине I в. н. э. в связи с активизацией скифов, вызванной, как полагает В. М. Зубарь (1998, с. 42) проникновением сюда сарматов, положение Херсонеса настолько осложнилось, что город должен был обратиться за помощью к легату провинции Мезия Т. Плавтию Сильвану. Как сообщает его надгробная эпитафия, он предпринял экстренные меры: "царь скифов был отогнан от осажденного Херсонеса" (CIL, XIV, 3608). С данным событием — вопреки мнению В. А. Сидоренко — связывают некоторые исследователи мангупскую надпись (См.: Виноградов 1994, с. 166–169; Зубарь 1994, с. 218–222; Щукин 1995 б, с. 177–178). Эта экспедиция наместника провинции могла быть выполнена между 62 и 66 гг. н. э. (Зубарь, 1988, с. 21), ибо по сообщению Иосифа Флавия (около 66 г. н. э.) спокойствие в данном регионе поддерживалось тремя тысячами легионеров и сорока военными кораблями (Ios., Flav. Bell. Iud., II, 16, 4).

Операция Плавтия Сильвана "носила характер комбинированной военно-морской экспедиции"; судя по обломкам клейм, она осуществлялась силами Равеннской эскадры и размещенных на ней отрядов морского десанта (Дьяков 1941, с. 92–95; 1942, с. 49). За пределами Крыма С. Б. Буйских были открыты остатки двух римских военных лагерей I в. н. э., рассчитанных на одну центурию. Они располагались в местах переправ через реки Южный Буг и Ингулец, на расстоянии дневного перехода один от другого, что позволяет предположить участие в операции наместника Мезии подразделений VIII Августова легиона, передвигающегося к предполагаемому театру военных действий сухопутным путем (Буйских 1989, с. 24–25, 1991, с. 67–68, 131–132). Против такой интерпретации названных памятников выступил В. М. Зубарь (1998, с. 48–50).

Тогда же на мысе Ай-Тодор была основана крепость Харакс (Ростовцев 1900, с. 154–157; 1915, с. 3; Блаватский 1951, с. 254). Есть все основания полагать, что Харакс выполнял роль укрепленного маяка столь необходимого при меридианальном пересечении Черного моря и каботажного плавания вдоль южного берега Крыма (Орлов 1988, с. 22). Как известно, у римлян был весьма печальный опыт захвата и разграбления таврами нескольких сбившихся с курса кораблей Г. Юлия Аквилы, возвращающихся из Боспора (Tac. Ann., XII, 17). Однако, для обеспечения безопасного плавания вдоль Таврического побережья необходимо было расположение хотя бы еще нескольких навигационных систем, например, на западной оконечности полуострова — Тарханкутском мысу, Усть-Альминском городище.

Обращает на себя внимание, что система обороны последнего из названных пунктов удивительным образом совпадает с защитным рубежом Харакса. Из Альминского могильника происходит деревянный саркофаг третьей четверти I в. н. э. с изображением — красной краской по желтому левкасу — на продольной стенке двух кораблей (Пуздровский и др. 1997, рис. 136, 11). Центральное судно — более крупное. Не эскадра ли это Плавтия Сильвана, стоящая на рейде в устье реки Альма или прошедшая мимо в Херсонес?

С десантными операциями морской пехоты Равенской эскадры В. М. Зубарь связывал гибель в середине I в. н. э. ряда поселений Западного Крыма (1988, с. 19–24; ср.: Раевский 1973, с. 116). Среди прекративших существование в указанное время городищ — Кульчук, Беляус, Южно-Донузлавское и Чайкинское (Голенцов 1988, с. 26–27; 1994, с. 82, 84; Дашевская 1972, с. 62, 65–69, 1978, с. 190, 1991, с. 50; Яценко 1970, с. 36; 1983, с. 65; Попова 1991, с. 71). Следы разрушения отмечены также на Усть-Альминском городище (Высотская 1994, с. 14–16) и Кара-Тобе (Внуков 1994, с. 65). На последнем из названных памятников в яме середины I в. н. э. были найдены гипсовые слепки для изготовления серебряной посуды (Внуков, Коваленко, Трейстер 1990, с. 100–119; Vnukov, Kovalenko, Trejster 1990, p. 28–50). Якорь италийского типа I в. н. э. был найден напротив Донузлавского озера (Прохоров 1998, с. 85).

К середине I в. н. э. относится херсонесский декрет *losPE*. I, 369, который В. Н. Дьяков связывал с успешными действиями Плавтия Сильвана (1941, с. 91–92; 1942, с. 48–49). В последних строчках документа речь идет о переговорах со скифским царем о мирном урегулировании отношений (Соломоник 1984, с. 10). В таком случае прибывший вместе с легионерами мастер-торевт мог изготовить прямо на месте серебряный сервиз для подношения его в качестве дипломатического дара (Внуков и др. 1990, с. 119). К сожалению, других прямых данных о пребывании на Кара-Тобе римских войск пока не обнаружено. Напротив памятника, на пляже, в 1923 г., по сообщению А. И. Полканова, были обнаружены пять узкогорлых остродонных амфор, по всей видимости, первых веков н. э. (Шульц, Дневник 1955, от 31.VII). В 1,5 км от этого городища, на пересыпи Сакского озера, найден клад римских денариев, зарытый после 75 г. н. э. не рядовым легионером, а каким-то должностным лицом, по всей видимости, во время одной из военных стычек на данной территории (Гилевич 1965, с. 103–111; Щеглов 1966, с. 156; Зубарь 1998, с. 57, прим. 1). П. О. Карышковский упоминает ольвийскую монету с именем архонта Т. Флавия Сапа(тра?), найденную якобы в Керкинитиде (1965, с. 163), которую В. А. Анохин датирует 75–76 гг. н. э. (1989, №364). Однако, нельзя быть до конца уверенным в достоверности этого сообщения.

Все эти разрозненные факты склоняют к мысли о присутствии римских войск в западном районе полуострова. Вспомним к месту, что именно у Кара-Тобе, там где отмечены следы деятельности понтийских войск Диофанта, была произведена высадка союзных войск в сентябре 1854 г. для дальнейшего наступления на Севастополь.

Вместе с тем, нам до сих пор не совсем понятен статус возникших над руинами укреплений херсонесской хоры многочисленных варварских поселений. Если следовать логике рассуждений В. М. Зубаря, согласно которой против местного населения северо-западного побережья Таврики были направлены карательные операции Равенской эскадры, то приходится признать, что вся эта территория находилась вне зоны влияния Херсонеса, а подчинялась скифскому царю. Город контролировал только Гераклеяский полуостров (Зубарь 1994, с. 28–29). Т. Н. Высотская объясняла гибель ряда поселений интересующего нас района (Чайка, Южно-Донузлавское, Беляя, пожар на Усть-Альминском городище) междоусобной борьбой скифских племен полуострова (1983, с. 114).

В лапидарном архиве Херсонеса известны две надписи с упоминанием хоры. В первой из них IosPE, I², 355 рубежа нашей эры чествуемый гражданин, чье имя не сохранилось, среди других чрезвычайных мер позаботился о безопасности хоры и о ремонте стен (Соломоник 1984, с. 9). К сожалению, сохранность плиты не позволяет нам судить о том, что понималось под выражением (τευχων ἐπισκευ[ήν]). И какие стены имеются в виду: городские или те самые, которые упоминаются в присяге, декретах в честь Агасикла и Диофанта.

Из обрывочных строк второго, еще более фрагментированного декрета IosPE, I², 369 середины I в. н. э., мы узнаем о каких-то событиях вдали от города, о налете скифского царя с большим войском, состоящим из скифов, сарматов и их союзников, о пожарах на хоре. По мнению Э. И. Соломоник, в последних строчках речь идет "о переговорах со скифским царем по поводу мирного урегулирования отношений" (1984, с. 10). М. И. Ростовцев относил декрет ко времени до императора Нерона, полагая, что в нем говорится о полководце боспорского царя (1916, с. 14). В. Н. Дьяков считал (и с ним согласны многие ученые) эту надпись посвящением самому Платию Сильвану (1941, с. 91–92; 1942, с. 47–49). И, действительно, масштабы описанных в ней событий не могут быть ограничены только ближайшей округой Херсонеса: они касаются огромного региона, на что указывают такие обрывки фраз, как "явился на 12 день", "собирался перейти в город", а также сообщение об охране хоры и проведении каких-то фортификационных работ, вероятно, сооружение вала. У каждого читающего отрывочные фразы надписи (также как у М. И. Ростовце-

ва и В. Н. Дьякова) произвольно напрашивается ее сопоставление с декретом в честь Диофанта.

Если анализируемая надпись является посвящением мезийскому легату, то Плавтий Сильван действительно осуществил беспрецедентную операцию по переброске в столь кратчайший срок (12 дней) войск в Таврику. Более того, римские отряды были высажены — судя по археологическим открытиям последних лет — на наиболее уязвимом для скифов отрезке берега, у городища Кара-Тобе. Отсюда — наиболее удобный короткий путь до царских крепостей Крымской Скифии по наименее пересеченной местности, оставляющий в стороне основные реки полуострова. При таком развитии событий мы неизбежно должны будем признать, что римский полководец был подробно оповещен о характере тактических действий Диофанта и использовал, таким образом, опыт своего предшественника. Именно это заставило скифского царя снять осаду с Херсонеса и приступить к переговорам о мирном урегулировании отношений (См.: Соломоник 1984, с. 10).

Литература

Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.

Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 1951. №16.

Блаватский В. Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. // *Archaeologia Polona*. 1973. №XIV.

Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985.

Буйских С. Б. Новые данные о походе Плавтия Сильвана в Таврику // Проблемы исследования античных городов. Тез. М., 1989.

Буйских С. Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991.

Виноградов Ю. Г. Херсонес, Боспор и Рим // ВДИ. 1992. №3.

Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. №2.

Внуков С. Ю. Исследования городища и могильника Кара-Тобе // АИК. 1994. Симферополь, 1997.

Внуков С. Ю., Коваленко С. А., Трейстер М. Ю. Гипсовые слепки из Кара-Тобе // ВДИ. 1990. №2.

Высотская Т. Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. №1.

Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994.

Гилевич А. М. Прибрежненский клад римских монет // НЭ. 1965. Т. V.

- Голенцов А. С. Исследование Кульчукского городища и его некрополя // ПИАСХ. 1988.
- Голенцов А. С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. // АИК. 1993. Симферополь, 1994.
- Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Дондузлавского городища в 1966–1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Дашевская О. Д. Первые исследования Кульчукского некрополя // СА. 1978. №2.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму САИД1-7. М., 1991.
- Диатроптов П. Д. Фрагмент стелы с изображением "загробной трапезы" с городища Беляус // Hyperboreus. 1994. Vol. 1. Fasc. 1.
- Дьяков В. Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ. 1941 №1.
- Дьяков В. Н. Таврика в эпоху Римской оккупации // Ученые записки МГПИ. 1942. Т. XXVIII. Вып. 1.
- Зайцев Ю. П. Мегарони Неаполя скифского // Археология. 1995. №1.
- Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский во II в. до н. э. – III в. н. э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев, 1995.
- Зубарь В. М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. №2.
- Зубарь В. М. Про похід Плавтія Сильвана в Крим // Археология. 1988. 63.
- Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев. 1994.
- Зубарь В. М. Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в. // ВДИ. 1994. №3.
- Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. К., 1998.
- Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.
- Кадеев В. И. Некоторые вопросы истории античного земледелия Херсонеса // Вестник Харьковского ун-та. 1981. №214.
- Карышковский П. О. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным // Краткие сообщения о полевых археолог. исследованиях Одесского археолог. музея. 1963. Одесса, 1965.
- Карышковский П. О. Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982.
- Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. №4.
- Колтухов С. Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. №2.

Колтухов С. Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.

Кутайсов В. А., Уженцев В. Е. Археологические исследования Калос Лимена // АИК. 1993. Симферополь, 1994.

Лагутин А. Б. Железные наконечники метательного оружия из раскопок греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму // РА. 1999. №4.

Орлов К. К. Архитектурные комплексы Харакса (История исследования. Оборонительные сооружения) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.

Попова Е. А. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория "Чайка" близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М. 1990.

Попова Е. А. О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н. э. – I в. н. э. // Историческая археология. Традиции и перспективы. М. 1998.

Прохоров А. А. Подводные исследования в Северо-Западном Крыму // Изучение памятников морской археологии. Вып. 3. СПб., 1998.

Пуздровський О. Є. Сармати в Неаполі Скіфському // Археологія. 1989. №2.

Пуздровський О. Є. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е. – першій половині III ст. н. е. // Археологія. 1992. №2.

Пуздровский А. Е. Новый участок восточного некрополя Неаполя Скифского // РА. 1992а. №2.

Пуздровский А. Е. Население Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев. 1993.

Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе // Проблемы скифской археологии. М. 1971.

Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. – II в. н. э.) // ВДИ. 1973. №2.

Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. 1900. Март.

Ростовцев М. И. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. Вып. 58.

Ростовцев М. И. Сириск — историк Херсонеса Таврического // Сб. статей по классической филологии. ПТГ., 1915 а. Вып. II. ЖМНП. 1915. апрель.

Ростовцев М. И. Амага и Тиртатао // ЗООИД. 1915 б. Т. XXXII.

Ростовцев М. И. К истории Херсонеса в эпоху ранне-римской империи // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916.

Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63.

Ростовцев М. И. Понт, Вифиния, Боспор // Русский исторический журнал. 1917 а. Кн. 1.

Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.

Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984.

Шульц П. Н. Дневник эпизодических археологических разведок. 1955 // НА КФ ИА НАНУ.

Щеглов А. Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. №4.

Щукин М. Б. Две реплики: о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавасде и погребении в Косике // ВДИ. 1995. №4.

Яйленко В. П. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // ВДИ. 1996. №4

Яценко И. В. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967) // КСИА. 1970. Вып. 124.

Яценко И. В. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974–1978 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н. э. К., 1983.

Vnukov S. Yu., Kovalenko S. A., Trejster M. Yu. Moulages en platre de Kara-Tobe // Revue Archéologique. Nouv. série. 1990. Fas. 1.

Resume

Kutaysov V.A. The North-Western Crimea and Chersonesos in the 1st century BC – 1st century AD.

The article deals with the analyses of archaeological and epigraphical materials from Chersonesos of Taurica and several settlements in the North-Western Crimea. The special attention is paid to events connected with the Crimean campaign of the Roman army under the command of Tiberius Plautius Silvanis, and how they liquidated the Scythian threat against Chersonesos.

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова, С. А. Мутьд

ПОЗДНЕСКИФСКИЙ МОГИЛЬНИК У с. ЛЕВАДКИ

В 1997 г. совместной экспедицией Симферопольского государственного университета и Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины были произведены раскопки могильника, расположенного в 1 км от с. Левадки Симферопольского района. С трех сторон (кроме западной) он имеет естественные границы в виде более или менее крутых склонов террас и балок, внутри которых, на площади 1 га, выкопано множество грабительских шурфов, разрушивших более сотни склепов и подбойных могил. Вероятно, могильник использовался жителями находившегося в 200 м к юго-востоку

поселения, примыкавшего к известному позднескифскому городищу Змеиное. Последнее, площадью около 2 га, занимает наиболее возвышенную часть мыса, заканчивающегося на юго-востоке отвесными скалами. С пологой, северо-западной стороны, городище защищено двумя полукруглыми линиями стен. У его подножья находится одноименная пещера, где в результате неоднократных обследований Н. Л. Эрнстом и С. И. Забниным были обнаружены человеческие кости, обломки амфор и краснолаковых сосудов первых веков н. э. (Храпунов, Храпунова, Таратухина, 1994, с. 280). К северо-западу от городища, в непосредственной близости от него, располагается селище с многочисленными остатками кладок и обилием фрагментов разнообразной керамики скифского и раннесредневекового времени. Разведки памятника производились А. А. Щепинским, И. А. Барановым, С. Г. Колтуховым (Щепинский, 1951, с. 113; Щепинский 1957, с. 314–315; Дашевская 1991, с. 48; Колтухов 1999, с. 107–108).

Неизвестный ранее могильник был открыт современными грабителями, вследствие чего большая часть памятника оказалась разрушенной. В результате проведенных охранных раскопок на разных участках могильника исследовано 12 погребальных сооружений, в том числе 2 склепа, 9 подбойных могил и 1 грунтовая могила с плитовым перекрытием. Большинство из них ограблено (рис. 1). Все исследованные погребальные сооружения ориентированы по линии северо-запад — юго-восток, их входные ямы были плотно забиты необработанными камнями. Три могилы содержали детские захоронения. Судя по размерам, детской была и могила №1. Возможно, одна конструкция использовалась как кенотаф, так как, несмотря на то, что большая часть могилы не была затронута грабителями, в ней не обнаружены ни кости, ни погребальный инвентарь.

Могила №1. Подбойная (рис. 2).

Входная яма прямоугольная в плане, размером 1,7 x 0,4 м, глубина от уровня материка 0,9 м. В ее юго-западной стене сделан такой же формы подбой размером 1,5x0,8м, пол которого расположен на 0,15 м ниже дна входной ямы. Переход оформлен в виде ступеньки. Могила разграблена в недавнее время. Из погребального инвентаря сохранились только бронзовый браслет (рис. 2, 1), две бусины типа 3 (рис. 2,3) и обломок венчика лепного сосуда (рис. 2,2).

Могила №2. Подбойная (рис. 3).

Входная яма подпрямоугольная в плане. Ее размеры 2,6 x 0,5 м, глубина от уровня материка 2,1–2,2 м. В северо-восточной стене входной ямы, на высоте 0,8 м, выкопана ниша длиной 1,3 м, высотой 0,7 м, глубиной 0,35 м. В дне входной ямы сделана ступенька в сторону подбоя. Форма последнего в плане приближается к овалу размером 3,0 x 1,2 м, высота свода 0,9 м. Подбой вырублен в юго-запад-

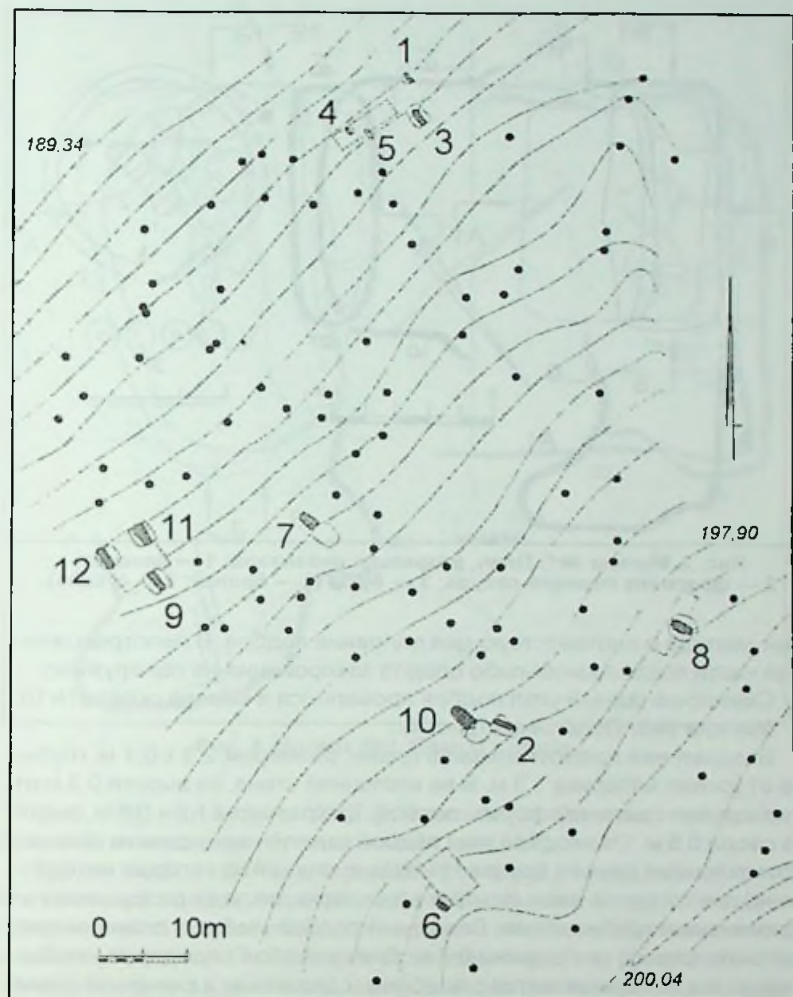

Рис. 1. План могильника у с. Левадки.
● — ограбленные могилы.

ной стене входной ямы и отделен от нее закладом из крупных необработанных камней, поставленных вертикально в 1–2 ряда. В некоторых местах плиты положены горизонтально на дно входной ямы.

Над юго-восточной частью входной ямы выкопан грабительский шурф. каменное заполнение выбрано. Потревожено несколько кам-

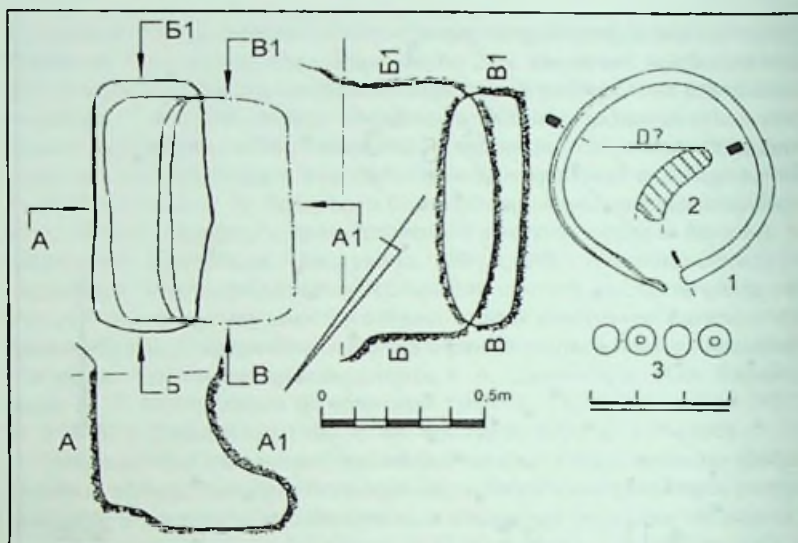

Рис. 2. Могила №1. План, разрезы и инвентарь: 1 — браслет; 2 — фрагмент лепного сосуда; 3 — бусы (1 — бронза; 3 — стекло).

ней заклада и соответствующая половина подбоя. В не потревоженной части подбоя каких-либо следов захоронения не обнаружено.

Северо-западный угол подбоя провалился в камеру склепа №10. **Могила №3.** Подбойная (рис. 4)

Входная яма прямоугольная в плане, размером 2,3 x 0,7 м, глубина от уровня материка 1,3 м. В ее восточной стене, на высоте 0,3 м от дна, сделан овальной формы подбой. Его размеры 1,9 x 0,6 м, высота свода 0,5 м. От входной ямы подбой отделен закладом из камней, поставленных друг на друга в три яруса, нижний из которых находится на дне входной ямы. Центральная часть заклада разрушена современными грабителями. Западный подбой имеет в плане неправильную форму, его ширина 0,7 м. Длину подбоя определить невозможно, т. к. он соединяется с подбоем, сделанным в северной стене входной ямы. Дно последней расположено на 0,15 м выше пола западного подбоя и обрывается к нему ступенькой. Высота свода 0,45 м. Подбой отделен от входной ямы закладом, состоящим из положенных горизонтально плит и поставленных на них вертикально крупных камней. Центральная часть заклада разрушена грабителями. На полу подбоя сохранилось несколько человеческих костей. В заполнении обнаружены обломок венчика краснолаковой миски, нижняя часть гончарного сосуда (рис. 4, 4), бронзовые пронизки типа

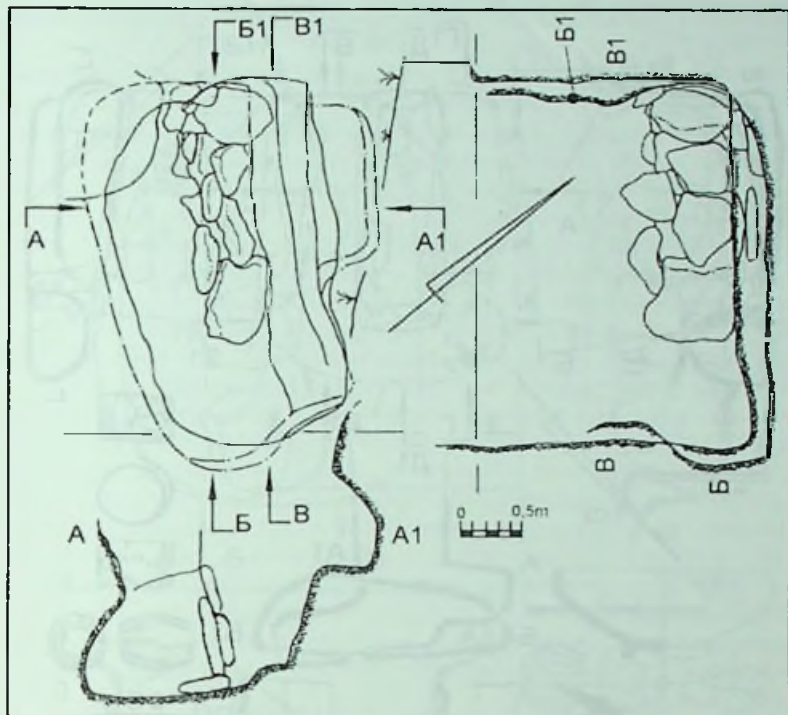

Рис. 3. Могила №2. План и разрезы.

76 (рис. 4,6), кольцо (рис. 4,5), фрагмент пластинчатого предмета (рис. 4,9) и стеклянная бусина типа 21 (рис. 4,7).

Третий подбой сделан в торцевой, северной стене входной ямы. Он овальный в плане, размером 2,0 x 0,9 м, высота свода 0,7 м. Центральная часть подбоя разделена входной ямой, что обусловило его необычную форму. Он ничем не отделен от подбоя, выкопанного в западной стене входной ямы, единое целое составляют и заклады двух подбоев. На дне, в восточной части северного подбоя, обнаружены сохранившиеся, вероятно, *in situ*, два миниатюрных лепных кувшина (рис. 4,1,2), один из которых стоял в краснолаковой миске (рис. 4,3). В заполнении найдена стеклянная бусина типа 17 (рис. 4,8).

Могила №4. Подбойная. Детская (рис. 5).

Прямоугольная в плане входная яма имеет размеры 1,2 x 0,35 м. Ее дно плавно понижается по направлению к подбою. Глубина от уровня материка 0,25–0,4 м.

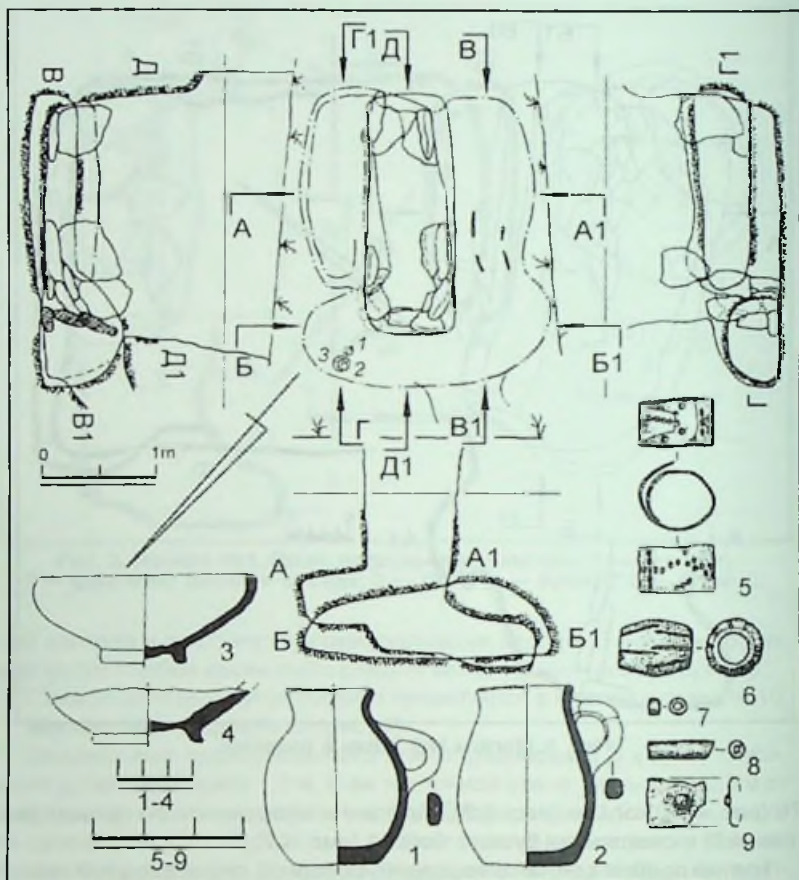

Рис. 4. Могила №3. План, разрезы и инвентарь:
1, 2 — лепные кувшины; 3 — краснолаковая миска; 4 — фрагмент гончарного сосуда; 5 — перстень; 6—8 — бусы; 9 — фрагмент пластинчатого предмета (1—4 — глина; 5, 6, 9 — бронза; 7, 8 — стекло).

Подбой овальный в плане, размером 1,2 x 0,6 м. Он сделан в северо-восточной стене входной ямы, от которой отделен закладом из крупных необработанных камней. Четыре из них поставлены вертикально в один ряд, пятый приставлен к закладу изнутри

Кости скелета почти полностью истлели, инвентарь, вероятно, сохранился *in situ*. Судя по расположению черепа, погребенный был ориентирован головой на юго-восток. Рядом с черепом, на месте шеи и груди, находились бусы из одноцветного стекла типов 2 (2 экз.)

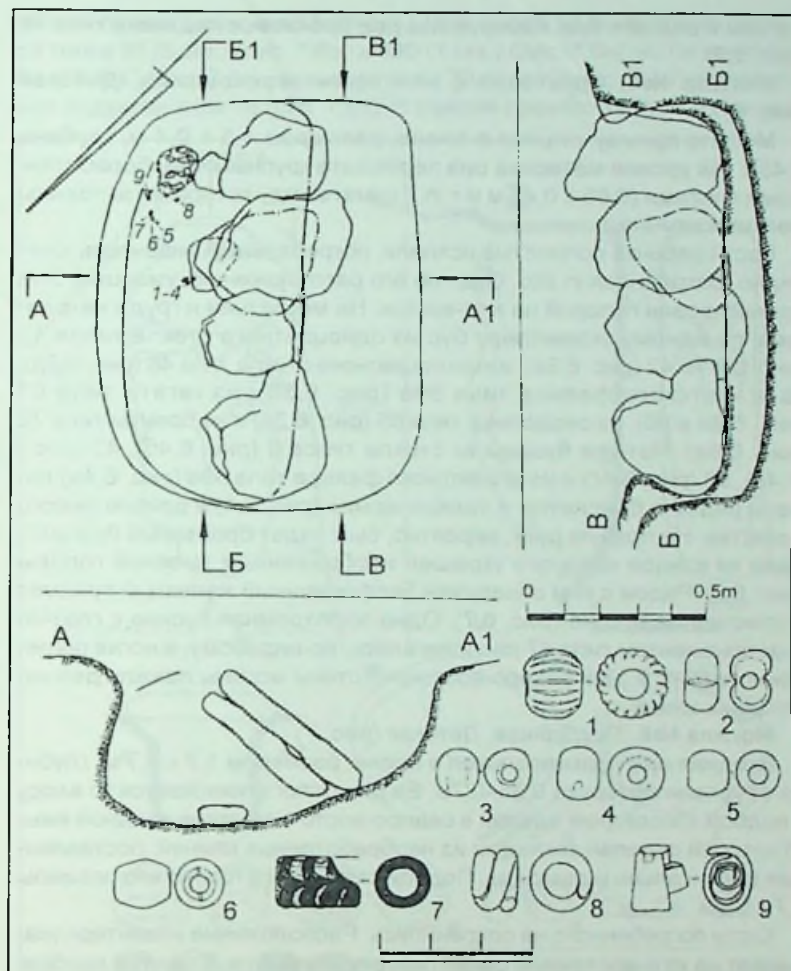

Рис. 5. Могила №4. План, разрезы и инвентарь:
1-7 — бусы; 8, 9 — подвески
(1 — египетский фаянс; 2-7 — стекло; 8, 9 — бронза).

(рис. 5,4,5), 8 (1 экз.) (рис. 5,3), 40 (1 экз.) (рис. 5,2), из многоцветного стекла типа 51 (1 экз.) (рис. 5,7), из египетского фаянса типа 596 (1 экз.) (рис. 5,1) и бронзовая подвеска, свитая из проволоки (рис. 5,8). Слева от черепа, вплотную к нему, лежал небольшой плоский камень. Другой камень находился слева от места живота и груди.

На нем и рядом с ним обнаружены две бронзовые подвески типа 78 (рис. 5,9).

Могила №5. Грунтовая с плитовым перекрытием. Детская (рис. 6).

Могила прямоугольная в плане, размером 1,5 x 0,4 м, глубина 0,45м. На уровне материка она перекрыта крупными необработанными плитами (0,65 x 0,45 м и т. п.), щели между которыми заложены мелкими камнями.

Кости ребенка полностью истлели, погребальный инвентарь, очевидно, сохранился *in situ*. Судя по его расположению, умерший был ориентирован головой на юго-восток. На месте шеи и груди находились по одному экземпляру бус из одноцветного стекла типов 11 (рис. 6,3г) и 42 (рис. 6,3а), из многоцветного стекла типа 48 (рис. 6,3д), из египетского фаянса типа 59а (рис. 6,3б), из гагата типа 61 (рис. 6,3е и 6б), из сердолика типа 65 (рис. 6,3в) и из бронзы типа 79 (рис. 6,6а). Четыре бусины из стекла типов 8 (рис. 6,4б), 43 (рис. 6,4в), 50 (рис. 6,4г) и из египетского фаянса типа 59а (рис. 6,4а) лежали рядом с браслетом с «шишечками» (рис. 6,1) в районе левого запястья. На правую руку, вероятно, был надет бронзовый браслет, один из концов которого украшен изображением змеиной головы (рис. 6,2). Рядом с ним обнаружен бесформенный железный предмет и стеклянная бусина (рис. 6,7). Одна полихромная бусина с глазчатым орнаментом типа 47 располагалась, по-видимому, в ногах погребенного (рис. 6,5). У северо-восточной стены могилы лежали два небольших камня.

Могила №6. Подбойная. Детская (рис. 7).

Входная яма прямоугольная в плане, размером 1,7 x 0,7 м, глубина от уровня материка 0,35–0,7м. Ее дно полого понижается ко входу в подбой. Последний сделан в северо-восточной стене входной ямы, от которой отделен закладом из необработанных камней, поставленных вертикально в два ряда. Подбой овальный в плане, его размеры 1,7 x 0,8м.

Кости погребенного не сохранились. Расположение инвентаря указывает на юго-восточную ориентировку умершего. В центре подбоя, на 8-сантиметровом слое земли, обнаружен небольшой плоский камень. Рядом с ним находились две железные фибулы (рис. 7,3,4), бронзовый колокольчик (рис. 7,5) и миниатюрный лепной сосуд (рис. 7,1), в котором лежал бронзовый перстень с сердоликовой геммой (рис. 7,2). На месте грудной клетки расчищено скопление бус из одноцветного стекла типов 2 (4 экз.) (рис. 7,6а), 3 (7 экз.) (рис. 7,6в,6г), 8 (2 экз.) (рис. 7,6з), 16 (1 экз.) (рис. 7,6б), 17 (1 экз. и фр-т) (рис. 7,6д,6е), 22 (1 экз.) (рис. 7,6к), 43 (1 экз.) (рис. 7,6л), из многоцветного стекла типа 50 (1 экз.) (рис. 7,6м), из стекла с внутренней металли-

ческой прокладкой типа 53а (1 экз.) (рис. 7,6ж), из египетского фаянса типов 57 (8 экз.) (рис. 7,6о) и 59б (1 экз.) (рис. 7,6н), из гагата типа 61 (26 экз.) (рис. 7,6с), из янтаря типа 73 (1 экз.) (рис. 7,6р) и бронзовая подвеска типа 78 (рис. 7,6т). В районе правого запястья лежала

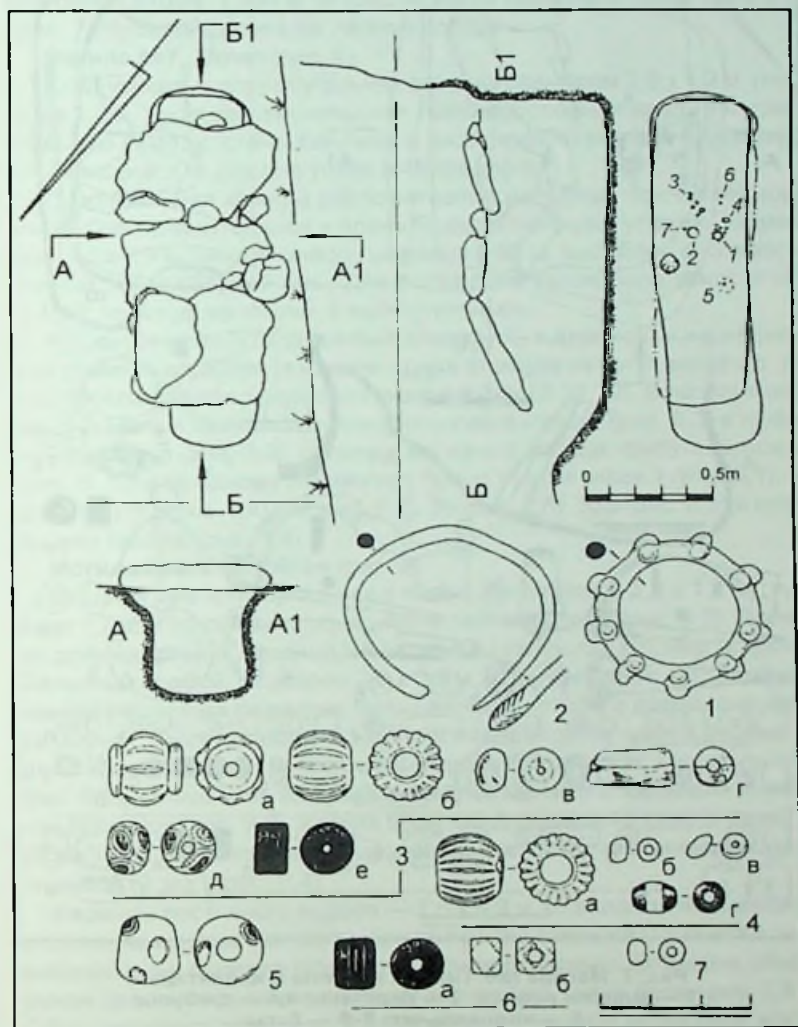

Рис. 6. Могила №5. Планы, разрезы и инвентарь:
1, 2 — браслеты; 3-7 — бусы (1, 2, 6а — бронза; 3а, 3г, 3д, 4б-г, 5, 7 — стекло; 3б, 4а — египетский фаянс; 3в — сердолик; 5е, 6б — гагат).

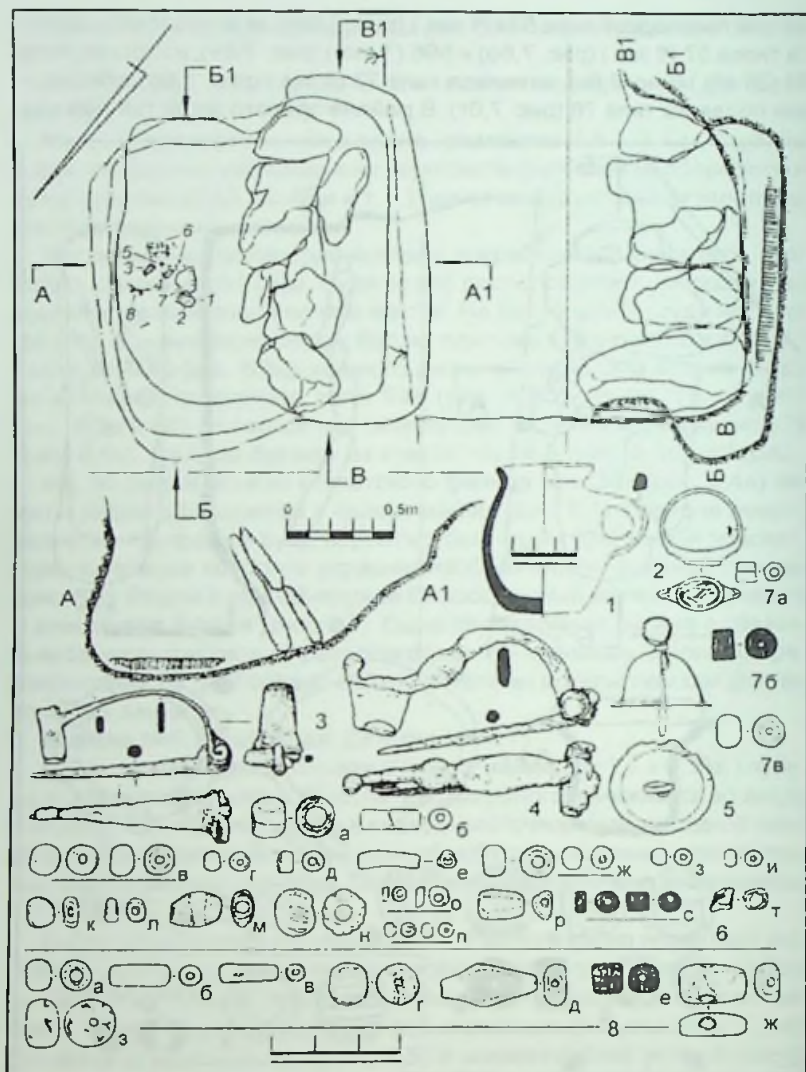

Рис. 7. Могила №6. Планы, разрезы и инвентарь:

1 — кувшин лепной; 2 — перстень; 3, 4 — фибулы;

5 — колокольчик; 6-8 — бусы

(2, 5, 6т — бронза; 3, 4 — железо; 6н, 6о — египетский фаянс;

6р — янтарь; 6с, 76, 8е — гагат; 8ж, 8з — сердолик;

6а-м, 6п, 7а, 8а-д — стекло).

низка стеклянных, гагатовых и сердоликовых бус типов 2 (2 экз.) (рис. 7, 8а, 8г), 16 (1 экз.) (рис. 7, 8б), 17 (1 экз.) (рис. 7, 8в), 41 (1 экз.) (рис. 7, 8д), 61 (1 экз.) (рис. 7, 8е), 65 (1 экз.) (рис. 7, 8з) и 67 (1 экз.) (рис. 7, 8ж), составлявших, вероятно, браслет. Две стеклянные бусины типов 3 (рис. 7, 7в) и 18 (рис. 7, 7а) и одна гагатовая типа 61 (рис. 7, 7б) размещались на лепном сосуде.

Могила №7. Склеп (рис. 8).

Входная яма подпрямоугольная в плане, размером 2,2 x 1,3 м, глубина 1,6 м. Узкая северо-западная, противоположная входу в погребальную камеру, стена сделана в виде трех неровных ступенек, спускающихся ко дну под углом в 45 градусов.

Погребальная камера располагается на одной оси с входной ямой. Она прямоугольная в плане, с закругленными углами, размером 3,1 x 2,3 м. Вход в камеру, шириной 0,55 м, вырублен в юго-восточной стене входной ямы. Дно последней выше пола камеры на 0,45 м, переход оформлен в виде ступеньки.

Несмотря на то, что склеп был дважды — в древности и в недавнее время — ограблен, в камере, слева от входа на полу, вероятно, *in situ*, стояли два краснолаковых кувшина (рис. 8, 11, 12). В заполнении входной ямы и камеры найдены бронзовые кольцо (рис. 8, 8) и наконечник ремня (рис. 8, 9), обломки железных кольца, фибулы и ножа (рис. 8, 10) и по одному экземпляру бус из стекла типов 1 (рис. 8, 1), 4 (рис. 8, 2), 12 (рис. 8, 4), 16 (рис. 8, 7), 39 (рис. 8, 6), 53а (рис. 8, 5) и сердолика типа 66 (рис. 8, 3).

Могила №8. Подбойная (рис. 9).

Входная яма прямоугольная в плане. Ее размеры 2,8 x 1,2 м, глубина 1,7 м. В заполнении обнаружена лепная кружка (рис. 9, 7). В обеих длинных стенах входной ямы сделаны овальные в плане подбои. Западный подбой, размером 2,5 x 0,9 м, отделен от нее закладом из камней различных размеров, большая часть которого разрушена грабителями. Высота свода 1,1 м. Пол находится на одном уровне с дном входной ямы. В подбое найдены бронзовые колокольчик (рис. 9, 9), кольцо (рис. 9, 10), обломок пластинчатого предмета, глиняное пряслице (рис. 9, 8), а также бусы из одноцветного стекла типа 16 (5 экз.) (рис. 9, 1) и из стекла с внутренней металлической прокладкой типа 53б (2 экз.) (рис. 9, 4).

Размеры восточного подбоя — 2,8 x 0,9 м, от входной ямы он был отделен каменным закладом. Его пол расположен на 0,1 м ниже дна входной ямы, переход оформлен в виде ступеньки. В подбое обнаружен овальный в плане слой органического тлена размером 2,3 x 0,5 м, возможно, от кошмы. В этом слое расчищены кости таза, ног и кистей. Судя по их положению, погребенный был ориентирован головой на северо-запад. Многие кости насквозь пропитаны окислами

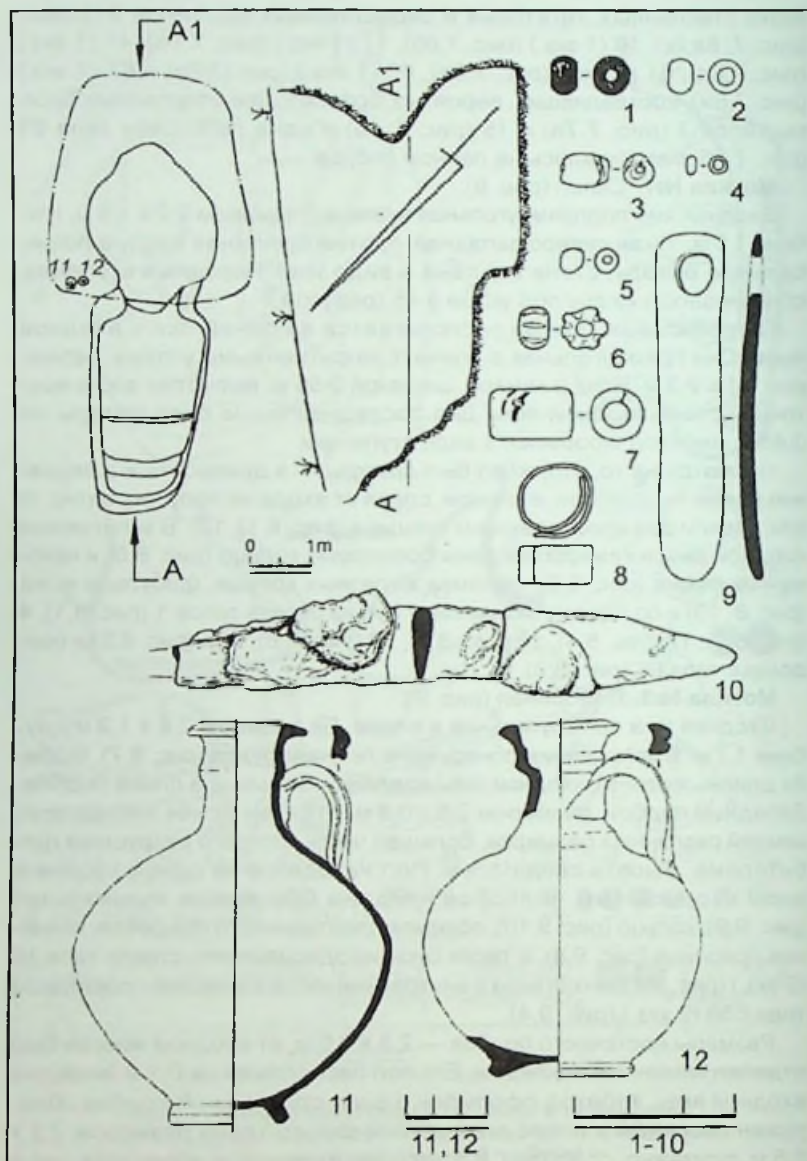

Рис. 8. Могила №7. План, разрез и инвентарь: 1-7 — бусы; 8 — кольцо; 9 — наконечник ремня; 10 — нож; 11,12 — краснолаковые кувшины (1, 2, 4-7 — стекло; 3 — сердолик; 8, 9 — бронза; 10 — железо).

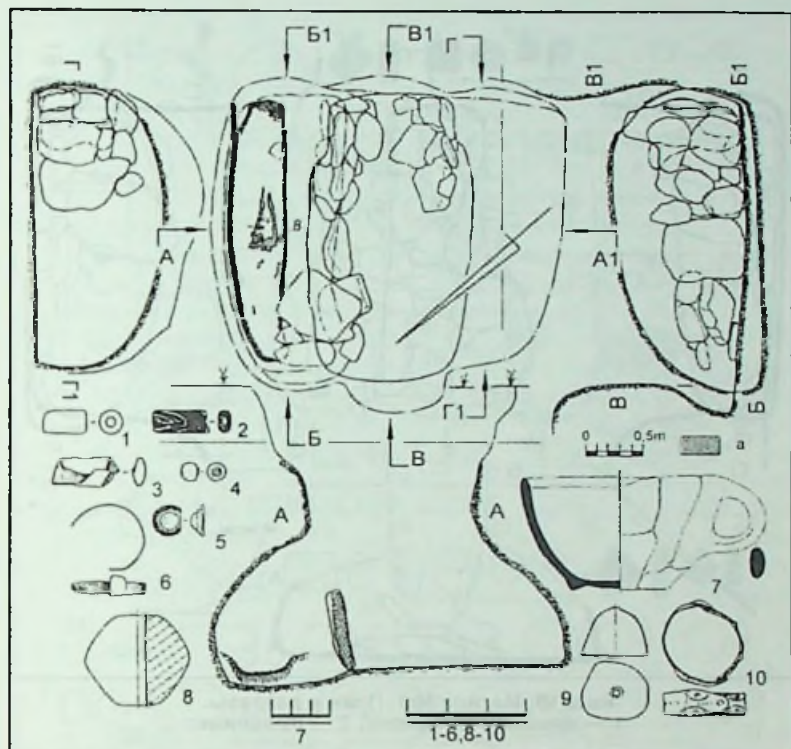

Рис. 9. Могила №8. План, разрезы и инвентарь.
 Входная яма: 7 — лепная кружка. Западный подбой: 1, 2, 4 — бусы;
 8 — пряслице; 9 — колокольчик; 10 — кольцо.
 Восточный подбой: 5 — вставка стеклянная в золотом гнезде;
 6 — фрагмент кольца; 3 — фрагмент пронизи (1, 2, 4 — стекло;
 3, 9, 10 — бронза; 6 — белый металл (серебро?); 7, 8 — глина).

бронзы. На фаланге пальца обнаружено серебряное кольцо (рис. 9,6). Кроме него в подбое найдены стеклянная вставка в золотом гнезде (рис. 9,5) и обломки бронзовых пластинчатых пронизей (рис. 9,3).

Могила №9. Подбойная (рис. 10, 11).

Прямоугольная в плане входная яма имеет размеры 2,8 x 0,8 м, глубина от уровня материка 1,8 м. В ее длинных стенах сделаны овальной формы подбои. Заклады обоих подбоев состояли из крупных плит, поставленных вертикально на 2–3 ряда горизонтально уложенных камней. Дно входной ямы и полы подбоев находятся на одном уровне.

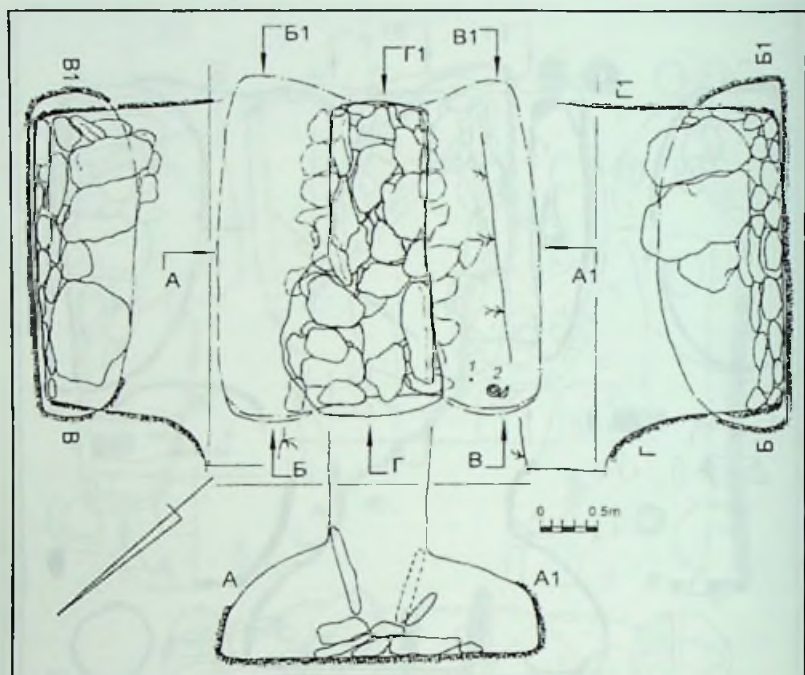

Рис. 10. Могила №9. План и разрезы.
1 — кувшин гончарный; 2 — пряслице.

Размеры западного подбоя 3,0 x 0,9 м, высота свода 0,9 м. На его полу, вероятно, *in situ*, сохранились гончарный кувшинчик (рис. 10,1; 11,1), керамическое пряслице (рис. 10,2; 11,2) и кость животного. В заполнении найдены обломки зеркала-подвески (рис. 11,17) и многочисленные бусы из стекла типов 16 (11 экз.) (рис. 11,8), 17 (93 экз.) (рис. 11,12), 25 (1 экз.) (рис. 11,9), 26 (36 экз.) (рис. 11,15), 27 (36 экз.) (рис. 11,16), 29 (3 экз.) (рис. 11,11), 31 (9 экз.) (рис. 11,13), 33 (1 экз.) (рис. 11,36), 34 (1 экз.) (рис. 11,10), 35 (1 экз.) (рис. 11,10), 536 (1 экз.) и 54 (1 экз.) (рис. 11,14), из гагата типов 61 (50 экз.) (рис. 11,4) и 62 (1 экз.) (рис. 11,3), из янтаря типа 73 (2 экз.) (рис. 11,7) и из горного хрусталя типа 80 (1 экз.) (рис. 11,6).

Восточный подбой имеет размеры 3,1x0,9 м, высота свода 1,0 м. В его заполнении обнаружены обломки двух зеркал-подвесок (рис. 11,43,44), бронзовые детали шкатулки (рис. 11,31) и кольцо (рис. 45), фрагменты железных кольца и ножа (рис. 11,46) и несколько сотен бус из стекла типов 2 (4 экз.) (рис. 11,35), 16 (20 экз.) (рис. 11,25), 17 (147 экз.) (рис. 11,37), 18 (3 экз.) (рис. 11,38), 19

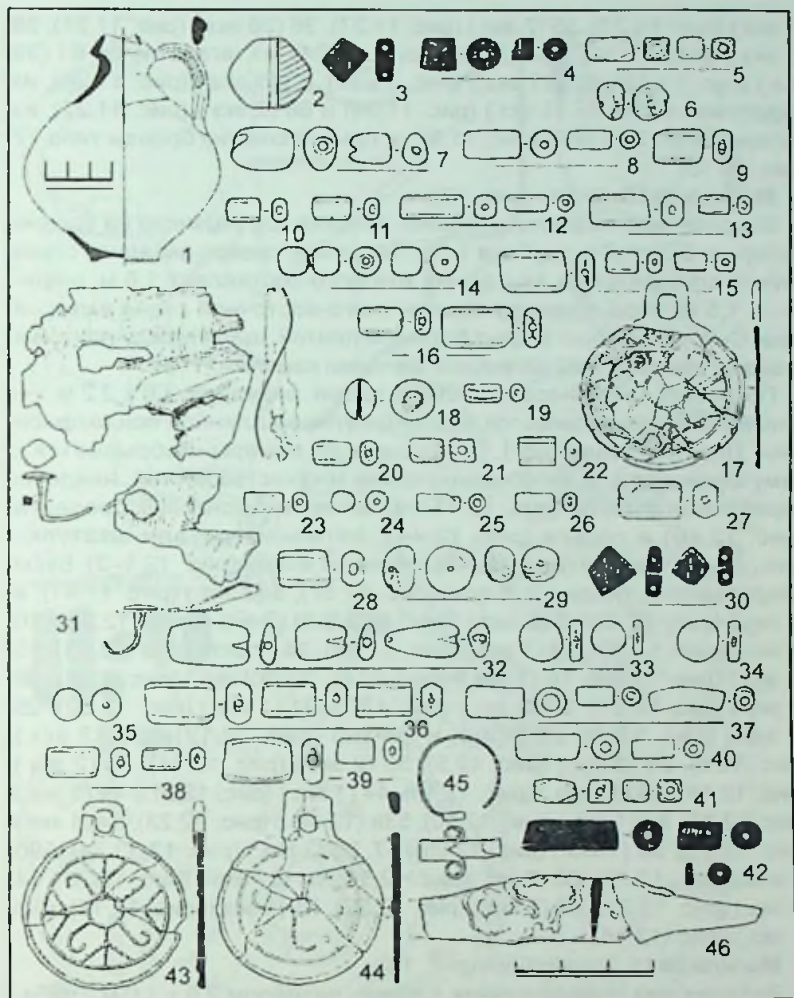

Рис. 11. Могила №9. Инвентарь.

Западный подбой: 1 — гончарный кувшин; 2 — пряслице;
 3-16 — бусы; 17 — зеркало. Восточный подбой: 18-30, 32-42 — бусы;
 31 — детали шкатулки; 34, 44 — зеркала; 45 — перстень; 46 — нож
 (1,2 — глина; 3, 4, 30, 42 — гагат; 6 — хрусталь; 7, 32 — янтарь;
 22, 29 — сердолик; 5, 8-16, 19-21, 23-28, 33-41 — стекло;
 18, 31, 45 — бронза; 17, 43, 44 — белый металл; 46 — железо).

(1 экз.) (рис. 11,38), 23 (6 экз.) (рис. 11,33), 25 (20 экз.) (рис. 11,36), 26
 (45 экз.) (рис. 11,39), 27 (58 экз.) (рис. 11,39), 28 (2 экз.) (рис. 11,23), 32

(1 экз.) (рис. 11,27), 35 (2 экз.) (рис. 11,27), 36 (26 экз.) (рис. 11,21), 38 (2 экз.) (рис. 11,21), 53а (1 экз.) (рис. 11,24), из гагата типов 61 (39 экз.) (рис. 11,42), 62 (17 экз.) (рис. 11,30), 63 (5 экз.) (рис. 11,28), из сердолика типов 65 (3 экз.) (рис. 11,29) и 68 (2 экз.) (рис. 11,22), из янтаря типа 73 (4 экз.) (рис. 11,32) и одна бусина из бронзы типа 77 (рис. 11,18).

Могила №10. Склеп (рис. 12).

Входная яма подпрямоугольная в плане. Ее размеры на уровне материка 3,0 x 1,7 м, глубина 1,5 м. Торцевая, северо-западная стена полого спускается ко дну, длина которого составляет 1,6 м, ширина — 1,5 м. Вход в камеру сделан в юго-восточной стене входной ямы. Снаружи он был закрыт большой плитой, щели между плитой и стенами входной ямы заложены мелкими камнями.

Погребальная камера округлая в плане, размером 2,9 x 2,2 м. Ее длинная ось располагается перпендикулярно длинной оси входной ямы. Дно последней на 1,1 м выше пола камеры и обрывается к нему ступенькой. В заполнении, кроме множества костей, найдены серебряная фибула (рис. 12,15), фрагменты бронзовых браслета (рис. 12,46) и серьги (рис. 12,44), железные детали шкатулки (рис. 12,47), кольцо (рис. 12,45), обломки ножей (рис. 12,1–3). Бусы представлены типами 2 (6 экз.) (рис. 12,37), 3 (3 экз.) (рис. 12,41), 4 (1 экз.) (рис. 12,42), 7 (6 экз.) (рис. 12,24), 9 (3 экз.) (рис. 12,26), 10 (1 экз.) (рис. 12,29), 13 (1 экз.) (рис. 12,36), 14 (1 экз.) (рис. 12,43), 15 (1 экз.) (рис. 12,39), 16 (7 экз.) (рис. 12,8), 17 (12 экз.) (рис. 12,9), 18 (1 экз.) (рис. 12,31), 20 (3 экз.) (рис. 12,7), 21 (1 экз.) (рис. 12,32), 25 (2 экз.) (рис. 12,4), 26 (1 экз. и фр-ты) (рис. 12,12), 27 (13 экз.) (рис. 12,6), 28 (2 экз.) (рис. 12,5), 30 (2 экз.) (рис. 12,11), 35 (2 экз.) (рис. 12,19), 36 (11 экз.) (рис. 12,18), 44 (1 экз.) (рис. 12,27), 49 (1 экз.) (рис. 12,13), 52 (1 экз.) (рис. 12,10), 53а (12 экз.) (рис. 12,23), 54 (1 экз.) (рис. 12,28), 56 (1 экз.) (рис. 12,25), 57, 58 (2 экз.) (рис. 12,33,34), 59б (1 экз.) (рис. 12,17), 60 (2 экз.) (рис. 12,30), 61 (27 экз.) (рис. 12,20), 64 (4 экз.) (рис. 12,21), 66 (5 экз.) (рис. 12,22), 71 (1 экз.) (рис. 12,14) и 73 (1 экз.) (рис. 12,16).

Могила №11. Подбойная (рис. 13).

Входная яма прямоугольная в плане, размером 2,9 x 1,0 м, глубина 2,2 м. Ее северо-западная часть разрушена грабительским лазом. На территории могильника это единственное погребальное сооружение с незаполненной камнями входной ямой.

Овальные в плане подбои сделаны в обеих длинных стенах входной ямы. Западный подбой, размером 2,6 x 0,7 м, высота свода 0,8 м, отделялся от нее закладом из необработанных камней. Его пол расположен на 0,1 м выше дна входной ямы. В заполнении подбоя найдены перемещенные грабителями бронзовые браслет (рис. 13,18) и

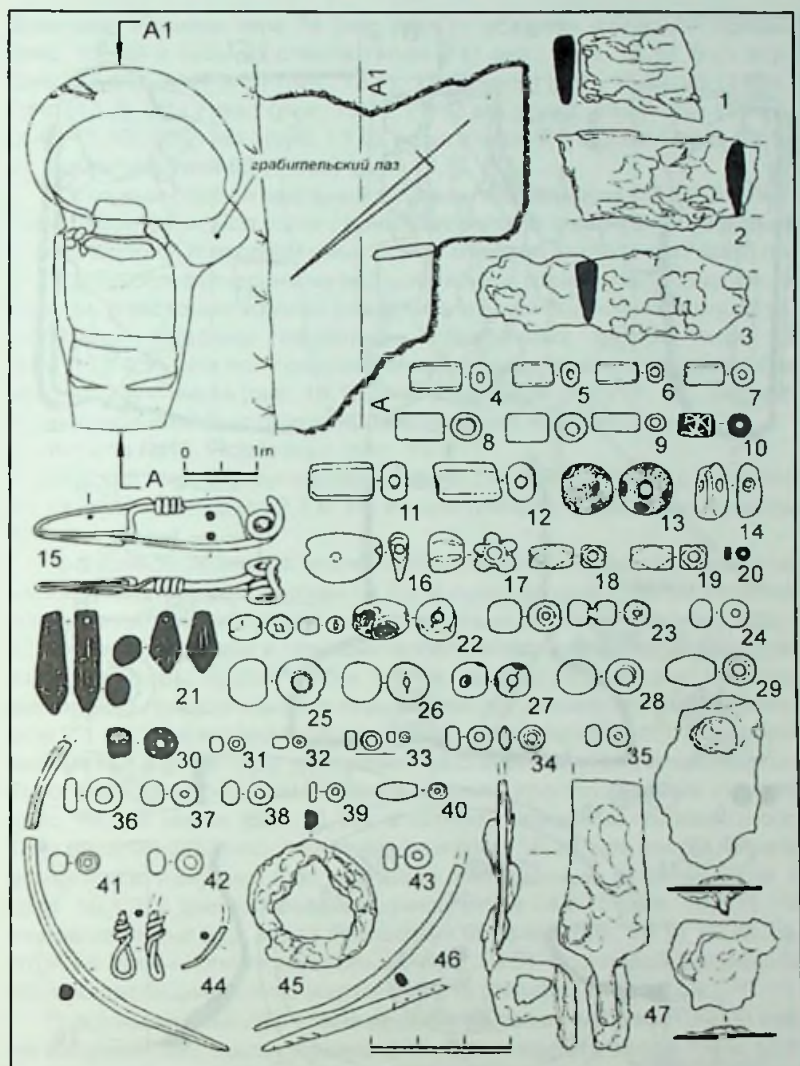

Рис. 12. Могила №10. План, разрез и инвентарь:

- 1-3 — фрагменты ножей; 4-14, 16-43 — бусы; 15 — фибула;
 44 — фрагменты серьги; 45 — кольцо; 46 — фрагменты браслета;
 47 — детали шкатулки
 (1-3, 45, 47 — железо; 15, 44, 46 — бронза; 17, 25, 33-35 — египетский
 фаянс; 22 — сердолик; 14, 16 — янтарь; 20, 21, 30 — гагат;
 4-10, 11-13, 18, 19, 23, 26-29; 31, 32, 35-43 — стекло).

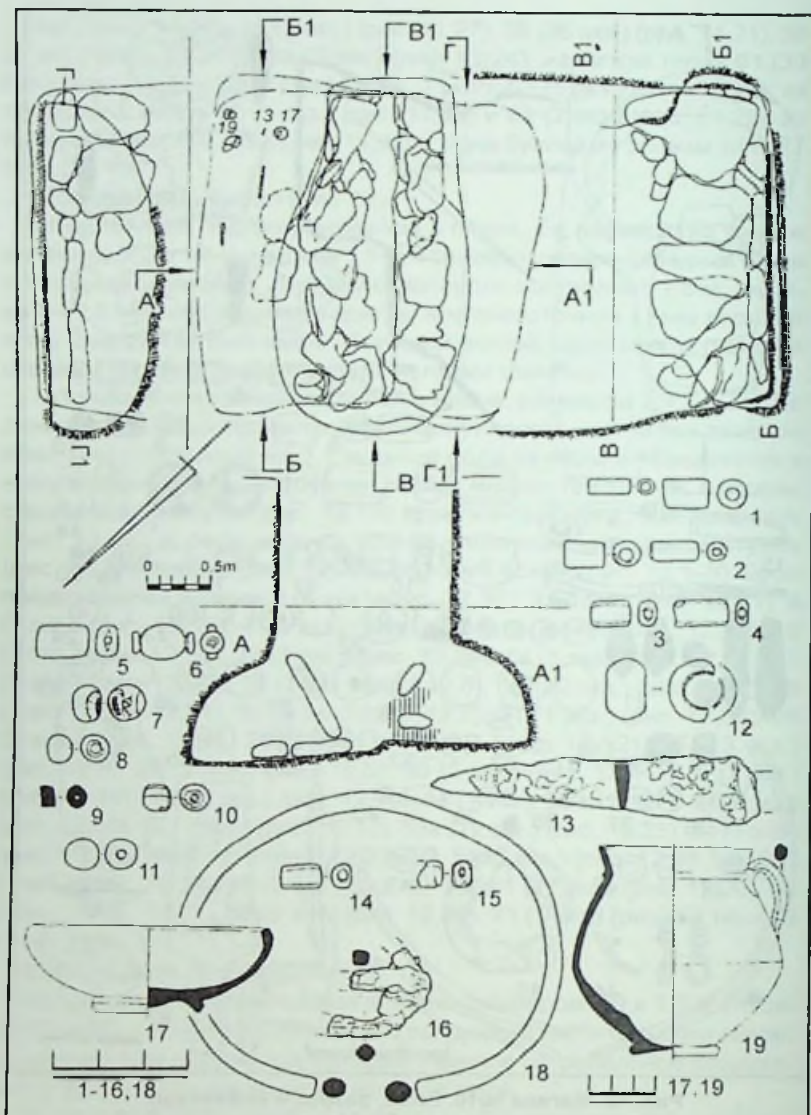

Рис. 13 Могила №11. План, разрезы и инвентарь.
 Западный подбой: 1-12 — бусы; 16 — фрагмент пряжки; 18 — браслет.
 Восточный подбой: 13 — нож; 14, 15 — бусы; 17 — красная лаковая
 миска; 19 — красная лаковая чаша (1-6, 8, 10, 11, 14, 15 — стекло;
 7 — сердолик; 9 — гагат; 12, 18 — бронза; 13, 16 — железо).

фрагмент пронизи типа 74 (рис. 13,12), обломок железной пряжки (рис. 13,16) и бусы из стекла типов 2 (1 экз.) (рис. 13,8), 5 (1 экз.) (рис. 13,11), 16 (7 экз.) (рис. 13,1), 17 (22 экз.) (рис. 13,2), 25 (1 экз.) (рис. 13,3), 26 (1 экз.) (рис. 13,4), 27 (2 экз.) (рис. 13,5), 53а (1 экз.) (рис. 13,10), 55 (1 экз.) (рис. 13,6), из гагата типа 61 (3 экз.) (рис. 13,9), из сердолика типа 65 (1 экз.) (рис. 13,7).

Восточный подбой овальный в плане, его размеры 2,7 x 0,8 м, высота свода 0,7 м. Пол полого понижается по направлению к западной стене подбоя. От входной ямы подбой отделен закладом из плит, поставленных вертикально на ряд уложенных горизонтально крупных камней. Некоторые из плит оказались внутри подбоя на полу. В заполнении найдены несколько стеклянных бусин типа 27 (рис. 13,14,15). На полу сохранились кости ног, краснолаковые кубок (рис. 13,19) и миска (рис. 13,17), железный нож (рис. 13,13). Вероятно, погребенный был ориентирован головой на северо-запад.

Могила №12. Подбойная (рис. 14–17).

Входная яма прямоугольная в плане, размером 2,9 x 1,0 м, глубина от уровня материка 2,3 м. На ее дне плашмя в два ряда уложены плоские камни.

Пол прямоугольного в плане подбоя, выкопанного в западной стене входной ямы, расположен на 0,2 м выше ее дна. Подбой отделен от входной ямы закладом из вертикально стоящих крупных плит. Щели между плитами и стенками могилы заложены небольшими камнями. Размеры подбоя 2,45 x 0,45 м, высота свода 0,9 м. На полу расчищено прямоугольное в плане пятно органического тлена размером 2,1 x 0,3, на котором совершено захоронение (рис. 15). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. В головах, за пределами тлена, стояли краснолаковые кувшины (рис. 16,8) и миска (рис. 16,10), в которой лежала кость животного. Под миской находился железный нож (рис. 16,24). На костях черепа у челюсти найдены две крупные стеклянные бусины типа 8 (рис. 16,1,2) и две бронзовые пронизи типов 74 и 75 (рис. 16,6,7). На левое запястье был надет бронзовый браслет (рис. 16,3), на палец этой же руки — бронзовое кольцо (рис. 16,5). Под левой бедренной костью расчищено пятно желтого цвета размером 13 x 7 см.

Подпрямоугольный в плане подбой, выкопанный в восточной стене входной ямы, имел размеры 2,7 x 1,0 м, высота свода 1,0 м. Устройство заклада аналогично закладу западного подбоя. На полу расчищено прямоугольное в плане пятно органического тлена размером 2,1 x 0,55 м, на котором совершено захоронение. Погребенного положили в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Слева от него, на уровне черепа, бедер и стоп лежали три плоских камня. В изголовье находились две, стоящие одна на одной, краснолаковые

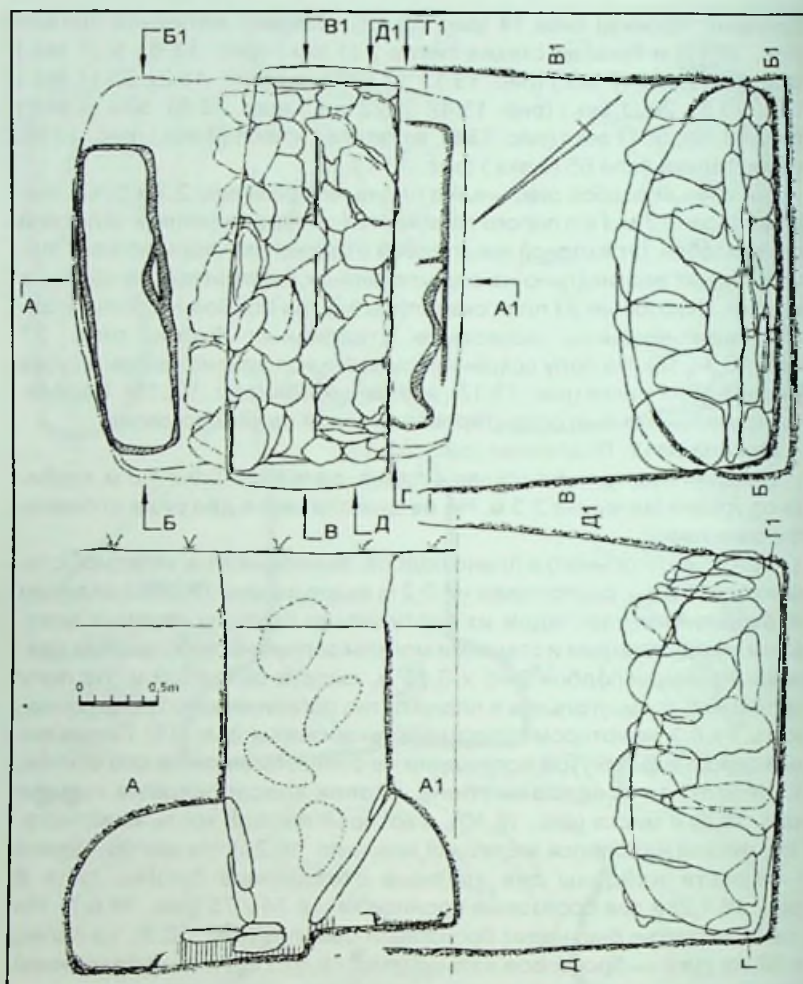

Рис. 14. Могила №12. План и разрезы.

миски (рис. 16,4,9). В верхней лежала кость животного, чуть поодаль — железный нож (рис. 17,43). Под мисками обнаружены два железных стержня (рис. 17,25), рядом с ними бронзовые детали деревянной шкатулки (рис. 17,26,30,39) и ключ от нее (рис. 17,31). У черепа расчищен лежавший полукольцом слой тлена пепельного цвета. На костях черепа обнаружены две серебряные серьги (рис. 17,32). В районе шейных позвонков находились три нити бус из гагата типов

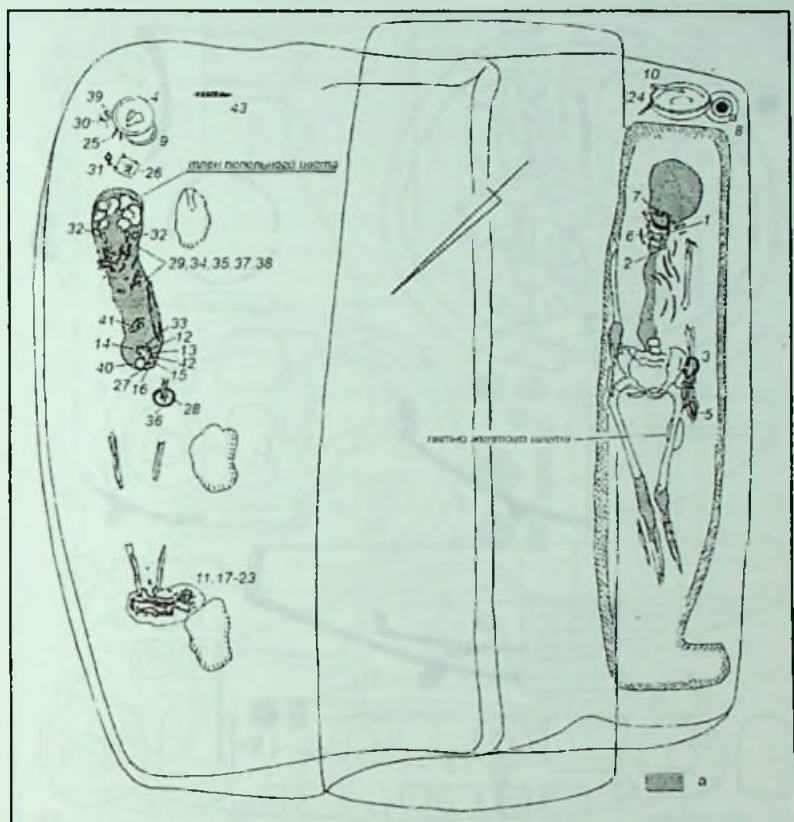

Рис. 15. Могила №12. План погребений.

61 (43 экз.) (рис. 17,35), 62 (24 экз.) (рис. 17,37) и янтаря типа 69 (1 экз.) (рис. 17,34) с несколькими стеклянными бусинами неопределенного типа (рис. 17,29,38). На месте груди лежала бронзовая фибула с надетым на нее железным кольцом (рис. 17, 41). В области живота располагались зеркало-подвеска (рис. 17,40), бусы из стекла типов 2 (фр-ты), 8 (1 экз.) (рис. 16,14), 9 (1 экз.) (рис. 16,12), 17 (1 экз.) (рис. 16,13), из египетского фаянса типа 596 (1 экз.) (рис. 17,27), из гагата типа 61 (2 экз.) (рис. 16,15), из бронзы типа 76 (2 экз.) (рис. 17,33,42) и из меловой породы типа 81 (1 экз.) (рис. 16,16). На запястье левой руки был надет бронзовый браслет (рис. 17, 36), рядом с ним на лучевых костях лежали две стеклянные бусины типа 17 (рис. 17, 28). У щиколоток ног расчищено пять рядов

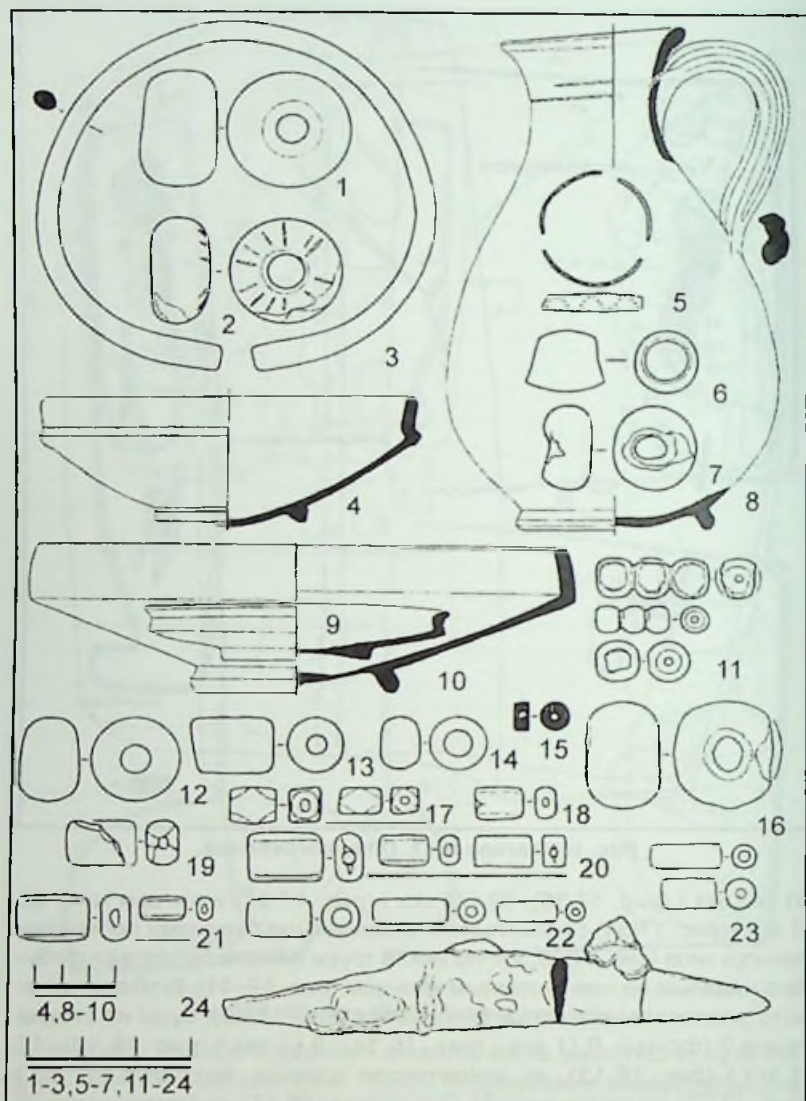

Рис. 16. Могила №12. Инвентарь.

Западный подбой: 1, 2, 6, 7 — бусы; 3 — браслет; 5 — кольцо; 8 — краснолаковый кувшин; 10 — краснолаковая миска; 24 — нож. Восточный подбой: 4 — краснолаковая миска; 9 — краснолаковая тарелка; 11-23 — бусы (3, 5-7 — бронза; 15 — агат; 16 — меловая порода; 24 — железо; 1, 2, 11-14, 17-23 — стекло).

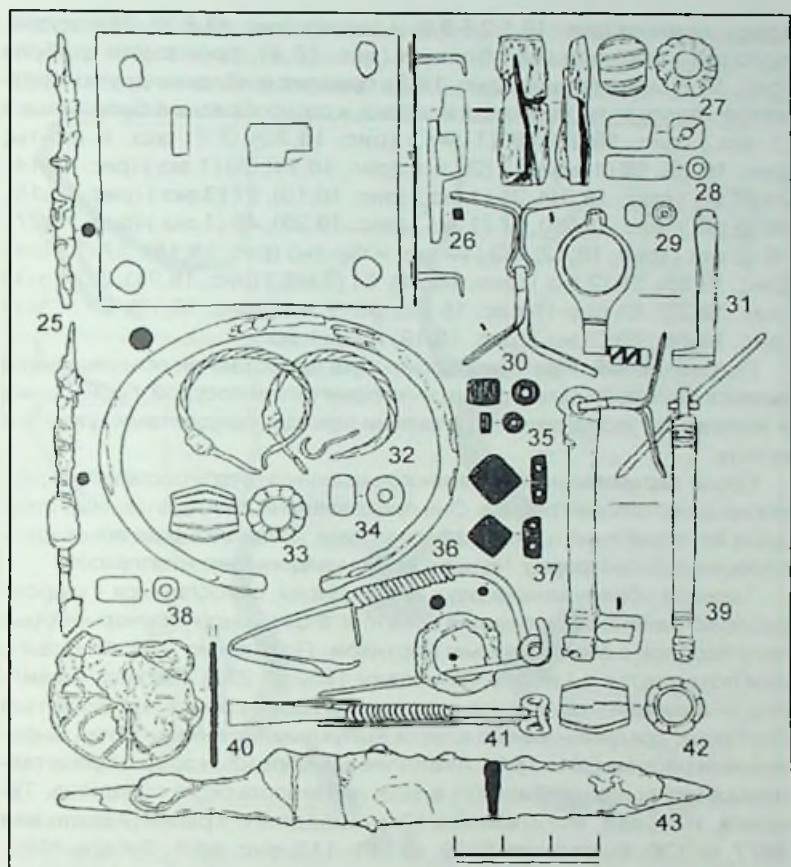

Рис. 17. Могила №12. Инвентарь восточного подбоя:

- 25 — шилья; 26, 30 — детали шкатулки; 31, 39 — ключи от шкатулки;
 32 — височные подвески; 36 — браслет; 40 — фрагмент зеркала;
 41 — фибула; 43 — нож; 27-29, 33-35, 37, 38, 42 — бусы
 (26, 30, 31, 33, 36, 39, 41, 42 — бронза; 25, 43 — железо;
 32, 40 — белый металл (серебро?); 27 0 египетский фаянс;
 35, 37 — гагат; 34 — янтарь; 28, 29, 38 — стекло).

бус из одноцветного стекла типов 16 (6 экз.) (рис. 16, 23) 17 (125 экз.) (рис. 16, 22), 25 (фр-т) (рис. 16, 19), 26 (25 экз.) (рис. 16, 20), 27 (30 экз.) (рис. 16, 21), 30 (3 экз.) (рис. 16, 18), 37 (27 экз.) (рис. 16, 17) и из стекла с внутренней металлической прокладкой типа 536 (11 экз. и фр-ты) (рис. 16, 11), которыми, вероятно, была расшита одежда.

На грабительских отвалах у разных могил обнаружены фрагменты

краснолаковых (рис. 18,1,2,5,8,9) и лепных (рис. 18,6,32–35) сосудов, золотая умбоновидная бляшка (рис. 18,4), бронзовые фибула (рис. 18,7), колокольчик (рис. 18,3), браслет и обломки других предметов, фрагменты железных изделий и разнообразные бусы типов 3 (1 экз.) (рис. 18,25), 6 (1 экз.) (рис. 18,30), 7 (1 экз. и фр-ты) (рис. 18,26), 16 (1 экз.), 17 (26 экз.) (рис. 18,14), 20 (1 экз.) (рис. 18,14), 24 (1 экз.) (рис. 18,31), 25 (1 экз.) (рис. 18,10), 27 (3 экз.) (рис. 18,15), 36 (5 экз.) (рис. 18,28), 37 (1 экз.) (рис. 18,29), 45 (1 экз.) (рис. 18,27), 46 (2 экз.) (рис. 18,12), 53 (10 экз. и фр-ты) (рис. 18,18), 57 (13 экз.) (рис. 18,23), 58 (2 экз.) (рис. 18,24), 61 (5 экз.) (рис. 18,21), 62 (1 экз.) (рис. 18,22), 63 (фр-т) (рис. 18,20), 66 (1 экз.) (рис. 18,17), 69 (1 экз.) (рис. 18,16), 70 (2 экз.) (рис. 18,19) и 72 (1 экз.).

Погребальный инвентарь могильника представлен обычными для римского времени категориями — керамической посудой, бронзовыми и железными украшениями, деталями одежды, предметами туалета и культа.

Среди керамики наиболее многочисленную группу составляет краснолаковая столовая посуда. Она представлена девятью целыми сосудами из погребений и пятью фрагментами, позволяющими воссоздать первоначальную форму. Четыре из них найдены вне комплексов.

Тарелки обнаружены в двух экземплярах, относящихся к широко распространенному в первые века н. э. в Северном Причерноморье типу тарелок с вертикальным бортиком. По мнению Т. Н. Книпович, они появляются в I в. н. э. (Книпович 1952, с. 299). Первый экземпляр — фрагмент тарелки со скошенным наружу венчиком, вогнутым бортиком, соединенным со слегка выпуклыми стенками четко выраженным ребром (рис. 18,8). Аналогичные образцы хорошо представлены в слоях и погребениях I в. н. э. из Неапольского городища, Та-наиса, Илурата, могильников Юго-Западного Крыма (Арсеньева 1977, с. 126; Высотская 1979, с. 111–112, рис. 66,1; Зубарь 1982, с. 65–66; Силантьева 1958, с. 285). Вероятно, основное время использования таких тарелок приходится на середину – 2-ю пол. I в. н. э., хотя встречаются они и позже (Труфанов 1997а, с. 185–186, тип III-Г-3). Тарелка из восточного подбоя могилы №12 небольших размеров, ее высота 4,1 см, диаметр венчика — 10,5 см (рис. 16,9). Венчик сильно отогнут наружу, бортик невысокий, слегка наклонен внутрь. По профилировке бортика нашему экземпляру близка тарелка из Заветнинского могильника (Богданова 1989, с. 27, табл. IV,6).

Чаши представлены двумя целыми формами и одним фрагментом венчика (рис. 4,3; 13,17). Они относятся к типу, известному с I в. до н. э. и имеют широкий круг аналогий. В процессе длительного существования чаши не могли сохранять стандартную форму, что отразилось в изменении деталей. Для поздних экземпляров характерны

Archaeological illustration of various artifacts, including pottery fragments, metal objects, and coins, numbered 1 through 35. A scale bar at the bottom indicates measurements in centimeters (1, 2, 5, 6, 8, 9, 32-35).

1 — миска сероглиняная; 3 — фрагмент колокольчика; 4 — бляшка;
2, 5, 8, 9 — фрагменты краснолаковой посуды; 6 — лепной сосуд;
7 — фибула; 10-31 — бусы; 32 — фрагмент лепной миски;
33-35 — фрагменты курильниц
(3, 7 — бронза; 23, 24 — египетский фаянс; 20, 21, 22 — галат;
13, 16, 19 — янтарь; 17 — сердолик; 10-12, 14, 15, 18, 25-31 — стекло).

5 сборник

Миски, аналогичные по форме вышерассмотренным чашам (рис. 18,5,9), соответствуют типам 13 из Тиритак и 14 из Мирмекия и близки типу Чандарли 21, которые в целом характерны для конца I–III вв. н. э. (Книпович 1952, с. 303–304). Профилировка венчика позволяет связывать их с ранней фазой производства (Каменецкий 1993, с. 45, рис. 6; Крапивина 1993, с. 108, рис. 45, 29–30). Миска с вертикальным бортиком, слегка скошенным внутрь краем, на кольцевой подставке, с дном, плавно понижающимся и расширяющимся к центру, относится к позднеримскому времени (рис. 16, 10). Наиболее близкие нашему экземпляру аналогии найдены в Тиритак в комплексе III в. н. э. (Гайдукевич 1952, с. 33, рис. 27), в ранней могиле Суворовского некрополя в Юго-Западном Крыму (Зайцев 1997, с. 108), и в Болгарии в районе г. Никополя на Дунае, где, вероятно, во II–III вв. н. э. находился один из центров производства подобной посуды (Кабакчиева, Султова, Владкова 1988, табл. I). Эту дату подтверждают находки близких по форме образцов на Нижне-Гниловском городище в дельте Дона и на Афинской агоре в слоях 1-ой половины – середины III в. н. э. (Каменецкий 1993, с. 86, рис. 17, 144; Robinson 1959, p. 63, pl. 69, K35). Возможно, время существования мисок этого типа захватывает первую половину IV в. н. э., на что указывает находка из Харакса (Блаватский 1951, рис. 13,5).

С женским погребением из могилы №12 связана миска с вертикальным бортиком и заостренным краем (рис. 16,4). Со стенками бортик соединен четко выраженным ребром. Дно плавно понижается к центру. Аналогичные образцы встречаются при раскопках античных памятников Северного Причерноморья. Однако, экземпляр из Левадков имеет одну особенность: округлое дно миски немного выступает из-под кольцевого поддона, что делает ее неустойчивой и непригодной для применения в быту. Краснолаковая чаша с аналогичной формой дна обнаружена на городище Золотое Ярмо (Храпунов, Власов, Молодцов, Мульд 1994, с. 96, рис. 5,3). Вероятно, этот производственный брак обусловил включение миски в состав погребального инвентаря, что иногда встречается при раскопках могильников (Катюшин 1996, с. 22). Аналогичный, но не бракованный экземпляр происходит из Илурата и датируется III в. н. э. (Силантьева 1958, с. 298, рис. 12,3). Известны они в Ольвии, Тиритак и Херсонесе. Подобная миска найдена в цистерне вместе с тремя монетами времени херсонесской эвлетерии середины II – середины III вв. н. э. (Белов, Стржелецкий, Якобсон 1953, с. 187, рис. 36. Зубарь 1982, с. 67, рис. 41; Крапивина 1993, рис. 55, 1–3).

Кубок из могилы №11 с отвесным отогнутым краем, шаровидным туловом на кольцевом поддоне (рис. 13,19) имеет многочисленные аналогии в комплексах первых веков н. э. из греческих

некрополей и могильников Юго-Западного Крыма. В большинстве случаев они датируются II—III вв. н. э., хотя встречаются и в погребениях I в. н. э. (Гущина 1974, с. 36; Косяненко 1980, с. 222, рис. 2,4)

Кувшины представлены одним фрагментированным и тремя целыми экземплярами. Два близких по форме сосуда происходят из склепа №7. Первый — с отогнутым наружу краем, шаровидным туловом, на кольцевом поддоне. По горлу, на уровне прилепа ручки, проходит валик (рис. 8,11). Совершенно аналогичный сосуд найден в Усть-Альминском некрополе в комплексе I—II вв. н. э. (Высотская 1994, с. 79). Подобные по форме кувшины наиболее многочисленны среди краснолаковой керамики могильника Скалистое III (Богданова, Гущина, Лобода 1976, с. 125) и широко представлены в погребениях I—II вв. н. э. Бельбекской долины (Гущина 1974, с. 35, рис. X,21, IX,6). Наиболее ранний фрагмент подобного кувшина обнаружен на Подозовском городище в дельте Дона в слое конца I в. н. э. (Каменецкий 1993, с. 111). Второй кувшин (рис. 8,12) близок по форме предыдущему, но имеет другой профиль венчика. Подобный сосуд встречен в могильнике Скалистое III (Богданова, Гущина, Лобода 1976, с. 134). В могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма широко представлены кувшины с яйцевидным туловом и воронкообразным, отогнутым наружу венчиком, аналогичные сосуду из Левадков (рис. 16,8). В Неаполе они сопровождали, в основном, подбойные погребения II—III вв. н. э. (Сымонович 1989, с. 83), в одном из Бельбекских захоронений подобный кувшин был найден с монетой начала III в. н. э. (Гущина 1974, с. 33).

Простая гончарная керамика из могильника характеризуется двумя экземплярами. Одноручный кувшин из могилы №9 (рис. 11,1) с шарообразным туловом, узким коротким горлом, заостренным венчиком не находит аналогий. Судя по обнаруженным в этой же могиле фрагментированному зеркалу и некоторым типам бус, он может датироваться II—III вв. н. э. Сероглиняная миска из подъемного материала (рис. 18,1) имеет усеченно-коническое тулово со слегка выпуклыми стенками, соединенными с наклоненным бортиком сглаженным ребром. Венчик слегка утолщен и скошен внутрь, дно плоское. Очень похожие экземпляры присутствуют в верхнедонских и воронежских курганах I—II вв. н. э. и находят аналогии в керамических комплексах меотских и сарматских памятников Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья, где, вероятно, находились центры производства такой посуды (Медведев 1990, с. 79–82, 148, рис. 23,2). В сарматском мире подобные миски получают широкое распространение в первые века н. э.; в синхронных крымских могильниках они отсутствуют.

Лепная керамика из Левадков по количеству уступает гончарной

Она представлена пятью археологически целыми сосудами и фрагментом венчика миски.

Три небольших кувшина можно отнести к одному типу (рис. 4, 1, 2, 7, 1). В Неаполе такие сосуды появляются в первые века н. э., причем экземпляры из могильника сопровождают исключительно захоронения в подбоях (Высотская 1979, с. 109, рис. 39, 8; Сымонович 1983, табл. III, рис. 6; 4, 10). В большом количестве они найдены в верхних слоях городища Альма-Кермен (Висотська 1964), несколько образцов происходят из могильников позднеримского времени Дружное и Нейзац. Условия находок, удлинённые пропорции тулова и низкопосаженные ручки, типичные для сарматской лепной керамики, позволяют некоторым исследователям связывать распространение таких сосудов в Крыму с проникновением на полуостров сарматов (Высотская 1979, с. 109). Однако в ранних и среднесарматских погребениях кувшины подобных форм отсутствуют. Неизвестны они и в традиционном скифском гончарном ремесле. В то же время морфологически близкие кувшины встречаются в керамических комплексах I–III вв. н. э. на Боспоре (Арсеньева 1970, с. 137, рис. 17, 9; Кастанаян 1958, с. 273–274, табл. IV, 6).

Груболепленный горшок приземистых пропорций (рис. 18, 6) находит аналогии в позднескифских памятниках Крыма, в частности, в Неаполе и на Булганакском городище. На Булганаке такие сосуды и их обломки происходят из слоя и хозяйственных ям I в. до н. э. – I в. н. э. (Власов 1997, с. 227, табл. II, 2). Эту дату подтверждают находки из Неаполя и Заветнинского могильника (Высотская 1979, с. 102, рис. 36, 11; Шульц 1957, с. 83, рис. 13). Встречаются они и во II в. н. э. (Власов 1997, с. 227). Очень похожие по форме сосуды бытовали у степных скифов-кочевников и в Лесостепи (Гаврилюк 1989, с. 41). В то же время, такие горшки характерны для керамики тавров (Крис, 1981, с. 21, табл. 13).

Из могилы №8 происходит кружка с полусферическим туловом, на невысоком кольцевом поддоне, с овальной в сечении ручкой, верхний край которого крепится к венчику (рис. 9, 7). Аналогичная обнаружена в одном из комплексов Усть-Альминского некрополя (Высотская 1994, с. 84, табл. 41, рис. 4). Подобные сосуды типичны для раннеримского периода развития пшеворской культуры (2-я половина II–III вв. н. э.) (Славяне, 1993, с. 59–60, табл. XIX, 20) и встречаются в Северо-Западном Причерноморье, куда они попадали вследствие импульса из Центральной Европы.

Среди подъемного материала присутствуют фрагменты трех кувшинов, принадлежащих к типу «шаровидных» (рис. 18, 33–35). Они имеют соответствующую форму тулова, узкое горло с отогнутым венчиком и расширяющуюся ножку. Одна из них орнаментирована канне-

люрами. Подобные курильницы бытуют в эллинистический период, начиная с IV в. до н. э., на широкой территории. Время их максимального распространения приходится на II–I вв. до н. э. Образцы с орнаментом в виде каннелюр содержатся среди материалов IV–III вв. до н. э. из Ольвии и II–I вв. до н. э. из Золотобалковского городища. Наиболее поздние экземпляры курильниц этого типа относятся к I в. н. э. (Власов 1997, с. 279–280, Погребова 1961, с. 110).

Фибулы из могильника представлены пятью экземплярами разных типов. Четыре фибулы найдены в погребениях, причем три из них зафиксированы *in situ* на груди умерших.

Серебряная фибула среднелатенской схемы, принадлежавшая к «неапольскому» варианту фибул северопричерноморского типа 3-й подгруппы 2-ой группы (Амброз 1966, с. 21), отличается от них короткой четырехвитковой пружиной, характерной для выделенного Б. Ю. Михлиным «беляусского» варианта (Михлин 1980, с. 200–201, рис. 4) (рис. 12, 15). Она имеет деревянную ось, что сближает ее с одной из фибул со скрепой из скифских погребений в некрополе Керкинитиды (Михлин, Бирюков 1983, с. 40). «Неапольские» фибулы А. К. Амброз датирует I в. до н. э., не позже его третьей четверти (Амброз 1966, с. 21). К этому же времени относятся и пять образцов из Беляуса, причем три из них к первой половине века. В одном из Усть-Альминских склепов среднелатенская фибула подобной конструкции была найдена с двумя железными лучковыми подвязными фибулами I варианта. Все они относятся к нижнему горизонту погребений (Зайцев 1997, с. 164–165). Подвязные фибулы I варианта датируются I в. н. э., но, возможно, появились уже в конце I в. до н. э. (Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, с. 96), что дает возможность продлить время существования «неапольских» фибул на последнюю четверть века. Основная масса находок подобных фибул происходит из памятников Крыма, один экземпляр найден недалеко от могильника Левадки, на поселении Змеиное (Храпунов, Храпунова, Таратухина 1994, с. 280, рис. 1, 4). За пределами Крыма они немногочисленны и сосредоточены, главным образом, в Танаисе, откуда единичные экземпляры распространялись на соседние степные территории (Амброз 1969; Раев 1979, с. 261, рис. 1, 2).

Лучковая подвязная одночленная бронзовая фибула с расширенной ножкой принадлежит к 4 варианту серии I группы 15 (рис. 17, 41). В Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье они бытуют со 2-й половины II в. н. э. до середины III в. н. э. (Амброз 1966, с. 50; Скрипкин 1977, с. 101–107). На Северном Кавказе такие фибулы встречаются и во 2-й половине III в. н. э., а в Абхазии известны в комплексах IV в. н. э. (Абрамова 1996, с. 102). Фибула из Левадков происходит из восточного подбоя могилы №12, который по краснолаковой керами-

ке и некоторым типам бус датируется концом II – 1-й половиной III в. н. э.

Из детской могилы №6 происходят две железные фибулы, точных аналогий которым найти не удалось. Первая — сильнопрофилированная, с пластинчатой спинкой, завитком на конце ножки, широким приемником и, вероятно, многовитковой пружинкой с верхней тетивой. Задняя часть дужки украшена шаровидным выступом (рис. 7,4). Подобные фибулы относятся к 1 варианту II серии 11 группы (Амброз 1966, с. 42). Но приведенные А. К. Амброзом образцы имеют некоторые отличия от нашего экземпляра: все они бронзовые, в большинстве случаев с круглой в сечении спинкой, иной формы ножки и приемника. По находкам из Ольвии А. К. Амброз датировал этот вариант фибул II в. н. э., что подтверждается материалами Предкавказья, Нижнего Поволжья и Дона (Абрамова 1993, с. 167; Скрипкин 1977). Причем для двух последних регионов характерны фибулы с пластинчатой спинкой, являющимися, возможно, результатом развития сильнопрофилированных фибул со стержневой спинкой (Косяненко 1987, с. 45). Помимо Поволжья и Дона фибулы рассматриваемого типа встречаются на Нижнем Дунае, а также на Северном Кавказе, где с середины III в. н. э. до начала IV в. существовали центры местного производства (Абрамова 1996, с. 101; Амброз 1966, с. 42).

Второй экземпляр — шарнирная фибула с гладкой ленточной спинкой и кнопкой или завитком на конце высокого и узкого приемника (рис. 7,3). Как и предыдущая, данная фибула не имеет аналогий в числе приведенных А. К. Амброзом образцов. Несколько подобных фибул, но с иной формой приемника и изгибом дужки, присутствует среди материалов Хумаринского могильника и датируются 2-й пол. II—III в. н. э. (Абрамова 1996, с. 104, рис. 2,4—9); один крупный экземпляр найден в погребении начала II в. н. э. Подкумского могильника (Абрамова 1993, с. 151, рис. 59,5). Такого же типа фибулы известны в комплексах конца II—III вв. н. э. из курганов Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная (Гудкова, Фокеев 1984, с. 48, рис. 14,10) и в ранних погребениях могильника Нейзац.

Среди подъемного материала присутствует бронзовая фибула, относящаяся к широко распространенной группе «смычковых», бытующих со 2-ой половины I в. до н. э. до III в. н. э. включительно (Амброз 1966, с. 47) (рис. 18,7). Впрочем, во 2-ой половине III в. они используются значительно реже, чем в предшествующее время (Храпунов 1998, с. 235), а в IV в. н. э. встречаются лишь единичными экземплярами (Высотская 1994, с. 96). Возможно, фибула из Левадков относится к позднему этапу существования подобных изделий, для которых характерна проволочная спинка, тогда как в более ранний пери-

од популярностью пользовались фибулы с пластинчатой дужкой (Новиченкова, 2000, с. 164; Сымонович 1983, с. 89).

На дужку лучковой подвязной фибулы из могилы №12 было надето железное кольцо. Сочетание фибулы с надетыми на нее украшениями — кольцами, перстнями, височными подвесками, иногда по два — распространено в крымских могильниках первых веков н. э. Вероятно, этот же смысл, но выраженный в несколько иной форме, имеет и традиция украшать фибулу согнутой в кольцо спинкой другой фибулы или подвеской-амулетом, бытовавшая у жителей Нижнего Подонья (Косяненко 1987, с. 61). Подвязные фибулы с надетыми на них двуспиральными подвесками или длинными цепочками известны в Цебельдинских могильниках в Абхазии, где они сопровождали женские захоронения III–IV вв. н. э. (Воронов, Юшин 1979, с. 197, 198). По одной фибуле, украшенной кольцом и височной подвеской, встречено, соответственно, в Среднем Поднепровье и в сарматском погребении из Альфельда (Венгрия) (Калитинский 1927, с. 194; Parducz 1941, tabl. XV, 4 = Генинг 1996, рис. 2,5). В Крыму обычай надевать на фибулы кольца или другие предметы распространяется со II в. н. э. (Храпунов 1994, с. 534). Украшенная согнутой дужкой фибула с гладкой спинкой из некрополя Кобякова городища может датироваться I в. н. э. (Косяненко 1987, с. 61), а экземпляр из Поднепровья имеет среднелатенскую конструкцию (Калитинский 1927, табл. XV, 5). Обычай украшения фибул продолжает бытовать и в позднеримскую эпоху (Храпунов 1994, с. 534; Веймарн, Айбабин 1993, с. 181, рис. 89, 1). Вероятно, распространение подобных украшений, следует связывать с расселением сарматских племен.

Браслеты из могильника относятся к популярным у населения Крыма типам и находят многочисленные аналогии за пределами полуострова. В тех погребениях, где инвентарь сохранился *in situ*, они были надеты на запястья умерших.

Круглые в сечении браслеты с расширенными незамкнутыми концами (рис. 13, 18; 16, 3) существовали у сарматов с прохоровского времени, обычны они для античных городов Северного Причерноморья и позднескифских могильников. Их максимальное распространение в Северном Причерноморье приходится на II в. — 1-ю половину III в. н. э. (Абрамова 1959, с. 64; Сымонович 1983, с. 108). Не менее популярны были браслеты, концы которых оформлены в виде змеиных головок, появившиеся в Крыму в I в. н. э. и употреблявшиеся до середины III в. н. э. Аналогичный браслету из Левадков (рис. 6, 2) экземпляр происходит из восточного некрополя Неаполя скифского, у которого таким же образом гравирован один из концов (Сымонович 1983, с. 93, табл. XXXIV, рис. 14). Среди инвентаря склепа №10 и подъемного материала присутствуют фрагменты круглых в сечении брасле-

тов довольно большого диаметра, предназначавшиеся, вероятно, для ношения на ногах (рис. 12, 46). Много таких браслетов найдено в женских погребениях Неапольского могильника, где они располагались у щиколоток. Время наибольшего распространения этих украшений приходится на II—I вв. до н. э. В раннеримский период ножные браслеты начинают выходить из употребления (Сымонович 1983, с. 94–95, 104–105).

Из детского погребения №5 происходит бронзовое украшение в виде кольца или браслета диаметром 2,4 см с тремя рядами шишечек, располагавшееся в районе запястья левой руки (рис. 6, 1). В подавляющем большинстве случаев такие украшения, носившие культовый характер, находят за пределами останков скелета. Наиболее ранние экземпляры появляются во II—I вв. до н. э. (один из них обнаружен в Тавельских курганах (Троицкая 1957, с. 186, рис. 116)), что обычно связывается с усилившимся в это время кельтским влиянием (Кухаренко 1959, с. 36). У кельтов в эпоху латена бытовали похожие браслеты, но они имели либо прямоугольные «рубчики» или гофрированную поверхность, либо иное расположение шишечек (Щукин 1994, с. 11, Filip, 1948, s. 267, abs. 70). Заимствовав латенские образцы, местные мастера налаживают собственное производство, о чем свидетельствуют находки литейных форм в Ольвии и Херсонесе, при этом несколько изменив очертания и расположение шишечек (Нефедова 1992, Кухаренко 1959, с. 41). Максимальное распространение близких к нашему браслетов приходится на римский период.

Кольца и перстни из Левадков представлены семью различными экземплярами. Из них 6 сделаны из бронзы и 1, фрагментированный экземпляр из серебра. Кольцо со слегка заходящими друг за друга концами в виде змеиных головок (рис. 9, 10) находит аналогии в могильниках Неаполя, Заветном и Бельбек I (Бабенчиков 1957, рис. IV, 7; Богданова 1989, с. 42; Высотская 1972, с. 153, рис. 48, 32). Вероятно, они изготавливались по образцам подобных браслетов и синхронны им, но встречаются значительно реже.

В могильниках Юго-Западного Крыма, Боспора, Предкавказья, на Дону, в Западной Европе часто встречаются перстни с незамкнутыми концами, заканчивающимися двумя завитками (рис. 11, 45) (Богданова 1989, с. 42; Кругликова 1969, Сымонович 1983, с. 91–92; Tempelmann-Maczynska 1985, abb. 23a). Время их бытования — II—I вв. н. э. В Усть-Альме перстни с волютами, но с круглой в сечении шинкой происходят из комплексов рубежа эр и I—нач. II вв. н. э. (Высотская 1994, с. 43). В некрополе Кобыкова городища такие перстни встречаются совместно с фибулами I в. н. э. (Косыненко 1987, с. 50). На Боспоре они характерны для поселений и могильников II–III вв.,

удаленных от городских центров (Кругликова 1966, с. 170). Экземпляр из Левадков обнаружен в одной могиле с орнаментированными зеркалами-подвесками, появившимися во II в. н. э. или в конце I в. н. э., и набором бус, максимальное распространение которых приходится на это же время. Считается, что перстни рассматриваемого типа — латенского происхождения, и их прототипом являются изделия эпохи гальштата. В Западной Европе подобные предметы бытуют уже в бронзовом веке (Filip 1948, s. 193, obr. 43, 1). В Северном Причерноморье они появляются вследствие прямого контакта населения региона с кельтским миром (Кухаренко 1959, с. 41). В дальнейшем их производство налаживается в местных центрах.

Из детской могилы №6 происходит бронзовый перстень с овальной жуковиной, в которую вставлена сердоликовая гемма (рис. 7.2). На ней изображена человеческая фигура в полный рост, в длинных одеждах, с повернутой вправо головой. Идентифицировать богиню достаточно сложно из-за схематичности рисунка. Но судя по аналогиям, это Тихе-Фортуна с характерным для нее атрибутом — рогом изобилия. Изображение Фортуны — подательницы благ и покровительницы города — становится наиболее популярным на личных печатях со II в. до н. э. (Неверов 1983, с. 116; Высотская 1980, с. 104). Судя по технике выполнения рисунка — схематичности, орнаментальности, поверхностной резьбе — и по сюжету, гемма является продукцией боспорской мастерской, существовавшей, вероятно, в Пантикапее в I в. до н. э. — I в. н. э. (Максимова 1957). Это подтверждается находками аналогичных гемм на Боспоре (Максимова 1957, рис. 3, 1–3). Но для пантикапейских перстней характерны иные формы оправ и породы камней. Оправа делалась, как правило, из листового золота и не имела «плечиков», а излюбленным камнем являлся гранат (Максимова 1957, с. 77, рис. 1). Сердоликовые геммы, вставленные в бронзовые или железные перстни с выделенными «плечиками» больше свойственны для херсонесских мастерских, работавших во II–III вв. н. э., которым также была присуща техника схематического рисунка (Неверов 1983, с. 119; Пяташева 1956, с. 26). Не редки на херсонесских геммах и изображения Тихе-Фортуны. Аналогичное нашему изображение этой богини с помощью тиснения нанесено на золотую бляшку, найденную в Херсонесе и произведенную местным мастером (Пяташева 1956, с. 26, табл. VI, 3). Перстни с такими же оправками и сердоликовыми геммами с различными изображениями обнаружены в Усть-Альминском некрополе в комплексах II–III вв. н. э., куда они также поступали из Херсонеса (Высотская 1980). По всей вероятности, перстень из Левадков является продукцией херсонесской мастерской и относится ко II в. н. э., что подтверждается фактом сочетания его с фибулами этого же времени и бусами, мак-

симальное распространение которых приходится на I–II вв. н. э.

Обычной находкой в памятниках античного времени были височные кольца, среди которых многочисленную группу составляют подвески из витой проволоки с обмоткой в три оборота, концы которых заканчиваются петелькой и крючком (рис. 12,44, 17,32). В основном они сопровождают женские захоронения, где располагаются, как в Левадках, по обеим сторонам черепа.

Зеркала представлены четырьмя экземплярами. Все они сделаны из белого металла и происходят из комплексов. В одном случае погребение, судя по инвентарю — женское, не разграблено. Целое, но плохо сохранившееся зеркало, лежало в районе тазовых костей и, вероятно, было подвешено к поясу на нитке бус (рис. 15,40; 17,40). Остальные экземпляры фрагментированы и связаны с потревоженными могилами (рис. 11,17,43,44). Все обнаруженные в могильнике образцы относятся к IX типу по классификации А. М. Хазанова (Хазанов 1963) и ко 2-у варианту этого типа по более дробной классификации М. П. Абрамовой (Абрамова, 1971). В Северном Причерноморье они появляются в конце I в. н. э. с очередной волной сарматов и остаются доминирующим типом до конца III в. н. э. Зеркала сопровождают обычно женские и детские погребения. Рельефные изображения на трех образцах из Левадков представляют собой соединение трех орнаментальных мотивов — круга, гаммированного знака и «птичьих лапок» (рис. 11,17,43; 17,40). Такое сочетание является наиболее характерным для зеркал-подвесок Северного Причерноморья и Прикубанья (Драчук 1975, с. 76–78, Хазанов 1963, с. 67). На одном зеркале из могилы №9 мотив «птичьих лапок» заменен менее распространенным орнаментом из точек. Последний возник, вероятно, в варварской среде Северного Причерноморья в первые века н. э. Точками украшено зеркало из Ольвии; в Тиритакке найдены глиняные кружки с глубоко вырезанным орнаментом из «птичьих лапок», кругом в центре и различным количеством круглых ямок (Соломоник 1989, с. 145–146).

Колокольчики в Левадках представлены тремя экземплярами. Один из них найден в неразграбленной детской могиле, где находился в области грудной клетки (рис. 7,5). Он, как и еще один экземпляр (рис. 18,3), имел колоколообразную форму и отогнутые края. Колокольчики такого вида появляются в конце II в. н. э., приходя на смену полусферическим (рис. 9,9), распространенным в I–II вв. н. э., и существуют до конца позднесарматского периода (Труфанов 1997б, с. 270–271, Raev 1986, p. 74, pl. 1–4).

Типично скифской является традиция украшать одежду разнообразными золотыми бляшками в виде умбонов (рис. 18,4), сопровождающими погребения позднескифских могильников и некрополя Херсонеса

конца II в. до н. э. — II в. н. э. (Дашевская, Михлин 1983, с. 145; Пяташева 1956, с. 21–22). Наибольшее число таких украшений происходит из мавзолея Неаполя скифского (Погребова 1961, с. 137–139).

В трех могилах обнаружены металлические детали деревянных **шкатулок**: накладки с гвоздями, ригель, ключи, скобы, вероятно, для прикрепления крышки, замковые задвижки (рис. 11,31; 12,47; 15,26). Наибольшее число деталей сохранилось в неразграбленном восточном подбое могилы №12 (рис. 17,26,30,31,39), судя по которым шкатулка имела откидную крышку и, вероятно, по своему внешнему виду была близка реконструированной шкатулке из могильника Дружное (Храпунов 1995, с. 531, рис. 2). Она располагалась возле черепа погребенной, вместе с сосудами и жертвенной пищей. Обычай помещать разнообразные шкатулки и ларцы в погребения, часто с различными предметами туалета, практиковался греками с V в. до н. э. и хорошо представлен в боспорских некрополях (Сокольский 1971, с. 123–136). С рубежа эр эта традиция распространяется и среди «варварского» населения Крыма. Детали шкатулок находят в погребениях позднескифских могильников и в более поздних сармато-аланских некрополях (Гущина 1974, с. 41–42; Богданова 1989, Храпунов 1995, с. 531).

Бусы

Коллекция бус из могильника у с. Левадки насчитывает около 1306 экземпляров, входивших в состав инвентаря 11 могил; некоторая их часть была найдены вне комплексов. Классификация бус построена по системе, предложенной Е. М. Алексеевой (Алексеева 1975, с. 12–22). Основным критерием для выделения типов служит материал и форма изделий, у стеклянных бус учитывается цвет, структура ядра и оформление краев отверстий. Размеры даны в миллиметрах и характеризуют длину, толщину и высоту бусины, а также диаметр отверстия.

Одноцветное стекло

Тип 1. Шаровидная поперечносжатая бусина из глухого черного стекла (рис. 8,1). Размеры 5; 8,6. Различается поперечная структура ядра. Канал отверстия диаметром 2 мм, края гладкие. Бусы этого типа бытуют длительный период, время их максимального распространения — II–III вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 62–63, тип 1). Аналогичные экземпляры найдены в позднескифском могильнике Кольчугино, где входили в состав ожерелий, и в Неаполе (Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 191). Более крупные образцы известны в позднеримском могильнике Дружное (Хайрединова 1995, с. 60, тип 1). Во II–III вв. н. э. такие бусы появляются в Центральной Европе на территории вельбарской культуры (Tempelmann-Maczynska, 1985, s. 27, typ 11, taf. 1; 22).

Тип 2. Шаровидные поперечносжатые бусы из глухого белого стекла. Представлены 18 экземплярами из 5 могил (рис. 5,45; 7,6а; 11,24; 12,37; 13,8). Размеры 4–8; 4–10; 4–10; 2–5. У некоторых бус различима продольная структура ядра. Подобные бусы входят в употребление в VI в. до н. э. и бытуют до конца римской эпохи. Время их максимального распространения приходится на I–II вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 63, тип 2). В большом количестве они встречаются в могильниках Крыма, Северного Причерноморья, Кавказа, Центральной Европы (Хайрединова 1995, с. 60; Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 100; Tempelmann-Maczynska, 1985, s. 27, taf. 22,23).

Тип 3. Шаровидные и поперечносжатые бусы из глухого красного стекла. (14 экз.). Большинство имеют размеры 7; 8; 8 (рис. 2,3; 7,6в, 6г, 7в; 18,15), есть и более мелкие образцы — 3–4; 4–5; 4–5 (рис. 12,41). Каналы отверстий диаметром 2–2,5 мм. У многих хорошо различима продольная структура ядра. В Северном Причерноморье такие бусы известны с эллинистического времени. В I–III вв. н. э. их число значительно увеличивается. В это время они распространяются и на территории Западной Европы. Только для римского времени характерны бусы с продольной структурой ядра (Алексеева 1978, с. 63, тип 3; Tempelmann-Maczynska, 1985, s. 18,12, taf. 1, 22).

Тип 4. Шаровидная и поперечносжатая бусины из прозрачного желтого стекла. Экземпляр из склепа №7 размером 5; 5; 5 имеет узкий канал отверстия, диаметром 1,5 мм, с хорошо заглаженными краями (рис. 8,2). Из могилы №10 происходит поперечносжатая бусина с широким каналом отверстия размером 4; 6; 6; 3 (рис. 12,42). Подобные бусы найдены в античных городах Северного Причерноморья в комплексах II в. до н. э. — III в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 63, тип 6). Известны они и в «варварских» могильниках Крыма римского времени (Хайрединова, 1995, с. 61; Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 101).

Тип 5. Шаровидная бусина из глухого оранжевого стекла (рис. 13,11). Размер 6; 7; 7. Канал отверстия узкий, диаметром 2 мм. Различается продольная структура ядра. Основная масса бус этого типа связана с комплексами I–II вв. н. э. Один экземпляр происходит из склепа 2ой половины IV–V вв. н. э. из могильника Совхоз 10 (Алексеева, 1978, с. 64, тип 7; Алексеева, 1980, с. 158). Многочисленны они в Прикубанье (Гущина, Засецкая, 1994, с. 65). Аналогичные бусы, спорадически встречающиеся на территории вельбарской культуры в Мазовии, относятся к позднеимскому времени (Tempelmann-Maczynska, 1985, s. 18,27; taf. 1; 22).

Тип 6. Шаровидная бусина из прозрачного темно-зеленого стекла (рис. 18,30). Размеры 5; 5; 5; 1,5. Края отверстия хорошо заглажены. Сверление двустороннее. Бусина сделана из отрезка тянутой трубочки. Такие бусы были широко распространены на протяжении всей ан-

тичной эпохи (Алексеева, 1978, с. 64, тип 8). Большим количеством бусы этого типа представлены в позднееримском могильнике Дружное (Хайрединова, 1995, с. 61). Известны они в Неаполе, Кольчугино, Золотой Балке (Вязьмитина, 1972, с. 15; Пуздровский, 1992, рис. 2, 2; Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 101), в могильниках Предкавказья и Прикубанья (Абрамова, 1993, с. 92, 169; Гущина, Засецкая, 1994, с. 92). В периоде В1–В2 подобные бусы широко распространяются на территории Центральной Европы (Tempelmann-Maczyńska, 1985, s. 27–28, taf 1, 4a, 22).

Тип 7 Шаровидные и поперечносжатые бусы из прозрачного и полупрозрачного синего стекла (7 экз.) (рис. 12, 24; 18, 26). Размеры 4–6; 5–6; 5–6; 2. У всех экземпляров продольная структура ядра. Края отверстий гладкие. Бусы, сделанные из отрезков тянутых трубочек, распространяются в Северном Причерноморье с рубежа н. э. и наиболее характерны для I–II вв. н. э. В большом количестве они встречаются в некрополях греческих городов, в комплексах III–IV вв. н. э. из могильников Совхоз 10 и Дружное (Алексеева, 1978, с. 64–65, тип 15; Хайрединова, 1995, с. 62). В Золотой Балке множество подобных бус сопровождают погребения I в. н. э. (Вязьмитина, 1972).

Тип 8 Шаровидные и поперечносжатые бусы из прозрачного и голубого стекла (7 экз.). Размеры 3–8; 4–9, 4–10; 2,5–3 (рис. 5, 3; 6, 46; 7, 63; 16, 14). Две крупные бусины размерами 14; 23; 23; 5 (рис. 16, 1) и 11; 21; 21; 6 (рис. 16, 2) происходят из мужского погребения могилы №12. Два экземпляра были свиты из жгута. Такие бусы находились в употреблении на протяжении эллинистического и римского времени, основная их масса связана с комплексами I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 65, тип 16; Алексеева 1980; Арсеньева 1970, с. 103, 100. Вязьмитина, 1972; Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 103). Для II–IV вв. н. э. характерны бусы, свитые из жгута, известные в позднееримских погребениях из Совхоза 10 и Дружного (Алексеева 1978, с. 65; Хайрединова, 1995, с. 62).

Тип 9 Шаровидные и поперечносжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла (4 экз.). Три экземпляра из могилы №10 имеют размеры 8–9; 10; 10 (рис. 12, 26). У них узкий канал отверстия, у краёв которого с одной стороны сделана пара насечек. Сверление одностороннее. У более крупной бусины — 12, 17; 17 — из восточного подбоя могилы №12 канал отверстия широкий диаметром 5 мм, края хорошо заглажены и не имеют насечек (рис. 16, 12). В Северном Причерноморье и Прикубанье подобные изделия наиболее характерны для I–II вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 65, тип 17; Гущина 1989, с. 119), хотя встречаются в некрополях некоторых греческих городов и в могильниках Совхоз 10 и Дружное в погребениях III–IV вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 65, тип 17; Хайрединова 1995, с. 62, тип 12). В периоде

В2-Д подобные бусы бытуют на территории вельбарской и западно-балтийской культур в Шлезвиг — Гольштейне и на Эльбе (Tempelmann — Maczynska 1985, s. 27, typ 1, taf. 1, 21).

Тип 10. Бочковидная продольно вытянутая бусина из прозрачного бесцветного стекла (рис. 12,29). Размер 11, 8; 8, 3. Края отверстия хорошо заглажены. Структура ядра неразличима. В своды Е. М. Алексеевой подобные бусы отсутствуют. Несколько аналогичных экземпляров найдено в Кольчугинском могильнике в составе браслета вместе с полихромной и с короткой бочковидной ребристой бусинами, характерными для конца I в. до н. э. (Храпунов, Масыкин, Мульд, 1997, с. 81; с. 104).

Тип 11. Бусина усеченно-конической продольно вытянутой формы из глухого красного стекла (рис. 6,3г). Размеры 17, 8; 7. Канал отверстия узкий, диаметром 2,5 мм, края — гладкие. Бусина была свита из длинного узкого жгутика. Такая техника изготовления стеклянных изделий, известная ещё в VI—IV вв. до н. э., вновь возрождается в позднеримское время (Алексеева 1978, с. 62).

Тип 12. Уплощенная пронизь из глухого белого стекла (рис. 8,4). Размер 2, 4; 4, 2.

Тип 13. Уплощенная пронизь из желтого стекла (рис. 12,36). Размер 3,5; 8; 8. Канал отверстия диаметром 3,5 мм.

Тип 14. Пронизь, подобная предыдущей, но из глухого синего стекла (рис. 12,43). Размер 3, 6; 6; 2,5. Различима поперечная структура ядра.

Тип 15. Уплощенная пронизь из прозрачного бесцветного стекла (рис. 12,39). Размер 2; 5; 5, 2. Структура ядра неразличима. Края отверстия хорошо заглажены.

Единичные экземпляры, подобные пронизям типов 12—15, но более крупных размеров, найдены в Кехах в комплексе 2-й половины III в. н. э. (Алексеева 1978, с. 66, тип 32), черные бусы такой же формы известные в погребениях позднеримского времени могильника Дружное (Хайрединова 1995, с. 60, табл. I, 15, 16). В это же время аналогичные изделия появляются на территории польского Поморья, в памятниках вельбарской культуры, где бытуют до периода Д (Tempelmann — Maczynska 1985, s. 27, typ 18,29, taf. 1, 24).

Тип 16. Цилиндрические бусы из глухого белого стекла. Представлены 60 экземплярами из 6 могил (рис. 7,66,86; 8,7; 9,1; 11,8; 12,8; 13,1; 16,23; 18,11). Размеры 8—15; 5—8; 5—7. Каналы отверстий узкие, диаметром 2—2,5 мм, у некоторых экземпляров широкие, до 4 мм (рис. 11,25). Края заглажены. Бусы являются отрезками тянутых трубочек и имеют хорошо различимую продольную структуру ядра. Некоторые экземпляры патинированы.

В Северном Причерноморье описываемые бусы широко распространяются во 2-й пол. I—III вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 67, тип 55,

Хайрединова 1995, с. 63; Алексеева 1970, с. 159). В Совхозе 10 единичные экземпляры сопровождают погребения IV в. н. э. Многочисленны они в памятниках вельбарской культуры, в Шлезвиг — Гольштейне, где, в основном, встречаются в комплексах периода C1 (Tempelmann — Maczynska 1985, s. 19, 38, typ 138, taf 2; 35).

Тип 17. Цилиндрические бусы из глухого красного стекла (337 экз.) (рис. 4,8, 7,6д,6е,8в; 11,12,37; 13,2; 16,13,22). Выделяются две размерные группы: 6–9, 4–5; 4–5, и 10–15; 6–8; 6–10. Представляют собой отрезки тянутых трубочек, у большинства экземпляров ярко выражена продольная структура ядра. Каналы отверстий диаметром 2,5–3 мм, их края хорошо заглажены. В Северном Причерноморье такие бусы используются на протяжении всего римского времени (Алексеева 1978, с. 67, тип 20). С периода B1 аналогичные экземпляры распространяются и в Западной Европе, причем наиболее многочисленны они в памятниках вельбарской культуры (Tempelmann — Maczynska, 1985, s. 38, taf s. 142; 35).

Тип 18. Цилиндрические бусы из полупрозрачного темнозеленого стекла (4 экз.) (рис. 11,38; 12,31). Размеры 9; 4–5; 4–5; 3, 4; 4. Структура ядра продольная. Каналы отверстий узкие, сверление одностороннее. Бусы этого типа наиболее характерны для 2-й пол. I–II вв. н. э. Один экземпляр происходит из склепа 2-й пол. IV–V вв. н. э. из Совхоза 10, многочисленны они в могильнике позднеримского времени Дружное (Алексеева, 1978, с. 67, тип 63; Алексеева 1970, с. 159; Хайрединова 1995, с. 64, тип 24).

Тип 19. Цилиндрическая бусина из полупрозрачного желто-зеленого стекла (рис. 11,38). Размеры 9; 4; 5; 2. Структура ядра продольная. Подобная экземпляры известные в комплексах 2-й половины II–III вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 67, тип 64; Хайрединова 1995, с. 64). Бусы типов 18–19 часто встречаются в памятниках периода B1–D вельбарской, пшеварской, западно-балтской культур и в низовьях Эльбы (Tempelmann — Maczynska 1985, s. 19, 38; taf 2; typ 137; 35).

Тип 20. Цилиндрические бусы из глухого синего стекла (3 экз.) (рис. 12,7). Размеры 7–9; 5; 5–6; 2. Края отверстий гладкие. Структура ядра продольная. В Причерноморье подобные бусы бытуют непрерывно с I в. до н. э. по IV в. н. э. (Алексеева 1978, с. 67, тип 68).

Тип 21. Короткоцилиндрические бусы из голубого стекла (2 экз.) (рис. 4,7; 12,32). Размеры 3, 4; 4; 2. Края отверстия гладкие. Структура ядра продольная. Такие бусы связаны с комплексами I–IV вв. н. э., отдельные экземпляры встречаются и в V в. н. э. (Алексеева 1978, с. 67, тип 69; Алексеева 1970, с. 159).

Тип 22. Бусина в виде плоского диска из глухого красного стекла (рис. 7,6к). Размеры 7; 4; 8. Канал отверстия очень узкий, диаметром

1,5 мм, сверление одностороннее. Единичные экземпляры бус этого типа найдены в комплексах 2-й половины I–III вв. н. э. из Ольвии, III–IV вв. из Пантикапея в позднеримском могильнике Дружное (Алексеева 1978, с. 68, тип 71; Хайрединова 1995, с. 65, тип 31). В Западной Европе аналогичные бусы известны только в погребениях периода СВ1–С2 вельбарского могильника Сеселе на Западном Буге (Tempelmann — Maczynska 1985, s. 21; taf. 2, 90; 29).

Тип 23. Бусы в виде плоского диска из полупрозрачного синего стекла (6 экз.) (рис. 11, 33). Размеры 7–9, 2–3, 8–10. Каналы отверстий диаметром 1,5–2 мм. Сверление двустороннее. Находки бус типа 23 единичны. По одному экземпляру встречено в Херсоне в склепе первой половины IV в. н. э., в позднеримском могильнике Дружное и в погребении IV в. из Абхазии (Алексеева 1978, с. 68, тип 74; Воронов; Юшин 1979, рис. 5, 35; Хайрединова 1995, с. 65; тип 33). Две аналогичные бусины известны в позднеримских могильниках на р. Заале в Центральной Германии (Tempelman — Maczynska 1985, s. 33, typ 88; taf. 2; 29).

Тип 24. Бусина, подобная предыдущему типу, но из глухого серого-голубого стекла (рис. 18, 31). Размеры 9, 3, 9. Канал отверстия узкий, сверление одностороннее. Бусы этого типа известны в Северном Причерноморье в комплексах II–III вв. н. э.: экземпляр из Тиритакки датируется 1-й половиной IV в. н. э. (Алексеева 1978, с. 68, тип 75). Три таких бусины происходят из могильника Дружное (Хайрединова 1995, с. 65, тип 34). Пронизи аналогичной формы характерны для поздне-сарматских погребений Нижнего Дона (Raev 1985, pl. 54, 3; 63; 10). Спорадически встречаются они в Германии, в захоронениях периода С1а, и в Польше в комплексах вельбарского могильника Брулино — Козки (Tempelmann — Maczynska 1985, s. 118, typ 89, 120, taf. 2; 29).

Тип 25. Бусы в форме параллелепипеда из глухого белого стекла (26 экз.) (рис. 11, 9; 13, 3; 16, 19; 18, 10). Размеры 10–16; 5–8; 8–11. Каналы отверстий диаметром 2–2,5 мм. Одна подобная бусина происходит из погребения 1-й пол. I в. н. э. некрополя Новоотрадное (Алексеева 1970, с. 159; Арсеньева 1970, с. 107). Несколько экземпляров найдено в могильнике вельбарской культуры Брулино-Козки. По наблюдениям М. Темпельманн — Мачинской, они одновременно стеклянным восьмерковидным подвескам, бытующим в период С1-Д, и встречаются исключительно с фибулами типа Almgren VI, характерными для периода С2 (Tempelmann-Maczynska 1985, s. 35, typ 104; taf. 2; 32).

Тип 26. Бусы в форме параллелепипеда из глухого красного стекла (130 экз.) (рис. 11, 15; 12, 12; 13, 4; 16, 20). Выделяются две размерные группы — 5–8; 3–4 и 10–16; 4–6; 4–10. Многие экземпляры имеют квадратное сечение. Каналы отверстий узкие, диаметром 2–2,5 мм,

часто края оформлены насечками. В большинстве случаев хорошо различима продольная структура ядра, у единичных экземпляров она спиралевидная. Последние свиты из лентообразного жгута. Широкое распространение описываемые изделия получают во II–III вв. н. э., в Ольвии они сопровождают комплекс I в. н. э., в Херсонесе и Совхозе 10 несколько экземпляров связаны с погребениями второй половины III–IV вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 69, тип 104). К этому же времени относятся подобные бусы из памятников вельбарской и группы Сувалки западно-балтийской культур, Шлезвиг — Гольштейна, где бытуют вплоть до периода Д (Tempelmann–Maczynska 1985, s. 35, typ 107; taf. 2. 32; 33).

Тип 27. Бусы подобные предыдущему типу, но из прозрачного и глухого темнозеленого стекла (116 экз.) (рис. 11,16; 12,6; 13,5; 14,15; 16,21; 18,15). Размеры 7, 3–4, 3–4 и 10–14; 4–6; 5–9, некоторые экземпляры квадратные в сечении. Каналы отверстий узкие, у их краев иногда имеются 1 или 2 насечки. Подобные бусы встречаются в некрополях греческих городов в погребениях II–III вв. н. э., в Херсонесе — IV вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 69, тип 108).

Тип 28. Бусы в форме параллелепипеда из прозрачного синего стекла (3 экз.) (рис. 11,23; 12,5). Размеры 8–9; 3–5, 5–7, 2. Структура ядра продольная. Характерны для римского времени (Алексеева 1978, с. 69, тип 109).

Тип 29. Бусы подобные предыдущему типу, но из прозрачного голубого стекла (4 экз.) (рис. 11,11). Размеры 9; 3, 4; 5–6. Подобные бусы, но из глухого стекла, найдены в комплексах II–III вв. н. э. из Ольвии и I в. н. э. из Фанагории (Алексеева 1978, с. 69, тип 110).

Тип 30. Бусы, подобные предыдущим, но из прозрачного и полупрозрачного фиолетового стекла. (5 экз.) (рис. 12,11; 16,18). Размеры 8–10; 4, 6–7; 14–15; 6; 10. Подобные бусы известны в памятниках польского поморья, где они появляются в периоде B2/C1 (Tempelmann–Maczynska 1985, s. 35, taf. 2. 109; 33).

Тип 31. Бусы в форме параллелепипеда из глухого черного стекла (9 экз.) (рис. 11,13). Размеры 10–16; 4–5, 7–10.

Бусы варианта А имеют продольную структуру ядра и является отрезками тянутых трубочек. У бус варианта Б хорошо различима поперечная структура ядра, характерная для изделий, свитых из жгута. Бусина, подобная вышеописанным, но меньшего размера, найдена в Дружном и относится к позднеимскому времени (Хайрединова 1995, с. 66, тип 45).

Тип 32. Бусина призматическая из глухого белого стекла (рис. 11,27). Размеры 12; 4, 8; 2. Бусы такой формы появляются в Северном Причерноморье в первых веках н. э. Единичные экземпляры найдены в комплексах II–IV вв. н. э. из Совхоза 10 и Пантикалея

(Алексеева 1978, с. 69, тип 116) Аналогичные бусы встречаются на территории вельбарской культуры, в памятниках группы Сувалки западнобалтийской культуры и бассейна р. Эльба. Здесь они бытуют в периоде В2/C1-Д, время из максимального распространения — период C1—C2 (Tempelmann—Maczynska 1985, s. 19, typ 120, taf. 2; 33).

Тип 33. Призматические бусы из глухого красного стекла (7 экз.) (рис. 11,36; 18,15). Размеры 8—10, 4; 6—7; 2—2,5. Три бусины этого типа найдены в комплексах II—III вв. н. э. из Ольвии и IV в. из Пантикапея (Алексеева 1978, с. 70, тип 117), несколько экземпляров обнаружено в могильнике Дружное (Хайрединова 1995, с. 66, тип 43). В Западной Европе такие бусы нередко встречаются совместно с бусами типов 32,34 и 35 и одновременны им (Tempelmann—Maczynska 1985, s. 35, typ 114; taf. 2; 35).

Тип 34. Бусина, подобная предыдущему типу, но из прозрачного зеленого стекла (рис. 11,10). Размеры 8, 4, 3. Канал отверстия узкий, диаметром 2 мм, сверление одностороннее. Больше всего бус этого типа найдено в Херсонесе в погребениях II—III вв. н. э.; один экземпляр известен в Пантикапее и связан с комплексом I в. н. э. (Алексеева 1978, с. 70, тип 120). Спорадически подобные бусы встречаются в Центральной Европе — в вельбарском могильнике у г. Гданьска и в погребении из Озовы группы Сувалки западнобалтской культуры — и относятся к периоду В2 — C1a (Tempelmann — Maczynska 1985, s. 35, typ 116, taf. 2; 33).

Тип 35. Бусы, подобные предыдущему типу, но из прозрачного фиолетового стекла (3 экз.) (рис. 11,10,27; 12,19). Размеры 9—14; 4—5; 6—9; 2—3. В Западной Европе подобные бусы встречаются чаще, чем бусы предшествующих типов, и сосредоточены в памятниках вельбарской, пшеворской и западно-балтской культур, датируемых периодом В2 — C2 (Tempelmann — Maczynska 1985, s. 39, typ 119; taf. 2; 33).

Тип 36. Четырнадцатигранные бусы из прозрачного и полупрозрачного темно-зеленого стекла (69 экз.) (рис. 11,21; 12,18; 16,17; 18,28). Размеры 6—7; 5; 5—6. Некоторые бусы имеют удлинённые пропорции — 8—10, 5—7, 5—7. Каналы отверстий узкие, диаметром 2—2,5 мм, у отдельных экземпляров края оформлены 1 или 2 насечками. Большинство бус имеют плавные очертания и слабо выраженные переходы между гранями.

Тип 37. Бусина, подобная предыдущему типу, но из глухого сероголубого стекла. Размер 6, 5, 6, 2. Очертания четкие (рис. 18,29).

Тип 38. Бусы, подобные предыдущему типу, но из прозрачного и полупрозрачного фиолетового стекла. (5 экз.) (рис. 11,21). Размеры 8—9; 3—4, 4—6; 2.

Бусы в форме четырнадцатигранников появляются в I в. н. э. Для этого времени характерны изделия крупных размеров (Алексеева 1978, с. 70, тип 131, Абрамова 1993, с. 147, рис. 57, 37). Во II–IV вв. н. э. количество таких бус значительно возрастает, их размеры уменьшаются. Они сопровождают комплексы этого периода из Ольвии, Херсона, Фанагории, Совхоза 10, Пантикапея, Кеп. Зеленые бусы типа 36 встречены в Дружном, в Прикубанье, многочисленны они на территории польского поморья в памятниках вельбарской культуры периода B2/C1-Д (Гущина, Засецкая 1994, с. 451; Хайрединова 1995, с. 66; Tempelmann – Maczynska 1985, s. 36, typ 128, taf. 2, 34). Бусы голубого цвета связаны с большим числом комплексов из Херсонеса, реже встречаются они в Ольвии и на Боспоре (Алексеева 1970, с. 163; Алексеева 1978, с. 70, тип 135). Тип 38 в Северном Причерноморье представлен, главным образом, находками из могильников черняховской культуры (Лихтер 1989, с. 103; Хавлюк 1989; Алексеева 1982, с. 17–18). Широко распространены фиолетовые бусы на территории вельбарской и пшеворской культур, где они спорадически появляются уже в периоде C1; их основная масса связана с комплексами периода C2. Некоторые экземпляры типа 38 происходят из западно-балтских могильников более позднего времени (Tempelmann – Maczynska 1985, s. 36, typ 128, 129; taf. 2, 24).

Тип 39. Шаровидная бусина с ребристой поверхностью из глухого черного стекла (рис. 8,6). Размер 6; 8; 8; 3. Бусина имеет 6 плоско срезанных долек различной ширины, параллельных каналу отверстия. Подобные бусы появляются в римское время, большая их часть связана с комплексами II–IV вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 71, тип 141; (Хайрединова 1995, с. 67, тип 52, Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 85, 105). Немногочисленные экземпляры встречаются в памятниках периода B2-C2 вельбарской культуры, на р. Заале, в Словакии (Tempelmann – Maczynska 1985, s. 40–41, typ 167, taf. 3; 38).

Тип 40. Двудольчатая бусина из глухого белого стекла (рис. 5,2). Размеры 7; 8; 10. Имеет поперечную структуру ядра. Канал отверстия, диаметром 4 мм, проходит по центру сечения вдоль наименьшего измерения бусины. Его края гладкие. В поперечном сечении экземпляр имеет форму восьмерки. Аналогичные бусы характерны для II в. до н. э. – IV в. н. э., время их наибольшего распространения — I в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева 1978, с. 72, тип 155). Многочисленны они на Боспоре в погребениях II–I в. до н. э. и в захоронениях I в. до н. э. из неаполского мавзолея (Корпусова 1985, табл. XLV,8; Погребова 1961, с. 164), несколько экземпляров сопровождают погребения конца I в. до н. э. – I в. н. э. в курганах из окрестностей Феодосии (Катюшин, 1996, с. 22,25; рис. 6,24). Встречены такие бусы в позднескифских могильниках на Усть-Альме, Беляусе,

Кольчугино и Золотой Балке (Вязьмитина 1972, с. 29, 65; Зайцев 1997, с. 163, рис. 5, 51; Михлин, Бирюков 1983, с. 42, рис. 9; Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, с. 106, тип 46).

Тип 41. Ромбовидная бусина из прозрачного синего стекла (рис. 7,8д). Размеры 22; 6; 11. Хорошо различима продольная структура ядра. Канал отверстия, диаметром 1,5 мм, направлен вдоль наибольшего измерения бусины, у его края имеется едва заметная насечка. Подобные бусы известны на Боспоре с IV в. до н. э. до II в. н. э. (Алексеева 1978, с. 73, тип 171; Корпусова 1983, с. 103, табл. XXVI,2; Гущина, Засецкая 1989, с. 119, рис. 141е; Катюшин 1996, с. 473, рис. 6, 19, 20, 23.) К более позднему времени — периоду B2-C1 и /C2 — относятся два аналогичных экземпляра с территории восточной Польши (Tempelman — Maczynska 1985, s. 35, typ. 123; taf. 2; 32).

Тип 42. Шаровидная бусина с серебристой поверхностью и валиками по краям из полупрозрачного синего стекла (рис. 6,3а). Размеры 15, 14, 15, 2. Сохранившиеся дольки — плоско срезанные, имеют мелкие очертания и параллельны каналу отверстия. Диаметр боковых валиков 11 мм. Аналогичные бусы найдены в мавзолее и некрополе Неаполя в погребениях I-II вв. н. э. (Погребова 1961, с. 164, рис. 38,12; Пуздровский 1992, с. 184, рис. 4,7).

Тип 43. Бусы неправильной формы из глухого черного стекла (2 экз.) (рис. 6,4в, 7,6л). Размеры 3, 5, 5, 6. Они свиты их жгута и имеют поперечную структуру ядра. Каналы отверстия узкие, диаметром 1 мм, направлены вдоль наименьшего измерения. Края хорошо заглажены. Подобной формы бусы очень характерны для погребений рубежа I в. н. э. в горной зоне центральных районов Северного Кавказа, в частности, несколько таких экземпляров найдено в Подкумском могильнике (Абрамова 1987, с. 162, табл. 3, 37, 39; 9, 1).

Многоцветное стекло

Тип 44. Шаровидная бусина из глухого черного стекла с тремя глазками (рис. 12,27). Глазки слоисто-щитковые, в виде белого кольца на синем фоне. Размеры бусины 8; 8, 8, 3. С одной стороны у края отверстия имеются две насечки, свидетельствующие об одностороннем сверлении. Подобная бусина найдена в Ольвии в недатированном комплексе (Алексеева 1975, с. 59, тип 25ж).

Тип 45. Шаровидная бусина из глухого красного стекла с тремя глазками (рис. 18,27). Последние являются отрезками двух различных слоистых прутиков. Центральный синий диск окружен двумя белыми кольцами и одним синим, расположенным между ними. Размер 8; 9, 10; 3. С одной стороны край отверстия имеет небольшие закраинки. Бусы описанного типа характерны для II в. до н. э. — I в. н. э. Аналогичные экземпляры найдены в Керах в погребении 1-й

пол. I–II вв. н. э., в позднескифских могильниках Кольчугино и Бея-ус (Алексеева 1975, с. 60, тип 27г; Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 108, тип 55а), в Новоотрадном в комплексе I в н. э. (Алексеева 1970, с. 160).

Тип 46. Шаровидные бусы из глухого синего стекла с тремя глазками, представляющими собой отрезки слоистого сине-белого прутика (2 экз.) (рис. 18, 12). Размеры 8–9; 10; 10; 2–4. Подобные бусины, но из прозрачного синего стекла, известны в некоторых позднескифских погребениях конца III–I вв. до н. э. и в комплексах этого и более позднего времени из некрополей греческих городов (Алексеева 1975, с. 61–62, тип 33а; Богданова 1989, с. 45; Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 109, тип 57а).

Тип 47. Шаровидная бусина из глухого красного стекла с шестью глазками в виде двух белых колец на синем фоне (рис. 6, 5). Глазки овальной формы. Размеры 13; 14; 14; 5.

Тип 48. Шаровидная поперечносжатая бусина из глухого белого стекла с семью овальными спаянными синими глазками и орнаментом из коричневых нитей (рис. 6, 3д). Размеры 8; 5; 11; 11; 2; 5.

Тип 49. Шаровидная бусина из глухого синего стекла с семью глазками, являющимся отрезками слоистого прутика (рис. 12, 13). Центральный диск цвета ядра окружен двумя желтыми и одним синем кольцами. Размеры 10; 12; 12; 3. Края отверстия гладкие.

Тип 50. Бочковидные бусы из глухого черного стекла с поперечной полосой из глухого белого стекла (рис. 6, 4г, 7, 6м). Размеры 9–12; 6–7; 7–9; 2,5. Различима поперечная структура ядра, которая свита из пластины, спаянной из одной белой и двух черных лент. Каналы отверстий гладкие. Бусы этого типа по находкам из Фанагории и Кеп датируются в I в. н. э. Для эллинистического времени характерны более крупные экземпляры (Алексеева 1978, с. 40, тип 146). Несколько экземпляров известны в комплексах II–I вв. до н. э. и I в. н. э. из некрополя Золотое, позднескифских могильниках у с. Димитрово и Усть-Альмы, в Кольчугино (Корпусова 1983, табл. XXVI, 2; XXXIV, 3; Высотская, Махнева 1983, с. 72; Зайцев 1997, с. 163, р. 5, 51; Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 112, тип 77).

Тип 51. Цилиндрическая бусина из глухого черного стекла с орнаментом в виде фестонов из глухого желтого стекла (рис. 5, 7). Размеры 17; 10; 10; 6. Структура ядра смешанная. Бусина фрагментирована. Описываемые бусы появляются в эллинистическую эпоху и бытуют вплоть до средневековья на широкой территории. Наиболее популярны они становятся в римское время. Основная их масса происходит из комплексов II–III вв. н. э. Северного Причерноморья (Алексеева 1978, с. 49, тип 271); несколько экземпляров известны в синхронных памятниках Северной Германии и Северо-Восточной Польши

(Tempelmann – Maczynska 1985, s. 57–58, typ 348d; taf. 10, 53)

Тип 52. Цилиндрическая бусина из глухого черного стекла с комбинированным белым орнаментом, состоящим из 3-х поперечных линий с зигзагами (рис. 12, 10). Размер 8; 5,5; 6; 2. По находкам из могильника Совхоз 10, такие бусы могут датироваться II–III вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 54, тип 347).

Бусы с внутренней металлической прокладкой

Тип 53. Шаровидные и поперечно-сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла. Металлическая прокладка белого или желтого цветов. У большинства бус хорошо различима продольная структура ядра. У бус варианта А края канала отверстия хорошо заглажены (39 экз.) (рис. 7, 6ж; 8, 5; 12, 23; 13, 10, 18, 18). Размеры 5–14; 5–8; 5–8; 1; 5–3. Некоторые соединены попарно и по три. Бусы варианта Б (13 экз.) имеют закраинки вокруг краев отверстий (рис. 9, 4; 11, 14; 16, 11). Они, как правило, небольшого размера — 4–5; 4–5; 4–5; 1; 5. Многие объединены по 2–3 экземпляра в нерасчлененные столбики.

Описываемый тип представлен огромным количеством экземпляров, происходящих из комплексов эллинистического и римского времени. Бусы варианта А бытуют, в основном, в IV–I вв. до н. э., но образцы с продольной структурой ядра нередко встречаются и в римское время. Бусы варианта Б характерны только для первых веков н. э. и появляются в связи с изменениями в технологии производства таких изделий.

Тип 54. Бочковидные бусы из прозрачного бесцветного стекла (рис. 11, 14; 12, 28). Металлическая прокладка белого цвета (5 экз.). Размеры 8–9; 7–8; 1–1,5. Структура ядра продольная. Края отверстий гладкие. Как и в предыдущем случае, бусы типа 54 бытуют длительный период времени и встречаются повсеместно. Почти одинаковым числом экземпляров они представлены в комплексах эллинистического и римского времени (Алексеева 1978, с. 30, тип 2а). Правда, в позднеримский период их количество значительно уменьшается (Абрамова 1987, с. 163–164; Хайрединова 1995, с. 72, тип 85).

Бусы типов 53 и 54 характерны и для балтийского побережья междуречья Немана и Вислы и восточного Поморья. Встречаются они и в бассейне р. Эльбы, куда попадали в результате импорта с востока. Большинство экземпляров происходит из памятников периода В2 – С1 (Tempelmann – Maczynska 1985, s. 64, typ 387 a, b, taf. 14, 54).

Тип 55. Пронизь из прозрачного бесцветного стекла, комбинация из трех дисков (рис. 13, 6). Плоскость среднего диска перпендикулярна плоскости двух крайних. Прокладка желтого цвета. Поверхность и края гладкие. Размер 14; 5; 9; 1,5. Подобные бусы sporadически встречаются в некрополях греческих городов, главным обра-

зом, на Боспоре, где сопровождают комплексы I–III вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 32, тип 25, Корпусова 1983, табл. VI. 14). Аналогичные экземпляры известны в Цебельдинских курганах в Абхазии в погребениях III–нач. IV вв. н. э. (Воронов, Юшин 1974, с. 183, рис. 2.12; 20).

Египетский фаянс

Тип 56 Шаровидная поперечносжатая бусина грязно-голубого цвета (рис. 12,25). Размеры 9, 11, 11; 3,5. Такие бусы получают наибольшее распространение в I–III вв. н. э., хотя встречаются и ранее (Алексеева 1975, с. 31, тип 3г.).

Тип 57 Короткоцилиндрические бусы бирюзового грязно-голубого и белого оттенков (24 экз.) (рис. 7,6о; 12,13; 18,23). Размеры 2–3; 3–5, 3–5; 1–3. Хорошо различима продольная структура ядра. Бусы этого типа бытуют долгое время, начиная с эллинистического периода. Большими наборами в несколько сотен экземпляров они встречаются в комплексах I–IV вв. н. э. из некрополей Боспора, могильников Неаполя, Золотой Балки, Кольчугино, Дружное, Нейзац (Алексеева 1975, с. 32, тип 9; Вязьмитина 1972; Хайрединова 1995, с. 72, тип 88; Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 117). Немногочисленны такие бусы в синхронных погребениях из Херсонеса и Заветного, а также на Северном Кавказе (Алексеева 1975, с. 32, Абрамова 1993, с. 92; 168 Богданова 1989, с. 46).

Тип 58 Биконические бусы грязно-голубого и бирюзового оттенков (4 экз.) (рис. 12,34, 18,24). Размеры 3; 6; 6; 2. Имеют шероховатую поверхность. У двух бусин края отверстий окружены закраинками. Единичные экземпляры связаны с погребениями I–III вв. н. э. из Ольвии, Боспора, Совхоза 10, Дружного (Алексеева 1975, с. 33, тип 11, Хайрединова 1995, с. 72–73, тип 89). В Подкумском могильнике на Кавказе 125 таких бусин сопровождали захоронение I–нач. II вв. н. э. и являлись, по-видимому, украшением головного убора (Абрамова 1987, с. 22, 164, рис. 14, 27). Многочисленны они в Кольчугино и Золотой Балке (Вязьмитина 1972, с. 141; Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 117).

Тип 59 Шаровидные поперечносжатые бусы с ребристой поверхностью грязно-олубого цвета (6 экз.) Имеют по 13–19 долек, форма которых определяет варианты.

Вариант А. Бусы с аккуратными одинаковыми, плоско срезанными дольками, направленными параллельно каналу отверстия и отходящими от его краев (2 экз.) (рис. 6,3б, 6,4а). Размер 12–13; 14–15; 14–15, 5–7. Несколько аналогичных бусин найдены в погребениях I–II вв. н. э. из Пантикалея, Семеновки, Золотого и Подкумского некрополей (Алексеева 1975, с. 33, тип 13б; Абрамова 1987, с. 164, Корпусова 1983). Один экземпляр обнаружен в Дружном (Хайрединова 1995, с. 75).

У бус варианта Б дольки сделаны небрежно (4 экз.) (рис. 5, 1; 7, 6н; 12, 17, 17, 27). Они неодинаковые, с разной степенью параллельности каналу отверстия. Размеры 8–12; 10–13, 10–15; 4–5. Такие бусы встречаются чаще, чем предыдущие и синхронны им. В Херсоне и на Боспоре они сопровождают погребения III–IV вв. н. э. (Алексеева 1975, с. 33, тип 16в; Корпусова 1983, табл. XXXVII, 8, 13; Хайрединова 1995, с. 73).

Гагат

Тип 60. Бочковидные поперечносжатые бусы (2 экз.) (рис. 12, 30). Размеры 5–7; 7–8; 7–9; 2. Хорошо различима поперечная структура ядра. Поверхность матовая. Края отверстий гладкие. Очертания бус плавные, торцы вертикальны. Основная масса подобных бус из Прикубанья, Фанагории, Кеп, Пантикапея. Херсонеса датируется римским временем, главным образом, I в. н. э. (Алексеева, 1078, с. 13, тип 9а; Гущина, Засецкая 1989, с. 110, табл. IX, 97а).

Тип 61. Цилиндрические бусы (200 экз. и фр-ты) (рис. 6, 3е, 6б; 7, 6с, 7б; 11, 4, 42; 12, 20; 17, 35; 16, 15; 18, 21). Размеры 2–21; 3–10; 3–10; 2–2 5. Преобладают экземпляры с матовой поверхностью, хотя есть и хорошо отполированные образцы. Некоторые бусы имеют форму дисков с узким цилиндрическим каналом отверстия, направленным вдоль наименьшего измерения. Из могил №9 происходит несколько продольно вытянутых бусин с просверленными с двух сторон отверстиями. Края последних у всех экземпляров гладкие, торцы бус плоские, срезаны вертикально или наклонно.

Подобные бусы распространяются в римское время, особенно в I–II вв. н. э., хотя были известны они в могильниках поздних скифов, на Боспоре в Предкавказье в погребениях II в. до н. э. – I в. н. э. (Абрамова 1987, с. 165; Богданова 1989, с. 45; Корпусова 1983, табл. V, 13; VII, 4, 5; Храпунов, Масякин, Мульт 1997, с. 119). Значительно меньше их в могильниках поздне римского времени (Хайрединова 1995, с. 73, тип 95; Алексеева 1978, с. 8).

Тип 62. Ромбовидные бусы с двумя параллельными каналами отверстий (43 экз.) (рис. 11, 3, 30; 17, 37; 18, 22). Размер 9–12; 4–5; 10–12; 1, 5–2. У одних бус поверхность матовая, иногда патинирована; почти столько же экземпляров имеют блестящую, хорошо отполированную поверхность. Бусы этого типа использовались со 2-й пол. VI–V вв. до н. э. Много их в некрополях римского времени Пантикапея, Херсонеса, Тиритаки, в Дружном (Алексеева 1978, с. 15, тип 37; Хайрединова 1995, с. 74). Несколько экземпляров сопровождали комплексы II в. до н. э. – I в. н. э. из некрополя Золотое и погребения I–нач. II вв. н. э. из Подкумского и Новоотраденского могильников (Абрамова 1987, с. 165, рис. 3, 19; Алексеева. 1970, с. 164; Корпусова 1983, табл. II, 6; VIII, 11; XXXVI, 1).

Тип 63. Бусы в форме параллелепипеда (6 экз.) (рис. 11,28; 18,20). Размеры 11–13; 5; 8–9, 2. Структура ядра продольная или поперечная. У двух экземпляров у краев канала отверстия имеются насечки. Поверхность матовая, покрыта белой патиной. Очертания плавные, торцы срезаны вертикально. По единичным экземплярам из Ольвии и Херсонеса такие бусы датируются I–II вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 17, тип 42).

Тип 64. Стрелковидные подвески (5 экз.) (рис. 12,21). Размеры 6–8; 6–8; 1,5–2,4 и 15–24; 6–8; 6–8; 1. Все экземпляры имеют блестящую гладкую поверхность и круглое поперечное сечение. Подобные украшения характерны для I в. н. э. В небольшом количестве они известны в комплексах этого времени из Новоотрадного, Золотого, Кольчугино, Золотой Балки. (Алексеева 1970, с. 164; Алексеева 1978, с. 18; Вязьмитина 1972, с. 1414; Корпусова 1983, табл. X, 27; Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, с. 118).

Сердолик

Тип 65. Шаровидные поперечносжатые бусы (6 экз.) (рис. 6,3в; 7,8з; 11,29; 13,7). Размеры 6–7; 9; 9 и 8; 12; 12. Камень прозрачный, светло-красного цвета с темными прожилками. Каналы отверстий узкие, усеченно-конической формы. Сверление одностороннее. Края гладкие. Подобные бусы используются в Северном Причерноморье на протяжении всей античной эпохи, но наиболее характерны они для I–II вв. н. э. В это время они встречаются повсеместно и в большом количестве. К III в. н. э. их число сокращается, а ареал сужается до Юго-Западного и Центрального Крыма (Алексеева 1982, с. 14–15, тип 2а; Хайрединова 1995, с. 76–77).

Тип 66. Бочковидные продольно вытянутые бусы (7 экз.) (рис. 8,3; 12,22). Размеры 9–12; 4–6; 4–7. Камень полупрозрачный, светло-красный с поперечными белыми прожилками. Каналы отверстия узкие, диаметром 1–2 мм, сверление двустороннее, о чем свидетельствуют насечки по краям. Бусы этого типа появляются в Северном Причерноморье в III в. до н. э. Большинство из них содержатся в комплексах эллинистического времени, однако судя по качеству камня, экземпляр из Левадков относится к римской эпохе (Алексеева 1993, с. 92; Богданова 1989, с. 45; Высотская, Махнева 1983, с. 72; Гуцина, Засецкая 1989, с. 119).

Тип 67. Бусина в форме параллелепипеда (рис. 7,8ж). Размеры 16; 6; 10. Камень светло-красный, жилистый. Бусина имеет два канала отверстия, расположенных перпендикулярно друг другу. Одно из них направлено вдоль наибольшего измерения изделия, имеет диаметр 2 мм; другое, более широкое, диаметром 4 мм. Очертания бусины плавные.

Тип 68. Призматические бусы (2 экз.) (рис. 11,22). Размеры 9; 3; 7; 1,5–2. Камень прозрачный, темно-красного цвета с черными про-

жилками. Каналы отверстий узкие, края гладкие. Сверление одно-сторонне. В Пантикапее такая бусина найдена вместе с бусиной, относящейся к первой векам н. э. (Алексеева 1978, с. 50–51).

Янтарь

Тип 69. Короткоцилиндрические бусы со слегка выступающими торцами (5 экз.) (рис. 17,34). Размеры 4–5, 8, 8–9; 2, 5. Подобные бусы появляются в Северном Причерноморье в I в. н. э. и, возможно, были принесены сюда сарматами (Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, с. 125). Их максимальное количество связано с погребениями IV в. н. э. Ранние экземпляры сосредоточены главным образом в комплексах из Пантикапея и Прикубанья, единичны они в Херсоне и Совхозе 10 (Алексеева 1982, с. 24, тип 11, Гущина, Засецкая 1989, с. 119, табл. XIII, 141в). Аналогичные бусы были известны в Кольчугино и Дружном (Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, с. 118; Хайрединова 1995, с. 75). В периоде В1 бусы этого типа появляются также на территории Центральной Европы, где сконцентрированы, в основном, в памятниках Поморья и междуречья Вислы и Немана. Чуть позже, в периоде С2-Д они распространяются в среднегерманском регионе (Tempelmann – Maczynska 1985, s. 65, 112; taf. 15, 58).

Тип 70. Бусы в форме параллелепипеда (2 экз.) (рис. 18,19). Известные единичные экземпляры связаны с комплексами I – III вв. н. э.: в Совхозе 10 одна бусина сопровождала погребение IV в. н. э. (Алексеева, 1993, с. 24, тип 14). Близкой формы пронизь обнаружена в погребении II в. н. э. Нижне-Джультатского могильника (Абрамова 1993, с. 122, рис. 42, 3). Встречаются подобные бусы в памятниках раннеримского времени западно-балтской культуры (Tempelmann – Maczynska 1985, s. 70, typ 407, taf. 15, 65).

Тип 71. Подвеска сегментовидной в поперечном сечении формы (рис. 12,14). Размеры 7, 5, 5, 13,5. Канал отверстия сделан в верхней части изделия и направлен вдоль второго по величине измерения. Сверление одностороннее.

Тип 72. Бусина двудольчатая (рис. 18,13). Размеры 9; 7; 12; 2,5. Переход от нижней части к верхней отмечен небольшими вырезами. Канал отверстия, сделанный в центре поперечного сечения, направлен вдоль второго по величине измерения. У его края имеется неглубокая лунка. Сверление одностороннее. В поперечном сечении бусина имеет форму восьмерки. Подобной формы экземпляр происходит из склепа II–I вв. до н. э. некрополя Золотое (Корпусова 1983, с. 100, табл. IX, 11). Несколько аналогичных бусин связаны с погребениями I в. до н. э. из мавзолея Неаполя (Погребова 1961, с. 164).

Тип 73. Пронизы неправильной формы (8 экз.) (рис. 7,6р; 11,7,32, 12,16). Размеры 9–18; 4–6; 8–11. Каналы отверстий диаметром 2 мм, края оформлены крупными бороздками. Пронизь из могилы №10 име-

ет два отверстия, расположенных перпендикулярно друг другу (рис. 12, 16). Данный тип представлен большим количеством экземпляров, найденных на обширной территории. Они характерны для I–II вв. н. э., особенно для рубежа веков. В комплексах этого времени они образуют многочисленные наборы. Отдельные экземпляры встречаются и в позднеримский период (Алексеева 1982, с. 25–26, тип 44).

Бронза

Тип 74. Шаровидные поперечносжатые пронизи (2 экз.) (рис. 13, 12; 16, 7). У экземпляра могилы №11, размером 9, 15; 10, канал отверстия широкий, диаметром 8 мм. Пронизь из мужского погребения могилы №12 размером 9; 16; 17. Отверстие узкое, диаметром 5 мм, с одной стороны у края имеется углубление. Большинство бус этого типа датируются I–II вв. н. э. (Алексеева 1982, с. 23, тип 1).

Тип 75. Бочковидная пронизь с широким каналом отверстия (рис. 16, 6). Размер 15, 12; 13; 7, 5. Отлита в форме. Подобной формы изделия известны в Пантикапее в комплексах первых веков н. э. (Алексеева 1982, с. 23, тип 2). Аналогичные экземпляры спорадически встречаются в памятниках периода C1a–D западно-балтской культуры (Tempelmann – Maczynska 1985, s. 91; typ 522; taf. 20; 74).

Тип 76. Бочковидно-ребристые продольно вытянутые бусы, отлитые в формах. Долки переданы бороздками, проведенными по незастигнутому металлу (3 экз.) (рис. 4, 6; 17, 33, 42). Размеры 15; 13; 13, 6–7. Находки из Совхоза 10 позволяют датировать такие бусы 2-й половиной II–III вв. н. э. (Алексеева 1982, с. 24, тип 12). По 2–4 аналогичных экземпляра сопровождали 10 погребений позднескифского могильника у с. Заветное, а также захоронения в склепе I в. н. э. из Неаполя скифского (Богданова 1989, с. 46; Симонович 1983, т. XXIX, 29).

Тип 77. Бусина биконическая (рис. 11, 18). Размер 8; 10; 10. Она имеет разошедшийся от времени продольный шов и нечетко выраженное ребро. Вероятно, бусина была свита из жгута. Канал отверстия узкий, диаметром 2 мм. Один край окружен закраинкой. Подобные бусы связаны с комплексами I–II вв. н. э. из Совхоза 10 и Пантикапея (Алексеева 1982, с. 32, тип 7).

Тип 78. Пронизи из пластинок, свитые в один оборот (2 экз.) (рис. 5, 9, 7, 6т). Размеры 5–8, 5–9, 5–13. Вероятно, края пластинок первоначально смыкались и образовали продольный шов. В Тиритаке и Танаисе такие пронизи принадлежат комплексам I–II вв. н. э. (Алексеева 1982, с. 23, тип 5). Более ранним временем датируются подобные изделия в Центральном Предкавказье (Абрамова 1993, с. 92). В Неаполе они связаны со склепом I в. до н. э. – II в. н. э. и подбойной могилой II–III вв. н. э. (Симонович 1983, табл. XXIX, 19–25). Близкой формы бусы спорадически встречаются в Шлезвиг – Гольштейне и в

памятниках вельбарской и западно-балтской культур периода С1-Д (Tempelmann – Maczynska 1985, s. 91, typ 526; taf. 20, 74). В Северном Причерноморье пронизи типа 78 бытуют вплоть до раннего средневековья (Айбабин, Хайрединова 1996, с. 86, рис. 6, 7, 8).

Тип 79. 14-ти гранная поперечносжатая бусина (рис. 6, 6а). Размеры 6; 7; 5. Канал отверстия диаметром 3 мм, его край с одной стороны обрамлен бороздками. Очертания плавные, грани выражены нечетко. Как и все бусы подобной формы, такие изделия из бронзы распространяются, вероятно, в позднеримское время. Аналогичный экземпляр встречен в погребении II – нач. III в. н. э. из могильника на р. Аликановка в Центральном Предкавказье (Абрамова, 1993, с. 126, рис. 46, 2).

Тип 80. Шаровидная бусина из горного хрусталя (рис. 11, 6). Размеры 6; 8; 9. Канал отверстия узкий, усеченно-конической формы, диаметром 2 мм. Сверление одностороннее. У входного края отверстия имеются две бороздки. Бусы этого типа, появившиеся в Северном Причерноморье в конце II–I вв. н. э., наиболее характерны для I–II вв. н. э. (Алексеева 1970, с. 164; Алексеева, 1982, с. 7, тип 2а; Корпусова 1983, с. 99; табл. XV, 7). Несколько подобных бусин встречено в позднескифский могильниках у с. Заветное и Золотой Балки. Более крупный экземпляр сопровождал захоронения II – 1-й пол. III в. н. э. из Подкумского могильника (Абрамова 1987, с. 174, рис. 43, 3; Богданова 1989, с. 45; Вязьмитина 1972, с. 53).

Тип 81. Шаровидная поперечносжатая бусина из меловой породы (рис. 16, 16). Размеры 14; 19; 21; 5. Канал отверстия усеченно-конической формы, сверление одностороннее. Описываемые бусы датируются V в. до н. э. – II в. н. э. (Алексеева 1982, с. 29, тип 2). Несколько экземпляров обнаружено в Заветнинском могильнике, причем в погребении №294 они образуют ожерелье (Богданова 1989, с. 46). Немало их в Прикубанье (Гущина, Засецкая 1994, с. 49).

О расположении бус в могилах и их функции в костюме можно судить по немногочисленным комплексам, где они сохранились *in situ*. Но в большинстве случаев, в связи с разграблением могильника, приходится лишь констатировать факт их принадлежности к определенному погребальному сооружению.

Почти все бусы из Левадков находят аналогии в синхронных памятниках Причерноморья. Основную их массу составляют изделия из стекла различных форм и цветов, сопровождавшие все 11 комплексов. Значительно уступают им гагатовые бусы. Остальные материалы представлены единичными экземплярами (табл. I). Среди стеклянных бус преобладают одноцветные, главным образом, цилиндрические и граненые пронизи красного, белого и зеленого оттен-

ков. Большая часть прямоугольных в сечении и 14-ти гранных бус, наиболее характерных для позднеримского времени, сконцентрирована в самых поздних комплексах — в могиле №9 и в женском захоронении могилы №12, тогда как в более ранних погребениях (напри-

Таблица 1

Количественная характеристика бус из могильника у с. Левадки

Материал	Кол-во экз.	%	Кол-во типов	%
Одноцветное стекло	905	69,2	43	53,8
Многоцветное стекло	11	0,8	9	11,1
Стекло с прокладкой	58	4,4	3	3,7
Египетский фаянс	35	2,7	4	4,9
Гагат	256	19,6	5	6,1
Сердолик	16	1,2	4	4,9
Янтарь	15	1,1	5	6,1
Бронза	11	0,8	6	7,2
Горный хрусталь	1	0,07	1	1,2
Меловая порода	1	0,07	1	1,2
Всего	1306	100	81	100

мер, могила №6) такие бусы отсутствуют. Незначительное количество шаровидных бус (всего около 60 экземпляров) выделяет рассматриваемый могильник из ряда других памятников римского времени, где изделия такой формы составляют подавляющее большинство (Вязьмитина 1972, Погребова 1961, с. 164; Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 119). Наиболее разнообразны бусы из многоцветного стекла (табл. I). Они содержатся во всех детских погребениях. Бусы из гагата, сердолика, янтаря и бронзы распределены по комплексам более или менее равномерно (табл. II). Основную массу гагатовых изделий (около 200 из 256 экземпляров) составляют цилиндрические бусы типа 61. Ромбовидные пронизи типа 62 сосредоточены, главным образом, в могилах №9 и №12, все стрелковидные подвески происходят из склепа №10. Сердоликовые бусы представлены широко распространенными формами, за исключением экземпляра типа 67, аналогий которому найти не удалось.* Отличается своеобразием набор бронзовых пронизей, редко встречающихся в синхронных позднескифских могильниках.

* Вероятно, эта подвеска была изготовлена из обломка крупной цилиндрической бусины.

Таблица 2

Распределение бус по комплексам

№№ могил	одно- цветное стекло	много- цветное стекло	стекло с метал. прокладкой	египет- ский фаянс	гагат	сердо- лик	янтарь	бронза	горный хруст- аль	меловая порода
1	+									
3	+							+		
4	+	+						+		
5	+	+		+	+	+		+		
6	+	+	+	+	+	+	+	+		
7	+		+			+				
8	+		+					+		
9	+		+		+		+		+	
9 западный подбой	+									
9 восточный подбой	+	+	+		+	+	+	+		
10	+		+	+	+	+	+			
11	+		+		+					
11 западный подбой	+									
11 восточный подбой	+									
12	+							+		
12 западный подбой	+									
12 восточный подбой	+		+	+	+	+	+	+		+
Подъем материал	+	+	+	+	+	+	+			

Судя по неразграбленным погребениям, бусы располагались в районе шеи, груди, кистей рук и щиколоток умерших и представляли собой ожерелья, браслеты и обшивку одежды. Ожерелье зафиксировано в восточном подбое могилы №12, содержавшем женское захоронение. Его основу составляли цилиндрические (43 экз.) и ромбовидные (24 экз.) бусы из гагата, дополненные несколькими стеклянными и одной янтарной пронизями. Судя по длине и расположению нитей, оно трижды обвивало шею умершей. Гагатовые ожерелья в сочетании со стеклом, янтарем или сердоликом являлись популярным видом украшений и встречаются в различных причерноморских комплексах античного времени, в том числе и позднескифских (Богданова 1989, с. 45; Храпунов, Масякин, Мульд 1997, с. 121; Хайрединова 1995, с. 78, табл. IV, 5). В этом же погребении, у щиколоток, расчищено скопление из более 250 стеклянных бус. Удлиненные цилиндрические и граненые пронизи красного, зеленого, фиолетового и белого цветов, совместно с шаровидными бусами с внутренней металлической прокладкой, горизонтальными рядами были нашиты на подол платья. Исходя из длины нити, можно предполагать, что подол был довольно узкий — его ширина не превышала 27 см, что вполне отвечало требованиям сарматской «моды» (Яценко 1987, с. 169). Вероятно, украшением одежды служили и разнообразные мелкие стеклянные и короткоцилиндрические гагатовые бусы, расположенные в верхней части грудной клетки в детском погребении №6. Здесь же находились крупная ребристая бусина из египетского фаянса типа 59 и янтарная пронизь типа 73, миниатюрная стеклянная бусина типа 50.

Во всех детских погребениях (могилы №4, №5 и №6) короткие низки бус располагались у кистей рук, выполняя, вероятно, функцию браслетов. У ребенка из могилы №6 они были надеты на обе руки. Один браслет включал в себя пять стеклянных, одну гагатовую и две сердоликовых бусины, другой — две стеклянных и одну гагатовую.

В женском погребении из могилы №12 в районе таза располагалась низка из 12 бусин, в основном, крупных размеров. В их ряду лежало зеркало-подвеска, которое, вероятно, с помощью этой нити прикреплялось к поясу. С мужским погребением из этой же могилы связаны четыре крупные бусины — две бронзовые и две стеклянные. Они находились в области шейных позвонков и располагались вертикально в ряд близко друг другу. Бусы таких размеров в мужском костюме обычно использовались в качестве пуговиц. В погребениях они, как правило, встречаются по одному, иногда по 3–4 экземпляра (Богданова 1989, с. 35; Высотская 1994, с. 116).

В двух случаях найдены единичные экземпляры, не связанные с ожерельями, браслетами или скоплениями. В детской могиле №5

крупная полихромная бусина с глазчатым орнаментом располагалась справа от костей ног и, возможно, служила заменой глиняного пряслица (Хайрединова 1995, с. 86). На левом запястье погребенной в могиле №12 лежали две красные цилиндрические бусины, назначение которых неясно. Возможно, они были как-то связаны с браслетом, надетым на эту же руку.

Наборы бус из Левадков отличаются яркой полихромией и разнообразным сочетанием типов в каждом комплексе. Некоторой спецификой характеризуются бусы из детских погребений. Кроме изделий из египетского фаянса и многоцветного стекла, они включали редко встречающиеся в Причерноморье бусы типов 11, 42, 43, 79. Здесь же сосредоточена основная масса шаровидных бус при полном отсутствии прямоугольных в сечении пронизей. Какой-либо зависимости в распределении бус от конструкции погребального сооружения не наблюдается. Можно лишь отметить, что в склепе №10 сосредоточено наибольшее число типов, причем многие из них представлены единичными экземплярами. Большинство бус имеет широкую датировку, но их максимальное распространение попадает на раннеримский период. В отличие от склепа, бусы из подбойных могил №9 и №12, преобладавая в количественном отношении, характеризуются значительно меньшим разнообразием и датируются, в основном, II–III вв. н. э.

Анализ инвентаря и погребального обряда могильника Левадки позволяет сделать некоторые выводы о хронологии памятника и этнической принадлежности оставившего его населения. Наиболее ранние захоронения были совершены в склепе №10, на что указывают сопровождавшие их среднелатенская фибула I в. до н. э., фрагменты ножного браслета II–I вв. до н. э. и набор бус, характерных, преимущественно, для раннеримского периода. Наличие среди бус экземпляров типов 27 и 36, появившихся только во II в. н. э., свидетельствует о присутствовавших в склепе погребениях этого времени. Вероятно, во II в. н. э. в нем перестают хоронить, что подтверждается фактом разрушения камеры склепа выкопанной позже подбойной могилой №2. Не столь выразительны в хронологическом отношении находки из склепа №7. По краснолаковым сосудам он датируется I–II вв. н. э., но, вероятно, мог использоваться и раньше. На рубеж II–I – I вв. до н. э., как на нижнюю хронологическую границу могильника, указывают и входящие в состав подъемного материала курильницы.

Верхняя дата существования могильника определяется некоторыми формами краснолаковой керамики, например, миской с вертикальным бортиком из западного подбоя могилы №12 (рис. 16, 10), датирующейся по аналогиям первой половиной III – нач. IV вв. н. э. В этой же могиле, но в женском погребении, находилась лучковая

подвязная фибула 4-го варианта. Такие фибулы к середине III в. н. э. выходят из употребления, по крайней мере, в Крыму. Таким образом, возникнув не позднее I в. до н. э., могильник у с. Левадки прекращает свое существование в середине III в. н. э., что, вероятно, было связано со сложившейся на полуострове ситуацией (Храпунов 1995, с. 71–72).

В качестве этнического индикатора исследователи обычно рассматривают конструкции могил и погребальный обряд. В Левадках выявлено три типа погребальных сооружений — склепы, подбойные могилы и грунтовая могила с плитовым перекрытием. Т-образная планировка склепа №10, забитая камнями входная яма и длительное использование, обусловленное обычаем многократных захоронений, позволяют с уверенностью связывать его с поздними скифами. Значительно реже в позднескифских могильниках встречаются сооружения с расположенными на одной оси входной ямой и погребальной камерой, аналогичные нашему склепу №7 (Мульд 1996, с. 279). Не отрицая преемственности подобных конструкций от раннескифских катакомб IV в. до н. э. (Ольховский 1991, с. 27, табл. II), следует учитывать и широкое распространение этого типа погребальных сооружений у сарматов (Смирнов 1972, тип II). С последними Т. Н. Высотская связывает подобный склеп из Усть-Альмы, содержащий женское захоронение II в. н. э., основываясь при этом на некоторых «типично сарматских чертах в инвентаре и обряде» (Высотская 1994, с. 54, рис. 22,3). К сожалению, из-за разграбления склепа №7 связанный с ним погребальный обряд зафиксировать не удалось; неинформативен в этом отношении и сохранившийся инвентарь. Однако некоторые конструктивные особенности сарматских катакомб — более узкие и длинные входные ямы и такие же погребальные камеры, предназначенные для индивидуальных захоронений, меридиальная ориентировка могил с направленной на север камерой, вертикальные торцовые стены входных ям, заполненных землей — отличают их от нашего склепа (Simonenko 1995). Следует учитывать и тот факт, что в Северном Причерноморье такие сооружения становятся господствующими в позднесарматский период, тогда как склеп №7 относится к раннеримскому времени.

Грунтовая могила с плитовым перекрытием не находит аналогий в синхронных позднескифских памятниках Крыма. В отличие от широко представленных могил с заплечиками здесь плиты, перекрывающие яму, лежали прямо на материке. Время формирования комплекса, судя по сочетанию типов бус, — I–II вв. н. э. Аналогичной конструкции погребальное сооружение обозначенного хронологического отрезка выявлено в могильнике у с. Николаевка на Нижнем Днепре (Вязьмитина 1972, с. 5–6). Однако, отмеченный в Левадках способ

перекрытия грунтовых могил был типичен для скифских погребений Крыма предшествующего периода (Ольховский 1991, с. 24)

Среди погребальных сооружений могильника доминируют подбойные могилы. По своему виду они отличаются от подобного типа катакомб раннескифского времени (Ольховский 1991, с. 27) и подбоев II–I вв. до н. э. из Беяуса (Дашевская 1984), но очень близки сарматским погребальным сооружениям Нижнего Поволжья, что позволяет связывать их появление в Крыму с миграцией сармат. Сарматскими являются и обычаи заворачивать умершего в кошму, расшивать одежду бусами, класть в женские погребения пряслица и зеркала-подвески. Присутствием сармат среди оставившего могильник населения можно объяснить и находку гончарной сероглиняной миски, совершенно не характерной для Крыма и имеющей аналогии в комплексах Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Следует также отметить, что типично сарматские вещи связаны с подбойными могилами.

В целом, подбойные могилы в Левадках по конструкции, обряду и инвентарю аналогичны погребальным сооружениям таких известных крымских сарматских памятников как Бельбек I – IV, Скалистое II, III, ранний горизонт могильника Нейзац. Отличает их только один существенный элемент: в Левадках, как ни в одном из перечисленных выше некрополей, входные ямы подбойных могил, также как и склепов, были забиты камнями. Обычай заполнять входную яму камнями прослежен только на тех могильниках, которые связаны с позднескифскими поселениями, например, неапольском, усть-альминском, кольчугинском. Вероятно, таким образом сказывалась культурная зависимость сармат, оказавшихся среди жителей позднескифских поселений, от иноэтничного окружения. С другой стороны, сочетание разнотипных элементов в одном погребальном сооружении может рассматриваться как одно из многочисленных частных проявлений синкретизма позднескифской культуры.

Невыразительность погребального инвентаря, представленного, главным образом, бусами широкого хронологического диапазона, затрудняет определение времени появления подбоев в Левадках. Судя по неразграбленным комплексам, наиболее ранней является детская могила №4, содержащая набор бус, характерных для I–II в. н. э. Наличие в нем двудольчатой стеклянной бусины типа 40, аналогии которой многочисленны в комплексах I в. до н. э. – I в. н. э. и чрезвычайно редки в памятниках более позднего времени, сужает эту дату до I в. н. э. Детская могила №6 двумя фибулами и бронзовым перстнем с геммой достаточно точно датируется II в. н. э., возможно, его 2-й пол. Могила №12 содержит самые поздние вещи, определяющие

верхнюю хронологическую границу могильника. К I–II вв. н. э. относится большинство захоронений могильника, что, возможно, было обусловлено увеличением населения за счет притока мигрантов-сарматов

Литература

Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. э. // СА 1959. №1.

Абрамова М. П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века н. э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – III в. н. э.) М., 1993.

Абрамова М. П. Фибулы Хумаринского могильника // Историко-археологический альманах. 2. Армавир-Москва, 1996.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.

Алексеева Е. М. Классификация бус из некрополя у д. Новоотрадное // МИА. 1970. №155.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982.

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ 1966. Вып. Д1–30. М., 1966.

Амброз А. К. Фибулы из раскопок Танаиса // МИА. 1969. №154.

Арсеньева Т. М. Могильник у д. Ново-Отрадное // МИА. 1970. №155.

Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977.

Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского // ИАДК. К., 1957.

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1949 гг.) // МИА. 1953. №34.

Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 1951. №19.

Богданова Н. О. Могильник I ст. до н. э. – III ст. н. э. біля с. Заветное Бахчисарайського району // Археологія. 1963. XV.

Богданова Н. А., Гуцина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в. Юго-Западном Крыму // СА. 1976. №4.

Богданова Н. А. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н. э. юго-западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.

Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. II. М., 1982.

Богданова Н. А. Могильник первых веков н. э. у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.

Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. К., 1993.

Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II–IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры // СА. 1979. №1.

Висотська Т. М. Липна кераміка городища Алма-Кермен // Археологія. 1964. 20.

Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К., 1972.

Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. К., 1979.

Высотская Т. Н. Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. 1980. №1.

Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н. э.—VII в. н. э.). —К., 1987.

Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994.

Висотська Т. М., Лобода І. І. Могильник I ст. до н. е.—III ст. н. е. неподалік від с. Піщане в Криму // Археологія. 1984. 48.

Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов. К., 1989.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. №25.

Генинг В. Ф. Сарматская эпоха в Альфельде (Среднее Подунавье в I–IV вв. н. э.) // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К., 1996.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. К., 1984.

Гущина И. И. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму // КСИА. 1970. Вып. 124.

Гущина И. И. О результатах исследования нового могильника I–II вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // КСИА. 1973. Вып. 133.

Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

Гущина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (Iв. до н. э.—

нач. II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.

Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА. 1958. №64.

Дашевская О. Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991.

Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. №3.

Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. К., 1975.

Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК 1994 г. Симферополь, 1997.

Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. К., 1982.

Зубарь В. М., Мещеряков В. Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса // Население и культура Крыма в первые века н. э. К., 1983.

Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новый погребальный комплекс II–IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. К., 1986.

Кабакчиева Г., Султова С., Владкова П. Керамични центрове на територията на Никополис ад Иструм, II–IV век. София, 1988.

Катюшин Е. А. Курганный могильник I в. до н. э. – II в. н. э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь., 1996.

Калитинский А. П. О некоторых формах фибул из Южной России // Seminarium Kondakovianum, I, Prague, 1927.

Каменецкий И. С. Городища донских меот. М., 1993.

Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Илурата // МИА. 1958. Вып. 85.

Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. // МИА. 1952. №25.

Колтухов С. Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.

Косяненко В. М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобыкова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // СА. 1980. №3.

Косяненко В. М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобыкова городища // СА. 1987. №2.

Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. К., 1993.

Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. М., 1981.

Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.

Кругликова И. Т. Некрополь поселения у д. Семеновки // СА. 1969. №1.

Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. №1.

Лихтер Ю. А. Стекланные изделия из могильника Оселивка // Могильники черняховской культуры. М., 1989.

Максимова М. И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. 1957. №4.

Медведев А. П. Сарматы и Лесостепь. Воронеж, 1990.

Мелентьева Г. М. Ольвийский керамический комплекс первых веков н. э. // КСИА. 1969. Вып. 116.

Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. №3.

Михлин Б. Ю., Бирюков А. С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкенииды // Население и культура Крыма в первые века н. э. К., 1983.

Мульд С. А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.

Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983.

Нефедова Е. С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992.

Новиченкова Н. Г. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское седло // СА. 2000. №1.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–IV вв. до н. э.). М., 1991.

Погребова Н. Н. Погребение в мавзолее Неаполя скифского // МИА. 1961. №96.

Пуздровский А. Е. Новый участок восточного некрополя Неаполя скифского // РА. 1992. №2.

Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса (кон. IV в. до н. э. – IV в. н. э.) М., 1956.

Раев Б. А. Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин // СА. 1979. №1.

Секерская Н. М. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из Никония // Северное Причерноморье. К., 1984.

Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. №85.

Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2.

Славяне и их соседи в конце 1 тысячелетия до н. э. – первой половине 1 тысячелетия н. э. М., 1993.

Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного При-

уралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. №1

Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959

Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). К., 1983.

Труфанов А. А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1 Симферополь, 1997а.

Труфанов А. А. К вопросу о периодизации культуры поздних скифов Крыма // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997

Хавлюк П. И. Доисследования могильника у с. Вилы Яругские // Могильники черняховской культуры. М., 1989

Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4

Хайрединова Э. А. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995.

Храпунов И. Н. Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь., 1994.

Храпунов И. Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь., 1998.

Храпунов И. Н., Власов В. П., Молодцов О. Э., Мульд С. А. Позднескифское поселение Золотое Ярмо // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Храпунов И. Н., Храпунова Л. Н., Таратухина Е. Е. Археологические коллекции Крымского краеведческого музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953.

Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945–1950 гг.) // ИАДК. К., 1957

Щепинский А. А. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области // ИКОГО. 1951. Вып. 1.

Щепинский. А. А. Археологическое обследование Курцово-Сабловской долины в 1950 г. // ИАДК. К., 1957.

- Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Яценко С. А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // СА. 1987. №3
- Filip J. Praveke ceskoslovensko. Praha, 1948
- Párducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, I. Budapest, 1941.
- Raev B. A. Roman import in the Lower Don Basin. BAR International Series 286, 1986.
- Robinson H. S. Pottery of the Roman Period // The Athenian agora. Princeton, New Jersey, 1959.
- Simonenko A. V. Catacomb graves of the Sarmatians in the Pontic Region // MFME Studia Archaeologica I. Szeget, 1995.
- Tempelmann-Maczyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der fruhen phase der Völker-wonderungszitt im mitteleuropäischen Barbarikum Mainz-am-Rhein, 1985.

Resume

Khrapunov I. N., Stoyanova A., Moold S. A. Late Scythian Cemetery Near Levadky Village.

The archaeological materials collected during excavation the cemetery near Levadky village is analyzed in the article. There were twelve funeral structures including ground vaults, undercut graves, and one pit grave altogether. They contained typical to the Roman Period inventory, there were ceramics, adornments, details of clothes, and cult items. The cemetery was being used from the 1st century BC to the middle of the 3rd century AD probably by dwellers of located nearby Zmeinoye settlement. The earliest burials were made in ground vaults, taking structures of which into account one could identify them as Late Scythian ones. From the 1st century AD a group of undercut graves similar to that of Lower Volga region appeared as a result of the Sarmatians' migration. Some of them possessed elements both of the Scythian and Sarmatian funeral rite, so one could suggest a high extent of assimilation, however the first stage of the process was not presented in the materials of the cemetery. The majority of investigated assemblages belongs to the 1st-2nd centuries AD, the latest burials date back to the first half of the 3rd century AD. On the construction of funeral structures and assemblage of equipment the cemetery near Levadky village is similar to the synchronous Late Skythian sites

В. П. Власов

О ЗАРУБИНЕЦКИХ ФОРМАХ В КЕРАМИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ ПОЗДНИХ СКИФОВ КРЫМА

Крымский локальный вариант позднескифской археологической культуры, существовавший с конца III-II вв. до н. э. по II-III вв. н. э., представляет собой качественно новое культурно-историческое образование, в котором синкретично переплелись скифские традиции

более раннего времени, а также черты, свойственные культурам других древних народов. Влияние различных племен на те или иные стороны жизни позднескифского общества отражается в разных видах археологических источников по-разному. Одним из довольно «чутких» этнокультурных индикаторов является лепная керамика (далее — ЛК).

Наряду с лепными изделиями, традиции изготовления которых были привнесены в позднескифскую среду народами, жившими со скифами по соседству (греки, тавры, боспоряне), в керамическом комплексе поздних скифов наблюдаются формы, специфичные для населения территорий, расположенных достаточно далеко от Крымского полуострова. Среди этих форм особое внимание привлекают те, которые раньше всего появились и устойчиво бытовали у населения латенизированной зарубинецкой культуры.

Посуду зарубинецкого облика удалось выделить среди лепных керамических находок Булганакского позднескифского городища. Эти находки позволили сделать предположения о том, что формы зарубинецкой керамики появились в Крыму не в результате притока носителей этой культуры, а в результате контактов крымских скифов с нижнеднепровскими (Власов 1997, с. 295–296). Детальное изучение опубликованной ЛК из других позднескифских памятников Крыма показало, что на них тоже присутствуют изделия зарубинецких типов, а их датировка позволяет скорректировать вывод, сделанный по материалам Булганака.

Интересующая нас ЛК (29 экз.), за исключением одного предмета неясного назначения, представлена несколькими категориями посуды, охарактеризованными в порядке убывания их «удельного веса».

Миски

Тип 1 (1 экз.) С цилиндро-коническим туловом, имеющим перегиб в средней части. К типу отнесен фрагмент лощеного сосуда со слабо выраженным подтреугольным выступом на внешней части края из слоя II в до н. э. Булганакского городища (рис. 1, 1) (Власов, 1997, с. 246, табл. V, 1).

В Крыму сопоставимые миски, относящиеся к первым векам н. э., известны в Тиритаке и Илурате и считается, что они воспроизводят формы меотских гончарных чашек (Кастанаян, 1981, с. 63, 93–94, табл. XIV, 4, XXXV, 2). Фрагменты сосудов данного типа, датирующиеся IV–III вв. до н. э., найдены на поселении ольвийской хоры Козырка 2 (Крыжицкий и др., 1989, с. 134, рис. 51, 39–41). Аналогичные миски II — первой четверти I вв. до н. э. и I–II вв. н. э. известны в зарубинецкой культуре, а также у приднепровских поздних скифов (Славянецкий, 1993, табл. II, 33; Обломский, 1994, с. 44, 53, рис. 2, 16, 20; Вязьмитина, 1962, с. 138, рис. 65, 38; 68, 11). Несмотря на обилие ана-

логий среди меотских гончарных сероглиняных мисок (Каменецкий, 1994, рис. 4, №2889; 9, №2169; 11, №2213, 14, №№2250, 2241; 25, №№2562, 2665), генезис типа, учитывая его датировку, а также факт отсутствия до первых веков н. э. на Европейском Боспоре, который непосредственно граничил с меотским миром, предпочтительнее связывать с Северо-Западным Причерноморьем. Вероятно, отсюда такие миски проникли к жителям Приднепровья, а уже из этого района — в Крым.

Тип 2. (1 экз.). С отогнутыми под углом вверх краями и цилиндрико-коническим туловом, имеющим перегиб в средней части. Представлен nelloщенным фрагментом из слоя рубежа эр городища Булганак (рис. 1,2) (Власов, 1997, с. 245, табл. V,3).

Ареал сосудов этого типа не очень широк. Аналогичную профилировку имеет украшенный вдавлениями обломок из слоя II—I вв. до н. э. Мирмекия (Кастанаян, 1981, с. 40, табл. VI,11), одна миска III — первой половины I вв. до н. э. из Ольвии (Марченко, 1988, с. 98, рис. 30,4), а наибольшая их концентрация отмечается на зарубинецких и позднескифских памятниках рубежа эр в Поднепровье (Кубишев, Скиба, 1989, с. 89, 93, 94, рис. 4, 15, 35, Пачкова, 1991, рис. 3,7; Славяне..., 1993, табл. VII,9,10; Погребова, 1958, с. 139, рис. 12, 4; 15, 13, Вязьмитина, 1962, рис. 68, 22, 23; Вязьмитина, 1972, с. 125–126, рис. 61, 2, 5). Похожие лепные миски известны на вельбаркских памятниках конца II — начала III вв. н. э., а лепные и гончарные, напоминающие как вельбаркские, так и античные краснолаковые, — в черняховской культуре (Гей, Бажан, 1997, с. 38, 39, 42, 47, 48, табл. 36,9, 38,5, 58,14; Славяне..., 1993, с. 141, табл. LVII,13,18). Учитывая упомянутые черняховские изделия, появление в IV в. н. э. таких же мисок в Танаисе справедливо объясняется притоком на Нижний Дон нового населения с запада (Арсеньева, 1965, с. 180, 182–184, 191, табл. VII,3,4; IX,1,5).

Распространение описанных мисок в Северо-Западном Причерноморье связывается с западной гальштатской традицией (Марченко, 1988, с. 127), а на Нижнем Днепре — с влиянием зарубинецкой культуры. Поэтому, в единственном булганакском фрагменте рубежа эр можно видеть проявление зарубинецких культурных элементов.

Тип 3. (8 экз.). Со слабо выраженными прямыми плечами, отделенными от нижней части тулова ребром и отогнутыми под углом вверх краями (т. н. «острореберные»).

Вариант А. (4 экз.). С полусферическим туловом. Представлен лощеными фрагментами средних размеров из слоя I в. до н. э. — I в. н. э. и обломком крупного nelloщенного сосуда из хоз. ямы того же времени Булганакского городища (рис. 1, 3, 4) (Власов, 1997, с. 248, 252, табл. V,4,17).

Вариант В. (4 экз.). С усеченно-коническим туловом. Целая миска

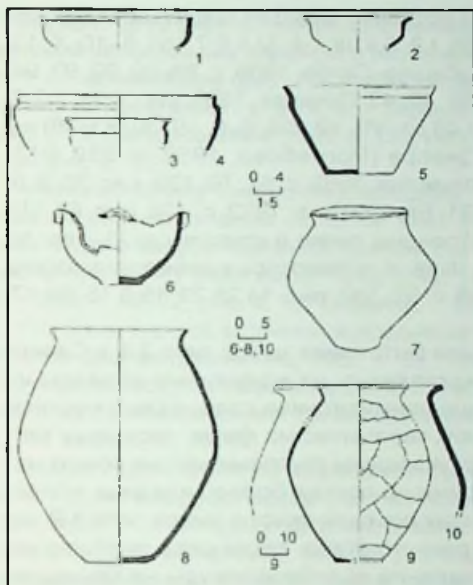

Рис. 1. Миски (1 – тип 1; 2 – тип 2; 3,4 – тип 3/А; 5 – тип 3/В). Горшки (6 – тип 1; 7 – тип 2, подтип 1; 8 – тип 2, подтип 2/А; 9,10 – тип 2, подтип 2/В).

с невыделенным дном происходит из слоя II–III вв. н. э. Альма-Кермена (рис. 1,5), а лощенные и нелощенные фрагменты — из слоя рубежа эр городища Булганак. Идентичную профилировку имеет также и обломок из группы так называемой «местной гончарной керамики» Неаполя скифского, относящейся к первым векам н. э. (Высотская, 1972, с. 106–107, рис. 26, 43; Высотская, 1979, с. 113, рис. 46,5; Власов, 1997, с. 248, 252–253, табл. V,2,16).

Крупному булганакскому фрагменту варианта А и по профилировке, и по размерам полностью соответствует обломок II–III вв. н. э. из Илурата (Кастаная, 1981, с. 94, табл. XXXVII, 5). Сходные изде-

лия меньшего размера известны в зарубинецкой и поянешти-лукашевской керамике (Пачкова, 1995, рис. 6,2; Славяне..., 1993, с. 88, 93, табл. II, 39; XXX, 80). В III — первой половине I вв. до н. э., а также во II — первой половине III вв. н. э. они входили в состав погребального инвентаря ряда могильников Центрального Предкавказья (Абрамова, 1993, с. 52, 160, рис. 14, 31, 32).

Крымские подобию варианту В выявлены в тризне А боспорского некрополя II–III вв. н. э. Фронтное II (Корпусова, 1972, с. 50, 55, рис. 5,14). За пределами Крыма сосуды данного варианта известны в культуре Поянешти-Лукашевка (Славяне..., 1993, с. 88, 93, табл. XXX, 80, 82, 83), в Ольвии (Марченко, 1988, с. 98, рис. 30,3,6,7), в Козырьке (Бураков, 1976, с. 111, табл. IX,14), в сарматских курганных погребениях I в. до н. э. и I — первой половины II вв. н. э. Северного Причерноморья (Симоненко, 1993, с. 14, 26, 42, рис. 3, 3Б; 13, 2Б), в черняховской культуре (Гребенников, Гребенников, Магомедов, 1982, с. 137, рис. 1,3), в Танаисе IV–V вв. н. э., где такие миски часто украшались овальными вдавлениями по ребру (Арсеньева, 1965, с. 180, 182, 183, 191, табл. VII, 9; VIII, 3, 4, 6; IX, 9; X, 3; Арсеньева, Науменко,

1995, с. 48, рис. 6,6, 8,2,3), но особенно много их среди зарубинецкой посуды (Максимов, 1972, табл. I,3; II,4; III, 1,4; IV, 1,6,7, VIII, 6–10; X, 11; XII 1,4, 6, XX,6,14, XXIII,1,3; Кубишев, Скиба, 1989, с. 89–90, 92, 93, 94, 95, рис. 4, 1, 5, 8, 12, 14, 31, 36, 40, 43; Пачкова, 1991, рис. 1,11; 2,2,8, 3, 2, Славяне, 1993, табл. I,48,51, VII, 12; VIII, 6–9, 19, 20, 33, 36) и у поздних скифов Нижнего Днестра (Погребова, 1958, с. 139, 211, рис. 15, 12, 14; 32, 7; 45, 3, Вязьмитина, 1962, с. 55, 79, 138, рис. 30, 3, 5; 44, 5,6, 65,37, 68,16, 17, 19–21, Вязьмитина, 1972, с. 126, рис. 61,11). Миски данного варианта встречены также в комплексах III–I вв. до н. э. и II – первой половины III вв. н. э. некоторых северокавказских могильников (Абрамова, 1993, с. 52, 160, рис. 14,28,29, 15,8,15; 64,12, 13).

Учитывая почти синхронное бытование мисок типа 3/А в Северном Причерноморье и Предкавказье, их единичные образцы из скифских городищ Крыма предпочтительнее связывать с местной интерпретацией зарубинецких керамических форм, поскольку кавказские экземпляры, обычно, украшены группами частых тонких насечек по краю, отсутствующими на посуде более западных областей. Наличие у приднепровских поздних скифов мисок типа 3/В, не свойственных скифской ЛК раннего этапа, также связывается с зарубинецкой культурой, и появление подобной посуды на Крымском полуострове, на наш взгляд, объясняется притоком переселенцев из Поднепровья.

Горшки

Тип 1. (1 экз.). Со сферическим туловом. К типу отнесена нижняя половина горшка с узким выделенным дном и парными волнистыми налестками, которая обнаружена на поверхности двора в Калос-Лимене с находками I — начала II в. н. э. (рис. 1,6) (Уженцев, 1997, с. 198, рис. 5,8).

Совпадающий с ней по всем деталям целый горшок, со стилистически очень похожими рельефными налестками, служил урной кремации №3 зарубинецкого Субботовского могильника рубежа эр (Максимов, 1972, с. 57, табл. XXV,5).

Тип 2. (5 экз.). С биконическим туловом, максимально расширенным в средней части (плечи отделены от нижней половины сглаженным ребром).

Подтип 1. (2 экз.). С туловом средних пропорций и гиперboloидным горлом. Нелощенный горшок с выделенным дном зафиксирован в находках I в. н. э. Южно-Донузлавского городища (рис. 1,7), а фрагмент верхней половины сосуда обнаружен на поселении Булганак (Дашевская, 1991, с. 18, табл. 18,3, Власов, 1997, с. 229, табл. II,12).

Подтип 2. (3 экз.). С вытянутым туловом.

Вариант А. С гиперboloидным горлом. Представлен крупным сосудом с невыделенным дном из материалов II–III вв. н. э. Неаполя (рис. 1,8) [Высотская, 1979, с. 107, рис. 39,1]

Вариант В. (2 экз.). С усеченно-коническим горлом. Представлен крупным нелощеным горшком с выделенным дном из хоз. ямы I в. до н. э. Кермен-Кыра (рис. 1,9) и обломком верхней части большого горшка из поселения I в. до н. э. — первых веков н. э. Золотое Ярмо (рис. 1,10) (Пуздровский, 1989, с. 139, рис. 4,1; Храпунов и др., 1994, с. 98, рис. 6,9).

Аналоги подтипу 1 имеются в находках I в. до н. э. — III в. н. э. при ольвийского поселения Золотой Мыс (Крыжицкий и др., 1989, рис. 73,2) и в зарубинецкой ЛК, где они составляют особенно многочисленную группу (Максимов, 1972, с. 42, табл. XI, 14; Кубишев, Скиба, 1989, с. 88, 92, рис. 4, 13; Славяне..., 1993, табл. II, 28, VII, 5, VIII, 4, 11). Один горшок встречен в позднескифской Золотой Балке на Нижнем Днепре (Вязьмитина, 1962, с. 29, 130, рис. 6,7), присутствовала сходная посуда в смешанных слоях и комплексах IV в. н. э. Танаиса, а также в погребениях Танаисского некрополя [Арсеньева, 1969, с. 194, табл. V, 5, 10, 13].

Горшок подтипа 2/А, датирующийся рубежом эр, удалось обнаружить только в зарубинецком Чаплинском могильнике (Славяне..., 1993, табл. II, 3). Сосуды подтипа 2/В известны по материалам Золотой Балки (Вязьмитина, 1962, рис. 62, 3), в сарматском Ново-Филипповском могильнике, где такой горшок, по мнению М. И. Вязьмитиной, имеет скифские корни (Вязьмитина, 1954, с. 223, 229, табл. II, 3), а также в помещении середины III в. н. э. Козырского городища (Бураков, 1976, с. 79, табл. IV, 25).

В целом, пространственно-временное распределение горшков типа 2, позволяет связывать их генезис с районом Поднепровья, вероятнее всего, с зарубинецкой культурой.

Кружки

Тип 1. (3 экз.) Со слабо профилированным овалоидным туловом средних пропорций, максимально расширенным в верхней части.

Вариант А. (2 экз.). С гиперболоидным горлом. Представлен лощеными сосудами с невыделенным дном и петлевидными ручками, крепящимися к венчику и к средней части тулова, из материалов III–II вв. до н. э. городища Кермен-Кыр (рис. 2,1) (Дашевская, 1958, с. 267, рис. 8, 4; Дашевская, 1991, с. 16, табл. 11, 5).

Вариант В. С цилиндрическим горлом. Нелощенный фрагмент без дна с кольцевидной ручкой, крепящейся к венчику и к средней части тулова, обнаружен в слое I в. до н. э. — I в. н. э. Булганакского городища (рис. 2,2) (Власов, 1997, с. 267, табл. VII, 20).

Все соответствия варианту А, причем прямые, зафиксированы в зарубинецкой ЛК конца III в. до н. э. — I в. н. э. (Максимов, 1972, с. 48, 49, табл. XX, 11; Пачкова, 1991, с. 71–72, рис. 2,12; Славяне..., 1993, табл. I, 36; VIII, 18, 25).

Параллели сосудам варианта В представлены в захоронениях рубе-

жа III–II вв. до н. э. зарубинецкого Пироговского могильника (Максимов, 1982, с. 19, 66, 67, табл. IV, 16; XIII, 24), а также в слое I–II вв. н. э. Тиритаки и в могиле III в. н. э. некрополя Заморское на Боспоре (Кастанаян, 1981, с. 73, табл. XX, 13; Корпусова, 1973, с. 37, 42, рис. 6, 7).

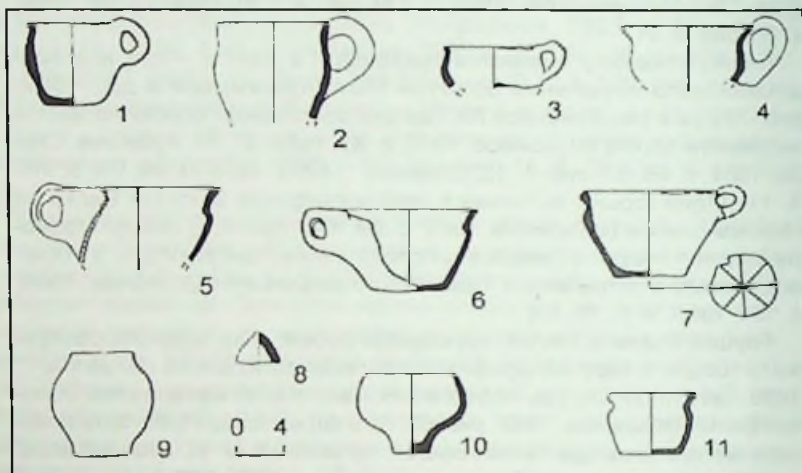

Рис. 2. Кружки (1 – тип 1/A; 2 – тип 1/B; 3, 4 – тип 2).
Ковши (5–7). Кубок (9). Солонки (10 – тип 1; 11 – тип 2).
Изделие специфического назначения (8).

Тип 2. (2 экз.). С приземистым биконическим туловом, максимально расширенным в верхней части и усеченно-коническим горлом. Представлен фрагментированными лощеными сосудами с петлевидными ручками, крепящимися к венчику и к месту максимального расширения тулова, из напластований I в. до н. э. – I в. н. э. Неапольскифского (рис. 2, 3) и распаханного слоя Булганакского городища с находками I в. н. э. (рис. 2, 4) (Дашевская, 1991, с. 16, табл. 12, 8; Власов, 1997, с. 267, табл. VII, 12).

Ближайшие и достаточно многочисленные аналогии обнаруживаются среди зарубинецкой посуды рубежа эр и середины I в. н. э. (Максимов, 1972, с. 34, табл. VIII, 20; Максимов, 1982, с. 105, 119, табл. XXI, 7, 8; XXIV, 5; Славяне..., 1993, с. 28, табл. I, 25, VIII, 18; Максимов, Циндровська, 1995, с. 111, рис. 2, 4). Отдельные экземпляры известны также в керамике конца II–III вв. н. э. Илурата (Кастанаян, 1981, с. 88, табл. XXVIII, 6, 7).

Ковши (3 экз.)

Данная категория репрезентована одним типом – со слабо выраженными прямыми плечами, отделенными от нижней усеченно-конической части тулова ребром и отогнутыми под углом вверх краями

(т. н. «острореберные»). Представлен лощеным и нелощеными сосудами с невыделенным дном и петлевидными ручками, верхним концом крепящимися к венчику, а нижним — к месту максимального расширения или к средней части тулова, из материалов рубежа эр городища Чайка (рис. 2, 5) и слоя II–III вв. н. э. Неаполя скифского (рис. 2, 6, 7) (Попова, 1991, с. 50, рис. 4, 3; Высотская, 1979, с. 109, рис. 39, 7; Дашевская, 1991, с. 17, табл. 15, 3). На нижней поверхности дна одного неапольского ковша нанесены пересекающиеся в центре прямые врезные линии.

Описанная ЛК обоснованно причислена Т. Н. Высотской к разряду нестандартной для поздних скифов, поскольку ближайшее сходство с ней имеют зарубинецкие сосуды I в. до н. э. и рубежа эр из Пироговского и Корчеватовского могильников (Максимов, 1972, с. 34, табл. VIII, 16; Кубишев, Скиба, 1989, с. 90, 92, 93, рис. 4, 18, 29).

Кубки (2 экз.)

Кубки также сгруппированы в один тип — с овалоидным туловом, максимально расширенным в верхней части и цилиндрическим горлом. Представлен нелощеными сосудами с выделенным дном из подбойной могилы №39 некрополя Бельбек IV, которая относится к концу I в. до н. э. — первой половине II в. н. э. (рис. 2, 9) (Гущина, 1974, с. 39, рис. XIII, 43, 45; Гущина, 1982, с. 20).

Параллели обнаружены в зарубинецких могильнике рубежа эр Велемичи I, на поселении рубежа II–III вв. н. э. Оболюнь, а также в позднескифском Николаевском могильнике на Нижнем Днепре и на поселении III–IV вв. н. э. киевской культуры Обухов III, в ЛК которых отчетливо прослеживается зарубинецкое влияние (Славяне..., 1993, табл. VIII, 35; Максимов, 1982, с. 95, табл. XV, 12, XVII, 20; Абашина, Гороховский, 1975, с. 68, рис. 5, 16). Найден такой кубок и на Боспоре — в одной из могил III–IV вв. н. э. Пантикапея (Кругликова, 1954, с. 104, табл. III, 6).

Солонки

Тип 1. (1 экз.). С гиперболоидным туловом и плавно загнутыми краями. Представлен сосудином с выделенным дном из слоя I в. до н. э. — I в. н. э. Неаполя скифского (рис. 2, 10) (Высотская, 1979, с. 102, рис. 36, 12).

За исключением более крупных зарубинецких мисок рубежа эр (Максимов, 1982, с. 16, табл. II, 13), других аналогий типу отыскать не удалось. Если крымские скифы не выработали такую посуду самостоятельно, то ее появление правомерно связывать с зарубинецким населением. Вероятно также, что мы имеем дело со скифской переработкой зарубинецкой формы, выразившейся в уменьшении размеров по сравнению с предполагаемыми прототипами.

Тип 2. (1 экз.) С биконическим туловом, максимально расширенным в верхней части и отогнутыми под углом вверх краями. Пред-

ставлен подлощенным сосудом с невыделенным дном из слоя рубежа эр Неаполя (рис. 2,11) [Высотская, 1979, с. 102, рис. 36,11].

В качестве аналога удалось подобрать, совпадающую и по форме, и по времени, но более крупную миску из зарубинецкого могильника Дедов Шпиль (Максимов, 1982, с. 105, табл. XXI,15), поэтому вывод по данному типу совпадает с предыдущим

Изделие специфического назначения

Представлено миниатюрным пустотелым предметом конической формы, который был найден в слое I в до н. э. — I в. н. э. Булганакского городища (рис. 2,8) [Власов, 1997, с. 271, табл. VII,22].

С рассмотренным экземпляром сопоставимы лишь бронзолитейные тигли, известные на зарубинецких поселениях раннего периода [Максимов, 1982, с. 57, табл. XI,25].

Время бытования рассмотренной ЛК позволяет разделить ее на три хронологические группы. Самая ранняя из них относится к эллинистическому времени и включает обломок миски типа 1, а также кружки типа 1/А. Эта посуда обнаруживает параллели преимущественно (миска), или исключительно (кружки), в зарубинецкой ЛК, начиная с конца III—II вв. до н. э. Ее присутствие среди находок раннего горизонта городищ Кермен-Кыр и Булганак, на первый взгляд, показалось довольно неожиданным, поскольку распространение на позднескифских памятниках Нижнего Днепра и, особенно Крыма, изделий, характерных для латенизированных культур (меч, «зарубинецкие» фибулы с треугольным щитком, кольца с «шишечками») приходится на конец II — начало I в. до н. э. и объясняется контактами скифов с представителями латенского мира (Трейстер, 1992, с. 41, 44). Эти контакты могли иметь место после того, как скифы, потерпев поражение в войне с Херсонесом и Понтом, оказались в зависимости от Понтийской державы, выплачивая дань и являясь источником пополнения живой силы для армии Митридата VI Евпатора, в которой также служили галаты Малой Азии, скордиски Подунавья и бастарны (Абезгауз и др., 1992, с. 36—37; Еременко, Журавлев, 1992, с. 77). Но, если находки у поздних скифов латенских импортов свидетельствуют о достаточно оживленных контактах между ними и кельтизированными наемниками во время их совместной службы в отрядах Митридата VI, то наличие упомянутой выше ЛК, а также ее датировка говорят о значительно более тесных отношениях между скифами и выходцами из латенизированных племен, которые установились еще до начала «диофантовых войн».

Как складывались эти отношения и каков был их механизм, неизвестно. Можно только констатировать, что они в действительности имели место и, очевидно, носили двухсторонний характер. После-

днее предположение подкрепляется результатами исследования верхнеднепровского Чаплинского могильника зарубинецкой культуры, заложенного в середине или в конце II в. до н. э. Среди его комплексов выделяется группа мужских воинских погребений, в которых, наряду с северо-западными, весьма ощутим и позднескифский, в частности, крымский компонент. Авторы публикации связывают его присутствие с частью вовлеченных в антиримскую коалицию Митридата VI Евпатора поздних скифов, подвергшихся сильному влиянию со стороны ее кельтизированных членов и соотносят этих скифов с упоминаемыми Плутархом и Посидонием кельтоскифами. Данные сообщения относятся к 145–120 гг. до н. э. и свидетельствуют о смешении на берегах Меотиды кельтов и скифов (Еременко, Журавлев, 1992, с. 71, 72–73, 75–76, 77–78). Однако, помимо кельтоскифов, у Меотиды помещены также и кимвры, а в походах кимвров принимали участие тевтоны и другие, в основном, германские племена (Еременко, Щукин, 1992, с. 81–90), поэтому для латенизированного населения, отдельные представители которого становились жителями позднескифских поселений в период формирования Крымской Скифии, более приемлемо условное название — «носители зарубинецкой культуры», тем более, что вопрос об их этнической принадлежности остается открытым (Славяне..., 1993, с. 36–39). Проникавшие в конце II в. до н. э. в Крым коллективы «зарубинцев», по всей видимости, были не очень многочисленными и быстро ассимилировались поздними скифами. Результатом этого процесса явилась утрата традиции изготовления мисок типа 1 и кружек типа 1/А, которые в последующее время в Крыму уже не известны.

Керамика, вошедшая во вторую хронологическую группу, суммарно датируется I в. до н. э. — I — началом II в. н. э. В этот период отмечается полная смена набора ЛК зарубинецкого облика, при его ощутимом увеличении и морфологическом разнообразии: миски типов 2 и 3; горшки типов 1 и 2 (подтип 1 и подтип 2/В); кружки типов 1/В и 2; чайкинский ковш, кубки, изделие специфического назначения.

Определенная часть аналогичных находок зафиксирована не только у «зарубинцев», а, например, и у нижнеднепровских соплеменников поздних скифов Крыма. Скифы Нижнего Поднепровья, непосредственно граничившие с носителями зарубинецкой культуры на севере, испытывали их культурное воздействие в результате прямой инфильтрации зарубинецкого населения в низовья Днепра, которая сопровождалась этническим смешением представителей двух разнотультурных общностей (Максимов, 1982, с. 72, 74). Учитывая данное обстоятельство, было бы логично предположить, что на рубеже эр зарубинецкие культурные элементы могли быть привнесены в керамический комплекс Крымской Скифии приднепровскими скифами, прибытие которых в ука-

занное время надежно документируется другими категориями ЛК. Однако, с другой стороны, непредставленность многих из перечисленных выше форм на позднескифских памятниках Нижнего Приднепровья дает основания усматривать в их распространении свидетельство притока на полуостров и отдельных групп собственно зарубинецких этнофоров, возможно, сдвинутых со своих обжитых мест сарматским вторжением (Максимов, 1982, с. 75–78). В Крыму эти мигранты не составили замкнутого анклава, а интегрировались в позднескифское окружение, иллюстрацией чего являются солонки, которые демонстрируют синтез формы мисок, встреченных только в зарубинецкой культуре, с несвойственными для них миниатюрными размерами.

Количество зарубинецкой ЛК, которая относится к третьей хронологической группе (вторая половина II – первая половина III вв. н. э.) существенно уменьшилось: миски типа 3, горшки типа 2 (подтипы 2/A и 2/B); ковши. При этом, ее наличие следует расценивать не как результат очередной переселенческой волны «зарубинцев», а как сохранение привнесенной на рубеже эр практики изготовления таких изделий из Среднего Поднепровья. Дело в том, что вся эта посуда известна в Крыму с I в. до н. э. – I в. н. э., правда, на других памятниках. Так, миски прежде были представлены на Булганацком городище, теперь — Неаполе и Альма-Кермене, горшки изготавливали на Кермен-Кыре, теперь — на Неаполе и Золотом Ярме, а ковши, тождественные тому, что раньше был зафиксирован на Чайке, появились на Неаполе скифском. Очевидно, эти перемещения свидетельствуют о локальных миграциях жителей, которые покидали скифские поселения, прекратившие свое существование в конце I или в начале II в. н. э. (Храпунов, 1990, с. 167), и в составе этих жителей были выходцы из зарубинецкой среды.

Судя по появлению неизвестных прежде в боспорских материалах мисок типа 3, кружек типа 1/B и кубка, смешанные контингенты позднескифского и зарубинецкого населения в первые века н. э. проникали и на территорию Европейского Боспора. Начался этот процесс в I–II вв. н. э., после чего он заметно активизировался. Переселения могли носить как добровольный, так и насильственный характер и, видимо, явились следствием скифо-боспорских военных конфликтов (КБН, №№ 1237, 1008, 953), окончившихся утратой независимости Крымской Скифии и ее включением в конце первой четверти III столетия н. э. в состав Боспорского царства (Зубар, 1991, с. 126).

Подводя итог полученным наблюдениям, можно констатировать следующее. В комплексе ЛК поздних скифов Крыма зарубинецкие культурные элементы появились в результате прямых контактов

жителей полуострова с этнически неоднородным кельтизированным населением Верхнего и Среднего Поднепровья, а также опосредованно — от поздних скифов Нижнего Днестра.

Установление прямых связей, которые первоначально носили двухсторонний характер и развивались между обитателями Центрального Крыма и Верхнего Поднепровья, произошло в конце II в. до н. э., но еще до походов Диофанта. После «диофантовых войн», насколько можно судить по публикациям, эти связи упрочились и расширились (помимо Центрального Крыма «зарубинецкие» фибулы фиксируются и в Северо-Западном Крыму), но при этом они стали односторонними (по линии Приднепровье — Крым).

На рубеже эпох ряд зарубинецких керамических форм мог появиться при посредничестве поздних скифов Нижнего Приднепровья, но распространение многих новых типов обусловлено последней и наиболее активной инфильтрацией «зарубинцев», проникавших в это время как в северо-западную и центральную, так и в юго-западную часть Таврики. В связи с этим, можно говорить о том, что с распадом в середине — третьей четверти I в. н. э. «классической» зарубинецкой археологической культуры, ее население мигрировало не только на запад и восток — в Побужье и Подесенье (Славяне..., 1993, с. 43, 52), а и на юг — в Крым.

В дальнейшем латенизированные переселенцы и их потомки, инкорпорированные в структуру варваров Крымской Скифии, разделили судьбу ее полиэтнического населения.

Литература

- Абашина Н. С., Гороховский Е. Л. Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III // Археологія. 1975. Вип. 18.
- Абезгауз Г. Г., Еременко В. Е., Журавлев В. Г., Каргопольцев С. Ю. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. СПб., 1992.
- Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1993.
- Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. Открытые сосуды // МИА. 1965. №127.
- Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса. Горшки // МИА. 1969. №154.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Танаис IV–V вв. н. э. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6.
- Бураков А. В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К., 1976.

Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. I.

Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К., 1972.

Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. К., 1979.

Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Вязьмитина М. І. Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. К., 1962.

Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. К., 1972.

Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи "готских походов" (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Гребенников Ю. С., Гребенников В. Б., Магомедов Б. В. Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К., 1982.

Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // АИЮВЕ. М., 1974.

Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // АИЮВЕ. Вып. 54. М., 1982. Вып. 54.

Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА. 1958. №64.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. Вып. Д1–7.

Еременко В. Е., Журавлев В. Г. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. СПб., 1992.

Еременко В. Е., Щукин М. Б. Кимвры, тевтоны, кельтоскифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. СПб., 1992.

Зубар В. М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. №1.

Каменецкий И. С. Сероглиняные миски Пашковского VI городища // Боспорский сборник. 1994. Вып. 5.

Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.

Корпус боспорских надписей. М. Л.: Наука, 1965.

Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 1972. Вип. 6.

Корпусова В. М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. Вип. 8.

Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. 1954. №33.

Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. К., 1989.

Кубишев А. И., Скиба Л. Е. Пироговский могильник // Археология. 1989. №2.

Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. К., 1972.

Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. К., 1982.

Максимов Е. В., Циндровська Л. О. Зарубинецкий могильник у с. Григорівка на Дніпрі // Археологія. 1995. №3

Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н. э. (по материалам лепной керамики). Л., 1988.

Обломский А. М. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н. э. // РА. 1994. №2.

Пачкова С. П. Методика хронологізації кераміки зарубинецької культури // Археологія. 1991. №1.

Пачкова С. П. Зарубинецька та поморська культури (порівняльний аналіз керамічних комплексів) // Археологія. 1995. №3.

Погребова Н. Н. Позднескифские городища на нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. №64.

Попова Е. А. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991.

Пуздровський О. І. Охоронні роботи на скіфському городищі Кермен-Кир // Археологія. 1989. №2.

Симоненко А. В. Сарматы Таврии. К.: Наук. думка, 1993.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М., 1993.

Трейстер М. Ю. Кельти у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. №4.

Уженцев В. Б. Постройка типа мегарон из раскопок Калос-Лимена // БИАС. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I.

Храпунов И. Н. О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1990.

Храпунов И. Н., Власов В. П., Молодцов О. Э., Мульд С. А. Позднескифское поселение Золотое Ярмо // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: 1994.

Resume

Vlasov V. P. About Zarubinetz Forms in Assemblage of Ceramics of the Late Scythians in the Crimea.

The article is devoted to the hand-made ceramics from the Late-Scythian sites in the Crimea, the genesis of which was connected with Zarubinetz archaeological culture. Taking comparative and typological analysis of 29 items of different

categories (tureens, pots, mugs, scoops, cups, saltcellars, and artifacts of specific functions) into account one could make a decision that Zarubinsk forms appeared in assemblage of hand-made ceramics from Taurica as a result of direct contacts of the peninsula's dwellers with multiethnic population of Upper and Middle Dnieper region being under the influence of the Celts, and also indirectly from the Late Scythians living at the Lower Dnieper region.

Contacts between the Crimean Scythians and bearers of Zarubinsk culture were established in the Hellenistic period, were strengthened at the Ages of Diophantos' Wars, climaxed at the edge of the era, and interrupted after Zarubinsk culture ceased to exist. These contacts were two-sided (between the Upper Dnieper region and the Crimea) in the end of the 3rd – 2nd century BC, however later on they became one-sided when coming to the peninsula Latinized migrants were being incorporated into the community of dwellers of Late Scythian settlements.

В. В. Кропотов

ПОГРЕБЕНИЕ С ФИБУЛОЙ СРЕДНЕЛАТЕНСКОЙ СХЕМЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ

Некрополь Нейцац расположен в Центральном Крыму на правом берегу р. Зуя в 1 км к юго-востоку от с. Баланово Белогорского района. Памятник был открыт в 1927 г., когда Н. Л. Эрнст исследовал три склепа, разрушенные крестьянами. В 1957 и 1969 гг. еще три склепа изучила экспедиция Института археологии АН УССР (Высотская, Махнева 1983, с. 73–79). С 1996 г. на могильнике проводятся планомерные раскопки экспедицией Таврического Национального университета. Всего исследовано 150 погребальных сооружений, составляющих два хронологических горизонта, датированных соответственно второй половиной или концом II – первой половиной III и концом III – IV вв. н. э. (Храпунов 1998, с. 230–236; Храпунов 1999, 262–268; Chrapunow 1999, Abb. 107–112). В данной статье публикуется могила №82, представляющая, как будет показано ниже, особый интерес.

Могила имела вид подпрямоугольной в плане ямы, ориентированной с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Ее размеры 2,6 x 0,8 м, глубина 1,75 м от современной дневной поверхности (1,15 м от уровня материка). В длинных стенах могилы на высоте 0,65–0,75 м от дна были вырублены пазы глубиной и высотой до 0,15 м. Они сохранились в восточной части могилы на протяжении 1,2 м. В пазы были вставлены концы плит, перекрывавших могилу. Многие плиты рухнули вниз, частично деформировав при этом пазы (рис. 1).*

* В западной части могила №82 была перекрыта объектом №77, представлявшим собой недостроенное погребальное сооружение.

Погребение совершено на 0,05 м земляной подсыпке в вытянутом положении на спине головой на восток-северо-восток, ноги плотно сжаты в щиколотках, кисть левой руки (правая не сохранилась) лежала на тазовых костях. В изголовье погребенного находилась кость животного. На месте шеи расчищены бусы: шаро-

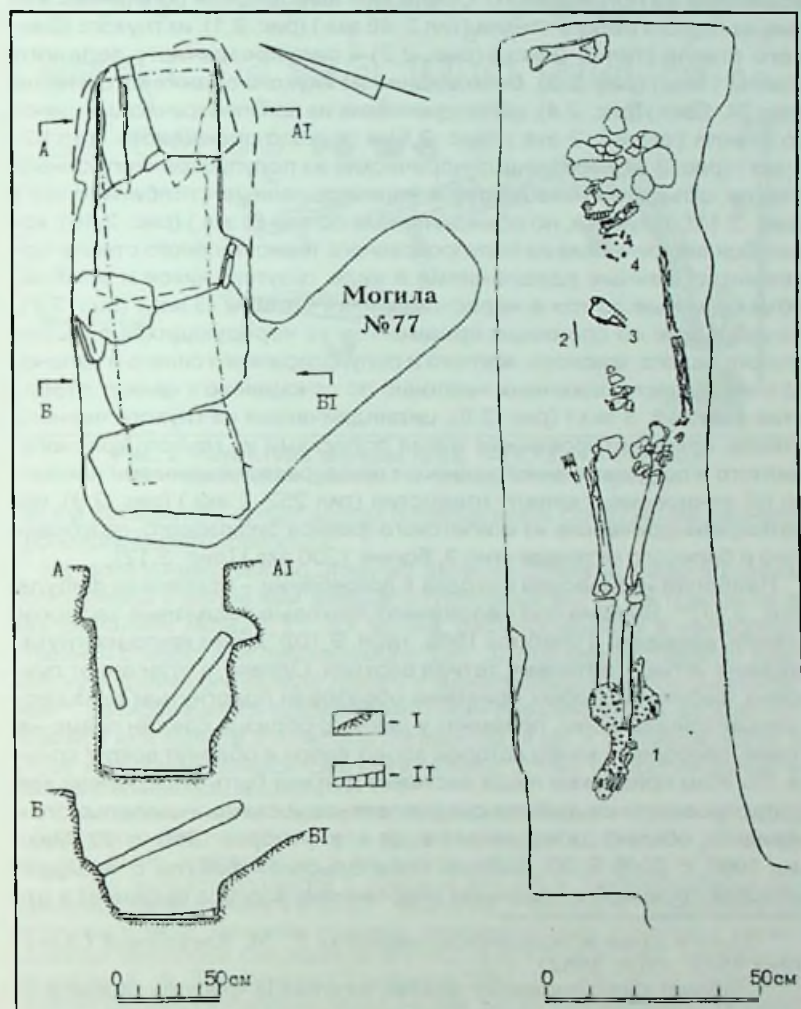

Рис. 1. План и разрезы могилы №82. I – материк; II – грунтовая подсыпка. 1,4 – бусы; 2 – бронзовая игла; 3 – бронзовая фибула.

видные поперечносжатые из глухого белого стекла (тип 2*, 4 экз.) (рис. 2, 14), бочковидная из того же материала (тип 21) (рис. 2, 13) и цилиндрические гагатовые (тип 26–27а, 104 экз.) (рис. 2, 15). На груди обнаружены бронзовые фибула (рис. 2, 17) и игла (рис. 2, 16). У берцовых костей найдено множество бус, которыми, видимо, был обшит подол платья погребенного. Среди них: шаровидные поперечносжатые из глухого белого стекла (тип 2, 46 экз.) (рис. 2, 1), из глухого красного стекла (тип 3, 2 экз.) (рис. 2, 2) и полупрозрачного зеленого (тип 4, 1 экз.) (рис. 2, 3), бочковидная из глухого оранжевого стекла (тип 24, 1 экз.) (рис. 2, 4), цилиндрические из полупрозрачного зеленого стекла (тип 63, 2 экз.) (рис. 2, 5) и глухого оранжевого (тип 62, 1 экз.) (рис. 2, 8), короткоцилиндрические из полупрозрачного синего стекла, объединенные по две в нерасчлененные столбики (6 экз.) (рис. 2, 11), такие же, но объединенные по три (3 экз.) (рис. 2, 10), короткоцилиндрические из полупрозрачного темно-зеленого стекла, орнаментированные вдавлениями в виде треугольников и ромбов, объединенные по три в нерасчлененный столбик (3 экз.) (рис. 2, 7), бочковидные со спаянным орнаментом из чередующихся полосок глухого белого, красного, желтого и полупрозрачного синего и зеленого стекла, расположенных наклонно по отношению к каналу отверстия (тип 249, 3 экз.) (рис. 2, 6), цилиндрическая из глухого черного стекла, орнаментированная тремя полосками из глухого красного, желтого и полупрозрачного синего стекла, расположенными наклонно по отношению к каналу отверстия (тип 252, 1 экз.) (рис. 2, 9), короткоцилиндрические из египетского фаянса бирюзового, голубоватого и белесого оттенков (тип 9, более 1200 экз.) (рис. 3, 12).

Наиболее интересная находка в погребении – бронзовая фибула (рис. 3, 17)**. Внешне она напоминает лучковые подвязные застёжки I серии, варианта 4 (Амброз 1966, табл. 9, 10): дужка круто изогнута, пружина четырехвитковая, тетива верхняя. Однако, в отличие от лучковых фибул, у которых приемник образован подогнутым вниз свободным концом ножки, приемник у данного образца сделан прямо на ножке, свободный конец которой загнут вверх и обернут вокруг спинки. По этим признакам наша застёжка должна быть определена как гладкопроволочная фибула среднелатенской схемы «неапольского» варианта, обычно датируемая I в. до н. э. (Амброз 1966, с. 22; Михлин 1980, с. 200). Б. Ю. Михлин «неапольские» фибулы с четырехвитковой пружинкой и плавными очертаниями корпуса выделяет в от-

* Здесь и далее используется типология Е. М. Алексеевой (Алексеева 1975; 1978; 1982).

** Атомно-абсорбционный анализ материала фибулы, проведенный в Крымском отделении Украинского государственного геолого-разведочного института, дал следующие результаты (масс. %): Cu – 86,9; Sn – 11,6; Fe – 1,4; Pb – 0,04; Zn – 0,02.

дельный «беляусский» вариант, но датирует их также I в. до н. э. (Михлин 1980, с. 201). Такая дата вряд ли приемлема для данного комплекса. Могила №82 на некрополе топографически не выделя-

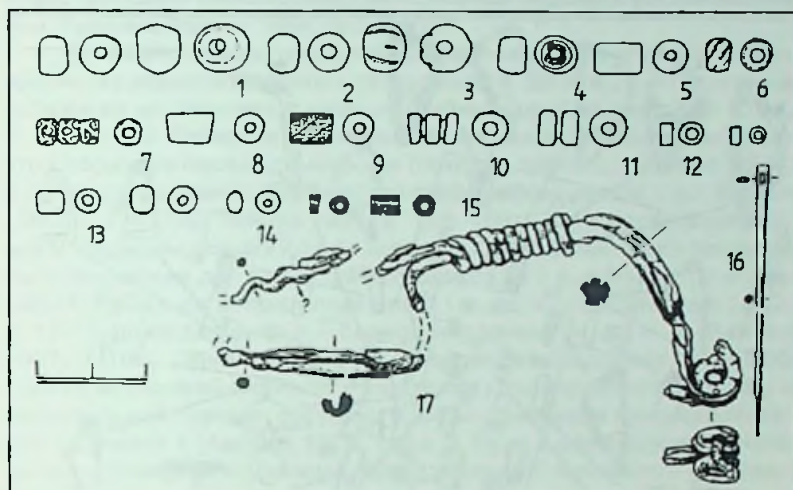

Рис. 2. Инвентарь могилы №82. 1–11, 13, 14 – стекло; 12 – египетский фаянс; 15 – агат; 16–17 – бронза.

лась и находилась среди других погребальных сооружений раннего хронологического горизонта.

На могильнике Нейзац, помимо данного объекта, пазы в стенах прослежены у более чем двадцати грунтовых могил*, в том числе в захоронениях №№27, 71, 83, 90–94, расположенных в непосредственной близости от публикуемого (рис. 3). Все они составляют компактную хронологическую группу с однотипным в целом инвентарем**, датирующимся позднесарматским временем, т. е. второй половиной или концом II – первой половиной III вв. н. э. Несомненно, к этому же периоду относится и могила №82. Этому не противоречат и

* Каменные плиты перекрытия отмечены только в могиле №82, в остальных же захоронениях перекрытие отсутствовало. Вероятно, оно было деревянным и до наших дней не сохранилось.

** Это зеркала-подвески с боковой петлей и тамгообразным орнаментом на обратной стороне, браслеты с концами, ornamentированными в виде змеинных головок, краснолаковые тарелки с вертикальным бортиком (вариантов 3-Г-III, 3-Д-III и 3-Д-IV по классификации А. А. Труфанова (Труфанов 1997, с. 188–190)), огромное количество бус различных форм (в том числе 14-гранных), которые составляли ожерелье и обшивку платья, разнообразные фибулы (в первую очередь лучковые подвижные I серии 4-го варианта), колокольчики и т. д.

происходящие из нее бусы. Все они бытуют очень долго: либо в течение первых веков нашей эры (рис. 3, 5, 6, 9, 13) (Алексеева 1978, с. 47, 65, 67), либо даже всю античную эпоху (рис. 3, 1–3, 12, 14, 15)

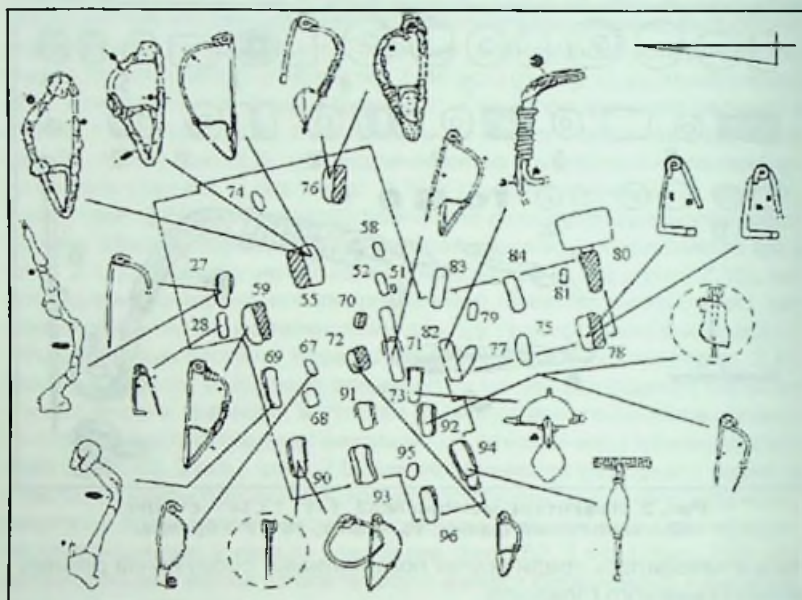

Рис. 3. План Центрального раскопа могильника Нейзац с указанием фибульных находок (раскопки 1996–1999 гг.).

(Алексеева 1975, с. 32; Алексеева 1978, с. 14, 63, 65). Более или менее узко, I – II вв. н. э., Е. М. Алексеева датирует только бусы, сделанные из глухого оранжевого стекла (рис. 3, 4, 8) (Алексеева 1978, с. 65, 67).

Столь поздняя дата нейзацкого комплекса затрагивает вопрос о времени бытования в Северном Причерноморье фибул среднелатенской схемы. Публикуемый образец отнюдь не единственный в своем роде. Такие изделия уже встречались в погребениях первых веков нашей эры. Так, в могиле №80 некрополя Нижне-Гниловского городища экземпляр «неапольского» варианта был встречен вместе с лучковой подвязной фибулой I серии 3-го варианта и двумя фибулами с кнопкой на конце пластинчатого приемника [группа 12 вариант 4 по классификации А. К. Амброза (Амброз 1966, с. 44, табл. 5, 9)].* Еще одна застежка среднелатенской схемы происходит из погребения

* Благодарю за информацию В. П. Глебова.

ния 4 могильника у с. Холмское, где она была встречена вместе с браслетами с концами, орнаментированными в виде змеиных головок, и ведерковидными подвесками, датируемыми в соответствии с существующими хронологическими схемами первыми веками нашей эры (Гудкова, Фокеев 1984, рис. 2, 11).*

А. К. Амброз гладкопроволочные застёжки скрепленной конструкции («среднелатенские») датировал I в. до н. э., считая, что на рубеже эр их сменяют лучковые подвязные (Амброз 1966, с. 44, с. 13, 55–56). Раскопки последних 30 лет дали большое количество образцов переходных форм (Михлин 1980, с. 200–201, 206), появились и совместные находки фибул обоих типов (Гей, Бажан 1990, с. 134–142; Зайцев 1997, с. 156–166). Эти и некоторые другие материалы послужили основанием для удреждения времени возникновения лучковых фибул до конца I в. до н. э. (Михлин 1980, с. 205), до второй половины I в. до н. э. (Трейстер 1982, с. 151) и даже до конца II – первой половины I в. до н. э. (Зайцев 1997, с. 166). Однако новые данные свидетельствуют скорее об обратном. По всей видимости, застёжки среднелатенской схемы в значительной степени сосуществовали с ранними лучковыми (серия I вариант 1 (Амброз 1966, табл. 9, 1)), а в единичных случаях даже переживали их (экземпляры из Нижне-Гниловского и Холмского).

Фибула из могилы №82 Нейзацкого некрополя – наиболее поздняя находка изделий этого типа. Она очень похожа на лучковые фибулы I серии 4-го варианта, широко бытовавшие в позднесарматское время, и, явно, сделана тогда же. По каким-то причинам мастер

* Некрополь у с. Холмское – грунтовый позднесарматский. Могила №4 выделялась инвентарем и деталями погребального обряда среди других его захоронений, поэтому А. В. Гудкова и М. М. Фокеев предположили, что это погребение более раннее, подкурганное, с полностью распаханной к началу раскопок насыпью. По фибуле исследователи датировали его I в. до н. э. (Гудкова, Фокеев 1984, с. 21–23). Однако следует отметить, что раннесарматские погребальные памятники Северного Причерноморья – впускные в простых подпрямоугольных ямах с северной ориентировкой и концентрируясь, в основном, на Левобережье Днепра и на Донбассе (Симоненко 1993, рис. 28; Симоненко 1999, рис. 1.1). Погребение из Холмского выделяется среди них не только территориально, но и культурно. Оно совершено в могиле с “запечниками” головой на юго-запад под индивидуальной курганной насыпью (?), что объединяет его в одну группу с памятниками типа Молочанского, Подгородненского и Усть-Каменского могильников, возникших не ранее середины – второй половины I в. н. э. (Симоненко 1997, с. 400; Симоненко 1999, с. 66). Таким образом, дата погребения 4 некрополя у с. Холмское – вторая половина I или первая половина II в. н. э.

изменил лишь конструкцию ее ножки, используя архаическую схему

Публикуемая застежка уникальна и пока не имеет аналогий на синхронных памятниках.

Литература

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12, Москва, 1975.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12, Москва, 1978.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12, Москва, 1982.

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. САИ. Вып. Д1–30, Москва, 1966.

Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму. // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.

Гей О. А., Бажан И. А. К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника у с. Красный Маяк. // Проблемы скифо-сарматской археологии. Москва, 1990.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I – IV вв. н. э. Киев, 1984.

Зайцев Ю. П. Склеп №390 Усть-Альминского позднескифского некрополя. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1, Симферополь, 1997.

Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника. // СА. 1980, №3.

Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Симоненко А. В. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этно-политическая история. Дисс... докт. ист. наук, Киев, 1999.

Трейстер М. Ю. Фибулы из Горгиппии. // Горгиппия. Вып. II, Краснодар, 1982.

Труфанов А. А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма). // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1, Симферополь, 1997.

Храпунов И. Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму. // МАИЭТ. Вып. VI, Симферополь, 1998.

Храпунов И. Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму. // Проблемы скифосарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.

Chrapunow I. Taurer, Skythen, Sarmaten und Alanen. // Unbekannte Krim. Heidelberg, 1999.

Resume

Kropotov V. V. The Burial with a Fibulae of Mid-Latin Constructive Scheme from Neizats Cemetery.

On the burial ground of Neizats located in the Central Crimea 1 km to the south-east from Balanovo village of Belogorsk administrative region 150 funeral structures were investigated. They compose two chronological groups dating back from the end of the 2nd to the first half of the 3rd century AD, and 4th century AD respectively. Grave # 82 being published in the paper belongs to the earlier chronological horizon of the cemetery. It is rectangular in plan with grooves in long walls; covering slabs were put in to grooves. Buried person lay on the back, the head was oriented to the east-north-east.

Fibula of Mid-Latin constructive scheme, «Neapolis» variant, which usually date to the 1st century BC, proved to be the most interesting find from the grave. Items of the type were not known in such later assemblages until now. Publishing item is similar to bow-shaped fibulae of the 1st series, 4th variant in A. C. Ambroz's typology, which were being used widely through the Late Sarmatian period. For some reason the craftsman changed the construction of fibula's foot using an archaic scheme of it. This brooch is the unique one and for the time being possesses no analogies at synchronous sites.

A. B. Белый

РАСКОПКИ УСАДЬБЫ НА ГОРОДИЩЕ КЫЗ-КЕРМЕН КОМПЛЕКС ПОСТРОЕК №3, 4, 7

В 1983, 1984 и 1994 гг. на усадьбе VIII–IX вв. вблизи оборонительной стены городища раскрыты постройки №3 и 4 с прилегающей с запада территорией двора. В отличие от удаленных друг от друга построек 1 и 2 (Белый, Назаров 1992, с. 132–142; Белый 1993, с. 49–58) они расположены почти рядом. На раннем этапе существования усадьбы к постройке №3 примыкал с запада небольшой огражденный дворик — постройка №7 (рис. 1).

Стратиграфическая ситуация в целом довольно проста (рис. 2–5) и аналогична прослеженной в раскопах 1981 и 1982 гг. Образовавшийся в результате обрушения стен слой завала на расстоянии нескольких метров от кладок переходит в ровный гумусно-дерновый горизонт с включением единичных, местами образующих россыпи, бутовых камней. За пределами помещений за период жизни поселения отложился темновато-серый гумусированный слой мощностью до 0,5 м. На значительной площади раскопа он залегал на поверхности светлого желтовато-серого стерильного суглинка, в западной части — прямо на скале. На пространстве, занятом суглинком и вблизи

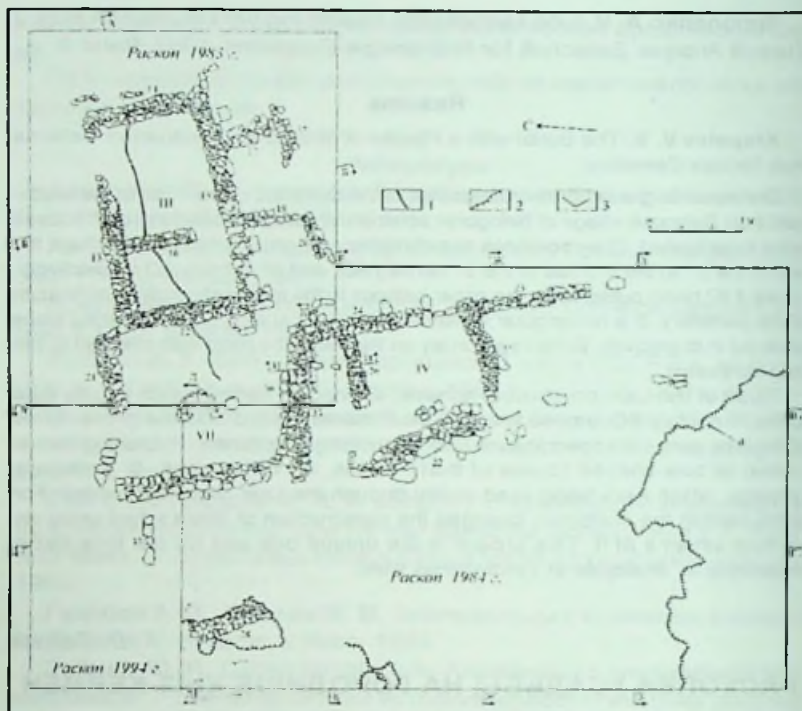

Рис. 1. Участок раскопок 1983, 1984 и 1994 гг.
 План. III, IV, VII — номера построек; 12–28, 35–37 — номера кладок;
 а — местонахождение фрагментов человеческого черепа;
 А–А — К–К — стратиграфические и архитектурные разрезы.
 1 — тектоническая трещина; 2 — скальные уступы; 3 — подрубки и
 вырубки в скале.

него, выделяется промежуточный горизонт — коричневатый-серый гумусированный суглинок. Судя по однородному археологическому материалу и плавности перехода — с постепенно увеличивающимся к низу содержанием глинистого компонента — его можно рассматривать как нижний пласт второго слоя. Вдоль западной стенки раскопа, в понижениях скалы, отложился коричневый предматериковый суглинок, подстилающий слой VIII–IX вв.

Стены построек сложены из местного мшанкового известняка на желтовато-сером суглинистом растворе в обычной для Кыз-Кермена технике трехслойной двухлицевой бутовой кладки с нерегулярно выдержанной порядовкой. Для панцирей использовался более крупный, изредка слегка подтесанный камень от 0,2 до 0,5 м в поперечнике, в забутовке — мелкий.

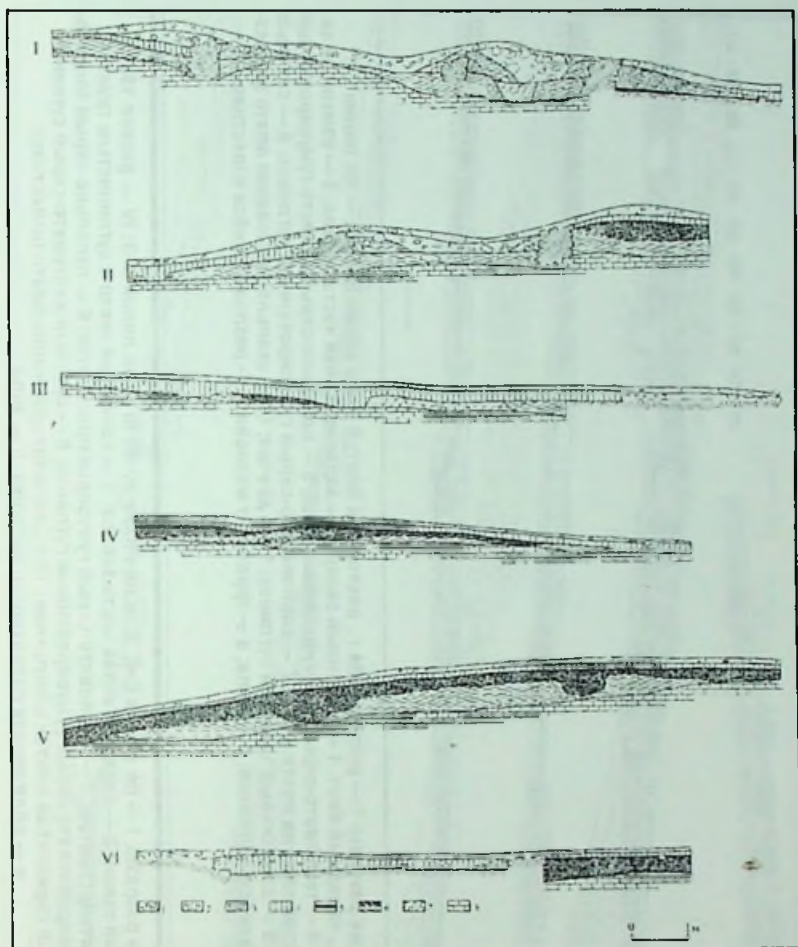

Рис. 2. Раскоп 1983 г. Стратиграфические разрезы.

- I — по линии А-А; II — по линии Б-Б; III — южный борт раскопа;
 IV — восточный борт раскопа; V — северный борт раскопа;
 VI — западный борт раскопа. 1 — каменный завал; 2 — задернованная
 часть завала; 3 — каменный завал с суглинистым грунтом;
 4 — темновато-серый гумусированный слой; 5 — углисто-зольная
 прослойка; 6 — коричневатого-серый гумусированный суглинок,
 переходящий книзу в светлый желтовато-серый суглинок;
 7 — темный гумус; 8 — скальное основание плато (известняк).

Соотношение слоев и строительных остатков рассмотрим при описании построек.

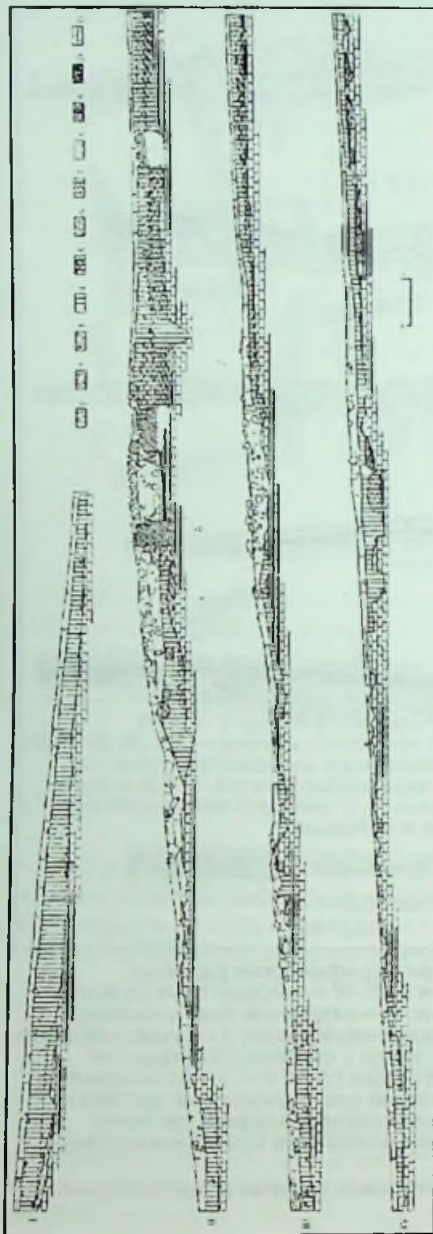
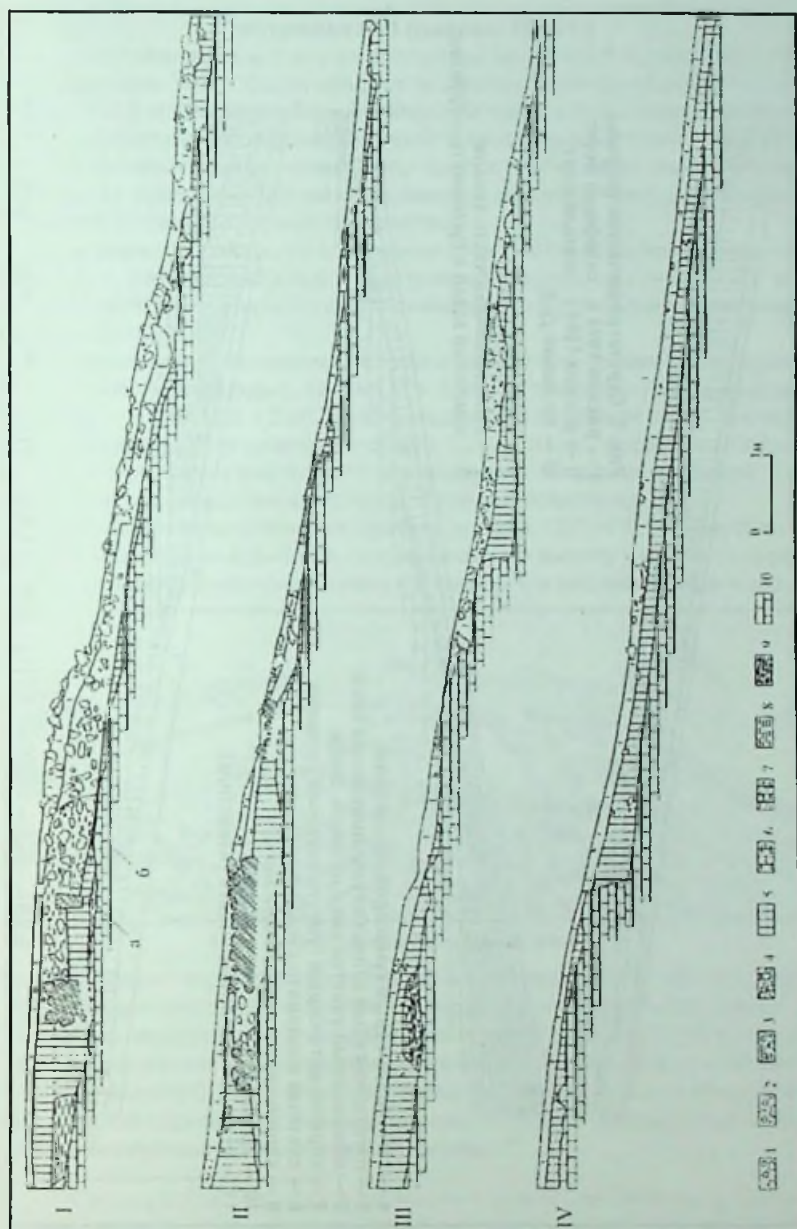
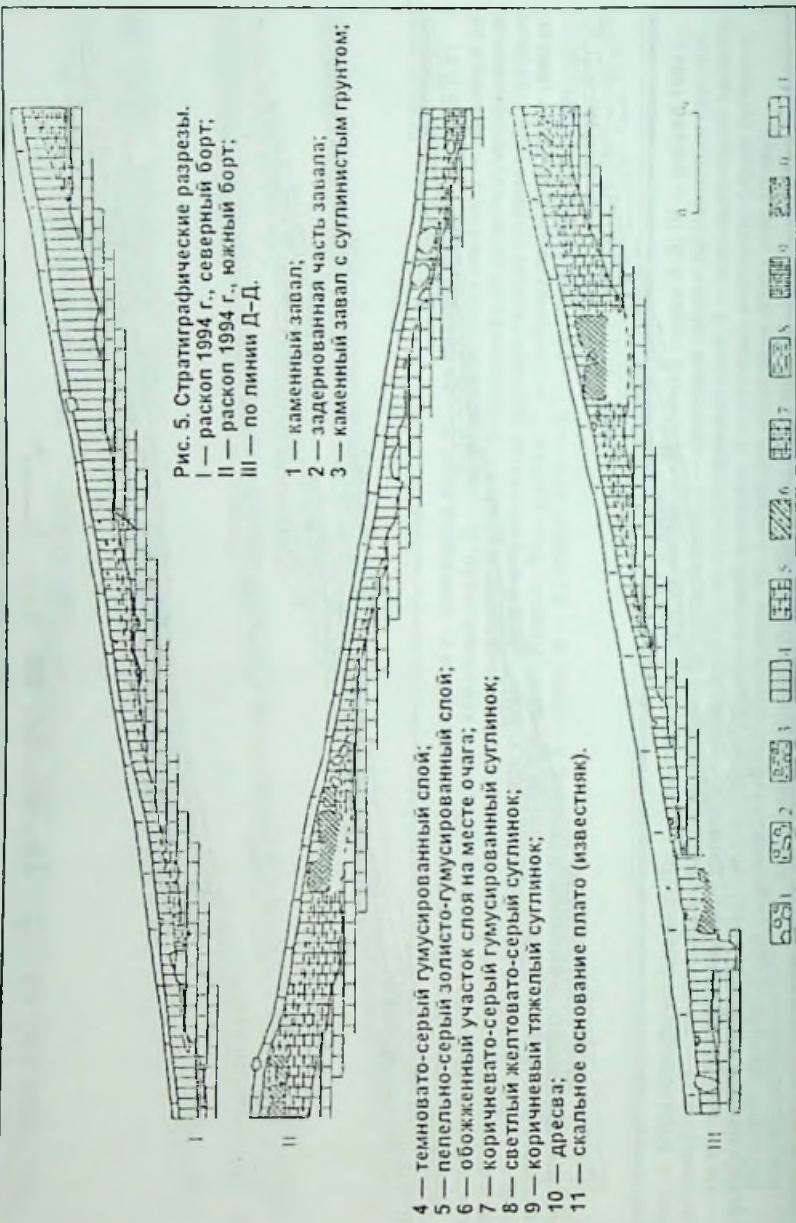

Рис. 3. Стратиграфические разрезы. I — раскоп 1984 г., восточный борт; II — по линии В-В; III — по линии Г-Г; IV — раскопы 1984 и 1994 гг., западный борт. 1 — каменный завал; 2 — задерживающая часть завала; 3 — каменный завал с суглинистым грунтом; 4 — темновато-серый гумусированный слой; 5 — пепельно-серый золисто-гумусированный слой; 6 — обожженный участок слоя на месте очага; 7 — коричневатого-серый гумусированный суглинок; 8 — светлый желтовато-серый суглинок; 9 — коричневый тяжелый суглинок; 10 — древес; 11 — скальное основание плато (известняк); а — обожженная поверхность суглинка; б — зола; в — фрагмент жернова; г — разложившийся известняк.

Рис. 4. Стратиграфические разрезы. I — по линии Е-Е; II — по линии Ж-Ж; III — по линии 3-3; IV — раскоп 1984 г., южный борт. 1 — каменный завал; 2 — задерживающая часть завала; 3 — каменный завал с суглинистым грунтом; 4 — каменный завал с золистым грунтом; 5 — темновато-серый гумусированный слой; 6 — пепельно-серый золисто-гумусированный слой; 7 — коричневатого-серый гумусированный суглинок; 8 — светлый желтовато-серый суглинок; 9 — элювиальный горизонт из плиток шепушения; 10 — скальное основание плато (известняк); а — обожженная поверхность суглинка; б — зола.

Постройка №3 (раскоп 1983 г.)

Расположена в 5 м к югу от постройки №1 и в 4,5 м к юго-востоку от постройки №2. Общая мощность напластований на раскопе достигала 1,2 м. Задернованный в верхней части слой завала высотой до 0,8 м состоял из среднего и мелкого бутового известняка и рыхлого темно-серого гумусированного грунта. Непосредственно перед кладками пространство между камнями заполнял разрушившийся желтовато-серый суглинистый раствор.

Под завалом раскрыто основание стен прямоугольной постройки (рис. 6–8) размером 8 x 4,5 м (внутренние параметры — 6,6 x 3,2 м), ориентированной широтно с отклонением от оси запад-восток к северу (азимут 72°).

Поперечным простенком постройка разделена на два помещения: восточное — площадью 12,8 м² (4 x 3,2 м) и в половину меньшее западное — 6,4 м² (3,2 x 2 м). Вход находился в северной стене, в кладке которой имеется разрыв шириной 1,2 м. Откосы проема не сохранились. Проход из восточного помещения в западное шириной 1 м был устроен между южной стеной и торцом простенка.

Длина западной стены постройки (кладка 12)* — 5,1 м (внутри — 3,2 м), толщина — 0,5–0,6 м, сохранилась на высоту 0,6–1 м (3–5 рядов). Она сильно наклонена наружу: смещение верхнего ряда кладки

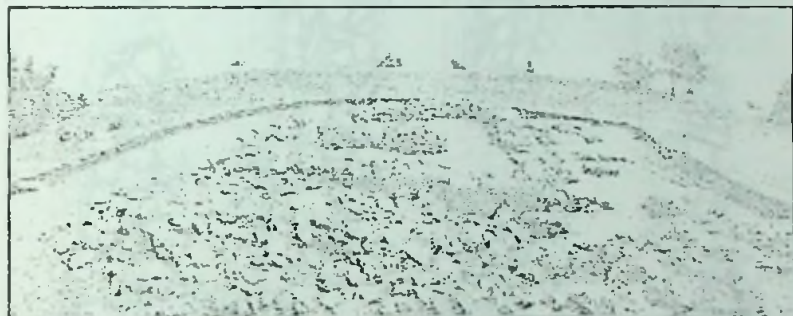
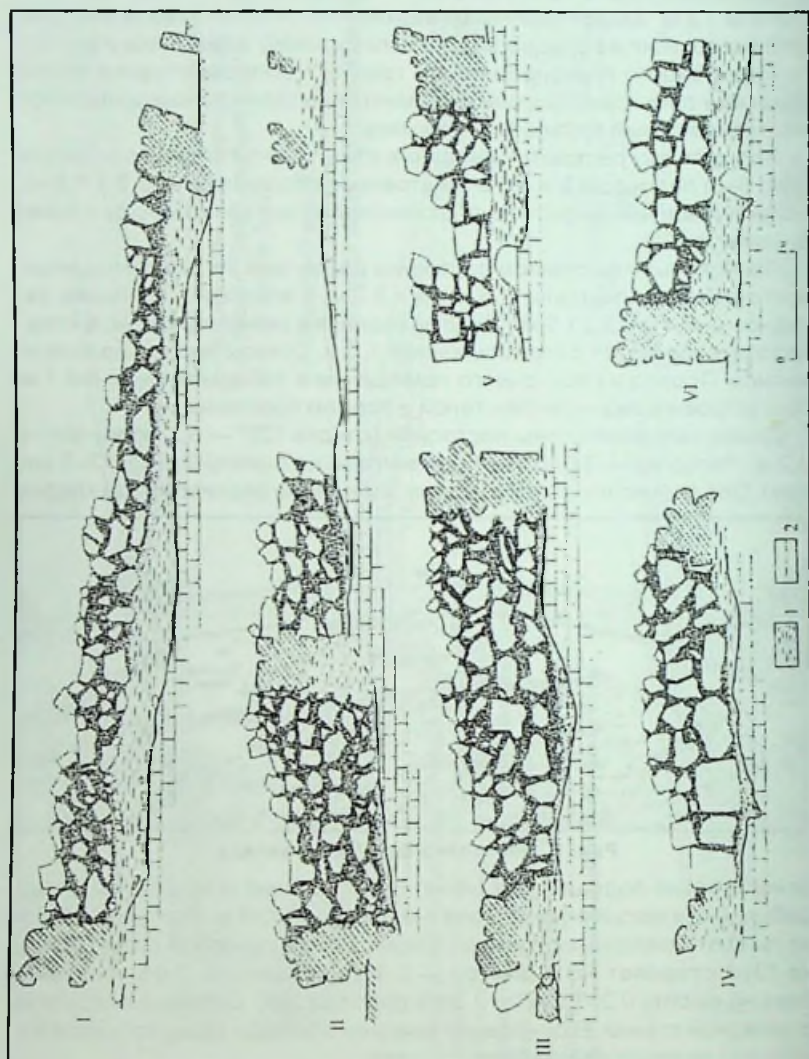

Рис. 6. Постройка №3. Вид с запада.

относительно подошвы достигает 0,2 м. Южный конец стены с подработанным массивным камнем в основании угла выступает на 0,3 м за линию переложенной южной стены. Длина северной стены (кладка 13) составляет 7,8 м (внутри — 6,4 м), толщина — 0,6 м, сохранилась на высоту 0,2–1,2 м (от 1 до 6 рядов камня). Сложена вперевязь с западной стеной. В основании внешнего северо-западного угла поставлен крупный плитообразный камень.

* Снодная для усадьбы нумерация кладок соответствует последовательности раскрытия построек.

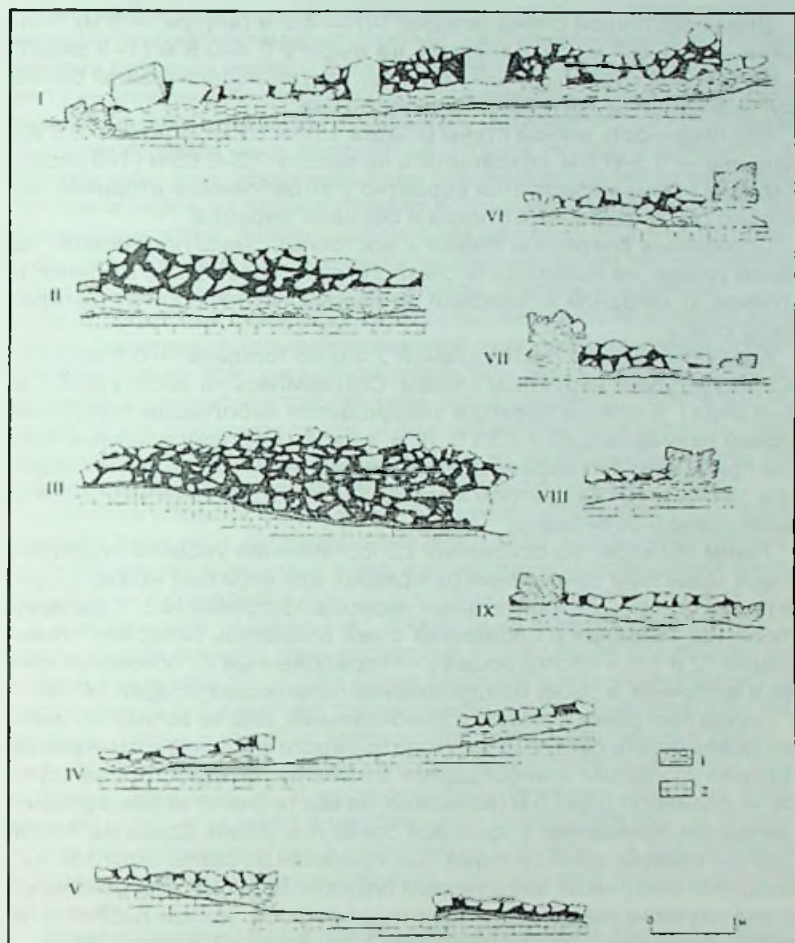

Рис. 8. Постройка №3. Наружная фасировка стен. I — кладка 15, южный фас; II — кладка 14, восточный фас; III — кладка 13, северный фас; IV — кладки 20, 18, южный фас; V — кладки 18, 20, северный фас; VI — кладка 17, восточный фас; VII — кладка 17, западный фас; VIII — кладка 19, восточный фас; IX — кладка 19, западный фас. 1 — светлый желтовато-серый суглинок; 2 — скальное основание плато (известняк).

← Рис. 7. Постройка №3. Внутренняя фасировка стен. I — кладка 15, северный фас; II — кладка 13, южный фас; III — кладка 12, восточный фас; IV — кладка 14, западный фас; V — кладка 16, восточный фас; VI — кладка 16, западный фас. 1 — светлый желтовато-серый суглинок; 2 — скальное основание плато (известняк).

Длина восточной стены (кладка 14) — 4,2 м (внутри — 3 м), толщина — 0,6–0,7 м, сохранилась на высоту 0,4–0,8 м (1–3 ряда). С внутренней стороны в нижнем ряду кладки использованы более крупные камни до полуметра в поперечнике.

Протяженность южной стены (кладка 15) — 7,2 м (внутри — 6,6 м), толщина — 0,5–0,6 м, сохранилась на высоту 0,2–0,65 м (1–3 ряда). В кладке стены выделяются вероятно употребленные вторично несколько грубо отесанных блоков и обломок жернова.

Сложенные вперевязь южная и восточная стены поставлены на одном уровне, на поверхности светлого желтовато-серого суглинка, в отличие от западной и северной, впущенных в этот слой до материковой скалы.

Кладка простенка (№16) длиной 2,4 м по толщине — 0,5 м — несколько уступает наружным стенам. Сохранилась на высоту до 0,7 м (1–4 ряда). В откосе прохода завершается небольшим торцовым блоком размером 0,45 x 0,3 x 0,16 м, а своим противоположным концом примыкает без перевязи к северной стене. Так же как и кладки 14 и 15 она стоит на светлом желтовато-сером суглинке на 0,2–0,4 м выше поверхности скапы.

Таким образом, на основании сопоставления уровней подошвы стен и характера сочленения (вперевязь или впритык) можно выделить два основных строительных периода постройки №3. К раннему относятся западная и сложенная с ней вперевязь северная стены (кладки 12 и 13), к последующему — переложенные от основания южная и восточная, а также междуканальная перегородка (кладки 14–16).

Полом постройки служила горизонтальная, слегка загумусированная поверхность светлого желтовато-серого суглинка, отмеченная мелкими угольками и небольшими зольными пятнами. Более крупное — размером 0,6x0,5 м (возможно, на месте очага) зафиксировано в западном помещении, у торцовой стены постройки. Здесь же, почти в центре камеры, слой суглинка был прорезан до скалы округлой, сужающейся книзу ямой, заполненной гумусом. Возможно первоначально она служила гнездом для установки пифоса, так как поблизости найден фрагмент известняковой крышки. Верхний диаметр ямы — 0,7 м, у дна — 0,4 м, глубина — 0,55 м. Еще одна неглубокая выемка в суглинке прослежена также в восточном помещении.

Находки, обнаруженные среди завала, отражают заключительный этап существования усадьбы и представлены в основном обломками керамики. Кроме этого, в восточном помещении найден кусок жернова из конгломерата, а на подошве слоя завала в западном помещении и у внешнего юго-западного угла здания — фрагменты железных пластинчатых крестов (рис. 11, 1, 3). Археологически целые вещи или следы пожара, обычно сопутствующие внезапной гибели жилых комплексов, так же как и в постройке №2 здесь отсутствовали.

Как уже было сказано, за период жизни усадьбы за пределами помещений отложился темновато-серый гумусированный слой с включениями дресвы и мелкого бута. По мере перехода к нижнему горизонту — коричневатого-серого гумусированного суглинка — за счет увеличения примеси дресвы и глинистого материала слой приобретает усиливающийся книзу желтоватый оттенок. Наряду с керамикой и костями животных, происходящими преимущественно из верхнего горизонта, здесь на разных уровнях встречались угольки и отдельные зольные пятна. Индивидуальные находки (рис. 11, 2, 4, 6–10) представлены обломком и целым мергелевым пряслицем, миниатюрным известняковым, железными пробойником, стержнем и дужкой.

Во втором слое содержались остатки кладок от подсобных крохотных пристроек вдоль переложенной от основания южной стены. Следовательно, эти помещения появились здесь после ее восстановления и относятся к тому же (или последующему) строительному периоду. На заключительном этапе существования усадьбы пристроенные каморки были упразднены, а их разобранные стены сохранились фрагментарно на высоту 1–2 рядов (кладки 17–20).

С учетом обрыва стены у юго-западного угла дома, от которой уцелело лишь несколько камней нижнего ряда, здесь реконструируются три располагавшихся в ряд изолированных помещения: центральное — площадью $4,3 \text{ м}^2$ ($2,4 \times 1,8 \text{ м}$), восточное — $3,6 \text{ м}^2$ ($2 \times 1,8 \text{ м}$) и западное — около 4 м^2 . В каждой из крайних камер на полу, вдоль кладки южной стены постройки, лежал грубо обработанный средних размеров блок. Оба камня располагались симметрично на расстоянии 0,3–0,4 м от внутренних перегородок. Вероятно это подпятники опорных столбов перекрытия. Без существенных утрат, к сожалению, оказались только внутренние поперечные стены пристроек (кладки 17 и 19). И, насколько об этом можно судить по фрагментам остальных, вход в центральное помещение был устроен с юга (в юго-западном углу), в западное — с запада, а в восточном он мог располагаться либо в восточной, либо в южной несохранившихся стенах.

Археологический материал из каменного завала и нижележащего гумусированного слоя объединяется хронологическими рамками существования усадьбы. Учитывая однородность и естественное в условиях понижающегося рельефа переотложение находок, целесообразно суммарное рассмотрение керамического комплекса.

Не очень многочисленные обломки пифосов принадлежали в основном двум сосудам: толстостенному с массивным, треугольным в сечении венчиком, и другому — с более тонкими стенками, интенсивно-красным черепком и характерной примесью кварцевого песка в тесте.

Маловыразительные фрагменты круглодонных амфор (рис. 9, 1) представляют распространенные в VIII–IX вв. типы этой тары — с

бороздчатым корпусом или украшенных по тулову мелким зональным рифлением (рис. 30)

Из других форм гончарной посуды следует отметить верхнюю часть сосуда с плавно закругленным ребром ниже венчика и стенку кувшина с отломанной горизонтальной ручкой у дна (рис. 9.2.3)

Почти все кухонные горшки изготовлены с помощью примитивного ручного гончарного круга и скромно украшены по плечу одной или двумя врезными волнистыми линиями, иногда в сочетании с прямой (рис. 10, 1.4). Большинство горшков сформовано на круге с гладкой деревянной подставкой, иногда имевшей вырезанную на ней рельефную метку. Обе найденные в 1983 г. ремесленные метки — в виде птичьей лапы и креста на ромбе с продолжающимися книзу верхними сторонами (рис. 10.5.6) — идентичны обнаруженным в постройке №1. Фрагменты сосудов с использованием другого технологического

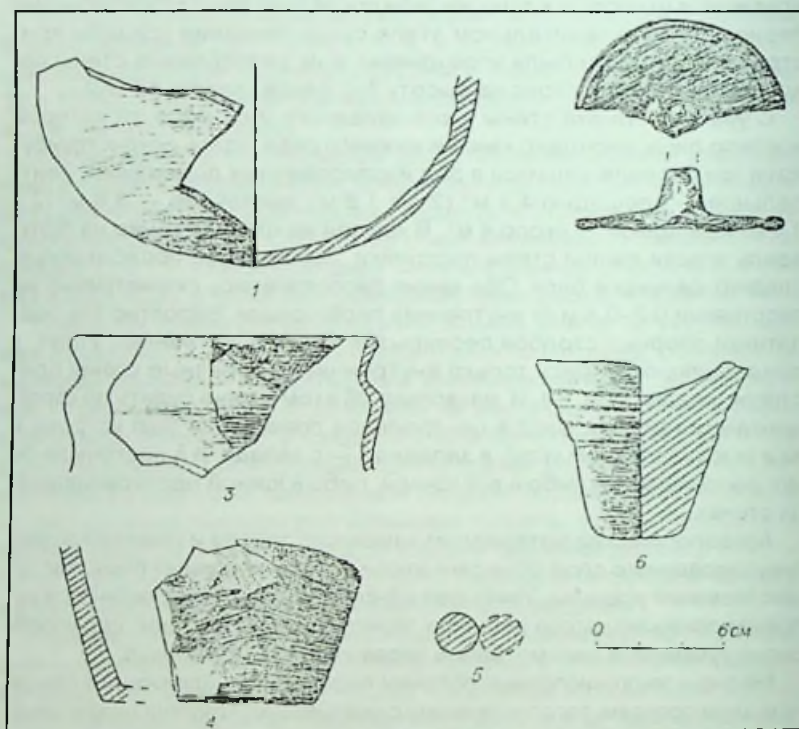

Рис. 9. Гончарная керамика и стекло (раскопки 1983 г.). 1 — фрагмент дна круглодонной амфоры, 2, 3 — фрагменты столовых сосудов, 4 — фрагмент стеклянной рюмки, 5 — фрагмент ручки амфоры рубежа н. э., 6 — ножка амфоры позднеримского времени.

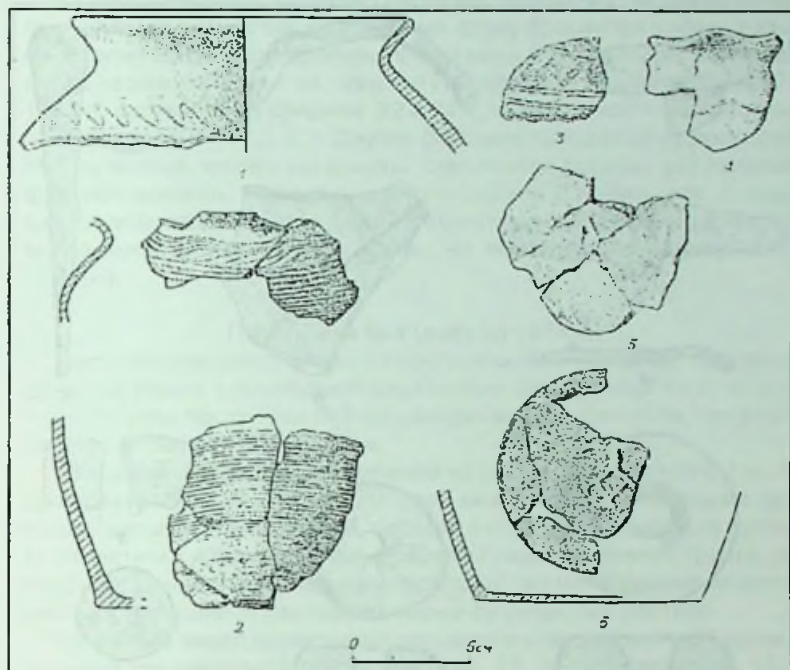

Рис. 10. Фрагменты кухонной посуды (раскопки 1983 г.).

кого приема — подсыпкой шамота на внешней стороне дна — встречались гораздо реже

Обломки горшков салтово-маяцкого типа, орнаментированные по плечу многорядной «волной» и сплошным грубоватым рифлением по тулову (рис. 10,2,3), составляют всего несколько процентов от общего количества кухонной посуды.

Кроме этого, отметим целое керамическое пряслице с радиальными нарезками (рис. 11,8) и редкие мелкие фрагменты черепицы (как правило, калиптеров и один керамиды)

Мощность стерильного в археологическом отношении нижнего слоя — плотного светлого желтовато-серого суглинка — достигала на раскопе 0,5 м. и, как уже сказано выше, в него были впущены до скалы кладки стен первого строительного периода. Добавим, что у наружной стороны переложенной восточной стены на подошве слоя зафиксировано скопление небольших камней (возможно, остатки первоначальной кладки) Севернее постройки, в суглинке, прослежены две округлые выемки глубиной около 0,35 м, заполненные и перекрытые нижним горизонтом второго слоя.

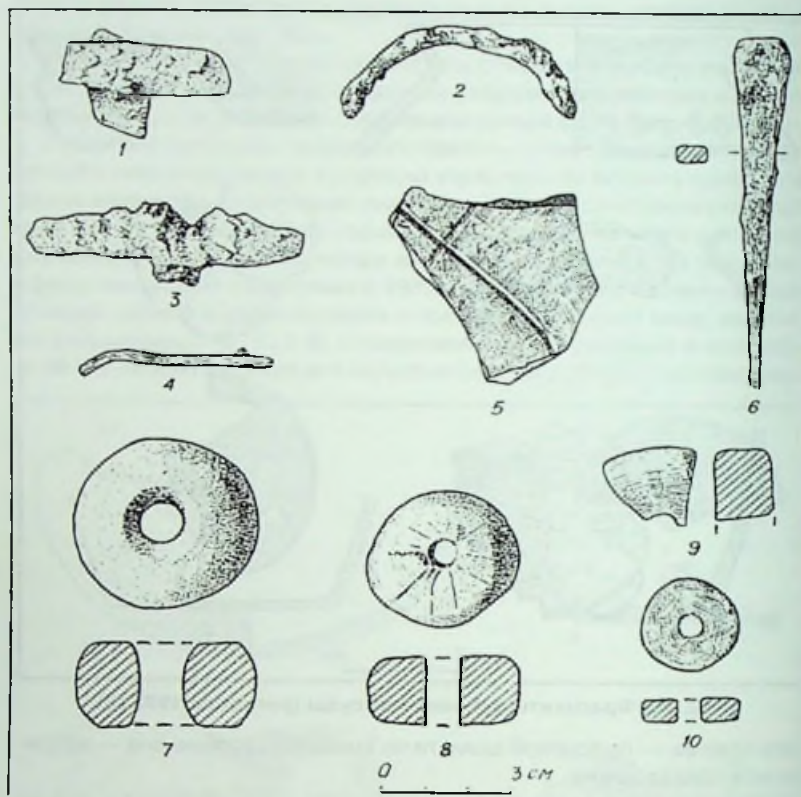

Рис. 11. Изделия из железа, камня, керамики (раскопки 1983 г.).
 1,3 — фрагменты крестов, 2 — дужка, 4 — стерженок,
 5 — обломок плитки с граффити, 6 — пробойник, 7—10 — пряслица.
 1-4, 6 — железо, 5, 7-9 — мергель, 8 — керамика, 10 — известняк.

Анализируя полученный археологический материал, попытаемся определить функциональные особенности постройки №3 в структуре усадьбы в целом, а также (насколько это возможно) назначение помещений.

В частности, меньшее западное помещение скорее всего было хозяйственным, так как его незначительные размеры мало пригодны для проживания. Почти вся происходящая отсюда керамика принадлежит двум большим кухонным горшкам. Напомним и о выразительном зольном пятне в юго-западном углу камеры, которое, возможно, указывает на местоположение здесь временного или переносного очага.

В сопоставлении с материалом из постройки №2, надежно интерпретируемой в качестве жилого дома, сразу бросается в глаза разница в количестве и ассортименте бытовых находок. Так, насыщенность керамикой на 1 кв. м культурного слоя в раскопах 1982 и 1983 гг. составляла в среднем 92 и 24 фрагмента, костями животных, соответственно — 13 и 2. Другие бытовые предметы из постройки №3 (пряслица, железные кресты, стеклянная посуда), как правило, фрагментированы и также немногочисленны. В результате складывается впечатление, что наряду с хозяйственным назначением она могла использоваться и как жилая, но, вероятно, не регулярно или сезонно.

Постройка №4 (раскоп 1984 г.)*

Расположена к юго-западу от постройки №3 и, видимо, не случайно почти рядом с последней: расстояние между ними — от юго-западного угла постройки №3 до северо-восточного угла постройки №4 — составляет всего 0,85 м.

Общая мощность напластований на раскопе достигала 0,7 м. Задернованный в верхней части слой завала, за исключением двух правильно отесанных блоков, состоял из среднего и мелкого бутового известняка и рыхлого темно-серого гумусированного грунта. Непосредственно перед кладками пространство между камнями заполнял разрушившийся желтовато-серый суглинистый раствор.

Каменный завал перекрывал основание стен удлиненной прямоугольной трехкамерной постройки (рис. 12, 14, 15) размером 10,2 x 5,6 м — единственной на усадьбе, ориентированной в меридиональном направлении (азимут 163°).

Вероятно, в связи с необходимостью рациональной организации внутреннего пространства здесь оказалась заметно нарушена прямоугольность планировки, так как западная продольная стена явно преднамеренно поставлена под углом 60° к северной. Несколько превышает прямой и угол, образованный восточной и северной стенами.

В конструктивном отношении основным, как видно, являлось северное помещение дома размером 6 x 4,2 м (около 23 м²), в котором коротким простенком, поставленным перпендикулярно продольной восточной стене, было выделено еще одно микропомещение размером 2,6 x 1,2 м (около 3 м²) в северо-восточном углу постройки (рис. 13).

Вход в здание спроецирован по продольной оси этой камеры и расположен в противоположном северо-западном углу. Ширина проема — 1,3 м. Дополнительный вход в постройку — с востока, влос-

* Северо-западный угол постройки попал в раскоп 1983 г., нижние горизонты отложений исследованы в 1994 г.

ледствии заложенный, находился в юго-восточном углу центрального помещения

Рис. 12. Постройка №4. Вид с северо-запада.

Южное помещение отделялось от центрального сплошной поперечной стеной и реконструируется условно, так как его южная и западная стены отсутствуют

Длина западной стены постройки (кладка 22) — 5 м, толщина — 0,8–1 м, уцелела на высоту 0,1–0,6 м (1–2 ряда). Она значительно наклонена к западу, особенно ее внешний панцирный ряд, включающий крупные глыбы размерами 0,9 x 0,5 x 0,3 – 1 x 0,6 x 0,3 м. Под

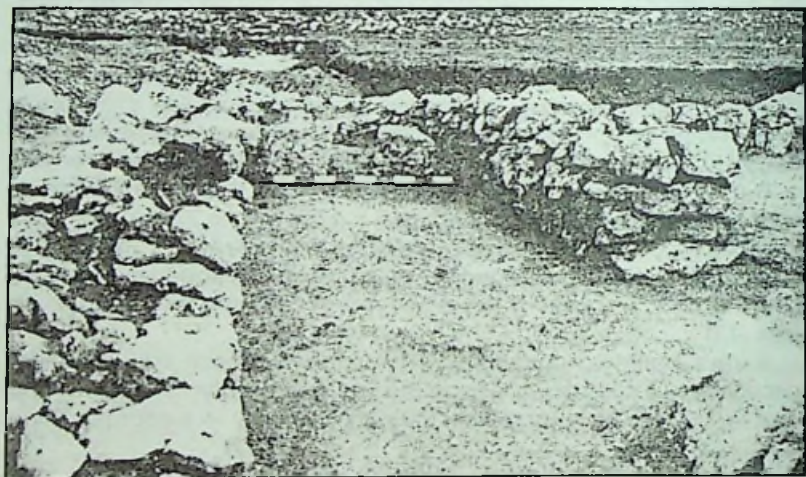
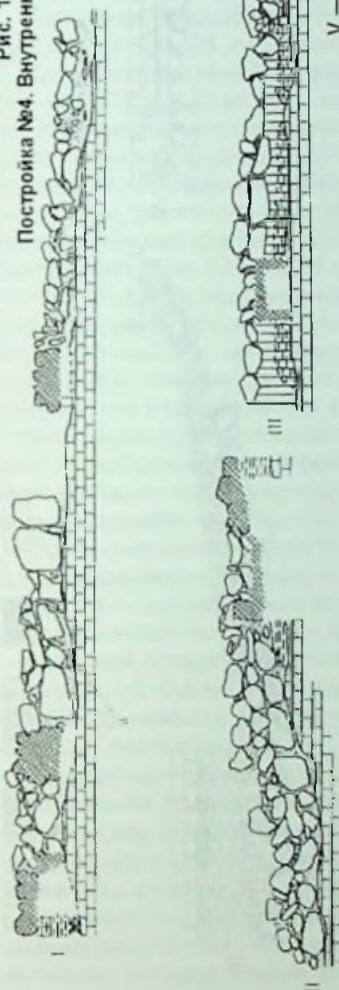

Рис. 13. Постройка №4. Северо-восточное помещение.

Рис. 14.

Постройка №4. Внутренняя фасировка стен.

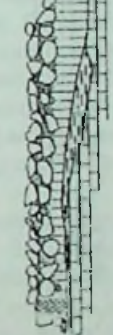
I — кладка 24, 25, западный фас;
II — кладка 23, южный фас;
III — кладка 22, восточный фас;
IV — кладка 26, северный фас;

V — кладка 26, южный фас;
VI — кладка 27, северный фас;
VII — кладка 27, южный фас.

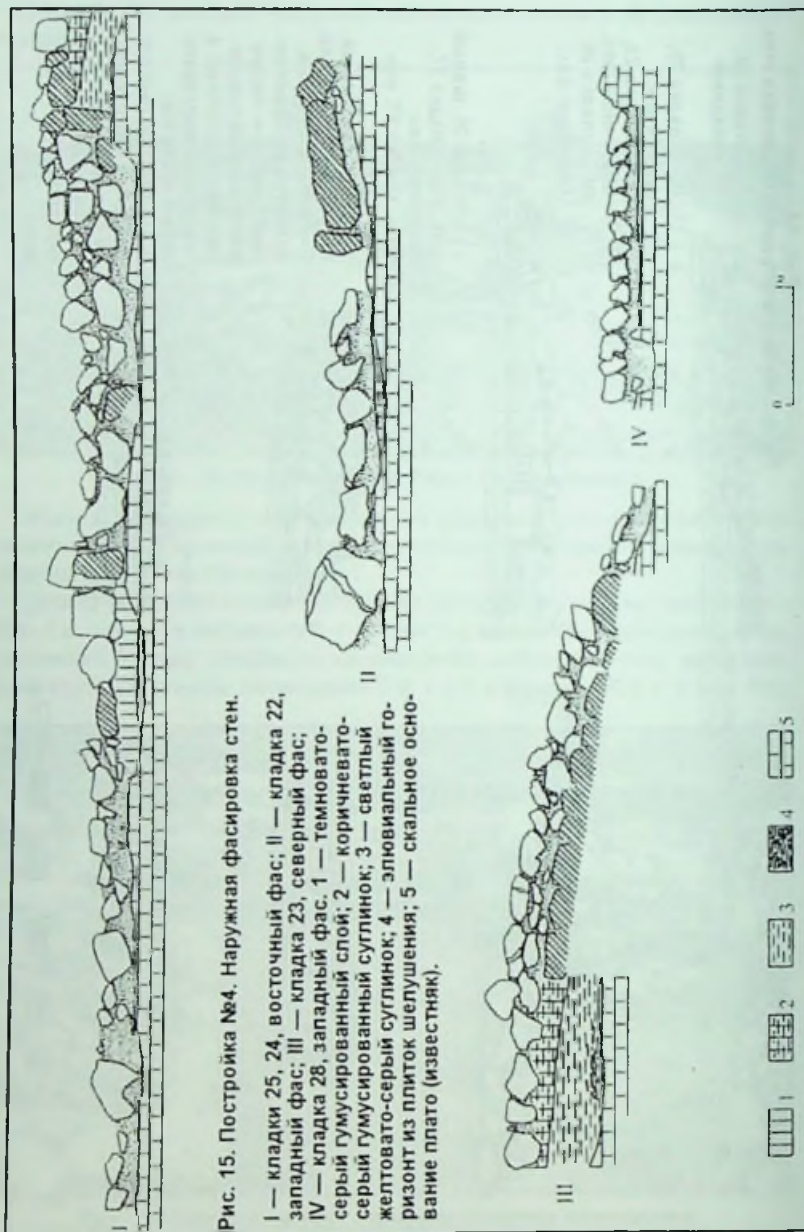
1 — темновато-серый гумусированный слой;
2 — пепельно-серый золисто-гумусированный слой;
3 — коричневато-серый гумусированный слой;
4 — светлый желтовато-серый суглинок;

5 — элювиальный горизонт из плиток шелушения;
6 — скальное основание плато (известняк); а — жернов.

0 1 2 3 4 5 6

1 2 3 4 5 6

тяжестью собственного веса эти большие камни более чем наполовину вывалились из кладки. С правой стороны входного проема нижний ряд стены завершается поставленным на ребро массивным плитообразным камнем. К нему под прямым углом примыкает тонкая вертикальная плита, оформляющая южную сторону входа.

Длина северной стены (кладка 23) — 5,6 м (внутри — 4,9 м), толщина — 0,6–0,7 м, сохранилась на высоту 0,2–0,72 м (1–3 ряда). Западная оконечность кладки ограничена узким торцовым камнем.

Восточная продольная стена постройки состоит из двух отдельных кладок. 24 и 25, разделенных входным проемом и простенком.

Длина кладки 24–4,8 м (внутри — 4,2 м), толщина — 0,6 м, высота — 0,3–0,6 м (1–3 ряда). С внутренней стороны в нижнем ряду в качестве строительного материала использован кусок жернова, кроме этого (ближе к наружному северо-западному углу), в кладку попало основание обломанной известняковой колонки (рис. 16). Южный торец стены, служащий откосом входа, замыкает ориентированный поперек кладки крупный подтесанный камень подпрямоугольной формы размером 0,55 x 0,33 x 0,54 м. Аналогичным образом оформлен восточный торец внутреннего простенка, отделяющего центральное помещение от южного. Между торцами этих кладок, образующих юго-восточный угол центрального помещения, оставлен проход шириной 0,8–1 м. Позднее он был заложен обработанной плитой и бутовым камнем размерами 0,4 x 0,34 x 0,14 м и 0,44 x 0,3 x 0,24 м, поставленными орфостатно на одном уровне с кладкой 27 (рис. 17, IX). Был ли выбранный с внутренней стороны перегородки бутовый камень закладом проема или просто завалом, определить трудно ввиду незначительной высоты строительных остатков.

Восточная стена южного помещения (кладка 25) протяженностью 3,8 м сохранилась на высоту 0,15–0,4 м (1–2 ряда). По толщине — 0,4–0,5 м — она несколько уступает остальным стенам постройки за счет сближения панцирей и почти полного отсутствия забутовки.

Короткий поперечный простенок (кладка 26), имеющий длину 2,7 м и высоту 0,5–0,8 м (3–4 ряда), по ширине (0,4–0,5 м), так же, как и кладка 25, немного тоньше наружных стен. Торец выложен из небольших подтесанных плит.

Следующая поперечная стена постройки (кладка 27) отделяет центральное помещение от южного. Ее длина — 3,9, толщина — 0,6 м, высота — 0,2–0,4 м (в основном 2 ряда). Уцелевшее основание частично разрушено и накренилось к югу. Не сохранились угол сочленения с кладкой 22 и прилегающий участок южного фасада. Выходящий на восточный фасад постройки простенок завершается в нижнем ряду более массивным подработанным камнем, равным по величине толщине кладки. В северном фасаде стены замечен круглой формы камень, возможно, фрагмент ствола небольшой колонны.

Кладки 23, 24, 26 соединяются вперевязь, 25, 27 — впритык. Основанием северной и восточной стен постройки (кладки 23–25), а также короткого поперечного простенка (кладка 26) является выров-

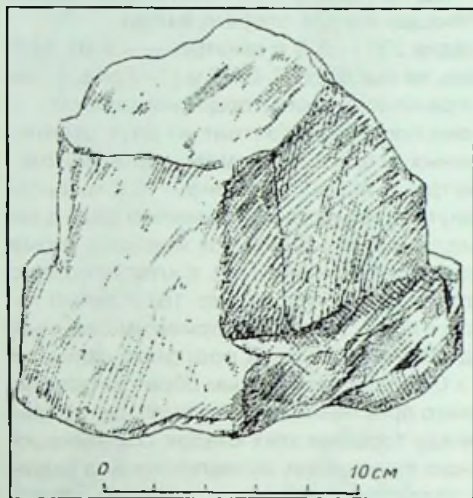

Рис. 16. Основание известняковой колонки.

ненная тонкой земляной прослойкой материковая скала. Стены 22, 27 поставлены на культурном слое на высоте 0,1–0,4 м от поверхности скалы. Складывается впечатление, что в условиях понижающегося рельефа строители старались приблизить подошву основания к одному более или менее горизонтальному уровню. Частичное исключение составляет кладка 23, северный панцирь которой опирается как на цоколь на более раннюю кладку 36, принадлежащую постройке №7. Восточный же участок этого панциря вместе с наружным севе-

ро-восточным углом поставлен на верхнем слабогумусированном горизонте слоя светлого желтовато-серого суглинка.

В центральном помещении был устроен довольно ровный земляной пол, на котором зафиксированы многочисленные зольные пятна и угольки. Поверхность пола в северо-восточном помещении значительно понижалась к западу и представляла здесь почти сплошное зольное пятно.

Слой завала внутри камеры оказался обильно насыщен золой, а перед помещением, непосредственно у входа, на полу обнаружены многочисленные куски кричного железа (иногда со спекшимся шлаком) — явные следы кузнечного производства.

В западной (чуть большей) половине интерьера слегка проступавшее на поверхность пола скальное основание покрывал тонкий (до 0,05 м) золисто-гумусированный слой. Остальную площадь камеры занимала возвышающаяся над полом каменно-земляная конструкция размером 1,2 x 1 м, ограниченная со стороны входа двумя хорошо обработанными, поставленными на ребро плитами (рис. 17, VII, VIII). Северная плита (0,34 x 0,34 x 0,2 м) примыкает торцом к кладке 23, южная (0,3 x 0,28 x 0,18 м) отстоит от противоположной стены на 0,22 м. Между плитами оставлен промежуток шириной около 0,3 м.

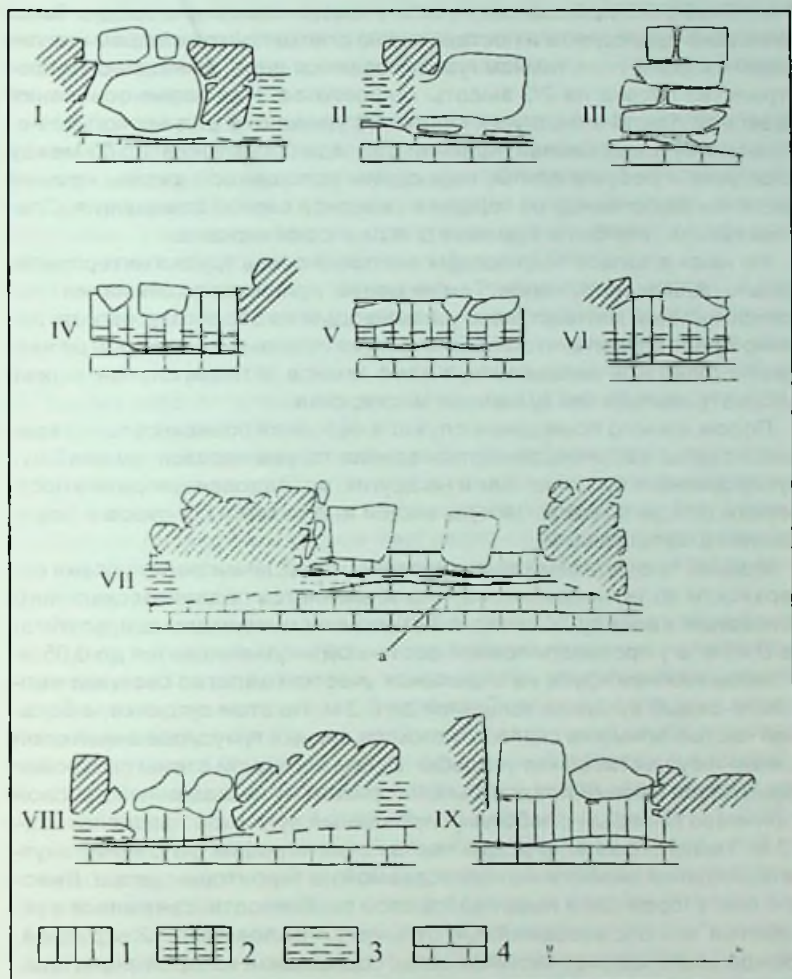

Рис. 17. Постройка №4. Отдельные детали кладки.

- I, II — каменная конструкция с наружной стороны кладки 24, внутренняя фасировка стенок (I — северная стенка, II — восточная стенка);
 III — кладка 26, западный торец; IV–VI — каменная «вымостка» в центральном помещении, фасировка сторон (IV — северная сторона, V — восточная сторона, VI — южная сторона); VII — разрез по И-И;
 VIII — разрез по К-К; IX — заклад проема, западный фас.
 1 — темновато-серый гумусированный слой, 2 — коричневатого-серый гумусированный суглинок; 3 — светлый желтовато-серый суглинок; 4 — скальное основание плато (известняк);
 а — обожженная поверхность суглинка.

В отличие от опирающихся на скалу кладок стен перегородки была несколько приподнята и поставлена на слегка прикрывавшем низ лицевой стороны плит темном гумусированном слое, заполнявшем пространство отсека на $2/3$ высоты орфостатов. На уровне основания северной плиты вплотную к кладке 23 уложено в ряд несколько небольших бутовых камней. Крайний с запада буквально втиснут между соседним и ребром плиты, еще одним уплощенной формы камнем заклинен зазор между ее торцом и северной стеной помещения. Следовательно, это было сделано для распорки каркаса.

Не имея в запасе подходящих аналогий очень трудно интерпретировать данное сооружение. Тем не менее, принимая во внимание производственный контекст, явно указывающий на обработку железа, логично предположить, что эта конструкция использовалась для размещения горна или наковальни, а сама камера, в таком случае, может рассматриваться как кузнечная мастерская.

Полом южного помещения служила неровная поверхность материковой скалы, частично снивелированная тонким горизонтом слабогумусированного суглинка. Как и на других, исследованных ранее постройках, следы пожара, наборы вещей или развалы сосудов в помещениях отсутствовали.

Мощность отложений в центральном помещении (ниже уровня поверхности пола) неодинакова, что объясняется падением скального основания к западу. У западной стены она максимальна и достигала 0,45 м, а у противоположной восточной — уменьшается до 0,05 м. В самом нижнем ярусе на отдельных участках залегал светлый желтовато-серый суглинок толщиной до 0,2 м. На этом суглинке, а большей частью прямо на скале, отложился темный гумусированный слой времени существования усадьбы. Вдоль западной стены постройки выделяется нижний предскальный горизонт — насыщенный дресвой коричневатого-серый слабогумусированный суглинок толщиной 0,1–0,2 м. Таким образом, в общих чертах стратиграфия отложений внутри помещения аналогична наблюдаемой на территории двора. Вместе с тем, второй слой имеет здесь свои особенности, связанные с условиями его образования. Он отличался более темной окраской, прежде всего, за счет частичек золы, содержание которой значительно увеличивается в центральной и особенно северной части камеры. На этой площади (преимущественно в верхнем горизонте) встречено много обломков керамики (в том числе крупных стенок пифосов) и кусков железной крицы, находки которой в южной половине помещения единичны.

Возле кладки 26, у самого торца, на глубине 0,1 м от уровня пола зафиксировано крупное пятно гари размером 1х1 м, на поверхности которого сконцентрированы обломки керамики и крицы. Под линзой гари на скале залегал плотный, обильно насыщенный золой и уголь-

ками грунт. На подошве второго слоя, там, где он соприкасался со светлым желтовато-серым суглинком, в некоторых местах поверхность последнего была прокалена и выделялась в разрезе в виде тонких коричневых линз пещины.

Наиболее выразительные следы производственной деятельности выявлены на участке перед северо-восточной камерой. Несмотря на небольшую мощность отложений, здесь наблюдалась максимальная концентрация обломков крицы и керамики, насыщенность золой и угольками. Несколько фрагментов стенок пифоса имеют следы прокала со спекшейся отшлакованной поверхностью.

Ближе к юго-западному углу комнаты, на расстоянии всего 0,2 м от западной стены, в верхнем горизонте гумусированного слоя, прикрывавшего на высоту нижнего ряда основание кладки, зачищена «вымостка» размером 0,85 x 0,5 м, состоящая из двух небольших обработанных известняковых плиток толщиной 0,12–0,18 м и трех бутовых камней (рис. 17, IV–VI; 18).

В реконструируемом условно южном помещении лишь на участке, прилегающем к кладке 27, отложился темный гумусированный слой с материалами VIII–IX вв. Как и на смежной площади соседнего помещения, он залегал на светлом желтовато-сером суглинке, частично на скале, перекрывая (у сочленения кладок 22 и 27) естественную западину с угловой подрубкой по краю.

Западнее оконечности кладки 25 в вытянутой к западу неглубокой западине накопились продукты выветривания коренных известняков, состоящие из разной величины плиток шелушения и нивелирующего горизонта коричневатого-серого суглинка. Соседнюю западину, расположенную северо-западнее, заполнял аналогичный слабогумусированный суглинок, в нижней части насыщенный дресвой и щебнем.

На прилегающей к постройке территории двора залегал темновато-серый гумусированный слой, прикрывавший на высоту 0,1–0,35 м основание стен. Максимальной мощности (до 0,6 м) второй слой достигал перед восточной стеной постройки и, очевидно, переотлагаясь после ее разрушения, он слегка перекрыл восточную часть развала дома. Вдоль кладки стены слой был загумусирован сильнее и поэтому имел более темный оттенок. В верхнем горизонте здесь найдено особенно много керамики, и неоднократно встречались отдельные угольки. Необходимо также сказать, что перед кладкой 36, возможно в связи с функционированием северо-восточного помещения данный слой оказался обильно насыщен золой, отчетливо выделяясь в бровке пепельно-серым оттенком. В южной части раскопа второй слой залегал на поверхности скалы и включал много мелких, реже среднего размера камней и дресвы. По мере удаления от постройки в нем значительно уменьшается количество керамики, представленной, как правило, мелкими обломками. Исключение состав-

ляет локальный участок слоя на расстоянии около 7 м к югу от здания, у основания уступа коренных известняков. Здесь зафиксировано скопление керамики и костей животных, а также фрагментированный человеческий череп и кости рук без фаланг пальцев. Выше усту-

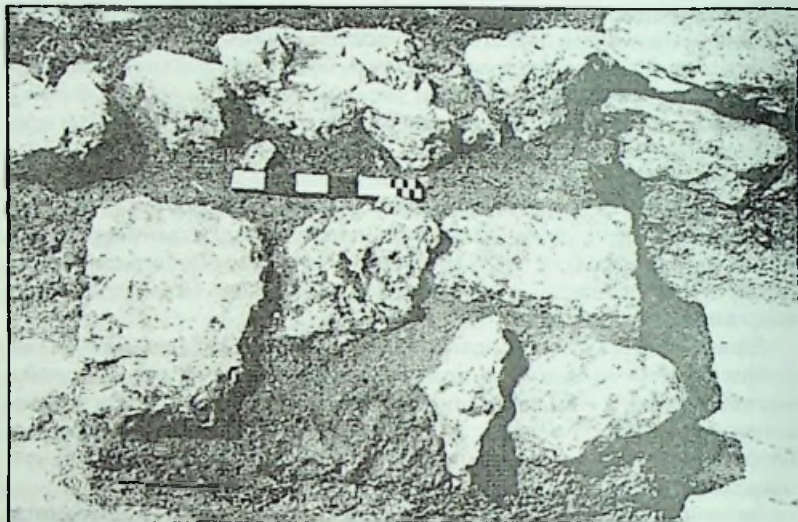

Рис. 18. Постройка №4.
Каменная «вымостка» в центральном помещении.

па, к западу от постройки, мощность слоя резко уменьшается, а на многих участках он отсутствовал совсем, скапливаясь лишь в западинах и трещинах материковой скалы.

Во втором слое в разных местах раскопа содержались фрагменты кладок и каменных конструкций, заброшенных в период существования усадебного комплекса.

В 4 м к северо-западу от постройки №4 обнаружена оборванная с двух концов трехслойная двухпанцирная бутовая кладка на суглинстом растворе (порядковый №28). Длина фрагмента — 2,6 м, толщина — 0,6 м. Она сохранилась на высоту нижнего ряда в понижении, ограниченном кромкой уступа. Дном лакуны является нижележащий пласт инкерманских известняков с прослойкой разложившейся, но плотной карбонатной породы на подошве кладки. Ориентирована с северо-запада на юго-восток вдоль слегка подтесанного откоса уступа.

С восточной стороны постройки, у кладки 24, темновато-серый гумусированный слой перекрывал три выступающих за внешний фас стены бутовых камней, продолговатой формы и более массивных. Первый расположен в метре от внешнего северо-восточного угла по-

стройки, следующий — в 1,8 м южнее. Оба лежат на скале, сnivelированной тонкой земляной прослойкой и включены своей западной оконечностью в нижний ряд кладки. Возможно, они принадлежали какому-то более раннему сооружению, иначе трудно объяснить их

Рис. 19. Постройка №4.

Пристенная каменная конструкция с наружной стороны кладки 24.

необычное положение в основании стены.

Третий, расположенный аналогичным образом камень, размером 0,5 x 0,4 x 0,3 м установлен впритык направо от входа, заподлицо с откосом дверного проема.

Еще одно небольшое каменное сооружение расчищено во втором слое у северо-восточного угла постройки. Оно представляет собой примыкающую к восточной стене здания прямоугольную конструкцию размером 0,8 x 0,7 м из двух поставленных орфостатно и, видимо, слегка подработанных плитообразных камней (рис. 17, I, II, 19). Южная стенка отсутствует, а северная имеет второй ряд кладки из разнокалиберного бута. Один из камней верхнего ряда закрывает зазор между плитами на стыке торцов. Стенки достигают поверхности скалы, примыкая к светлому желтовато-серому суглинку. Оконечность северной, похоже, включена в кладку, что, вероятно, является признаком синхронности. Назначение этого пристенного сооружения определить затруднительно, тем более, что часть его пространства

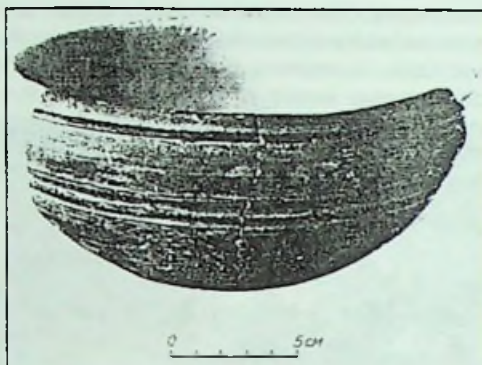

Рис. 20. Гончарная миска
(раскопки 1984 г.).

ли, естественно, обломки керамики с преобладанием тарной и кухонной посуды. Ножи амфор античного времени, очевидно, использовались в качестве пробок

К столовой относятся обломки ойнохой с характерным пальцевым вдавлением в верхней части ручки. Тулово украшено росписью свет-

Рис. 21. Кухонный горшок
(раскопки 1984 г.).

занимает упомянутый ранее и выступающий залицевую линию кладки 24 камень

К сказанному добавим, что южнее здания зафиксированы стоящие на скале отдельные крупные камни и маловыразительные обрывки еще каких-то кладок

Как и на других постройках усадьбы, наиболее многочисленную категорию находок составляли

лым, реже красным, ангобом в виде комбинации горизонтальных прямых и волнистых линий. Из других типов гончарной посуды выделяется редкая форма миски со слегка загнутым внутрь бортиком, профилированным мелкими бороздками (рис. 20).

Больше всего кухонной посуды найдено в южном помещении, что, учитывая оставленный здесь неутепленным каменный пол, скорее указывает на его хозяйственное, чем жилое назначение. На донце одного из сосудов отпечатана рельефная ремесленная метка в виде птичьей лапы (рис 22.2). Отсюда же происходит археологически це-

лый экземпляр кухонного горшка (рис. 21). Он имеет шаровидное тулово и широкое короткое горло с невысоким отогнутым наружу венчиком. По плечу украшен двумя врезными волнистыми линиями в сочетании с прямой.

В общей массе полученного материала выделяются две показательные категории находок, в какой-то степени проливающие свет на функциональное назначение постройки №4.

Прежде всего, это многочисленные фрагменты круглых жерновов (рис. 23), большая часть которых обнаружена в центральном помещении.* Они изготовлены из двух различных пород камня: прочного и тяжелого конгломерата и более мягкого известняка-ракушечника. Верхний круг жернова, как правило, имел с внешней стороны небольшой выпуклый бортик вокруг центрального сквозного отверстия, а нижний (судя по одному крупному фрагменту) — симметрично прилегающие к отверстию стопорные пазы. Диаметр жерновов — 38, 45 и 48 см.

Другие находки из камня представлены изделиями из известняка: найденной в северо-восточном помещении целой ступкой (рис. 24), двумя фрагментами крышек и половиной круглого в плане массивного предмета, слегка расширяющегося к плоскому основанию.

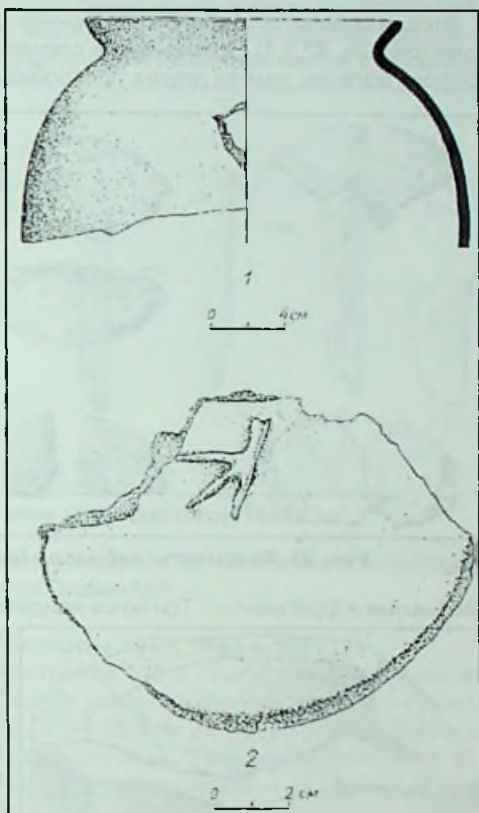

Рис. 22. Фрагменты кухонных горшков (раскопки 1984 г.).

* Так как почти все жернова найдены в обломках среди камней завала, нельзя исключить, что какие-то отдельные небольшие фрагменты могут происходить из разрушенных кладок, где были вторично использованы в качестве строительного материала.

Вторая сравнительно многочисленная группа вещей — железные ножи (рис 25; 32,3,4). Возможно, не случайно их обнаружено здесь на порядок больше, чем на других постройках усадьбы — 10 экземпля-

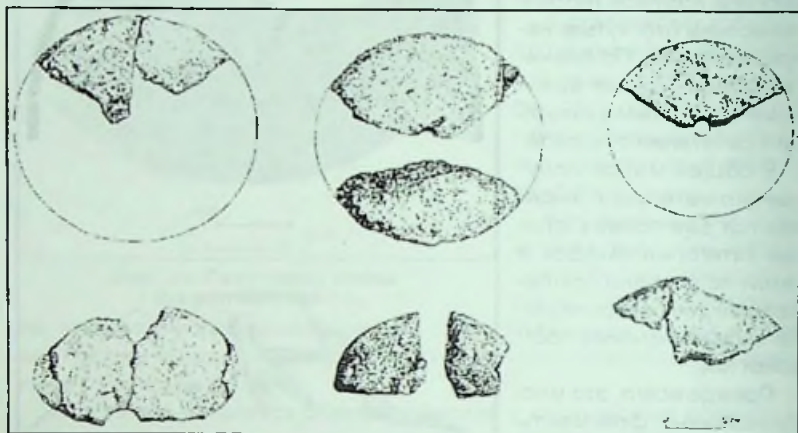

Рис. 23. Фрагменты жерновов (раскопки 1984 г.).

ров (целые и фрагменты). Три ножа найдены в южном помещении, че-

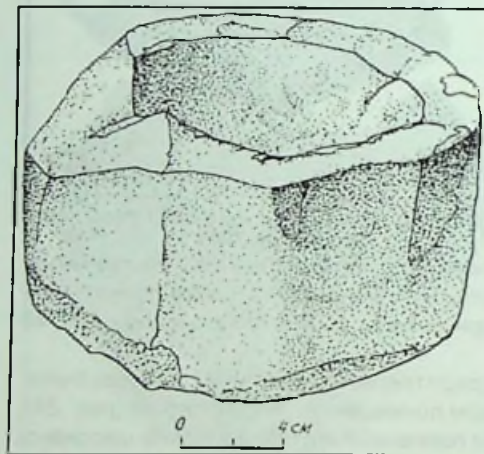

Рис. 24. Известняковая ступка (раскопки 1984 г.).

тыре — в центральном, два — среди завала в северо-восточной камере. Важной конструктивной деталью хорошо заметной на неотреставрированном металле, является узкая железная обоймочка, приваренная на основание клинка и необходимая для крепления ножа в деревянных ножнах (Минасян 1980, с 70–72).

Другие находки крайне немногочисленны. Это мелкие фрагменты стеклянных сосудов, желез-

Анализ рассмотренного археологического комплекса в сопоставлении с материалами из других построек позволяет сделать заклю-

чение о производственно-хозяйственном назначении постройки №4. Нельзя, однако, исключить вероятность использования отдельных помещений (например, центрального) и в качестве жилья. Напомним,

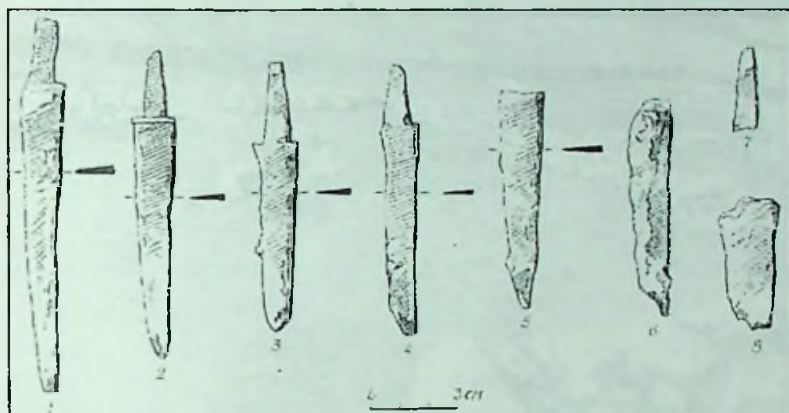

Рис. 25. Железные ножи (раскопки 1984 г.).

что совмещение производственно-хозяйственного и жилого секторов отмечено, в частности, и в постройке №1.

Постройка №7 (раскопы 1983, 1984 и 1994 гг.)

Примыкала с запада к постройке №3 и существовала только на раннем этапе функционирования усадьбы. Нижние части стен однокамерной постройки (рис. 26, 27) — кладки 21, 35, 36 — содержались в темновато-сером гумусированном слое. В восточной половине помещения расчищен ограниченный с севера кладкой 21 каменный развал, подпиравший на высоту 0,45 м наклонное основание кладки 12 (рис. 6; 28, III). Он состоял из среднего и мелкого бутового камня и был частично перекрыт гумусированным слоем. Пространство между камнями заполнял разрушившийся желтовато-серый суглинистый раствор. Значительное количество камней лежало под наклоном, частично налегая друг на друга, и, судя по их положению и направлению наклона, развал образовался в результате обрушения кладки 21.

Полоса развала перекрывала сплошной углисто-зольный горизонт пожара с крупными недогоревшими углями, вероятно, от жердей*. Пирогенная прослойка толщиной до 8 см фиксирует дневную повер-

* Радиоуглеродная дата образца углей ГИН-7743 ^{14}C 1280 ± 40 — 670 г. н. э. (630–710). Привожу искреннюю благодарность А. Д. Сусержинскому за выполнение радиоуглеродного анализа.

хность пола времени гибели постройки. Среди камней развала найдены обломки круглых известняковых крышек, а на подошве гари — крупный фрагмент нижнего круга жернова из конгломерата

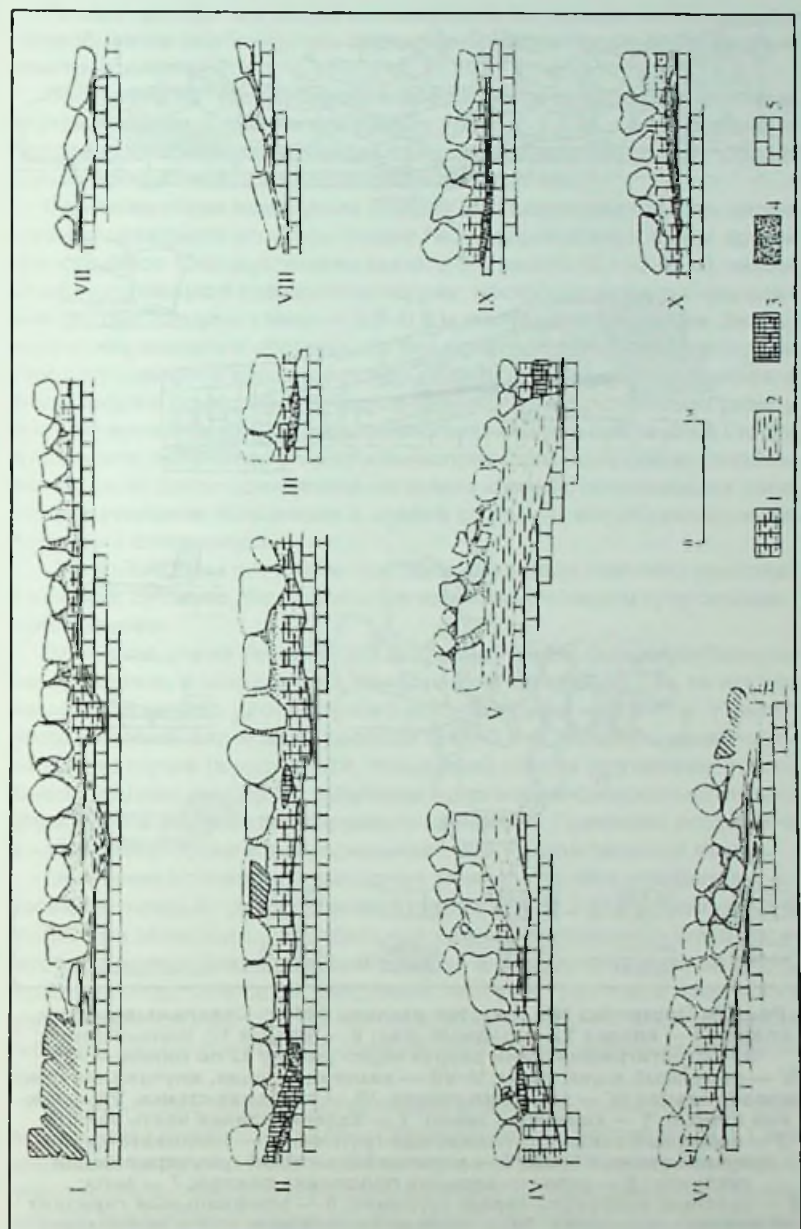

Рис. 26. Постройка №7. Вид с юго-востока.

На соседнем участке, где каменный развал отсутствовал, в заполнении помещения выделяется нижний горизонт второго слоя — коричневато-серый гумусированный суглинок. Граница между пластами весьма условна и наиболее выразительна в северо-западном углу камеры. В этом месте верхний горизонт отличался в целом ярко выраженным пепельно-темным оттенком за счет значительного содержания золы. На его подошве, на одном уровне с пожарищем, обнаружены обугленные куски жерды и стоящий фрагмент ствола круглой известняковой колонны диаметром 0,3 м.

После зачистки следов пожара вдоль кладки 12 обнажилась полоса светлого желтовато-серого суглинка шириной до 1,8 м, на фоне которого выделялась вытянутая параллельно стене искусственная выемка размером 1,8 x 0,7 м, достигавшая скалы и заполненная золой.

Рис. 27. Постройка №7. Внутренняя и наружная фасировка стен. — ➤
I — кладка 35, восточный фас; II — кладка 35, западный фас;
III — кладка 35, северный торец; IV — кладка 21, южный фас;
V — кладка 21, северный фас; VI — кладка 36, северный фас;
VII — кладка 37, северный фас; VIII — кладка 37, южный фас;
IX, X — упавший торцовый край кладки 21 (IX — северный фас,
X — южный фас). 1 — коричневато-серый гумусированный суглинок;
2 — светлый желтовато-серый суглинок; 3 — коричневый тяжелый
суглинок; 4 — дресва; 5 — скальное основание плато (известняк).

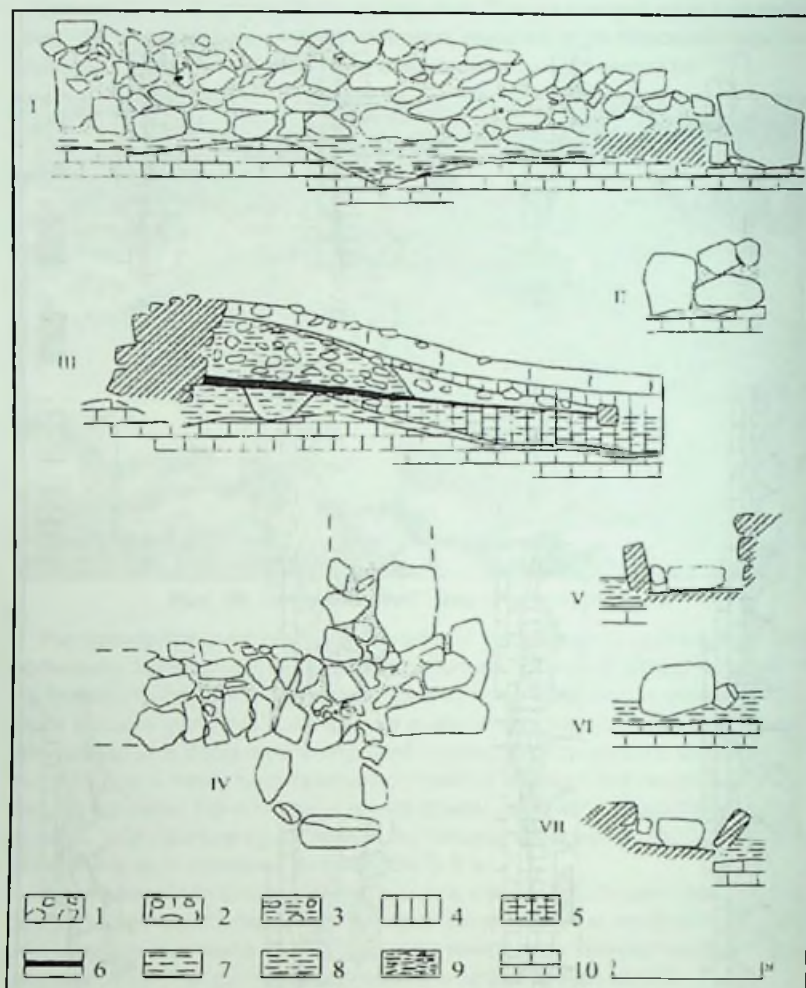

Рис. 28. Постройка №7. Участок раскопа 1983 г. Отдельные детали кладки. I — кладка 12, западный фас; II — кладка 12, южный торец; III — стратиграфический разрез через кладку 12 по линии А-А; IV — каменный ящик, план; V-VII — каменный ящик, внутренняя фасировка стенок (V — северная стенка, VI — западная стенка, VII — южная стенка). 1 — каменный завал; 2 — задержанная часть завала; 3 — каменный завал с суглинистым грунтом; 4 — темновато-серый гумусированный слой; 5 — коричневатого-серый гумусированный суглинок; 6 — углисто-золевая прослойка пожара; 7 — зола; 8 — светлый желтовато-серый суглинок; 9 — элювиальный горизонт из плиток шелушения; 10 — скальное основание плато (известняк).

Теперь прежде чем перейти к описанию интерьера, остановимся подробнее на особенностях планировки, строительных остатках и конструкции стен

Постройка №7 представляла собой почти квадратный в плане внутриусадебный дворик площадью 25 м² (5 х 5 м), примыкавший с запада к постройке №3. Кладка стен двухпанцирная, с забутовкой. Признаков суглинистого раствора не прослежено.

Северная стена помещения (кладка 21) продолжается чуть далее северо-западного угла постройки №3, соприкасаясь с ним краем южного фаса. Она уцелела на высоту 1–2 рядов (0,1–0,45 м), камни северного панциря сдвинулись наружу, несколько нависая над нижним рядом. Толщина стены — 0,6–0,8 м, протяженность — 3 м. Западный конец оказался оборван, но его остатки трансформировались при разрушении в короткую гряду из пяти камней, вытянувшихся в ряд у входа в помещение. Гряда продолжала с отклонением к северу направление кладки 21. Камни располагались под наклоном в сторону падения, налегая друг на друга и соприкасаясь широкими сторонами. Судя по почти одинаковой величине камней, сохранивших свое первоначальное положение в кладке стены, — это обрушившийся торцовый откос входа.

Северная стена постройки поставлена на слое светлого желтовато-серого суглинка, частично — на коричневатого-сером гумусированном суглинке.

Западная стена (кладка 35) выглядит более фундаментально, чем северная и сохранилась почти на всю длину — 5,2 м, за исключением наружного юго-западного угла. Толщина — 0,8–1 м. Уцелел только нижний ряд кладки высотой 0,15–0,4 м. Калибр камней крупнее, некоторые (в частности, торцовые) слегка подтесаны. Четко выражены два панциря, в забутовке использовано несколько мелких фрагментов жернова из кварцевого песчаника. Примерно посредине к наружной стороне стены примыкает небольшой тесаный камень.

В отличие от северной, западная стена постройки углублена в коричневатого-серый гумусированный суглинок на 0,2–0,3 м ниже уровня пола. При этом подошва отдельных камней внутреннего фаса касается поверхности материковой скалы. С наружной стороны стены толщина подстилающей фундаментный ряд грунтовой прослойки увеличивается до 0,25 м. Ее наличие доказывает, что формирование нижнего горизонта второго слоя началось до возведения постройки №7.

Южная стена (кладка 36) сложена вперевязь с кладкой 35, угол между ними плавно закруглен. Сохранилась на протяжении 3,1 м и обрывается на расстоянии 2,3 м от постройки №3. Двухметровый участок стены, прилегающий к внутреннему юго-западному углу помещения, представлен двумя рядами кладки высотой 0,4 м, поставлен-

ной на тонком предскальном горизонте желтовато-серого суглинка. Восточный же отрезок (1,2 м), состоящий из одного ряда камней, приподнят на слой коричневатого-серого слабогумусированного суглинка. Высота ступеньки — около 0,2 м. Северная кромка кладки 36 выступает на 0,3 м за лицевую линию перекрывающей ее кладки 23.

Вход в постройку находился в северо-восточном углу и был образован торцами кладок 35 и 21. Так как конец последней оказался разрушен, точную ширину входа определить нельзя, по крайней мере, она не могла быть больше образовавшегося промежутка и едва ли меньше обычного размера дверных проемов, т. е. около метра.

В центре помещения находились остатки очага (рис. 29) и, судя по дуге сохранившейся конструкции, состоявшей из невысоких поставленных на ребро плит, он имел, скорее всего, овальную форму и был ориентирован по оси запад-восток. Уцелело несколько плит северной и восточной сторон обкладки толщиной 0,1–0,15 м, углубленных на 5–8 см в земляной пол. Они оказались расколоты на несколько кусков вертикальными и косыми трещинами. Боковые и нижние грани двух северных плит тщательно отесаны, верхние закруглены. В сечении они трапецевидные, несколько суженные к основанию. Верхняя кромка боковых плоскостей дугообразная. Размеры этих плит 0,46 x 0,15 x 0,12 и 0,4 x 0,16 x 0,15 м.

Внутри очага беспорядочно концентрировались тонкие необработанные плитки, очевидно, от вымостки пода, незначительный фрагмент которой сохранился лишь вдоль северной стороны обкладки. Под скоплением плиток поверхность слоя прокалена на глубину до 0,15 м, выделяясь ярким коричневатого-кирпичным оттенком окраски. Обожженный локальный участок слоя значительно меньше ограниченной обкладкой площади пода. Следовательно, можно предположить, что на этом месте находилось более раннее кострище или очаг.

Интерьер помещения дополняет небольшой каменный ящик (рис. 28, IV–VII) размером 0,85 x 0,7 м, примыкающий к западной стене постройки №3 у юго-западного угла дома. Он сооружен из разномерных бутовых камней, западная стенка состоит из одной, вероятно, слегка подработанной и установленной под наклоном плиты. Основание конструкции впущено в слой, дно углублено до подошвы стен.

Заполнение камеры постройки №7 ниже уровня пола состояло из отложений светлого желтовато-серого суглинка (вдоль кладки 12) и занимавшего основной объем помещения коричневатого-серого (с желтоватым оттенком) гумусированного суглинка. Между ними наблюдался очень плавный переход, заключающийся в постепенном изменении соотношения дресвы, глинистого материала и гумуса в сторону увеличения доли последнего по мере удаления от отложений чистого суглинка. Во многих местах на глубину до 6 см от поверхности пола

грунт слоя насыщен золой, приобретая специфическую пепельно-серую окраску.

В предскальном горизонте содержание гумуса заметно уменьшается, соответственно увеличивается количество дресвы и глинистого материала.

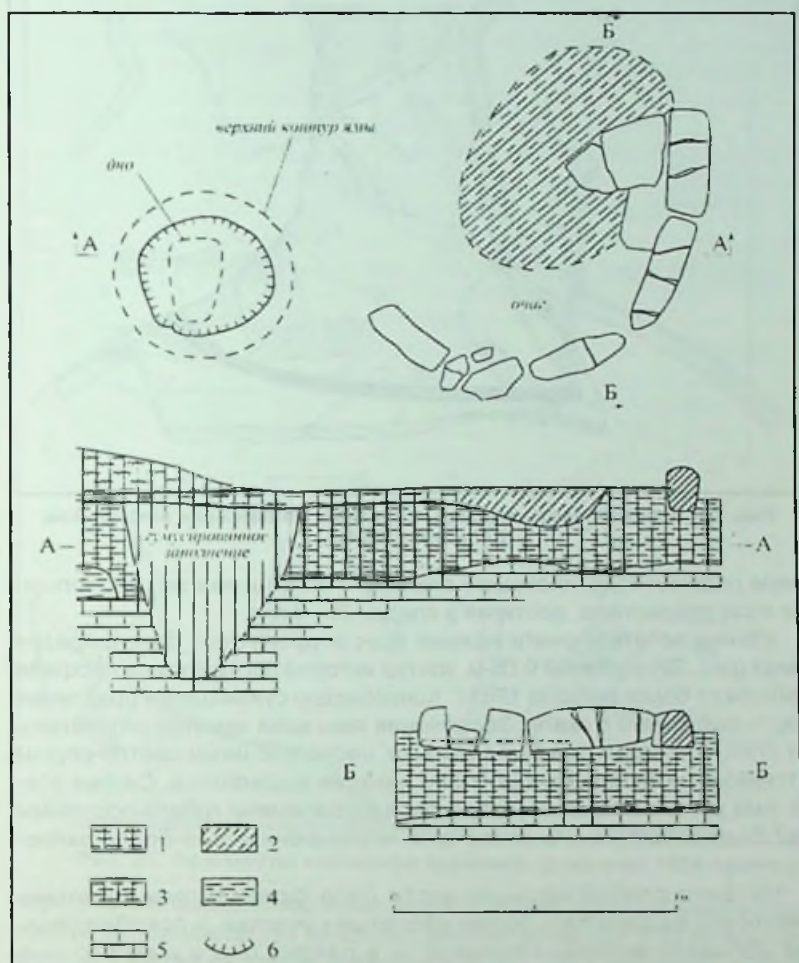

Рис. 29. Постройка №7. Яма и остатки очага. План, разрезы.

- 1 — пепельно-серый золисто-гумусированный слой; 2 — обожженный участок слоя; 3 — коричневатый-серый гумусированный суглинок; 4 — светлый желтовато-серый суглинок; 5 — скальное основание плато (известняк); 6 — нижняя часть ямы, вырубленная в скале.

Мощность нижнего яруса второго слоя в помещении неодинакова и определялась условиями его образования. В частности, в восточной половине постройки, т. е. там, где он непосредственно соприкасался с природным суглинком, этот пласт выклинивается. Но по

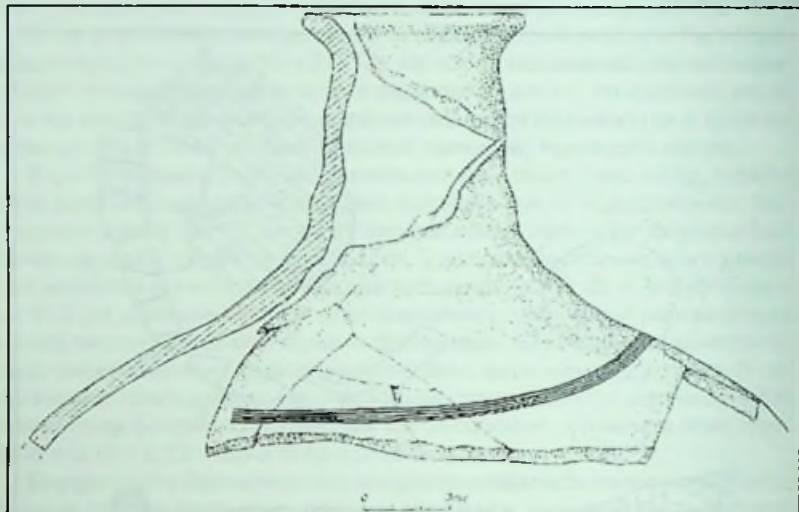

Рис. 30. Верхняя часть амфоры с мелким зональным рифлением (раскопки 1994 г.).

мере падения подстилающего скального основания к западу, толщина слоя возрастала, достигая у кладки 35–0,4 м.

Южнее остатков очага нижний ярус второго слоя был прорезан ямой (рис. 29) глубиной 0,65 м, контур которой проявился на профиле западного борта раскопа 1983 г. Конусовидно сужающаяся придонная часть вырублена в скале. Заполнение ямы едва заметно отличалось от слоя, в котором она была вырыта, несколько иным светло-серым оттенком, но на поверхности пола никак не выделялось. Скорее всего, яма служила гнездом для пифоса и ко времени гибели постройки №7 была засыпана. Не исключено, что она синхронна более раннему очагу.

На фоне слабой насыщенности слоя фрагментами керамики несколько выделялись более «богатые» участки: с преобладанием обломков кухонных горшков — в районе очага и амфор — в юго-западном углу камеры. Особо отметим находку бронзовой монеты с отверстием, к сожалению, сильно затертой (рис. 32.5). В предскальном горизонте археологический материал почти полностью отсутствовал.

Локализующиеся в пределах постройки №7 отложения плотного светлого желтовато-серого суглинка имели максимальную мощность у кладки 12 и обрывались в 1,3–4 м западнее, постепенно утончаясь и сходя на нет. Слой суглинка подстилался близкими ему по цвету

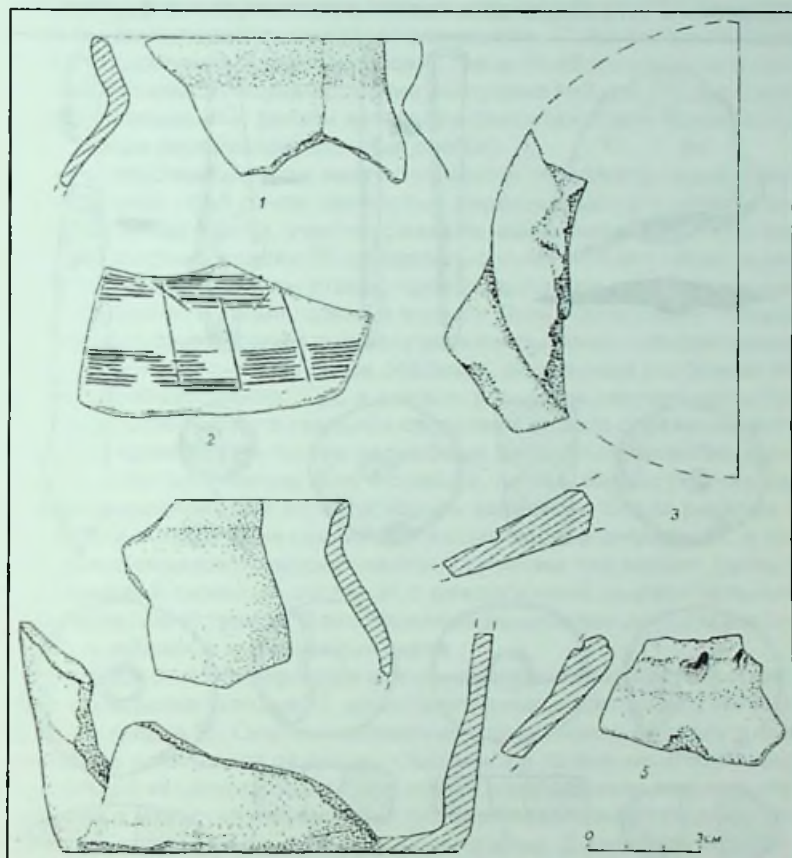

Рис. 31. Фрагменты гончарной керамики (раскопки 1994 г.).

перекристаллизованными известняками, но местами (обычно в разного рода западинах) их разделял маломощный (до 0,15 м) элювиальный горизонт из плиток шелушения. Пересекающая раскоп 1983 г. тектоническая трещина (азимут простираения 65°) затухает на расстоянии 2,2 м к западу от кладки 12. При выходе на поверхность трещина расширяется и выражена канавкой, образовавшейся при выветривании шелушащихся стенок.

В слой светлого желтовато-серого суглинка впущена почти до скалы кладка западной стены постройки №3, который прикрывал ее подошву на высоту нижнего ряда. В археологическом отношении отложения суглинка стерильны, за исключением найденных вблизи впущенной в него кладки двух мелких разновременных фрагментов

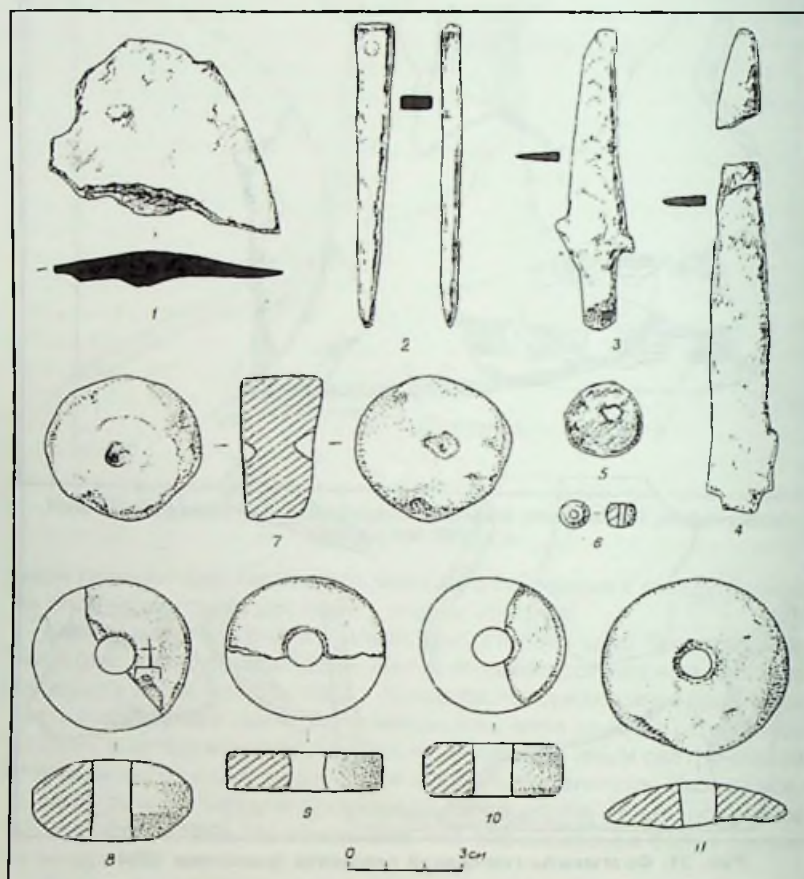

Рис. 32. Предметы быта и украшения (раскопки 1994 г.).
 1 — фрагмент плоского изделия, 2 — стержень, 3, 4 — ножи,
 5 — монета-подвеска, 6 — бусина, 7 — заготовка пряслица,
 8-11 — пряслица. 1-4 — железо, 5 — бронза, 6 — стекло,
 7 — известняк, 8-10 — мергель, 11 — керамика.

керамики — стенки лепного сосуда с гребенчатым орнаментом и кухонного горшка. Попали сюда явно случайно, очевидно, в процессе строительных земляных работ.

На основании проведенных стратиграфических наблюдений можно сделать вывод, что стены постройки №7 возводились прямо на дневной поверхности, после чего уровень пола постепенно нивелировался нарастающим культурным слоем. Особенно наглядно об этом свидетельствует ступенчатое основание кладки 36, повторяющее профиль подстилающего микрорельефа. Следовательно, если наши рассуждения правильны, можно говорить об относительно продолжительном функционировании постройки №7, на что дополнительно указывают и детали интерьера (вырытая в культурном слое яма, следы двух разновременных очагов).

Впоследствии на этом месте отложился темновато-серый гумусированный слой почти полностью перекрывший строительные остатки. В частности, участки развала, выявленные в слое с наружной стороны кладки 35, свидетельствуют, что его нарастание (выше уровня подошвы стены) происходило уже после разрушения постройки. Нижний горизонт второго слоя, поверхность которого соответствует уровню пола внутри камеры, имел определенные пространственно-структурные различия, вызванные особенностями почвообразования. Так, в северо-западном секторе раскопа, где подстилающее его скальное основание вместо сглаженно-волнистого приобретает более рельефный бугристый характер, в окраске слоя появляется хотя и слабый, но все же достаточно заметный красноватый оттенок. Вдоль западного борта раскопа с глубиной аккумуляция глинистого вещества увеличивается, и постепенно горизонт гумусированного суглинка переходит здесь в коричневый тяжелый суглинок с аналогичным выразительным красноватым оттенком. Эти отложения мощностью до 0,2 м заполняли ложбинки в материковой скале.

К западу от постройки №7 в нижнем горизонте второго слоя сохранилась короткая кладка 37, ориентированная широтно под прямым углом к кладке 35. Она поставлена непосредственно на скалу и значительно отличается от других. Сохранился только ее нижний ряд, состоящий из нескольких крупных плиток шелушения перекристаллизованных известняков, которым путем обламывания придавалась более правильная подпрямоугольная форма. Длина фрагмента — 1,75 м, ширина — до 0,35 м.

Нижний горизонт второго слоя менее насыщен археологическим материалом, чем верхний. Распределен он довольно неравномерно: там, где слой загумусирован сильнее, количество фрагментов керамики и их величина заметно возрастают. Кроме обломков посуды во втором слое найдены железный сужающийся к концу стержень (рис. 32,2), видимо, пробойник и часть какого-то более крупного плоского железного изделия (рис. 32,1), обломанное керамическое и мергелевые пряслица, а также заготовка известнякового (рис. 32,7–11).

Одно из мергелевых пряслиц отмечено граффити в виде двузубца в сочетании с крестом (рис. 32, 8)

Особенно беден находками наиболее удаленный от построек участок нижнего горизонта слоя в северо-западном секторе раскопа, отличающийся, как уже было сказано, красноватым оттенком окраски. Наряду с несколькими кремневыми отщепами среди крайне немногочисленных керамических обломков здесь преобладали мелкие и сильно окатанные фрагменты: лепных сосудов

Краткое заключение

Завершая рассмотрение археологических реалий, напомним о последовательности функционирования построек. Самая ранняя в комплексе — постройка №3, к которой вскоре (или одновременно) пристраивается вплотную постройка №7. Судя по планировке и сохранившемуся интерьеру, это был небольшой хозяйственный дворик. Он имел сгоревшее жердевое перекрытие, обугленные остатки которого зафиксированы на полу в восточной половине помещения. Возможно, опорой навеса служила круглая известняковая колонна, фрагмент ствола которой стоял вблизи входа. После сопровождавших пожаром серьезных разрушений постройка №3 была восстановлена (при этом ее планировка частично изменилась), а стены дворика сnivelированы до фундамента. У юго-западного угла постройки №3 возводится постройка №4, просуществовавшая до окончательной гибели усадебного комплекса. Характер разрушений и восстановительных работ аналогичен прослеженным в постройке №1, что еще раз подтверждает причину катастрофы, вызванной несомненно сильным землетрясением. Это обстоятельство позволяет выделить два последовательных хронологических этапа в жизни поселения: до и после природного катаклизма; на первом — сосуществовали в комплексе постройки №3 и 7, на втором — восстановленная после разрушения постройка №3 и новая постройка №4.

Литература

Белый А. В., Назаров В. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992

Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1992

Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник. Вып. 21. Л., 1980

Resume

Beliy A. V. The Excavations of the Estate on the Kyz-Kermen Site of Ancient Town. The Building Assemblages no 3, 4, 7

The article publishes the results of the modern excavations of buildings of the 8th-9th centuries on the Kyz-Kermen site in the south-western part of the Crimea

А. В. Сазанов

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НАЧАЛА XI в. ИЗ ХЕРСОНЕСА

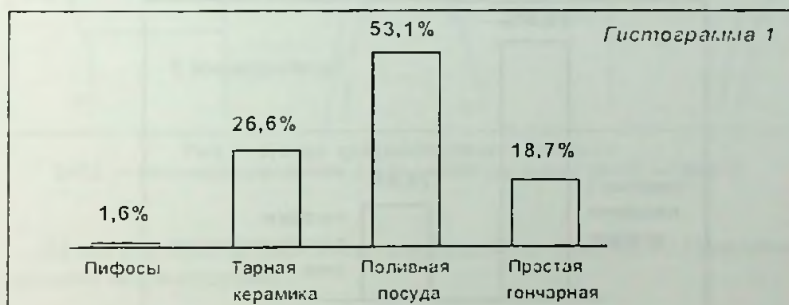
(Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика)

В одной из предшествующих статей автором была опубликована поливная керамика из этого комплекса, анализ которой позволил отнести его к началу XI в. (Сазанов 2000). Предлагаемая вниманию статья посвящена анализу остального — пифосов, амфор, простой гончарной посуды.

Их распределение по функциональным категориям иллюстрируют табл. 1 и гистогр. 1

Таблица 1

№	Категории	Количество фрагментов				Соответствие числу целых сосудов	
		Венчики + горла	Ручки	Донья	Всего	Всего	%
1	Пифосы	0	0	1	1	1	1,6
2	Тарная керамика	53	13	9	76	17	26,6
3	Поливная посуда	См. мою статью «Комплекс византийской поливной керамики...»				34	53,1
4	Простая гончарная	12		53,1 15	27	12	18,7
	Всего					64	

Приведенная статистика комплекса хорошо показывает его характерную черту — абсолютное преобладание парадной поливной посуды над остальными функциональными категориями. Возникает вопрос, насколько такая картина характерна для X–XI вв? Ответа на него пока нет, поскольку полные публикации комплексов X в. содержит пока только одна статья Л. В. Седиковой, в которой изданы два комплекса X в. (Рыжов, Седикова 2000). Эта публикация показывает совершенно иное соотношение поливной керамики и остальных групп. Здесь возможны два предположения: либо абсолютное доминирование поливной керамики — специфика нашего комплекса, либо такое соотношение является характерным для комплексов начала XI в., когда происходит «взрыв» импорта византийской поливной посуды в Крым. Однако решение этого вопроса возможно лишь при накоплении материалов.

Пифосы. (Рис. 1,1)

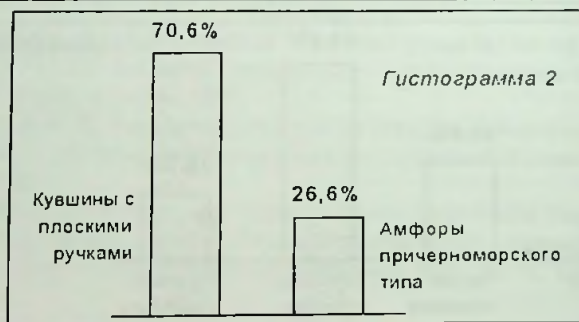
Пифосы представлены одним дном, не имеющим четких хронологических реперов.

Тарная керамика (Рис. 1,2 – Рис. 10)

Соотношение тарных сосудов показывают табл. 2 и гистогр. 2

Таблица 2

№	Название	Количество фрагментов					Соответствие числу целых сосудов	
		Венчики + горла	Ручки	Донья	Всего	%	Всего	%
1	Кувшины с плоскими ручками (Рис. 1,2 – Рис. 9)	50	11	8	69	90,8	12	70,6
2	Амфоры причерноморского типа (Рис. 10)	4	2	1	7	9,2	5	29,4
	Всего	54	13	9	76		17	

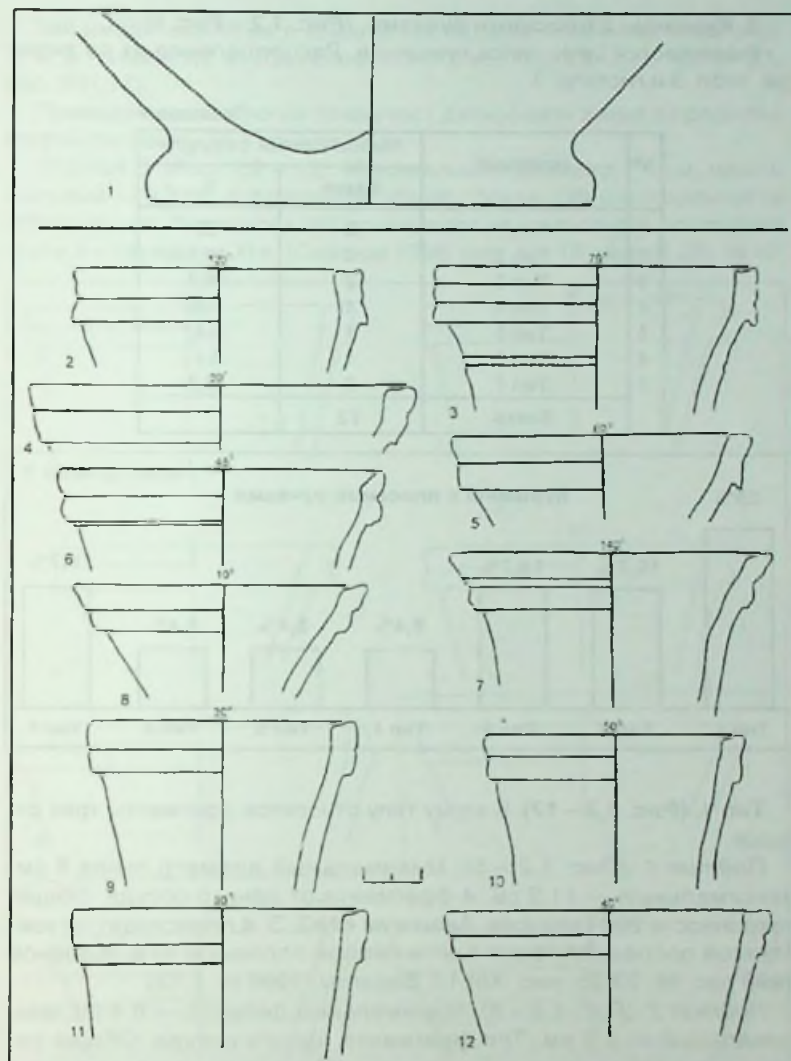

Рис. 1. Донце красноглиняного пифоса;
2-12 — венчики кувшинов с плоскими ручками (2-12 — тип 1).

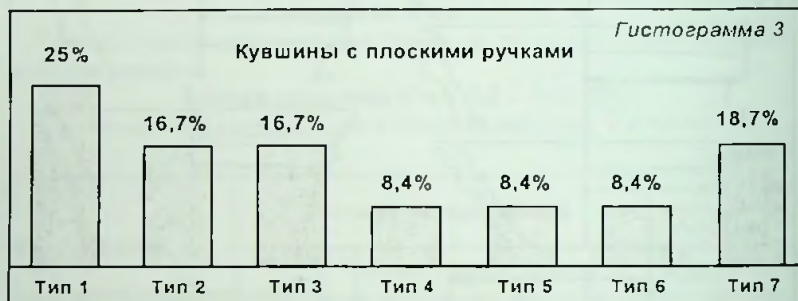
Из них явствует абсолютное преобладание кувшинов с плоскими ручками над амфорами.

1. Кувшины с плоскими ручками. (Рис. 1,2 – Рис. 9)

Выделяются семь типов кувшинов. Распределение их по типам см. табл. 3 и гистогр. 3.

Таблица 3

№	Название	Число целых сосудов	
		Всего	%
1	Тип 1	3	25
2	Тип 2	2	16,7
3	Тип 3	2	16,7
4	Тип 4	1	8,4
5	Тип 5	1	8,4
6	Тип 6	1	8,4
7	Тип 7	2	16,7
	Всего	12	

Тип 1. (Рис. 1,2 – 12). К этому типу относятся фрагменты трёх сосудов.

Подтип 1. (Рис. 1,2 – 5). Минимальный диаметр горла 8 см, максимальный — 11,2 см. 4 фрагмента от одного сосуда. Общая сохранность 280 градусов. Аналогии к №2, 3, 4 происходят из комплексов последней трети X в. и первой половины XI в. (Сазанов 1998, рис. IX, 23,25; рис. XIII, 14; Sazanov, 1996 pl. 1, 13).

Подтип 2. (Рис. 1,6 – 8). Минимальный диаметр — 8,4 см, максимальный — 9,6 см. Три фрагмента одного сосуда. Общая сохранность 195 градусов. Аналогии к №6 происходят из контекста последней трети X в. (Сазанов 1998, рис. IX, 21). Параллели №7 обнаружены на венчиках кувшинов из комплексов второй половины IX в., последней трети X в. и первой половины XI в. (Сазанов 1998, Рис. VII, 30, 37; Рис. IX, 24, 25; Рис. XIII, 14; Сазанов, Романчук, Седикова 1995, табл. 31, 139).

№8 имеет аналогии в комплексах второй половины IX в., сер. XI в. и начала XII в. (Сазанов 1998, рис. XIII, 26, рис. VII, 31, 37, рис. XVI, 17)

Приведенные аналогии позволяют датировать сосуд в пределах второй половины IX — начала XII в.

Подтип 3. (Рис. 1, 9 — 12). Минимальный диаметр 7,4 см, максимальный — 9,2 см. 4 фрагмента одного сосуда. Общая сохранность 200 градусов. Аналогии к №9 происходят из комплексов последней трети X и середины XI в. (Сазанов 1998, рис. XIII, 14, рис. IX, 25). №10,

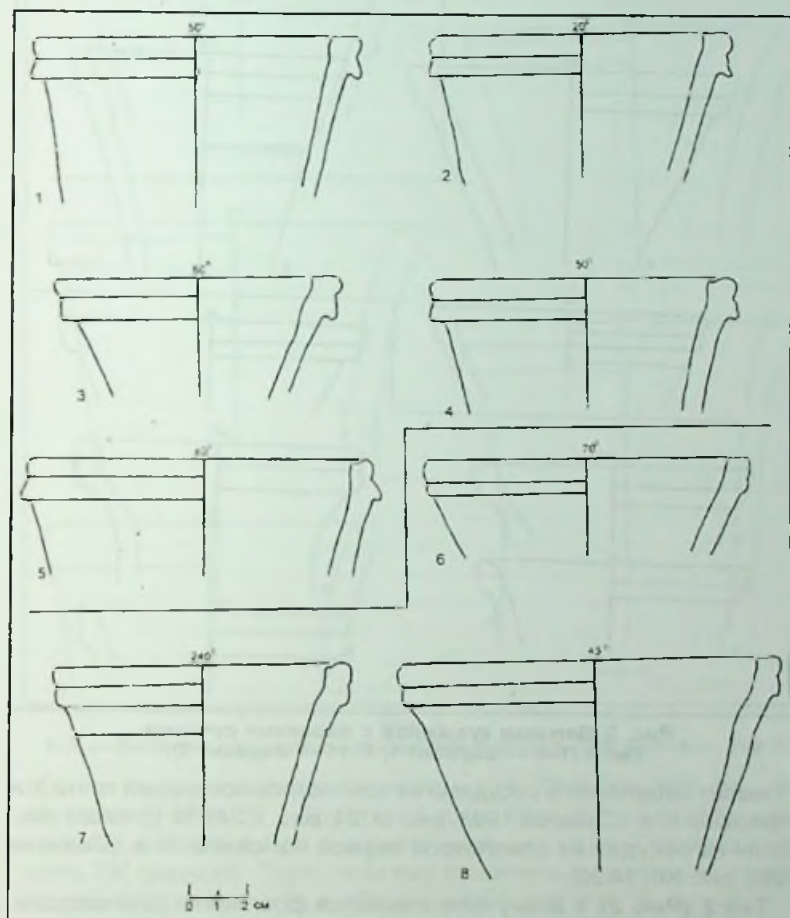

Рис. 2. Венчики кувшинов с плоскими ручками.
Тип 2 (1–5 — вариант 1, 6–8 — вариант 2).

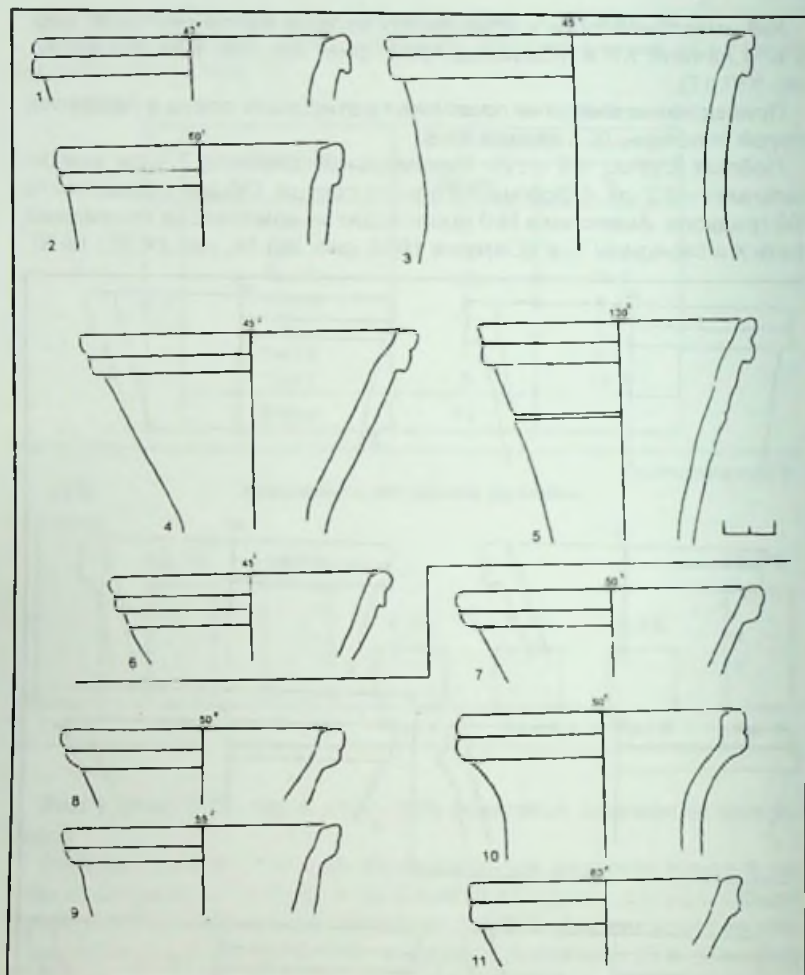

Рис. 3. Венчики кувшинов с плоскими ручками.

Тип 3 (1–6 — вариант 1, 7–11 — вариант 2).

11 имеет параллели с сосудами из комплексов последней трети X и середины XI в. (Сазанов 1998, рис. IX, 24; рис. X, 24). №12 имеет аналогии на сосудах из комплексов первой половины XI в. (Сазанов 1998, рис. XIII, 14, 26).

Тип 2. (Рис. 2). К этому типу относятся фрагменты двух сосудов. Первый имеет минимальный диаметр 8 см, максимальный 10,2 см. Общая сохранность 220 градусов. Аналогии ему (Рис. 2, 1 – 5) проис-

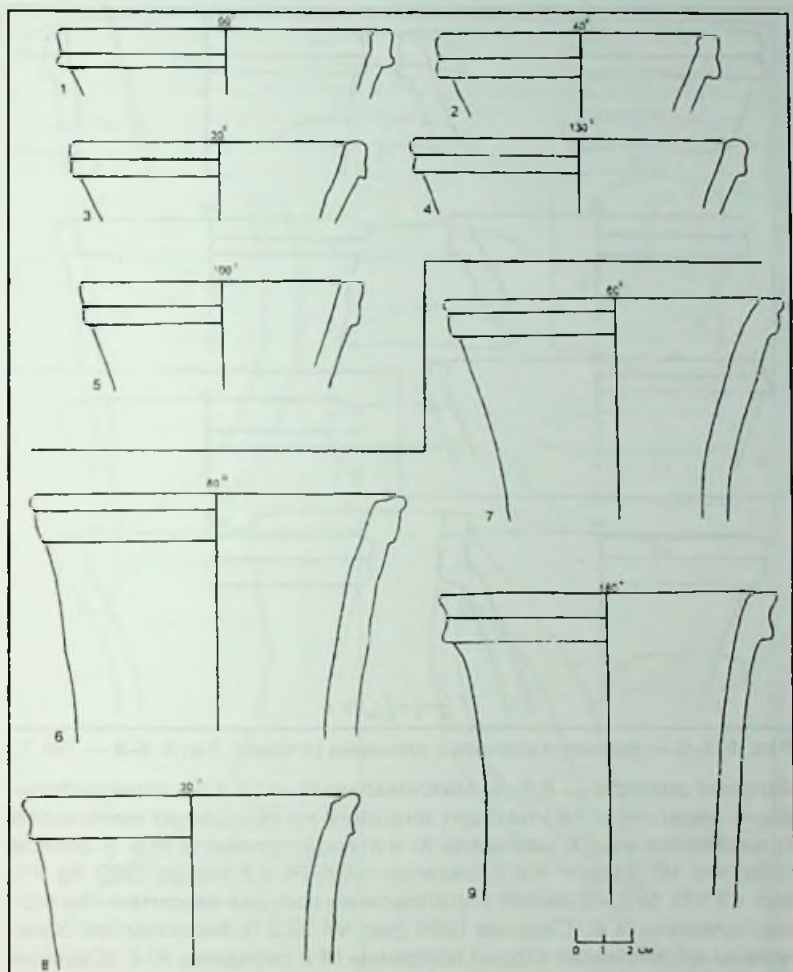

Рис. 4.

1-5 — Венчики кувшинов с плоскими ручками. Тип 4; 7-9 — Тип 5.

ходят из комплексов первой половины XI в. (Сазанов 1998, рис. XIII, 11; Sazanov 1996, Pl. 1, 9). Второй сосуд (Рис. 2, 6 – 8) имеет минимальный диаметр 8,4 см, максимальный — 11,2 см. Общая сохранность 350 градусов. Параллели ему встречены в комплексах первой половины XI и начала XII в. (Сазанов 1998, рис. XIII, 10, рис. XVI, 14).

Тип 3. (Рис. 3). К этому типу относятся два сосуда. Венчики первого из них (Рис. 3, 1 – 6), имеющего сохранность 360 градусов, мини-

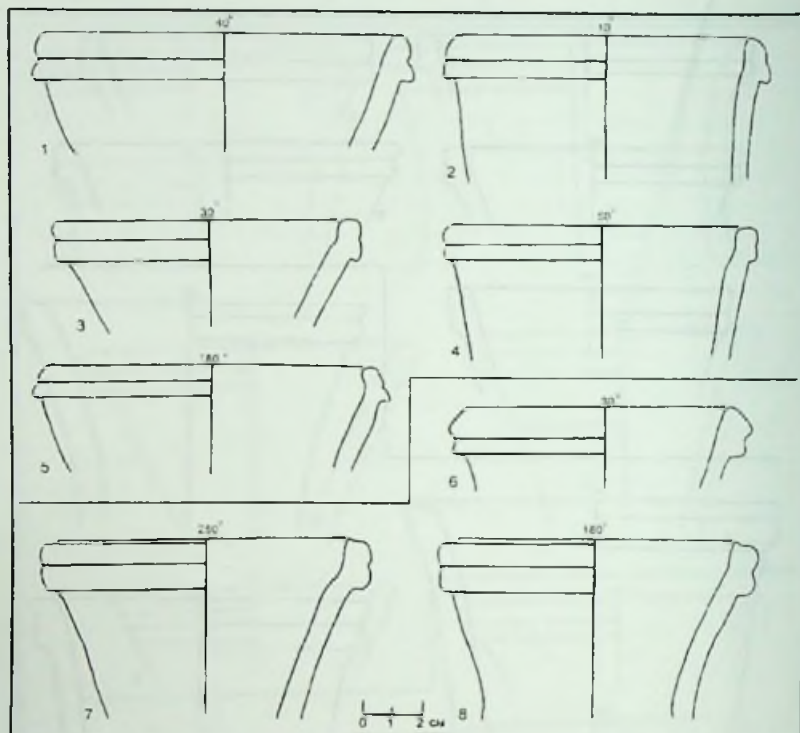

Рис. 5. 1–5 — Венчики кувшинов с плоскими ручками. Тип 6. 6–8 — Тип 7

мальный диаметр — 8,6 см, максимальный — 11,4 см, имеют следующие параллели. №1 находит аналогии на сосудах из комплексов второй половины IX, середины XI и второй половины XI в. (Сазанов 1998, рис. VII,30, рис. XIII,1; Sazanov 1996, Pl. 1,1; Hayes 1992, fig 71, der. 43,53). №2 – 5 имеют параллели на сосудах из контекстов второй половины IX в. (Сазанов 1998, рис. VII,30,31). Аналогии №6 обнаружены в комплексах второй половины IX и середины XI в. (Сазанов 1998, рис. VII,37, рис. XIII,1). Это позволяет относить этот сосуд ко второй половине IX – первой половине XI в.

Второй сосуд представлен пятью венчиками (Рис. 3, 7 – 11), имеет общую сохранность 265 градусов, минимальный диаметр — 8,6 см, максимальный — 10 см. Они имеют параллели в комплексах середины XI в. и начала XII в. (Сазанов 1998, рис. XIII,21, рис. XVI,20)

Тип 4. (Рис. 4,1 – 5). Пять венчиков от одного сосуда, общей сохранностью 360 градусов, т.е. целое горло. Минимальный диаметр 8,6 см, максимальный — 10,4 см №1 имеет параллели на сосудах из

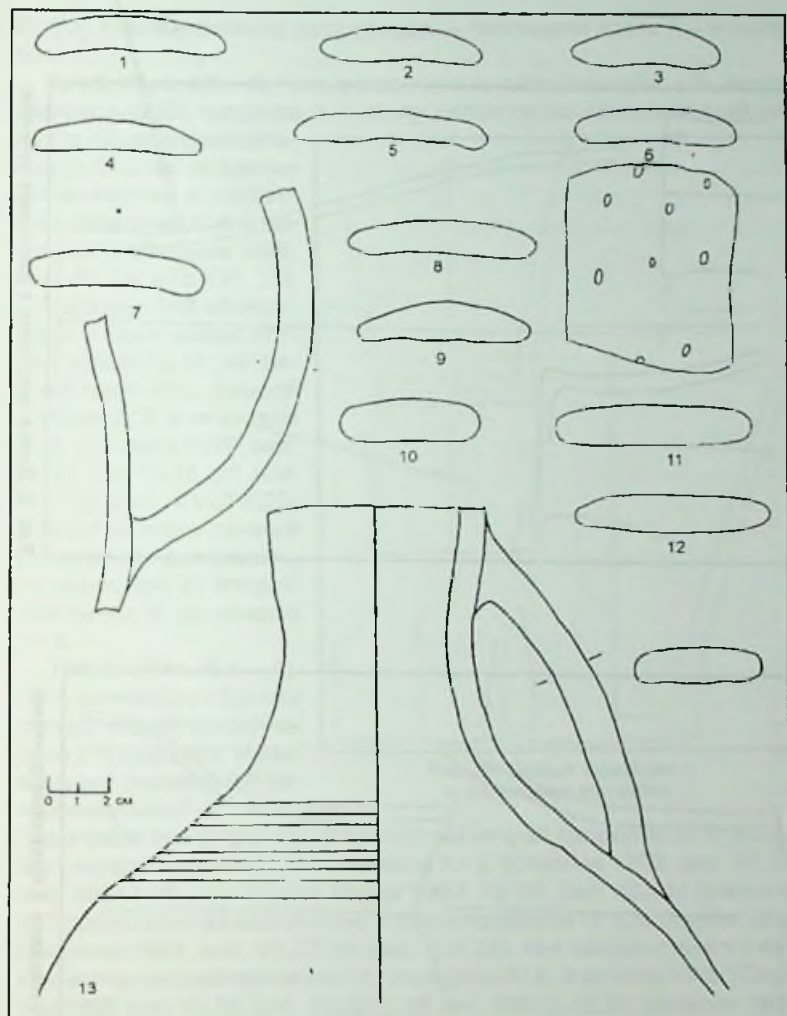

Рис. 6. Горло и ручки кувшинов с плоскими ручками.

комплексов последней трети X в. и первой половины XI в. (Сазанов 1998, рис. IX, 18, рис. XIII, 30, 32). Второй венчик (№2) имеет аналогии на сосудах из комплексов первой половины XI в. (Сазанов 1998, рис. XIII, 30 – 32). Венчики №3, 4 находят параллели на сосудах из комплексов начала XII в. (Сазанов 1998, рис. XVI, 31, 32). Венчик №5 находит аналогии в комплексах первой половины XI в. (Sazanov 1996,

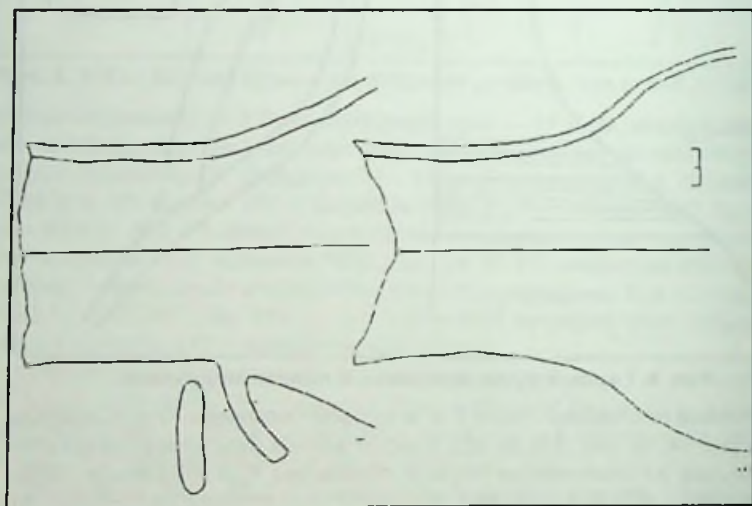

Рис. 7. Горла кувшинов с плоскими ручками.

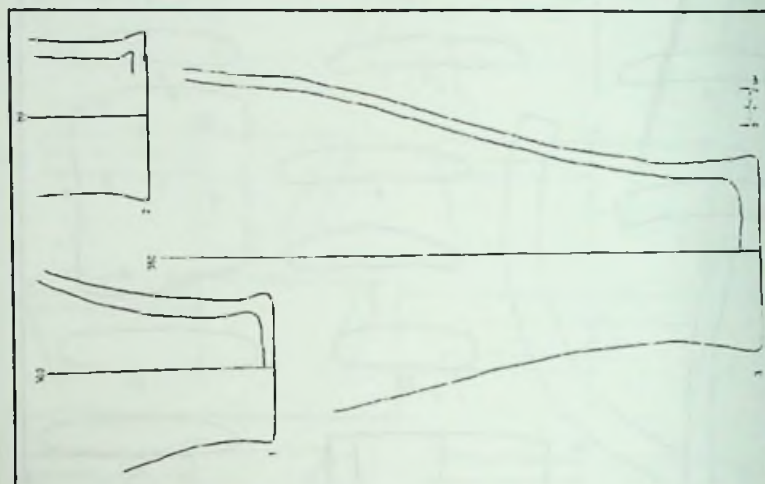

Рис. 8. Донья кувшинов с плоскими ручками.

РІ 1,2) Соответственно дата сосуда — последняя треть X — начало XII в.

Тип 5. (Рис. 4,6 — 9). Четыре венчика от одного сосуда, общей сохранностью 350 градусов, т. е. почти целое горло. Минимальный диаметр 10 см, максимальный — 11,2 см. Аналогии №6 известны в контекстах середины XI в. и начала XII в. (Сазанов 1998, рис. XIII,24, рис. XVI, 27). Параллели №9 обнаружены в комплексах второй половины IX, последней трети X в., первой половины XI в. и начала XII в. (Сазанов 1998, рис. VII,32, рис. IX,18, 24, рис. XIII,18, рис. XVI,16,23). Исходя из этого данный сосуд может датироваться периодом от второй половины IX до начала XII в.

Тип 6. (Рис. 5,1 — 5). Пять венчиков от одного сосуда, общей сохранностью 310 градусов. Минимальный диаметр 8,6 см, максимальный — 11 см.

Параллели №1 встречены в контекстах второй половины IX в., конца X в., первой половины XI в. и начала XII в. (Сазанов 1998, рис. VII,33, рис. XIII,13,19, рис. XVI,24; Hayes 1992, fig. 66, dep. 40,41). Аналогии №2 происходят из комплексов второй половины IX в. и начала XII в. (Сазанов 1998, рис. VII,33,36, рис. XVI,25). №4 находит аналогии в контекстах второй половины IX, середины XI в. и начала XII в. (Сазанов 1998, рис. VII,38, рис. XIII,5,15,33, рис. XVI,15,18,30; Sazanov 1996, pl. 4,16). Это позволяет относить данный сосуд ко второй половине IX — началу XII в.

Тип 7. (Рис. 5,6 — 8). Венчики от двух сосудов. Минимальный диаметр 8 см, максимальный 9,4 см. Аналогии позволяют относить их ко второй половине IX — середине XI в. (Сазанов 1998, рис. VII,37, рис. XIII,23; Sazanov 1996, pl. 4,8).

Ручки и донья кувшинов с плоскими ручками не имеют чётких хронологических реперов (Рис. 6 — 9).

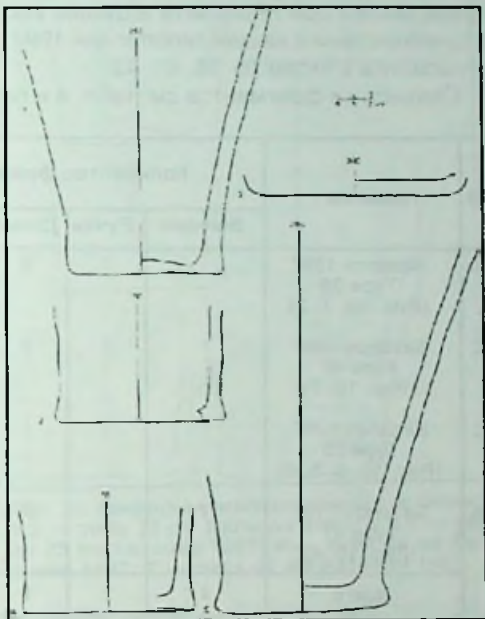

Рис. 9. Донья кувшинов с плоскими ручками.

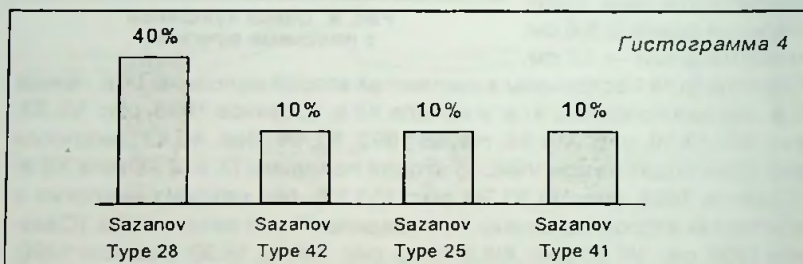
Амфоры (Рис. 7)

Амфоры представлены четырьмя типами, или, если придерживаться классификации А. Л. Якобсона, четырьмя вариантами «амфор причерноморского типа». Каждый из этих типов (или вариантов) представлен при пересчёте в целые сосуды одним экземпляром. В соответствии с нашей типологией 1997 г. обнаруженные амфоры относились к типам 28, 25, 41, 42.

Статистика фрагментов см. табл. 4 и гистогр. 4

Таблица 4

№	Название	Количество фрагментов					Соответствие числу целых сосудов	
		Венчики	Ручки	Донья	Всего	%	Всего	%
1	Sazanov 1997 Type 28 (Рис. 10, 1, 2)	1	1	0	2	28,6	2	40
2	Sazanov 1997 Type 42 (Рис. 10, 7)	1	0	0	1	14,3	1	20
3	Sazanov 1997 Type 25 (Рис. 10, 3, 5, 6)	1	1	1	3	14,3	1	20
4	Sazanov 1997 Type 41 (Рис. 10, 4)	1	0	0	1	14,3	1	20
Всего		4	2	1	7		5	

1. Амфоры с отогнутым венчиком (Sazanov 1997. Тип 28). (Рис. 10,1,2)

Обнаруженные фрагменты относятся к двум амфорам этого типа. От одной сохранилось горло, от другой — средняя часть ручки. Горло амфоры с резко отогнутым венчиком с небольшой западиной соответствует нашему типу 28, который был датирован нами 1997 г. широким периодом от 570 – 580 гг. до конца X в. (Sazanov 1997, fig. 3,

28, р. 94). Верхняя граница, однако, требует корректировки. Наиболее ранними амфорами данного класса с таким венчиком являются амфоры из комплексов Ильичевки и Баклинского городища 570 – 580 гг. (Рис. 11,1–3) (Sazanov 1997, fig 3,1, Талис 1982, рис. 2,5; 6). Хронологически следующим являются амфоры из комплекса засыпи колодца в первом квартале Херсонеса конца VI – начала VII в. (Рис. 11,4). (Сазанов 1991, рис. 1,1). Этап второй половины VII в. представлен амфорой из Тау-Кипчака (Рис. 11,5) (Баранов 1990, рис. 9,4). Следующую ступень эволюции представляют амфоры первой половины IX в. из Херсонеса и Кыз-

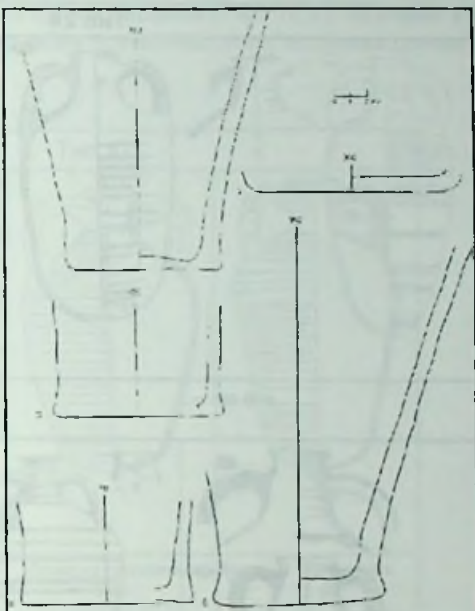

Рис. 10. Амфоры «причерноморского типа»: 1,2 — типа 28 по Sazanov 1997; 3,5,6 — типа 25 по Sazanov 1997; 4 — типа 41 по Sazanov 1997; 7 — типа 42 по Sazanov 1997.

Кермена (Рис. 11,6,7) (Сазанов, Романчук, Седикова 1995, табл. 24, 99, Белый, Назаров 1992, рис. 12,1). Во второй половине IX в. эти амфоры зафиксированы в печи Радиогорки, Дмитриевском поселении и Керчи (Рис. 11,8–10) (Сазанов 1998, рис. VII,24, Седикова 1994, рис. 3,9; Плетнева 1989, рис. 28,6). X веком «или немного раньше» датирует амфору этого типа из Константинополя Дж. В. Хэйс (Рис. 11,11) (Hayes 1992, fig. 25,3 type 50). Верхняя дата этих амфор приходится на первую половину XI в. (Седикова 1997, с. 12). В Италии амфоры с таким венчиком, но иным донцем типичны для X–XI вв. (Di Gangi, Lebole 1997, fig. 1,16,21).

Приведённые данные из комплексов достаточно очевидно указывают на длительное бытование типа от 570 – 580 гг. до первой половины XI в., что влечёт за собой невозможность более или менее точной даты, если датировать на уровне типа. Поэтому обратимся к точным аналогиям по формам венчика, ручек и их положению.

При таком подходе аналогиями нашему горлу являются амфоры из комплексов Херсонеса первой половины IX в. (Рис. 11,6), Дмитриевского поселения и Керчи второй половины IX в. (Рис. 11,9,10). Та-

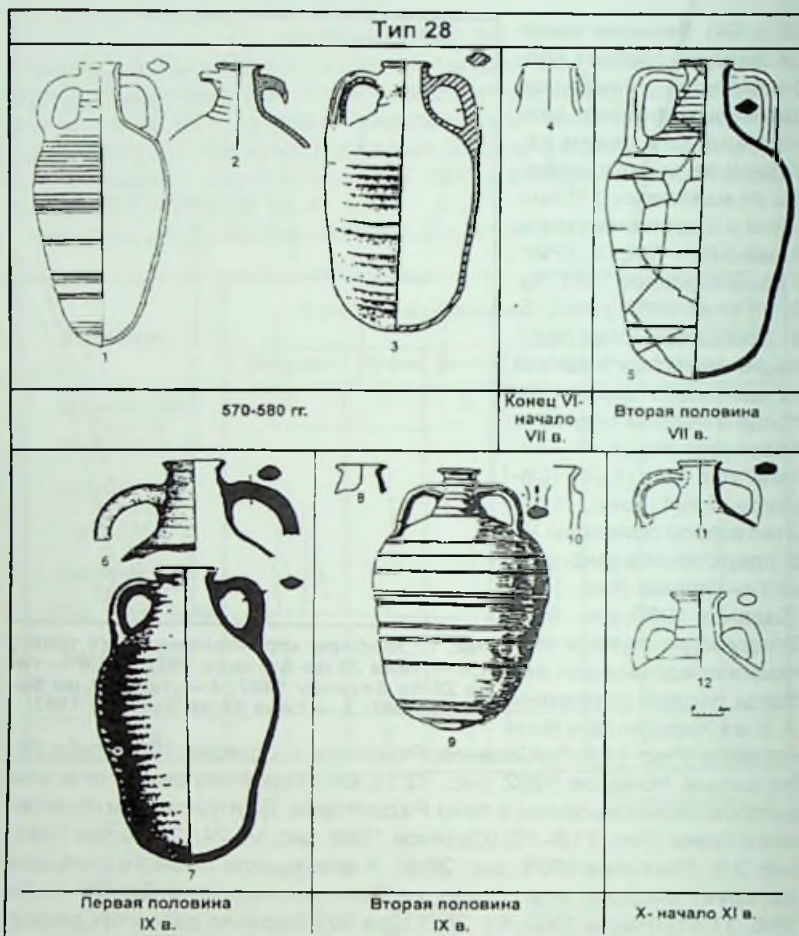

Рис. 11. Амфоры типа 28 по Sazanov 1997. Эволюция и хронология.
 1 — Ильичёвка помещение IV; 2 — Бакла, 1964 г., шурф 1. Зелёный слой; 3 — Бакла 1970 г. 70/142. П. IX. Зелёный слой; 4 — Херсонес 1976–1977 гг. Колодец в 1 квартале северо-восточного района;
 5 — Тау-Кипчак. Яма 5; 6 — Херсонес 1987–1991. Водохранилище;
 7 — Кыз-Кермен. Постройка 1; 8 — Печь у Радиогорки;
 9 — Дмитриевское поселение. Сушильное помещение у гончарных мастерских; 10 — Керчь, 1963 г. Штыки 5 — 7. Слой второй половины IX в.; 11 — Константинополь. Сарачаны. Из 1212;
 12 — Херсонес, амфора из рассматриваемого комплекса.

ким образом, данная амфора может быть датирована первой половиной IX – первой половиной XI в.

Ручка, профилированная одним валиком (Рис. 10,2), не имеет узкой хронологии, датируется всем временем существования данного типа.

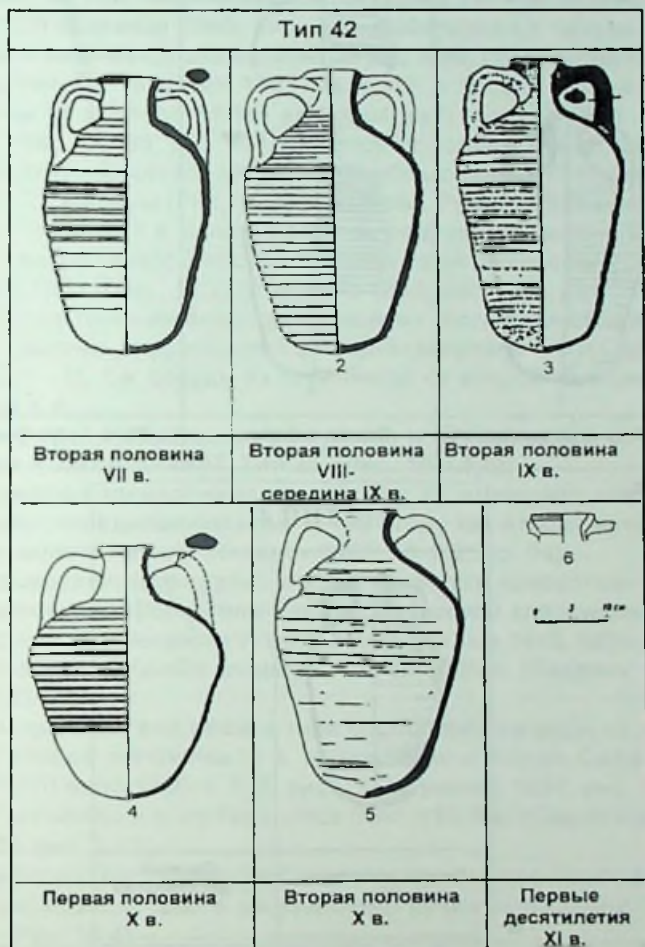

Рис. 12. Амфоры типа 42 по Sazanov 1997. Эволюция и хронология.

- 1 — Тау-Кипчак. Яма 6; 2 — Тепсень;
 3 — Пташкино 1964 г. Бой в северном нефе храма;
 4 — Херсонес 1998. Двор квартала X в. Цистерна 5;
 5 — Саркел. 1 метр хазарского слоя; 6 — Херсонес, амфора из рассматриваемого комплекса.

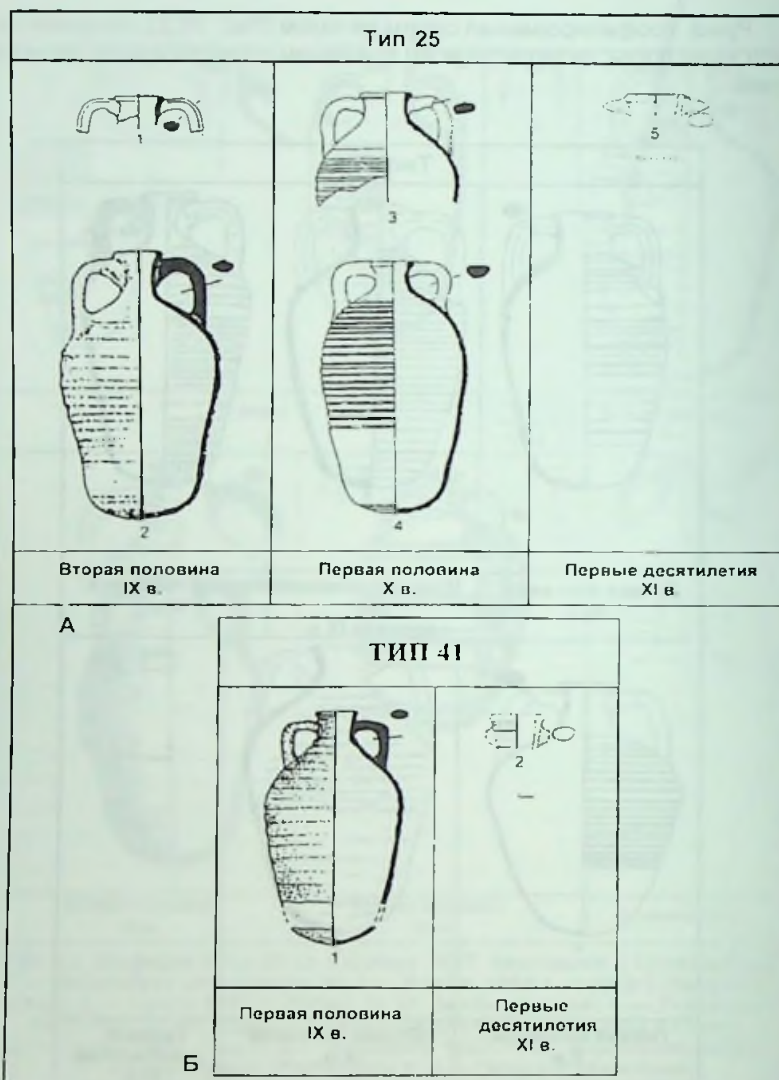

Рис. 13. А — Амфоры типа 25 по Sazanov 1997. Эволюция и хронология. 1 — Ходжа-Сала. Слой 4; 2 — Пташкино 1964 г. Храм; 3, 4 — Херсонес 1998. Двор квартала X б. Цистерна 5; 5 — Херсонес, амфора из рассматриваемого комплекса; Б — Амфоры типа 41 по Sazanov 1997. Эволюция и хронология. 1 — Горный Ключ; 2 — Херсонес, амфора из рассматриваемого комплекса.

2. Амфора с плавно отогнутым венчиком (Sazanov 1997. Тип 42.) (Рис. 10,7).

Предшественниками этих амфор являются амфоры из комплексов Тау-Кипчака второй половины VII в. (Рис. 12,1) (Баранов 1990, рис. 10,7) и Тепсея второй половины VIII – середины IX в. (Рис. 12,2) (Баранов 1990, рис. 7,8). Собственно с тепсеньской амфоры и начинается эволюционный ряд типа, соответствующего нашему типу 42. (Sazanov 1997, fig. 4. 42, p. 96,97). Этап второй половины IX в. представлен амфорой из Пташкино (Рис. 12,3) (Гадло 1980, с. 135, рис. 7е). К первой половине X в. относится амфора из херсонесской цистерны, опубликованная Л. В. Седиковой и С. Г. Рыжовым (Рис. 12,4) (Седикова, Рыжов 2000, рис. 3,1). Вторая половина X в. в эволюционном ряду представлена амфорой из 1 метра хазарского слоя Саркела, слоя разрушения Свято-славом в 965 г. (Рис. 12,5) (Плетнева 1959, рис. 28,2, рис. 50,11).

Наиболее точными аналогиями нашему горлу являются амфоры из Пташкино, херсонесской цистерны квартала X б и Саркела (Рис. 12,3 – 5), т.е. сосуды из комплексов от второй половины IX до конца X в.

3. Амфоры с овальным венчиком и отходящими от него ручками — Sazanov 1997. Тип 25. (Рис. 10,3,5,6)

Эта амфора принадлежит нашему типу 25, имеющему широкую датировку, определенную нами в 1997 году как вторая четверть VI – X в. включительно. (Sazanov 1997, fig. 2,25, p. 94)

Предшественниками этих амфор являются красноглиняные круглодонные амфоры типа 5 по херсонесской классификации 1971 года второй четверти VI в. (Воронов, Бражюа 1985, табл. 27,2) и амфора из Тау-Кипчак конца VII – начала VIII в. (Sazanov 1997, fig. 2,25,2).

Эволюционный ряд нашего типа составляют амфоры из комплексов второй половины IX в. в Пташкино и Ходжа-Сала (Рис. 13А,1,2) (Гадло 1980, с. 135, рис. 7Б; Наumenко 1997, рис. 3,7) и первой половины X в. из Херсонеса (Рис. 13А,3,4) (Седикова, Рыжов 2000, рис. 2,1,5).

4. Амфоры с расширяющимся кверху горлом, валикообразным венчиком, ниже которого прикреплены ручки — Sazanov 1997. Тип 41. (Рис. 10,4)

Соответствует нашему типу 41, представленному амфорой из поселения Горный ключ первой половины IX в. (Рис. 13 Б.1) (Сазанов, Романчук, Седикова 1995, рис. 23,128; Sazanov 1997, fig. 4,41, p. 96).

Простая гончарная посуда (Рис. 14 – 16)

До накопления материалов автор статьи предпочитает рассматривать всю кухонную и столовую посуду под одной рубрикой

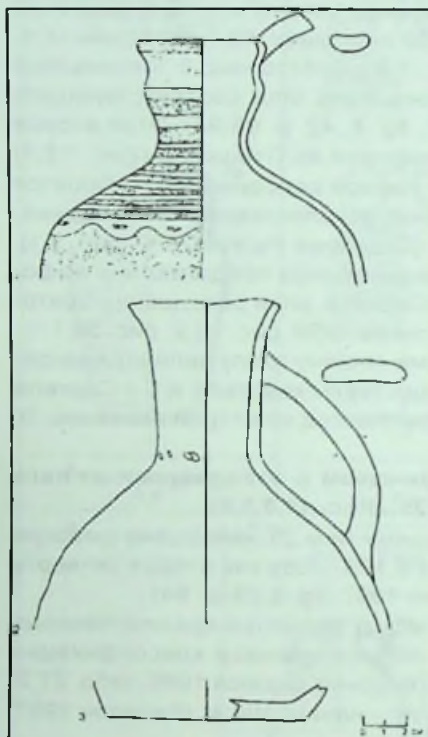

Рис. 14. Кувшины:
1 — «скалистинского типа»;
2, 3 — с давлениями на горле.

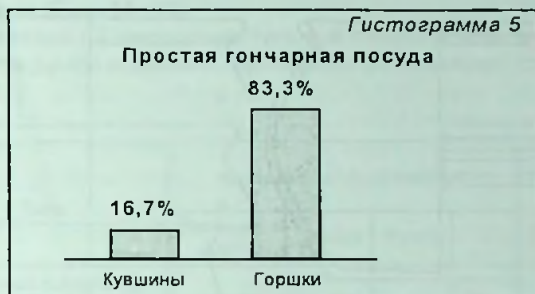
«простая гончарная посуда». Дело в том, критерием при разделении посуды на кухонную и столовую служит ее функциональное использование — для приготовления пищи (кухонная) или в качестве «столовой сервировки». Следовательно, главным диагностическим признаком такого разделения является наличие или отсутствие следов гари, копоти, т. е. всего того, что связано с приготовлением пищи в том или ином сосуде. Помимо того, что такие следы не всегда сохраняются, на сегодняшний день для изучаемого периода нет устойчивой корреляции следов использования сосуда в качестве кухонного с соответствующими типами или формами. Поэтому мы рассматриваем всю неполированную посуду в одной рубрике. При этом оговариваются формы, относящиеся к кухонной посуде.

Общее соотношение форм сосудов см. табл. 5 и гистогр. 5.

Из таблицы видно абсолютное преобладание горшков.

Таблица 5

№	Функциональные группы	Соответствие числу целых сосудов					
		Венчики + горла	Донья	Всего	%	Всего	%
1	Кувшины (Рис. 14)	2	1	3	11,1	2	16,7
2	Горшки (Рис. 15, 16)	10	14	24	88,9	10	83,3
	Всего	12	15	27		12	

1. Кувшины (Рис. 14)

Они представлены двумя типами. Один из кувшинов — широко известная энохоя т.н. «Скалистинского типа» (Рис. 14,1). Глина коричневатого оттенка, плотная. Включений 20 %. Преобладают известняк и карбонаты, встречается песок.

Обычно эти кувшины датируют VII — второй половиной IX в (Науменко 1997, с. 338). Однако находки в комплексах фиксируют их появление в 570 — 580 гг. (Ильичёвка), их существование на протяжении X и первых десятилетий XI в. (Седикова, Рыжов 2000, рис 6,1—7; Сазанов 1994, с. 47, 48) Верхнюю дату подтверждает и наш комплекс.

Встреченный в нашем комплексе кувшин «скалистинского типа» имеет венчик, резко отличающийся от ранних эк-

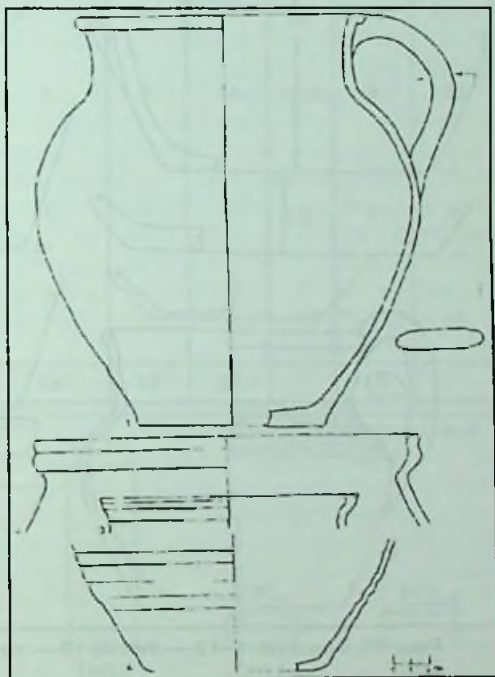

Рис. 15. Горшки: 1 — тип 1; 2-4 — тип 2.

земпляров и близкий к венчику сосуда из херсонесского комплекса первой половины X в. (Седикова, Рыжов 2000, рис. 6,5).

Второй кувшин (Рис. 14,2,3) изготовлен из коричневато-красной

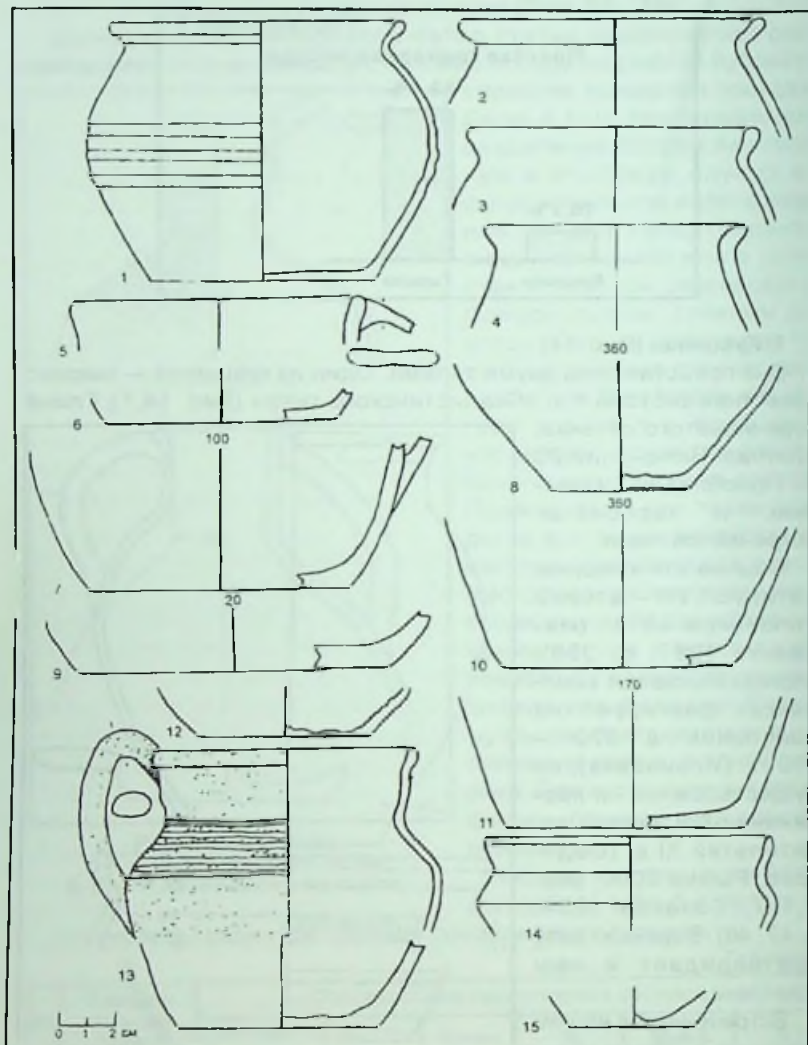

Рис. 16. Горшки: 1-12 — тип 3; 13 — тип 4; 14, 15 — тип 5.

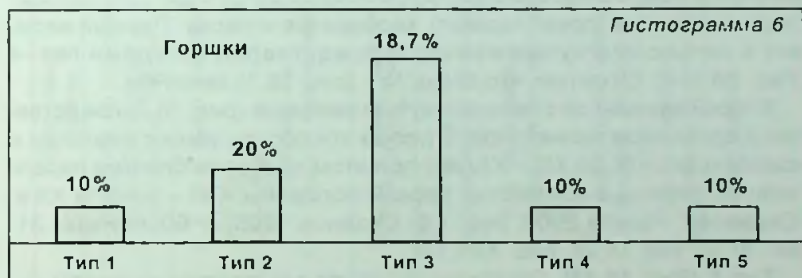
мелкозернистой глины. Включения составляют примерно 10 %. Преобладают железистые минералы, встречаются песок и карбонаты. На горлышке — давления. Точной аналогии ему нет, близок кувшин из уже упоминавшегося херсонесского комплекса первой половины X в. (Седикова, Рыжов 2000, рис. 6,8).

2. Горшки (Рис. 15–16)

Они делятся на несколько типов в зависимости от размеров, количества ручек и формы горла. Их соотношение см. табл. 6 и гистогра 6

Таблица 6

Тип	Типы	Количество фрагментов				Соответствие числу целых сосудов	
		Венчики + горла	Донья	Всего	%	Всего	%
1	Крупный горшок одноручный горшок диаметром венчика 14 см (Рис. 15,1)	Целая форма		1	4,2	1	10
2	Горшки одноручные с трапецевидным зубчатым венчиком диаметром 13–20 см. (Рис. 15,2–4)	2	1	3	12,5	2	20
3	Горшки одноручные без выделенного горла, с диаметром венчика 9–10 см. (Рис. 16,1–12)	5	9	14	58,3	5	50
4	Горшки одноручные с выделенным горлом, с диаметром венчика 9 см. (Рис. 16,13)	1	1	2	8,4	1	10
5	Горшки двуручные (Рис. 16,14,15)	1	3	4	16,7	1	10
Всего		10	14	24		10	

Наибольшее число принадлежат одноручным горшкам без выделенного горла, с диаметром венчика 9–10 см.

Тип 1. (Рис. 15,1). Массивный горшок, с овальным венчиком и

плоской ручкой, прикрепленной к нему, изготовлен из желтовато-оранжевой мелкопористой глины. Включения составляют примерно 20%. Преобладают песок и железистые минералы. Горшок закопчен, что свидетельствует о его «кухонном» использовании. Аналогичные сосуды известны в слое второй половины IX в. Керчи, херсонесских комплексах первой половины X в. (Седикова, Рыжов 2000, рис. 7, 1–9; Сазанов 1998, рис. VIII, 1–3, с. 57) и Тмутаракани конца X – первой половины XI в. (Сазанов 1998, рис. III, 23, признак 23). Нами уже отмечалась их общая дата — от конца IX до первой половины XI в.

Тип 2. (Рис. 15, 2–4). Горшки одноручные с трапециевидным зубчатым венчиком диаметром 13–20 см.

Венчик первого горшка (рис. 15, 2) изготовлен из серовато-коричневой мелкопористой глины. Включения составляют около 7%. Преобладают известняк и карбонаты, встречаются железистые минералы. Венчик закопчен. Аналогичные сосуды встречены в комплексах первой половины IX в. (Седикова 1995, рис. 6, 9–11), второй половины IX в. (Седикова 1995 а, рис. 2, 1, 4) и первой половины X в. (Седикова, Рыжов 2000, рис. 8, 14).

Венчик второго горшка (рис. 15, 3) изготовлен из темно-бурой мелкозернистой глины. Включения составляют примерно 25%. Преобладают песок и железистые минералы. Горшок принадлежит к варианту того же типа, что и предшествующий. Датируется он тем же временем. Аналогичный венчик был обнаружен в зеленоватом слое Баклы, относящемся к первой половине IX – середине XI в. (Талис 1982, рис. 9, 7; Сазанов 1994, с. 53, 54).

Тип 3. (Рис. 16, 1–12). Горшки одноручные без выделенного горла, с диаметром венчика 9–10 см с отогнутым венчиком разной степени отогнутости.

Глина у этих сосудов от желтовато-красного до серовато-коричневого оттенков, мелкопористая, со включениями от 7 до 10% железистых минералов (преобладают), карбонатов и песка. Первый вариант с сильно отогнутым венчиком представлен сосудами №1–4 (Рис. 16, 1–4). Отметим, что сосуд №1 (рис. 16, 1) закопчен.

Второй вариант со слабо отогнутым венчиком (рис. 16, 5) представлен в единичном экземпляре. В целом эти сосуды имеют аналогии в комплексах от IX до XIII – XIV вв., при этом наиболее близкие параллели встречены в контекстах первой половины X в. – начала XII в. (Седикова, Рыжов 2000, рис. 7, 9, Сазанов 1998, с. 60, признак 31, рис. IV, 31, рис. IX, 26, рис. XVII, 18).

Тип 4. (Рис. 16, 13). Одноручный горшок с выделенным горлом диаметром венчика 9 см, украшенный орнаментом в виде полос ангоба изготовлен из коричневатой-сероватой мелкозернистой глины, со включениями порядка 15% железистых минералов и отдельными карбонатами. Точных параллелей этому сосуду найти не удалось.

Таблица 7

№ п/п	№ по описи	Определение Монеты	Аналоги	Металл	Размер	Сохран.	Дата
1	11	Л.с. буквы Kw, по сторонам точки. О.с. Портрет Константина. Херсон	Анохин 1977. Табл. XXVI, ср. 397,8	медь	13 мм	Край обломан	913–919 гг.
2	12	Л. с. О. с. крест. Херсон	Анохин 1977. Табл. XXVII, ср. 411 и след	медь	18 мм	Средняя	920–944 гг.
3	13	Л.с. буквы Kw, О.с. Портрет Константина	Анохин 1977. Табл. XXVI, ср. 398	медь	17 мм	Средняя	913–919 гг. Выпуск времени императора Константина Багрянородного
4	14	Л. с. О. с. крест. Херсон	Анохин 1977. Табл. XXVII, ср. 411 и след	медь	17 мм	Средняя	920–944 гг.
5	15	Минерализована, изображение не читается	–	–	–	–	–
6	16	Л. с. (монограмма имени Константина)		медь	18	Изображения частично стерты	948–959 гг. Выпуск императора Константина Багрянородного (948–959 гг.)
		О. с. (монограмма имени Романа). Херсон					
7	17	Минерализована, изображение не читается	–	–	–	–	–
8	18	М.Б. Херсон	–	медь	15 мм	Очень плохая. В центре отверстие	Может быть Херсон X в.

№ п/п	№ по описи	Определение Монеты	Аналоги	Металл	Размер	Сохран.	Дата
9	19	О. с. крест Херсон	-	медь	Около 5 мм	Очень плохая, обломки	Херсон X в.
10	20	Л. с. О. с. Портрет Льва Херсон	Анохин 1977 Таб. XXVI, ср. 392	медь	14 мм	Край обломан	Лев VI и Александр 886-912 гг.
11	21	Л. с. О. с. крест Херсон		медь	17 мм	Плохая	920-944 гг.
12	22	Л. с. О. с. крест	Анохин 1977. Таб. XXV, № 368 и след.	медь	16 мм	Средняя	Василий I. 867-886 гг.
13	23	Л. с. О. с. крест	Анохин 1977. Таб. XXV, № 368 и след.	медь	17 мм	Средняя	Василий I. 867-886 гг.
14	24	Минерализована, изображение не читается	-	-	-	-	-
15	25	Л. с. О. с. крест Херсон	Анохин 1977. ср. 411 и след.	медь	19 мм	Средняя	920-944 гг.
16	26	Минерализована, изображение не читается	-	-	-	-	-
17	27	Л. с. О. с. Крест, Херсон	Анохин 1977, ср. 391	медь	16 мм	Средняя	886-912 гг. Выпуск импер. Льва VI и Александра.
18	28	Минерализована, изображение не читается	-	-	-	-	-
19	34	М. Б. Херсон	-	медь	16 мм	Очень плохая. В центре отверстие	Может быть Херсон X в.

№ п/п	№ по описи	Определение Монеты	Аналоги	Металл	Размер	Сохран	Дата
20	37	Л. с. О. с. крест. Херсон	Анохин 1977, ср. 412 и след.	медь	17 мм	Плохая	920-944 гг.
21	38	Л. с. К ^w О. с. Крест. Херсон	Анохин 1977, Табл. XXVII, ср. 414 и след.	медь	14 мм	Плохая (край обломан, изображение едва просматривается)	Константин VII, 920-944 гг.
22	39	Л. с. О. с. крест. Херсон.	Анохин 1977, ср. 411	медь	19 мм	Плохая	920-944 гг.
23	40	Л. с. О. с. крест. Херсон.	Анохин 1977, ср. 411	медь	16 мм	Плохая	920-944 гг.
24	41	Изображение не читается		медь		Очень плохая	Херсон X в.
25	42	Л. с. О. с. крест. Херсон.	Анохин 1977, ср. 411	медь	19 мм	Плохая	920-944 гг.
26	53	Л. с. О. с. крест	Анохин 1977, Таб. XXV, № 358 и след.	медь	16 мм	Средняя	Василий I, 867-886 гг.
27	61	Л. с. О. с. крест	Анохин 1977, Таб. XXV, № 368 и след.	медь	15 мм	Средняя	Василий I, 867-886 гг.
28	66	Л. с. О. с. Крест Херсон	Анохин 1977, Табл. XXVI, Ср. № 393	медь	16 мм	Л. с. - изображение едва просматривается	886-912 гг. Выпуск импер. Льва VI и Александра

однако близкие формы, именуемые Л. В. Седиковой «горшочками» зафиксированы в херсонесском комплексе первой половины X в. (Седикова, Рыжов 2000, рис. 7,3,7,8).

Тип 5 (Рис. 16, 14, 15). Двуручный сосуд (кастрюля?) изготовлен из красновато-оранжевой плотной глины. Включения (около 5%) составляют карбонаты, которые преобладают, а также встречающиеся железистые минералы. Полной аналогии найти не удалось, однако близкие сосуды обнаружены в херсонесском комплексе первой половины X в. (Седикова, Рыжов 2000, рис. 7,10,14).

В заключение считаем необходимым дать список монет, обнаруженных в комплексе. Определение монет было сделано Т. И. Костромичевой (Херсонесский музей), которой автор выражает глубокую благодарность.

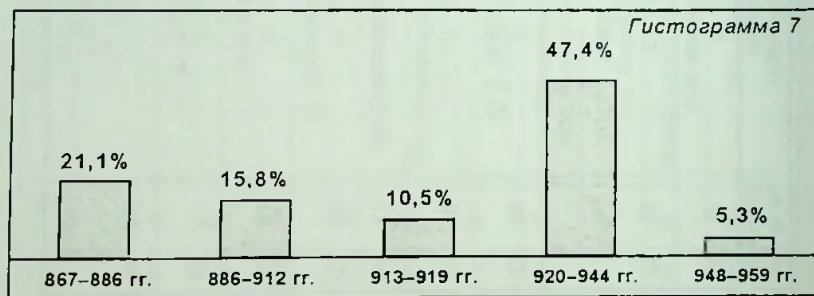
В цистерне были обнаружены монеты (см. табл. 7).

Из приведённой таблицы явствует следующее хронологическое распределение монет (см. табл. 8).

Таблица 8

№ группы	Император	Дата	Количество монет	
			Всего	%
1	Васипий I	867–886 гг.	4	17,4
2	Лев VI и Александр	886–912 гг.	3	13
3	Константин Багрянородный	913–919 гг.	2	8,7
4	Роман I	920–944 гг.	9	39,1
5	Константин Багрянородный	948–959 гг.	1	4,3
6		X век	4	17,4
	Всего		23	

Хронологическое распределение монет комплекса, из которых исключены четыре неясные X в., иллюстрирует гистограмма 7.

Хорошо виден максимум гистограммы в 920 – 944 гг. Самая же поздняя монета относится к 948 – 959 гг. Она и даёт «terminus post quae» комплекса, датирующегося поливной керамикой в пределах начала – первых десятилетий XI в.

Литература

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Белый А. В., Назаров В. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985.

Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII – IX вв. // Античная древность и средние века. Вып. 17. Свердловск, 1980.

Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС 1997. Вып. 1.

Плетнёва С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. №75

Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничьи. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Рыжов С. Г., Седикова Л. В. Комплексы X в. из квартала X «Б» Северного района Херсонеса // Хсб. 2000. Вып. X.

Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. 2.

Сазанов А. В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX – XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Сазанов А. В., Романчук А. И., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

Сазанов А. В. Хронология средневековых слоёв Керчи // Проблемы истории, филологии и культуры. Межвузовский сборник. Вып. V. Москва-Магнитогорск, 1998.

Сазанов А. В. Комплекс византийской поливной керамики начала XI века из Херсонеса // Проблемы истории, филологии и культуры. Межвузовский сборник. Вып. IX. Москва-Магнитогорск, 2000.

Седикова Л. В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.

Седикова Л. В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // Российская археология. 1995. №2.

Седикова Л. В. Керамический комплекс второй половины IX в. из цитадели в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995 а.

Седикова Л. В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1997.

Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV – IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.

Di Gangi G., Lebole Ch. Anfore, ceramica d'uso comune e ceramica rivestita tra VI e XIV secolo in Calabria: prima classificazione e osservazioni sulla distribuzione e la circolazione dei manufatti // La ceramica medievale en Mediterranee. Actes du Vie congrès de l'AIECM 2 Aix-en-Provence, 1997.

Hayes J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery Princeton, 1992. Vol. 2.

Sazanov A. Les niveaux de la première moitié du Xie siècle à Kerch (Crimée) // Anatolia Antiqua 1996. Vol. IV.

Sazanov A. Les amphores de l'Antiquité tardive et du Moyen Âge: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du Vie congrès de l'AIECM 2 Aix-en-Provence 13–18 novembre 1995. Aix-en-Provence, 1997.

Resume

Sazanov A. V. The Ceramic Assemblage of the Beginning of the 11th century from Chersonesos (Amphorae, Pithoses and Plain Pottery).

The ceramic assemblage from the infill of Cistern 2c, which was made during the period when «Basilica of 1989» was built, is analyzed in the article. The major part of ceramics to be analyzed includes pithoses, amphorae, and plain pottery. The assemblage dates back to the beginning of the 11th century.

Т. А. Бобровский

ЗАМЕТКИ О КУЛЬТОВОЙ СКАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

«Пещерные города» Юго-Западного Крыма — ключевые памятники в региональной археологии, поскольку скальная архитектура, имеющая, в основном, византийские корни, фиксирует периоды имперского влияния в горной Таврии с V–VI по XIV–XV столетия. В виду этого, особое значение имеет круг вопросов, связанных с возникновением и развитием скальных монастырей. В отличие от разрозненных погребальных, фортификационных и хозяйственных пещерных сооружений, известных в пределах средневековых поселений и могильников, монастырские комплексы представлены помещениями всех категорий, включая также культовые и жилые. Кроме того, эти памятники гораздо богаче светских разнообразными архитектурно-археологическими артефактами, что в ряде случаев упрощает их интерпретацию и датировку. Безусловно, и здесь существует множество проблем, главные из которых — малоизученность и нерегламентирован-

ванность памятников. Более двух столетий скальные монастыри Крыма находятся в поле зрения отечественных археологов, однако, до недавнего времени они крайне редко подвергались сколь-нибудь серьезным исследованиям. Лишь в последние десятилетия были проведены масштабные архитектурно-археологические работы на отдельных памятниках (Беляев, Бушенков 1986; Даниленко 1993; Могаричев, Пономарев 1995; Петровский, Труфанов 1994). Впрочем, ввиду сугубой локальности и эпизодичности этих исследований, их результаты не могут быть признаны исчерпывающими. Не ставит перед собой таких задач и автор настоящих заметок, касающихся вопросов систематизации скальных памятников, а также некоторых других аспектов истории и археологии крымских пещерных монастырей средневековой Таврии.

Отметим сразу же, что в проблематике скальных монастырей Горного Крыма традиционное первенство отдается вопросам хронологии, а не научной идентификации памятников в их отношении к прочим древностям региона или аналогичным комплексам за его пределами. Именно благодаря этому предположение о массовом монашеском переселении в Таврию в иконоборческую эпоху, как устанавливающее жесткий хронологический репер на основании единственного, к тому же весьма туманного пассажа в Житии св. Стефана Нового, превратилось в аксиоматическую сентенцию. Твердая убежденность большинства исследователей в истинности данной гипотезы и по сей день подвигает их на поиски археологических свидетельств возникновения крымских пещерных обителей в VIII–IX вв., игнорируя многие другие аспекты "скальной" проблематики (Воронин, Даниленко 1992; Петровский 1996).

Впрочем, с недавних пор вопросы хронологии пещерных монастырей Крыма приобрели дискуссионный характер. Осуществленный Ю. М. Могаричевым фундаментальный обзор скальных памятников Таврии (в т. ч. и культовых) позволил исследователю сделать вывод о разновременности возникновения скальных обителей в регионе в период с X по XV в. (Могаричев 1992; 1997; 1998). Впервые им осуществлена и систематизация пещерных сооружений по морфологическим признакам, предпринята попытка мотивированной дифференциации отдельных помещений по их функциональному назначению. В итоге разработана весьма логичная по построению концепция развития скальной архитектуры в регионе, ставящая под сомнение само существование пещерных памятников VIII–IX вв. Впрочем, категоричное отрицание для указанного периода "условий для создания помещений, вырубленных в скале" (Могаричев 1992, с. 84) нам представляется ошибочным. Отсутствие таковых на Кыз-Кермене свидетельствует лишь о том, что фортификационные пещеры, как отличительная черта юстиниановских укреплений, уже не создавались, а

хозяйственные, получившие широкое распространение в позднейшие столетия, только-только "входили в моду". Что же касается монашеских сооружений (в особенности отшельнических), то в условиях плотной светской застройки они просто не могли существовать, о чем упоминает и сам исследователь (Могаричев 1992, с. 82). Отметим также, что в этот период в Горном Крыму продолжают высекаться и использоваться скальные склепы, свидетельствующие о сохранении традиций и навыков создания подобных сооружений (Айбабин 1993, с. 127).

Предложенная Ю. М. Могаричевым концепция развития скальной архитектуры Таврии, при всей своей привлекательности, имеет тот же изначальный посыл, что и разработки предыдущих исследователей — стремление во что бы то ни стало создать абсолютную хронологическую шкалу, привязать памятники к конкретным датам. В этом, конечно, нет ничего предосудительного, однако, датирование памятников в условиях хронической недостаточности реперных артефактов на основании одной лишь концептуальной гипотезы, субъективного подбора признаков и аналогий неизбежно приводит к ошибкам. В большей степени это присуще сторонникам "иконоборческой" теории, хотя нередко практикуется и оппонирующей стороной. В частности, широко используя архитектурные аналогии для датировки крымских пещерных храмов, Ю. М. Могаричев привлекает лишь позднейшие из них, фактически не датирующие памятник, а устанавливающие его *terminus ante quem*. Так, например, базилика св. Георгия в Инкермане, отнесенная исследователем к XIV–XV вв., по тем же признакам имеет и более ранние архитектурные аналогии (Могаричев 1997, с. 9–11).

В конечном счете, самым значимым упущением исследователей крымских пещерных обителей является пренебрежение традиционными особенностями формирования аналогичных памятников в христианском мире. Чаще всего в их работах понятие "монастырь" обозначает (или подразумевает) исключительно общежительную (киновиальную) организацию со всеми присущими ей атрибутами (церкви, трапезные, келии, пр.) (Даниленко 1994). Впрочем, некоторыми исследователями допускается также существование отдельных отшельнических келий и небольших монашеских поселений—"скитов" (Могаричев 1992, с. 94–95; 1997, с. 29–30, Яшаева 1994, с. 79–80). Кроме того, Т. Ю. Яшаева предполагает на м. Виноградный существование крохотного раннесредневекового отшельнического поселения по типу "пустыни" (Яшаева 1994, с. 80)*. Однако, в целом на пещерные монастыри Юго-Западного Крыма

* В традиции православного монашества существует множество разнообразных форм монастырской организации. Для упорядочения

безоговорочно проецируется киновиальная модель монашеской организации, хотя для других "скальных" регионов это не характерно. Например, в Палестине, Грузии и Каппадокии в VI–XI вв. большинство пещерных киновий формируется на базе отшельнических поселений — "пустыней" и "лавр" (Гаприндашвили 1988 с. 39–40; Hirschfeld 1992, p. 59–60; Rodley 1985, p. 253–254). Причем, массовое возникновение киновий было обусловлено установлением Трульского собора (692 г.) об обязательном трехлетнем подвизании в общежительном монастыре для получения благословения на отшельничество (Rodley 1985, p. 238). Как правило, в киновии преобразовывались т. н. "ядра" лаврских поселений, функции которых (регламентация отшельнической практики, снабжение отшельников продуктами и одеждой, обеспечение воскресных соборных богослужений и трапез) перекладывались на общежительный монастырь (Patrich 1994, p. 255–258). Пустыннический характер основной массы скальных монастырских комплексов зафиксирован и в других соседствующих с Крымом регионах — Болгарии, Румынии, на Балканах и территории Древней Руси (Атанасов 1992, с. 83; Бобровский 1999а, 1999б; Йорданов 1999, с. 154–155; Rodley 1985, p. 238). Таким образом, киновиальный характер пещерного монастыря, как правило, фиксирует позднейшую стадию развития обители и далеко не всегда ему отвечает наличие трапезной, соборного храма, сгруппированных жилых и хозяйственных помещений, — в равной степени они могут представлять и лаврское "ядро".

По нашему мнению, все это закономерно может быть спроецировано и на монастырские комплексы Юго-Западного Крыма (см. ниже). Среди скальных памятников средневековой Таврии они занимают, пожалуй, самое заметное место, хотя точное количество пещерных монастырей и скитов различными исследовате-

терминологию предлагаем ограничиться следующими понятиями. в принципе охватывающими весь модификационный спектр монашеского уклада: 1) поселение нескольких (2–4-х) отшельников, проживающих компактной группой — "пустынь"; 2) поселение достаточно многочисленной (до нескольких десятков человек) группы отшельников, ведущих обособленный образ жизни, но собирающихся по воскресеньям и праздникам на совместные богослужения и трапезы. — "лавра"; 3) общежительное поселение монахов, подчиненных единому уставу и объединенных ежедневными совместными культовыми и хозяйственными мероприятиями — "киновия". "Скит", в нашем понимании, это небольшое монашеское поселение, филиал какого-либо крупного монастыря. Скиты могли носить как отшельнический, так и общежительный характер. Жилища отшельников-одиночек (т. н. анахоретов), как не представляющие какой-либо организации, в качестве монастырей не рассматриваются.

лями определяется по-разному. В качестве критериев определения монастырского характера того или иного комплекса, в конечном счете, используются "признаки классического монастыря: один или несколько храмов, монашеские кельи, трапезные, подсобные помещения, погребальные сооружения" (Могаричев 1997, с. 98). Данные элементы, в совокупности, действительно характеризуют киновию (или "ядро" лаврского поселения), однако, они применимы не ко всем комплексам, атрибутированным в качестве монастырей. Например, помещения трапезных с большей или меньшей вероятностью определяются только в 4–5 комплексах. Что же касается келий и подсобных помещений, то до сего дня была предпринята единственная серьезная попытка осуществить градацию этих сооружений применительно к небольшому монастырю Челтер-Коба (Даниленко 1993). Весьма туманно атрибутируются и погребальные сооружения (скальные гробницы, "усыпальницы" и костницы): скажем, в Челтер-Мармаре их определено столько же, сколько в вдвое меньшем комплексе Шулдана.*

Пожалуй, наиболее изученной категорией монастырских скальных сооружений можно считать церкви. И это закономерно, поскольку именно храмовая архитектура, несмотря на свой пещерный характер, наиболее приближена к образцам средневекового зодчества, а, следовательно, может быть атрибутирована по аналогиям. Кроме того, в церквах нередко присутствуют остатки фресковой росписи, разнообразные надписи и рисунки-граффити, способные прояснить хронологию того или иного памятника. Замечательный по своей полноте и детальности свод пещерных храмов Таврии выполнен Ю. М. Могаричевым, описавшим 63 средневековых скальных церкви (Могаричев 1997).** Пользуясь случаем, мы приводим здесь планы еще нескольких скальных храмов, неучтенных предыдущими исследователями (Рис. 1): а) часовня — расположена в 20–25 м к северо-востоку от т. н. "Армянской церкви" Инкерманского монастыря, в южном фасаде скалы на высоте 15 м над уровнем реки, у железнодорожной насыпи, б) карстовая

* Видимо, это обстоятельство смутило и первых исследователей Челтеры, поспешно и без особых оснований атрибутировавших помещения нижнего яруса как костницы (Веймарн, Чорсф 1978, с. 140).

** Если быть точнее, Ю. М. Могаричев упоминает более 70 пещерных церквей, однако, описание некоторых из них, по причине их позднейшего происхождения (XVII–XIX вв.), не приводит. Также в его список не включены, хотя и описаны, скальные церкви, располагающиеся за пределами "пещерных городов". По нашему же мнению, эти памятники должны рассматриваться вкупе с остальными, как принадлежащие единой региональной традиции скальной архитектуры.

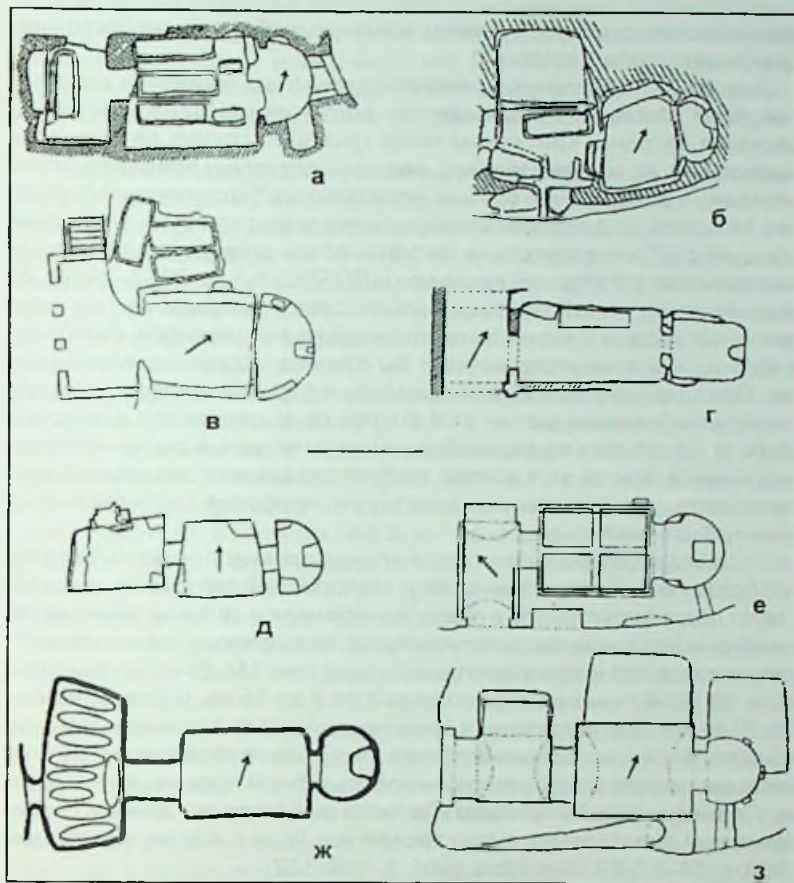

Рис. 1. Схематические планы и разрезы предполагаемых пещерных церквей в скальных комплексах Юго-Западного Крыма:
а) часовня у "Армянского храма" в Инкермане; б) алтарная ниша в карстовой пещере к востоку от комплекса Чилтер-Мармара; в) церковь в Чилтер-Мармара (помещения 35–37 по Е. В. Веймарну и М. Я. Чорефу); г) церковь в Чилтер-Мармара (помещение 28 по Е. В. Веймарну и М. Я. Чорефу); д) церковь на северном склоне Тепе-Кермена; е) церковь и трапезная на северо-восточном склоне Тепе-Кермена.

пещера с алтарной нишей и подрубками — расположена в 300 м к востоку от комплекса Чилтер-Мармара; в–г) две церкви — расположены в третьем ярусе комплекса Чилтер-Мармара, в центральной и восточной его частях (соответственно, помещения №35–37 и №28 по Е. В. Веймарну и М. Я. Чорефу); д–е) две церкви, распо-

жены, соответственно, в северо-восточном обрыве и на восточном краю плато Тепе-Кермена.*

Анализируя церковную архитектуру крымских пещерных комплексов, Ю. М. Могаричев подразделяет скальные храмы на собственно церкви и часовни. Критерием такой градации служит размерность храмов, что, по нашему мнению, неверно, поскольку предназначение часовен — совершение особых молитвенных богослужений — "часов" без литургии, — следовательно, основным их отличием от церквей следует считать отсутствие литургических элементов (престола, жертвенника и алтарной преграды) (ППБЭС, т. II, с. 2357–2359). Из этого следует, что абсолютное большинство атрибутированных ныне скальных храмов Таврии были полноценными церквами, поскольку в 85% из них присутствует хотя бы один из указанных элементов (см. Приложение). При этом, параметры и церквей, и часовен весьма значительно варьируют — от 6 до 140 кв. м, составляя в среднем 25 кв. м. Также весьма разнообразны архитектурные решения скальных храмов, и хотя этот вопрос требует отдельного детального рассмотрения, укажем здесь на некоторые, наиболее характерные их планировочные типы.

Подавляющее большинство скальных храмов Крыма имеет разнообразную зальную планировку. Наипростейшей из них соответствует подпрямоугольное в плане однокамерное зальное помещение, в котором алтарная часть архитектурно не выделена, однако присутствует алтарная ниша в восточной стене (тип 1А). Всего зафиксировано 12 таких помещений площадью от 6 до 35 кв. м (в среднем — 19–20 кв. м). Они встречены в Инкермане, Чилтер-Мармаре, Мангупе и Бакле. Вероятно, большинство из этих храмов первоначально служили часовнями и лишь позже некоторые были превращены в церкви. По имеющимся аналогиям (Палестина, Болгария), данный планировочный тип церквей существовал и в IV, и в XIV вв. (Василиев 1953, с. 16–17, 22; Hirschfeld 1992, p. 119–122).

Более сложная планировка отличает однокамерное зальное помещение, в котором отчетливо выделена алтарная часть (тип 1Б). Таких сооружений известно 12 (площадь от 12 до 33 кв. м, в среднем — 20–21 кв. м), распространенных в Инкермане, Шулдане, Мангупе, Качи-Кальене и Тепе-Кермене. Надо полагать, данный тип генетически связан с предыдущим и также происходит от первоначальных часовен.

* Помещения были зафиксированы весной 1992 г. во время археологической экскурсии по "пещерным городам" Крыма, в которой принимали участие научные сотрудники Музея истории города Киева Т. А. Бобровский, М. Н. Стрихарь, Т. Е. Блават, А. А. Бобровский. Глазомерные планы сооружений выполнены автором данной статьи.

Дальнейшее развитие планировки однокамерных зальных церквей наблюдаем среди помещений с архитектурно выделенными участками алтаря, наоса и нартекса (тип 1В). Известно 11 подобных сооружений (площадью от 13 до 36 кв. м, в среднем — 26–27 кв. м), распространенных в Инкермане, Шулдане, Качи-Кальене и Херсонесе.

К зальным типам церквей относятся и многокамерные ("анфиладные") храмы. В Крыму встречены двух- и трехкамерные сооружения такого характера. Двухкамерные церкви (тип 2) представлены 11 сооружениями (площадью от 14 до 54 кв. м, в среднем — 24–25 кв. м), распространенными в Инкермане, Чилтер-Мармаре, на Эски-Кермене, Мангуле, Качи-Кальене и Тепе-Кермене. В этих помещениях скальная алтарная преграда (сплошная или в виде парапета) делит храм на две камеры — алтарь и наос. Не исключено, что отдельные сооружения данного типа (с низкими алтарными преградами и широким межкамерным проемом) могут быть с тем же успехом отнесены к типу 1Б, по крайней мере, обе эти разновидности наиболее близки классическим образцам небольших зальных храмов, получивших широкое распространение в V–XIV вв. в скальных монастырях Палестины, Грузии, Каппадокии и Болгарии (Бахтадзе 1988, с. 28; Василев 1953, с. 19–20; Гаприндашвили 1960, с. 81; 1988, с. 42–43; Чубинашвили 1948, с. 40, 46–47; Patrigh 1994, p. 69–72, 93–98, 128–130; Rodley 1985, p. 96, 101, 122–123, 193–213).

Особое место в скальной архитектуре региона, по нашему мнению, занимают трехкамерные зальные церкви (тип 3). Их известно всего 5 (площадью от 14 до 25 кв. м, в среднем — 19–20 кв. м) и встречены они только в Инкермане, Чилтер-Мармаре и Эски-Кермене (Рис. 1в; 2а–г). Эти помещения разделены скальными перегородками на три камеры — алтарь, наос и нартекс (средние размеры алтаря — 4 кв. м, наоса — 8–9 кв. м, нартекса — 7 кв. м), причем, алтарная преграда — чаще всего сплошная, с прорубленными в ней дверным и оконными проемами, соединяющими наос и алтарь. В церкви №3 в монастыре св. Софии и т. н. "часовне" в комплексе эски-керменского "Судилица" алтарные преграды сохранились крайне фрагментарно, однако, имеющиеся остатки указывают на то, что они были достаточно высоки (Рис. 2а–б). Кроме того, две церкви Монастырской скалы имеют разрушенные нартексы, в позднейшее время реконструированные каменной кладкой (Рис. 2в–г). Так или иначе, все помещения данных церквей высекались одновременно, о чем свидетельствуют входы, устроенные в боковых стенах нартексов. Исключение составляет лишь чилтерская церковь, в которой трехкамерный объем получен за счет соединения трех первоначально разобщенных сооружений (Рис. 1в). Нам известно всего несколько аналогичных сооружений в Каппадокии и Северной Добрудже, при-

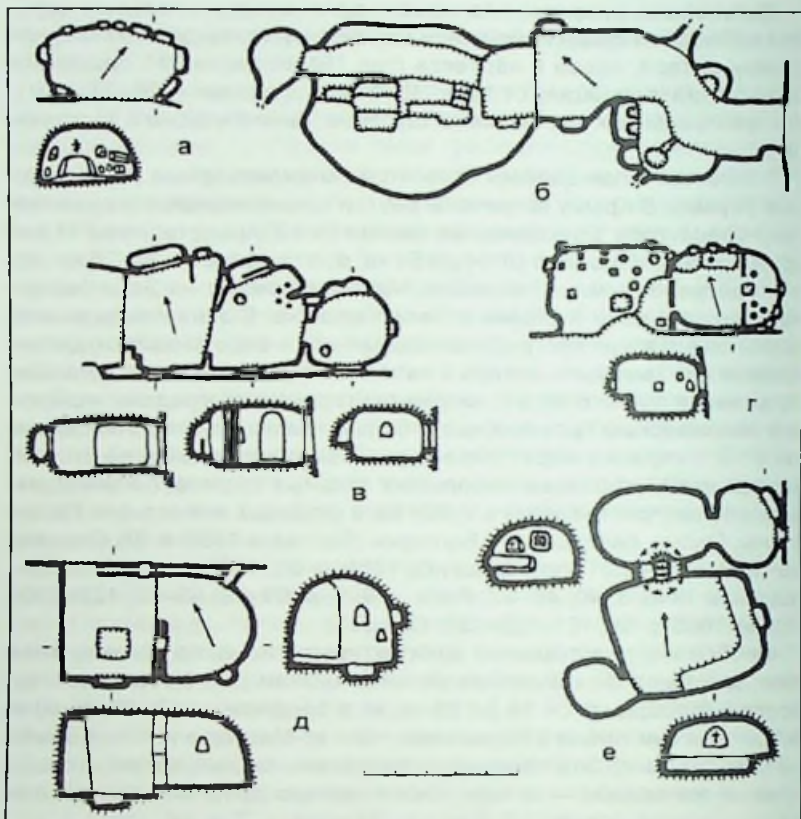

Рис. 2. Планы трехкамерных зальных церквей Крыма (тип 3) и их аналогии: а) церковь в монастыре св. Софии в Инкермане; б) церковь комплекса "Судилище" на Эски-Кермене; в) церковь св. Евграфия в Инкермане; г) церковь в комплексе Георгиевского монастыря в Инкермане; д) церковь В1 в Мурфатларе (Сев. Добруджа); е) церковь св. Симеона в Гюлл-Дере (Каппадокия); ж) церковь 21С в Гьореме (Каппадокия); з) церковь Никиты Столпника в Гюлл-Дере (Каппадокия).

чем, во всех случаях храмы достаточно точно датированы в пределах IX–XI вв. (Атанасов 1992, с. 79, 84, Barnea, Bilciurescu 1959, p. 563, Rodley 1985, p. 182–183, 189, 192–193) (Рис 2д–з)*. Важно отметить, что все аналогии встречены в отшельнических комплексах, а их характерную планировку некоторые исследователи связывают с опре-

* Для церкви Никиты Столпника в Гюлл-Дере предложена и более ранняя датировка — VII–VIII вв., аргументировано оспоренная Л. Родли (Rodley 1985, p. 189).

деленными особенностями монашеской литургии (Атанасов 1992, с. 80, 83). Присутствие церкви этого типа среди других культовых сооружений в районе эски-керменских ворот служит аргументом в пользу монастырского характера указанного комплекса.

К редким архитектурно-планировочным типам скальных церквей Крыма следует отнести, в первую очередь, помещения, имитирующие базилику (тип 4). Трехнефный базиликальный характер имеет инкерманский храм св. Георгия (площадь — около 65 кв. м), датированный по аналогиям А. Л. Якобсоном VIII–IX вв., Ю. М. Могааричевым — XIV–XV вв. (Могааричев 1997, с. 9–11). Разнобой в датировках, обусловленный различными исследовательскими концепциями, предопределен самим типом сооружения, сохраняющимся в христианском зодчестве на протяжении всего средневековья.

К пещерным церквям, имитирующим базилики, мы склонны отнести также храм Челтер-Кобы. И дело не только в грандиозных размерах этого сооружения (храм является самым крупным среди пещерных церквей горной Таврии, его площадь — более 120 кв. м), поскольку, величина храма может быть обусловлена характером карстовой полости, использованной для вырубки помещения. В пользу базиликальности планировки свидетельствуют пропорции храма, наличие трансептообразного расширения в предалтарной части, наконец, фиксирующиеся в полу углубления от двух рядов деревянных столбов, вероятно, имитировавших колонны. Имитация предалтарного трансепта наблюдается, вероятно, и в главном храме Чилтер-Мармары (площадь — около 80 кв. м), который некоторыми исследователями без излишних пояснений назван базиликой (Беляев, Бушенков 1986, вкл. л. 14, рис. 5). Здесь, вероятно, также существовали деревянные конструкции, создававшие продольное и поперечное членение храмового пространства на нефы. Если в ходе дальнейших исследований подтвердится факт имитации базилик с трансептами в указанных храмах, то это позволит аргументировать достаточно раннюю их датировку: в наземном строительстве этот тип церквей существовал довольно непродолжительный срок — в период установления новых литургических канонов и перехода к крестовокупольной архитектурной композиции — т. е. с VI по X вв. (Культура Византии 1989, с. 496–498).

Не менее интересны и церкви, имеющие крестообразную, центрическую планировку, имитирующие бесстолпные крестово-купольные храмы (тип 5). К таковым, в первую очередь, относится большая церковь монастыря св. Софии (площадь — 54 кв. м), выполненная в виде равноконечного креста (тип 5А). Другой разновидностью "крестового" типа является инкерманский храм "Вознесения" (площадь — более 35 кв. м), в котором боковые рукава выполнены в виде апсид, что создает подобие триконхального контура (тип 5Б). Отметим, что

речь не идет об алтаре-триконхе, поскольку в устье восточной апсиды фиксируются остатки скальной алтарной преграды. Аналогичное устройство, вероятно, имеют и два храма вблизи ворот Эски-Кермена (Могаричев 1987, с. 41–42). Датировка этих сооружений по аналогиям крайне затруднена, поскольку, с одной стороны, в них отчетливо просматривается центрическая структура, получившая широкое распространение с IX в. и до новейшего времени. С другой, — отсутствие имитаций купола и столбов указывает на архаичность их архитектуры. Однако, следует учитывать, что имитации куполов неизвестны в крымских пещерных сооружениях вообще, т. е. отсутствуют в местной скальной традиции (за исключением храмов-новоделов XIX в.), а архитектурный тип бесстолпного крестово-купольного храма, чаще всего с тремя конхами, существовал на Балканах вплоть до XIV–XV вв. (Бошкович Ч. 1950, с. 188, сл. 15–16).

Еще один тип пещерных храмов Юго-Западного Крыма представлен всего тремя сооружениями, встреченными в комплексах Чилтер-Мармары и Мангупа (тип 6). Это алтарные (или молитвенные) ниши, вырубленные в стенах карстовых полостей и имеющие достаточно крупные размеры (до 2,5 кв. м) (мангупская, к тому же, носит следы фресковой росписи). Полости, в которых расположены ниши, находятся в труднодоступных местах: в верхних частях скальных обрывов (верхний ярус Чилтер-Мармары и южный обрыв плато Мангупа) либо в удалении от заселенных мест (карстовая пещера к востоку от Чилтеры). Это позволяет интерпретировать их как часовни в помещениях, использовавшихся монахами в качестве убежищ. Правда, многочисленные вырубки в чилтерской пещере также указывают на активное использование и почитание здешнего источника (Рис. 16). Аналогично освоенная монахами пещера-источник, но без алтарной ниши, зафиксирована нами и в 200 м к западу от шулданского комплекса.

Наконец, упомянем о нескольких сооружениях, нынешняя планировка которых не позволяет с уверенностью определить их архитектурный тип.

1) Храм “Атка” в Инкермане. По мнению Ю. М. Могаричева, он имеет зальную планировку с поперечным расположением нефа (Могаричев 1993, с. 218). Наши натурные наблюдения позволяют предполагать здесь несколько иное архитектурное решение. В обрушенной скале фиксируются участки обработанной скалы, продолжающейся на несколько метров к западу от уцелевшего наоса. Этот разрушенный объем, возможно, является западным ответвлением крестообразной планировочной структуры. В таком случае храм может рассматриваться как аналог большой церкви монастыря св. Софии, тем более, что их параметры (50–55 кв. м площади) весьма близки.

2) Храм “Судилище” на Эски-Кермене. Если не брать в расчет т. н. “часовню”, расположенную к юго-востоку от основного объема,

данное помещение является, пожалуй, самым экстравагантным по своей планировке. Существует несколько вариантов реконструкции первоначального облика этого сооружения. По мнению одних, здесь существовал трехапсидный храм, другие видят в нем триконхальную структуру (Могаричев 1997, с. 45–46). Нам представляется, что здесь произошло соединение нескольких первоначально обособленных помещений. Центральное из них — двухкамерная зальная церковь (тип 2) с вынесенной к западу скальной алтарной преградой и синтроном — было расписано фресками, уцелевшими только в апсиде. Вход в нее располагался в западной стене. Ориентировочные параметры церкви: общая площадь 20 кв. м, площадь алтарной части — 6 кв. м. К югу от церкви располагались, вероятно, три камерных сооружения, каждое площадью до 9 кв. м, со скальными выступами — “лавками” вдоль стен и самостоятельными выходами к южному обрыву. Возможно, это были монашеские келии. Наконец, к северу от церкви располагалось крупное помещение с четырьмя или шестью опорными столбами, входом в западной стене и характерным апсидным закруглением с востока. Общая площадь этого сооружения свыше 50 кв. м, площадь апсиды — около 12 кв. м. Предполагаем, что это также была церковь, возможно даже имитирующая базилику (тип 4). В восточной части ее, вероятно, в пределах алтаря располагались две купели. Обращаем внимание, что аналогично расположенная купель фиксируется и в алтаре челтер-кобинской церкви. Учитывая их местоположение, сомнительно, чтобы эти емкости служили в качестве баптистериев. Возможно, здесь прослеживается реплика раннехристианской традиции ритуального омовения священников при совершении литургии, зафиксированная также в одной из мурфатларских церквей IX–X вв. (Атанасов 1992, с. 81). В позднейшее время скальные перегородки между церквями и келиями были разрушены, возможно, с целью создания дополнительного пространства в соборном храме. Это произошло до гибели городища, о чем свидетельствуют единичные погребения в упраздненном алтаре “базилики”.

3) “Храм с баптистерием” на Тепе-Кермене. Необычная планировка этой постройки на протяжении многих лет остается дискуссионной. Правда, оспаривается, главным образом, дата ее сооружения, исходя из тезиса, что храм имеет поперечно ориентированный неф и апсаль, вынесенный внутрь нефа (Могаричев 1997, с. 84–86). Действительно, нынешняя планировка помещения характеризуется этими особенностями, однако, наши собственные наблюдения позволяют усомниться в ее изначальности. Смущают, во-первых, неканоничная ориентация алтаря на северо-запад, во-вторых, заметное возвышение уровня пола восточной части сооружения, в-третьих, алогичная искривленность и неровность южной и северной стен, наблюда-

емая в месте стыка восточной и западной частей, при всеобщей тщательности отделки помещения. Мы только можем согласиться с мнением В. П. Бабенчикова, полагавшего, что в древности восточная часть храма являлась самостоятельным помещением, а церковь изначально была ориентирована на восток (Могаричев 1997, с. 84). В этом случае церковь (общей площадью около 34 кв. м) имела своеобразную двухкамерную зальную планировку (тип 2), в которой наос прилегал к алтарю с запада и юга. В этом нет ничего необычного, та же особенность наблюдается и в эски-керменском храме "Трех всадников" и, возможно, в церкви №6 на Загайтанской скале (нумерация по Ю. М. Могаричеву). Ассиметрично расположена апсида и в храме "Донаторов". Восточное помещение комплекса (площадью 17 кв. м) поначалу имело простейшую зальную планировку (тип 1А), молитвенную нишу в северо-восточном и баптистерий в юго-восточном углах. Оно, вероятно, служило часовней или крещальней. Позже оба помещения объединили, разрушив перегородку, переориентировав алтарь и украсив алтарную преграду резьбой именно в том месте, где располагались вновь учрежденные "царские врата". По-видимому, это произошло в XI–XII вв., как убедительно аргументировал Ю. М. Могаричев время сооружения нынешнего храма (Могаричев 1997, с. 86), следовательно, возникновение церкви и часовни с баптистерием относится к более раннему времени.

Таким образом, в настоящее время на территории Юго-Западного Крыма фиксируется свыше 80 скальных храмов, большинство из которых (около 85%) служило церквями, приспособленными для отправления литургии. * Столь значительная доля церквей в общем количестве известных ныне культовых помещений не

* Укажем еще на две предполагаемые церкви. Первая представлена помещением, трактуемым как ризница "Армянского храма" в Инкермане (Могаричев 1997, с. 14; рис. 41). На самом деле оно служило алтарной частью полупещерной церкви, наос которой был пристроен к скальной апсиде. Об этом свидетельствуют пазы от деревянного престола и скальная полка жертвенника в пещерном помещении, а также характерная планировка и габариты прилегающей террасы. Вторая церковь представлена разрушенным помещением на террасе перед фасадом шудданского "Главного храма". Ныне в помещении отсутствуют южная стена и часть свода, однако, весьма характерный контур его северной стены с гробничными нишами в ней, профилировка стен и свода восточной части, могилы в полу указывают на существование здесь церкви с округлой апсидой. В северо-восточном углу ее наоса, по-видимому, огороженном легкой деревянной конструкцией, расположена округлая яма со ступенью, интерпретированная Ю. М. Могаричевым как баптистерий (Могаричев, 1997, с. 36; рис. 140, 141, 143). Вероятно, данная церковь предшествовала сооружению большого храма, возведение которого, быть может, и было связано с ее разрушением, скажем, в результате землетрясения.

должна особо удивлять, поскольку часовни, как архитектурные сооружения, менее выразительны, нежели церкви, а потому многие из них остаются не выявленными по сей день. С другой стороны, многие церкви, как уже упоминалось, были основаны на месте первичных монашеских молитвенных помещений, т. е. заменили собой более ранние часовни. Это же, по-видимому, объясняет и существование в крупных монастырских комплексах Таврии нескольких (до десятка) церквей, что значительно превышает потребности одного монашеского коллектива. Массовое строительство храмов в обителях напрямую связано с ктиторскими пожертвованиями, что само по себе возможно лишь при условии значительной авторитетности монастыря, достигаемой на определенной (и никак не начальной) стадии его развития (Rodley 1985, p. 250–252). Следовательно, время строительства церквей в большинстве случаев не может соответствовать датировке возникновения той или иной обители.*

Теперь возвратимся к вопросу о монастырской организации в крымских скальных обителях. Всего в Юго-Западном Крыму исследователями выделяется до 20 монастырских комплексов (Могаричев 1997, с. 97). Мы предлагаем пополнить этот список, учитывая как отдельный "скит" группу помещений в районе "Армянской церкви" в Инкермане, а также другие несомненные монастыри: на северном склоне Тепе-Кермена, в округе баклинской "часовни" и в южной части Эски-Кермена. О тепе-керменском и баклинском монастырях догадывались и прежде (Могаричев 1997, с. 87; Петровский 1996, с. 202–203), что же касается Эски-Кермена, то концентрация шести храмов на сравнительно небольшом участке огромного поселения свидетельствует об их взаимосвязи. Попытка Ю. М. Могаричева трактовать их как приходские нам представляется неудачной, поскольку таковые нехарактерны для христианской традиции культовых скальных сооружений. Единичные случаи, сродни пещерному храму в Херсонесе, обусловлены особым, как правило, мемориальным статусом их и являют собою исключения из правил. То же, вероятно, относится и к комплексу в балке Кильсе-Тубю у Мангуна. Таким образом, с учетом комплексов, открытых Т. Ю. Яцаевой на Гераклеяском полуострове, можно предполагать существование в Юго-Западном Крыму около 30 пещерных монастырей и скитов, причем, третья часть из них сосредоточена в Инкерманской долине. Менее значительные скопления комплексов фиксируются на Мангупе и в его округе (5), в Шульской долине (2), в районах Эски-Кермена (2) и Чу-

* В вопросах хронологии следует весьма осторожно привлекать в качестве датировющих артефактов фресковые росписи и надписи-граффити, которые могут относиться к более поздней эпохе, нежели время создания церковного помещения.

фут-Кале (2). Феномен Инкермана позволил Ю. М. Могаричеву провести образную параллель с монашескими центрами Балкан и Малой Азии (Могаричев 1997, с. 29). Однако, следует помнить, что и монастыри Афона, и обители Каппадокии формировались как отшельнические поселения — пустыни и лавры, и лишь на позднем этапе некоторые из них были превращены в киновии (Rodley 1985, p. 223, 238).

Далее, проследим планировочные особенности комплексов, среди которых основной массив составляют обители с минимальным количеством компактно расположенных в 1–2 яруса помещений (до 10), как правило, с одной церковью (свыше 10 комплексов, в т. ч. инкерманские "скиты", монастыри Мангупа). Эти монастыри и скиты, судя по их размерам и учитывая долю служебных сооружений, могли вмещать не более 3–4-х человек. Подобные монашеские группировки (т. н. ремобифы) представляют собой образцы классических отшельнических "пустынь" (Ветринский 1830, с. 14). Другая разновидность — средние (25–30 помещений) и крупные (до 100 помещений) многоярусные комплексы, в которых наблюдается концентрация сооружений вокруг главного храма и более их свободное размещение по краям (около 10 комплексов, в частности, комплексы Монастырской скалы и Софийский монастырь в Инкермане, Чильтер-Мармара и Шулдан, Чильтер-Коба). Указанная особенность, по нашим наблюдениям, свидетельствует о лаврском характере данных обителей, где живущие в "ядре" монастыря иноки (иногда киновиты) обслуживают окрестную отшельническую братию. Наконец, третья разновидность — крупные (около 100 помещений) многоярусные комплексы, в которых сооружения образуют несколько скоплений (как правило, вокруг церквей), однако, общее для всех "ядро" не фиксируется (всего 2 комплекса — Загайтанская скала и Качи-Кальен). Каждое из скоплений этих памятников объединяет до 10–15 помещений, что роднит их с "пустынями" и также указывает на отшельнический их характер, хотя в целом организация монашеских общин, населявших эти комплексы, остается невыясненной. Укажем только, что сходная, хотя и более развитая планировочная структура фиксируется среди памятников X–XI вв. в долине Гьореме в Каппадокии (Rodley 1985, p. 160–182).

Так или иначе, в планировке большинства скальных монастырей Юго-Западного Крыма прослеживается влияние традиций отшельничества, точнее, той ветви аскетического монашества, формирование обителей которого происходило по универсальной схеме: 1) пещерное жилище одиночки-анахорета; 2) поселение его последователей, стяжателей пещерного пустынничества; 3) общинный монастырь с сохраняющейся практикой отшельнической

кого затворничества (в последнем случае пещерные формы нередко дополняются или даже замещаются наземной застройкой) (Бобровский 1999б, с. 4–6). Отметим, что данная схема не имеет однозначной привязки к хронологической шкале, как бы этого ни хотелось отдельным исследователям, разделяющим исторические периоды пустынночества и организованного монашества (Гаприндашвили 1988, с. 36–40). Тесно связанное с идеями византийского исихазма, отшельничество, как массовое монашеское движение, развивается на протяжении всего средневековья, испытывая, быть может, особые всплески в периоды торжества исихастской доктрины, например, в V–VI, IX–X, XIII–XIV вв. (Бобровский 1995, с. 15–16, Бычков, 1991, с. 92–120, 234, 361–395). Вероятно, указанные даты могут послужить своеобразными реперами при решении проблем хронологии крымских скальных комплексов. Однако, при этом следует учитывать множество сопутствующих факторов.

Важнейший среди них — локальная история конкретной местности, в которой расположен монастырь. Например, существование отшельнической общины в районе городских ворот Эски-Кермена, по понятным причинам, совершенно несовместимо с периодами расцвета городища. То есть, по данным археологических исследований (Могаричев 1997, с. 39) эски-керменский монастырь не мог возникнуть ни в V–VIII, ни в XI–XIII вв. С другой стороны, известно, что монастыри (и даже отшельнические жилища) чаще всего возводились вблизи населенных пунктов (поселений, городищ, замков), выявление которых также способствует прояснению хронологии отдельных памятников (Бобровский 1995, с. 8–9). Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и возможность различных монашеских миграций (монофизитских, арианских, иконоборческих и т. п.), сыгравших немалую роль в образовании нескольких аскетических центров на территории Европы (Атанасов 1992, с. 84, Чубинашвили 1948, с. 23). О подобных переселениях в Таврию свидетельствуют малоазийские и балканские архитектурные параллели в интерьерах крымских скальных сооружений (см. выше). Наконец, следует учитывать и миссионерскую деятельность монашества, особенно интенсивную на формально обращенных, "двоеверных" территориях, а также в условиях лояльного отношения иноверцев (например, хазар) к проповедникам христианства. Лишь комплексное изучение этих и, вероятно, других подобных аспектов, с привлечением результатов натурных исследований, позволит, со временем, прояснить хронологию культовой скальной архитектуры Юго-Западного Крыма, а значит, и разрешить вопросы датировки конкретных памятников.

Сводная таблица скальных храмов Юго-Западного Крыма
(по Ю. М. Могаричеву (1997), с дополнениями автора)*

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1.	MC01	1B	35	13	16	6	п	н	д	-	+	-	+	-	-
2.	MC02	3	14	4	6	4	п	в	с	-	-	-	+	-	-
3.	MC03	4	65	15	38	12	п	н	д	+	+	-	+	+	+
4.	MC04	1A	21	-	21	-	в	в	-	-	+	-	-	-	-
5.	MC05	1A	?	?	?	?	н	в	-	-	+	-	-	-	-
6.	MC06	нд	>12	12	?	?	-	н	-	+	+	-	+	-	+
7.	MC07	?	>50	15	>35	?	п	н	с	+	+	+	-	+	-
8.	MC08	-	36	?	?	?	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9.	MC09	3	23	6	10	7	в	в	с	-	-	-	+	+	+
10.	MC10	1A	22	-	22	-	п	н	-	-	+	-	+	-	+
11.	MC11a	1B	23	8	15	-	в	н	-	-	-	-	-	-	-
12.	MC11b	пп	>4	4	?	?	в	в	-	-	-	-	-	-	-
13.	MC12	1A	10	-	10	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+
14.	3C01	55	>35	7	28	?	-	-	с	-	-	-	-	-	-
15.	3C02	1A	12	1	11	-	-	-	д	-	+	-	+	-	-
16.	3C03	пп	>3	3	?	?	в	-	-	-	+	-	-	-	-
17.	3C04	2	>40	15	>25	-	в	н	с	+	+	-	+	-	-
18.	3C05	1B	13	3	6	4	-	в	-	-	+	-	-	-	+
19.	3C06	-	>8	>2	>6	-	-	-	с	-	-	-	-	-	+
20.	3C07	2	24	8	16	-	-	н	с	-	+	-	-	-	+
21.	3C08	1B	15	5	10	-	-	н	д	-	+	-	-	-	-
22.	3C09	1B	30	6	14	10	-	-	д	-	-	-	+	-	-
23.	3C10	пп	12	4	8	-	п	-	д	-	-	-	+	-	+

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
24	3C11	1A	20	5	15	-	п	в	а	-	-	-	-	-	-
25	К501	5A	54	10	44	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	К502	15	23	2	15	6	в	н	-	-	-	-	-	-	-
27	К503	3	20	3	11	6	п	н	-	-	-	-	-	-	-
28	К504	1B	22	6	13	6	8	н	-	-	-	-	-	-	-
29	С101	2	54	16	38	-	в	в	а	-	-	-	-	-	-
30	Г501	15	32	12	20	-	?	?	а	-	-	-	-	-	-
31	Г501	-	>30	?	?	?	?	?	?	-	-	-	-	-	-
32	М501	-	?	?	?	?	?	?	?	-	-	-	-	-	-
33	ЧМ01	4	76	6	35	35	п	н	с	-	-	-	-	-	-
34	ЧМ02	2	25	6	19	-	-	-	а	-	-	-	-	-	-
35	ЧМ03	1A	18	6	12	-	-	в/н	а	-	-	-	-	-	-
36	ЧМ04а	1A	6	-	6	-	в	в	с	-	-	-	-	-	-
37	ЧМ04б	6	>1	1	?	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
38	ЧМ05	3	25	6	9	10	-	н	-	-	-	-	-	-	-
39	ЧМ06	2	18	8	10	-	п	в	с	-	-	-	-	-	-
40	ЧМ07	6	>1	1	?	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	Ш01а	1B	36	12	16	8	п	в	с	-	-	-	-	-	-
42	Ш01б	1B	14	4	5	5	-	-	?	-	-	-	-	-	-
43	Ш01в	1B	20	4	16	-	?	?	?	-	-	-	-	-	-
44	Ш02	1B	36	6	17	13	в	в	а	-	-	-	-	-	-
45	ЭК01	5B	18	3	15	-	п	в	а	-	-	-	-	-	-
46	ЭК02	5B	22	4	18	-	п	-	-	-	-	-	-	-	-
47	ЭК03а	?	95	6	89	-	п	в	с	-	-	-	-	-	-
48	ЭК03б	3	16	2	6	8	в	в	с	-	-	-	-	-	-
49	ЭК04	-	16	2	8	6	в	н	а	-	-	-	-	-	-

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
50.	ЭК05	2	21	7	14	-	п	В/Н	С	-	-	-	+	+	+
51	ЭК06	2	14	3	11	-	В	Н	С	-	-	-	-	+	-
52.	М101	1Б	22	3	19	-	-	-	Д	-	+	+	-	-	-
53	М102	1А	35	-	35	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
54.	М103	1А	35	-	35	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
55	М104	пн	6	1	5	-	п	-	-	-	+	+	-	-	-
56.	М105	1Б	18	6	12	-	В	Н	-	-	+	+	-	-	+
57	М201	1А	18	-	18	-	В	В	-	-	+	+	-	-	-
58.	М202	1Б	33	3	30	-	В	В	-	-	+	+	-	-	-
59.	М301	6	>2	2	?	-	п	Н	-	-	-	-	-	+	-
60.	М401	2	21	5	16	-	п	В/Н	С	+	+	-	+	+	+
61.	М501	1Б	12	3	9	-	п	Н	Д	+	-	-	+	-	+
62.	М601	1Б	16	5	11	-	п	Н	Д	+	-	-	+	-	+
63.	ЧК01	4	138	32	70	36	п/в	В/Н	Д	+	+	+	-	+	+
64.	КК01	2	17	5	12	-	п	Н	С	+	+	-	+	+	+
65.	КК02	1Б	21	3	9	9	п	Н	Д	-	-	-	+	-	-
66.	КК03	1Б	20	2	6	12	п	-	Д	-	-	-	+	-	-
67.	КК04	1Б	28	4	9	15	п	Н	Д	+	+	+	+	-	-
68.	КК05	пн	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	+	?	+
69.	КК06	1Б	>18	7	>11	?	-	Н	?	+	+	-	-	-	+
70.	ТК01	?	51	9	25	17	п	В	Д	-	+	+	+	-	+
71.	ТК02	1Б	13	3	10	-	п	-	С	-	+	+	+	-	+
72.	ТК03	-	?	?	?	?	?	?	Д	?	?	?	+	?	+
73.	ТК04	2	18	8	10	-	-	Н	С	-	-	-	+	-	+
74.	ТК05	2	14	5	9	-	-	Н	С	-	-	-	-	-	+
75.	К001	-	50	-	50	-	?	-	С	-	+	+	+	+	-

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
76	УМ01	нд	120	30	90	—	—	н	—	—	+	—	+	+	—
77	УМ02	нд	8	1	7	—	—	—	д	—	—	—	—	—	—
78	УМ03	нд	40	—	40	—	—	—	д	—	—	—	+	—	—
79	Б01	1А	21	9	12	—	в	в/н	д	—	+	—	+	—	+
80	Х01	1В	36	3	16	17	п	н	—	—	—	—	+	—	—
81	Ф01	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
82	АК01	—	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
83	СБ01	—	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?

Примечания:

* Условные обозначения для таблицы: I – порядковый номер помещения; II – условное наименование помещения**; III – тип помещения (описание типов – в тексте; III – полуцерковь; IV – церковь, сооруженные в XIX в.); IV – тип помещения (описание типов – в тексте; III – полуцерковь; IV – церковь, сооруженные в XIX в.); V – общая площадь помещения (кв. м); VI – площадь алтарной части (кв. м); VII – площадь иконостаса (кв. м); VII – площадь нартекса (кв. м); VIII – характер престола (н – отдельно стоящий камень, в – выступ в стене, и – ниша); IX – характер жертвенника (в – выступ, и – ниша); X – характер алтарной преграды (с – скальная, д – деревянная); XI – синаксар; XII – молитвенная ниша в восточной стене; XIII – купель; XIV – погребальные сооружения; XV – фрески; XVI – надписи и рисунки-граффити.

** Условные наименования помещений и комплексов: МС – Инкерман, Монастырская скала – Георгиевский монастырь (01 – храм св. Мартиния; 02 – “Часовня”; 03 – базилика св. Георгия; 04 – “Жилые архимандрита”; 05 – храм в подложии скалы по Д. Струкову; 06 – храм св. Пантелеймона; 07 – “Атла”; 08 – “Афилады”; 09 – храм св. Евграфия; 10 – “Храм в крепости”; 11а – “Армянская церковь”; 11б – “Ризница” “Армянской церкви”; 12 – помещение вблизи “Армянской церкви”; ЗС – Инкерман, Загайтанская скала (нумерация храмов по Ю. М. Могаричеву); КБ – Инкерман, Каменоломная балка – монастырь св. Софии (нумерация храмов по Ю. М. Могаричеву); СИ01 – Инкерман, ж/д станция Инкерман-1, церковь. ГБ01 – Инкерман, Георгиевская балка, церковь. ТБ01 – Инкерман, Троицкая балка, церковь. МБ01 – Инкерман, Мартыновская балка, церковь по Ю. М. Могаричеву. ЧМ – Чалтер-Мармара (01–04а – нумерация по

Литература

Айбабин А. И. Могильники VIII — начала X в. в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь, 1993.

Атанасов Г. Кападокийски културни влияния в скалната обител при Мурфатлар // Приноси към българската археология. София, 1992. Т. 1.

Бахтадзе Н. Спелеистическая карта Кциа-Храмского бассейна // Пещеры Грузии. 1988. Вып. 12.

Беляев С. А., Бушенков В. А. Исследования пещерного комплекса Чилтера в 1973–1981 гг. // Византийский временник. 1986. Т. 46.

Бобровський Т. А. Печерні монастирі й печерне чернецтво в історії та культурі середньовічного Києва / Автореф. дис. канд. ист. наук. К., 1995.

Бобровський Т. Київська лавра (до питання культурно-історичної інтерпретації) // Могилянські читання 1998 р. К. 1999а.

Ю. М. Могаричеву: 046 — карстовая полость у пом. 49 по Е. В. Веймарну и М. Я. Чоресфу; 05 — комплекс помещений 35–37 по Е. В. Веймарну и М. Я. Чоресфу; 06 — помещение 28 по Е. В. Веймарну и М. Я. Чоресфу; 07 — алтарь в карстовой пещере над Шульской долиной). Ш — Шуддан (01а — “Главный храм”; 01б — часовня к северу от “Главного храма”; 01в — остатки разрушенной церкви на террасе перед фасадом “Главного храма”; 02 — церковь в верхнем ярусе комплекса). ЭК — Эски-Кермен (01 — “Большой храм”; 02 — “Храм у городских ворот”; 03а — “Судилище”; 03в — “Часовня” при “Судилище”; ЭК — храм “Успения”; ЭК — храм “Трех всадников”; ЭК — храм “Донаторов”). М — Мангун: 1 — сооружении Тешкли-буруна (101 — “Гарнизонная церковь”; 102 — верхнее помещение комплекса “Барабан-Коба”; 103 — комплекс 2 по Е. В. Веймарну; 104 — “Часовня” в комплексе 3 по Е. В. Веймарну; 105 — церковь под оконечностью мыса); 2 — “Юго-восточный монастырь” (201 — помещение на “площадке со склепами”; 202 — помещение ниже “площадки со склепами”); 301 — алтарь в карстовой пещере; 401 — церковь “Южного монастыря”; 501 — церковь “Северного монастыря”; 601 — церковь в балке Кильсе-Тубю. ЧК01 — Челтер-Коба, церковь. КК — Качи-Кальон (01–04 — нумерация по Ю. М. Могаричеву; 05 — “Часовня” по Е. В. Веймарну; 06 — церковь св. Анастасии). ТК — Тепе-Кермен (01 — “Церковь с баптистерием”; 02 — “Церковь с ризницей”; 03 — предполагаемая церковь по Ю. М. Могаричеву; 04 — помещение на северо-восточном краю плато; 05 — помещение на восточном краю плато). КК01 — Кырк-Ор (Чуфут-Кале), церковь у южных ворот. УМ — Успенский монастырь в Бахчисарае (01 — Успенская церковь; 02 — церковь св. Иппокентия; 03 — церковь св. св. Константина и Елены). Б01 — Багла, часовня. Х01 — Херсонес, пещерный храм. Ф01 — Флорент, храм Георгиевского скита. АК01 — Бахчисарай, часовня на Армянском кладбище. СБ01 — Севастополь, храм в Сарандинакиной балке.

Бобровський Т. Чернігівська лавра преп. Антонія: культурно-історичний аспект виникнення Свято-Троїцького Іллінського монастиря // Чернігівський Троїцько-Іллінський монастир: історія та сучасність. Чернігов, 1999б.

Бошкович Ч. Средньовековни споменици северноисточне Србије // Старинар. 1950. №1.

Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. К., 1991.

Василиев А. Ивановските стенописи. София, 1953.

Веймарн Е. В., Чореф М. Я. "Корабль" на Каче. Симферополь. 1976.

Веймарн Е. В., Чореф М. Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. 1987. №7.

Ветринский И. Памятники древней христианской церкви или христианских древностей. Т. 2. Ч. 3–4. Кн. 7. Спб., 1830.

Воронин Ю. С., Даниленко В. Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.

Гаприндашвили Г. Пещерный ансамбль Вардзия (1156–1213 гг.). Тбилиси, 1960.

Гаприндашвили Г. Пустынь как монастырский ансамбль (Ванискваби — пустынь-монастырь) // Пещеры Грузии. 1988. Вып. 12.

Даниленко В. Н. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Даниленко В. Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Йорданов С. Архитектурно-пространствени и типологични особености на скалните обители по долината на р. Русенски Лом // Източното православие в европейската култура. София, 1999.

Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ юго-западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.

Могаричев Ю. М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь. 1997.

Могаричев Ю. М. Византийская скальная архитектура горного Крыма / Автореф. дис. докт. ист. наук. Спб., 1998.

Могаричев Ю. М., Пономарев Д. Ю. Новые пещерные церкви в Инкермане // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Петровский В. А., Труфанов А. А. Средневековый христианский

комплекс к западу от Баклы по материалам раскопок 1993–1994 гг. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Петровський В. А. Нові дослідження "печерного міста" Бакла в Криму // Матеріали IV Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених. К., 1996.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1–2. СПб., б/г.

Чубинашвили Г. Н. Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Тбилиси, 1948.

Яшаева Т. Ю. Пещерный комплекс в округе Херсонеса // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Barnea I., Bilciurescu V. Santierul arheologic Basarabi (reg. Constanta) // Materiale si cercetari arheologice. Vol. VI. Bucuresti, 1959.

Hirschfeld Y. The Judean desert monasteries in the Byzantine period. — New Haven & London, 1992.

Patrich J. Sabas, leader of Palestinian monasticism: a comparative study in Eastern monasticism, fourth to seventh centuries. Washington, 1994.

Rodley L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. London, 1985.

Resume

Bobrovskij T.A. Notes on the Rock Architecture of the South-Western Crimea.

The article deals with several aspects of the history and archaeology of cave monasteries in the South-Western Crimea. The author has got a critical attitude to present discussion about the period when the monasteries had appeared, because according to his point of view a systematization of carved in rock buildings should precede an analyses of the chronology. As a result of this fact publishing plans of several cave churches and chapels which were not known before, the author develops architectural typology of medieval carved in rock churches, determines basic design models of cave monastic assemblages, uses different analogies from other regions where Byzantine cave architecture was spread.

According to the author's supposition, in the South-Western Crimea during the Middle Ages there were near 30 carved in rock assemblages including more than 80 churches and chapels. Taking all the aforementioned into account the author runs to conclusion that Crimean cave monasteries were founded by hermits, and later on were being developed as *Iavrai* (large monasteries) and *pustyns* (isolated monasteries). The circle of questions important for dating monastic assemblages is clarified.

ВОСТОЧНАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СТЕНА ЧУФУТ-КАЛЕ

Восточная оборонительная стена является одним из наиболее известных, но малоизученных памятников Чуфут-Кале (рис. 1). И хотя до 1987 г. она археологически не исследовалась, уже во второй половине XIX в. среди

исследователей утвердилось мнение о ее сооружении на рубеже XIV и XV вв. Основанием для такой датировки послужили сведения, содержащиеся в

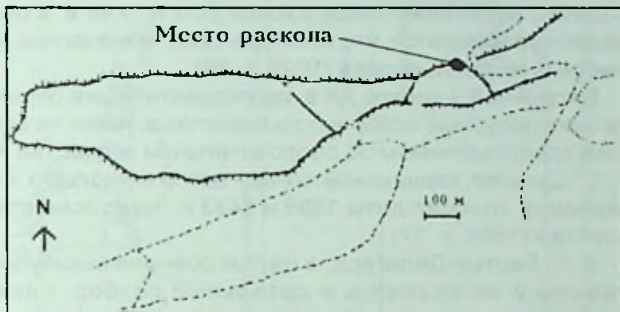

Рис. 1. Чуфут-Кале. План-схема.

двух эпитафиях из некрополя в Иософатовой долине, опубликованные известным караимским собирателем древних рукописей А.С. Фирковичем (1872). Первая из них (№291) гласит: «Именитый муж общины — Менахем... положил основание крепостной стены, а Елиазар, из его же рода, снискал себе почет, окончив, умер в 1396 г.» Во второй эпитафии говорится об Элиазаре — «начальнике обеих крепостей», умершем в 1433 г. (по А. С. Фирковичу под двумя крепостями подразумевались два района поселения известные как «Старый город» и «Новый город»).

Однако сообщенное в надписи не может быть принято во внимание. Еще известный гебраист А.Я. Гаркави доказал, что большинство «ранних» надписей из Иософатовой долины — подделки (1876, с. 100–225). Что же касается первой, то ее подлинность ставил под сомнение даже Д.А. Хвольсон (1884, с. 312), который в споре вокруг деятельности А.С. Фирковича обычно был склонен принимать как подлинные большинство из находок караимского исследователя (Чесноков 1989, с. 9–18; Вихнович, Лебедев 1991; Вихнович 1997, с. 131–199). В содержании второй надписи выглядит странным, что оборонительные стены одной крепости сами названы крепостями. Но это не главное. К сожалению, оба эти эпиграфические памятники до сих пор не обнаружены, хотя поиски их ведутся не один год. Их не видел никто из исследователей, в том числе и Д.А. Хвольсон, поэтому кроме публикаций Фирковича нет другой возможности обращаться к ним. Возникает вопрос: существовали ли они вообще?

Содержание надписей вызывает и другие сомнения. Известно, что в конце XIV в. крепость принадлежала татарам (Герцен, Могаричев 1993, с. 58–74), в ней находился гарнизон, который вряд ли подчинили бы иноверцу, тем более в столь смутное время. Даже в конце XVI – начале XVII в., когда Чуфут-Кале полностью была оставлена татарами и в ней жили практически одни иудеи, ее начальником и кадием ханской администрации назначались татары (Фиркович 1890, с. 62–66), а владельцами крепости были беи Яшлавские, собиравшие подати с населения. Лишь в конце 60-х гг. XVII в. в описании Эвлии Челеби упоминается, что комендантами назначались представители местных жителей-евреев (1999, с. 36).

В конце XIX – начале XX в. исследователи уже обратили внимание на архитектурные особенности памятника, никак не соответствовавшим представлениям об оборонительном зодчестве XIV–XV вв.

С. Шапшал, караимский гахам и автор нескольких книг по истории караимов, относил даты 1396 и 1433 гг. не ко всей стене, а только к воротам (1896, с. 17).

А. Л. Бертье-Делагард, в целом доверяя вышеупомянутым эпиграфиям и не вдаваясь в детальный разбор, писал, что стена «строена плохо и невежественно» и что она «если не вся, то в наибольшей своей части (от ворот к северу) не ранее XVI в. (1920, с. 113). Основанием для этого вывода явилось наличие ружейных бойниц в стене, аналогичных тем, которые известны в оборонительных стенах Мангупа (1920, с. 113). Следует отметить, что даты мангупских бойниц более поздние. Бруствер, в котором они находятся, был надстроен в конце XVII или начале XVIII в. (Герцен 1990, с. 144).

Таким образом, исследователь пришел к выводу, что надпись 1396 г., если доверять ее содержанию, относится не ко всей стене, а к ее южному участку. То есть, по мнению А. Л. Бертье-Делагарда, Восточная оборонительная стена строилась с конца XIV до начала XVI в. Длительность строительства он объяснял трудностями постройки подобного сооружения (с. 114).

Авторы работ, вышедших в советское время, делали свои выводы на заключениях А. Л. Бертье-Делагарда. А. Л. Якобсон, соглашаясь с датой 1396 г., считал, что стена была перестроена турками в XVI в. (1964, с. 129).

Д. Л. Талис, вслед за А. Л. Бертье-Делагардом, полагал, что стена не имеет следов перестройки, а несоответствие между датировкой стены по эпиграфическим данным и ее архитектурными особенностями также объяснял продолжительностью ее постройки (1974, с. 96–97).

Авторы настоящей статьи в научно-популярной работе сделали вывод, что стена могла быть построена не ранее XVI в. и впоследствии несколько раз перестраивалась (1993, с. 74–85).

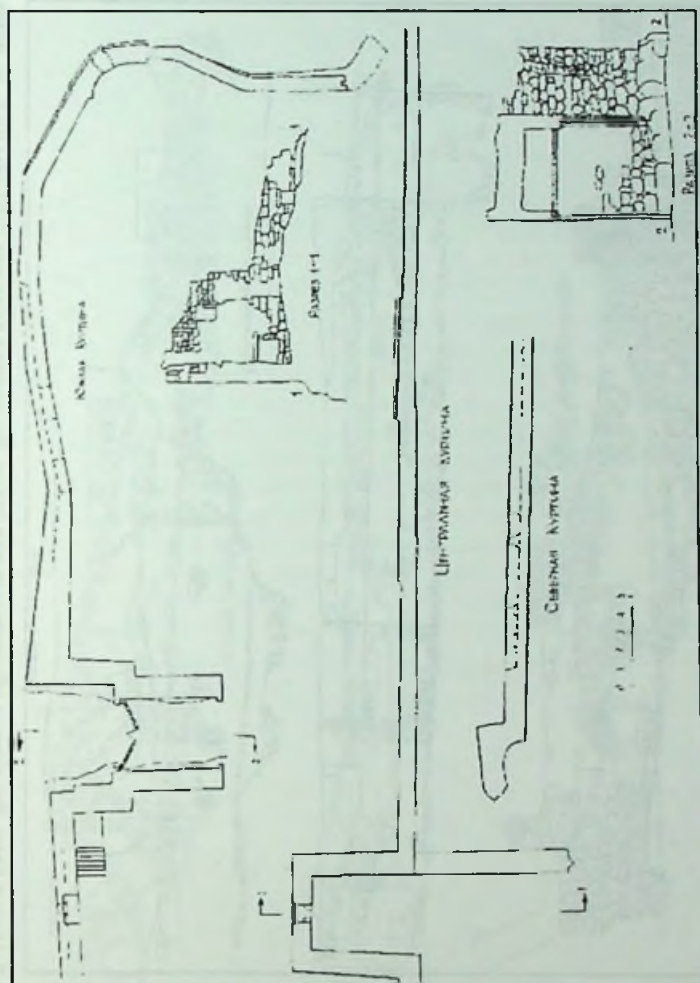

Рис. 2. Чуфут-Кале. Восточная оборонительная стена. План. Разрезы.

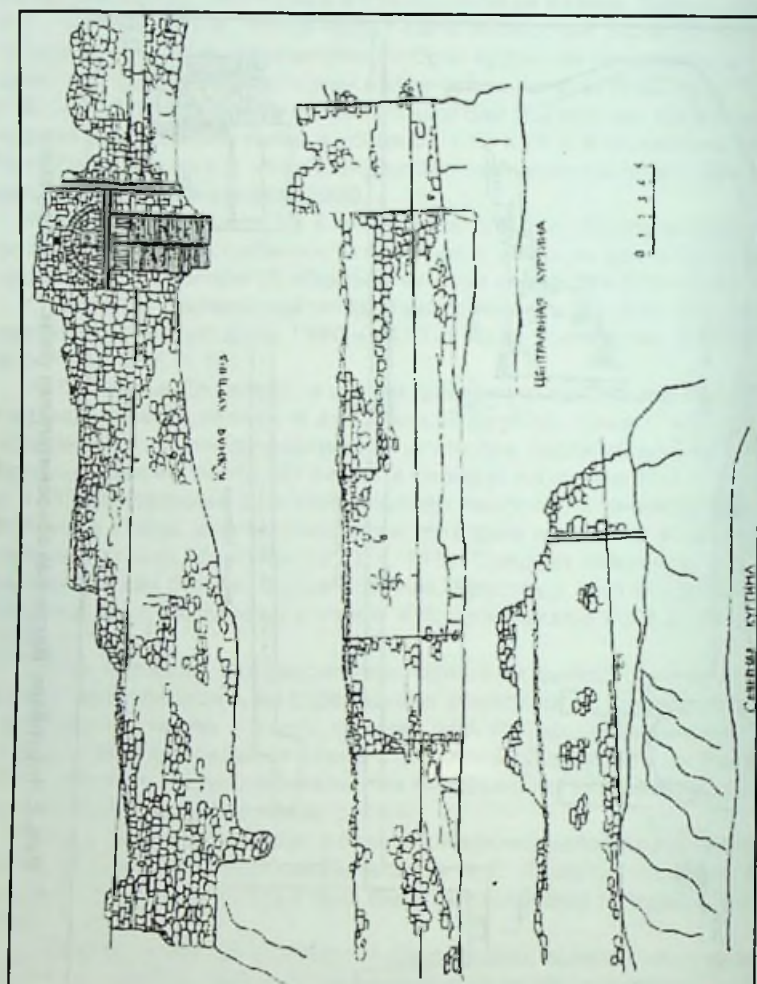

Рис. 3. Чуфут-Кале. Восточная оборонительная стена. Фасировка внешней стороны по Е. В. Веймару.

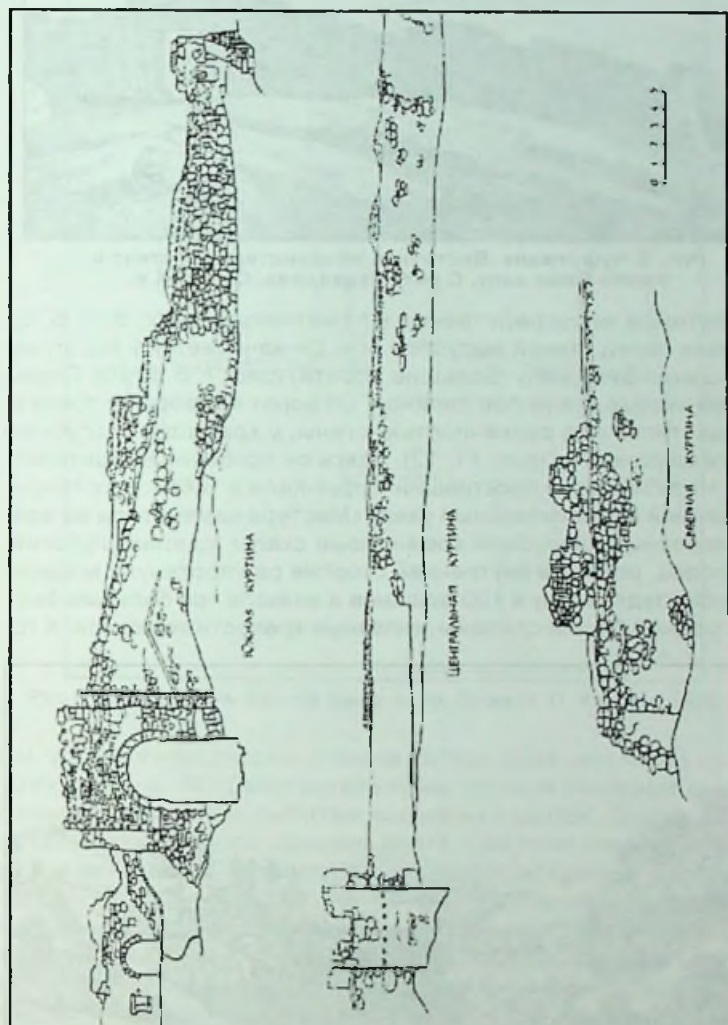

Рис. 4. Чуфут-Кале. Восточная оборонительная стена. Фасировка внутренней стороны по Е. В. Веймарну.

Рис. 5. Чуфут-кале. Восточная оборонительная стена и башня Биук-капу. С рис. Медведева. Сер. XIX в.

Обратимся непосредственно к памятнику (рис. 2, 3; 4, 5, 6); С востока перед стеной вырублен ров. Он начинается у ворот, называющихся Биук-капу (Большие ворота) (рис. 7; 8; 9; 10). Перед средней частью стены ров двойной. От ворот к северу он понижается, достигая под оконечностью стены, у края плато, глубины 9 м, при ширине 5 м. (рис. 11, 12). Здесь он особенно внушителен. Эвлия Челеби, лично посетивший Чуфут-Кале в 1666 г., так описывает данный оборонительный узел: «Мастера каменотесы во времена неверных прорубили кремниевые скалы, сделав глубокий, как колодец, ров, а на внутренней стороне рва протянули мощную каменной кладки стену в 100 аршинов и возвели три большие башни. В средней башне сделаны железные крепостные ворота. К го-

Рис. 6. Чуфут-кале. Вид на восточную оборонительную стену. Из альбома П. Сумарокова. Нач. XIX в.

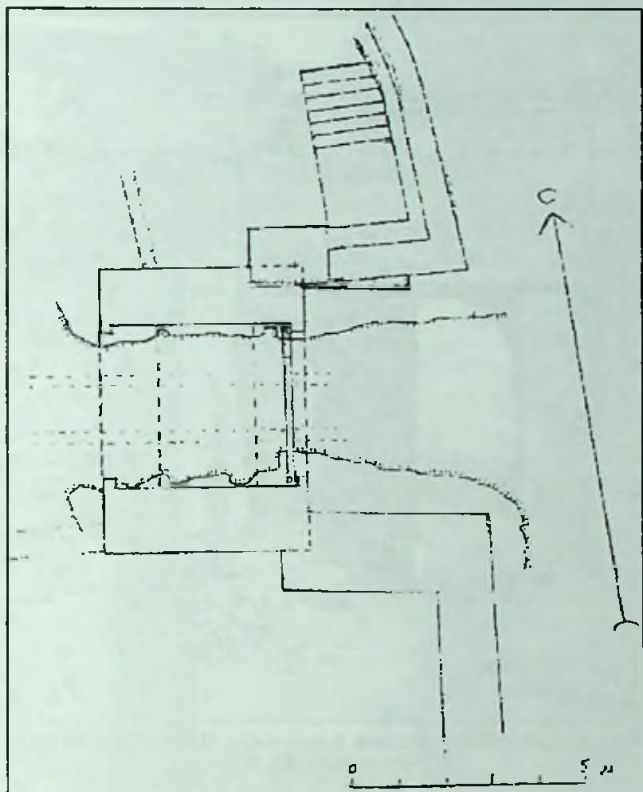

Рис. 7. Чуфут-кале. Башня Биук-капу. План Н. П. Кацура. 1950 г.

рам, которые находятся в стороне кыблы, проходят через эти ворота» (1999, с. 36). Действительно на плоском скальном дне рва хорошо видны колеи, выбитые колесами повозок. Следы дороги прослеживаются и под обрывом плато. Они ясно показывают, что дорога вела в долину Ашлама-дере, расположенную с северной стороны от Чуфут-Кале. Что касается упоминания трех башен, то на этом необходимо остановиться подробнее.

Ограда восточного фронта обороны городища состоит из трех куртин, отличающихся друг от друга по технике и характеру использованного строительного материала.

Между средней и северной куртинами, нависая надо рвом, высится прямоугольная в плане башня (рис. 2; 4; 12, 13). В верхней части ее лицевой стены выложена круглая бойница, предназначавшаяся,

Рис. 8. Чуфут-кале. Башня Биук-капу. Внешняя сторона.
Фото нач. XX в.

вероятно, для пушки небольшого калибра. Башня имеет открытую тыльную сторону — горжу. Защитники и орудие находились на помосте, настланном на деревянных балках, и, очевидно, поддерживавшемся столбами. Таким образом, данная башня была полноценным фортификационным узлом, решавшим важные оборонительные задачи. С ее высоты простреливалась местность перед средней частью крепостного фронта и, также, фланкировалась территория перед северной и центральной куртинами.

Следующая башня — Биук-капу (рис. 2; 3; 4; 5; 7; 8; 9, 10) — разделяет центральную и южную куртины. Она порождает немало вопросов. Башня в плане прямоугольная, размерами 5 x 6,5 м. Высота с напольной стороны — 9,3 м, со стороны города — 8,2 м. Ширина воротного проема 3,5 м, длина — 4,8 м. Высота от поверхности дороги до щельги подпружной арки — 5,5 м. Ворота двустворчатые, полотнища из деревянных брусьев, оббиты снаружи полосами кованого железа.

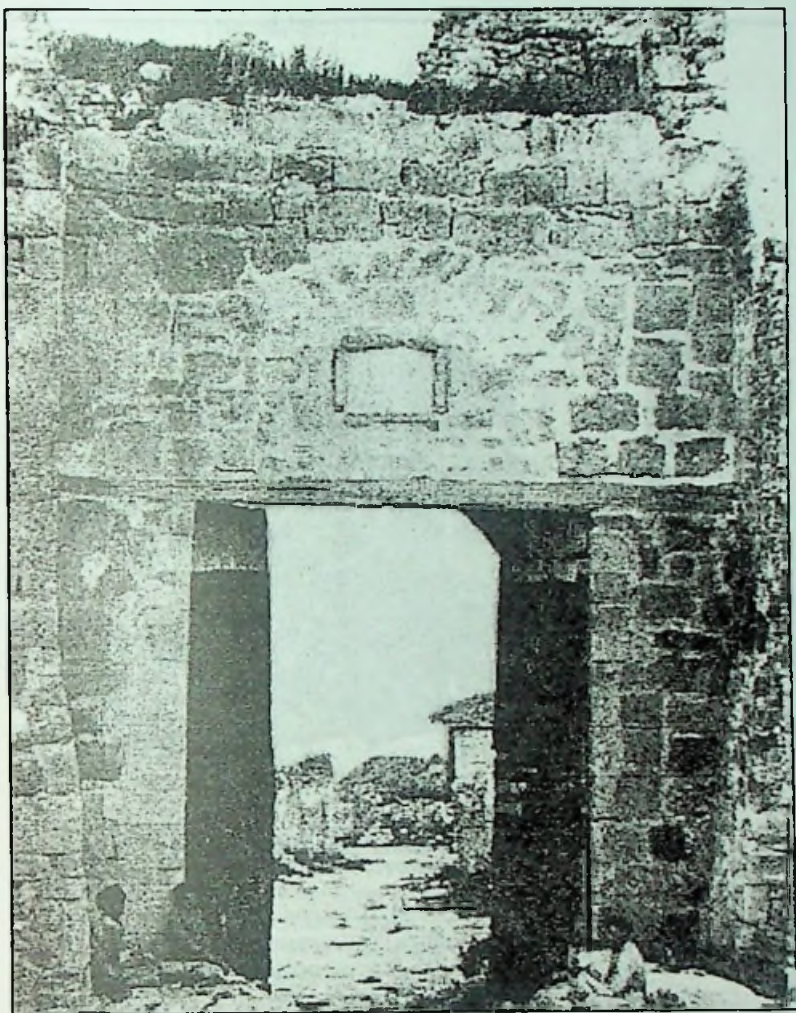

Рис. 9. Чуфут-кале. Башня Биук-капу. Внешняя сторона.
Фото кон. XIX в.

Над воротами Биук-капу вмурована прямоугольная плита из белого проконесского мрамора (рис. 8, 9). На ней грубо вырезаны два знака, в просторечии именуемые «сердцем и вилами». Вероятно, они имеют геральдическое значение — это символы родов или, общин обитавших в древнем Кырк-Оре (название крепости в XIII — XVII вв.

Рис. 10. Чуфут-кале. Башня Биюк-капу. Внутренняя сторона.
Фото 20-х гг. XX в.

(Герцен, Могаричев 1993, с. 50–73). По мнению О. Акчокраклы, данные знаки могут свидетельствовать о подчиненности крепости татарским беям или ханам (1927, с. 41). В этой связи интересны сведения У. Боданинского, который отмечал, что в районе Евпатории вплоть до второй половины XIX в. аналогичный знак (виллообразная тамга) был тамгой деревни Кырк-чолак, и таким образом, он мог относиться к роду с именем Кырк, перекликающегося с древним названием крепости — Кырк-Ор (Боданинский, Засыпкин 1929, с. 17–20). О. Акчокраклы обратил также внимание на то, что такая же пара знаков вырублена на большом известняковом блоке в кладке средней оборонительной стены, слева от ворот Орта-капу (1927, с. 41). Они гораздо крупнее тех, что выбиты на мраморной плите в Биюк-капу. Можно

достаточно уверенно предположить, что первые, учитывая датировку Средней стены (Герцен, Могаричев 1992), — более древние. При возведении башни Биук-капу на ней были воспроизведены символы, имевшие первоначально отношение к Старому городу, а после возведения Восточной оборонительной стены — и ко всему поселению.

В 1988 г. для более полного представления об архитектурных особенностях башни и стратегической данного участка нами были проведены археологические исследования. Один раскоп был за-

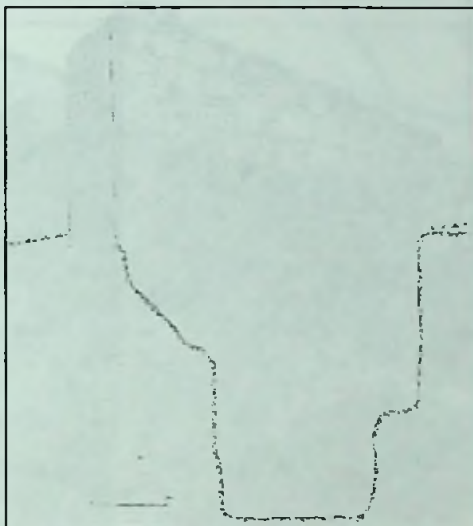

Рис. 11. Чуфут-кале.
Восточная оборонительная стена и ров.
Разрез у северной оконечности.

ложен у северо-западного угла Биук-капу (рис. 14), а другой у юго-западного (рис. 15; 16; 17; 18). Культурный слой здесь имеет толщину не более 1 м и, судя по обнаруженным находкам, образовался не ранее конца XVIII — XIX вв., когда в данном месте жители Чуфут-кале возвели какие-то постройки. В северном борту первого раскопа были обнаружены остатки вала, насыпанного с тыльной стороны стены (см. ниже).

В современном виде данное сооружение могло выполнять только одну функцию в существующей оборонительной системе — служить громоздким обрамлением воротного проезда. В активной обороне прилегающих куртин и даже самих ворот, эта башня участвовать не могла. Она выдвинута не в напольную сторону, откуда можно было ожидать неприятеля, а вдаётся в сторону города (рис. 2; 8; 10), что является нонсенсом с точки зрения элементарных правил фортификации. Еще одно наблюдение. На башне есть площадка, выложенная каменными плитами. Она имеет хорошо выраженный уклон к напольной стороне, что странно для боевого сооружения. Ведь местность перед укрепленной линией значительно повышается к востоку, таким образом, противник, подходивший с этой стороны, находился на возвышении, занимая чрезвычайно выгодную позицию: вел обстрел сверху вниз. Ни один грамотный фортификатор не мог так поставить башню. Остается предположить, что первоначально узел оборони-

Рис. 12. Чуфут-кале. Ров и башня между северной и центральной куртинами. Вид с юго-востока. Фото 20-х гг. XX в.

тельной линии имел иное решение. Если обратить внимание на юго-западный угол башни, то можно увидеть камни, выступающие из плоскости кладки и наглядно показывающие место, к которому когда-то примыкала южная куртина (рис. 10; 18), ныне оно находится у юго-восточного угла.

На краю обрыва в южной куртине находится полукруглая в плане башня (рис. 2; 3, 4, 19; 20). Это искусная архитектурная имитация. Закругленный изгиб стены был аккуратно облицован хорошо отесан-

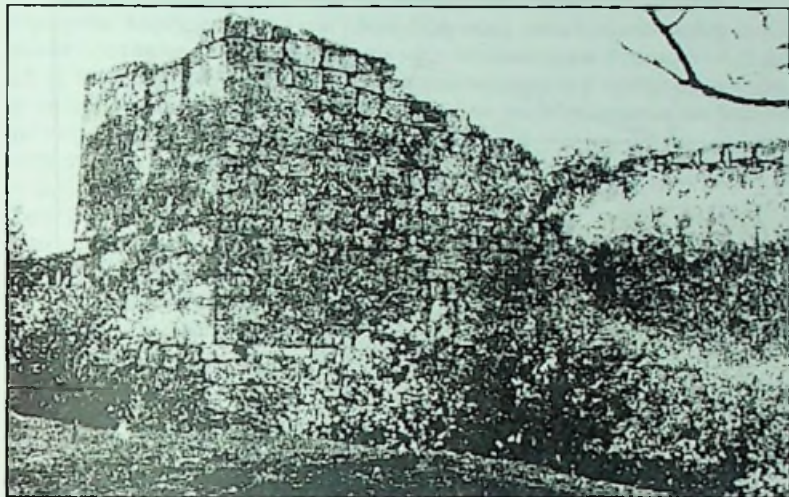

Рис. 13. Чуфут-капе. Башня между северной и центральной куртинами. Вид с северо-востока.

ными плитами. В нем было выложено большое прямоугольное окно (отнюдь не бойница), еще более усиливающее декоративный характер этого сооружения, судя по характеру кладки, весьма позднего. Никакой оборонительной нагрузки это сооружение не несет. Вся южная куртина (рис. 2; 3; 4; 19, 20, 21; 22, 23) абсолютно лишена флангового прикрытия и ее, скорее, можно считать высоким забором, а не крепостной стеной.

Что касается первоначального начертания оборонительной линии, то она, как отмечалось, примыкала к юго-западному углу Биюк-капу и выходила к обрыву западнее современной башни. Фланговое прикрытие ей обеспечивалось с южной стороны башни Биюк-капу. Таким образом, если наша реконструкция планировки этого участка обороны верна, то его первоначальный вариант существенно отличался от современного.

Перенесена была не только южная куртина, существенно перестраивалась и центральная. В ее средней части хорошо виден выступающий вперед участок кладки, напоминающий лицевую сторону башни (рис. 2, 3). Возможно, это именно фрагмент башни, включенный при перестройке в кладку куртины. Косвенно об этом свидетельствует расположение этого участка практически посередине между башнями: от башни надо рвом (между северной и центральной куртинами) — 24,5 м, до Биюк-капу — 26 м. Это оптимальная дистанция, обеспечивающая эффективный перекрестный

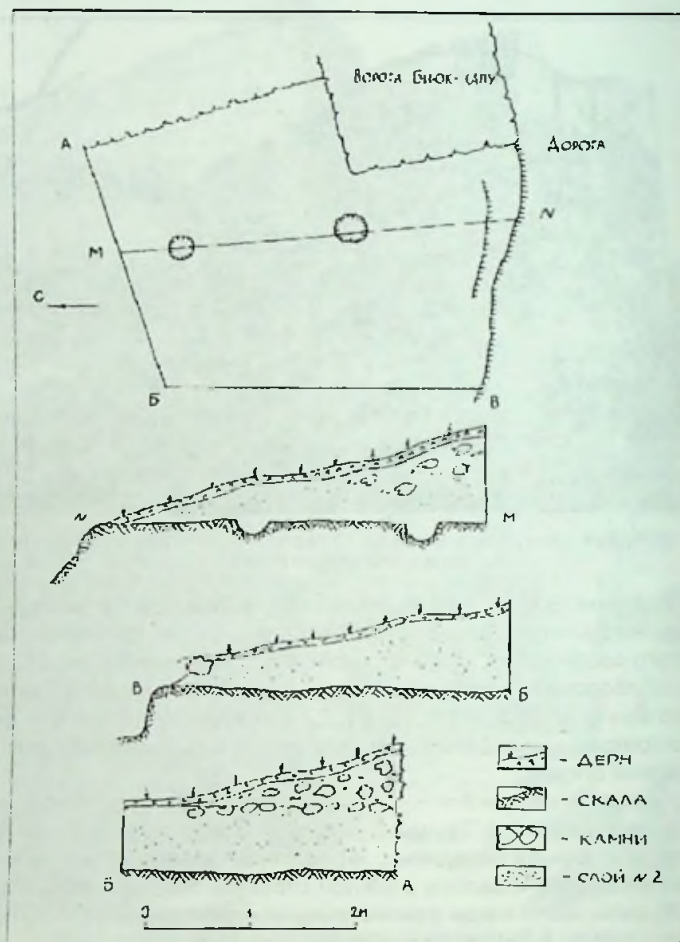

Рис. 14. Чуфут-Кале. Раскоп к северу от ворот Бюк-Капу.
План. Разрезы.

обстрел пространства перед фасом куртины. Вероятно, Эвлия Челеби действительно видел три мощные, близко расставленные башни. Но в то время облик восточной оборонительной стены был другой.

Обратимся еще к одной особенности памятника. На северном фланге стены имеются амбразуры (Рис. 3; 24; 25). Они относятся к верхней части стены, точнее к ее парапету. Он возведен на кладке куртины, в которой были амбразуры, заложенные при надстройке

парапета. Хорошо видны три такие бойницы, расстояние между которыми составляет 6 м., а высота над основанием стены от 1,5 до 2,5 м. Несомненно, что они были созданы вместе с куртиной и являются органической частью ее конструкции. Надстроенные же бойницы подняты на высоту от 5,5 до 6,5 м от основания стены (рис. 24; 25) Странным, на первый взгляд, является то обстоятельство, что амбразуры сконцентрированы только в короткой (29 м) северной куртине и без того хорошо защищенной самой глубокой частью рва и надежно фланкированной башней.

В центральной же, самой длинной (57 м.) и наиболее уязвимой куртине, есть всего лишь две бойницы — возле Биюк-капу. Одна из них пушечная, круглая, а вторая, вероятно, для тяжелого крепостного ружья (рис. 4). Предназначались они для обстрела дальних подступов к воротам. По правилам же фортификации, обстрел должен был быть более интенсивным по мере приближения противника к оборонительной линии. Это может служить еще одним доказательством того, что этот участок крепостной ограды был сильно изменен по сравнению с первоначальным состоянием.

На южной куртине, практически не подвергавшейся опасности прямого штурма, из-за расположения на скальном склоне, были амбразуры подобные тем, которые венчают северную куртину. Это хорошо видно на рисунке, выполненном с натуры И. Медведевым в середине XIX в. (рис. 5) В настоящее время от этих бойниц не осталось и

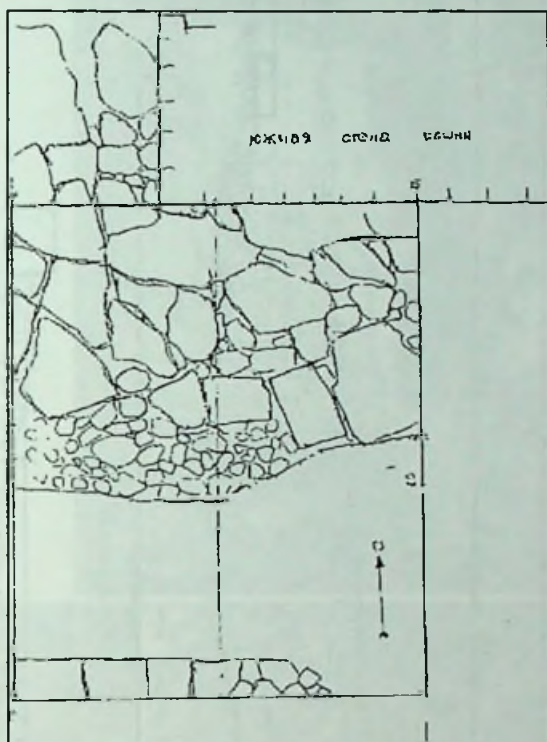

Рис. 15. Чуфут-кале.
Раскоп к югу от ворот Биюк-капу. План.

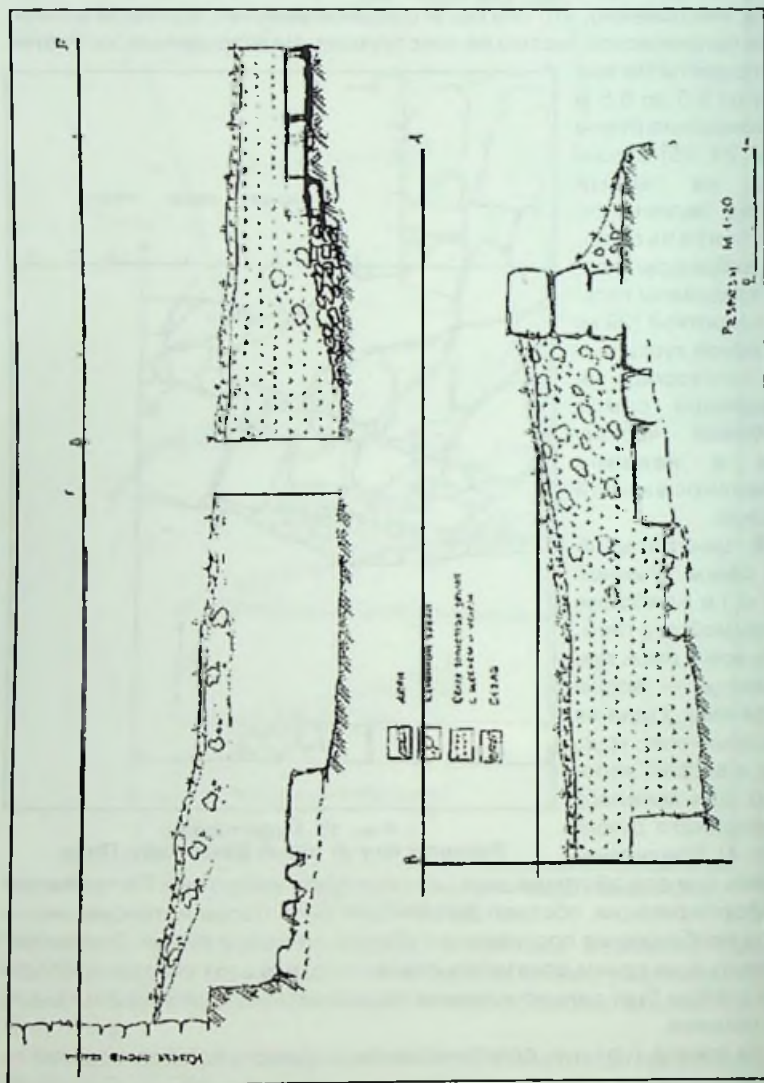

Рис. 16. Чуфут-кале. Раскол к югу от ворот Бююк-капу. Разрезы.

Рис. 17. Чуфут-кале.
Раскоп к югу от ворот
Биюк-капу.

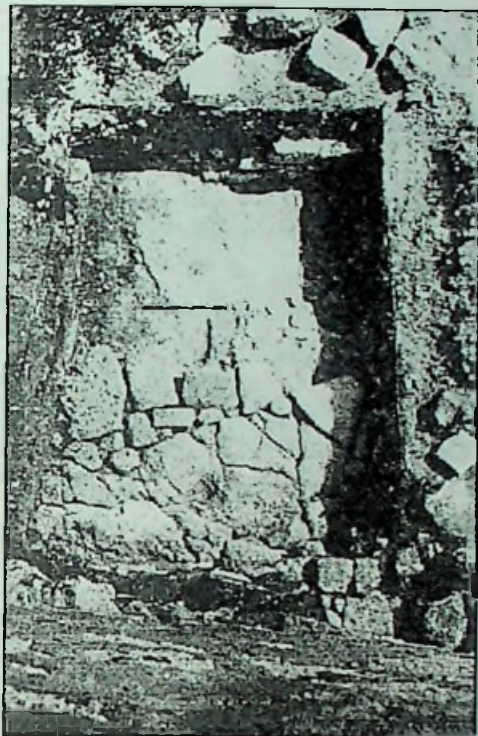
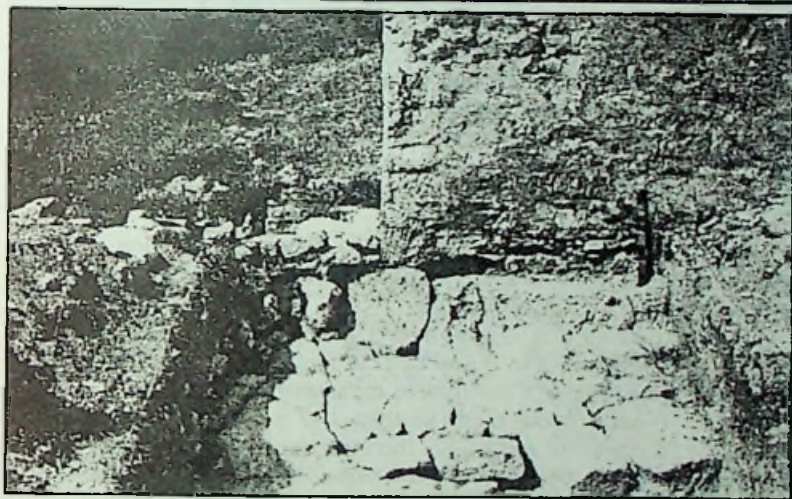

Рис. 18. Чуфут-кале.
Раскоп к югу от ворот
Биюк-капу. Вид с юга.

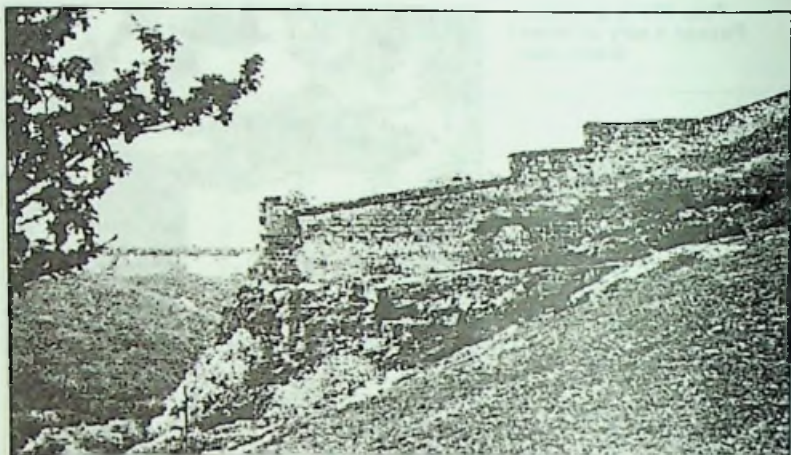

Рис. 19. Чуфут-кале. Восточная оборонительная стена. Южная куртина. Внешняя сторона.

следа в результате неоднократных перестроек и ремонтов бруствера

Учитывая сложную строительную историю памятника и противоречивость мнений о его датировке в 1987–1988 гг. под руководством авторов настоящей статьи с целью уточнения хронологии, были проведены археологические исследования Восточной оборонительной стены. Раскоп площадью 80 м² был заложен с тыльной стороны оборонительной стены у оконечности ее северного фланга (рис. 1) Стена в этом месте делает излом внутрь городища и ее последний участок длиной 3,6 м примыкает к обрыву (рис. 26). Как отмечалось, памятник в этом месте сохранился практически в первоначальном виде, здесь можно наблюдать уникальный архитектурный узел — боевую площадку с парапетом, содержащим ружейные бойницы (рис. 24, 25) — то есть существовала возможность проследить строительную историю данного фортификационного сооружения именно на данном участке.

Территория раскопа перед началом работ представляла неровную, задернованную, покрытую кустарником поверхность, имеющую уклон от стены в сторону города.

Стратиграфия исследованного участка такова. Слой №1 — дерн толщиной до 0,2 м. В нем было обнаружено 1390 фрагментов черепицы-«татарки» и несколько фрагментов тарной и столовой керамики. В слое также были найдены 17 фрагментов керамических труб, 16 кованых железных гвоздей, перламутровая инкрустация ромбовидной формы и плохо сохранившаяся татарская сереб-

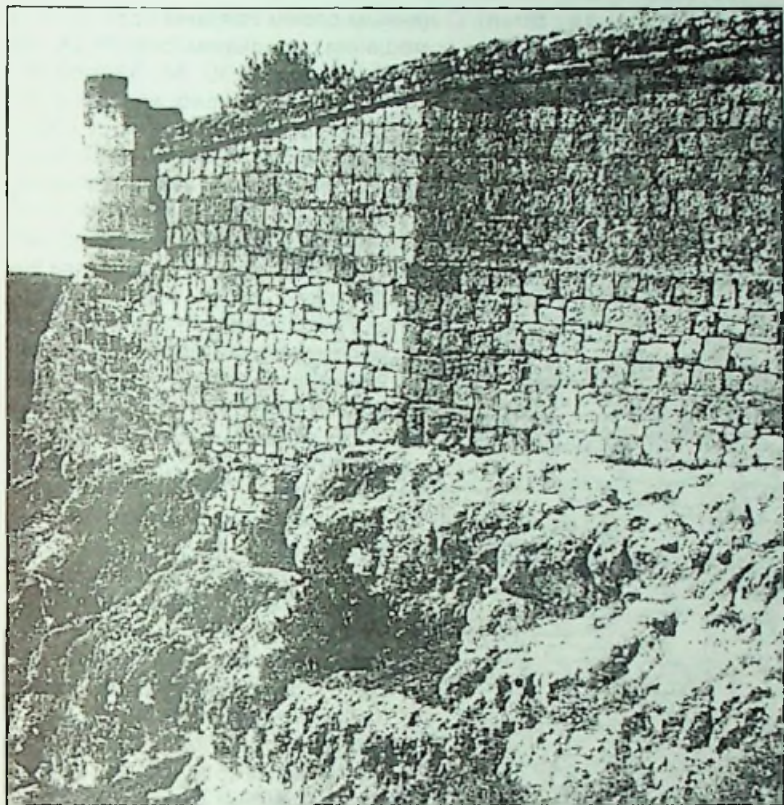

Рис. 20. Чуфут-кале. Восточная оборонительная стена. Южная куртина с полукруглой башней. Вид с северо-востока.

ряная монета с просверленной дырочкой, использовавшаяся как подвеска

Ниже залегал слой №2 — светло-серый грунт с большим количеством мелких камней, насыщенный археологическим материалом. Его толщина колеблется на различных участках от 0,14 до 1,2 м. В нем было обнаружено большое число черепицы-«татарки», керамических труб, красноглиняной поливной и неполивной керамики: тарной и столовой, штофов, фаянсовых сосудов, керамических курительных трубок. В нем также был найден серебряный перстень с халцедоновой вставкой и несколько татарских серебряных монет со стертой легендой. Материал из слоя №2 может датироваться XVII – XIX вв. (подробной публикации археологических находок будет по-

священа отдельная статья). С данным слоем связаны остатки двух архитектурных сооружений — помещения с тандыром (рис. 27; 28; 29)

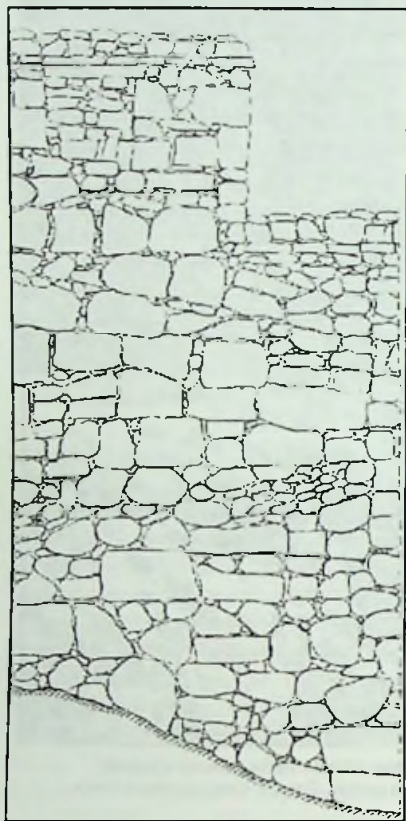

Рис. 21. Чуфут-кале.
Восточная оборонительная стена.
Южная куртина.
Фас участка с внутренней стороны.

и бани (рис. 30; 31, 32) составлявших, очевидно, единый комплекс. Они не примыкают к восточной оборонительной стене, отступая от нее на расстоянии от 0,1 до 1 м. Между стеной и помещением с тандыром в южной части были обнаружены остатки водостока.

Помещение с тандыром расположено в южной части раскопа. Основание тандыра — круга из обожженной глины диаметром 1,7 м, обложенного черепицей — выявлено в южной части помещения (рис. 27). В его южной стене имеется канал для подачи воздуха. Стены помещения сложены из бутового слегка обработанного камня размерами в среднем 0,25 x 0,35 x 0,3 м. В основном они сохранились в высоту на один ряд и стоят частично на материковой скале, а частично на подсыпке из слоя №2 (в районе вырубки, о которой см. ниже). В восточной и северной стенах помещения в основании кладок сохранились деревянные лаги толщиной 0,12 м.

К северу от помещения с тандыром была исследована баня турецкого типа, состоящая из двух отделений — моечной и парной (рис. 30). Длина парной — 4,5 м, максимальная ширина — 0,8 м. Пол выложен плитами мраморовидного известняка: две западные размерами 1,2 x 1,75 м, плита порога 0,5 x 0,4 м, две восточные 0,8 x 0,8 м. В восточной части располагался камин (от него остались два обожженных камня и канал, ведущий под плитовый пол. Для обеспечения стока воды из бани была разобрана часть оборонительной стены. Стены помещения сильно разрушены. Лучше всего их остатки сохранились у порожка, на два ряда в высоту (до 0,5 м). Они аналогичны стенам помещения с тандыром

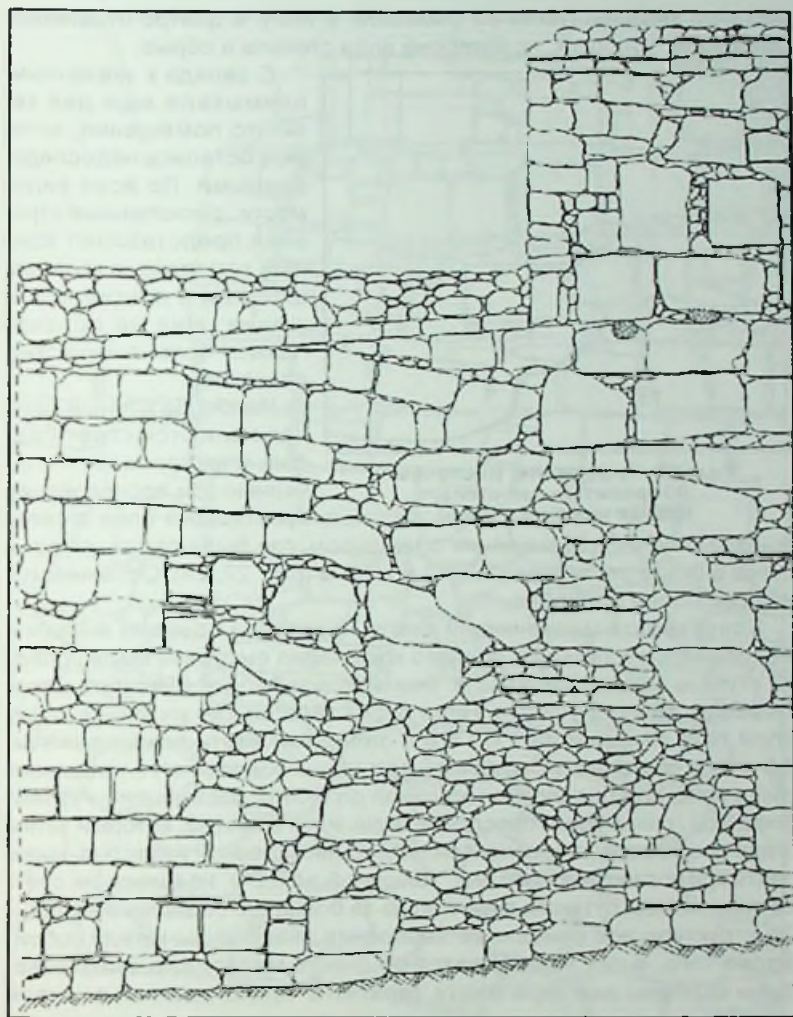

Рис. 22. Чуфут-кале. Восточная оборонительная стена.
Южная куртина. Фас участка с внешней стороны.

и покрыты штукатуркой розового цвета. На остатках стены у порога видны подрубки для крепления дверей.

От моечного отделения (к северу от парной) сохранился только пол, выложенный из известняковых плит различных размеров, толщиной 0,18 м, хорошо подогнанных друг к другу. Стыки между плита-

ми были закрыты глиняной обмазкой. В полу, в центре отделения, обнаружен водосток, по которому вода стекала в обрыв.

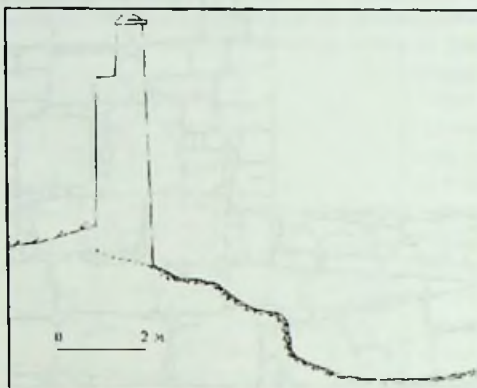

Рис. 23. Чуфут-кале. Восточная оборонительная стена. Южная куртина. Разрез.

С запада к указанным, примыкали еще два каких-то помещения, которые остались недоследованными. По всей видимости, раскопанные строения представляют единый комплекс, в который входили и другие помещения, еще не подвергшиеся археологическим раскопкам.

Наиболее ценными для нас являются стратиграфия и материалы, полученные при исследовании культурного слоя в северо-

западном углу помещения с тандыром, где была расчищена вырубка в скале размерами 3,3 x 1,6 x 1,8 м (рис. 27; 29). Остановимся на этом более подробно.

Поверхность материковой скалы, в которой сделана вырубка, имеет наклон к западу. С южного края перед вырубкой была сделана ступень высотой до 0,45 м. Это и определило особенность стратиграфии данного участка. Ниже дерна залегал уже упоминавшийся слой №2, толщиной от 0,14 м в западной части помещения до 0,6 м — в восточной. Он перекрывал стены помещения с тандыром. Ниже залегала прослойка толщиной до 0,08 м, состоящая из утрамбованной глины. Ниже прослойки вновь идет слой №2, который затем опять прерывается прослойкой сильно насыщенной известью. Ниже опять продолжается слой №2, толщиной до 0,5 м, но имеющий светло-коричневый оттенок, вероятно из-за большого содержания глины. По структуре все описанные наслоения аналогичны между собой. Более того, в них наблюдается общность материала. Например, были склеены два фрагмента тарелки с темно-зеленой поливой (рис. 33), один из которых обнаружен в верхнем слое, а другой в слое с коричневым оттенком. В слое №2 на данном участке были обнаружены 30 фрагментов черепицы-«татарки», 2 фрагмента венчиков, 2 фрагмента ручек и 6 фрагментов стенок красноглиняных кувшинов, фрагмент дна красноглиняного плоскодонного кувшина. Столовая посуда представлена фрагментами поливных сосудов. Были также обнаружены: керамическая курительная трубка, несколько фрагментов стеклянных сосудов и 30 фрагментов костей домашних живот-

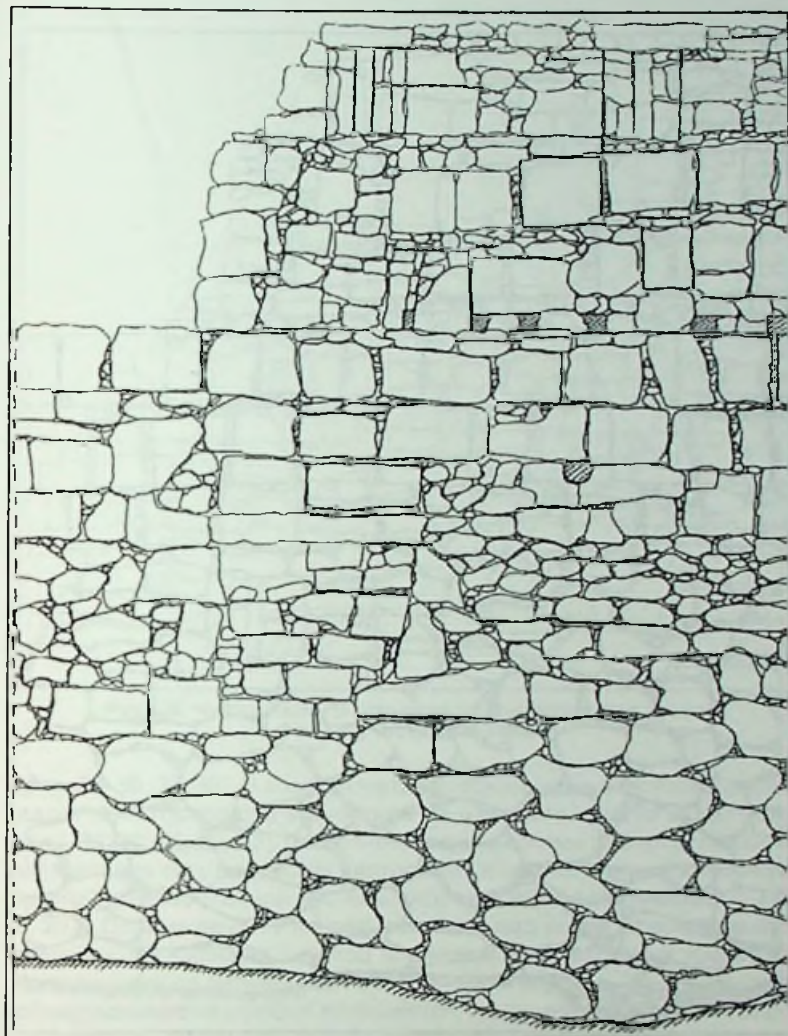

Рис. 24. Чуфут-кале. Восточная оборонительная стена.
Северная куртина. Фас участка с внутренней стороны.

ных (рис. 33; 34). Датируется этот слой аналогично слою №2 в остальной части раскопа.

Ниже описанного находился рыхлый слой (№3) сероватого цвета с большим количеством камней различных размеров, бракованных

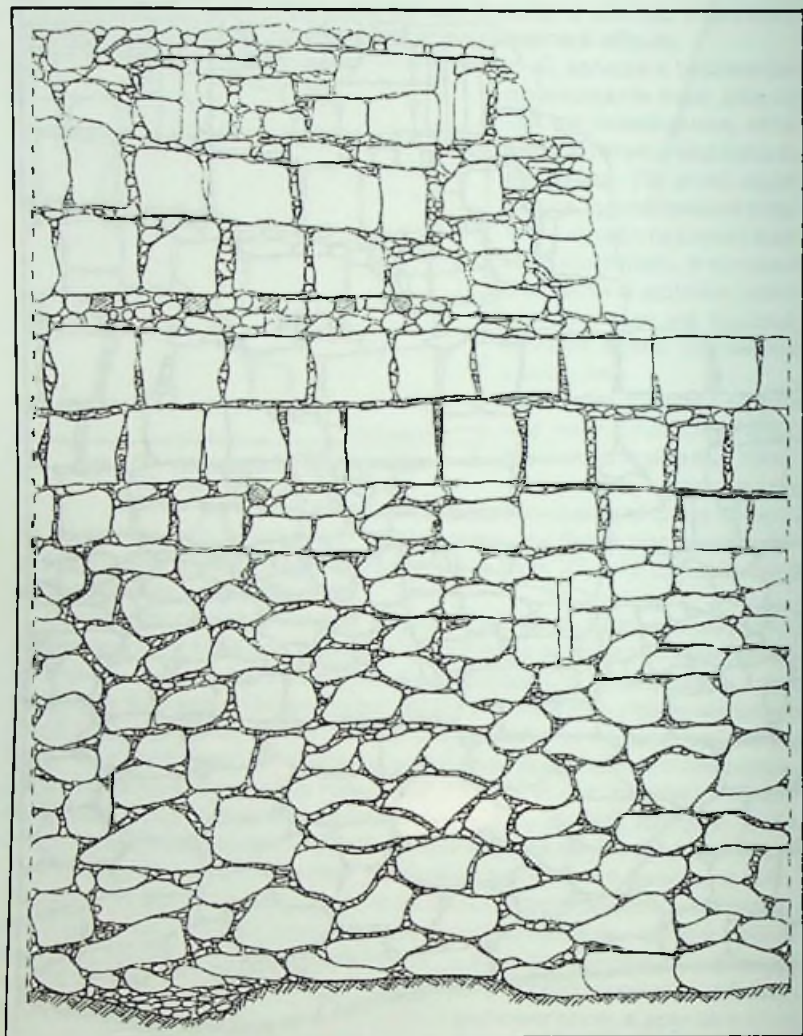

Рис. 25. Чуфут-кале. Восточная оборонительная стена.
Северная куртина Фас участка с внешней стороны.

архитектурных деталей, строительного отеса. Его толщина варьирует от 0,7 до 1,2 м (рис. 27; 29). В нем было обнаружено 11 фрагментов черепицы — «татарки», фрагменты красноглинянных тарных кувшинов, поливных сосудов и 52 фрагмента костей домашних животных

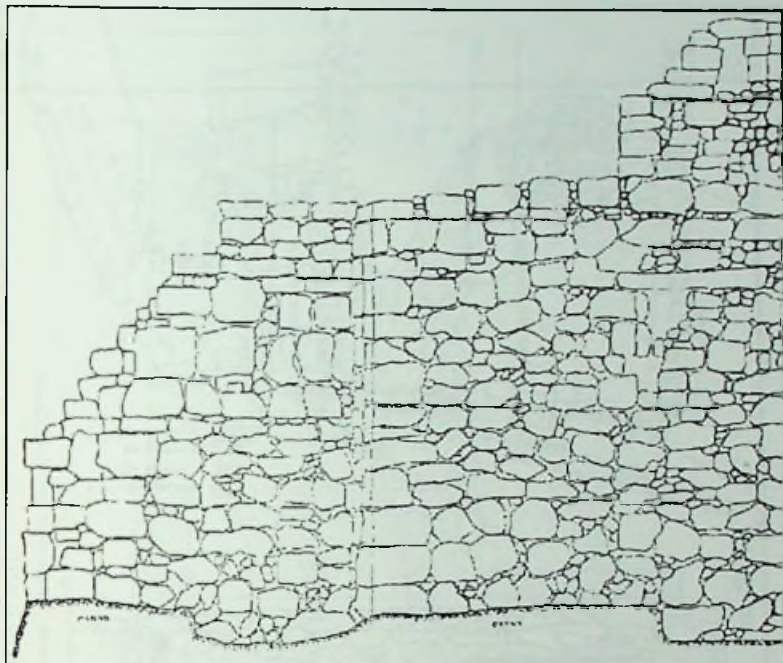

Рис. 26. Чуфут-Кале. Восточная оборонительная стена.
Фас на участке раскопа.

(рис. 35; 36; 37, 38). В слое также было обнаружено золотоордынское надгробие горизонтального типа из местного серого известняка (рис. 39; 40; 41; 42; 43). Оно относится к наиболее распространенному третьему типу «двурогих надгробий» в соответствии с классификацией, разработанной А.С. Башкировым и У. Боданинским (1925, с. 297). По мнению А.А. Иванова, такой тип надгробия сформировался в Крыму уже к концу XIII в. под влиянием архитектурных традиций, проникавших на полуостров из Малой Азии (1989, с. 24–31). Высота обнаруженного надгробия понижается, и ширина сужается от головной части — большого «рога» к малому. Так, ширина платформы изменяется с 0,365 м до 0,26 м; высота большого «рога» — 0,43 м, малого — 0,26 м от основания. Окончание широкой части платформы обломано, ее общая длина достигала, вероятно, 1,2 м (рис. 41). Большой «рог» надгробия выполнен в форме башенного мавзолея — «дюрбе» и представляет собой куб со сторонами 0,17 м, увенчанный полусферическим ребристым куполом на орнаментированном барабане. На обеих сторонах этого «рога» выре-

Цуфут-Кале

Раскоп у Восточной оборонительной стены

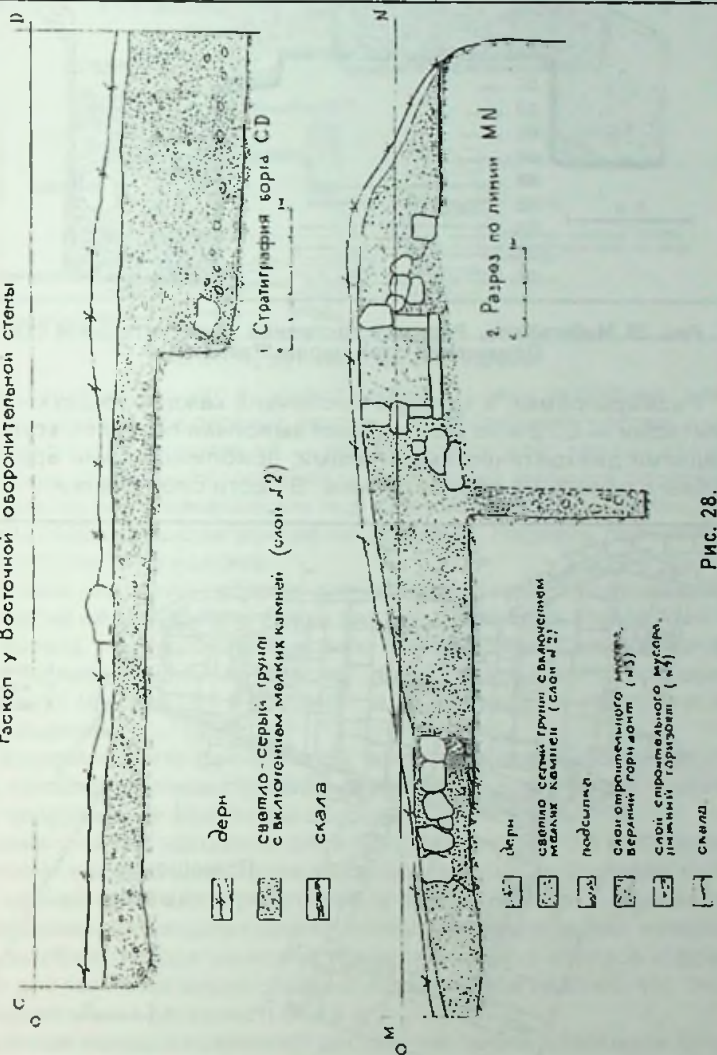

Рис. 28.

Рис. 29. Чуфут-Кале. Раскоп у восточной оборонительной стены. Помещение с тандыром. Разрез D-A.

Размеры рамки, в которую заключена каждая из двух частей эпитафии — 0,72 м на 0,09 м. Текст выполнен почерком «сульс» с редкими диакритическими знаками, приближающими арабские буквы к тюркскому произношению. В части слов диакритические

Рис. 30. Чуфут-кале. Баня. План.

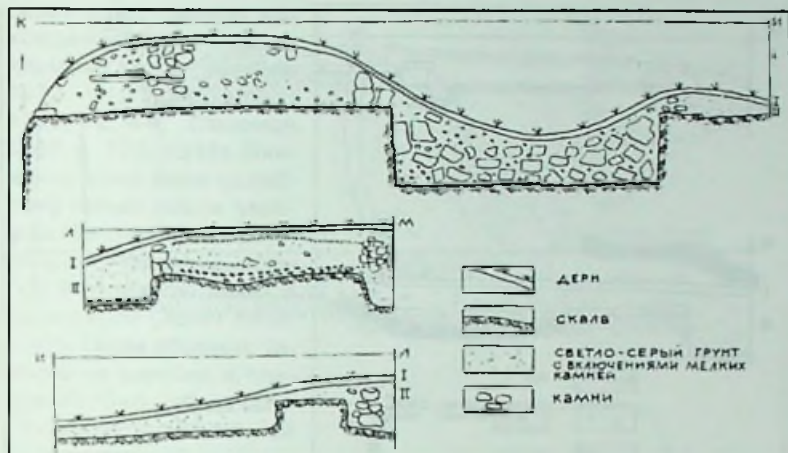

Рис. 31. Чуфут-кале. Баня. Разрезы.

знаки отсутствуют, что в существенной степени затрудняет чтение, расшифровку и перевод надписи. По словарному составу надпись является смешанной — арабско-тюркской, так как кроме арабской формулы погребения и имен, в ней имеются тюркские числительные, обозначающие год, название месяца и глагольная форма, завершающая эпитафию (рис. 43). Надпись полностью расшифровать не удалось.

Начало надписи — обычно для средневековых мусульманских надгробий не только Крыма, но и Кавказа, Поволжья, Малой Азии.

Перевод: «Эта гробница покойной Бехире дочери Сейид Махмуд / бека, По летоисчислению в месяц... 820 (года) то было /.» г. х. соответствует 18.02.1417 — 8.02.1418 г. н. э. (перевод и интерпретация В. И. Зырянова).

Несомненно, что данный слой, в котором находилось надгробие, связан с крупным строительством на данном участке, а именно с сооружением Восточной оборонительной стены.

Ниже слоя №3 находился слой №4, толщиной до 0,4 м. Он отличается от предыдущего более светлым цветом и отсутствием крупных камней (рис. 27; 29). Материала в нем немного: 2 фрагмента красноглиняных сосудов с орнаментом с внешней стороны, нанесенных ангобом, 12 фрагментов кухонных гончарных сосудов и фрагмент дна поливной миски с врезным орнаментом (рис. 44; 45). Этот материал может датироваться XV в.

Данные находки позволяют достаточно точно установить датировку Восточной оборонительной стены.

К первому строительному периоду относится вырубка внутри

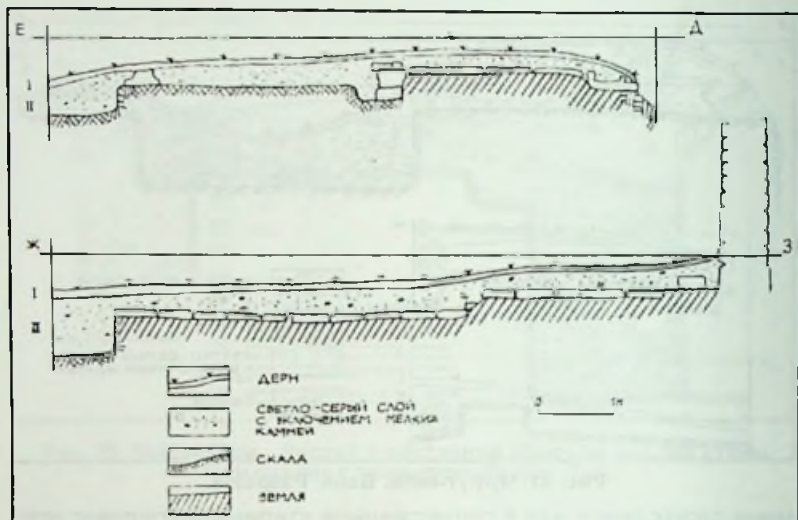

Рис. 32. Чуфут-кале. Баня. Разрезы.

помещения с тандыром, которая являлась подвалом усадьбы, располагавшейся на посадке, возникшем к востоку от Средней оборонительной стены в период формирования на плато Чуфут-Кале в XV в. первой столицы Крымского ханства (Герцен, Могаричев 1993, с. 81). Застройка посада доходила до расселины, по которой была проложена дорога в ущелье Ашлама-дере. Она служила естественной границей посада.

Позднее, при возведении оборонительной стены усадьбу разбирают, а вырубку заполняют строительным отесом (слой №3). Совершенно ясно, что сооружение стены не могло начаться ранее 1418 г., иначе надгробие не попало бы в выемку. Однако надо учитывать и обстоятельства, при которых стало возможным уничтожение мусульманского некрополя, очевидно оказавшегося поблизости от крепостной ограды. Как известно, мусульмане особо чтут память об усопших. Поэтому у посягнувших на нее должна была быть уверенность, что не осталось людей, готовых защищать память их предков. А это означает, что заполнение вырубki надгробными памятниками могло произойти значительно позже начала XV в. Известно, что до конца XV – первой половины XVI в., Кырк-Ор был ханской резиденцией и власть татарской администрации в крепости была безраздельной. После перенесения резиденции Хаджи-Гирея на Чуфут-Кале (Брун 1880, с. 229; Тунманн 1991, с. 33; Бертье-Делагард 1920, с. 122; Якобсон 1964, с. 128; Герцен, Могаричев 1993, с. 58–74) источники сооб-

щают о постоянном нахождении здесь первых крымских ханов (Усманов 1979, с. 31–34; Эрнст 1928, с. 41; Смирнов 1887, с. 103, 1918). Внимание к ней было ослаблено только после переноса Менгли-Гиреем резиденции в Салачик, а затем его преемниками в Бахчисарай (Эрнст 1928, с. 41). Таким образом, заполнение вырубки, а, следовательно, и начало строительства Восточной оборонительной стены не могло начаться ранее первой половины XVI в.

У тыльной стороны стены была оставлена «военная улица». Просуществовала она, вероятно, до конца XVII — начала XVIII в., когда на этом месте возникает усадьба, от которой остались помещение с тандыром и баня. Подтверждением столь поздней даты комплекса, кроме археологических материалов, могут служить сведения и Эвлии Челеби, который особо отмечает отсутствие на Чуфут-Кале бани и воды (1999, с. 37). Значит баня была сооружена на городище после 1666 г.

В свете вышеизложенного попытаемся представить историю Восточной оборонительной стены в целом. Она, несомненно, пережила несколько этапов, отражающих как историю поселения, для защиты ко-

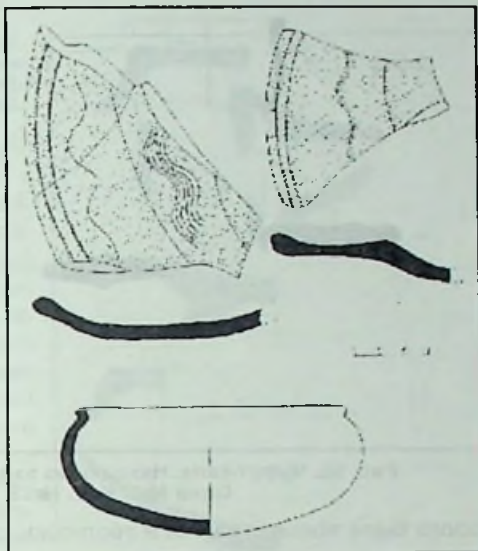

Рис. 33. Чуфут-кале.
Находки из заполнения вырубки.
Слой №2. К.о. №22, 35, 47.

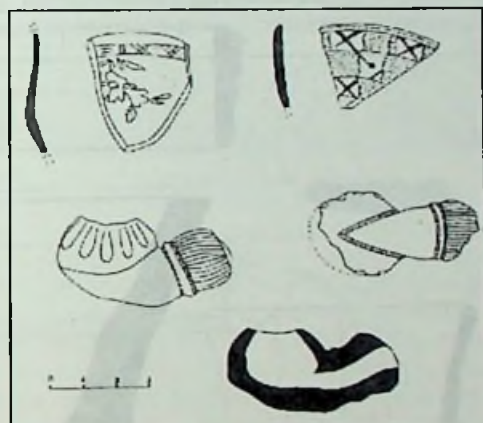

Рис. 34. Чуфут-кале.
Находки из заполнения вырубки.
Слой №2. К.о. №5, 28, 39.

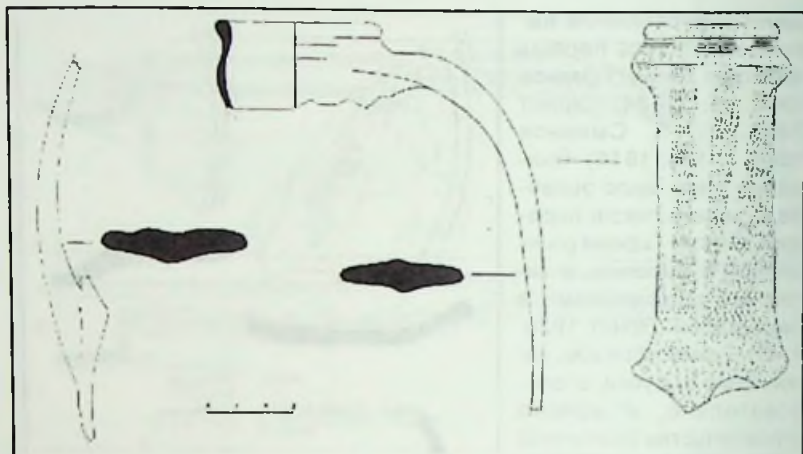

Рис. 35. Чуфут-кале. Находки из заполнения вырубки.
Слой №3. К. о. №53, 54.

торого была возведена, так и эволюцию фортификационных канон.

Стена была построена не ранее первой половины XVI в. и за относительно недолгое время функционирования (около 300 лет) не раз

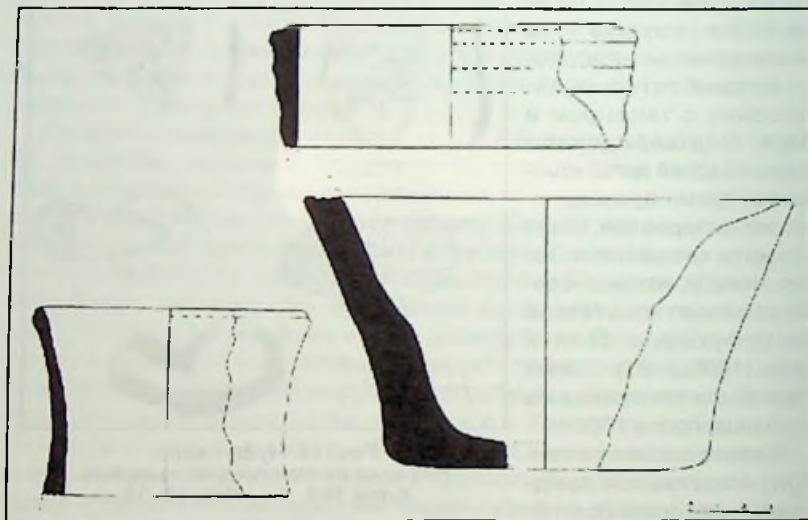

Рис. 36. Чуфут-кале. Находки из заполнения вырубки.
Слой №3. К. о. №52, 56, 51.

Рис. 37. Чуфут-кале.
Находки из заполнения
вырубки. Слой №3.
К. о. №57, 60, 58, 64, 65, 63.

подвергалась серьезным переделкам. Как отмечалось, в ней были проделаны ружейные бойницы, из которых можно было вести настильный прицельный огонь на дистанцию не более 150–200 м — такой была эффективная дистанция стрельбы в то время. Малое количество ружейных бойниц на северной куртине указывает на небольшое количество ручного огнестрельного оружия, находившегося в распоряжении гарнизона. Действительно в XVI – XVII вв. лук еще не был вытеснен фитильным ружьем.

Лишь к середине XVII в. изобретение и широкое распространение ударного кремниевго замка позволило ружью получить преимуще-

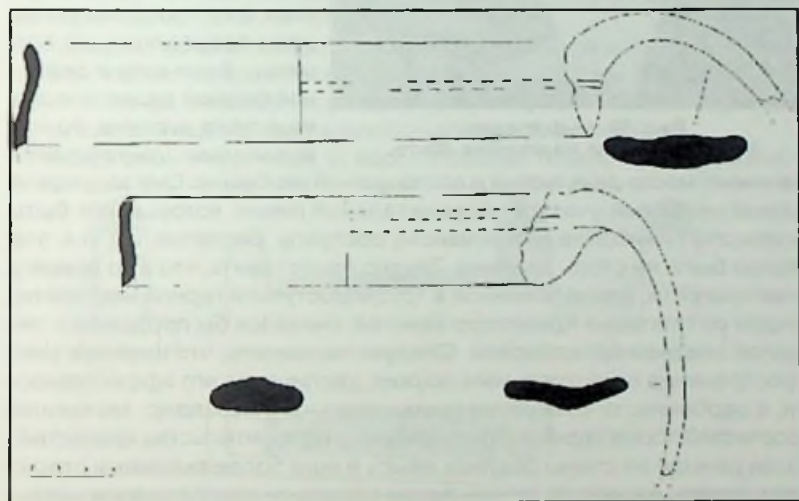
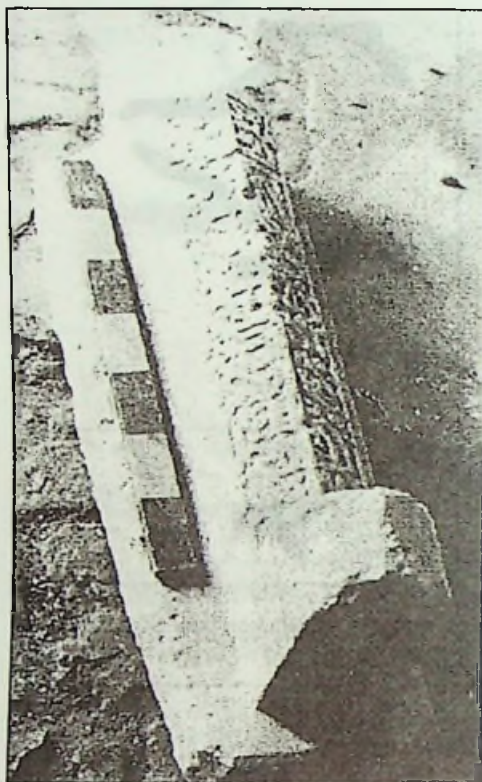

Рис. 38. Чуфут-кале. Находки из заполнения вырубки.
Слой №3. К. о. №53.

**Рис. 39. Чуфут-кале.
Мусульманское надгробие. Фото.**

ство над древнейшим метательным оружием.

Вероятно, крепость этого периода оборонялась преимущественно артиллерией, однако места расположения орудий можно лишь предполагать. Небольшая пушка находилась на боевой площадке северной башни и, вероятно, на двух других, одна из которых (центральная) не сохранилась, а Биюк-капу оказалась значительно перестроенной.

Второй этап в истории восточной стены — реконструкция центральной куртины, которая вероятнее всего произошла в конце XVII в. Однако и до этого она конструктивно отличалась от северной и южной куртин. Если верно наше предположение, что между Биюк-капу и северной башней существовала еще одна куртина, то современная центральная

занимает место двух куртин и поглощенной ею башни. Она защищала самый уязвимый участок оборонительной линии, который мог быть подвергнут наиболее интенсивному обстрелу. Вероятно, в XVI в. эта угроза была не столь реальна. Трудно представить, что в то время у стен крепости, расположенной в труднодоступной горной местности, рядом со столицей Крымского ханства, оказался бы противник с тяжелой осадной артиллерией. Следует напомнить, что широкое распространение огнестрельного оружия, увеличение его эффективности, в особенности с началом применения чугунных ядер, заставило фортификаторов пересмотреть концепции строительства крепостей. Если раньше их стены рвались ввысь и еще более высокими старались делать башни, то теперь пушки заставляли крепости прижиматься к земле. Сокращалась высота стен и увеличивалась их толщина. Наконец, в первой половине XVII в. камень и кирпич при строитель-

стве крепостей были вытеснены землей. Теперь крепости окружались земляными валами с выступавшими из них бастионами. Они лишь облицовывались камнем.

Однако прогрессивные тенденции в отдаленный от Западной Европы Крым проникали не столь быстро. Их приносили османские военные инженеры, находившиеся под сильным влиянием французской военно-инженерной мысли. Как известно, именно французские фортификаторы возводили в начале XVIII в. крепость Ени-Кале и основательно реконструировали Арабатскую.

В конструкции средней куртины восточной линии обороны Чуфут-Кале прослеживается влияние уже сформировавшихся идей эпохи господства огнестрельного оружия. Высота куртины с бруствером достигает всего 6 м. Причем фас ее имеет заметный уклон в сторону города. Это характерная черта валов крепостей XVII – XVIII вв. Если посмотреть на поперечный разрез тыльной стороны центральной куртины, то легко убедиться, что он содержит все элементы, характерные для крепостей XVII – XVIII вв. Хорошо видно, что стена служит лишь облицовкой вала, составлявшего ядро всего сооружения (см. ниже).

Между рвом и куртиной, от ворот к башне, тянется скальный выс-

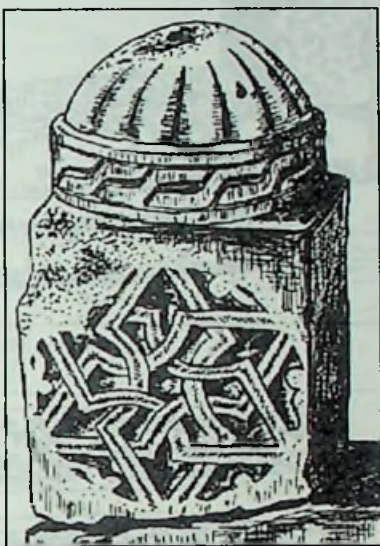

Рис. 40. Чуфут-кале. Навершие мусульманского надгробия.

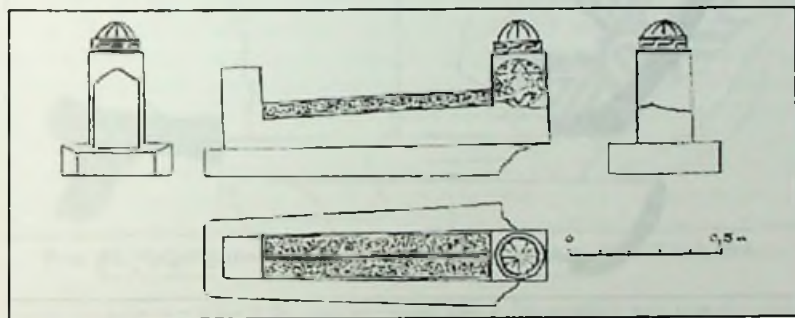

Рис. 41. Чуфут-кале. Мусульманское надгробие. План.

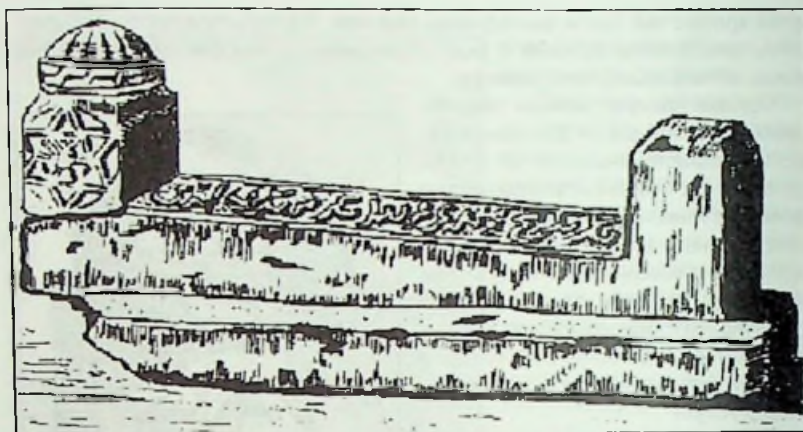

Рис. 42. Чуфут-кале. Мусульманское надгробие.

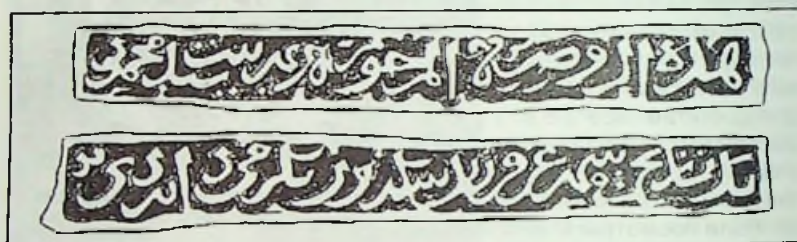

Рис. 43. Чуфут-кале. Мусульманское надгробие. Прорись надписи.

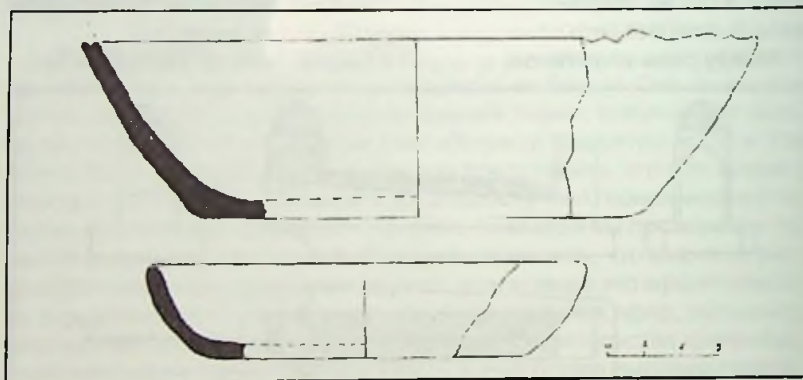

Рис. 44. Чуфут-кале. Находки из заполнения вырубки.
Слой №4. К.о. №69, 70.

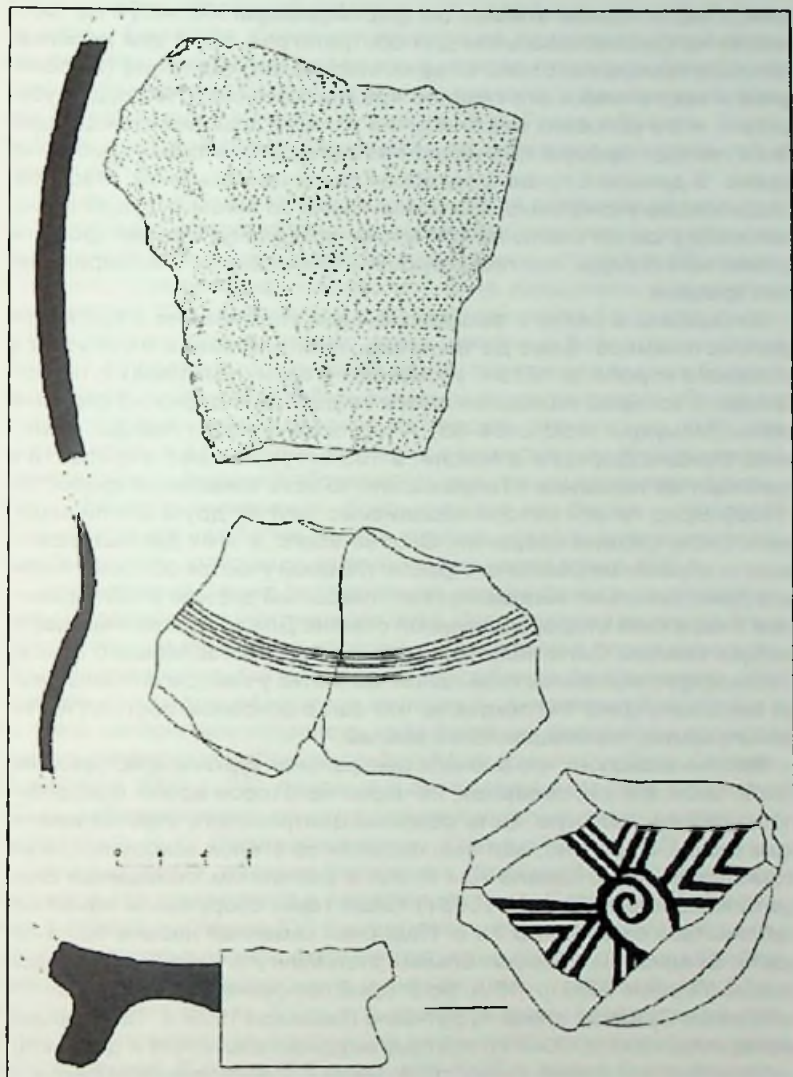

Рис. 45. Чуфут-кале. Находки из заполнения вырубки. Слой №4.
К.о. №67, 68, 71.

туп высотой от 1,5 до 2,2 м. и шириной 2,8 м. Пространство между ним и куртиной играет роль второго рва. Не вызывает сомнений, что это фоссебрея или ложный вал, прикрывавший широкую берму и являв-

шийся характерным элементом фортификации XVI –XVII вв. Фоссебрея предназначалась как для обстрела рва, так и для дополнительного прикрытия стены от артиллерийского обстрела (в последнем и заключалось его главное предназначение). Не трудно убедиться, что в условиях местности, на которой позиция осаждающих была господствующей по отношению к крепости, это было особенно важно. В данном случае фоссебрея была не насыпной. Мастера, создававшие укрепление, при ломке камня по линии будущей стены оставили участок скалы не тронутым, создав тем самым профиль крепостной ограды, соответствующий требованиям фортификации того времени.

Интересны в связи с вышесказанным упоминания о Кырк-Оре двух источников. Блез де Виженер, находившийся на службе у польского короля, в 1573 г. упоминает в своих мемуарах о городе Киркея, в котором находится замок из дерева и дерна на вершине скалы (Мемуары 1890, с. 84–85). А торговый префект Каффы, итальянец Эмидио Дортели д'Асколи, в 1634 г. упоминает о крепости и приводит ее название «Топра-кала», то есть «земляная крепость» (1902). Вряд ли эти авторы независимо друг от друга могли выдумать столь схожие сведения. Скорее всего, в этих данных можно видеть отражение реального факта: главный участок обороны Кырк-Ора действительно напоминал вал, покрытый дерном и облицованный с наружной стороны каменной стеной. Для образованных европейцев важным было наличие именно вала, составлявшего основу главной куртины крепостной линии. Зачистки у северной стены башни Биюк-капу (рис. 14) показали, что вал в основном состоял из ломаного камня, перемешанного с землей.

Вполне возможно, что вначале центральная куртина конструктивно была такой же, как северная, но через некоторое время понадобилось усилить тыльную часть обороны центрального участка каменным валом. Вероятно, вал был насыпан за стеной вскоре после ее возведения, но до начала 70-х гг. XVI в. (напомним, сообщение Блез де Виженера относится к 1573 г.) Опыт таких сооружений начал накапливаться с середины XV в. Подобная каменная насыпь была создана за одной из оборонительных стен Мангупа накануне турецкой осады (Герцен 1990, с. 139). Во второй половине XV в усиливается валгангом Средняя стена Чуфут-кале (Веймарн 1968, с. 180; Герцен, Могаричев 1993, с. 70–71), поэтому неудивительно, что и центральная куртина восточной крепостной линии сооружалась (или реконструировалась) с учетом этого опыта.

Во времена Эвлии Челеби с внешней стороны стена еще сохраняла свой прежний облик. Затем в конце XVII или начале XVIII в., с учетом новых веяний возводят новую центральную куртину, поглотившую среднюю башню и окончательно придавшую крепост-

ной линии вид, присущий укреплениям новейших крепостей: Арабатской и Ени-Кале. Северная куртина, не подвергавшаяся опасности прямого штурма, осталась в основе прежней, приобретая лишь верхний ярус бойниц, а южная оказалась вынесенной вперед по отношению к старой линии на 10 м. Таким образом, Биюккапу отступила к городу, скрывшись за флангами центральной и южной куртин.

Последняя, благодаря расположению на скальном уступе, высота которого увеличивалась по мере приближения края обрыва, не внушала опасений как место возможного штурма и обстрела. Поэтому и стена толщиной около 1 м не нуждалась в усилении тыла валом. Сохранившийся в ее средней части бруствер, высотой до двух метров, вероятно, имел ружейные бойницы, которые исчезли во время последующих ремонтов, превративших боевое сооружение в каменный забор. Башенка романтического облика на южной куртине — явно поздняя, появилась она в конце XVIII или даже в начале XIX в. Она является декоративным завершением южного фланга внешней оборонительной линии, не имевшей серьезного боевого назначения. Хорошо видно, что башня — позднейшая надстройка над более ранней кладкой, которая в свою очередь, как отмечалось, относится ко времени не ранее конца XVII в.

Декоративная башня появилась на южном фланге не случайно. Она придавала местности сходство с Иософатовой долиной близ Иерусалима, в верховьях которой есть круглая в плане монументальная постройка, так называемая «гробница Авессалома». Напомним, что рядом находятся верховья одноименной долины, в которой расположен некрополь иудейской (на последнем периоде только караимской) общины Чуфут-Кале (см. подробнее Герцен, Могаричев 1993, с. 86). Впервые в литературе название «Иософатова» зафиксировано по отношению к ущелью к юго-востоку от Чуфут-Кале П. С. Палласом в конце XVIII в. (1999, с. 32).

Таким образом, история Восточной оборонительной стены Чуфут-кале представляется в следующем виде. Стена была построена в первой половине XVI в. и являлась внешней границей посада, возникшего в период формирования на плато столицы Крымского ханства. Оборонительное значение стены усиливали три башни. Не позднее 70-х гг. XVI в. с тыльной стороны центральной куртины был насыпан вал, состоящий из ломаного камня, перемешанного с землей. В конце XVII — начале XVIII в. стена была основательно перестроена: полностью реконструирована центральная куртина, поглотившая среднюю башню, разобрана и перенесена вперед на 10 м южная куртина, а на северной появился верхний ярус бойниц. После присоединения Крыма к России, когда отпала необходимость в Чуфут-Кале как крепости, стену неоднократно

ремонтировали. В результате этих ремонтов в конце XVIII – начале XIX в. на южной оконечности стены сооружается декоративная башня, а стена из фортификационного сооружения превращается в высокий забор.

Литература

Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского пед. Института. 1927. Кн. 1.

Акчокраклы О. Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.

Башкиров А. С., Боданинский У. А. Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. Кн. 8–9.

Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. №57.

Боданинский У. А., Засылкин Б. П. Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3.

Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1880. Т. 2.

Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968.

Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи. История Путешествия. Спб., 1997.

Вихнович В. Л., Лебедев В. В. Загадка 15 000 древних рукописей // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь, 1991.

Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь, 1990.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь, 1993.

Иванов А. А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского Государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

Смирнов В. Д. Крымское Ханство под верховенством Османской Порты до XVIII века. Спб., 1887.

Смирнов В. Д. Татарско-ханские ярлыки // ИТУАК. 1918. №54.

Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

- Тунманн. Крымское ханство Симферополь, 1991.
- Усманов М. А. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV–XIV вв. Казань, 1979.
- Фиркович А. С. Сефер Авне зиккарон (Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском п-ве, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем). Вильно, 1872 (на иврите)
- Фиркович З. А. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890.
- Хвольсон Д. А. Надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а так же образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия. СПб., 1884.
- Челеби Эвлия. Книга путешествия. Перевод Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999.
- Чесноков В. И. Правительственная политика и историческая наука в России в 60–70 гг. XIX века. Воронеж, 1989.
- Шапшал С. Караимы и Чуфут-кале в Крыму. СПб., 1896.
- Эмидио Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарики // ЗООИД. 1902. Т. 24.
- Эрнст Н. Л. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III фрязин Алевиз Новый // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2.
- Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.: Л., 1964.
- Harkavy A. Altjudische Dankmaler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de Petersbourg. St. Petersburg, 1876. S. VII. T. XXIV. №1.

Resume

Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. The Eastern Defensive Wall of Chufut-Kale.

The history of building and repairs of the eastern defensive wall of Chufut-Kale is analyzed in the article. Though for a long time it was considered to be built in the 14th century, taking the results of archaeological excavation the northern flank of the wall into account one could make a conclusion, that it was built no earlier than the first half of the 16th century and composed an outer limit of the settlement. The wall includes three towers. In the second half of the 16th century a rampart from rough stone was built on the rear side of the central curtain wall. In the end of the 17th -beginning of the 18th centuries the wall was considerably rebuilt. The central curtain wall was reconstructed, so it took in middle tower. The southern curtain wall was deconstructed and moved 10 m forward.

In the end of the 18th - beginning of the 19th centuries the wall was repaired once again, so it turn to a high fence out of defensive structure.

**ДАННЫЕ ПАЛЕОПАТОЛОГИИ В ИНТЕРПРИТАЦИИ
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО ОБЫЧАЯ:
ВЛИЯНИЕ ЗАБОЛЕВАНИЙ
ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА
НА ПОЛОЖЕНИЕ ТРУПА В ПОГРЕБЕНИИ**

Палеопатология как наука может ответить не только на вопросы, которые являются ее «хлебом», но и в некоторых случаях существенно изменить предварительные выводы историков и археологов относительно этнокультурной принадлежности погребенного и населения в частности, оставившего могильник, в целом.

Немаловажное значение в культуре каждого народа занимает погребально-поминальный обычай и, в том числе, погребальный обряд. Погребальный обряд включает в себя конструкцию могил и надмогильных сооружений, особенности положения трупа в могиле (за исключением обрядов с кремацией покойного) и размещение погребального инвентаря.

Как известно, положение покойника в погребении относится ко второму — «практическому» уровню погребально-поминального обычая, который чаще всего фиксирует археолог. В задачу статьи не входит перечисление способов труп-положения и их этнокультурной принадлежности. Цель публикации — рассмотреть связь между некоторыми заболеваниями и посттравматическими состояниями, которыми страдал при жизни покойный, и позой трупа в погребении.

В известной нам отечественной и зарубежной литературе мы обнаружили единственную ссылку на подобного рода исследования (Рохлин 1965). Автор приводит два примера необычной позы покойных, которые привлекли к себе внимание археологов при раскопках Саркела-Белой Вежи. В одном случае — скелет женщины, страдавшей анкилозирующим спондилоартритом (болезнью Бехтерева-Штрюмпеля-Мари), располагался на боку», ... ибо покойника из-за тяжелой деформации туловища и нижних конечностей можно было положить в могилу (либо на боку — Авт.), либо в полусидячем положении...». Во втором случае, который неоспорен, Д. Г. Рохлин позу покойника «на животе» объясняет тем, что в могиле был погребен раненый мужчина, который «очнулся в могиле и повернулся в гробу». Большинство же авторов, как это видно из статей, работали с палеоантропологическими материалами после их извлечения из погребений, и в задачу исследования не входил анализ позы покойного (Дэрумс 1966, 1970, Пирпилашвили 1973).

Классическим примером, подтверждающим необходимость комп-

лексного изучения ситуации на раскопе и палеоантропологического материала, служат факты обнаружения скелетов плодов человека в малом тазу скелетов женщин, что бесспорно указывает на факт смерти женщины на определенном сроке беременности или же при родах (Пирпилашвили 1973, с. 13).

На протяжении полевых сезонов 1995–1998 гг. (городище Мангуп) нами были зафиксированы несколько случаев необычного трупоположения, которые трудно было объяснить данными археологии. Анализ двух из них и посвящена данная статья.

В 1995 г. в процессе исследования некрополя у западной стены мангупской базилики (автор раскопок Н. И. Бармина (1995) обнаружено погребение мужчины 35–40 лет (мог. №423). При расчистке погребения некоторое удивление вызвала поза, в которой был погребен труп. Положение скелета в могиле, с учетом взаиморасположения костей, условно можно было охарактеризовать как «полускорченное». Покойник лежал на спине, предплечья его были скрещены на груди, а нижние конечности располагались на правой боковой поверхности в положении сгибания в тазобедренных и коленных суставах (рис. 1).

«Полускорченники» на некрополе базилики не редкость. Но в данном случае мы имели дело с «ложным» полускорченником. Некоторое сходство с такой разновидностью трупоположения было обусловлено положением ног покойного. Объяснение этому факту дал палеопатологический анализ костей скелета. Оказалось, что своеобразное положение нижних конечностей трупа явилось следствием прижизненных патологических из-

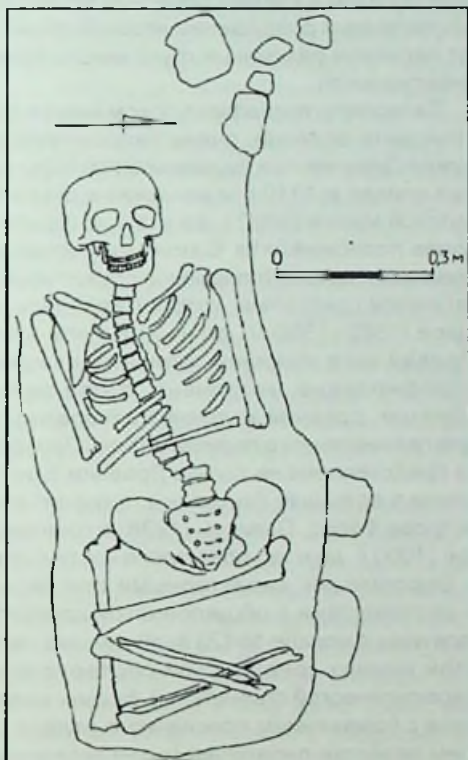

Рис. 1. Мангуп. Некрополь базилики. (Мог. 423). Погребение мужчины с признаками перенесенного полиомиелита.

менений опорно-двигательного аппарата, вызванных остаточными явлениями перенесенного в детстве полиомиелита — детского эпидемического паралича.

Полиомиелит относится к группе инфекционных заболеваний преимущественно детского возраста. Как правило, заболевают дети в возрасте 1–3 лет и даже до 1 года.

В определенных условиях возможно эпидемическое распространение заболевания. Свое название болезнь получила вследствие наблюдаемых при ней поражений серого вещества передних рогов спинного мозга (от латинских слов полиос-серый, миелит — воспаление спинного мозга). Вирус полиомиелита локализуется главным образом в клетках передних рогов спинного мозга, где вызывает воспаление и разрушение нервной ткани. Вследствие этого возникают параличи различных групп мышц, приводящие нередко к стойкой инвалидности.

Палеопатогеография полиомиелита представлена очень широко. Описание болезни, очень напоминающей детский паралич, обнаружил Дивелей при изучении египетской рукописи 3700 г. до н. э. Митчел описал в 1910 г. изменения в скелете нижних конечностей египетской мумии (3600 г. до н. э.), которые по его мнению возникли на почве полиомиелита. Самым уникальным свидетельством в пользу древности детского паралича служит изображение на стеле из Копенгагенской глиптотеки, которая являлась частью стены храма в Мемфисе (1580–1350 гг. до н. э.). На ней изображена чета с ребенком. Правая нога мужчины, опирающегося на длинную трость, резко атрофирована, укорочена, стопа свисает (*pes equinus*), таким образом, древний художник изобразил последствия, характерные для перенесенного полиомиелита. Палеопатогеография полиомиелита представлена не только Древним Египтом. Гиппократ (IV в. до н. э.) описал вспышку болезни с параличами и атрофиями мышц на острове Фасос. Дэвисон (1936) в гренландских захоронениях викингов (1000 г. до н. э.) обнаружил кости скелета с признаками атрофии и деформации, характерными для перенесенного полиомиелита. В соответствии с общепринятой классификацией полиомиелита у мужчины в могиле №423 выявленные патологические изменения костей нижних конечностей соответствуют остаточным явлениям паралитической спинальной формы эпидемического детского паралича с поражением поясничного отдела спинного мозга, обусловившим развитие параличей мышц таза и нижних конечностей. Диагноз был подтвержден характерными изменениями костей нижних конечностей. Необходимо отметить, что обнаруженная форма полиомиелита чаще всего встречается и у современного населения.

Для раннего периода полиомиелита (Горяинова 1963, с. 112; Каипова 1969, с. 67) характерен остеопороз, а в позднем периоде

развивается атрофия костей, возникновение которой в большей степени связано с резким замедлением роста кости. Объем диафизов трубчатых костей нижних конечностей резко уменьшен. Толщина кортикального слоя костей несколько менее нормы, но кажется значительной в сравнении с резко уменьшенным объемом диафиза. Атрофия костей правой ноги погребенного мужчины более выражена. Такая асимметрия патологических изменений очень характерна для детского паралича и позволяет исключить другие нейротрофические состояния, как, например, миотонию типа Оппенгема, прогрессирующую мышечную дистрофию типа Дюшена, мышечную дистрофию типа Шарко-Мари, родовой паралич Эрба. Апофизы бедренных костей скелета мужчины недоразвиты, но не деформированы. Отсутствие выраженных изменений вертелов бедренных костей указывает на то, что заболевание развилось не в раннем детском возрасте. Головка правой бедренной кости шарообразная и относительно велика по сравнению с шейкой и атрофичным диафизом (признак Кропа). Этот признак наблюдается обычно у больных никогда не опиравшихся на нижнюю конечность в вертикальном положении. Головка левой бедренной кости несколько уменьшена в объеме, но признак Кропа отсутствует, то есть левая нога больного выполняла, хоть и в небольшом объеме, опорную функцию.

Кости верхних конечностей мужчины компенсаторно гипертрофированы, диафизы резко увеличены в объеме, с выраженным мышечным рельефом. Это было обусловлено тем, что мышцы рук не были поражены и функция их была сохранена в полном объеме. Вероятнее всего, для передвижения больной использовал руки и какие-либо примитивные внешние ортопедические приспособления, типа костылей, ведь, как указано было выше, левая нога отчасти сохранила опорную функцию.

Общеизвестно, что при несоблюдении больными ортопедического двигательного режима постепенно развиваются контрактуры и различные деформации пораженных конечностей, затрудняющие стояние, ходьбу и нередко приводящие к полной невозможности выполнения больными этих важнейших функций организма (Никифорова 1973, с. 42). Закреплению контрактур и деформаций способствует длительное сидение ребенка (на протяжении целого ряда лет) в неправильной позе — с согнутыми ногами, к тому же во время сна больной ребенок обычно принимает позу, сходную с эмбриональной — лежа на боку с согнутыми и приведенными к животу ногами. В результате длительного порочного положения конечностей при спастических параличах развиваются грубые вторичные трофические изменения мышц и связок, приводящие к стойким неисправимым контрактурам, делающим невозможной социальную реабилитацию больных. Данные современных исследователей ука-

зывают на то, что при отсутствии профилактики сгибательные контрактуры в коленных суставах могут достигать значительных степеней — до 80–90 градусов. У мужчины, погребенного в могиле №423, при жизни развились стойкие неисправимые контрактуры в коленных суставах, а, возможно, и в тазобедренных, чем и объясняется необычное положение нижних конечностей трупа в погребении.

Данные палеопатологии позволяют реконструировать следующий, несколько видоизмененный, по сравнению с традиционным христианским, обряд трупо-положения. Туловище и руки погребенного были уложены в обычном положении, а придать его ногам обычное для христианского обряда положение (вытянуто вдоль срединной оси тела или же, в редких случаях, с перекрещенными голенями) просто не удалось, поскольку разогнуть нижние конечности в суставах, где образовались стойкие контрактуры, было просто невозможно. Это подтверждает и наш опыт работы в Крымском республиканском бюро судмедэкспертизы: уложить труп человека, перенесшего при жизни полиомиелит, у которого возникли стойкие сгибательные контрактуры в суставах нижних конечностей, в гроб стандартной конструкции просто невозможно. Для этого приходится прибегать к дополнительным надрезам в области суставов, позволяющим разогнуть конечности.

Немаловажное значение в нашем случае для реконструкции обряда трупо-положения имели и данные археологии. Под костями, образующими коленный сустав, при расчистке погребения была обнаружена черепица-керамида. Вероятнее всего, при погребении под ноги покойного в области подколенных ямок черепица была установлена в вертикальном положении, тем самым зафиксировав нижние конечности в продольном положении по отношению к телу, то есть в положении свойственном традиционному трупоположению. На изученном участке некрополя базилики целая черепица и ее фрагменты были обнаружены, за редким исключением, только в женских погребениях.

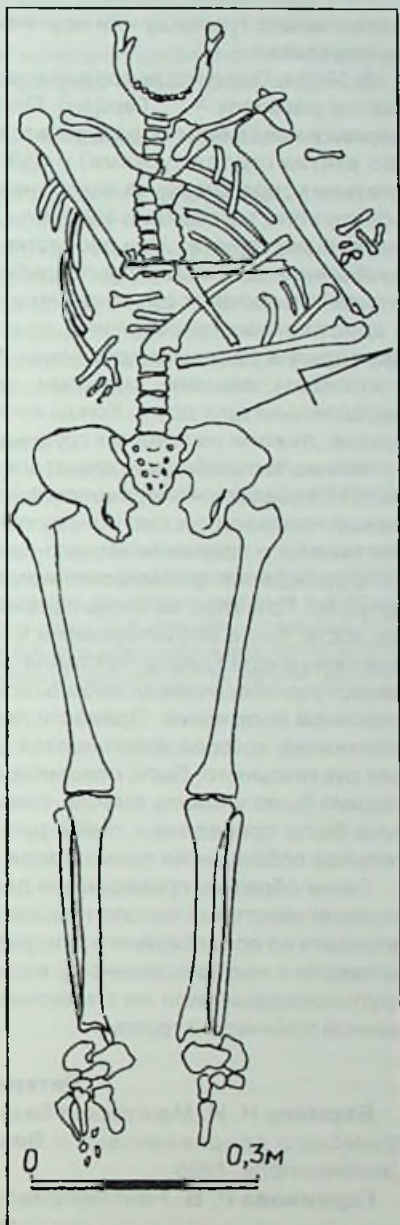
Как указывает В. Н. Федосова (1994, с. 104–110), данные палеопатологии могут быть использованы при установлении социального статуса и ранга погребенного, в случаях, когда фиксируются тяжелые заболевания, приводящие к инвалидности у лиц, доживающих до зрелого и пожилого возраста. Считается, что наличие тяжких поражений «маркирует» высокий социальный статус (вероятно, сакральный) погребенного, то есть больной получал надлежащий уход и средства к существованию. Больные, не имевшие такого статуса, погибали, как правило, в раннем возрасте. Принадлежность погребенного мужчины к обеспеченной социальной прослойке может быть дополнительно подтверждена находкой в могиле у его черепа золотой и позолоченной серег, в то время как в подавляющем боль-

**Рис. 2. Мангуп. Некрополь у церкви Богородицы. (Мог. 50).
Погребение мужчины с признаками невравленного вывиха левого плеча.**

шинстве погребений на данном некрополе инвентарь отсутствует.

Обнаруживаемые на палеоантропологическом материале признаки перенесенного полиомиелита не могут быть использованы для получения достоверных статистических данных по распространенности sporadических случаев болезни в популяции, а также не могут подтвердить наличие эпидемических вспышек болезни. Это обусловлено тем, что встречаются как легкие случаи болезни не сопровождающиеся параличами, так и тяжелые случаи (при поражении дыхательного центра продолговатого мозга), приводящие к гибели больного, а кроме того, смерть больного может наступить и от других заболеваний или травм, в инкубационном периоде, острой и восстановительной стадиях полиомиелита, когда патологические изменения костной ткани отсутствуют или же не так ярко выражены.

Второй случай «симуляции» необычного трупоположения касается положения рук погребенного. В соответствии с христианским погребальным обрядом, как правило, предплечья перекрещены в области груди, живота и, реже, таза покойного, или же располагаются параллельно друг другу. Плечи ориентированы

параллельно туловищу или незначительно отведены наружу в локтевых суставах.

В 1998 г. было исследовано кладбище у стен церкви Богородицы (автор раскопок А. Г. Герцен). По мнению автора, существование церкви и кладбища подразделяется на два этапа: 2-я половина XV в (до взятия города турками) и XVI–XVII вв. В процессе раскопок в третьем условном ярусе захоронений, датируемом концом XV века, обнаружено погребение мужчины 30–40 лет (мог №50 по полевой нумерации, кв. «И»). При расчистке скелета сразу бросилось в глаза необычное положение рук погребенного (рис. 2). Предплечья были уложены в соответствии с одним из обычно фиксируемых вариантов в христианских погребениях, то есть располагались параллельно друг другу в проекции поясничных позвонков. Плечевые кости были отклонены своими нижними концами влево, располагаясь параллельно друг другу. Концы костей, образующих правый локтевой сустав, лежали на средних грудных позвонках.

Чем же было обусловлено столь необычное положение рук покойного? Оказалось — перенесенной травмой. На костях, образующих левый плечевой сустав, обнаружены морфологические проявления застарелого травматического переднего вывиха плеча, который сопровождался формированием новой суставной впадины (неоартроза). При этом, во вновь сформированном патологическом суставе, кости, были зафиксированы в порочном положении. Левая рука мужчины после травмы находилась в положении отведения вверх и неоартроз обеспечивал небольшой объем движений именно в этом порочном положении. Привести левую руку трупа книзу, то есть в то положение, которое используется при обычных вариантах укладывания рук покойного, было невозможно. А, поскольку предплечья необходимо было уложить вместе, поверх туловища, правая рука покойника была приведена к левой руке, чем и было достигнуто относительное соблюдение норм обряда.

Таким образом, приведенные данные указывают на существенное влияние некоторых патологических изменений опорно-двигательного аппарата на позу покойного в погребении, недооценка которых может привести к необоснованному выделению «новой» разновидности труположения или же к трактовке его как «не характерного» для данной этнической группы.

Литература

Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.

Горяинова Р. В. Рентгенодиагностика состояния костно-суставного аппарата после полиомиелита. Л., 1963.

Дэрумс В. Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. Рига, 1970.

Дэрумс В. Я. Костная патология жителей Прибалтики по материалам археологических раскопок. Автореф. дисс... докт. мед. наук. Рига, 1966.

Каипова З. А. Клинико-рентгенологическое изучение спинальных поражений при полиомиелите. М., 1969.

Никифорова Е. К. Профилактика и лечение деформаций опорно-двигательного аппарата на почве полиомиелита. М., 1973.

Пирпилашвили П. М. Палеоантропологические материалы по изучению болезней, повреждений костей и лечебных манипуляций в древней Грузии: Автореф. дисс... канд. мед. наук. Тбилиси, 1973.

Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.: Л., 1965.

Федосова В. Н. О возможности использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций // РА. 1995. №2.

Resume

Ponomarev D. Yu. Paleoanthropological Data in Interpretation of Funeral Rite: the Influence of Diseases on Locomotor... System on Position of a Dead Body in a Grave.

Comprehensive archaeological and paleoanthropological research on necropolises of Mangup site of ancient town allows to obtain data, which indicate an important influence of some pathological and traumatic changes in system of bones and joints (poliomyelitis, unset dislocation of a shoulder) on position of a dead body in a grave. Underestimation of this data may cause a groundless setting apart a new type of funerals with inhumations or interpreting it as the one typical to a definite ethnic group.

ИСТОРИЯ

С. Б. Сорочан

О ПОЛОЖЕНИИ ЦЕРКВИ В КРЫМУ В VIII – IX вв.

Религиозная жизнь Таврики VIII–IX вв. неразрывно связана с иконоборческой политикой, проводившейся официальной властью на всей территории Византийской империи и охватывавшей период с 726 по 842 г. В крымоведческой литературе вопрос о взаимоотношениях гетерогенного населения полуострова и ромейских властей долгое время рассматривался с позиции признания реальности широкой иконопочитательской иммиграции в этот сравнительно отдаленный от метрополии район. Ссылки известного русского византиста В. Г. Васильевского, который в 1877–1878 гг. подробно критически проанализировал два агиографических источника — Житие Стефана Нового и Житие Иоанна Готского — и истолковал их как важнейшие свидетельства о значительном притоке в Крым преследуемых правительством монахов, данная гипотеза вошла в научный оборот (Васильевский 1912, с. 296–427). В развитие идеи Ю. А. Кулаковский сделал вывод об основании иммигрантами в VIII–IX вв. крымских «пещерных монастырей» (Кулаковский 1914, с. 75). В дальнейшем данную точку зрения разделяли почти все медиевисты и археологи, занимавшиеся историей раннесредневековой Таврики, и лишь сравнительно недавно, в начале 90-х гг. XX столетия, крымские историки Ю. М. Могаричев и А. Г. Герцен весьма убедительно пересмотрели мнение об иконопочитательском курсе церковной организации и византийских властей Крымского полуострова (Могаричев 1992, с. 5–132; Герцен, Могаричев 1992, с. 180–190; Герцен, Могаричев 1999, с. 100–106). В настоящее время среди специалистов все более крепнет представление о том, что большая часть Таврики в VIII–IX вв. занимала иконоборческие позиции, поддерживала официальную политику византийского двора, была под контролем иконоборцев, а «пещерные монастыри» — суть продукты более поздней эпохи.

В такой ситуации существования двух непримиримых крайних мнений закономерно встает вопрос: не возможен ли иной путь решения проблемы, некий третий вариант развития исторической ситуации именно в специфическом крымском регионе? Не будет ли горькой, но все же правдой, констатация того объективного обстоятельства, что Таврика в этот период оказалась столь далекой от христианства, что любые религиозные волнения, новые реформы и откло-

нения попросту захлебывались в вековых пластах языческих верований и предрассудков широких слоев местного, в значительной степени варварского, населения. Ответ на подобные вопросы могут дать только источники — единственные немногочисленные, но реальные «свидетели» тех далеких лет, среди которых письменные источники наиболее вняты.

Прежде всего, что можно сказать о церковной организации полуострова? Была ли она сильной и эффективной структурой, способной удержать в своем лоне представителей различных варварских этногрупп, которые издавна проживали в данном регионе или же то и дело пополняли число «вновь прибывших»? Одним из источников, который дает ответ на этот вопрос, могут служить нотии — списки епархий, а также подписи епископов под деяниями Вселенских синодов. Как известно, в древнейшем (Епифаниевом) епархиальном списке, традиционно относимом к 680–681 гг., упоминаются автокефальные архиепископии в Херсоне и Боспоре, которые непосредственно подчинялись патриарху Константинополя. Примечательно, что здесь они названы Зихскими. Имеется факт, который дает все основания полагать, что дошедший список в целом отражает ситуацию VII в., но в отношении Зихских епархий он фиксирует более позднее время (Гадло 1991, с. 98–99). Если перелом в отношениях Византии к более древним, чем кавказский Никопсис, епархиям Херсона и Боспора и произошел, то никак не ранее начала VIII столетия, с которым совпадают карательные акции Юстиниана II против «херсонитов, босфориан и остальных климатов» (Чичуров 1980, с. 129–130). Таким образом, налицо ослабление значения Херсона и Боспора как центров церковной жизни.

Более того, в нотиях, составлявшихся в течение всего VIII в., ситуация, зафиксированная древнейшим списком, оставалась без изменений. Существенные перемены в церковно-административной структуре анклава происходят лишь в самом конце VIII столетия, о чем свидетельствует список епархий, опубликованный К. Де Боором. Согласно этому документу, Зихская епархия включает Херсон, Боспор и Сугдею (Кропоткин 1958, с. 202–203). Однако справедливыми и вполне обоснованными кажутся высказывания А. Л. Бертье-Делагарда и А. А. Васильева, что в отношении кафедр Таврики нотия фиксирует более позднюю эпоху, а именно XI в. (Васильев 1927, с. 213–215). Весьма странным кажется соседство Зихских кафедр Крыма с митрополией Готии (достоверно известно, что таковой она стала лишь в XIII в.). Поражают и необычайные территориальные размеры новой церковной организации. При всем том Готия вовсе не упоминается в перечне епископских кафедр, составленном во время патриаршества Никифора (806–815 гг.), что, возможно, свидетельствует о

том незавидном положении, в каком она находилась (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 241).

В списке епархий Готская церковь начинает присутствовать только с конца IX—X вв. уже как архиепископия. Что же касается Жития Иоанна Готского, свидетельства которого толковались в пользу существования Готской епархии едва ли не в начале — середине VIII в., то необходимо еще раз более пристально проанализировать факты, касающиеся жизни церковного главы Готии — Иоанна.

Действительно, житие называет Иоанна епископом Готии. Здесь же упоминается его анонимный предшественник, заслуживший преданностью правительству, а значит иконоборческому курсу, перевод, очевидно, в более престижную заморскую митрополию. Тогда «... православные в Готии, не принимая участия в новшествах незаконного собрания, предложили в пастыри Иоанна» (Васильевский 1912, с. 396). В этом пассаже настораживает уже то, что простой люд Таврики никак не мог сам, по своему волеизъявлению, как было принято, выбирать главу местной церкви. Между тем, это противоречило религиозным канонам империи.

Возникает и другой вопрос, что нам доподлинно известно о личности Иоанна, помимо тех тенденциозных во многом сведений, которыми изобилует Житие? Под деяниями VII Вселенского синода (787 г.) сохранилась подпись монаха Кирилла, которого долгое время считали представителем Иоанна Готского. Однако при более детальном изучении источника закономерно возникают сомнения. Упоминание имени монаха Кирилла в документах синода встречается несколько раз: дважды он назван представителем Никиты и один — Иоанна, один раз собственно Готским епископом и еще один — просто представителем Готии (Васильевский 1912, с. 415–416). На эти несоответствия обратил внимание уже П. Кеппен, у которого Кирилл фигурирует как представитель Никиты, а Иоанн назван его предшественником (Кеппен 1837, с. 66). Однако истине соответствует, по-видимому, совсем иной перевод деяний синода, осуществленный в русских изданиях филологов, специально не знакомых с тонкостями истории Крымского полуострова: «Кирилл грешный, инок и представитель Никополя Готского» (Герцен, Могаричев 1991, с. 125). Следовательно, речь шла о Мезийском Никополе в Дунайской Готии, а не о Крыме. Если кто и мог представлять на синоде христиан крымской Готии, так это епископ Херсонский Сисинний, подпись которого присутствует в списках (Герцен, Могаричев 1999, с. 109–110).

Косвенным доказательством может служить и эпитафия игумена монастыря Св. Апостолов Никиты, сделанная на заказ в 906 г. (Латышев 1886, с. 62). По преданию, этот монастырь был построен Иоанном и являлся его резиденцией в Партените. Однако в надгробной надписи ни одним словом не упоминался «столь известный и всеми

почитаемый епископ Иоанн», одним из ближайших преемников которого на игуменстве был Никита.

К слову, само Житие Иоанна было написано в Малой Азии между 815 и 843 гг., когда самостоятельная Готская епархия, видимо, уже существовала. Автор, для которого полуостров являлся «той стороной моря», скорее всего передавал ситуацию уже начала IX в. Фигура же Иоанна, не самая приметная, была выбрана для канонизации и названа главой церковной организации (еще в то время не существовавшей епископии) не случайно: его иконопочитательские симпатии, неприятие хазар, стремление к выделению самостоятельной Готской кафедры вполне соответствовали поиску новых героев ортодоксальной православной Церкви.

Что касается епископской организации в Сугдее, в нотциях VIII–IX вв. она не упоминалась, хотя известна находка печати Петра, архиепископа Сугдеи IX в. (Степанова 1995, с. 13). Возможно, это объясняется ее незначительным влиянием и малолюдством паствы. Примечательно, что кафедра в этом городе была организована сосланным сюда за иконопочитательские настроения Стефаном Сурожским, который не только не находился в Крыму в опале, в окружении недругов, но, напротив, имел все возможности открыто проповедовать свои взгляды, расхоdivшиеся с тогдашними официальными. За пять лет он «учением своим обратил к христианству и крестил весь город и окрестные села», ибо, — многозначительно роняет агиограф, — было в тех местах, кроме еретиков, много поганых (язычников), которые приносили жертвы капищам (Васильевский 1915, с. 550–560).

Выходит, для периода VIII–IX вв. нет весомых оснований говорить о сильной, действенной, разветвленной епископской организации в Крыму. Две традиционные епископские кафедры (в Херсоне и Боспоре) находились не в лучшем положении и, очевидно, не могли осуществлять достойную миссионерскую деятельность в среде языческого и полужыического населения полуострова. Новые же церковные образования появились только в самом конце VIII–начале IX в. и были настолько незначительны, что даже не удостоивались упоминания в нотциях этого периода.

Сведения о слабом влиянии христианской религии в Крыму содержатся не только в списках епархий, но и в других источниках, которые не назовешь единичными. Так, в Житии знаменитого основателя Иверской обители на Афоне, просветителя всей Грузии Св. Георгия Святогорца приводится его знаменательная речь к Антиохийскому патриарху Феодосию «... знай, владыко, что было время, когда во всей Греции ... поколеблено было православие ... В то трудное время не было почти православного храма в греческой области для рукоположения во епископа Готского Иоанна» (Васильевский 1912,

с. 407). Обращает внимание, что епископ Готии Иоанн со своим диаконом Лонгином были вынуждены отправить послание патриарху Иерусалимскому с просьбой прислать изложение веры. Потребность в таковом могла возникнуть лишь в том случае, если в Таврике не были знакомы с ним. И сам глава Готской церкви вряд ли был достаточно сведущ в религиозных делах, ибо просил соответствующей помощи.

Яркой иллюстрацией положения христианской Церкви в Таврике в VIII–IX вв. могут служить произведения Феодора Студита: его письмо к епископам, сосланным в Херсон, а также послание к архимандриту Готскому. В первом, написанном в 821 г., преподобный обращался к своим соратникам в Херсоне, высокопарно утверждая, что «и для спасения тамошних жителей устроена ссылка ваша, ... ибо прибыв (туда), вы явились светильниками для находившихся во мраке и заблуждении, руководителями слепых ...» (Творения 1908, с. 454). Во втором письме гневные обличения касаются того, что в Таврике вообще и сам архимандрит Готии в частности не знают учения Василия Великого, которое являлось основой жизни для византийского монашества; новых людей в монастыри принимают «просто и без разбору», практикуется система сложения с себя обета, монахов отдают на суд мирян, возможен беспрепятственный переход из одного монастыря в другой, у монахов имелись даже рабы (Творения с. 554–555). Иногда эти факты используют как доказательство иконоборческой ориентации местного монашества, но может быть дело было не только в этом, но и просто в низком уровне местных христианских пастырей и их паствы, реальной и потенциальной, из рядов которой вербовалось крымское монашество.

Весомым дополнением ко всему сказанному могут стать отдельные, но удивительно единодушные свидетельства деятелей христианской Церкви в отношении состояния веры и церковной организации на полуострове. Ссылный александрийский патриарх Тимофей Элур (Кот) сумел заполучить в Херсонесе третьей четверти V в. немало сторонников из числа монофиситов — преследуемого богословского течения, отрицавшего догматы Халкидонского синода (The Syriac Chronicle p. 79–86). Это указывает на слабость местной Церкви, которая не могла должным образом противиться еретическим с точки зрения официальной идеологии влияниям.

Нестойкость в вере, вероятно, была вообще типичной для всего региона. Не случайно папа Мартин, отбывавший ссылку в Херсоне в 655 г., в своем письме давал следующую лаконичную и, вместе с тем, емкую характеристику. «Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь» (Бородин 1991, с. 179, письмо XVII). Даже если это риторический прием, характерный для внутривосточной

борьбы в Византии (ср. Paganism p. 133–152), за ним стоит намек на непризнание местными жителями, не только херсонитами, ортодоксального православия и равнодушие к его adeptам, каким был папа.

Кроме того, в якобы иконоборческой, по утверждению А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева, Таврике между 815 и 820 гг. спасался от преследований монах столичного Каллистратова монастыря Епифаний, автор апостольской истории об Андрее Первозванном. Его путешествие в Таврику из «бегства от общения с иконоборцами» превратилось в экспедицию по исследованию местных церковных реликвий и преданий. И тем не менее монах оставил категоричное утверждение о религиозной культуре жителей Юго-Западного Крыма: «Запутывающий в свои сети (маловерный) народ (племя) херсаки и до нынешнего дня не крепки на веру. лжецы и всеми волнениями ветра кружимые ...» (Васильевский 1909, с. 258; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 234).

В 860–861 г. во время выполнения своей хазарской миссии, с языческими пережитками в Южном Крыму боролся Константин Философ, приказавший народу фульскому срубить и сжечь старинный «дуб, сросшийся с черешней», которому они, будучи крещенными (sic!), поклонялись и приносили жертвы как «защитнику мужей» (Сказание 1981, с. 86). Более красноречивый пример «кружения всеми волнениями ветра» трудно было бы отыскать! Даже Херсон как бы тонул в море варварского окружения, чуждого христианским ценностям и реликвиям, приходившим в запустение, так что горожане порой чувствовали себя за оборонительными стенами запертыми будто в тюрьме (Ягич 1893, с. 9–10; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 259–261).

Наконец, в пересказе Жития апостола Андрея, сделанном знаменитым византийским агиографом Симеоном Метафрастом в 70-х гг. X в., вероятно, как отголосок былого тоже отмечалось: «Жители (Херсона) ... к истинной вере неблагоприкладны, а восприимчивы к обычным ересям» (Василевский 1909, с. 269–270).

Ортодоксы-студиты были далеко не единственными иконопочитателями-ссылными в Крыму. Во время правления Константина V сюда был отправлен один из солдат за поклонение иконам. В Сурожь отбывал наказание уже упомянутый епископ Стефан, причем в таких условиях, что имел возможность не только проповедовать, но и участвовать в работе Никейского синода 787 г. При Льве V Армянине в этих краях отбывал ссылку знаменитый подвижник православия, искусный проповедник Иоанн Психаит, при Михаиле III — Иосиф Гимнограф. Следовательно, используя Таврику в качестве надежной «тюрьмы» для особо опасных политических преступников, императорский двор должен был преследовать цель не только отстранить противников от власти, лишить связи с их сторонниками и наказать

проживанием в «варварской» стране, но и быть уверенным в том, что семя инакомыслия не прорастет буйным цветом в среде местного населения. Ведь необходимо учесть, что сосланные в Таврику иконопочитатели могли стать теми людьми, которые несли бы Божье слово в народ, а значит крепили опору для политической оппозиции. Отчасти это и произошло, однако, судя по всему, «религиозное невежество», а также скрытое и явное язычество, «эллинизм» обитателей полуострова было столь велико, что императорская власть без особого опасения могла себе позволить избрать данный регион в качестве постоянного места ссылки. Образно говоря, крымская земля была настолько не удобрена истинами христианства, что давала чахлые всходы даже для ересей, а значит, и для внутривластной борьбы на религиозной почве.

Таким образом, нет неоспоримых доказательств иконопочитательской политики, которой, якобы, придерживалось почти все население полуострова. Нет достаточных оснований утверждать мысль о сильных иконоборческих настроениях в Таврике. Существование двух-трех деятелей церковной иерархии, которые придерживались того или иного курса, еще не может служить весомым аргументом в пользу того, что вся паства поддерживала своих руководителей. Анализ источников способен привести лишь к выводу о том, что жители полуострова были в большинстве своем варварами и имели глубоко устоявшиеся пережитки языческой культуры и ментальности. Победа христианства в значительной мере была достигнута в ядровых землях Византии после VI в., который дал значительный прогресс в этом направлении, но и тогда оставались мощные «племена эллинизма», особенно в сельских, гористых, сравнительно изолированных местностях, а языческие боги все еще пользовались почитанием и в IX в. (Paganism p. 124, 126, 131). Христианская религия, активно внедрявшаяся в общество и вербовавшая в свои ряды все возраставшее число сторонников, долгое время не могла добиться главного — полного подчинения варварских народов отдаленной периферии, лежавшей на краю ойкумены. Ведь с принятием христианства речь шла не только о замене культа языческих богов культом христианского Бога. Поскольку религия так или иначе санкционировала своим авторитетом многие нормы поведения, нормы повседневной жизни, то смена культа влекла за собой и смену обычаев, не имевших к нему прямого отношения. При этом речь шла не только о перестройке порядков внутри страны в соответствии с догмами новой религии. На практике это являлось полным подчинением «новоиспеченных» христианских стран и регионов тому миру или «содружеству наций», частью которого они становились. Но это была власть не только над политической жизнью, а и над духовной культурой. Вот этого Византия в VIII–IX вв. еще не сумела достичь повсеме-

стно. Если политический и экономический тандем во многом зависит от интересов и обоюдной выгоды стран, то власть над духом, вера, мораль — настолько консервативные и глубокие определения, что иногда проходят столетия, прежде чем новые прогрессивные начала укоренятся в них. Историческое развитие показало, какой из религий суждено было одержать верх. Но для этого понадобились годы исканий и борьбы. История раннесредневекового Крыма — наглядный пример тому.

Литература

Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарии) // Причерноморье в средние века. М., 1991.

Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927 № 5.

Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909.

Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1912.

Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. СПб., 1915.

Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. 1991. Вып. 2.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым: АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург, 1999.

Кеппен П. Крымский сборник. СПб., 1837.

Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. Т. 28.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. К., 1914.

Латышев В. В. Новая надпись из Партенита // ЗООИД. 1886. Т. 14.

Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.

Степанова Е. В. К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым: Проблемы городской культуры. Тезисы докладов VIII науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1995.

Творения преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита в русском переводе ... с научно историческим очерком его деятельности и двумя древними житиями. Ч. 2. СПб., 1908.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана «Бревиарий» Никифора. М., 1980

Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян Св Кирилла // Записки имп Академии наук. Т. 72. Кн. 1. Приложение № 6. СПб., 1893.

Paganism in the Later Roman Empire and in Byzantium / Ed. by M. Salamon. Cracow, 1991

The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / Transl. into English by F. J. Hamilton, E. W. Brooks. London, 1899.

Resume

Sorochan S. B. On the Status of Church in the Crimea through the 8th – 9th centuries.

The problem of the Christian religion's and Church's status in Taurica through the Period of Iconoclasm is analyzed in the article. The authors presents theirs own sight on the question. To theirs mind, local church structure was weak, the level of the peninsula population's Christianization was too low, there were lots of pagan revivals. Taking these facts into account, one could run to conclusion, that through the 8th-9th centuries Taurica had no much background to take part in internal political struggle, which had been been taking place in the Empire, and its dwellers for the most part indifferent enough react toward both to iconoclasts and iconofils

В. Е. Науменко

МЕСТО БОСПОРА В СИСТЕМЕ ВИЗАНТИЙСКО-ХАЗАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Уникальное местоположение на берегу пролива Боспора Киммерийского, который античные и средневековые географы считали границей между Европой и Азией, и наличие удобной гавани сыграли решающую роль в насыщенной событиями истории Керчи. Выгоды стратегического и торгового характера превратили город и его округу в зону постоянных контактов цивилизованного мира с кочевыми народами, обитавшими на юге Восточной Европы. В этом плане не является исключением и так называемый период «темных веков» (VII–IX вв.), политическая история которого в Северном Причерноморье во многом зависела от характера взаимоотношений Византийской империи и Хазарского каганата. Однако, прежде чем оценить роль Боспора в этих отношениях, необходимо охарактеризовать основные принципы внешней политики Византии и Хазарии в целом и непосредственно по отношению к рассматриваемому региону.

В основе внешнеполитической доктрины Византийского государства лежала унаследованная от Римской империи так называемая «римская идея» с тезисом об исключительной, провиденциалистской

роли Византии в истории человечества. В представлении византийцев, окружающий мир делился на ойкумену (цивилизированное пространство) и варварские земли. Василевс считался, по крайней мере, потенциально владельцем всей ойкумены и сюзереном остальных «архонтов», управлявших временно им уступленными территориями. Из этого проистекает идея «законности» прав византийских императоров на экспансию против соседних государств, с целью возвращения утраченных областей в пределах ойкумены (Удальцова 1989, с. 241; Литаврин 1989, с. 72; Степаненко 1988, с. 24–25). Эту внешнеполитическую доктрину органично дополняла и развивала православная идеология, согласно которой цивилизованный мир отождествлялся с «миром христиан», а понятие «христианский» стало синонимом всего «византийского» (Ahrweiler 1974, p. 210). В связи с этим, закономерным представляется вывод исследователей о том, что политические, административные, фискальные границы империи обычно не совпадают с ее идеологическими и культурными пределами. Последние чаще всего не имеют под собой реальной исторической основы, являясь своего рода «национальным мифом», служившим ориентиром для византийской государственности в области внешней политики и дипломатии (Ahrweiler 1974, p. 211; Obolensky 1974, p. 305).

В VII–IX вв., несмотря на сохранение в официальной идеологии претензий на мировое господство, внешняя политика империи носила в целом оборонительный характер (Ahrweiler 1975, p. 21–27; Noonan 1992, p. 118; Литаврин 1999, с. 14). Пассивность Византии являлась следствием тех серьезных политических и демографических потрясений, которые она испытала в начале указанного периода времени. Балканские провинции Византийского государства стали объектом нападений аваров и славян. К середине VII в. завершилось в общих чертах заселение, «колонизация», последними значительной части полуострова. На севере Балкан около 680–681 гг. образовалось независимое Болгарское государство. На Востоке Византия вела перманентные войны вначале с персами, а затем с арабами, завершившиеся для империи потерей к началу 40-х гг. VII в. областей Египта, Сирии, Палестины, Месопотамии. В Италии в результате территориальной экспансии лангобардов и франков, успеху которой в небольшой степени способствовали сепаратистские настроения значительной части местного населения и папской курии, к середине VIII в. Византийское государство контролировало лишь Сицилию и отдельные области юга Аппенинского полуострова. Наконец, с образованием Арабского халифата можно говорить о конце гегемонии империи на Средиземном море. Тяжелая внешнеполитическая обстановка усугублялась затяжным внутренним социально-политическим кризисом, известным в научной литературе под названием «иконо-

борчество». В современной историографии «иконоборчество» представляется императорским мероприятием, сутью которого было стремление Государства подчинить Церковь светской власти. Его догматическую сторону следует рассматривать лишь как внешний фон политики императоров (Сюзюмов 1967, с. 53; Ahrweiler 1975, p. 27; Курбатов 1984, с. 82–83; Литаврин 1985, с. 114–115; 1989, с. 22–23; Афиногенов 1997, с. 116). Мероприятия центральной власти шли по пути усиления централизации и милитаризации управления в столице и в провинциях империи, а также укрепления авторитета императорской власти, кризис которого проявился особенно сильно в событиях конца VII–начала VIII вв. (Herrin 1975, p. 15–20). Следуя в этом направлении, иконоборческие императоры не останавливались ни перед чем, подавляя любые проявления оппозиции своей политике, наиболее последовательные в окружении патриархов и в среде столичного монашества. «Вопрос об иконах», в религиозном по своей ментальности обществе, был наиболее удобным способом для различных слоев населения Византии выразить свое отношение — согласие или несогласие — с императорской политикой в целом (Ahrweiler 1975, p. 22).

Исходя из всего сказанного, становится понятным «миролюбие» Византии. Империя была просто неспособна вести активную внешнюю политику. Находясь в состоянии перманентной войны, поглощавшей в отдельные периоды до 70 % годового бюджета, Византийское государство стремилось сохранить политическую стабильность внутри страны, избежать крупных социальных реформ. Таким образом, гипертрофированный внешний фактор становился важнейшим внутренним (Литаврин 1999, с. 16).

Дисбаланс между внешнеполитической доктриной и реальными возможностями Византии должен был быть ликвидирован усилиями дипломатии, которая для выполнения поставленных перед нею задач использовала весь арсенал имеющихся в ее распоряжении политических приемов: от натравливания друг на друга соседних с империей племен и народов с помощью подкупа и интриг при дворах их правителей до заключения с ними династических браков, союзных или вассальных договоров, установления регулярных торговых связей, активной миссионерской деятельности среди «варваров» православных священнослужителей (Удальцова 1989, с. 243–250; Noonan 1992, p. 119–123). Значительную гибкость византийская политика приобретала в областях, расположенных на периферии государства, которые, ввиду их отдаленного географического положения, сложности установления постоянных коммуникаций, ограниченных возможностей использования дополнительных военных контингентов, присланных из центра, близости варварского окружения, приобретали особый, нетрадиционный для административной практики Византии,

статус. В этих контактных (лимитрофных) зонах возникают политические образования с двойной (кондоминантной) системой управления. Примером их служит положение областей Иберии, Армении, Кипра на арабо-византийском направлении (Васильев 1902, с. 32; Кулаковский 1996, с. 240; Ahrweiler 1974, p. 216; Арутюнова-Фиданян 1994а, с. 43–52; 1994б, с. 45–53; 1999, с. 380–391; Шагинян 1998, с. 34), горных и приморских районов Таврики в зоне византийско-хазарского пограничья (Герцен 1993, с. 64; Сорочан 1998, с. 41).

На протяжении всей своей истории Византийская империя уделяла большое значение взаимоотношениям с государственными образованиями, расположенными к северу от ее границ. Первостепенное внимание византийской дипломатии здесь приковывали три региона: Северный Кавказ, Северное Причерноморье и Подунавье. Этот выбор обуславливался рядом факторов. Во-первых, именно из степного коридора на юге Восточной Европы на территорию балканских провинций империи вторгались кочевые народы различного происхождения, что требовало от Византийского государства значительных усилий по созданию и поддержанию контролируемого баланса сил в регионе для предупреждения такой опасности. Ключевое место в системе причерноморской безопасности традиционно занимали Херсон, аванпост византийского влияния в этом регионе, и отдельные кавказские народы – аланы, абхазы (Удальцова 1989, с. 242–243; Оболенский 1998, с. 43–44; Noonan 1992, p. 118–122). Во-вторых, для Византии, морские границы которой намного превышали сухопутные, море становилось фактором не только сплоченности, но и безопасности. Отсюда ее стремление «окольцевать» Черное море своими владениями, превратить его в свое «внутреннее озеро», дабы избежать при растянутости морских рубежей внезапного нападения и сохранить важнейшую стратегическую ось, связывающую Понт Эвксинский со Средиземноморьем. Здесь следует подчеркнуть один принципиальный момент. Полная потеря влияния империи в том или ином регионе, имевшем выход к морю, наступала не с утратой ею сухопутной части области, а с упадком действенного контроля со стороны византийского флота прибрежных городов (гаваней, портов) и их территориальных вод (Литаврин 1999, с. 12–13; Ahrweiler 1966, p. 45–48; Ahrweiler 1976, p. 161–167). Наконец, в-третьих, рассматриваемый регион имел для Византии важное торгово-экономическое значение, так как представлял собой одновременно огромный рынок для сбыта товаров византийского производства и источник разнообразного сырья, в том числе стратегического, например, нефти с территории Таманского полуострова (Константин Багрянородный 1991, с. 272–275; Литаврин 1972, с. 39–40).

Для периода VII–IX вв. северную политику Византийской империи во многом определяли ее взаимоотношения с Хазарским кага-

натом. Если в Закавказье Византия и Хазария были невольными союзниками в борьбе с арабами, то в Северном Причерноморье геополитические интересы империи и каганата превращали их часто в потенциальных противников. Ареной византийско-хазарских военных и дипломатических контактов стала Таврика. Анализ письменных и археологических источников показывает, что форпостом византийской политики на полуострове являлся Херсон, к которому тяготели области горного и южнобережного Крыма. Попытки хазар поставить их под свой контроль, наиболее последовательные в конце VIII в., имели кратковременный успех. Сфера влияния Хазарского каганата в Таврике ограничивалась, главным образом, Восточным Крымом, одним из ключевых политических центров которого являлся Боспор. Однако следует заметить, что регулярные разнообразные контакты этого региона с Византией никогда не прерывались. Именно Восточный Крым стал той областью, где конфликт и сотрудничество между империей и каганатом одновременно имели место (Noonan 1992, p. 131).

Основные направления внешнеполитической деятельности Хазарского каганата во многом определялись его географическим положением в степной зоне юга Восточной Европы, ограниченной, главным образом, течением Волги на востоке, Дона — на западе, предгорьями Центрального и Восточного Предкавказья — на юге.* Этот регион стал играть решающую роль в политике каганата после прекращения приблизительно к 70–80-м гг. VIII в. затяжной арабо-хазарской

* О территории Хазарского каганата в целом см.: Рыбаков 1952, с. 84; 1953, с. 135–148; Артамонов 1962, с. 386–393; Плетнева 1967, с. 187; Новосельцев 1990, с. 100–112; Вернадский 1996, с. 227–228. О его южной и западной границах см.: Гадло 1979, с. 171–183, 187–189; Герцен 1993, с. 60–64. Заметим, что основу для изучения географии каганата составляют данные Краткой и Пространной редакций Ответного письма хазарского царя Иосифа кордовскому эмиру Хасдаю Ибн Шапруту (Коковцов 1932, с. 81–87, 98–112), датированного серединой 50-х гг. X в. (Zuckerman 1995, p. 241), во всяком случае, не позднее 961 г. (Коковцов, 1932, с. VII). В современной историографии признается подлинность этого документа, в том числе и его Пространной редакции, сохранившейся в рукописи XIII в. (Dunlop 1954, p. 131–133; Артамонов 1962, с. 8–12; Фейгина 1972, с. 225–234; Новосельцев 1990, с. 7; Голб, Прицак 1997, с. 11, 102–127). Однако, исследователи полагают, что пределы Хазарии, очерченные Иосифом, отражают реалии более раннего времени (Артамонов 1962, с. 10, 386–387) — середины VIII–IX вв. (Гадло 1979, с. 187), конца VII–середины X вв. (Герцен 1993, с. 64), конца IX–начала X вв. (Новосельцев 1990, с. 7) Противоположного мнения придерживается И. А. Баранов (Баранов 1990, с. 152). Помимо территории Хазарского государства в широком смысле источник указывает на регион, населенный собственно ха-

борьбы за гегемонию в областях Закавказья. Об этом свидетельствует ряд факторов. 763 и 764/765 гг., по Феофану, датируются последние крупные арабо-хазарские столкновения в Армении, Грузии и Азербайджане (Албании), завершившиеся вытеснением хазар из региона и разделением сфер влияния между ними и арабами на Северном Кавказе (Гадло 1979, с. 162–163; Чичуров 1980, с. 68–69; Новосельцев 1990, с. 189–190). Арабы утверждаются в закавказских территориях (Армении, Картли, Албании, прикаспийских областях (Ширван), Дербенте), входивших еще с 701 г. в состав провинции «Армения», пограничной области Северного наместничества Арабского халифата, с центром в Двине, а с 789 г. — в Бердаа (Шагинян 1998, с. 54–58). Уже с 70-х гг. VIII в. начинается укрепление существовавших и строительство новых крепостей во всех стратегических пунктах провинции, в которых размещались постоянные арабские гарнизоны (Гадло 1979, с. 162, Шагинян 1998, с. 52). Закреплению Закавказья в орбите влияния халифата способствовало расселение здесь части арабского населения, а также религиозная политика Аббасидов, предоставивших свободу участия в политической жизни всем народам, принявшим ислам. Арабский язык постепенно превращается в средство межнационального общения (Шагинян 1998, с. 47, 52–53). В сфере политики Хазарского каганата остались северо-кавказские степи. В дальнейшем отмечаемые в источниках попытки арабов и хазар расширить зону своего влияния не имели успеха и носили локальный характер.

Отказ каганата от борьбы с халифатом за преобладание в областях Закавказья закономерно приводит к разрыву военно-политического союза Византии и Хазарии, который на протяжении более чем столетия играл значительную роль в антиарабской политике импе-

зарамии, своеобразный «родовой домен» Иосифа, ограниченный течением Нижнего и среднего Дона на западе (Бузан — Ю-з-г. Ва-г-з), Кумы на юге (В-р-шан, В-д-шан), низовьем Волги на востоке (здесь находились «зимовники» хазар), в пределах которого он совершал весенне-осенние перекочевки (Коковцов 1932, с. 82–83, 86–87, 102–103, 112, Артамонов 1962, с. 387–390; Гадло 1979, с. 136, 189–190). О зимних становищах хазар в дельте Волги сообщают также «Ашхараууйц» («Армянская география») Афанасия Ширакани, составленная в 60–80-х гг. VII в. (Новосельцев 1990, с. 30) или в самом конце этого столетия (Артамонов 1962, с. 17), и Ибн Русте (около 903 г.) (Патканов 1883, с. 29; Хвольсон 1868, с. 666). В представлении грузинского писателя Леонтия Мровели (2-я половина XI в.) также существовали «Великая Хазария» на Волге, коренными жителями которой являлись собственно хазары, и «Малая Хазария», расположенная к северу от реки Кубань и населенная иными по своему происхождению племенами (Гадло 1979, с. 196; Абхазия и абхазы 1988, с. 37–40).

рии в этом регионе. Важнейшим следствием этого процесса стала территориальная экспансия хазар и населения, входившего в состав каганата, в районы, пограничные либо союзные с Византией. По данным грузинских источников, «Летописи Картли» (2-я половина XI в.) и «Истории Грузии», составленной на основе средневековых хроник Вахушти Багратиони (1696–1757), в 80-х гг. VIII в. или между 786 и 797 гг. абхазский эристав (царь) Леон II отложился от империи. Помощь ему в этом оказали хазары, внуком кагана которых был абхазский правитель (Абхазия и абхазы 1988, с. 56–57, 127–128, Очерки истории Грузии 1988, с. 250; Гунба 1989, с. 213–218; История Абхазии 1991, с. 73–74). Тогда же, около 787 г., захватив крепость Дорос, политический центр горной Таврики, хазары овладели на несколько десятилетий глубинными районами Крымского полуострова, о чем определенно свидетельствует Житие Иоанна Готского, написанное между 815 и 842 гг. (Васильевский 1878, с. 127, 153, Никитский 1883, с. 28–29; Ševčenko 1975, p. 115).*

Изменение внешнеполитической ориентации Хазарского каганата хронологически совпадает с еще двумя заметными явлениями в истории Восточной Европы. Прежде всего речь идет о начале функционирования с конца VIII в. Волжского торгового пути, соединившего европейский Север со странами Закавказья и восточной части Средиземноморья, а также отдельных участков Волховско-Днепровской магистрали, которая в широтном направлении, посредством речных притоков и систем «волоков», связывалась с Волгой. Судя по наиболее раннимкладам арабских дирхемов, обнаруженным на пути этих маршрутов, начальный этап торговых контактов арабского мира с восточно-европейскими народами приходится на период 786–817 гг. (Лебедев 1985, с. 210, 217, 227–228; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986, с. 206–207, 224; Дубов 1989, с. 57, 66, 211). По данным нумизматики и арабо-персидских авторов, Ибн Хордадбега (около 820–890 гг.), ал-Факиха (около 903 г.), Ибн Фадлана (около 922 г.), ал-Масуди (ум. в 956 г.), важнейшие участки водных магистралей, в низовьях Дона и Волги, проходили через территорию Хазарии, благополучие экономики которой теперь во многом определялось доходами от участия каганата в международной транзитной торговле (Гаркави 1870, с. 128, Путешествие Ибн Фадлана 1959, с. 85; Мельникова, Никитин, Фомин 1984, с. 36–37, Ибн Хордадбег 1986, с. 109, 124, Калинина 1986, с. 68–82). Безусловно, все это объясняет заинтересованность Хазарского каганата в сохранении мирных отношений со

* Вопрос даты антихазарского восстания населения Готии, которое вызвал захват Дороса, рассматривается в недавней работе А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева (Герцен, Могаричев 1999, с. 112–115).

странами Закавказья и Ближнего Востока в IX–X вв. * Наконец, серединой VIII в. или чаще в последнее время концом этого столетия исследователи датируют начало формирования салтово-маяцкой археологической культуры, существовавшей вплоть до начала X в. на территории Приазовья, в бассейнах Дона и Северского Донца, а также в восточной и центральной частях Крыма и в Восточном Предкавказье, и оставленной оседлым населением, входившим в состав или зависимым от Хазарского каганата.**

В степной зоне Азово-Каспийского междуморья перед Хазарией стояли две основные задачи. Первая была связана с обеспечением военного и политического контроля в этом регионе. Для решения этой проблемы Хазарский каганат использовал различные методы: от прямых военных акций до заключения союзных или вассальных договоров с правителями народов, обитавших на границах государства (Noonap 1992, p. 123–128). Последние, как правило, подкреплялись династийными браками, характер которых во многом определял в кочевом мире отношения между государствами. Вассально-данническая зависимость того или иного племенного образования, кроме собственно получения дани, подчеркивалась также браком хазарского кагана на дочери побежденного правителя и выдачей знатных заложников хазарам. Именно в таком виде были оформлены отношения Хазарии с 25 соседними с нею народами (Путешествие Ибн Фадлана 1959, с. 84–85), в том числе с волжскими булгарами (Путешествие Ибн Фадлана 1959, с. 78), басилами (барсилами) (Патканов 1883, с. 28) и «гуннами» Северного Дагестана.

* Ориентированность каганата на арабский мир в области экономики проявилась в периодическом чекане на территории Хазарии собственных монет — подражаний арабским дирхемам. Из Денинского клада в Воронежской области происходит 86 таких монет, выпущенных с 70-х гг. VIII в. по 30-е гг. IX в. Еще три подражания куфическим монетам с надписью «Ард ал-Хазар» («земля хазар»), датирующихся 837–838 гг., находятся в коллекции Эрмитажа (Быков 1974, с. 26–69; Фокин 1988, с. 187).

** Проблемы хронологии, ареала, этнической принадлежности носителей салтово-маяцкой культуры, особенностей ее локальных вариантов рассмотрены во многих обобщающих работах отечественных исследователей. См.: Ляпушкин 1958, с. 137–148; Артамонов 1962, с. 235–239; Плетнева 1967, с. 135, 184–189; 1981, с. 62–75; 1986, с. 39–46; 1989, с. 268–283; Магомедов 1983, с. 192–193; Флеров 1983, с. 103–109; Михеев 1985, с. 5, 97–99; Афанасьев 1987, с. 143, 166; 1993, с. 151; Баранов 1990, с. 7–9; Кузнецов 1992, с. 160–162; Вишняков, Плетнева 1998, с. 18–27; Айбабин 1999, с. 200–202. «Государственную культуру Хазарского каганата», оставленную оседлым или оседающим населением салтово-маяцкой культуры, не следует отождествлять с культурой этнических хазар, оставшихся на протяжении всей истории государства наиболее кочевой частью «хазарского соиума».

описанными в «Истории агван» Мовсеса Каланкатвази (X в.) (Артамонов 1962, с. 190). То же количество народов, плативших дань Хазарии, приводит еврейский путешественник XI–XII вв. Эльдад (Гаркави 1874, с. 21). В еврейско-хазарской переписке царя Иосифа сообщается, что все народы, живущие на периферии каганата, кроме крымских территорий, находятся в зависимости от него и платят ему дань (Коковцов 1932, с. 81–83, 98–102). Размеры и характер дани, вероятно, не были унифицированы. Волжские булгары от каждого дома в своей стране платили шкуру соболя (Путешествие Ибн Фадлана 1959, с. 78), восточные славяне – серебряную монету («шеляг») (Повесть временных лет 1997, с. 18), буртасы обязаны были выставлять кагану 10 тысяч конных воинов (Хвольсон 1868, с. 667). В то же время определенно можно говорить, что вассалы Хазарии сохраняли внутреннюю политическую организацию. По крайней мере, отсутствуют свидетельства источников о назначении наместников хазарского кагана для управления этими областями. По-иному строились отношения Хазарии с независимыми государствами, союз с которыми был необходим каганату. Равноправие между ними зачастую подчеркивалось женитьбой союзных правителей на хазарских принцессах. Нарративные источники свидетельствуют о таких браках византийских императоров Юстиниана II (685–695 и 705–711 гг.) и Константина V (741–775) (Чичуров 1980, с. 62, 68; Mango 1990, р. 100–101, 130–131), арабских правителей провинции «Арминии» в конце 50–начале 60-х гг. VIII в. и, возможно, в самом конце этого столетия (Артамонов 1962, с. 241–242, 249–250), царей Абхазии (Абхазия и абхазы 1988, с. 57), Алании (Коковцов 1932, с. 117), Албании (Артамонов 1962, с. 182; Гадло 1979, с. 140), главы мадьярских племен (Константин Багрянородный 1991, с. 159).

Однако, главная внешнеполитическая опасность для Хазарии в Восточной Европе исходила все-таки от кочевых народов (мадьяр, печенегов, гузов), периодически вторгавшихся из-за Волги в северокавказские и причерноморские степи в IX–X вв.* Для отражения этих

* Мадьяры появляются в Причерноморье около 836–837 гг. (Продолжатель Георгия Амартола и Лев Грамматик) и расселяются в «стране Леведин», в междуречье Дона и Буга, а затем в «Ателькузе», локализуемой между течениями нижнего Днепра и Дуная (Константин Багрянородный). Около 889 г. из этого региона их вытесняют печенеги (Хроника Регинона). Хронология событий и характер взаимоотношений этих кочевников с хазарами рассмотрены в ряде специальных работ (Грот 1881, с. 199–250, 280–281; Vernadsky 1939, р. 179–193; Шушарин 1997, с. 281, 289–290; Цукерман 1998, с. 664–674). Напряженность отношений каганата с гузами («турками»), переходившая порой в вооруженные конфликты, следует из сообщений Ибн Фадлана (Путешествие Ибн Фадлана 1959, с. 65), ат-Масуди (Гаркави 1870, с. 131) и «Кембриджского Анонимы» (Коковцов 1932, с. 117, 123), составленного около 949 г. (Zukerman 1995, р. 239–241).

перманентных набегов Хазарский каганат, в отличие от Византии, активно использовал регулярную армию, насчитывающую, по Ибн Русте, 10 тысяч всадников, которая во время войны усиливалась вспомогательными отрядами, выставляемыми вассалами и, в качестве повинности, знатными хазарскими родами. Профессиональные воины получали за службу жалованье. Ал-Масуди упоминает среди них наемников из числа русов и славян (Хвольсон 1868, с. 666–667; Гаркави 1870, с. 130). Содержание постоянной армии обеспечивалось в основном за счет доходов от международной транзитной торговли. Отсюда вытекает еще одна жизненно важная для хазарской государственности задача: сохранение контроля на участках торговых маршрутов, проходивших, как уже отмечалось, по территории каганата. Для этого в узловых пунктах торговых магистралей устанавливались хазарские таможни, взывавшие пошлину («десятину») с иностранных купцов. Вероятно, такую роль играл Саркел, построенный близ речной переправы на левом берегу Дона, недалеко от Волго-Донского «волока» (Плетнева 1996, с. 142–158).^{*} Статус морских таможен имели «города» Хамлидж на нижней Волге (Ибн Хордадбех) и Самкарш (Самкерц-Таматарха-Гермонасса) на Таманском полуострове (ал-Факих, ал-Масуди) (Калинина 1986, с. 71, 75; Гаркави 1870, с. 131). Пограничное положение превращало указанные пункты с близлежащей округой в важные военно-стратегические районы Хазарии, на территории которых отмечается присутствие тудунов, наместников кагана, и военных отрядов (гарнизонов) хазар.^{**}

Охарактеризовав основные принципы и особенности внешней политики Византии и Хазарии в Северном Причерноморье, попытаемся определить место и статус Боспора в их взаимоотношениях. Уже из-за своего географического положения район Керченского пролива представляется зоной столкновения военно-политических и торго-

^{*} Причины военно-стратегического характера, появление в 30-х гг. IX в. в Северном Причерноморье мажарских племен, вызывавшие необходимость сооружения византийцами, по просьбе хазар, крепости Саркел около 840 г., рассмотрены в работе К. Цукермана (Цукерман 1998, с. 663–686).

^{**} О сменяемом ежегодно хазарском гарнизоне Саркела сообщают византийские историки (Константин Багрянородный 1991, с. 170–171; Продолжатель Феофана 1992, с. 56). Кроме него эта, достаточно редкая для хазар, практика управления пограничными областями отмечена источниками лишь для Дербента (Дорн 1844, с. 82–86; Артамонов 1962, с. 216–217), и Дороса (Васильевский 1878, с. 127). Присутствие наместника кагана и хазарских военных отрядов фиксируют нарративные документы на Тамани, в Фанагории и Самкерц-Таматархе (Гаркави 1870, с. 131; Коковцов 1932, с. 118; Чигуров 1980, с. 62–63, 163). Важность Хамлиджа, расположенного в устье Волги, родовом центре хазар, не требует комментирования.

экономических интересов и одновременно — наиболее интенсивных контактов империи и каганата с момента появления хазар в регионе. В историографии традиционно господствует убеждение о хазарском протекторате на Боспоре в VII–IX вв., выразившемся в существовании хазарской цитадели в портовой части города и присутствии в нем наместника кагана на протяжении большей части периода (Кулаковский 1906, с. 63; Васильев 1927, с. 195, 232; Dunlop 1954, p. 174; Якобсон 1958, с. 468, 498; Артамонов 1962, с. 198–200; Гадло 1979, с. 156; Golden 1980, p. 60; Баранов 1990, с. 148, 152–153; Макарова 1991, с. 144; Болгов 1998, с. 118–120; Айбабин 1999, с. 185–196, 222). На наш взгляд, данные письменных и археологических источников свидетельствуют об ином, более сложном, статусе города. Недавно С. Б. Сорочан определил его как кондоминантное (двойное) византийско-хазарское владение (Сорочан 1998, с. 41). Обратимся к источникам

Впервые столкновения интересов Византии и Хазарии на Боспоре отмечены в письменных документах для событий конца VII – начала VIII в. В целом анализ нарративных источников показывает, что в это время западными рубежами Хазарского каганата являлись река Танаис (Дон) и Керченский пролив (Феофан, Никифор, Армянская география Анания Ширакци) (Чичуров 1980, с. 60–61, 161–162; Патканов 1883, с. 27–31). К востоку от нижнего и среднего течения Дона археологически фиксируются подкурганные захоронения, одиночные или представленные целыми могильниками, с ровиками подквадратной формы, которые, по мнению большинства исследователей, оставлены собственно хазарами (Семенов 1978, с. 182, 1983, с. 101; 1987, с. 87, 1988, с. 104, 107, 1991, с. 126; Федоров-Давыдов 1983, с. 56; Копылов, Смоляк 1988, с. 58; Плетнева 1990, с. 82; Круглов 1992, с. 176; Иванов 1997, с. 53–54, Сорокин 1997, с. 64; Afanas'ev 1999, p. 1) * На наш взгляд, с исторической точки зрения эта гипотеза наиболее правомерна, тем более, что ареал указанных памятников (Семенов 1988, с. 104) совпадает в целом с зоной кочевания этнических хазар в еврейско-хазарской переписке X в. (Коковцов 1932, с. 82–83, 86–87, 102–103, 112). Слабая опубликованность археологического материала позволяет лишь наметить, в пределах 2-й половины VII–IX вв., общую дату этой группы кочевнических погребений (Федоров-Давыдов 1983, с. 56; Плетнева 1990, с. 82; Власкин, Илюков 1990, с. 150; Круглов 1992, 176). Особый интерес вызывают погребальные комплексы с византийскими солидами 2-й половины VII–

* Иной точки зрения на выделение собственно хазарских памятников придерживается А. И. Айбабин, который, к сожалению, не использовал данную группу погребений при реконструкции этнополитической ситуации VII–IX вв. на юге Восточной Европы (Айбабин 1997, с. 5, 1999, с. 172, 183–185).

середины VIII в., которые свидетельствуют о мирных, союзнических отношениях хазар с Византией в этот период (Семёнов 1978, с. 180–182; 1983, с. 99; 1986, с. 97–98; 1987, с. 62–64; 1988, с. 101–107; 1991, с. 126–127; Косяненко 1983, с. 115; Копылов, Смоляк 1988, с. 59–64; Круглов 1992, с. 182; Залесская и др. 1997, с. 184–186), что подтверждается письменными свидетельствами о династийных браках Юстиниана II и Константина V с хазарскими принцессами (Чичуров 1980, с. 62, 68; Mango 1990, р. 100–101, 130–131).

Феофан, повествуя о событиях, связанных с пребыванием в Крыму ссыльного византийского императора Юстиниана II в начале VIII в., называет «архонта» (правителя) Боспора «Валгицей» (Чичуров 1980, с. 62–63). Традиционно отождествляют «валгица» с «бул-ш-ци» Кембриджского Анонима, званием хазарского полководца, совершившим набег на византийские территории в Таврике в правление Романа I Лакапина (919–944) (Коковцов 1932, с. 118–119; Dunlop 1954, р. 172; Артамонов 1962, с. 347; Новосельцев 1990, с. 144; Zukerman 1995, р. 256). На этом основании делается заключение о присутствии наместника хазарского кагана на Боспоре уже с начала VIII в. Касаясь этого вопроса, следует подчеркнуть, что оба титула не известны в составе администрации кочевых империй Евразии в эпоху средневековья. Обычно провинциальные наместники каганов аваров, кек-тюрок, хазар называются в источниках «тудунами» (Артамонов 1936, с. 63; Чичуров 1980, с. 64; Авенариус 1981, с. 35).^{*} Этимология и содержание терминов «валгица» и «бул-ш-ци» остается на сегодняшний день до конца не выясненными (Новосельцев 1990, с. 144). П. К. Коковцов предлагал переводить их как «начальник города, комендант» от старо-турецкого «балык» (город) (Коков-

^{*} Сводка упоминаний термина «тудун» в письменных источниках сделана Д. Моравчиком (Moravcsik 1958, S. 317–318). Во фрагменте «О чинах и званиях» древних тюрок, включенном в китайские исторические сочинения X–XI вв., этим титулом (в форме «тутунь») обозначен правитель пограничной области тюркских государств (Зубов 1998, с. 154, 157). В греческом словаре X в. «тудунами» назывались наместники тюркских правителей (Etimologicum Magnum 1967, р. 763, 24). Место чиновника с этим титулом в системе управления Тюркским каганатом завоеванными областями с индустриальным населением иллюстрируют сведения китайской хроники X в. «Цзю Тан шу»: «Все ваны (правители) государств Западного края были пожалованы титулом эльтебер, и при этом к каждому был послан один человек в чине гутука для того, чтобы наблюдать за ними, и управлять ими, выискивать с них налоги» (Кычанов 1997, с. 120). О содержании термина см. также: Смирнов 1887, с. 39–45; Васильев 1927, с. 196–197; Бернштам 1946, с. 144; Dunlop 1954, р. 174; Чичуров 1980, с. 101, 129–130; Golden 1980, р. 215–216; Зотов 1986, с. 210; Новосельцев 1990, с. 144; Кычанов 1997, с. 106, 117–120.

цов 1932, с. 118–119), Д. Данлоп – как «правитель» (Dunlop 1954, р. 172), П. Голден – как «правитель города» или «держатель печати» для «валгица» и «помощник» или «гвардеец» для «бул-ш-ци» (Golden 1980, р. 165–169). Содержание интересующего нас фрагмента в Кембриджском Анониме показывает, что «бул-ш-ци» тождественен «начальнику, военному вождю» Самкерца (в переводе Н. Голба), возглавлявшему военную и гражданскую администрацию Хазарского каганата в Приазовье с центром в Таматархе (Голб, Прицак 1997, с. 141).

Прямое перенесение функций хазарского чиновника с этим титулом на правителя Боспора в начале VIII в. не объясняет ряд важных моментов, содержащихся в византийских документах. Во-первых, нехазарское происхождение архонта Боспора подчеркнуто Феофаном и Никифором в отличие от наместника Фанагории, поставленного там непосредственно от лица кагана Хазарии. Обозначение чина последнего как *ἑκ τῆς τοῦ*, очевидно, является греческой интерпретацией хазарского титула «тудун» (Васильев 1927, с. 197). Ясно, что область его деятельности не затрагивала территории Таврики. Об этом в какой-то мере свидетельствует поселение Юстиниана II с разрешения хазарского кагана в Фанагории, ближайшем по отношению к Крыму административном пункте хазар. Во-вторых, участие «босфораниан» вместе с жителями Херсона и «остальных климатов (архонств)» в антиюстиновском восстании 711–712 гг. показывает, что в это время Таврика продолжала входить в состав Византийского государства. Избрание в ходе мятежа частями византийской армии и флота нового императора, поддержанное местным населением, определенно свидетельствует, что причиной выступления являлось не стремление выйти из состава империи, а недовольство политикой Юстиниана II. Исходя из этого, государственный переворот Вардана-Филиппика представляется одним из многих, имевших место в Византии в 695–717 гг. (Herrin 1975, р. 15). В-третьих, принадлежность Боспора Византии в начале VIII в. подтверждается наличием на сегодняшшний день трех медных монет императора Тиберия III Асписмара (698–705) с надчеканкой в виде греческой буквы «бэта» (β) (Голенко 1972, с. 212, 214; Грандмезон 1986, с. 211), которую исследователи расшифровывают как начальную букву названия города – Β[οσπόρος] (Голенко 1972, с. 212; Сидоренко 1997, с. 74–75; Сорочан 1998, с. 42). Безусловно, такая операция с византийскими монетами была бы невозможна в «хазарском» городе. Точная дата надчеканки не известна. Ясно лишь, что она не слишком удалена от времени правления Тиберия III.* Все это заставляет

* Приносим благодарность В. А. Сидоренко за консультацию в отношении указанной группы монет.

несколько по-иному представить статус Боспора, как и других областей Таврики, в системе византийско-хазарских отношений. Симптоматичным является пребывание хазарского наместника («тудуна») в Херсоне, вероятно, между 706–707 гг. и 711–712 гг., а также использование в это время по отношению к местному правителю Боспора, наряду с традиционным в византийских источниках титулом «архонт», тюркского термина «валгица». На наш взгляд, указанные изменения в положении ряда приморских областей Крыма определенно свидетельствуют об их кондоминантном, византийско-хазарском, подчинении в начале VIII в. В Херсоне и на Боспоре сохранялись местные органы управления, продолжавшие выполнять свои административные и фискальные обязательства перед империей. Не следует преувеличивать влияние на них со стороны хазарского наместника в Херсоне, сфера деятельности которого была ограничена исключительно контролем за взиманием дани и получением каганатом своей доли доходов от торговли в регионе. Реальных инструментов власти, в том числе и военных, он не имел. Не случайно в событиях 711–712 гг. хазары участвуют как отдельные военные отряды, приглашенные из-за пределов Таврики восставшими за определенную денежную компенсацию. Следует отметить, что в истории взаимоотношений империи и каганата одновременная зависимость от них какой-либо области не является случаем исключительным. Так, в «Истории агван» Мовсеса Каланкатваци (X в.) сообщается, что около 684 г. албанский правитель Вараз-Трдат «платил подать трем народам – хазарам, таджикам (арабам) и грекам (византийцам)» (Гадло 1979, с. 154).

Результатам анализа письменных источников не противоречат, как нам кажется, археологические свидетельства. Нет оснований связывать открытые Т. И. Макаровой остатки сооружения в портовой части Боспора с «хазарской» цитаделью, возведённой в конце VII – начале VIII в. на месте ранневизантийского культового комплекса (Макарова 1965, с. 76; 1982, с. 99; 1991, с. 129–130; 1998, с. 356–358). В этом убеждает характер кладки стен постройки, не имеющий аналогов на памятниках, определённо связываемых с хазарским фортификационным строительством в бассейнах Дона и Северского Донца, а также состав керамического комплекса, не содержащий ярко выраженных «салтовских» находок. К тому же, датирующие материалы (фрагменты «причерноморских» амфор, яйцевидных амфор с мелким зональным рифлением в верхней части корпуса, высокогорлых кувшинов, византийской поливной посуды) относят формирование этого слоя, скорее, к IX в., а не к более ранней эпохе (Науменко 1997, с. 332–338). Осложняют интерпретацию комплекса ограниченность площади исследований, не дающая представления о полной

планиграфии участка, а также отсутствие графической публикации находок. Добавим, что описание результатов раскопок позволяет предположить функционирование ранневизантийского культового сооружения или отдельных его помещений вплоть до IX в. На сегодняшний день, среди опубликованных материалов единственным хорошо датированным и стратифицированным сооружением «хазарского» времени на Боспоре является постройка 12 в Кооперативном переулке в портовой части города, открытая раскопками 1990–1991 гг. (Айбабин 1999, с. 185–187, 222–223). Данный строительный комплекс сооружён на месте постройки более раннего времени, погибшей в пожаре, по нумизматическим находкам, между 659 и 686/687 гг. Слой пожара и постройка 12, по мнению А. И. Айбабина, свидетельствуют о завоевании Боспора хазарами в это время. Техника кладки сооружения, безусловно, существенно отличается от предшествующего времени. Однако, презентативных находок, которые можно было бы связать с хазарским присутствием в городе, в слое открытой постройки немного. Поэтому преждевременным представляется перенесение результатов исследований одной усадьбы в целом на историю Боспора этого периода.

Таким образом, характеризуя положение Боспора на рубеже VII–VIII вв., приходим к заключению, что нет достаточных оснований говорить о выходе города из состава Византийской империи, хотя оседание уже в это время на его территории некоторого числа носителей иной, негреческой, культуры возможно. В то же время двойной титул его правителя (архонт – валгица) указывает на особый статус Боспора, который может быть определён как контактная зона, находившаяся под двойным византийско-хазарским управлением (Сорочан 1998, с. 41–46).

Такое административное положение Боспора сохранялось и в период VIII–первой половины IX в. Зависимость города от хазар выражалась, вероятно, в выплате дани и определенных торговых привилегиях каганата в районе Керченского пролива. В то же время письменные источники свидетельствуют о политических, религиозных и экономических контактах Боспора с Византией на протяжении VIII–IX вв. Боспорская епархия продолжает упоминаться в епископальных списках Константинопольского патриархата (нотичиях), датированных временем около 680 г. (так называемая нотичия Псевдо-Елифания), около 869 г. (ее создание связывается с именем армянина Василия Ялимбаны), первым патриаршеством Николая Мистика (901–907 гг.) и имевших легитимный статус хождения на территории империи, а также в неофициальных нотичиях, составленных в правление патриарха Никифора (806–815) и в начале 60-х гг. IX в. (так называемая нотичия К. Де Боора) (Dargrouzés 1981, p. 215, 216–229, 232, 250, 273; Науменко 1999, с. 9–20). Анто-

нию, архиепископу Боспора, адресовано около 873–875 гг. письмо патриарха Фотия (Laourdas, Westerink 1983, p. 132; Цукерман 1998, с. 676). Его преемник Лука присутствовал на соборе в Константинополе 879–880 гг. (Laourdas, Westerink 1983, p. 132). Епископ Боспора фиксируется для событий конца VIII – начала IX в. в Крыму в славянской редакции Жития апостола Андрея, написанным монахом Епифанием после 815 г. (Васильевский 1909, с. 275–278; Виноградов 1997, с. 24–26), и в поздней редакции (Vita A) Жития Феодора Студита, составленной в 1-й половине X в. (Творения Феодора Студита 1907, с. 16; Latyshev 1914, с. 269). О существовании кафедрального храма на Боспоре в указанный период времени свидетельствуют эпитафия Кириака 757 г. на колонне в церкви Иоанна Предтечи (Латышев 1896, с. 93–95) и уже упоминавшееся Житие апостола Андрея (Васильевский 1909, с. 268). Письменные источники (Ибн Русте, Житие апостола Андрея) сообщают о сохранении важного торгово-экономического значения города в конце VIII–IX вв., связанного морем с Херсоном и другими портами Византии (Хвольсон 1868, с. 670; Васильевский 1909, с. 269).

Археологические исследования показывают, что с конца VIII в. на значительной части Крыма, за исключением Южной Таврики, появляются десятки поселений, оставленных носителями салтово-маяцкой культуры – населением, входившего в состав Хазарского каганата (Баранов 1990, с. 8, рис. 1; Айбабин 1999, с. 184, 200–201, рис. 78; Сазанов 1999, с. 40). Эта ситуация характерна и для округа Боспора (Зинько, Пономарев 1999, с. 204–206), хотя состав населения самого города остается в целом неизменным (Айбабин 1993, с. 130; 1999, с. 189).

Для понимания административного статуса Боспора в представлении византийцев важным является использование титула «топарх» по отношению к правителю Боспора в ранней редакции (Vita B) Жития Феодора Студита (Творения Феодора Студита 1907, с. 77; Лопарев 1910, с. 166), составленном после 868 г. (Ševčenko 1975, p. 116). В его более поздней редакции 1-й половины X в. встречается иной термин – «гегемон» (Latyshev 1914, с. 268), а в письме Феодора Студита (около 808 г.) – слово, производное от «архонта» (Theodori Studitae 1992, S. 88). Титулом «архонт» обозначается глава Боспора у Феофана и Никифора (Чичуров 1980, с. 62–63, 163), а также в «Аланском послании» епископа Феодора, датированным временем патриарха Германа II (1222–1240) (Кулаковский 1898, с. 19). В славянской редакции Жития апостола Андрея вместо него используется термин «наместник» (Васильевский 1909, с. 278).

«Топархи» (дословно «правитель местности») были известны в первые века нашей эры во Фракии, занимая промежуточное поло-

жение между «кометами», главами «комархий» — сельских организаций, и «протархами», возглавлявших управление полисов (Ранович 1949, с. 245–246). Судя по данным сфрагистики и тактиконов, титул «топарх» не использовался в официальной административной практике Византии, хотя постоянно применялся в нарративных источниках (Cheynet 1984, p. 215–224, Советы и рассказы Кекавмена 1972, с. 167; Лев Диакон 1988, с. 40, 52; Прокопий Кесарийский 1993, с. 118, Арутюнова-Фиданян 1994б, с. 20–22, Анна Комнина 1996, с. 133). Сопоставление письменных свидетельств показывает, что, во-первых, «топархами» могли называть правителей независимых государств, территория которых входила в своё время в состав Византийской империи и по-прежнему воспринималась как временно утраченная. Во-вторых, этим титулом обозначались владельцы небольших областей на периферии Византии, находившиеся в той или иной форме зависимости от империи. В-третьих, источники X–XIV вв. иногда применяли данный термин к византийским чиновникам (стратигам, топотеритам), обладавшим значительной автономией по отношению к центральной власти ввиду отдалённого положения района выполнения их обязанностей, сложности коммуникаций с империей и вражеского окружения (Cheynet 1984, p. 215–224). Представленные выше материалы, безусловно, свидетельствуют о том, что боспорский топарх являлся правителем небольшого округа, зависимого от Византии.

В источниках эквивалентом «топарху» служили чаще всего титулы «архонт» и «гегемон» (Cheynet 1984, p. 218–220), на крымском материале — «кир». В Житии Иоанна Готского «кирами» обозначены находившиеся в зависимости от хазар, но сохранявшие внутреннее самоуправление в 80-х гг. VIII в. правители Фулл и Готии (Никитский 1883, с. 28–29, 32). Последний в ранней и поздней редакции Жития Феодора Студита, как и глава Боспора, назван соответственно «топархом» и «гегемоном» (Лопарев 1910, с. 166, Latyshev 1914, с. 268) А. Ф. Вишняковой и Н. А. Алексеенко опубликованы три печати «ипата и кира Херсона», датированные VIII в. и рубежом VIII–IX вв. (Вишнякова 1939, с. 123; Алексеенко 1996, с. 160). Заслуживает внимания гипотеза Н. А. Алексеенко о том, что появление этой должности в византийском Херсоне было обусловлено необходимостью учитывать интересы хазар в регионе и обеспечивать мирные взаимоотношения с ними (Алексеенко 1996, с. 161). Таким образом, использование титула «топарх» и близких ему по содержанию терминов «архонт», «гегемон», «кир» по отношению к правителям Боспора и других областей Таврики определенно свидетельствует о сложном административном статусе этих территорий и является, очевидно, свидетельством сохранения

вплоть до IX в. византийско-хазарского кондоминиума в регионе.*

Вторжение мадьяр в причерноморские степи в 30-х гг. IX в., а несколько позднее печенегов, значительно сократило возможности прямого политического и административного контроля хазар на полуострове. Новой ситуацией попыталась воспользоваться Византия, учредив около 841 г. в Таврике фему Климатов (Цукерман 1997, с. 312–316; Науменко 1998, с. 689–691). Анализ значения термина «климаты» показывает, что в её состав вошли, по крайней мере, номинально, горные и приморские области Крыма, включая Боспор.** Сложная военно-политическая обстановка в регионе и ограниченные возможности фемной администрации привели к сокращению около середины 50-х гг. IX в. территории фемы до пределов Херсона и его ближайшей округы (Цукерман 1997, с. 321). Тем не менее, присутствие хазар на Боспоре с этого времени по данным письменных источников и археологии не ощутимо. К 70–80-м гг. IX в. в результате хазаро-мадьярской и хазаро-печенежской конфронтации Таврика окончательно выходит из-под контроля Хазарского каганата. Начинается процесс постепенного мирного административного подчинения областей полуострова Византией. Немаловажную роль в этом сыграла христианизация населения полуострова, что подтверждается данными археологии и складыванием к рубежу IX–X вв. системы из пяти епархий, охватившей значительную часть Крыма (Dagouze 1981, p. 273–274; Айбабин 1993, с. 130). Уже восточные восторги, отра-

* Безусловно, вопрос требует дополнительного изучения. Тем не менее, примечательно, что такая же титулатура («кир», «ауконт», «топарх») использована Иоанном Скилицей (2-я половина XI – начало XII в.) по отношению к правителям Аки в XI в., области находившейся в так называемой «армяно-византийской контактной зоне» (Юзбашян 1988, с. 85–86).

** В византийских источниках IX–X вв. под топонимом «Климаты» в широком смысле подразумеваются области Таврики, входившие в состав или находившиеся в орбите политического или культурного влияния Византии, ограниченные крепостями Херсон на западе и Боспор на востоке, а в более узком значении – административные единицы, на которые делилась данная территория (Науменко 1998, с. 696–698). Терминологическая многозначность не является чем-то необычным, если обратиться к административной практике империи. Параллели находим в употреблении в источниках X–XI вв. термина «хора» для обозначения армяно-византийской контактной зоны на востоке Малой Азии. Этот регион в целом именуется «хорей»; в ее состав входят не только военно-административные округа, но и независимые и полунезависимые армянские, иракские, арабские политические образования, каждое из которых именуется как жст «хорей» является и небольшая область, город или крепость с округой, располагавшиеся на территории «хоры» – большой военно-административной единицы империи («хора» в «хоре») (Арутюнова-Фиданян 1994а, с. 52; 1994б, с. 53; 1999, с. 399).

жившие ситуацию в Северном Причерноморье, характерную для 2-й половины IX в., считают Боспор византийским городом (Хвольсон 1868, с. 670). Для времени Константина Багрянородного, он является неотъемлемой частью византийской Таврики, определенно входя в состав фемы Херсон.

В историографии превалирует убеждение, что хазарское присутствие на Боспоре завершается разгромом города печенегам в конце IX в. (Макарова 1991, с. 144) либо мадьярами приблизительно в 60-е гг. этого столетия (Цукерман 1998, с. 675–678; Айбабин 1999, с. 222, 227). В пользу этой гипотезы приводят слои разрушения городских кварталов «хазарского» времени, на месте которых возводятся новые, построенные по всем правилам византийского градостроительства. Тем же временем датируется сооружение храма Иоанна Предтечи в портовой части города (Макарова 1982, с. 99–101). Заметим, что письменные источники не подтверждают факта такого нападения. Более того, Ибн Русте свидетельствует о торговых связях тех же мадьяр с византийским Боспором (Хвольсон 1868, с. 670). Археологический материал, связанный с перестройкой городских кварталов, датируется в широких пределах конца IX – 1-й половины X в. Современный уровень разработанности его хронологии не позволяет сузить дату до десятилетий. Учитывая все это, можно предложить ещё одну гипотезу. На наш взгляд, гибель отдельных участков боспорской городской застройки VIII–IX вв. может быть следствием карательного похода хазарского наместника Самкерца Песаха на византийские владения в Таврике в ответ на инспирированный Византией набег русов на азиатский берег Керченского пролива в конце 30-х – начале 40-х гг. X в. (Коковцов 1932, с. 118–120; Голб, Прицак 1997, с. 141). Боспор, вероятно, оказался в числе трёх городов, взятых хазарами. В это же время, или несколько ранее, в конце IX – начале X вв., по неясным на сегодняшний день причинам, прекращается жизнь на поселениях в его округе (Зинько, Пономарев 1999, с. 204). Поход Песаха отмечает последнюю попытку вмешательства Хазарского каганата в дела Таврики, зафиксированную в письменных источниках.

Таким образом, анализ письменных и археологических свидетельств показывает, что статус Боспора в VIII–IX вв. может быть определён как город в контактной византийско-хазарской зоне, находившийся под двойным управлением Византии и Хазарии. Эта система кондоминиума, сложившаяся в основных чертах в начале VIII в., сохраняется приблизительно до начала 40-х гг. IX в., хотя точную дату прекращения ее функционирования назвать трудно. Следствием особого положения Боспора является использование в византийских источниках по отношению к его правителю двойного титула – архонт (топарх)–валгица. Несмотря на близость Хазарии и расселе-

нии в городской округе иноэтничного населения, Боспор сохранил на протяжении всего этого периода регулярные политические, религиозные и торгово-экономические связи с Византийской империей. Именно это способствовало его мирному включению в административную систему Византии к началу X в.

Литература

Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тбилиси, 1988.

Авенариус А. Авары и славяне. «Держава Само». // Раннефеодальные государства и народности. М., 1981.

Айбабин А. И. Могильники VIII–начала X вв. в Крыму. // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.

Айбабин А. И. Крым под властью Хазарского каганата. // Византия и Крым. Тез. докл. межд. конф. Симферополь, 1997.

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Алексеев Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. // МАИЭТ. 1996. Вып. 5.

Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Арутюнова-Фиданян В. А. Терминологическое обозначение новой социально-административной структуры на Востоке Византийской империи (X–XI вв.). // ВВ. 1994а. Т. 53.

Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994б.

Арутюнова-Фиданян В. А. Византия и Армения в X–XI вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.

Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. М., 1993.

Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.-Л., 1946.

Болгов Н. Н. Боспор византийский: очерки истории. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.-Магнитогорск, 1998.

Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. М., 1974.

Васильев А. А. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Ч. 2. СПб., 1902

Васильев А. А. Готы в Крыму. // ИГАИМК. 1927. Т. 5.

Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. // ЖМНП. 1878. Ч. 195. №1

Васильевский В. Г. Хожждение апостола Андрея в стране мирмидонян. // Г. В. Васильевский. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909.

Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь, 1996

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

Виноградов А. К. становлению легенды об Андрее Первозванном – апостоле Понта. // Византия и Крым. Тез. докл. межд. конф. Симферополь, 1997.

Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсона. // ВДИ. 1939. №1.

Власкин М. В., Ильюков Л. С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча. // СА. 1990. №1.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб., 1870.

Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874.

Герцен А. Г. Византиско-хазарское пограничье в Таврике. // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург, 1999.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.-Иерусалим, 1997.

Голенко К. В. Монеты из раскопок Государственного Исторического Музея в Херсонесе (1958–1969 гг.). // СА. 1972. №4.

Грандмезон Н. Н. Заметки о херсоно-византийских монетах. // ВВ. 1986. Т. 46.

Грот К. Я. Моравия и мадьяры с конца IX до начала X вв. СПб., 1881.

Гунба М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. Сухуми, 1989.

Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари. // ЖМНП. 1844. Ч. 43.

Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фонакова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Гончарная керамика VIII–IX вв. с сельской округи Боспора. // Археология и история Боспора. Керчь, 1999.

Зотов О. В. Тюрки, уйгуры, Восточный Туркестан. // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

Зуев Ю. А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. М.- Алматы, 1998.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986.

Иванов А. А. О поминальных курганах хазарского времени на Нижнем Дону. // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. конф. Харьков, 1997.

История Абхазии. Сухум, 1991.

Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха). // История СССР. 1986. №4.

Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Копылов В. П., Смоляк А. Р. Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII–1-й половине VIII вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988.

Косьяненко В. М. Погребение у слободы Большая Орловка – ранний памятник салтово-маяцкой культуры. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.

Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне р. Иловли. // РА. 1992. №4.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кулаковский Ю. Епископа Феодора «Аланское послание». // ЗООИД 1898. Т. 21.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1906.

Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3 (602–717 гг.). СПб., 1996.

Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лев Диакон. История. М., 1988.

Литаврин Г. Г. Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1972. №7.

Литаврин Г. Г. Византийское государство в VII–XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985.

Литаврин Г. Г. Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989

Литаврин Г. Г. Византийская империя во 2-й половине VII–XII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989

Литаврин Г. Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999.

Лопарев Х. Византийские жития святых VIII–IX вв. // ВВ. 1910. Т. 17.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон. // МИА. 1958. №62.

Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

Макарова Т. И. Средневековый Корчев. // КСИА. 1965. Вып. 104.

Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи. // СА. 1982. №4.

Макарова Т. И. Боспор-Корчев по археологическим данным. // Византийская Таврика. Киев, 1991

Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.

Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М., 1984.

Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985

Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.

Науменко В. Е. Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным Notitiae Episcopatum. // Крымский архив. 1999. №5.

Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗОИИД. 1883. Т. 13.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Оболенский Д. Византийское Содружество наций. М., 1998.

Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1988. Т. 2.

Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. // ЖМНП. 1883. Ч. 226. №3.

Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. №142.

Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии. // СА. 1990. №2.

Плетнева С. А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996.

Продолжатель Феофана Жизнеописания византийских царей. Спб., 1992.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.

Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.-Л., 1959.

Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. н. э. М.-Л., 1949.

Рыбаков Б. А. Русь и Хазария (к исторической географии Хазарии). // Сборник академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952.

Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. // СА. 1953. Т. 18.

Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Авт. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

Семенов А. И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону. // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2.

Семенов А. И. Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.

Семенов А. И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга. // АСГЭ. 1986. Вып. 27.

Семенов А. И. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Уч-тепе. // КСИА. 1987. Вып. 192.

Семенов А. И. К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. // АСГЭ. 1988. Вып. 29.

Семенов А. И. Византийские монеты Келегейского комплекса. // АСГЭ. 1991. Вып. 31.

Сидоренко В. А. Монетная чеканка Боспора 642–654 гг. // Византия и Крым. Тез. докл. межд. конф. Симферополь, 1997.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. Спб., 1887.

Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972.

Сорокин Ю. В. К вопросу о составе лепной керамики из курганов с квадратными ровиками хазарского времени. // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. конф. Харьков, 1997.

Сорочан С. Б. Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 1998.

Степаненко В. П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск, 1988.

Сюзюмов М. Я. Первый и второй период иконоборчества. // История Византии. Т. 2. М., 1967.

Творения преподобного Феодора Студита. СПб., 1907. Т. 1.

Удальцова З. В. Дипломатия. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989.

Федоров-Давыдов Г. А. В древней дельте Волги (из работ Поволжской археологической экспедиции). // Путешествия в древность. М., 1983.

Фейгина С. А. Историография еврейско-хазарской переписки X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Флеров В. С. О хронологии салтово-маяцкой культуры. // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.

Фомин А. В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. // СА. 1988. №4.

Хвольсон Д. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских, Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста, арабского писателя начала X века. // ЖМНП. 1868. Ч. 140. №12.

Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Цукерман К. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

Шагинян А. К. Закавказье в составе Арабского халифата. СПб., 1998.

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.

Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988.

Якобсон А. Я. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. // МИА. 1958. №85.

Afanas'ev G. E. Archeology of the Khazar Problem. // The Khazars. Abstracts of the Int. Colloquium. Jerusalem, 1999.

Ahrweiler H. Byzance et la mer. Paris, 1966.

Ahrweiler H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient. // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 1974.

Ahrweiler H. The geography of the iconoclast world. // Iconoclasm. Birmingham, 1975.

Ahrweiler H. L'escale dans le monde Byzantin. // H. Ahrweiler. Byzance: les pays et les territoires. London, 1976.

Cheyne J.-C. Toparque et topotérès à la fin du 11e siècle. // REB. 1984. T. 42.

- Darrouzès J.** Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
- Dunlop D. M.** The History of the Jewish Khazars. Princeton-New Jersey, 1954.
- Etimologicon Magnum.** Amsterdam, 1967.
- Golden P. B.** Khazar Studies: an Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. 1.
- Herrin J.** The context of iconoclast reform. // Iconoclasm. Birmingham, 1975.
- Laourdas B., Westerink L. G.** Photii Patriarchae Constantinopolitani. Epistulae et Amphilochia. Leipzig, 1983. Vol. 1.
- Latyshev B. Vita S.** Theodori Studitae in codice Mosquensi musei Rumianzoviani №520. // BB. 1914. T. 21. Вып. 3–4.
- Mango C.** Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Washington, 1990.
- Moravcsik G.** Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 2.
- Noonan T. S.** Byzantium and the Khazars: a special relationship? // Byzantine Diplomacy. London, 1992.
- Obolensky D.** Byzantine frontier zones and cultural exchanges. // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 1974.
- Ševčenko I.** Hagiography of the iconoclast period. // Iconoclasm. Birmingham, 1975.
- Theodori Studitae. Epistulae.** Berlin-New York, 1992.
- Vernadsky G.** Levedia Studies on the magyar background of Kievan Russia. // Byzantion. 1939. Vol. 14.
- Zuckerman C.** On the date of the Khazar's conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor. // REB. 1995. T. 53.

Resume

Naumenko V. Ye. The Place of Bosphorus in the System of Relations between Byzantium and Khazaria

The article presents an attempt to clarify the place of Bosphorus in the Byzantium's and Khazarian Khanate's politics in the Black Sea North Littoral. Taking the analysis of written and archaeological sources into account, one may determine the status of the town from the 8th to the 9th century as that of town in zone of contacts between Byzantium and the Khazars being under the double control of both states. This condominium system appears in its particular features on the beginning of the 8th century, and remained to the beginning of the 40s of the 9th century. As a result of Bosphorus's special status Byzantine sources supply the double title of its governor – *archon (toparchus)* and *valgitz*. In spite of the fact that Khazaria was located nearby as well as town's suburbs were populated with other ethnic groups, Bosphorus preserved regular political, religious, trade and economic ties with the Byzantine Empire during the whole period. Precisely these contributed to the fact that it was peacefully included into Byzantine administrative system by the beginning of the 10th century.

ОБЕРЕГИ В РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ

В этнографической литературе практически отсутствуют исследования, связанные с детальным описанием и анализом оберегов* (Свод этнографических терминов 1993, с. 135) используемых в родильно-крестильной обрядности греков Приазовья. Представители этой этнической группы были переселены из Крыма на территорию юга современной Донецкой области в конце XVIII в. По языковому признаку приазовские греки подразделяются на «румеев» — носителей диалектов крымскорумейского языка (близок к новогреческому) и «урум-ов», говорящих на диалектах урумского языка тюркской группы.

Настоящая статья основана на полевых материалах, собранных во время проведения Приазовских фольклорно-этнографических экспедиций — ПФЭЭ (под руководством Араджиони М. А.), которые были организованы Крымский отдел Института востоковедения НАН Украины. В ходе экспедиций обследовались как румейские, так и урумские села Старобешевского, Тельмановского (1-я ПФЭЭ), Великоновоселковского (2-я ПФЭЭ), Володарского, Першетравневого (3-я ПФЭЭ) районов Донецкой области. Участниками исследований была получена ценная информация по фольклору, лингвистике, духовной и материальной культуре мариупольских греков. Автор статьи непосредственно занималась сбором данных по родильно-крестильной обрядности, в том числе, и оберегов, используемых для ограждения младенца и его матери от воздействия «нечистой силы» и «сглаза» («ахмат» — рум., «назар» — урум.).

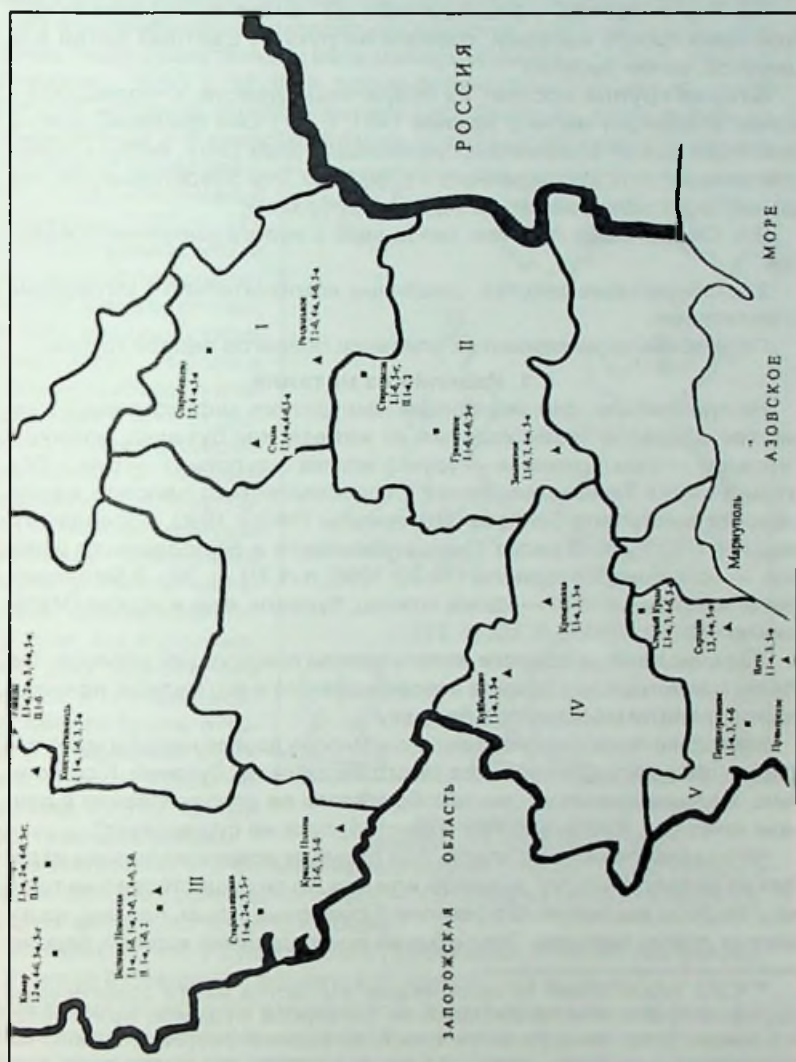
В статье делается попытка дать классификацию оберегов приазовских греков, а также установить их ареалы и степень распространения (рис. 1).

Зафиксированные обереги условно разделены нами на две группы. К первой отнесены обереги, связанные с «отгоняющей магией»** (Гаджиев 1991, с. 52.). Их суть в том, чтобы не допустить, отогнать «нечистую силу» и «сглаз». В свою очередь их можно подразделить на такие подгруппы:

1.1. Изделия из металла (ножницы, булава, иголка, жестяные, свинцовые амулеты).

* Оберег — предмет, знак, действие или слово, которые охраняют человека от воздействия злых сил (духов, сглаза, колдовских чар).

** Термины «отгоняющая» и «очищающая» магия заимствованы из работы Гаджиева Г. А., посвященной исследованию этнической культуры народов Нагорного Дагестана.

1.2. Лекарственные травы (чабрец, бессмертник).

1.3. Предметы быта (веник).

1.4. Продукты питания (хлеб, соль).

1.5. Ткани, одежда, украшения (одежда наизнанку, пеленки из трех или семи кусков материи, повязки на руку из цветных нитей или шнурков, синяя бусина).

Вторая группа состоит из обереговых действий, относящихся к «очистительной» магии (Гаджиев 1991, с. 52). Они призваны помочь освободиться от влияния воображаемых «злых сил», якобы воздействовавших на новорожденного и роженицу. Эти обереговые действия можно классифицировать следующим образом.

2.1. Обереговые действия, связанные с использованием предметов.

2.2. Обереговые действия, связанные исключительно с заговорами и молитвами.

Подробнее остановимся на описании оберегов первой группы.

1.1. Изделия из металла

На протяжении трех экспедиций нам удалось зафиксировать в качестве оберегов такие изделия из железа, как булавка, ножницы («псали» — рум., «махас» — урум.), иглолка («вулонья» — рум.). При этом в селах Тельмановского и Старобешевского районов в роли оберега выступала булавка (Материалы ПФЭЭ 1993, полевая тетрадь №1, с. 7, 30). В селах Першотравневого и Володарского районов — ножницы (Материалы ПФЭЭ 1995, п./т. 7/1, с. 39). В Великоновоселковском районе — кроме ножниц, булавок, еще и иглолка (Материалы ПФЭЭ 1994, п./т. 1/2, с. 11).

Перечисленные обереги использовали следующим образом: булавку прикалывали к одежде новорожденного и его матери; ножницы и иглолку клали малышу под подушку.

Не только приазовские греки, но и многие другие народы мира верили в оберегающие свойства такого амулета как булавка. К сожалению, научных гипотез о целесообразности ее использования в данном качестве, насколько нам известно, пока не существует*.

Что касается обычая класть под подушку новорожденному изделия из металла: иглолку, ножницы или нож, то он существовал не только у этносов исследуемого региона (Приазовье, Крым, Кавказ), но и у многих других народов. Этот обычай имеет древние корни и, вероят-

* Свое объяснение ее применению пытаются найти современные парапсихологи. Согласно одной из их версий булавка, приколотая к одежде, берет на себя часть чуждой негативной энергии, а токи, находящиеся в металле, начинают циркулировать по замкнутому контуру и быстро ослабевают. При этом считается, что лучше, если булавка будет из железа, вероятно, это связано с его магнитными свойствами.

но, начал формироваться в ту эпоху, когда металл постепенно вытеснял другие материалы для изготовления орудий труда и оружия, а вера в его магическую силу перерастала в культ (Чурсин 1927, с. 72).

Из этнографической литературы известно, что у мариупольских греков также существовали металлические амулеты* (Свод этнографических... 1993, с. 17-18) в форме больного органа или же целой фигурки человека, которые вырезались из жести, свинца (рис. 2). Применяли их для предотвращения «сглаза» и как средство для из-

лечения от определенного рода заболеваний (Шевченко 1927, с. 11). Так, греки верили, что от головной боли исцелит амулет в виде головы, от боли в ногах — «жестяные ноги», от боли в горле — трубочка, напоминающая горло, от грыжи — оберег в форме звездочки, от общего недомогания или «сглаза» — помощет фигурка человека. Описанные амулеты носили на тесемке, завязанной вокруг шеи, как взрослые, так и дети. Хранили их в церкви, в случае необходимости брали оттуда, а возвращали вместе со старым новый экземпляр, изготовленный собственными руками.

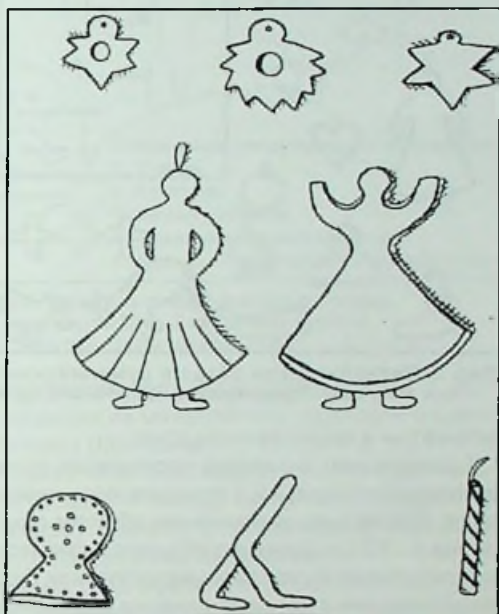

Рис. 2. Металлические амулеты приазовских греков.

Прорисовка (Шевченко 1927).

Не исключено, что металлические амулеты приазовских греков в виде отдельных органов человека — это одна из своеобразных народных форм культа святых мощей.

Интересно, что у румелийских (фракийских) греков (например, с. Лангада в Северной Греции и в с. Чернополье в Крыму) и в настоящее время существуют амулеты подобные мариупольским (рис. 3). Кроме фигурок человека, ног, горла, головы, звездочек есть экземпляры в виде руки, сердца, глаза. Встречаются также фигурки живот-

* Амулет — оберег в виде небольшого предмета, который носят на теле (одежде) или вешают на стену, дерево.

ных*, вероятно, с их помощью греки намереваются уберечь свой домашний скот от «сглаза» и болезней. Амулеты прикрепляются к белому полотну, обрамляющему икону, хранятся в церкви, а если её в

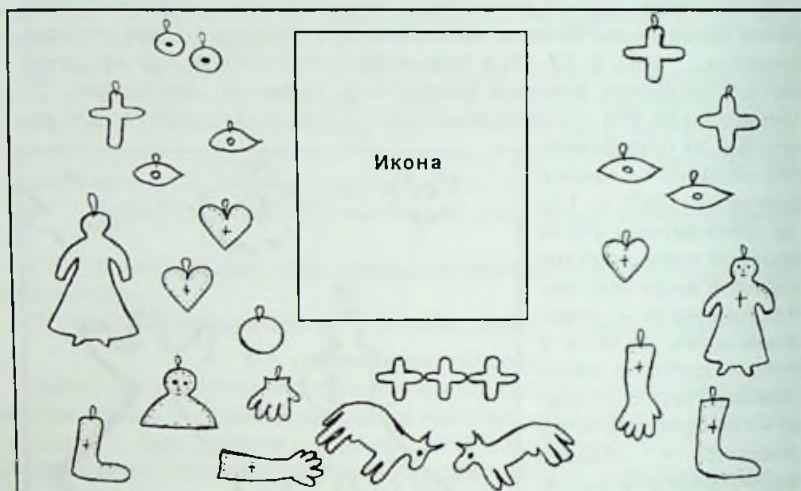

Рис. 3. Металлические обереги румелийских греков из села Чернополье в Крыму. Прорисовка из личного архива М. А. Араджиони.

селе нет — в молитвенном доме.

К сожалению, во время проведения приазовских экспедиций мы не получили сведений о применении указанных металлических амулетов. Последнее упоминание об этом обычае встречается в литературе в 1927 г. Функцию оберега в греческих селах до сих пор выполняют такие изделия из металла, как булавка и ножницы, применение иголки в этой роли нами не зафиксировано.

1.2. Лекарственные травы

В ходе работы 2-й приазовской экспедиции была получена информация об использовании в качестве оберега лекарственных трав. Об этом сообщили респонденты из сел Улаклы, Богатырь, Комар (Камара), Старомлиновка (Керменчик), Великая Новоселка (Аргин Ени-сала)**. Все села, кроме Великой Новоселки (здесь население смешанное: урумы и румеи), были основаны урумами, выходцами из юго-западного Крыма (рис. 4).

Лекарственные травы клали под подушку (с. Великая Новоселка,

* Информация Араджиони М. А. из полевых наблюдений в Греции и Крыму в 1997–98 гг., фотография из личного архива.

** В скобках указываются первоначальные названия приазовских греческих сел, даваемые жителями при их заселении.

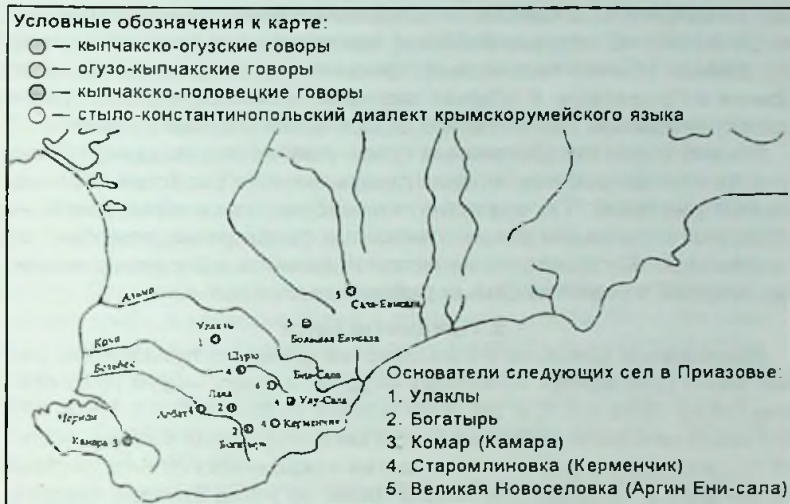

Рис. 4. Карта №2. Обереги-лекарственные травы.
За основу взята карта Юго-Западного Крыма,
составленная А. Л. Бертъе-Делагардом (1920, с. 134–135).

Старомлиновка, Богатырь) (Материалы ПФЭЭ 1994, п./т. 1/2, с. 30, 43; п./т. 1/1, с. 24), также как изделия из металла или зашивали в одежду младенца (с. Улакты, Комар) (Материалы ... п./т. 1/1, с. 32; п./т. 1/2, с. 7). Преимущественно применяли бессмертник — «титурун чичек» (с. Великая Новоселка) и чабрец — «назар чичек» (с. Старомлиновка, Улакты, Комар, Богатырь). Однако, в настоящее время лекарственные травы в качестве оберега уже не применяют.

С помощью лекарственных трав оберегали ребенка от «сглаза» и действия «нечистой силы» и крымские татары. С этой целью коробочку с семенами стосемянника — «ю зерлика» — нанизывали на нитку и надевали на шею младенца (Энвер, 1990, с. 8). Применяли лекарственные травы также украинцы. У них было принято вешать возле кровати ребенка венок из хмеля, в изголовье ставить букет из полевых лекарственных трав: чабреца, мяты, полыни, а под подушку младенца класть, наряду с другими оберегами, платочек с корнями любистка, головку мака (Хайруллина, 1991, с. 42–43). Помимо этого, освещенные лекарственные травы добавляли в воду, купая первый раз новорожденного: мальчикам клали корень девясила, девочкам — цветы (Культура і побут 1993, с. 192), кроме того, любисток, череду (Гвоздевич, 1997, с. 166).

Вышеизложенная информация может указать на корни (украинские или крымские) традиции применения лекарственных трав в ка-

честве оберега. Одинаковое использование лекарственных трав (помещение их под подушку ребёнка), является свидетельством того, что данный обычай был перенят греками после переселения их из Крыма в Приазовье. А обычай зашивания лекарственных трав в одежду младенца, скорее, всего, сформировался ещё в Крыму.

Почему клали лекарственные травы именно под подушку? Ответить на этот вопрос можно, зная лекарственные свойства перечисленных растений. Так известно, что чабрец, как и мята, хмель — обладают отличными успокоительными свойствами, помогают от бессонницы. Бессмертник же могли применять как символ жизни, бессмертия, желая тем самым ребёнку долгих лет.

1.3. Предметы быта

Неизменным оберегом в большинстве греческих приазовских сел был веник («себерже», «сибирти» — урум, «фкал» — рум) (Материалы ПФЭЭ 1993, п./т. 1, с. 29; 1994, п./т. 1/1, с. 32; 1995, п./т. 7/1, с. 17). Его часто называли «сторожем», так как в отсутствие матери он стоял под колыбелью ребёнка, в качестве «охранника» от воздействия «злых сил» и «сглаза». Не только греки, но и ряд этносов Кавказа, восточные и южные славяне, гагаузы и многие другие народы мира наделяли веник магической силой, верили в его способность оберегать (Булатова, 1988, с. 185; Лештаева, 1990, с. 89; Курогло, 1980, с. 22). Так, например, у грузин, если мать отлучалась по каким-то домашним делам, то к люльке приставляли веник или любой железный предмет. Как полагали, в этом случае «злой ангел» не мог подойти к ребёнку («ави ангелози ар дазтаносо») (Соловьева 1984, с. 94).

Как видим, обычай использования веника в качестве оберега, «охранника» распространён чрезвычайно широко, что затрудняет определение места и времени его появления.

1.4. Продукты питания

В конце XIX в. у греков существовал целый ритуал, составным элементом которого был хлеб-оберег. На 40-й день роженица с младенцем и повитухой (или свекровью) возвращались домой из церкви, куда ходили «за молитвою». Здесь их уже ждала крестная мать новорожденного. Она заворачивала ребенка в одеяло, клала туда ломоть хлеба, пережженного на свече, и произносила: «Будь бел, как сахар (т. е. проживи до седых волос) и добр, как хлеб» (Ксенофонтон-Петренко 1979, с. 182) — «насынъбу шекерь биязь, оле сачларынъ биязь олсунъ» (Марков, 1892, с. 415). С этого момента хлеб постоянно находился в одеяле новорожденного и выступал в роли оберега от «сглаза», воздействия «нечистой силы» и различного рода заболеваний.

Наши информаторы рассказывали, о том, что кусок хлеба не только прятали в одеяло ребенка (Материалы ПФЭЭ 1993, п./т. 1,

с. 7), но и клали под подушку (Материалы... 1994, п./т 1/1, с. 38), как и обереги из металла, лекарственные травы. Вероятно, это новая форма обычая, бытовавшего в конце XIX в. и описанного С. И. Марковым и О. Н. Ксенофонтовой-Петренко

Культ хлеба, каравай, зерна и в настоящее время широко распространен в традиционной обрядности как греков Приазовья (Материалы... 1993, п./т.1, с. 7, 12), так и многих других народов, являясь неизменным атрибутом многих обычаев и традиций. В языческие времена хлеб выступал предметом жертвоприношений, а в наши дни он в понимании людей — символ богатства, долголетия, плодородия. Поэтому не случайно ему приписываются и оберегающие функции.

Кроме хлеба, в качестве оберега применяли и соль. Впрочем, сразу же оговоримся, что она лишь условно может быть отнесена к оберегам (Музыченко, 1903, с.24), поскольку ряд народов Европы и Азии (в том числе и греки Приазовья) использовали её в родильно-крестильной обрядности и как антисептик в условиях жаркого климата (Редько 1899, с. 95–96).

Данные наших экспедиционных исследований по этому поводу также противоречивы. В ряде сёл (Старый Крым, Першетравневе (Мангуш), Раздольное (Аргин Кара-коба)), как свидетельствуют наши информаторы, соль добавляли в воду для купания младенца, «чтобы он меньше потел» (Материалы ПФЭЭ 1995, п./т.7/1, с. 8, 27; 1993, п./т.1, с. 9). Как показывают результаты наших полевых наблюдений в Крыму, обычай купания детей в соленой воде существовал и у крымских татар. Они с той же целью, что и жители приазовских сёл, погружали ребенка в соленую воду и не смывали с него соль до утра.

В с. Стыла, Гранитное (Карань), Комар (Камара), Раздольное (Аргин Кара-коба), Богатырь солью посыпали отдельные части тела новорожденного (Материалы ПФЭЭ 1993, п./т.1, с. 3, 13, 21; 1994, п./т.1/1, с. 6; п./т.1/2, с. 7). Таким же образом поступали турецкие и армянские повитухи (Серебрякова 1979, с. 131; Бунятов, 1894, с. 164)

В селе Великая Новосёлка (Аргин Ени-сала) соль и мак рассыпали во всех углах детской комнаты по понедельникам, чтобы избавиться от «нечистой силы». А во дворе раскидывали освященный мак и говорили: «Хто цей мак збере, той здоров'я забере, а якщо ні, то здоров'я залишиться мені» (Материалы ПФЭЭ 1994, п./т.1/2, с. 34).

Поводя итоги, отметим, что в ряде греческих сёл соль использовали в качестве антисептика, в большей части населенных пунктов, возможно, она выступала в двойной роли — оберега и антисептика, в некоторых селах ее применяли исключительно как оберег.

Трудно сказать, каков был первоначальный смысл, вкладываемый в обычай использования соли. Возможно, соль начали применять именно в качестве оберега, а впоследствии, пронаблюдав за ее

позитивным действием на организм ребенка, стали употреблять в рациональных целях.

По нашим наблюдениям приазовские греки и в настоящее время продолжают применять хлеб и соль в качестве оберега.

1.5. Ткани, одежда, украшения

Такими оберегами как синяя бусина и синька (растворенная на растительном масле) пользовались только в урумских селах, таких как Староласпа (Ласпи), Гранитное (Карань), Богатырь, Комар (Камара), Старомлиновка (Керменчик) (рис. 5). Бусину подвешивали на одежду младенца (Материалы ПФЭЭ 1994, п./т. 1/1, с. 26), а синькою мазали за ухом у ребенка и у его матери (Материалы ... 1993, п./т. 1, с. 12). Синяя бусина также играла роль амулета у азербайджанцев и турок (Пчелинцева, 1987, с. 40; Серебрякова 1980, с. 173–174). Амулет с синим камнем пришивался на спинку одежды младенца, а его самого заворачивали в синюю материю. Как свидетельствуют материалы наших полевых исследований в Крыму, черная или синяя бусина с белым кружочком посередине («гуз бунджах») до сих пор выполняет функцию оберега и у крымских татар. Ее нанизывают на шнурок и надевают на руку детям; внешне «гуз бунджах» очень напоминает оберег, употребляемый приазовскими греками, турками, азербайджанцами.

Вероятно, использование синего цвета как оберега (синяя бусина, пятно синькою за ухом) урумы могли перенять у крымских татар, испытав еще в Крыму влияние пережитков доисламских традиций этого народа на свою культуру. Ведь урумы компактно проживали в юго-западной части полуострова и имели более тесные, чем греки-румели, этнические контакты с крымскими татарами.

В ходе 3-й ПФЭЭ было отмечено, что греческие матери, уберегая детей от сглаза, надевали им на руку нити или шнурки разных цветов — белого, голубого и коричневого в с. Кременевка (Чердакли) (Материалы ПФЭЭ 1995, п./т. 7/1, с. 47). В селах Ялта и Приморское (Гурзуф) — красного, черного, белого (Материалы ... с. 78). В с. Сартана — красного цвета (Материалы ... с. 17). В отличие от остальных цветов, значение красного не вызывает сомнений, он с давних времен символизирует у греков жизнь. Не случайно, платье греческой невесты изначально было именно красного цвета (Ксенофонтова-Петренко 1979, с. 177).

Примечательно, что информация, об описанном выше обереге сохранилась только в селах, основанных румеями — выходцами с Южного берега Крыма (Ялта, Гурзуф) и Юго-Восточной горной части полуострова (Сартана, Чердакли). Интересно также, что и в Греции во второй половине XIX в. использовали, как обереги, цветные повязки на руку, они делались из полосок ситца, ниток, ленточек (Сум-

Рис. 5. Карта №3. Обереги — синька и синяя бусина.
За основу взята карта Юго-Западного Крыма,
составленная А. Л. Бертье-Делагардом (1920, с. 134–135).

цов, 1868, с. 32). В Болгарии повязки из ниток или шнурков красного или белого и красного цветов назывались «мартеницами», их изготовляла 1 марта самая старая в доме женщина. «Мартеницы» хранили для маленьких детей, используя в качестве средства против «сглаза» (Колева, 1977, с. 282–283). В Албании также широко распространены подобные повязки, но их магический смысл утрачен, и сейчас они воспринимаются, лишь как традиционное украшение (Иванова 1973, с. 316).

Изложенные сведения могут указывать на балканское происхождение данного оберега, вера в магические силы которого сохранена многими народами (греки, болгары, албанцы, гагаузы и др.) до наших дней.

В настоящее время приазовские греки в качестве оберега используют повязки из цветных нитей, и как обереговое действие — выворачивают одежду наизнанку.

К сожалению, во время проведения полевых исследований нам не удалось собрать необходимый объем информации о таком обереговом действе, как пошив одежды для новорожденного из трех или семи кусков материи. Не исключено, что приазовские греки употребляли указанное обереговое действо с той же целью, что и дагестанские терекеменцы. У них было принято для семьи, где дети умирали подряд, один за другим, очередному младенцу «для спасения жизни» шить одежду из разных кусков ткани, собранных из 40 домов (Гаджиева, 1990, с. 180). Уместно также было бы задуматься над символикой

чисел «3» и «7», которые у приазовских греков имеют сакральный смысл и очень часто встречаются при описании различных обрядов.

Перейдем к рассмотрению оберегов, относящихся к очистительной магии.

2.1. Обереговые действия, связанные с предметами

Во время обследования сел Старая Ласпа (Ласпи) и Великая Новоселка (Аргин Ени-сала), нами было зафиксировано обереговое действие, которое заключалось в умывании лица ребенка святой водой и утирании его изнанкою одежды матери в случае, когда малыша уже сглазили (Материалы ПФЭЭ 1993, п./т.1, с. 12; 1994 п./т.1/2, с. 11).

Анализируя каждый из элементов этого действия, необходимо отметить следующее.

Во-первых, вера в сверхъестественные силы воды, источника и создателя плодородия, символа жизни на земле присуща не только приазовским грекам, но и многим другим этносам. До сих пор ее лечебные и оберегающие свойства используют на практике народные знахари, а в христианскую эпоху вода становится незаменимым атрибутом крещения.

Во-вторых, в данном обереговом действе наряду с верою в магические свойства воды, прослеживается вера во взаимосвязь между рожицей и младенцем, которая по народным представлениям начинает формироваться уже в момент зачатия. Поэтому приазовские греки, как известно, табуировали образ жизни и поведение будущих матерей, желающих, чтобы роды прошли благополучно. Существовал целый комплекс запретов для беременных женщин, в него входили, как рациональные — не поднимать тяжелые предметы, не пить спиртное, и т. п. — так и суеверно-магические табу — не садиться на пустые мешки, не переступать через кошку, собаку, не нюхать цветы и ряд других.

В селах Улаклы, Великая Новоселка (Аргин Ени-сала) если считалось, что ребенка сглазили, выполняли другое обереговое действие. С головы малыша срезали волосы с четырех сторон, делая крестообразное движение. Затем обрезанные волосы складывали в кусок материи, туда же помещали сухие лекарственные травы и хранили в потайном месте (Материалы ПФЭЭ 1994, п./т.1/1, с. 38, п./т.1/2, с. 13). Это греческое обереговое действие перекликается с украинским обрядом «пострижины», который отмечали спустя год после рождения ребенка. Крестные, отец или мать, в зависимости от пола малыша, выстригали своему крестнику волосы с четырех сторон, символически воспроизводя на голове крест (Гаврилюк 1981, с. 177).

Не исключено, что греки уже в Приазовье переняли указанный обряд у украинцев, при этом главное его значение — принятие ребенка в христианскую общину — у них отошло на второй план, трансфор-

мируясь в обереговое действо, не приуроченное к определенной дате, а исполняемое по мере необходимости

Если же никакие из вышеперечисленных средств не помогали, матери обращались за помощью к знахаркам. Те использовали такое средство для излечения от сглаза как металлический обруч (Материалы ПФЭЭ 1994, п./т 1/1, с. 26). Он представлял собою металлический или жестяной круг с 40 дырками по контуру, в которые протягивались 40 шнурков разных цветов и длины. Через этот обруч продевали ребенка с ног до головы и тем самым якобы «снимали сглаз». В данном обереге сочетается вера в магическую силу металлических предметов с символическим числом 40, которое для христиан ассоциируется с 40 святыми мучениками.

2.2. Обереговые действия,

связанные исключительно с заговорами и молитвами

Для излечения ребенка от сглаза знахарки и в настоящее время испрльзуют заговоры и молитвы. Происхождение первоначальных форм заговора относится к глубокой древности, к времени, когда первобытный человек одухотворял природу. С введением христианства многие заговоры приняли молитвенную форму. Примечательно, что перед прочтением заговора знахарка обязательно произносила православные молитвы «Отче наш», «Богородица Дева, радуйся» на греческом или русском языках.

Некоторые из используемых приазовскими греками заговоров нам удалось записать во время работы экспедиции в селах Великая Новоселка (Аргин Ени-сала) и Староласпа (Материалы ПФЭЭ 1994, п./т.1/2, с. 35, 1993, п./т 1. с. 18). Так, румеи в с. Великая Новосёлка для снятия сглаза читали вначале по-русски молитву «Отче наш», а затем специальную молитву, «выгоняющую сглаз» из тела человека: «Дѣи курица катъандан камешкан а рока пирас ис атроп екам ахмат наекам аси ах атрапу мат ах тифил, ах кардѣиа, ах кулара, ах улпа. Аминь, аминь, аминь». В урумском варианте молитва от сглаза звучит следующим образом: «Панаян анда долче софрас софрас зутне юш дугум одугум нельч се витан назар чезельсин. Панаян хортос баба оглан азис нен ялварым сезе сиз ялдырси олмуз витан назаран алныз юстунде. Аминь. Аминь. Аминь».

Введенные нами материалы позволяют сделать следующие выводы:

1) Обереговый комплекс приазовских греков сохранился не полностью, некоторые из его элементов утратили свое былое значение. Однако, большая часть оберегов, дошедших до наших дней и используемых в настоящее время (изделия из железа, хлеб, соль, вода), по-видимому, связана с дохристианскими, религиозными представлениями и свидетельствует о древности их происхождения.

2) В родильно-крестильной обрядности греков Приазовья, крымских татар, турок, болгар, гагаузов, народов Кавказа, украинцев существуют аналогичные обереги, что может быть подтверждением тезиса о существовании тесных контактов между представителями данных этносов в различные исторические периоды. Не случайно Крым, Кавказ, Балканы, Турция включаются этнологами в одну историко-этнографическую область — «Юго-Восточная Европа».

3) Обнаруженные нами различия в оберегах урумов и румеев (лекарственные травы, синяя бусина, повязки на руку из разноцветных ниток), объясняются не столько разностью их этнического происхождения, сколько различием и степенью интенсивности этнокультурных контактов, что во многом связано с локализацией в Крыму этих этнических групп.

Литература

Булатова А. Т. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988.

Бунятов Г. Домашнее воспитание у армян Ереванской губернии // ЭО. 1894. №4.

Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). К., 1981.

Гаджиев Г. А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991.

Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы XIX — н. XX вв. М., 1990.

Гвоздевич С. Родильна обрядовість поліщуків // Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження. Львів, 1997. Вип. 1.

Ивацова Ю. В. Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Весенние праздники. — М., 1977.

Колева Т. А. Болгары // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977.

Ксенофонтова-Петренко О. Н. Семейные обряды в селе Сарта-на // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979.

Культура і побут населення України. К., 1993.

Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов. — Кишинев, 1980.

Лештаева Н. Ф. Функции членов семьи в обрядах, связанных с рождением ребенка у русского населения Казанского Поволжья во второй пол. XIX — н. XX в. // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990.

Марков С. И. Заметки о быте греков г. Мариуполя // Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892.

Музыченко А. Ф. Первые годы детства у болгар // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества 1903. №3.

Пчелинцева Н. Д. народные обряды и поверья, связанные с охраной здоровья ребенка у азербайджанцев // ПИИЭ. М., 1987.

Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // ЭО. 1899 №1.

Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. Вып. 5. М., 1993

Серебрякова М. Н. О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских турок // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980

Серебрякова М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М., 1979.

Соловьева Л. Т. Обряды и обычаи грузин, связанные с охраной здоровья детей (н. XX в.) // ПИИЭ за 1980 – 1981 гг. М., 1984.

Сумцов Н. Ф. Личные обереги у восточных славян. СПб., 1868.

Хайруллина М. Г. Про бабу-повитуху, сонце-Ярило та глиняне намісто // Україна. 1991. №8.

Чурсин Г. Ф. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского историко-археологического института. 1927. Т. V. Ч. 42

Шевченко В. И. Древние верования и обряды в греческих колониях // Наука и техника. 1927. №52

Энвер Шевкет. Реликтовые представления в родильных обрядах и ритуалах крымских татар // Къасевет. 1990. №2/19.

Resume

Dmitriyeva V. A. Amulets in the Maternity and Baptismal Rite of the Greeks of the Azov Sea Littoral

The article is based on the results of field ethnographic investigations, made among the Greeks of the Azov Sea Littoral. The study deals with amulets (*oberegi*), used for protection a mother and a child in the period of birth and after it. The assemblage of the Greeks' of the Azov Sea Littoral amulets has not been preserved completely, a part of its elements has lost theirs previous sense. However the majority of amulets preserved to this day and being used at present (iron items, bread, salt, water), are probably connected with pre-Christian religious ideas and contributes to the ancient origin of these ideas. There are similar amulets in the maternity and baptismal rite of the Greeks of the Azov Sea Littoral, Crimean Tartars, Turks, Bulgarians, Gagauses, different people of the Caucasus, Ukrainians. This fact could confirm the existence of close contacts between representatives of these ethnoses in the past.

The differences in the Romei's and Urums' amulets could be explained merely by the difference in the ethnic development. Rather they appeared as a result of different complicated ethnical and cultural contacts, which were connected with location of these ethnic groups in the Crimea.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ КАРАИМСКОЙ ОБЩИНЫ г. БАХЧИСАРАЯ НАЧАЛА XX в.

В окрестностях Бахчисарая, бывшей столицы Крымского ханства, а после присоединения Крыма к Российской империи — небольшого заштатного городка, еще со времен средневековья проживала караимская община (Леви-Бабович 1913; Бейм, 1862).

На Чуфут-Кале и возможно в других предместьях города караимская община во времена Крымского ханства, играла роль своеобразного светского, духовного и религиозного центра не только для крымских караимов, но и для литовских, луцких и галичских. Неоднократны упоминания о караимах, занимавших различные должности при дворе крымских ханов. Занимались жители Чуфут-Кале торговлей, ремесленным производством и др.* До присоединения Крыма к России определенные данные о проживании караимов в Бахчисарае отсутствовали. Несмотря на то что многие караимы — жители Чуфут-Кале имели в Бахчисарае лавки и ремесленные мастерские, вследствие запрета на проживание в городе для немусульман, каждое утро они совершали путешествие в Бахчисарай, возвращаясь вечером обратно (Паллас 1884, с. 80.). В самом городе община, вероятно, возникла только после присоединения Крыма к России, когда караимы начинают понемногу покидать Чуфут-Кале и переселяться в Бахчисарай и другие города Крыма.

В XIX — нач. XX в. Бахчисарайская и Чуфут-кальская общины входили в ведомство Таврического и Одесского караимского духовного правления и относились к одному приходу. В статистических сводках данные даются совместно, хотя священнослужители, храмы и школы у них были отдельные. Своих умерших бахчисарайские караимы практически до середины XX в. хоронили на древнем кладбище в Иосафатовой долине.

Так, по данным Камерального описания Крыма 1784 г. караимские дома указаны только на Чуфут-Кале. В 1843 г. по данным Бахчисарайской Городской думы в городе и пригородах указано 534 караима, платящих подушную подать. В 1862 г. по данным ТОКДП, в Бахчисарае и Чуфут-Кале, насчитывается 504 караима (227 муж., 277 жен.), указано наличие двух каменных синагог (вероятнее всего на Чуфут-Кале), двух духовных училищ (75 учени-

* Подробнее см.: Герцен, Могаричев 1993; Герцен., Могаричев 1997, с. 23–33. Белый 1992, с. 151–163. и др.

ков, 2 учителя), четырех человек занимающих духовные должности. В 1865 г. в обеих общинах указано 458 чел., из них 221 муж., и 237 жен., 2 синагоги, 2 училища, 3 духовных лица, причем на Чуфут-Кале указано только 22 жилых дома, остальные в развалинах*. В 1887 г. численность общины составила 658 человек (258 муж., 300 жен.), 2 синагоги (по одной на Чуфут-Кале и в Бахчисарае). В 1890 г. — 575 чел. (273 муж., 302 жен.). В 1919 г. община насчитывала 211 человек (91 муж., 110 жен.), в 1921 г. — 167 чел. (72 муж. 95 жен., в 1926 г. — 144 (56 муж., 88 жен.). В первые годы советской власти численность религиозной общины при бахчисарайской кенасе (с 1921 г. и до ее закрытия в 1930 г.) составляет 62 чел. В настоящее время в Бахчисарае и Бахчисарайском районе по некоторым данным проживают около 50 караимов обоего пола (ГААРК ф. 241, оп. 1, д. 13, 53, 98, 443, 547; оп. 2, д. 52; ф. Р-663, оп. 10, д. 277, 303, ф. 489, Оп. 1, д. 1808).**

Достаточно обширные сведения о жизни караимской общины Бахчисарая в 20–30-х гг. XX в. содержатся среди документов фонда Церковного стола Крым ЦИКа хранящегося в Государственном архиве автономной республики Крым (ГААРК).

Вывявленные комплексы документов сведены в две единицы хранения и датируются 1923 и 1930 гг. Они озаглавлены: 1. «Караимское религиозное общество при кенасе гор. Бахчисарая» — (ГААРК ф. Р-663, оп. 10, д. 277); 2. «Дело № 1043 О (ликвидации***) караимской кенасы в г. Бахчисарае (помещ. использ. под типографию) по договору сдано 20/XII 23 г.» (ГААРК ф. Р-663, оп. 10, д. 303). Документы относятся к двум ключевым моментам в жизни крымских караимов первой половины XX в. во многом определивших дальнейшее развитие этноса.

В начале 20-х гг. в связи с новыми направлениями религиозной политики в СССР вся недвижимость караимских религиозных организаций Крыма и, в первую очередь, культовые здания были национализированы, а впоследствии переданы в аренду первоначально бесплатно, тем же религиозным общинам которые ими и

* Со второй половины XIX в. жители покидают Чуфут-Кале, здесь остается только несколько человек. При этом, несмотря на запустение, к началу XX в. город приобретает статус национальной святыни, поддерживаются действующие храмы, древнее кладбище.

** Подробнее о бахчисарайской караимской общине см.: Белый 1999, 2000, pp. 153–165.

*** Приписка «ликвидации» вставлено позднее.

владели до национализации.* При этом вся деятельность общин была поставлена под жесткий контроль государства.** Все члены религиозных общин в обязательном порядке заполняли подробную анкету, списки всех членов общины, ее правления, с адресами, и др. сведениями ежегодно в обязательном порядке сдавались в НКВД. Для всех общин был разработан типовой Устав. Руководство общиной возлагалось на правление. Отдельным членам общества, либо уполномоченным разрешалось собирать добровольные пожертвования для покрытия расходов, связанных с содержанием культового имущества, однако обязательные членские взносы были запрещены. На общины возлагалось содержание и ремонт культовых зданий. В течение 1921–1924 гг. таким образом были преобразованы все религиозные караимские общины караимов Крыма (ГААРК ф. Р-663, оп. 10, д. 15, 277, 303, 384, 791 и др.).

Впоследствии, в течение 1930-го г. со всеми религиозными общинами крымских караимов под теми или иным предлогами были расторгнуты договоры об аренде культовых зданий, а все движимое имущество, в том числе и предметы культа, было по большей части изъято, и вывезено на склады административного управления, а изделия из драгметаллов переданы народному комиссариату финансов, отдельные предметы попали в фонды музеев Крыма. После изъятия недвижимого и движимого имущества общин, верующие некоторое время собирались для молитвы и проведения обрядов на частных квартирах, однако зачастую это использовалось органами НКВД как повод для репрессий в отношении наиболее активных представителей общин, в результате чего доста-

* В Российской империи религиозная и, в значительной мере, светская жизнь караимов была в ведении Таврического и Одесского караимского духовного правления, ему подчинялись общины юга России и центральных областей, и Трокеского караимского духовного правления для караимов западных губерний. Во главе каждого правления стоял гахам — это была выборная должность, утверждаемая имперской властью. Гахам и ДП правление назначали и утверждали газзанов, которые вели метрические книги общин, проводили религиозные обряды и т. д., являясь при этом официальными представителями ДП на местах. Такая централизованная система управления была первоначально создана в начале XIX в., а затем в течение XIX — нач. XX в. несколько раз реформировалась. (Также см.: Белый 1996. С. 105–117). После революции ГОДКП было ликвидировано, а последний гахам С. М. Шапшала выехал в Турцию, впоследствии в Польшу.

** Деятельность культовых организаций определялась Постановлением ВЦИК и СНК от 3 августа 1922 г. и Инструкции ВЦИК от 10 июня 1922 г. о деятельности и регистрации обществ, союзов и объединений.

точно быстро видимая легальная деятельность, а во многом и религиозная жизнь большинства караимских общин Крыма, прекратилась*. В качестве альтернативы религиозным общинам в рамках программы национального строительства, НКВД Крыма на базе просоветски ориентированной национальной интеллигенции и трудящихся было инициировано создание Крым ОКО (Крымское объединение караимских общин) — национально-культурной организации светской направленности, ориентированной на органичное вхождение караимов в создающееся новое государственное устройство страны. Во время ликвидации кенас их помещения зачастую передавались под клубы и общественные здания Крым ОКО (так это было в Симферополе, Евпатории, а в Севастополе в помещении кенасы некоторое время находился совместный клуб караимов и крымчаков). К концу 30-х гг. это объединение было также ликвидировано (ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 303, 7^я, 177, 113, 243, 1049; так же см.: Кушуль 1990. с. 193–198; Бизым Йол 1927 и др.).

В составе первой из рассматриваемых нами подборок: «Караимское религиозное общество при кенасе г. Бахчисарая» (ГААРК Ф. Р-663. — Оп. 10, д. 277, 32 л.) содержится комплекс документов, относящихся к регистрации религиозной общины при бахчисарайской караимской кенасе. В составе дела: отношение начальника бахчисарайской районной милиции с ходатайством о регистрации устава бахчисарайской караимской общины; заявление общины в центральные органы Крымской АССР с ходатайством о регистрации подписавшихся (56 подписей) как членов общины (л. 2), Устав общины (приложение № 1), списки: священнослужителей общины, членов правления (приложение 2), прихожан религиозной общины (приложение 3). К делу также прилагаются 8 анкет НКВД Крымской АССР, заполненные преимущественно членами правления общины (Илья Иосифович Кальфа (л. 9–11); Моисей Абрамович Кефели (л. 12–14), Авраам Семенович Леви-Ялпачик (л. 15–17), Вениамин Ефимович Шишман (л. 18–20), Вениамин Ильич Майкапар (л. 21–23); Исак Самойлович Саппак Карабаджак (л. 24–26); Борис Ефимович Кефели (л. 27–29); Юфуда Аронович Окюз (л. 30–32).

Документы, представленные в составе подборки, позволяют рассмотреть самые различные стороны жизни караимской общины Бахчисарая. Так, согласно „Списку религиозной общины при караимской кенасе г. Бахчисарая“ (1922 г.), ее члены проживали

* Отдельные представители караимского духовенства смогли, впрочем, выехать за пределы страны.

в семи «молле»* города, расположенных преимущественно к западу от ханского дворца. Среди них: Ени (Яни)-Джами — район нынешних ул. Школьной, Октябрьской, Ленина, Эрмене Маале — ул. Горького; Шах Болат — ул. Октябрьской, Сирли-Чешме — ул. Спаи — Затрубченко — Речной; Орта-Джами — район нынешнего кинотеатра «Старт» — в прошлом мечети Орта-Джами; Арслан-Ага — район кинотеатра „Родина“, ул. Кольцевой, Танкистов, Ени-Думла (месторасположение этого прихода пока не локализовано). Документы дела дают возможность рассмотреть социальный состав общины, профессиональную и хозяйственную ориентацию. Караимская община Бахчисарая в это время состояла в основном из городских жителей, отдельные ее члены жили в сельской местности в ближайшей округе Бахчисарая, занимаясь огородничеством и садоводством, зачастую на арендуемых участках. Приписаны они, впрочем, к городским приходам. Социальный состав представлен в основном служащими, мелкими торговцами, садоводами и огородниками, многие из которых в недавнем прошлом, были служащими, а к нынешнему занятию обратились после революции 1917 г., переехав в Бахчисарай из центральных городов. Среди женской части общины в основном преобладали домохозяйки, многие члены, в основном женщины, состояли на иждивении у близких. Достаточно высок процент лиц, получивших образование.

Во втором деле содержатся документы посвященные закрытию кенасы в 1930 г. Пользуясь тем фактом, что здание кенасы пострадало во время землетрясения 1927 г., а религиозная община не в силах произвести требуемый ремонт, договор о аренде расторгают, а кенасу упраздняют. Эти действия производились в соответствии с генеральной линией на упразднения культовых учреждений (в течение 1929–1930 гг. были ликвидированы все караимские кенасы Крыма, а также большинство мечетей и церквей). При этом руководствовались секретными циркулярами и распоряжениями, в которых между прочим указывалась очередность закрытия храмов. Так, в случае с Бахчисарайской кенасой инициатива исходила от местных властей, желавших использовать здание (на него одновременно претендовали райисполком и милиция), при этом начальник Адм. Орг. Отдела НКВД Крымской АССР в секретном письме указывал что: „Ваш зап-

* Названия улиц в Бахчисарае, кроме центральной (она называлась Базарная — в настоящее время Ленина), были введены в 20–30-х гг. XX в. До этого город был разбит на «молле» — так назывались отдельные кварталы города, группирующиеся вокруг мечети и составляющие отдельную административную единицу. Называли «молле» обычно по имени мечети. В конце XIX — нач. XX в. в городе насчитывалось 32 «молле». Информация о локализации отдельных «молле» г. Бахчисарая представлена научным сотрудником БГИКЗ Ш. Сейтумеровым.

рос об использовании здания кенассы является непонятным, т. к. караимская кенасса не значится ликвидированным культовым зданием. В виду этого Адморготдел НКВД предлагает немедленно сообщить имеется ли у вас материал, позволяющий в ближайшее время ставить вопрос о ликвидации кенассы, и если таковые материалы имеются, то проработать их в порядке циркуляра № 3/VII-29 г. после чего прислать материалы в НКВД Крыма.

Вопрос о способе использования кенассы будет решен Президиумом Кр. ЦИКа при разрешении вопроса о её ликвидации." (ГААРК Ф. Р-663, Оп. 10, Д. 303, Л. 3). Используя давление на членов общины, городские власти добились акта, подписанного частью прихожан о невозможности сделать указанный ремонт здания силами общины, что и послужило формальным поводом для упразднения храма. В последствии в этом здании располагались типография, районный Дом культуры, Дом пионеров, ныне — Дом детства и юности. Религиозная община, потеряв здание храма, официально была упразднена, а со временем и прекратила свое существование.

Литература

Бейм С. Память о Чуфут-Кале. Одесса, 1862.

Белый О. Б. Караимская община Чуфут-Кале (обзор памятников и историографии)// Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Белый О. Б. Из истории караимской общины Бахчисарая // Nomos. Kwartalnik religioznawczy. NR 28/29. Krakow, 1999/2000.

Белый О. Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX в. (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ГААРК) // Крымский музей 1995–1996 гг. Симферополь, 1996.

«Бизим Иол» (Наш путь). Издание Крымского Объединения Караимских Общин. Симферополь, 1927.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор, Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Чуфут-Кале — иудейская крепость// Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь, Иерусалим. 1997.

Леви-Бабович Т. С. Очерк возникновения караимизма. Севастополь, 1913.

Кушуль С. И. Общественная жизнь караимов Крыма в 20–30-х годах // Крымская АССР (1921–1945). Симферополь, 1990.

Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. Т. 12–13. Одесса, 1884.

Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года. Симферополь, 1986.

Список административно-территориального деления Крымской области. Симферополь, 1960.

Список населенных пунктов Крымской АССР по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Симферополь, 1927.

Шайтан И. О судьбах караимских кенас в Крыму // Мещанская газета. Симферополь, 1994, 28 марта № 22 (36)

Приложение 1

Устав караимского религиозного общества в г. Бахчисарае

Симферопольского уезда Таврической губернии

г. Бахчисарай

8 января 1923 г.

Устав

Караимского кенаса* (наименование общества, согласованного с наименованием молитвенного дома или культа).

Религиозное общество в городе Бахчисарае или селе уезда Симферопольского губернии Таврической

I. Задачи общества

1. Караимское (наименование) религиозное общество имеет целью объединение граждан караимского исповедания в районе Бахчисарае (такого-то города, села или месторасположения молитвенного дома).

2. С этой целью караимское (наименование) религиозное об-во:

1). Устраивает молитвенные собрания. 2). Управляет имуществом полученным по договору от местных органов власти. 3). Заключает сделки частно-правового характера, связанных с управлением культовым имуществом. 4). Участвует в съездах религиозных обществ. 5). Назначает служителей культа для совершения религиозных обрядов.

II. Состав общества

3. Членом караимского (наименование) религиозного общества может быть каждый гражданин, принадлежащий к данному культу.

4. Зачисление в члены об-ва производится общим собранием членов общества, открытым голосованием, простым большинством голосов.

5. Выбытие из числа членов об-ва производится или по личному заявлению выбывающего или по постановлению ^{2, 3, 4} наличного числа членов общества по спискам.

6. Списки членов общества ежегодно представляются в отдел Управления Симферопольского облисполкома.

III. Средства общества

7. Отдельные члены общества или его уполномоченные могут собирать добровольные пожертвования для покрытия расходов, связанных с обладанием культовым имуществом.

* Сноски даны в конце каждого приложения.

8. Примечание: обязательных членских взносов на членов Об-
ва возложено быть не может.

Подписи:

Сия Ялпачик

Б. Ялпачик

Султан Ялпачик

Исаак

Султан ...

В. Бота

В. Казас

Б. Казас

В. Майкапар

С. ...

Я. Майтоп

А. Майтоп

А. ...

А. Кушуль

Б. Кушуль

Ю. Кушуль

С. Кушуль

С. Ага

А. Болек

Ф. Мерива

В. Мерива

А. Баккал

Э. Минешь-Коген

Б. Баккал

Т. Аппак

Штамп:

А. Ялпачик

Ю. Ялпачик

Ю. ...

В. Кефели

Ч. Кефели

Э. Кефели

Б. Кефели

С. Кефели

М. Кефели

Д. Рофе

Н. Баккал

С. Болек

А. Болек

Э. Рофе

С. Рофе

Б. Рофе

Б. Каракоз

Исаак Прик

Эстер Прик

М. Болек

Р. Баккал

Э. Форумда

С. Рофе

М. ...

М. ...

8 января 1923 г.

Утверждается в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 3 августа 1922 г. и инструкции ВЦИК от 10. VII-22 г. опубликов. в Извест. от 16. VIII-22 г. о регистрации обществ, союзов и объединений.

Подписи:

Начальник Милиции Крымской Соц Республики*⁹

Начальник Административного отдела*¹⁰

Начальник п. о. Администрации*¹¹

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 277, л. 3, оригинал,
на типографском бланке, подписи автографы.

*⁹ Документ на типографском бланке, от руки вписаны данные по общине, их мы выделяем шрифтом.

*¹⁰ Подпись неразборчива.

*¹¹ Фамилия неразборчива.

*¹² Фамилия неразборчива.

*¹³ Фамилия неразборчива.

*¹⁴ Фамилия неразборчива, авторское прочтение — "Оксюз".

*¹⁵ Др. еврейской графичкой, скоропись, неразборчиво.

*¹⁶ Две последние фамилии неразборчивы.

*¹⁷ Подпись неразборчива, фамилия не указана.

*¹⁸ Подпись неразборчива, фамилия не указана.

*¹⁹ Подпись неразборчива, фамилия не указана.

Список правления Бахчисарайской
карамской религиозной общины

г. Бахчисарай

1823 г.

Список
членов правления Бахчисарайской карамской общины

Имя отчество и фамилия	Местожи- тельство	Социальное положение	Обществ. и служебное положение во врем. 1914 г.	Принадлежность к какому-нибудь сезонно до революции	Имуще- ственное положение	Время прописки к данному религи- озному культу
1 Борис Ефимович Кефели	Шах-Болат 8	торговец	учился	мещанин	служит	со дня рождения
2 Михаил Абрамович Кефели	Эрмак мила 23	служащий	служил	мещанин	служит	со дня рождения
3 Абрам Самойлович Ялчаник	Эрмак мила 29	садовод	учился	мещанин	ничего не имеет	со дня рождения
4 Юфуда Аронович Оксюз	Эрмак мила 29	торговец	служил	мещанин	торговлю	со дня рождения
5 Венедикт Ефимович Шиман	Эрмак мила 26	служащий	служил	мещанин	служит	рождения со дня
6 Венедикт Ильич Майтон	Орт-Джам 7	служащий	служил	мещанин	служит	рождения со дня
7 Илья Осипович ...	Ени-Джам	огородник	служил	мещанин	ничего не имеет	рождения со дня

Подписи: Председатель В. Шиман
Секретарь А. Ялчаник

ГААРК. ф. Р-663. оп. 10. д. 277. л. 6. оригинал, на типографском бланке.

*Фамилия неразборчива, в «Списке прихожан Бахчисарайской карамской общины» (см. далее) под № 62 по адресу Ени-Джам 29 числится Илья Иосифович Килдун, видимо здесь имеется в виду он.

Список прихожан Бахчисарайской караимской религиозной общины
г. Бахчисарай

Приложение 3

1823 г.

Имя, отчество и фамилия	Место жительства	Социальное положение	Обществ. и служебное положение по през. 1914 г.	Принадлежность к какому-нибудь сословию до революции	Имущественное положение	Время вхождения к данному религиозному культу
1	2	3	4	5	6	7
1 Давид Яковлевич Рофе	Орта-Джами 18	торговец	торговец	мещанин	домохозяин	со дня рождения
2 Сарра Семёновна Рофе	Сурта-Джами 18	пхедженка* мужа	домохозяйка	мещанка	домохозяйка	со дня рождения
3 Сарра Исаковна Рофе	Орта-Джами 2	пхедженка дочери	домохозяйка	мещанка	имеет дом	со дня рождения
4 Естер Абрамовна Рофе	Орта-Джами 2	служит милиции	учитель	мещанка	ничего	со дня рождения
5 Бобуш Абрамовна Рофе	Орта-Джами 2	живет при матери	учитель	мещанка	ничего	со дня рождения
6 Иним Исаковна Бакал	Орта-Джами 2	акушерка	акушерка	мещанка	дом	со дня рождения
7 Исак Абрамович Прик	Орта-Джами 1	садоводство	садоводство	мещанин	сад и дом	со дня рождения
8 Естер Давидовна Прик	Орта-Джами 1	пхедженка мужа	домохозяйка	мещанка	сад и дом	со дня рождения
9 Татьяна Моисеевна Ашак	Орта-Джами 23	пхедженка сына	домохозяйка	мещанка	ничего	со дня рождения

1	2	3	4	5	6	7
10) Сарра Самойловна Болек	Арслан-Ага 162	пжденка сына	домохозяйка	меченка	ничего не имеет	со дня рождения
11) Самуил Семенович Болек	Арслан-Ага 162	торговец	служил	меченин	торговлю	со дня рождения
12) Борис Семенович Болек	Арслан-Ага 162	служивший	служил	меченин	ничего не имеет	со дня рождения
13) Абрам Семенович Болек	Арслан-Ага 162	инвалид	на издв.	меченин	ничего не имеет	со дня рождения
14) Мария Семеновна Болек	Арслан-Ага 162	пжден. брата	домохозяйка	меченика	ничего не имеет	со дня рождения
15) Фруда Исаковна Мерина	Ели-Джами 61	пжден сына	домохозяйка	меченика	ничего не имеет	со дня рождения
16) Вера Абрамовна Мерина	Ели-Джами 61	пжден. сына	домохозяйка	меченика	ничего не имеет	со дня рождения
17) Носиф Исакович Мечен-Коген	Шах Болат 38	пжден. брата	бесработный	меченин	ничего не имеет	со дня рождения
18) Эфимир Исакович Мечен-Коген	Шах Болат 38	пжден. брата	домохозяйка	меченика	ничего не имеет	со дня рождения
19) Александра Исаковна Баккал	Шах Болат 38	пжден. сестр.	домохозяйка	меченика	ничего не имеет	со дня рождения
20) Султан Ефимович Кефели	Шах Болат 8	пжден. сына	домохозяйка	меченика	ничего не имеет	со дня рождения
21) Эфимия Борисович Кефели	Шах Болат 8	содовод	содовод	меченин	ничего не имеет дом	со дня рождения

1	2	3	4	5	6	7
22 Мария Борисовна Кефели	Шах Болат 8	псевд. брата	домохозяйка	женщина	ничего	со дня рождения
23 Борис Ефимович Кефели	Шах Болат 8	торговец	учился	женщина	не имеет	со дня рождения
24 Илья Абрамович Бакаст	Ени-Джам 41	торговец	служил	женщина	ничего	со дня рождения
25 Рахель Носифовна Бакаст	Ени-Джам 41	псевд. мужа	домохозяйка	женщина	не имеет	со дня рождения
26 Стира Ароновна Фурюза	Ени-Джам 45	псевд. брата	домохозяйка	женщина	не имеет	со дня рождения
27 Самуил Ильич Ага	Ени-Джам 29	огородник	садоводство	женщина	дом	со дня рождения
28 Анна Павловна Волек	Ени-Джам 29	псевд. детей	домохозяйка	женщина	дом	со дня рождения
29 Бекен Ильинича Кушуль	Ени-Джам	псевд. детей	домохозяйка	женщина	ничего	со дня рождения
30 Анна Моисеевна Кушуль	Ени-Джам 29	служанка	училась	женщина	не имеет	со дня рождения
31 Сарра Моисеевна Кушуль	Ени-Джам 29	служанка	училась	женщина	ничего	со дня рождения
32 Юфудз Моисеевич Кушуль	Ени-Джам 29	учащийся	учился	женщина	не имеет	со дня рождения
33 Елизавета Борисовна Кефели	Эрмене Масде 23	псевд. сына	домохозяйка	женщина	ничего	со дня рождения

1	2	3	4	5	6	7
34 Михаил Абрамович Кефели	Эрмине Мадде 23	служащий	служащий	мещини	ничто не имеет	со дня рождения
35 Сарра Абрамовна Кефели	Эрмине Мадде 23	пудев. брат	домохозяйка	мещинка	ничто не имеет	со дня рождения
36 Анна Абрамовна Кефели	Эрмине Мадде 23	пудев. брат	училась	мещинка	ничто не имеет	со дня рождения
37 Эмилия Абрамовна Кефели	Эрмине Мадде 23	пудев. брат	училась	мещинка	ничто не имеет	со дня рождения
38 Симла Юфудович Ялчанк	Эрмине Мадде 29	торговец	торговец	мещини	ничто не имеет	со дня рождения
39 Султан Ильичича Ялчанк	Эрмине Мадде 29	пудев. мужа	домохозяйка	мещинка	дом	со дня рождения
40 Юфуда Симович Ялчанк	Эрмине Мадде 29	торговец	учился	мещини	ничто не имеет	со дня рождения
41 Абрам Симович Ялчанк	Эрмине Мадде 29	садовод	учился	мещини	торговлю	рождения со дня
42 Бекеть Симович Ялчанк	Эрмине Мадде 29	пудев. отца	домохоз	мещини	ничто не имеет	рождения со дня
43 Юфуда Аронович Оксюз	Эрмине Мадде 26	торговец	служ.	мещини	ничто не имеет	рождения со дня
44 Бубуш Вешамшинович Оксюз	Эрмине Мадде 26	пудев. мужа	служ.	мещини	торговлю	рождения со дня
45 Анна Борисовна Оксюз	Эрмине Мадде 26	пудев. сына	домохоз	мещинка	ничто не имеет	рождения со дня

	1	2	3	4	5	6	7
46	Прасковья Ароновича Оксюз	Эрмене Маале 26	иждев. брата	домохоз	мещанка	ничего	со дня рождения
47	Ефет Чифаньевич Майтон	Сирли Чешме 83	комиссионер*2 по мелоч.	комиссионер	мещанин	ничего	со дня рождения
48	Акиба Носифовна Найтон	Сирли Чешме 83	иждев. мужа	домохозяйка	мещанка	ничего	со дня рождения
49	Носиф Веняминович Аксуяк	Арслан-Ага 152	служащий	служащий	мещанин	ничего	со дня рождения
50	Носиф Самойлович Мангуби	Арслан-Ага 163	безработн.	служащий	мещанин	ничего	со дня рождения
51	Исак Самойлович Сапак	Орта-Джами 7	глаш. кнасы	служ.	мещанин	ничего	со дня рождения
52	Султан Давидович Сапак	Орта-Джами 7	иждев. мужа	домохоз.	мещанин	ничего	со дня рождения
53	Бераха Давидович Караков	при кенжа	иждев. общины	служащ.	мещанин	ничего	рождения
54	Вера Давидовна Бота	Орта-Джами 7	иждев. зятя	домохоз.	мещанка	ничего	рождения
55	Венямин Авишаевич Касае	Шах Болат 44	торговц.	торговлю	мещанин	ничего	со дня рождения
56	Бачева Гелевни Касае	Шах Болат 44	иждев. мужа	домохозяйка	мещанка	дом	со дня рождения
57	Софья Веняминовна Касае	Шах Болат 44	служащ.	училась	мещанка	ничего	со дня рождения

Окончание приложения 3

1	2	3	4	5	6	7
58. Ветханын Ефремович Шиндэн	Эрмене Мэаде 12	служит	служил	мелкий	ничего не имеет	со дня рождения
59. Анна Марковна Шиндэн	Эрмене Мэаде 12	преж. мужа	домохозяйка	мелкая	ничего не имеет	со дня рождения
60. Акиппа Абрамовна Анак	Ени Дулма 46	бесработная	домохозяйка	мелкая	ничего не имеет	со дня рождения
61. Ветханын Ильич Найкасар	Орта-Джамин 7	служащий	служащий	мелкий	ничего не имеет	со дня рождения
62. Илья Иосифович Кладун	Ени-Джамин 29	огородник	служил	мелкий	ничего не имеет	со дня рождения

ГАРК ф. Р-663, оп. 10, д. 277, л. 7-8, оригинал, на типографском бланке.

*1 Здесь и далее по тексту.

*2 Так в тексте.

Анкета НКВД Крымской АССР для вступающих в члены религиозной общины, заполненная членом Бахчисарайского караимского общества Ильей Иосифовичем Кальфа

28 июня 1923 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КР. С. С. Р.

Перед заполнением ознакомиться с анкетой

АНКЕТА

Для гражданина вступающего в ряды И. Кальфа
общества округ Симферопольской
Город Бахчисарай Шури деревня

Вопросы	Ответы ^{*1}
1	2
1. Имя, отчество и фамилия	Илья Иосифович Кальфа
2. Год месяц и день рождения	родился 1887 году мая 18 дня
3. Место рождения (город, деревня, уезд, губерния)	Родился в г. Бахчисарае Таврич. губернии
4. Образование (домашнее, низшее, среднее и высшее, точно указать окончили ли какое именно учебное заведение)	окончил 4 классная город училище.
5. Национальность	Караимская
6. Основная профессия: а) до Октябрьской революции в) после Октябрьской революции до настоящего времени	Огороднич. и по садоводству временами служил приказ. на гильзовой фаб. и таб. магазине сажаю огород и обрабатыв. арендов. сад
7. Родной язык	татарский
8. Владеет ли другими языками; если да, то какими.	Владею русским языком
9. Партийная принадлежность и с какого времени	беспартийный
10. Какой партии сочувствует	РКП
11. Семейное положение и сколько членов семьи на Вашем иждивении нетрудоспособных.	пять душ Сам холост

1	2
12. Ваше бывшее сословие	Мещанин
13. Где находятся Ваши родные (указать их точный адрес)	в дер. Шури ^{*2} Удусальской волости
14. Кто Ваши родители (дворяне, крестьяне, рабочие, их имя, отчество и фамилия)	мать мещанка
Ваше имущественное положение и Ваших родных (в чем именно оно выражалось до 1917 г.)	никаких движимых и недвижимых имуществ не имел
16. Ваше имущественное положение и Ваших родных в настоящее время: а) стоимость недвижимого имущества по расценке комунхоза (или по Вашей приблизительной расценке в золотых руб.) б) стоимость движимого в) оклад жалования, получаемого по службе	тоже ничего не имеем кроме маленького огорода и арен. сада в 7,5 десятины служу секрет. в дер. Шурю получаю двести руб. в месяц
17. Пользовались ли Вы или Ваши родители или пользуются наёмным трудом	не пользовались и не пользуются
18. На какие средства Вы или Ваши родители существовали и существуете сейчас.	Служил или сажал огород с этого жили и живём
19. Где Вы были и чем занимались: а) до 1914 года б) с 1914 года до Февральской революции в) со времени Февральской революции и до Октябрьской революции г) с 1919 г. по настоящее время	В Петрограде служил на гильзово-й фабрике мобилизов. служил на военной службе жил в дер. Шури тоже в дер. Шури
20. Где были и чем занимались	

1	2
Ваши родители и ближайшие родственники: а) до 1914 года б) с 1914 года до Февральской революции в) со времени Февральской революции и до Октябрьской революции	жили со мной тоже со мной тоже со мной
г) с 1919 г. по настоящее время 21. Указать местность (города, дер.) в конх Вы проживали выше 1/2 г.	тоже со мной Петрограде. Бахчисарае и в дер. Щури
22. Почему и когда прибыли в Крым	прибыл в Крым 1918 г. после демобилизации армии
23. Служили ли Вы или кто-либо из Ваших родственников в старой армии, где, когда и в каком чине, где находятся и служат теперь: если не служат то чем занимаются	сам служил в старой армии рядовым, а родственники — девушки и малолетние мальчики.
24. Кто из родственников или Вы служили в Красной армии, где, когда и сколько времени (при этом указать: добровольно или по мобилизации).	В Красной Армии никто не служил
25. Служба в белой армии, где, когда, сколько времени и в каком чине (при этом указать: добровольно ли или по мобилизации).	Тоже никто не служил
26. Где вы были прописаны по сословной и военной приписке	в городе Феодосии Таврич. губер.
27. Кто из ближайших родственников проживает за границей и причины их пребывания за границей.	Никто из родных за границей не проживает
28. Имеете ли Вы сношение с Вашими родственниками, нахо-	Никто не проживает, а потому никаких сношений не имею

1	2
дядиными за границей, и в чем эти сношения заключаются	
29. Служили ли на государственной службе и какую занимали должность:	служил в старой армии писарем
а) при царской власти	нет
б) при белогвардейской власти	нет
в) при советском строе	демобилизовали в 1918 году
30. Причины оставления службы и время оставления её	состоял членом Бахчисар. проф. Союза
31. Состоите или состояли членом профсоюза какого, где, когда и сколько времени	приказ. *3 / , года
32. Были ли Вы или Ваши родственники под судом или следствием; если да, то в чем именно обвинялись.	Я и мои родств. подсуд. и след. не были
33. Оправданы ли Вы были по суду или же признаны виновным, в последнем случае укажите: род и размер понесенного Вами или Вашими родственниками показания по приговору суда, какими и где.	
34. Подвергались ли административным взысканиям, когда и за что	нет
35. Указать детально, какие Вы цели преследуете вступлением в общество.	Преследую цель помощи беднейшим членам общества.
36. Ваш точный адрес (где Вы в настоящее время проживаете).	дер. Щурн Улусальский сельсовет (Бахчисарайский район)

Примечания: при перемене адреса квартиры, обязуюсь явиться для дачи об этом сведения в учреждение, по предложению которого заполнял анкету.

На все вопросы должны быть даны ясные и точные ответы: вся-

кий уклончивый ответ влечет за собой привлечение виновного к строжайшей ответственности.

Июня 28 дня 1923 года

Подпись заполняющего анкету

Подпись: ...^{*4} И. Кальфа

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 277, л. 9-11, оригинал, на бланке
НКВД Крымской ССР, подпись автограф.

^{*1} Документ на типографском бланке, полужирным шрифтом даются данные бланка, обычным — вписанное от руки.

^{*2} Пыне с. Кудрино Верхореченского с. с Бахчисарайского р-на, с. Уду-Сала — Синашное (по: Спирок... 1927; Спирок... 1960; Крымская... 1986).

^{*3} Видимо, приказчиков.

^{*4} Подпись неразборчива.

Приложение 5

Акт осмотра караимской кенасы г. Бахчисарая
комиссией в составе: зав. столом религиозных культов
при Бахчисарайском отделе Бен Сента, секретаря
городского совета Закирова Э. А., члена гор. совета
Зинченко И. В., городского техника Никопольского А. А.,
в присутствии представителей караимской религиозной
общины Майтона Э. Ч. и Ялпачика С. Ю.

г. Бахчисарай

2 января 1930 г.

Акт

1930 года февраля 16 дня Мы нижеподписавшиеся, завед. столом Религиозных культов при Бахчисарайском отделе т. Бен Сент, секретарь горсовета т. Закиров Э. А., член Горсовета т. Зинченко И. В. и гортехник т. Никопольский А. А. в присутствии представителей религиозного объединения караимской кенасы в Бахчисарае гр-не Майто Э. Ч. и Ялпачик С. Ю. осмотрели здание кенасы с целью определения необходимого ремонта, при чем нашли следующее:

1. Капитальное здание кенасы, сложенное из штучного камня, под влиянием неравномерной осадки после постройки и землетрясения в 1927 году дало в нескольких местах глубокие сквозные трещины во всю высоту здания. В особенности эти трещины видны на западной стене здания где они проходят посередине оконных проемов^{*1}.

2. Каменные перемычки над окнами повреждены а некоторые камни осели.

3. Штукатурка потолка, а частью и стен, имеет по всей поверхности многочисленные трещины.

4. Черепичная кровля растроена и требует сплошной прокладки на растворе.

Принимая во внимание вышеизложенное, комиссия находит необходимым, исполнение следующего ремонта для сохранения здания:

1. Вместо каменных оконных перемычек, дающих распор, уложить железо-бетон перемычки над всеми окнами или устроить сплошной железо-бетонный пояс на высоте перемычек.

2. Отбить отстающую штукатурку стен и потолков и вновь оштукатурить потолок и часть стен.

3. Переложить черепичную кровлю над всем зданием с подмазкой гребней и крайних рядов, а также всей поверхности ...^{*2} известковым раствором.

4. Исправить водосточную систему.

5. Побелить все помещение внутри за 2 раза известью.

Означенный ремонт ориентировочно обойдется в сумму до 2000 рублей (две тысячи рублей) о чем и составлен настоящий акт. Технически необходимый срок для выполнения ремонта 1-1¹/₂ мес.

Зав. отделом религиозных культов

Срок ...^{*3} 20/1 - 30 г.

Подписи:

... (Бен Сент)

Секретарь горсовета ... (Закиров)

Член Горсовета ... (Зенченко)

Гор. техник ... (Никопольский)^{*4}

Присутствовали и копии акта получили:

Члены религиозной общины: Я. Майтоп, С. Ялпачик

Подписи:

(Бен Сент)

(Закиров)

(Зенченко)

(Никопольский)

Я. Майтоп, С. Ялпачик

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 303, л. 6, оригинал.

^{*1} Вышеуказанные трещины и сейчас заметны на западном фасаде здания кенасы.

^{*2} Неразборчиво, слово и предлог 7 букв, авторское прочтение «в клетку».

*¹ Неразборчиво, слово, 5 букв, авторское прочтение «ответа».

*⁴ Все подписи неразборчивы, фамилии даны в скобках.

Resume

Beliy O. B. The Documents on the History of the Karait Community of Bakhchisaray in the Beginning of the 20th century

The article contains the observation of the documents from the State Archive of the Autonomous Republic of the Crimea. They deal with the two stages of life of the Bakhchisaray Karaites. The first group of the documents describes the registration of the community (the charter, lists of the members of the community, questionnaires), the second deals with the events that finally caused the liquidation of the community and closing the *kenassa*.

В. Г. Зарубин

ОБ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ КОНФЛИКТЕ В КРЫМУ (1918 г.)*

С началом Гражданской войны в Крыму (декабрь 1917 г.) на полуострове усложняются межнациональные проблемы. Так, стремление крымских татар к созданию собственной государственности вызвало в целом негативную реакцию со стороны других этносов края. (26 ноября (9 декабря) 1917 г. начинает работу крымскотатарский Курултай (съезд), сформировавший 13(26) декабря национальное правительство — Директорию (совет директоров), провозгласивший создание Крымской Демократической (Народной) Республики и утвердивший ее конституцию — «Крымскотатарские Основные Законы» (Зарубин 1996, с. 24–27; Зарубин 1999)).

Правда, различные политические силы Крыма, несмотря на разногласия, сумели сблизиться на антибольшевистских позициях. Представители крымских татар, как и представители от великороссов, украинцев, евреев и крымчаков, немцев, греков, армян, эстонцев вошли в Таврический губернский совет народных представителей (СНП), объединивший разные партии, кроме крайне левых и кадетов, объявивший себя временной властью в губернии (Зарубин 1997, с. 435). (Хотя согласно III Универсалу Центральной Рады [7 (20) ноября 1917 г.], провозгласившему создание Украинской Народной Республики (в составе Российской федерации), три северных (материковых) уезда Таврической губернии, но «без Крыма», включаются в состав УНР).

* Автор выражает признательность историку А. В. Ефимову, кандидату исторических наук А. Г. Зарубину и краеведу И. В. Москуну за помощь, оказанную при подготовке этого материала.

Большевики же на своей II конференции (съезде) Таврической губернии 24 ноября (7 декабря) в Симферополе, не признавая ни Директории, ни СНП, принимают решение о возможности проведения референдума об автономии Крыма. Правда, ничего не сделав для воплощения этой идеи в жизнь, и в последующем о нем уже не вспоминая.

СНП и Директория опираются на части Крымского революционного штаба (Штаб крымских войск) под командованием полковника Макухина и директора по внешним (на самом деле внутренним) и военным делам, одного из лидеров крымскотатарского национального движения Дж. Сейдамета, основу которых составляют крымскотатарские кавалеристы-эскадронцы. Штаб спешно вербует добровольцев — русских офицеров, крымских татар, формируются греческий батальон, еврейский отряд, армянская и польская роты (в целом эти вооруженные силы насчитывали примерно шесть тысяч человек). Но по свидетельству П. Н. Врангеля, проживавшего в данное время в своем имении под Ялтой и приглашенного возглавить собираемые силы, ситуация в военных делах была далека от совершенства. Он вспоминал: «В Симферополе, столице Крыма, застал я оживление необычайное: шла регистрация офицеров; какие-то совещания, непрерывно заседали разные комиссии. Начальник штаба полковник Макуха (Макухин. — Авт.) произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главноверх, так же как и коллега его в Петербурге, мыслил иметь армию демократизированную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сейдаметом (Дж. Сейдаметом. — Авт.), я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях, я принять предлагаемую мне должность не могу». Оставшись по его просьбе на совещании, где обсуждался план захвата Севастополя, Врангель, как и большинство военных, включая Макухина, выступил против, что, впрочем, не помешало Сейдамету попытаться осуществить задуманное (Врангель 1992, с. 82–83).

В конце 1917 – начале 1918 г. бои прокатились по Ялте, Керчи, Феодосии, Симферополю, произошли под Севастополем, у станций Сюрень (ныне Сирень), Альма (Почтовая), других местах. В условиях, когда все решает сила, обе стороны не гнушаются кровавыми расправами. Политические и социальные противоречия зачастую переплетаются с этническими.

Председатель Директории муфтий Ч. Челебиев склоняется к поиску компромиссов с крайне левыми, но в состоянии острейшего душевного кризиса 2(15) января 1918 г. отдает приказ эскадронцам за-

нять Народный дом в Симферополе, где размещались различные общественные и политические организации, под резиденцию национального правительства, заявив о претензиях крымских татар на всю полноту власти в Крыму. Последовали протесты профсоюзов, СНП, Штаба крымских войск. Под давлением делегатов Курултая ему пришлось подать в отставку с поста председателя Директории. Эту должность занимает Дж. Сейдамет (Королев 1994, с. 52–53).

Межэтнические, по существу во многих случаях бытовые, конфликты обостряются. Так, татарское население, спасаясь от обстрела корабельной артиллерии черноморцев, покидает деревни Дерекой и Ай-Василь (ныне входящие в территорию г. Ялты), уходя в Бюк-Озенбаш (с. Счастливое Бахчисарайского района). Имущество и дома ушедших грабят «ялтинские, балаклавские «босяки», аутские, балаклавские греки... и жители Дерекоя — русские» (ГААРК ф. 483, оп. 4, д. 1285, л. 9, об. 10). Участник событий грек П. К. Харламбо объяснял случившееся побуждениями, «проистекавшими из племенной вражды греков к татарам» (Там же л. 87, об.).

Антитатарская риторика присутствует в большевистских воззваниях. «Худшими временами самодержавия грозит нам военная диктатура татар, вводимая с согласия Центральной Рады», — можно прочесть в них (Борьба за Советскую власть в Крыму 1957, с. 154). Подобные взгляды находят широкое распространение, о чем сообщает Н. П. Врангель. «Мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами», — успокаивал его один из матросов. «Мы только с татарами воюем», — сказал другой. «Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...» (Врангель 1992, 85).

Согласно документальным свидетельствам, крайне левых активно поддержала часть греческого населения, в основном из района Балаклавы и Южного берега, среди которого было немало рыбаков, лодочников, ремесленников, чернорабочих, падких на большевистскую риторику. В национальных устремлениях крымских татар греки (а среди них имелись и переселившиеся из Турции, спасавшихся от резни христиан, устроенной тамошними властями) с соответствующими настроениями и игравшие немаловажную роль в происходящем, могли увидеть угрозу своим правам.

Части Штаба крымских войск были разбиты. Почти все его члены, включая полковника Макухина, схвачены и расстреляны. Дж. Сейдамет, бросив остатки эскадронцев, бежал в Турцию. Ч. Челебиев арестован в Симферополе и отправлен в севастопольскую тюрьму. Курултай, Директория и СНП распущены.

В Крыму устанавливается диктатура. Террор, стихийные вспышки которого, чинимые группами анархизирующих элементов, в основном в отношении офицеров, имевшие место еще в декабре 1917 г. (Урановский 1923, с. 34–39), с февраля 1918 г. принимают организован-

ные формы. Кровавой трагедией стали дни 22–24 февраля. В различных городах Крыма были убиты, зачастую зверски, сотни людей, в том числе Ч. Челебиев, художник М. М. Казас, общественный деятель Г. А. Бронштейн, инженер Долин, офицеры, представители имущих слоев и духовенства (Зарубин 1995, Зарубин, Зарубин 1994, с. 31–33).

Новая власть не была принята большинством крымских татар. Хотя в большевистско-левоэсеровской по составу Совете Народных Комиссаров Социалистической Советской Республики Тавриды (19 марта — конец апреля 1918 г.) включены два татарина — И. К. Фирдевс (Керимджанов), первый большевик из крымских татар (нарком иностранных дел и по делам национальностей), и И. С. Идрисов, его помощник — решению национальных проблем места практически не уделялось (Габриелян, Ефимов, Зарубин 1998, с. 35). Правда, в составе наркомата имелся комиссариат по крымско-мусульманским делам (но он лишь приступил к созданию подобных комиссариатов в городах, уездах и волостях), который оказывал финансовую поддержку крымскотатарским учебным заведениям, пытался начать формирование интернациональных отрядов Красной Армии (Дубко 1999, 162–163). Наркомат предлагал переводить на татарский язык важнейшие декреты и приказы (Советов, Атлас 1933, с. 28–29). Организовывались комиссариаты по армянским и польским делам (Фирдевс 1923, с. 63). В отношении других национальностей, проживающих на полуострове, каких-либо мер вообще не принималось. Фирдевс констатировал: «Работа среди национальных меньшинств почти отсутствовала. Большевиков из национальных меньшинств было крайне мало: чуть ли во всем Крыму был всего в организации один татарин...», т. е. сам Фирдевс (Там же с. 58). Вызывали недовольство, разумеется не только татарского населения, также конфискации, огульная национализация, затяжка с решением аграрного вопроса и т. д. Однако в работе Таврического губернского съезда Советов (7–10 марта) участвовало до 120 татар (из примерно 700 делегатов), убежденных Фирдевсом поддержать большевистские резолюции (Там же с. 61). Правда, ни один из них в состав Таврического ЦИК избран не был.

Межнациональные отношения в Крыму оставляли желать лучшего. Стычки на национальной почве продолжались. Особенно серьезным было положение в горных районах, где подавляющую часть населения составляли крымские татары. Следует отметить, что здесь же, не сложив оружия, укрылись значительные группы эскадронцев и офицеров, как писал впоследствии Дж. Сейдамет, «выжидая соответствующего момента, чтобы изгнать захватчиков» (Sejdamet 1990, s. 77). По свидетельству очевидца и участника событий Османа Исмаилова из д. Корбеклы (с. Изобильное Алуштинского горсовета)

«стремление освободиться от ига большевиков и подготовка в этом направлении у нас были и раньше. Дней за 10–20 до ухода большевиков об этом шли разговоры. Еще тогда высказывались мысли относительно нападения на Алушту» (Выписки из протоколов следственной комиссии Крымского парламента (курултая) 1933, с. 65). Поручик Мухтар Хайретдинов рассказывал следственной комиссии Курултая (создана в мае 1918 г. для расследования произошедших событий и выяснения размеров понесенных убытков; полных ее протоколов не сохранилось), что он и его единомышленники, скрывавшиеся в д. Кучук-Узень (с. Малореченское Алуштинского горсовета), развернули антибольшевистскую агитацию. «Население постепенно стало приходить в себя и организовываться». Народ «не забыл нанесенной ему обиды и жаждал мести». Некоторые готовили «списки русских, греков, армян и татар, провинившихся в сознательном или несознательном сочувствии большевикам в дни январских и февральских событий». Сам Хайретдинов при подходе германских войск к полуострову направляется в сторону Судака и ведет работу среди жителей деревень Туак (с. Рыбачье), Ускут (с. Приветное; оба — Алуштинского горсовета), Капсихор (с. Морское), Кутлак (с. Веселое), Таракташ (с. Дачное; все — Судакского горсовета), стараясь привлечь на свою сторону находившихся здесь русских офицеров (Там же с. 89–90, 92–93). У заговорщиков имелись контакты с Алуштой, Бахчисараем, Симферополем, другими населенными пунктами. Оказавшийся среди них мурзак, штабс-ротмистр Селим Муфти-заде, ставший вскоре играть видную роль и претендовавший на пост будущего генерал-губернатора (муфтием предлагалось избрать доктора Руستمбекова, военным министром и главнокомандующим назначить полковника Достовалова, ранее служившего в Штабе крымских войск, или Хайретдинова) настойчиво предлагал занять своими силами Симферополь. Однако «курултаевец» Хайретдинов и его сторонники рассчитывали выступить только когда начнется отход большевиков (Там же с. 94–98).

Стоило германским войскам и частям Центральной Рады провратиться на Перекопе, как на побережье от Судака до Ялты и в горах стычки перерастают в вооруженные выступления. В 20-х числах апреля разгорается крымскотатарское восстание, называемое самими участниками «народной войной» (ГААРК ф. 483, оп. 4, д. 1219, л. 2). С гор спускаются эскадронцы и офицеры, увлекая за собой местное население. К выступлению против большевиков призывали и просочившиеся на побережье эмиссары наступающих внешних сил. Одновременно в степном Крыму на красные части нападают вооруженные отряды немцев-колонистов, снабжая наступающих сведениями разведывательного характера (Вольфсон 1939, с. 13). В Симферополе «стала сильно проявлять себя антисемитская агитация» (Фирдевс

1923, с. 64). Очевидец событий князь В. А. Оболенский отмечал: «Впоследствии, ознакомившись с политикой немцев в Крыму, я понял, что это восстание было делом рук немецкого штаба. Немцам, стремившимся создать из Крыма самостоятельное мусульманское государство, которое находилось бы в сфере их влияния, нужно было, чтобы татарское население проявило активность и якобы само освободило себя от «русского», т. е. большевистского ига. Из победоносного восстания, естественно, возникло бы татарское национальное правительство и немцы делали бы вид, что лишь поддерживают власть, выдвинутую самим народом. Вероятно эти соображения заставили их выжидать в Симферополе результатов татарского восстания» (1994, с. 74). Впрочем, если у германского командования и имелись подобные планы, после захвата полуострова оно проводило иную политику (Зарубин, Зарубин 1995; Зарубин, Зарубин 1997, с. 101–138; Зарубин, Зарубин 1999, с. 101–102; Зарубин 1999, с. 65–67).

Восставшие утвердились в Корбеклы (Корбеке), Кучук-Узене, Шуме (Верхняя и Нижняя Кутузовки), Демерджи (с. Лучистое), Биюк-Ламбате (с. Малый Маяк, все — Алуштинского горсовета), Алуште, где были организованы их штаб во главе с Селимом Муфти-заде, мусульманский комитет, председателем которого избрали М. Хайретдинова, и вместе с проникшими на побережье украинскими военными двинулись в сторону Ялты, занимая расположенные здесь населенные пункты (вплоть до Никиты и Массандры). Они также контролировали деревни Коуш (с. Шелковичное), Улу-Сала (с. Синапное), Шуру (с. Кудрино, все — Бахчисарайского района) и др., захватывают Судак, Старый Крым, Карасубазар (Белогорск). Выступление повстанцев произошло также в Феодосии. 21 апреля у д. Биюк-Ламбат они задержали некоторых руководителей Республики Тавриды, которые в ночь с 23 на 24 апреля почти все погибли.

Татары обрушили свой гнев не только на большевиков, но и на местных христиан, особенно греков, отождествляя с ними правящий режим. И вновь давние ссоры приводили к кровавым драмам. Поводом к ним могло стать все, что угодно — в Гурзуфе, например, пристройка к дому, закрывающая вид на мечеть (Греки в истории Крыма 2000, с. 56).

Полностью была сожжена греческая деревня «Акузой» (так в источнике), ее население, включая детей, вырезано. Это стало сигналом, «по которому началась резня греков, русских, армян и в других деревнях на территории восстания» (Выписки из протоколов 1933, с. 72, примечание). «В деревнях Кучук-Узень, Алушта, Корбек, Б.-Ламбат, Коуш, Улу-Сала и многих других расстреливают и истязают десятки трудящихся русских, греков и т. д. В эти дни в алуштинской больнице была собрана целая коллекция отрезанных ушей, гру-

дей, пальцев и пр.» (Тархан 1933, с. 16) Заместитель председателя Таврического ЦИК Иван Семенов (левый эсер), чудом избежавший смерти во время расстрела руководителей Республики Тавриды, позже писал: «Ночью с 23 на 24 апреля русские, жившие в окрестностях Алушты, подверглись нападению со стороны татар, было вырезано несколько семейств, всего около 70 человек. Русские жители, пережившие ужасную ночь, к следующей ночи стали собираться группами и вооружаться, чтобы защититься в случае повторного нападения» (1923, с. 122).^{*} (Татары, дававшие показания следственной комиссии Курултая, отрицают факт организованных массовых расправ).

География этноконфессионального конфликта, видимо, была шире, чем обычно представляется в литературе. О насилиях чинимых вооруженными татарами над христианами в д. Скеля (с. Родниковское Севастопольского горсовета), рассказывала уроженка этих мест гречанка Е. С. Якушечкина (Дженевиз) 1906 г. р. Уроженец Варнутки (с. Гончарное Севастопольского горсовета) грек А. Г. Георгопуло 1908 г. р. вспоминал, что христианское население этой деревни, заранее предупрежденное местными татарами, объединившись, сумело дать отпор прибывшему небольшому татарскому отряду (данные краеведа И. В. Мосхури).

Однако большевики еще были способны к сопротивлению. Их пулеметы у Массандры остановили эскадронцев, уже готовящихся по авантюрному приказу Муфти-заде наступать на Ялту. К этому времени из Севастополя сюда прибыл миноносец с десантным отрядом, который вместе с местными красногвардейцами, двинулся на Алушту. 23 апреля, в 12 км от Ялты, повстанцы были разбиты. По словам поручика Хайретдинова. «Наш отряд, нигде не оказавший сопротивления, отступал до самой Алушты, оставляя на произвол большевиков все татарские деревни между этими городами» (Выписки из протоколов 1933, с. 102). Среди повстанцев падала дисциплина, начались разногласия между эскадронцами и русскими офицерами.

Как и в январе 1918 г., матросов и красногвардейцев поддерживали многие греки, движимые жадной мести. Теперь страдали татары. Начались погромы, грабежи, убийства, зачастую зверские (Зарубин 1994, с. 232–233). Это подтверждает и кадет В. А. Оболенский, проживавший тогда в Бюк-Ламбате: «...большевики жестоко расправлялись с попадавшими им в руки татарами. В Гурзуфе и Кизилташе (с. Краснокаменка Ялтинского горсовета — Авт.) татар расстреливали и топили в море. Несколько татарских домов было разгромлено и подожжено. Все эти варварства, по слухам, творились, главным об-

^{*} В воспоминаниях И. Семенова, опубликованных в 1933 г., эта фраза отсутствует.

разом, местными греками, примкнувшими к большевикам. Трудно сказать, так ли это было на самом деле, или, как это всегда бывает в таких случаях, эти обвинения лишь отражение старой национальной вражды между татарами и греками, возникшей на экономической почве (...). Узнав о приближении большевистских полчищ, творящих насилия над жителями, все татарское население Биюк-Ламбата, включая стариков, женщин и детей, ушло в горы» (1994, с. 74–75).

Подошедший из Ялты миноносец «Хаджибей» обрушил артиллерийский огонь на Алушту (на обратном пути его обстрелу прибрежные селения). Повстанцы окончательно потеряли боевой дух и стали разбредаться. Их штаб распался, Муфти-заде спешно покинул город. Попытки поручика Хайретдинова «организовать оборону кончились провалом. 24 апреля Алушту заняли красногвардейцы». Этот день, — писал современник тех событий большевик В. Елагин, — является одним из печальнейших дней в истории уродливой большевистско-татарской борьбы. После обстрела Алушты артиллерийским огнем с миноносца разъяренные гибелью комиссаров матросы, сломав сопротивление восставших, ворвались в городок. Рассыпавшись в погоне за отступавшими по его узеньким улицам, они рубили без разбора всех попадавшихся им навстречу татар» (1992, с. 106).

Разгулялись дикие инстинкты. «Когда здесь увидели те зверства, которые были проделаны националистами-татарами в ночь с 23 на 24 апреля, — все взялись за оружие, даже в санатории не осталось ни сестер, ни сиделок» (Семенов 1933, с. 56). Согласно показаниям Хафиза Шамрата следственной комиссии Курултая, «всем раненым лазаретов в количестве 600 человек было роздано оружие и, кроме того, были вооружены все рабочие города и окрестностей. Они кричали: «давай татар! (...) Греки вооруженными ходили по домам и уводили татар» (Выписки из протоколов..., 1933, с. 74). По словам И. К. Фирдевса: «Началась форменная война между татарами и уходящей Соввластью. Наши десантные части тогда дошли до самого Мамут-Султана (с. Доброе Симферопольского района — Авт.) в 12 верстах от Симферополя. Все татарское население Алушты и прилегающего района убежало в горы, леса и в Симферополь» (Фирдевс 1923, с. 68). Антитатарские погромы зафиксированы также в Никите, Дерекое, Ялте, Алушке и более мелких поселках.

В Феодосии красногвардейцы и матросы с помощью миноносцев «Фидониси», «Звонкий» и «Пронзительный» легко подавили татарское выступление. Отсюда два красногвардейских отряда были направлены в Судак. П. Новикову, командиру одного из них, удалось убедить восставших сложить оружие (пожалуй, единственный случай мирного разрешения ситуации во время этих событий). Но виновные в убийстве председателя местного ревкома Суворова были наказа-

ны (Грудачев 1971, с. 57). Большевики вновь завладели Старым Крымом и Карасубазаром. Матросы и балаклавские греки вошли в д. Скелю, расправившись с занявшими ее татарами (данные И. В. Мосхури). Из Бахчисарая на подавление повстанцев в окрестных селах 29 апреля также были брошены красные части (Находкин (Терпигорев) 1923, с. 73). В отдельных районах восстание продолжалось до 30 апреля, до окончательного падения Республики Тавриды.

Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (А. И. Деникине), обобщив факты, собранные следственной комиссией Курултая (расследование в 1918 г. проводило еще и Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича), летом 1919 г. в Екатеринодаре сделала заключение, что за несколько апрельских дней было убито более 200 мирных жителей, уничтожено имущество на сумму 2 928 000 рублей, общий ущерб татарского населения превысил 8 000 000 рублей. Тысячи людей оказались нищими (Фельштинский 1990, с. 47). Однако отметим, что все эти расследования носили односторонний характер, целостная картина трагедии не была выявлена.

Конфликт же пока не завершился. С падением Республики Тавриды и оккупацией всего полуострова германскими войсками (украинские части по настоянию германского командования были выведены из Крыма) на малочисленных христиан селений Южного берега (в основном греков) обрушился настоящий террор.

В. А. Оболенский вспоминал: «Вечером мы смотрели на зарева вспыхнувших по всему южному берегу пожаров. Татары мстили греческому населению за кровь убитых братьев. Не мало греков было убито в тот вечер, а все их усадьбы разграблены и сожжены. Когда через два дня я уехал в Ялту, то насчитал вдоль шоссе около десятка курящихся еще пожарищ. А по дорогам целой вереницей двигались фуры со всяким скарбом, с заплаканными женщинами и черноглазыми детьми. Коровы, привязанные сзади за рога, упирались и мычали, овцы пылили и испуганно, прижавшись друг к другу, жалобно блеяли...» (1994, с. 76).

По сообщениям авторитетной газеты «Крымский вестник» (г. Севастополь), в результате погромов «погибло несколько десятков греков, в том числе дряхлые старики и малые дети. (...) На всем побережье между Ялтой и Алуштой не осталось сейчас (март 1919 г. — Авт.) ни одного греческого семейства, все разбежались и многие терпят большую нужду и лишения». «На всем побережье Крыма не уцелело ни одной плантации греков, ни единого их дома — все подверглось разрушению» (Зарубин 1996, с. 62–63).

Таковы были плоды мести, «мести национальной, самой страшной и бессмысленно жестокой» (Оболенский 1994, с. 75).

Когда в Крыму высадились греческие войска (конец 1918 – начало 1919 г.), татары не без оснований опасались репрессий, которые, впрочем, не последовали.

В марте 1919 г. поднимался вопрос о создании беспристрастной комиссии по выявлению всех обстоятельств происходившего, определению ущерба, нанесенного грекам, возмещению им ущерба, но Крымское краевое правительство С. С. Крыма уклонилось от ее создания (Зарубин 1996, с. 62–63). Со временем греческое население вернулось в прежние места проживания.

Рецидивы конфликта наблюдались и в дальнейшем. В докладной записке представителя Наркомнаца РСФСР М. Х. Султан-Галиева «О положении в Крыму» (14 апреля 1921 г.) И. В. Сталину и ЦК РКП(б) сообщалось, что греки-сотрудники Особых отделов, «особенно на южном побережье Крыма, где живут выходцы из Турции» используют свое положение «в целях сведения личных счетов «национальной вражды» с татарами и турками и, путем ложных доносов на них и симуляцией их контрреволюционности, добиваются посылки на них карательных отрядов и экспедиций» (Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму 1996, с. 86).

Так выглядели мрачные события тех лет, когда в условиях безвластия и безнаказанности давали знать о себе худшие инстинкты. В развязывании этого конфликта нельзя обвинять какую-либо национальность или конфессию. Он вспыхнул в период Гражданской войны, многие эпизоды которой изобилуют сценами кошмаров и ужасов. Будем помнить о случившемся, дабы не повторять ошибок прошлого.

Литература

Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Симферополь, 1957. Т. 1.

Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. Симферополь, 1939

Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт(ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992.

Выписки из протоколов следственной комиссии Крымского парламента (курултая) // Советов В., Атлас М. (составители) Расстрел советского правительства крымской республики Тавриды. Сборник к 15-летию со дня расстрела 24/IV 1918 г. – 24/IV 1933 г. Симферополь, 1933

Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998.

Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.

Грудачев П. А. Багряным путем гражданской. Симферополь, 1971.
Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму // Крымский архив. Симферополь, 1996 №2

Дубко Ю. В. Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. Симферополь, 1999.

Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). Казань, 1992.

Зарубин А. Севастопольская трагедия. К событиям 22–24 февраля 1918 года // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1995. №11.

Зарубин А. Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. [Документы] // Вопросы развития Крыма (Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). Симферополь, 1996. Вып. 3.

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Красный террор в Крыму: концепция // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура (Материалы республиканской научно-общественной конференции). Симферополь, 1994.

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича и его политика // Отечественная история. 1995 №3

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997.

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. От «форпоста мировой революции» до последнего плацдарма «белой России» // Отечественная история. 1999 №2.

Зарубин В. Г. К вопросу о восстании крымских татар в горном Крыму (1918 г.) // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Зарубин В. Г. Из истории государственности Крыма в годы революции и гражданской войны // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Зарубин В. Г. К вопросу о первом опыте конституционного строительства в Крыму // Вісник Університету внутрішніх справ. Державно-правові проблеми Північного Причорномор'я: Історія та сучасність. У 3-х частинах. Вип. 7. Ч. 1. Харків. 1999.

Зарубин В. Г. Межнациональные отношения и национальная политика государственных образований в Крыму (конец 1917–1920 г.) // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999.

Королев В. И. Таврическая губерния в революциях 1917 года. Симферополь, 1994.

Находкин (Терпигоров) А. Революционная работа в Крыму // Революция в Крыму. Симферополь, 1923. №2.

Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. 1994. №1.

Семенов И. Расстрел Совнаркома и Центрального Исполнительного Комитета Республики Тавриды в 1918 году // Революция в Крыму №2. Симферополь, 1923

Семенов И. Расстрел Совнаркома и Центрального исполнительного комитета республики Тавриды в 1918 году // Советов В., Атлас М. (составители) Расстрел советского правительства крымской республики Тавриды. Сборник к 15-летию со дня расстрела 24/IV 1918 г. – 24/IV 1933 г. Симферополь, 1933

Советов В., Атлас М. (составители) Расстрел советского правительства крымской республики Тавриды. Сборник к 15-летию со дня расстрела 24/IV 1918 г. – 24/IV 1933 г. Симферополь, 1933.

Тархан И. Татары и борьба за советский Крым // Советов В., Атлас М. (составители). Расстрел советского правительства крымской республики Тавриды. Сборник к 15-летию со дня расстрела 24/IV 1918 г. – 24/IV 1933 г. Симферополь, 1933.

Урановский Переворот в Севастополе // Революция в Крыму. Симферополь, 1923 №2

Фельштинский Ю. Безумие во имя идей. Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, сообщает: // Родина 1990. №10.

Фирдевс И. Первый период советской власти в Крыму // Революция в Крыму. №2. Симферополь, 1923.

Sejdamet Dz. Krym // Zycie musulmanskie (The Islamic Life). Warszawa. 1990. Nr. 2–3.

Resume

Zarubin V. G. About the Ethnic and Confessional Conflict in the Crimea (1918).

After the Civil war began in the Crimea (December 1917), relations between different ethnic communities on the peninsula became more acute. *Kurultai* (congress) of the Crimean Tatars organized national government *Directorate*, and proclaimed the Crimean Democratic (People's) Republic, adopting «The Crimean Tartar's Basic Laws» as its constitution. Founded by many political parties, *Soviet* (council) of People's Representatives also proclaimed it to be the temporary authority in the Taurical *gubernia* (province). However in January, 1918 the power was captured by extremist left-wing political forces supported by sailors of Black Sea Navy. The Socialist Soviet Republic of Taurida was created in March. As the new government withdrew from solving national problems, its politics called an acute dissatisfaction of the population, especially of the Crimean Tartars. When the German army started its invasion into the Crimea, the rebellion of the Crimean Tartars began on the littoral and in mountainous region. As a result of that the Christian dwellers, especially Greeks, were really crashed by terror. Taking the force of the Navy the rebellion was nearly pressed down, and then the Crimean

Tartars were exposed to repression. After the German army occupied the peninsula, the Greeks were oppressed again, being banished from the South Coast of the Crimea. This conflict periodically started again in the beginning of 20s.

С. В. Юрченко

РЕШЕНИЯ КРЫМСКОЙ (ЯЛТИНСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ 1945 г. И «ЯЛТИНСКАЯ СИСТЕМА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В феврале 1945 г. «Большая тройка» — Сталин, Рузвельт, Черчилль — руководители основных держав антигитлеровской коалиции — собрались на конференцию в Ялте для того, чтобы окончательно согласовать планы разгрома Германии и совместных действий против Японии и наметить основные контуры послевоенного мирового порядка. Не вдаваясь в крайности некоторых последующих интерпретаций принятых решений, можно со всеми основаниями сделать выводы, что «договоренности, которых удалось достигнуть в Крыму, были плодом общего стремления не подорвать столь дорогой ценой заработанную победу в такой момент, когда она была уже так близка... Намеченное в соглашениях мирное урегулирование основывалось на реальных и глубоких изменениях, порожденных войной, в мировом соотношении сил. Оно обладало поэтому важным политическим значением» (Бюффа 1990, с. 227).

Однако в реализации принятых решений вскоре возникли серьезные трудности. Рассматривая процесс реализации достигнутых договоренностей можно выделить несколько существенных позиций.

Во-первых, СССР, США и Великобритания смогли довести до конца военный разгром Германии, осуществить ее оккупацию, применяя такие меры, как «полное разоружение, демилитаризация и расчленение», о чем говорилось в решениях конференции в качестве возможного действия для обеспечения «будущего мира и безопасности» (Советский Союз 1984, с. 258). Союзники смогли, в конечном счете частично взыскать с Германии репарации, вопрос о которых обсуждался на встрече в Крыму. Было реализовано подписанное соглашение о политических условиях вступления СССР в войну против Японии: ему достались южная часть о. Сахалин и все прилегающие к ней острова и Курильские острова; при интернационализации торгового порта Дайрен обеспечивались его преимущественные интересы, восстанавливалась аренда на Порт-Артур как военно-морскую базу; при совместной эксплуатации с Китаем КВЖД и ЮМЖД обеспечивались его преимущественные интересы; сохранялся статус-кво Внешней Монголии (МНР). Три великие державы смогли орга-

низовать созыв в апреле 1945 г. конференции, учредившей международную организацию для поддержания мира и безопасности — ООН.

Во-вторых, выделяется комплекс проблем, решения по которым не были реализованы или вызвали в последующем острые противоречия между участниками встречи в Крыму. Союзники в итоге не смогли обеспечить «координированных администрации и контроля» над Германией; реализации Декларации об освобожденной Европе, предусматривавшей согласование политики трех держав и их совместных действий в решении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами, достижения единства как в организации мира, так и в ведении войны. Существенные разногласия возникли между союзниками и в связи с реализацией соглашений по польскому и югославскому вопросам.

В-третьих, ряд вопросов, поднимавшихся на конференции и имевших важное геополитическое значение (Конвенция о режиме проливов в Монте, проблема концессий на эксплуатацию нефтяных месторождений в Иране), какого-либо разрешения не получил.

Таким образом, можно констатировать, что наиболее реальными и жизнеспособными оказались те ялтинские решения «Большой тройки», которые касались либо решений ближайших задач — разгром и оккупация государств-противников, либо достаточно абстрактных намерений по формированию единого справедливого мира, выразившихся в создании ООН, деятельность которой каждая из великих держав могла ограничить, используя принцип единогласия при голосовании постоянных членов Совета Безопасности.

Что касается решений в зонах геополитического напряжения, то эти вопросы на общей платформе урегулировать не удалось, и возникавшие противоречия во многом обуславливали нарастание напряженности, приведшей недавних союзников к «холодной войне».

В дальнейшем, с изменением геополитической ситуации, уходили в прошлое другие элементы системы: с установлением союзнических отношений между СССР и образовавшейся КНР, последней в 1950 г. передавался порт Дайрен, а в 1952 г. — железные дороги и Порт-Артур.

Таким образом можно констатировать определенную трансформацию «ялтинской системы», которая рассматривалась тремя державами в качестве основы нового мироустройства в 1945 г., но с течением времени, оказалась в кризисном состоянии. Причины этого процесса состояли, во-первых, в том, что сталинская концепция обеспечения национальной безопасности на основе жесткого закрепления сфер влияния великих держав не состыковывалась с универсалистскими идеями Рузвельта, выраженными в концепции «четырёх полицейских», и стремлением Черчилля обеспечить британские интересы в послевоенном мире путем перевода традиционного европейского баланса сил на глобальный уровень и укрепления англо-американских отношений.

Во-вторых, как точно отметил американский исследователь А. Шлезингер-младший. «... Во время войны безотлагательность военных операций отодвигала на второй план вопросы послевоенного устройства. Все — даже Сталин за завесой своей идеологии — предпочитали импровизировать, полагаясь на свой авторитет и умение, чтобы скрыть факт, что развитие событий постоянно преподносит им неожиданности» (1992, с. 244). Поэтому созданная «ялтинская система» не могла учесть ряда существенных факторов: динамики развития ситуации и возникших после победы геополитических реалий — глубокого продвижения СССР вглубь Европы; известной самостоятельности внешней политики Великобритании, способной эпизодически действовать в разрез курсу США, изменения положения в Китае, превратившегося в централизованное государство с претензией на субрегиональную гегемонию (Батюк, Евстафьев 1995, с. 171–172).

Потому от «ялтинской системы», задумывавшейся лидерами трех держав, в конечном счете остались геополитические реалии, подразумевавшие наличие линии разделения между Востоком и Западом, определявшей мощь и расположением соответствующих армий и жестким советским контролем над восточноевропейскими государствами. «Запад потерял всякий контроль в Восточной Европе, когда он потерпел неудачу в защите Чехословакии и Польши от нацистско-советских продвижений в 1939 г., — подчеркнул американский профессор Н. Грэбнер. — Ничего не оставалось, что можно было бы противопоставить военному превосходству Советского Союза в Восточной и Центральной Европе, кроме его подписи под Атлантической хартией и Декларацией четырех держав». (Graebner 1986, с. 108). В этих условиях советское доминирование в регионе было неизбежным, и в некоторых исследованиях его связывали с ялтинскими решениями. Но дело было не только в расширении советской сферы влияния.

Ялтинская конференция — это момент признания СССР грандами мировой политики в качестве «великой державы», осуществлявшей активный внешнеполитический курс, во многом определявший конфигурацию международного положения в Европе и Азии. В основе эффективности этого курса лежали колоссальные успехи советского оружия в войне с Германией. Именно в ходе обсуждения военных вопросов на Ялтинской конференции, отметил один из американских исследователей, «впервые западные союзники осознали те громадные силы, которыми командовал Сталин» (Rayne 1951, с. 234). Эти факторы в определяющей мере способствовали созданию новой международной системы, отвечавшей внешнеполитическим интересам Советского Союза.

Поколение советских государственных деятелей, причастных к

формированию «ялтинской системы», хранило и оберегало достигнутые результаты, не соглашаясь порой даже с предложениями высшей власти. Когда, например, в октябре 1956 г. Н. С. Хрущев наметнул на изменение традиционно жесткой позиции СССР в отношении так называемых «северных территорий» и возможность передачи Японии островов Курильской гряды Шикотана и Хабомаи (Волкогонов 1997, с. 407), то присутствующие, особенно участвовавший в Ялтинской конференции А. А. Громыко, стали высказываться против, увязывая решение по этому вопросу с другими проблемами, еще более запутанными. И в последующие десятилетия ставший министром иностранных дел А. А. Громыко, касаясь проблемы Южнокурильских островов, передачи которых требовала Япония, бескомпромиссно повторял: «Такого вопроса не существует» (Александров-Агентов 1991, с. 122).

Кроме геополитических факторов, определявших позицию этого поколения были и еще причины, побуждающие «не отдавать ни одного камня». Об одной из них А. А. Громыко сказал сыну. «Сколько, Толя, немцы у нас порушили, живых людей превратили в скелеты, угробили Алексея и Федора. Мать мою от них ели спасли. Ты представляешь, какая у нас была бы семья, скольких Громыко не родилось. И так по всей моей родине, Гомельщине. Я не сумасшедший, чтобы менять итоги войны. Если мы уступим, то прокляты будем всеми замученными и убитыми. Когда я веду переговоры с немцами, то случается слышу за спиной шепот: «Не уступи, Андрей, не уступи, это не твое, а наше...» (Громыко 1997, с. 170). Эти слова выражали историческую память целого поколения, хранившего результаты великой Победы. Хранившего их долго, до тех пор, когда его последние представители не покинули вершины власти.

А потом произошло то, что отражает естественный ход жизни, о чем сказал Сталин Рузвельту и Черчиллю на одном из заседаний «Большой тройки» в Ливадийском дворце: «Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?» (Советский Союз 1984, с. 87).

История дает вечный ответ на этот вечный вопрос. С изменением баланса сил в системе международных отношений неизбежно наступает ревизия существовавшей системы и формирование нового порядка, отвечающего интересам более мощных и динамичных субъектов международных отношений. Эта максима определяет постановку проблем о наследии «ялтинской системы» и сегодня. Уничтожена ли линия разделения в Европе в связи с крахом тоталитарного социализма, демократическими и рыночными преобразованиями в странах региона, их интеграцией в общеевропейские структуры? Или она просто перенесена на несколько сотен километров на Восток? И как

отнесутся к свершившимся изменениям постсоветские государства, получившие на Западе мощного интегрированного соседа в виде объединенной Европы, проявляющего четкое стремление закрепить произошедшие изменения военно-политическими методами?

Многоопытный Черчилль как-то в Ялте, во время обсуждения контуров новой системы международных отношений, говоря о Франции, которая лежала в политических руинах, заметил: «Она сейчас может быть слаба, но нельзя судить о великой державе по ее временной слабости... Надо думать о будущем» (Советский Союз 1984, с. 67). Настоящие государственные деятели всегда думали о будущих поколениях, а не о будущих выборах. Будем думать о будущем и мы, не забывая о принципах проведения конкретной политики, основанной на анализе реального баланса сил, учете исторической ретроспективы и перспективы, о будущей международной роли нашего общего Отечества, в чем и состоит значение конференции «Большой тройки» в Крыму в 1945 г.

Литература

Александров-Агентов А. Министр иностранных дел Андрей Громыко // *Международная жизнь*. 1991. №7.

Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945-1950 гг. М., 1995.

Боффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. Т. 2. М., 1990.

Волкогон Д. А. Семь вождей. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1997.

Громыко А. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля (воспоминания и размышления сына). М., 1997.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов/М-во иностр. дел СССР. М., 1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4-11 февр. 1945 г.).

Шлезингер-мл. А. М. Циклы американской истории. М., 1992.

Graebner N. A. *America as a World Power. A Realist Appraisal from Wilson to Reagan*. Wilmington, 1986.

Rayne R. *The Marshall Story. A Biography of General George C. Marshall*. N. Y., 1951.

Summary

Yurchenko S. V. The Decisions of Yalta Conference 1945 and «Yalta System» in Historical Retrospection

This article is devoted to the problems of Yalta conference decisions and their realization after Second World War. Under the influence of dynamic forces of international situation these decisions partly had been changed and laid on the basis of «Yalta System» of international relations. It is now a thing of the past and the nations face hard tasks to form a new system of world order.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

И. И. Вдовиченко

КЕРАМИКА ХЕРСОНЕСА В СОБРАНИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА

В Бахчисарайском государственном историко-культурном музее-заповеднике хранится небольшая коллекция античной керамики классического и эллинистического времени, происходящая из раскопок Херсонеса и усадеб Гераклеяского полуострова. Она включает 9 фрагментов расписных сосудов IV в. до н. э., чернолаковую посуду, угвентарии, светильники, клейменные ручки амфор. Коллекция поступила из фонда Музея пещерных городов (создан в 1940 г., а в 1955 г. объединен с дворцом-музеем). Часть ее была привезена в Бахчисарай в январе 1945 г. М. Г. Кустовой, многие годы проработавшей научным сотрудником, а затем директором дворца-музея. Она рассказывала, что Херсонесский музей выделил для создававшейся в это время в Бахчисарае новой археологической экспозиции Музея пещерных городов клейменные амфорные ручки, чернолаковую посуду, сетчатые лекифы и фрагменты краснофигурной керамики. К сожалению, акт о передаче в музей не сохранился. Все эти сосуды имеют номер Херсонесского музея (инв. №35272) и пометки «Ант. I» и «Б/М». Судя по инвентарному номеру, материалы происходят из предвоенных раскопок на Херсонесском городище. В Бахчисарае они получили название «Коллекция Херсонес» и соответствующий номер Музея пещерных городов. Другая коллекция — «Гераклея» — поступила из Севастопольского музея краеведения, который был создан в 1923 г. братьями Владимиром Петровичем (впоследствии известный крымский археолог) и Павлом Петровичем Бабенчиковыми, бывшими в это время преподавателями истории и литературы в общеобразовательном техникуме им. Ломоносова (Вдовиченко 1994, с. 83–91). Музей провел в предвоенные годы большую научную и просветительскую работу. В конце 20-х гг. сотрудники музея — в большинстве это были школьники и студенты — под руководством В. П. и П. П. Бабенчиковых раскапывали сельскохозяйственные усадьбы на территории Гераклеяского полуострова. К сожалению, дневники юных археологов не содержат подробных описаний находок, и определить точное местонахождение хранящихся сейчас в Бахчисарайском музее фрагментов керамики не представляется возможным. На некото-

рых фрагментах, правда, сохранились пометки «Г-1926», которые можно расшифровать так: раскопки на Гераклеяском полуострове в 1926 г. Севастопольский музей краеведения перестал существовать в 1941 г. Один из основателей музея — П. П. Бабенчиков — еще до войны по доносу был выслан из Севастополя, работал на Кавказе, а после войны — в Бахчисарайском. Музее пещерных городов. Он и перевез в Бахчисарай часть материалов Севастопольского музея краеведения в марте 1945 г. Часть вещей, очевидно, экспонировалась в постоянной экспозиции и во время выставок, однако, после реэкспозиций 60–70-х гг., они оказались в фондохранилище. Автор благодарен зав. фондами БГИКЗ Г. И. Золотовой, которая обратила мое внимание на эти материалы и помогла со сбором сведений об обстоятельствах их появления в музее. Несмотря на небольшие размеры Бахчисарайской коллекции и утерю паспортных данных, она, несомненно, представляет интерес, поскольку дополняет наши представления о керамике Херсонеса и его сельской округи в классическое и эллинистическое время. Это особенно важно сейчас, когда планируется создание новой археологической экспозиции музея.

В настоящей заметке мы представляем вниманию читателей краснофигурную и чернолаковую керамику из этого собрания. Типологически она довольно разнообразна: кратеры, пелики, чаши и миски, тарелки, рыбные блюда, солонки, сосуды для питья (скифосы, килики, канфары) и леканы — туалетные сосуды для косметики и безделушек. Хронологически она размещается в промежутке между второй четвертью V в. до н. э. и концом II в. до н. э. Численно преобладают материалы IV в. до н. э. И набор посуды, и ее декор довольно стандартны и действительно характерны для Херсонеса этого времени. Выделяется фрагмент рыбного блюда 1-й четверти IV в. до н. э. (№ кат. 9). Он принадлежит к классу С (аттические расписные рыбные блюда с раскрашенными рыбами — по классификации Тренделла — Мак-Фи). Экспрессивная манера письма, использование кисти, мастерское владение той ограниченной цветовой палитрой, которую имеет в своем распоряжении вазописец, и некоторые стилистические особенности (туловища рыб почти полностью закрашены, плавники изображены с зубчатым краем и зигзагообразной полоской посередине) близки манере Мастера Рыбы-скорпиона. Близкой аналогией является блюдо из афинского Керамика (Mc-Phee, Trendall 1987, p. 19–20, 47–49, №149, Pl. 11). Сосуды, расписанные этим мастером, датируются второй четвертью IV в. до н. э.

Довольно редкий экспонат — небольшой чашевидный кратер с туловом, украшенным струйчатым орнаментом (№кат. 10). Единственная доступная аналогия, свидетельствует о том, что такие формы бытовали в середине II в. до н. э. — это кратер, найденный на Афинской Агоре (Rotroff 1997, №1631, p. 405, fig. 98, pl. 128, 129). Он не-

сколько большего размера (27 см), украшен рельефными фигурами, выполненными в форме, однако контур вазы очень близок бахчисарайскому кратеру. Глина этого сосуда серая — С. Ротрофф относит его к сероглиняной посуде, изготовлявшейся ионийскими мастерами. Точно такими же характеристиками глиняного теста отличается и сосуд из Бахчисарая. Таким образом в коллекции музея мы имеем прекрасный образец продукции ионийских мастерских 2-й половины II в. до н. э.

Редкой находкой считаются и эллинистические чаши с рельефными ножками-подставками. В коллекции музея имеется фрагмент чаши с ножками-подставками в виде ракушек (№кат. 13). Полную аналогию ей я знаю лишь в Фтиотийских Фивах в Фессалии. Она представляет собой полусферическую тонкостенную чашечку диаметром приблизительно 12,0 см на 3 ножках-ракушках. Ваза не опубликована, хранится в музее раскопок Фтиотийских Фив, который находится в современном селе Микрофивы. Очень похожий сосуд известен из раскопок Агоры (Rotroff, 1997, №1672, p. 411, pl. 133.). Он найден в слое, который датируется 115–90 гг. до н. э. Подобные вазы производились мастерскими Пергама.

Чернолаковые рыбные блюда, датирующиеся IV–III вв. до н. э., сосуды для вина — килики, скифосы и канфары — характеризуют такие важные направления экономики Херсонеса, как рыболовство и виноделие. Миски, солонки, тарелки — обычная столовая посуда, характерная для античного города этого времени. Преобладает посуда аттического производства (в IV – III вв. до н. э.), местные изделия, однако во II в. до н. э. появляется ионийская и пергамская керамика.

КАТАЛОГ

Краснофигурная керамика

1. *Пелики фрагмент стенки (рис. 1). КП-6095/209.* Коллекция «Гераклея». Размеры фрагмента 5,5 x 6,2 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими блестками. Лак пятнистый, темно-коричневый, местами с оливковым оттенком, отслаивается.

Сторона Б частично сохранилось изображение двух юношей в гиматиях, стоящих лицом друг к другу. У стоящего слева обнажены правая рука и плечо. Он держит в руке тимпан с крестовидным орнаментом. Под тимпаном — изображение круглого сосуда (может быть, кольцевого аска или арибалла). Третья четверть IV в. до н. э. Группа

Рис. 1. Пелики фрагмент стенки, КП-6095/209. №кат. 1.

Рис. 2. Кратера фрагмент. КП-5745/516. №кат. 2.

Рис. 3. Кратера фрагмент стенки. КП-5745. №кат. 3.

Рис. 4. Леканы фрагмент крышки. КП-6095/145. №кат. 4.

Рис. 5. Скифо-килика фрагмент венчика и стенки. КП-6095/210. №кат. 6.

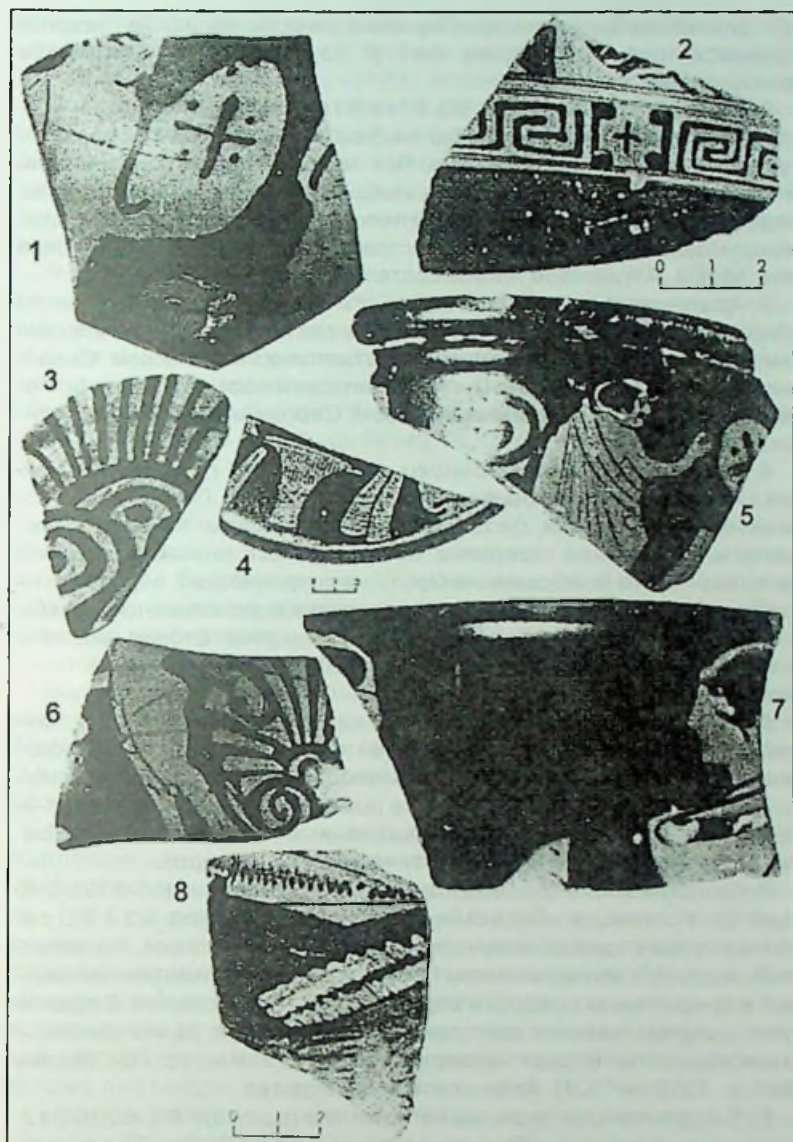

Рис. 6. Скифо-килика фрагмент стенки. КП-6095/212. №кат. 7.

Рис. 7. Скифоса фрагмент стенки. КП-6035/168. №кат. 8.

Рис. 8. Блюда рыбного фрагмент стенки. КП-6095. №кат. 9

«G» Близко изображению на оборотной стороне пелики из раскопок Афинской Агоры №63 (Moore 1997, pl. 13, №63, p. 143) Аттическое производство

2. *Кратера фрагмент. КП-5745/516 (рис. 2).* Коллекция «Гераклея». Размеры фрагмента 5,8 x 4,3 см. Глина розовая, хорошо отмученная, с мелкими блестками. Лак черный, густой, с умеренным блеском. Сторона А: сохранилось изображение человеческой стопы. Под рисунком — орнаментальный пояс из полигонального меандра, чередующегося с квадратами и крестовидным орнаментом. Середина IV в. до н. э. Аттическое производство

3. *Кратера фрагмент стенки. КП-5745 (рис. 3).* Коллекция «Гераклея». Размеры 6,8 x 4,0 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная. Лак черный, жидкий, с металлическим блеском. Сохранилась часть изображения многопестиковой пальметтки, грубо нанесенной кистью, разбавленным лаком. Середина IV в. до н. э. Аттическое производство

4. *Леканы фрагмент крышки. КП-6095/145 (рис. 4).* Коллекция «Херсонес». Размеры фрагмента 13,0 x 6,0 см. Глина светло-коричневая. Лак черный, густой, со слабым блеском. На краю фрагмента — починочное отверстие. Слева — рука с тенями (лентами) летящего Эрота (изображение Эрота не сохранилось), перед ним — трапециевидный алтарик и плетеная корзина воронковидной формы. Справа — нижний край хитона бегущей женщины. Вторая четверть IV в. до н. э. Группа «Отчет» (Beazley 1963, p. 1496 — 1498) Аттическое производство.

5. *Леканы фрагмент (ручка от крышки). КП-6095/168.* Коллекция «Гераклея». Размеры фрагмента 4,00 x 5,15 см. Глина розовая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, густой, блестящий. На крышке помещен обычный орнамент — овы с жемчужником (точками), нанесенный кистью густым лаком. Первая половина IV в. до н. э. Аттическое производство

6. *Скифо-килика фрагмент венчика и стенки. КП-6095/210 (рис. 5).* Коллекция «Гераклея». Размеры фрагмента 5,3 x 8,0 см. Глина розовая, хорошо отмученная, с мелкими блестками. Лак пятнистый, жидкий, с металлическим блеском. Юноша в гиматии, показанный в профильном повороте вправо, стоит перед стелой. В правой руке — держит тимпан с крестовидным орнаментом. За его спиной — завиток волюты. Вторая четверть IV в. до н. э. Мастер «Q» (Bazley 1963, p. 1518 — 1521). Аттическое производство

7. *Скифо-килика фрагмент стенки (рис. 6).* КП-6095/212. Коллекция «Херсонес». Размеры фрагмента 4,7 x 4,0 см. Глина розовая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, блестящий. Атлет, стоящий в 3/4 вправо. В вытянутой вперед руке держит округлый предмет, скорее всего, сосуд с оливковым мас-

лом — арибалл. Левая рука отведена назад и вписана в пальметтку, размещавшуюся под ручкой. Вторая четверть IV в. до н. э. Мастер «Q». (Bazley 1963, p. 1518 — 1521). Аттическое производство.

8. *Скифоса фрагмент стенки (рис. 7). КП-6035/168.* Коллекция «Гераклея». Размеры фрагмента 5,6 x 3,6 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, блестящий. Две женщины (одна закутана в гиматий) стоят лицом друг к другу. Конец V — начало IV в. до н. э. Аттическое производство.

9. *Блюда рыбного фрагмент стенки (рис. 8). КП-6095.* Коллекция «Херсонес». Размеры 5,2 x 3,6 см. Глина желтовато-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, густой, местами с оливковым оттенком. Часть туловища каракатицы и хвост морского окуня. Класс С. Мастер Рыбы-скорпиона (The Scorpion — fish Painter). Вторая четверть IV в. до н. э. (McPhee, Trendall 1987, p. 19–20, 47–49, №149, Pl. 11).

Чернолаковая керамика

10. *Кратер чашевидный. КП-6095 (рис. 9, 1).* Коллекция «Херсонес». Высота — 22,1 см, диаметр венчика — 19,5 см, диаметр дна — 6,5 см. Сосуд склеен из 12 фрагментов, одна ручка утрачена. Глина плотная, серая, хорошо отмученная с включением мелких блесков, Лак графитового цвета, тусклый. В верхней части тулова — две горизонтальные бороздки, под ними стручатый орнамент, нанесенный видимо особым штампом, который оставил на поверхности неглубокие вдавления. Аналогия — кратер из раскопок Афинской Агоры (Rotroff 1997, №1631, p. 405, fig. 98, pl. 128, 129), датирующийся 2-й половиной II в. до н. э. Производство мапоазийских мастерских (Иония).

11. *Килика фрагмент края с ручкой. КП-6095/140 (рис. 10, 2).* Коллекция «Херсонес» Передан из Херсонесского музея в январе 1945 г. Раскопки Херсонеса в предвоенные годы. Диаметр венчика — 12,0 см, размеры фрагмента — 7,6 X 4,6 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная, с включением мелких слюдяных блесков, несомненно ее аттическое происхождение. Лак черный, с умеренным блеском, отшелушивается. Особенно сильны его повреждения на ручке и на крае венчика, что свидетельствует о долгом употреблении сосуда. Форма тонкой горизонтальной ручки в форме пирамиды характерна для скифосов и киликов конца IV в. до н. э, например, скифос №328 из раскопок Афинской агоры (Sparkes, Talcott 1970, pl. 15). Такой же килик из раскопок юго-восточного некрополя эллинистического Алоса в Фессалии датируется концом IV — началом III в. до н. э. (MALAKASIOU 2000, S. 149, EIK. 3). Аттическое производство.

12. Скифоса фрагмент венчика и ручки (рис. 10, 1). КП-6095/84. Коллекция «Херсонес». Диаметр венчика — 12,2 см, размеры фрагмента — 7,2 X 5,8 см. Глина светло-коричневая, с розоватым

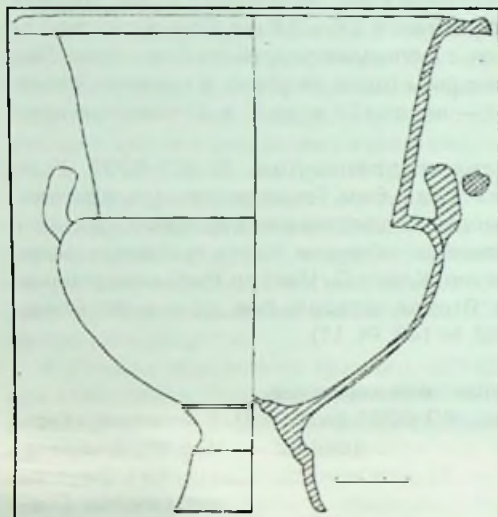

Рис. 9. Кратер чашевидный. КП-6095
№кат. 10

оттенком, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, жидкий с металлическим блеском. Аналогия — сосуд из раскопок Агоры (Rotroff 1997, №1672, p. 411, pl. 133.). Он найден в слое, который датируется 115–90 гг. до н. э. Производство пергамских мастерских (?).

14. Мисочка неглубокая на кольцевом поддоне с утолщенным венчиком (рис. 12, 7) КП-6095/132. Коллекция «Херсонес». Глина светло-коричневая с розоватым оттенком, хорошо отмученная с мелкими блестками включений. Лак черный, густой блестящий, покрывает всю поверхность сосуда за исключением внешнего края венчика, поддона и центра внешней части поддона, выделенного к тому же рельефным ободком. Сосуд долго использовался — лак на внешнем крае венчика потерт и сбит. Донышко сосуда украшено штампованным орнаментом: пальметтки, соединенные дугообразными линиями, овы в круге. Форма близка сосуду из раскопок Афинской Агоры №818 (Sparkes, Talcott 1970, fig. 8, p. 294), который датируется 430 г. до н. э. Орнамент на дне характерен для сосудов, датирующихся 420 г. (Sparkes, Talcott 1970, №503, 504, p. 270, pl. 51). Сосуд можно датировать 430–420 гг. до н. э. Аттическое производство.

15. Тарелки на кольцевом поддоне с венчиком в виде утолщен-

оттенком, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, густой, блестящий. Форма ручки и профиль венчика близки скифосу с Афинской Агоры №342, который датируется 470 – 460 гг. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, p. 259, pl. 16, fig. 4). Аттическое производство.

13. Чаши фрагмент дна. Ножка выполнена в форме раковины (рис. 12, 6). КП-6095/170, А-1215. Коллекция «Херсонес». Размеры: 3,2 x 2,6 см. Глина красно-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, жидкий с металлическим блеском. Аналогия — сосуд из раскопок Агоры (Rotroff 1997, №1672, p. 411, pl. 133.). Он найден в слое, который датируется 115–90 гг. до н. э. Производство пергамских мастерских (?).

ного округлого валика фрагмент, КП-6095, инв. 1178 (рис. 11,5). Коллекция «Херсонес» Размеры фрагмента 9,5 x 10,1 см, диаметр венчика — 28,0 см. Глина розовая, хорошо отмученная с мелкими

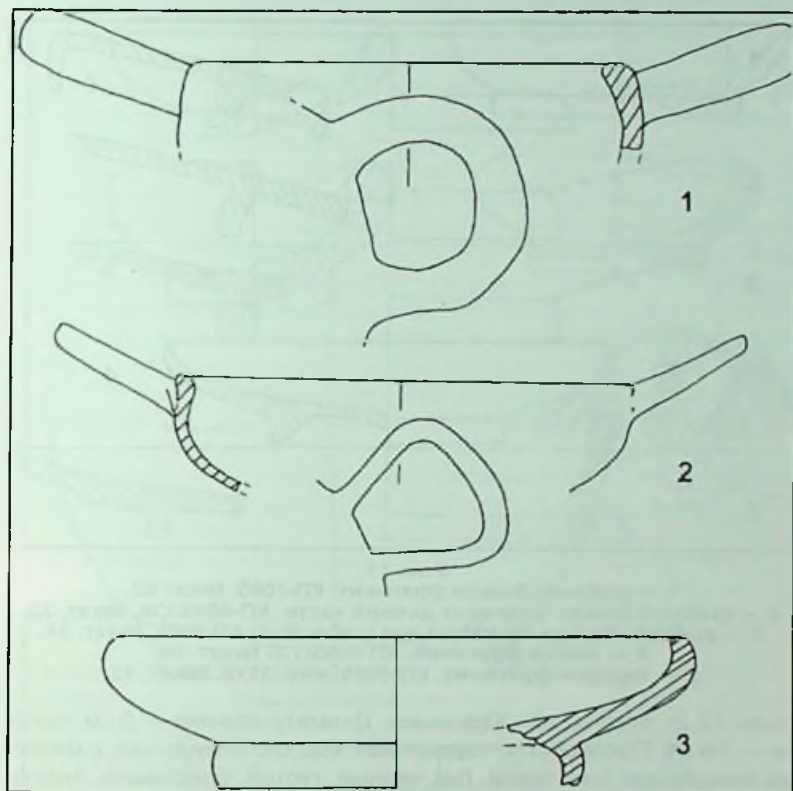

Рис. 10.

- 1 — Скифоса фрагмент венчика и ручки. КП-6095/84. №кат. 12.
- 2 — Килика фрагмент края с ручкой. КП-6095/140. №кат. 11.
- 3 — Миски с загнутым вовнутрь краем, на кольцевом поддоне фрагмент №кат. 21.

блестками. Лак темно-коричневый, местами красный, покрывает всю поверхность сосуда, за исключением узкой полоски на крае кольцевого поддона. Лаковое покрытие в прекрасном состоянии, — имеются лишь отдельные небольшие выбоины, очевидно, тарелка разбилась почти новой. На внутренней поверхности дна — орнамент в виде 4-х колец, нанесенных зубчатым штампом-колесиком. Форма тарелки близка сосуду №1057 из раскопок Афинской Агоры

(Sparkes, Talcott 1970, fig. 10, p. 310), который датируется 350 г. до н. э. Аттическое производство.

16. Солонки с загнутыми внутрь краем фрагмент, КП-6095

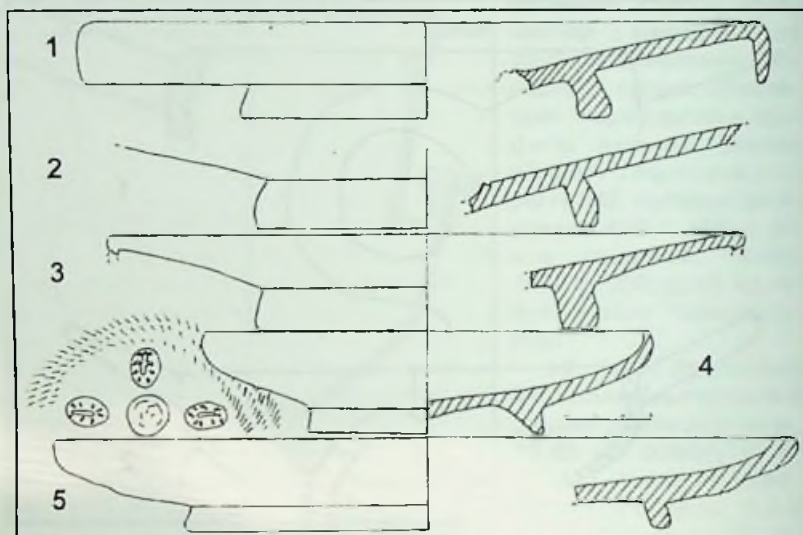

Рис. 11.

- 1 — рыбного блюда фрагмент. КП-6095. Некат. 22.
- 2 — рыбного блюда фрагмент донной части. КП-6095/138. Некат. 23.
- 3 — рыбного блюда фрагмент дна (табл. III, 3) КП-6095. Некат. 24.
- 4 — миски фрагмент. КП-6095/135 Некат. 20.
- 5 — тарелки фрагмент. КП-6095, инв. 1178. Некат. 15.

(рис. 12, 2). Коллекция «Херсонес». Диаметр венчика — 7,0 см, высота — 3,6 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками. Лак черный, густой, блестящий. Аналогия — сосуд с Афинской Агоры №942 (Sparkes, Talcott 1970, P. 302, fig. 9), который датируется 425–400 гг. Аттическое производство.

17. Солонки с загнутым внутрь приостренным краем фрагмент, КП-6095. (Рис. 12, 1), коллекция «Херсонес». Диаметр венчика — 6,0 см, высота — 3,0 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная с мелкими блестками, лак черный, блестящий. Аналогия — сосуд с Афинской Агоры №947 (Sparkes, Talcott 1970, P. 302, fig. 9). 350 г. до н. э. Аттическое производство.

18. Солонки с загнутым внутрь приостренным краем фрагмент. КП-5745/513 (рис. 12, 3). Коллекция «Герakлея». Диаметр венчика — 6,0 см, высота — 3,1 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная с мелкими блестками, лак черный, блестящий. Ана-

логия — сосуд с Афинской Агоры №947 (Sparkes, Talcott 1970, p. 302, fig. 9). 350 г до н. э. Аттическое производство.

19. Мисочка со слегка загнутым вовнутрь краем на мас-

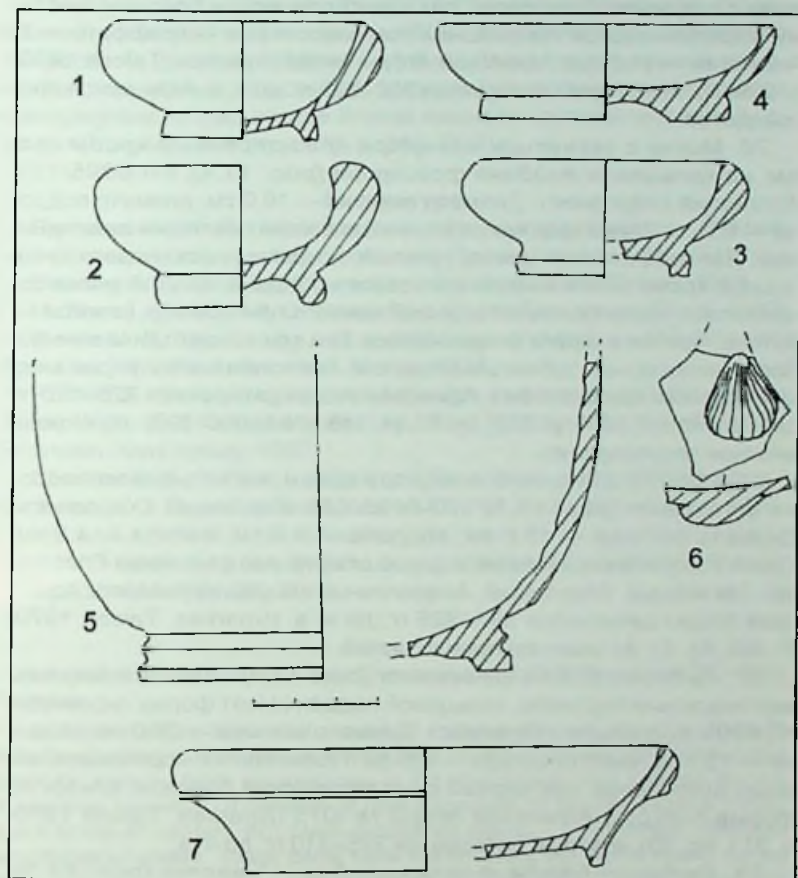

Рис. 12.

- 1 — солонки фрагмент, КП-6095. №кат. 17.
 2 — солонки фрагмент, КП-6095 (табл. IV, 2) №кат. 16.
 3 — солонки фрагмент. КП-5745/513 №кат. 18.
 4 — мисочка). КП-6095/143. №кат. 19.
 5 — пелики или ойнохой с каннелированным туловом фрагмент.
 КП-6096/134 №кат. 25.
 6 — чаши фрагмент дна, ножка выполнена в форме раковины.
 №кат. 13.
 7 — мисочка неглубокая на кольцевом поддоне.
 КП-6095/132 №кат. 14.

сивном кольцевом поддоне (рис. 12, 4). КП-6095/143. Коллекция «Херсонес». Диаметр венчика — 8,4 см, диаметр дна — 6,0 см. Высота — 2,4 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная, с мелкими слюдяными блестками, лак с металлическим блеском, местами отшелушивается. На внешней поверхности дна — графито — Х. Аналогия — сосуд с Афинской Агоры №887 (Sparkes, Talcott 1970, p. 229, fig. 9), который датируется 350–325 гг. до н. э. Аттическое производство.

20. Миски с загнутым вовнутрь приостренным краем краем, на кольцевом поддоне фрагмент (рис. 11, 4), КП-6095/135. Коллекция «Херсонес». Диаметр венчика — 16,0 см, диаметр поддона — 8,2 см. Глина красная, плотная с мелкими светлыми включениями. Лак графитового цвета, тусклый, покрывает всю поверхность сосуда, кроме нижней части кольцевого поддона. Внутри миски сохранилась часть орнамента, выполненного при помощи штампа — бутоны лотоса в овале (сохранилось 3) и три concentрические полосы, нанесенные зубчатым штампом. Аналогичные по форме миски с похожим орнаментом с Афинской Агоры датируются 225–175 гг. до н. э. (Rotroff 1997, p. 332, fig. 60, pl. 146 – №№896–897). Возможно, местное производство.

21. Миски с загнутым вовнутрь краем, на кольцевом поддоне фрагмент (рис. 10, 3). КП-6095/136. Коллекция «Херсонес». Диаметр венчика — 15,0 см, поддона — 9,0 см, высота — 4,3 см. Глина розовато-коричневая, хорошо отмученная с мелкими блестками. Лак черный, блестящий. Аналогичные сосуды из раскопок Афинской Агоры датируются 350–325 гг. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, P. 295, fig. 8). Аттическое производство.

22. Рыбного блюда фрагмент (рис. 11, 1). Венчик с широким вертикальным бортиком, кольцевой поддон имеет форму пирамиды. КП-6095. Коллекция «Херсонес». Диаметр венчика — 25,0 см, поддона — 13,0 см, высота сосуда — 3,6 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная, лак черный с металлическим блеском. Близок по форме сосуду с Афинской Агоры №1075 (Sparkes, Talcott 1970, p. 311, fig. 10), который датируется 325–310 гг. до н. э.

23. Рыбного блюда фрагмент донной части (рис. 11, 2). Кольцевой поддон подпрямоугольной формы. КП-6095/138. Коллекция «Херсонес». Диаметр поддона — 12,0 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная, лак тусклый, графитовый, углубление для сосуда лаком не покрыто. Близок по форме сосуду из раскопок Афинской Агоры №1076 (Sparkes, Talcott 1970, P. 311, fig. 10), который датируется 310 г. до н. э.

24. Рыбного блюда фрагмент дна (рис. 11, 3) КП-6095. Коллекция «Херсонес». Диаметр дна — 12,0 см. Глина светло-коричневая, хорошо отмученная, лак черный блестящий с красно-коричневы-

ми полосами. Близок по форме сосуду с Афинской Агоры №1075 (Sparkes, Talcott 1970, p. 311, fig. 10), который датируется 325–310 гг. до н. э.

25. *Пелики или ойнохой с каннелюрованным туловом фрагмент придонной части.* (рис. 12,5). КП-6096/134. Коллекция «Херсонес». Диаметр поддона — 8,8 см. Глина серая, хорошо отмученная, лак черный, блестящий, жидкий. Тулово покрыто глубокими каннелюрами. Форма сосуда близка вазам последней четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, p. 245, Pl. 7).

Литература

Вдовиченко И. И. Севастопольский музей краеведения // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М. 1994.

Beazley J. D. Attic Red-Figure Vase-Painters, 2d ed. Oxford. 1963.

McPhee I., Trendall A. D. Greek Red-figured Fish-plates. Basel. 1987.

Moore M. B. Attic Red-figured and White-ground Pottery. The Athenian Agora. V. XXX. Princeton, New Jersey. 1997.

Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Materials. The Athenian Agora. V. XXIX. Princeton. New Jersey. 1997.

Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th centuries B. C. The Athenian Agora. V. XII. Princeton. New Jersey. 1970.

ΜΑΛΑΚΑΣΙΟΥΤΗ ΖΩΗ. ΕΛΛΗΝΙΣΤΙΚΗ ΑΛΟΣ. ΝΟΤΙΟΑΝΑΤΟΛΙΚΟ ΝΕΚΡΟΤΑΦΕΙΟ: ΤΑΦΙΚΑ ΣΥΝΟΛΑ // ΕΛΛΗΝΙΣΤΙΚΗ ΚΕΡΑΜΙΚΗ ΑΠΟ ΤΗ ΘΕΣΣΑΛΙΑ. ΒΟΛΟΣ. 2000.

Resume

Vdovichenko I. I. Ceramics from Chersonessus at Collection of Bakhchisaray Reserve.

At Bakhchisaray State Historical and Cultural Museum-Reserve there is small collection of antique ceramics date to the Classical and Hellenistic periods, coming from excavations in Chersonessus and estates on the Heracleean peninsula. It consists of nine fragments of painted vessels dating back to the 4th century BC, black-lacquered wares, ... , oil lamps, stamped amphorae's handles. These items were found before the World War II during excavation in Chersonessus site and on the Heracleean peninsula. There are various types of ceramics: *crateres*, *pelicae*, bowls and tureens, plates, fish platters, saltcellars, drinking vessels (*scifosi*, *cylices*, *canfari*), and *lecanae*. In chronological respect this set of objects could be referred to the second quarter of the 5th - the end of the 2nd century BC, as though materials of the 4th century predominated. Both set of vessels and theirs decorations are quite standard and characteristic to Chersonessus of the period.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ФОНДОВ БГИКЗ. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

В области археологии постоянно идет накопление знаний: полученные сведения пересматриваются с каждой новой находкой, открытием, проведенным исследованием. Это важно для уточнения хронологии и периодизации не только отдельных памятников, но и целых археологических комплексов, а также для разрешения ряда еще неясных вопросов археологии Крыма и, в частности, Юго-Западного.

В фондах БГИКЗ сосредоточен и продолжает накапливаться значительный археологический материал, имеющий огромную научную ценность. На сегодняшний день коллекции археологии насчитывают более 110 000 единиц хранения.

Основное внимание сотрудники заповедника уделяют такому направлению деятельности, как систематизация археологического материала и выделение вещественных памятников (археологических культур), ведь в научный оборот должен быть введен новый, неизвестный ранее, круг источников, которые могут быть использованы и в научных исследованиях, и в музейных экспозициях.

Данная публикация, как и предыдущие (Лазаренко 1992, 1993, 1994, 1997), представляет собой перечень таблиц-указателей археологического материала, полученного в результате плановых раскопок, разведок, охранных работ и переданного в фонды БГИКЗ в последние годы (1996 – 2000). Работы велись сотрудниками заповедника, а также были организованы экспедиции совместно с Крымским филиалом Института археологии НАН Украины.

Археологические данные имеют большое значение для археологов, специалистов и требуют дальнейшего тщательного исследования и изучения.

Литература

Лазаренко Е. И. Археологические коллекции «пещерных городов» в фондах Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Лазаренко Е. И. Лапидарная коллекция Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Каталог // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь, 1993.

Лазаренко Е. И. Археологические коллекции из фондовых собраний Бахчисарайского государственного историко-культурного запо-

№ п/п	Объект раскопок	Год раскопок	Время поступления в фонды или дата записи в КП	Место раскопок или источники поступления	Руководитель раскопок	Количество ед. хр.	№ по книге поступлений
1.	Усть-Альма	1993	2000	Могильник	Пуздровский А. Е.	36	9366-9371
2.	Суворово	1994	2000	Могильник	Пуздровский А. Е.	15	9377-9379
3.	Усть-Альма	1994	1997	Могильник	Пуздровский А. Е.	9026	9107
4.	Брянское	1995	2000	Могильник	Пуздровский А. Е.	43	9382-9383
5.	Красная Заря	1995	1997	Могильник	Неневоля И. И.	321	9078
6.	Прохладное	1995	1996	Могильник	Белый О. Б.	22	9086
7.	Суворово	1995	2000	Могильник		4	9380
8.	Усть-Альма	1995	2000	Могильник	Пуздровский А. Е.	7	9372-9376
9.	Вишневое	1996	2000	Могильник	Пуздровский А. Е.	3	9381
10.	Красная Заря	1996	1999	Могильник	Пуздровский А. Е.	642	9131
11.	Скальный храм (г. Бахчисарай, ул. Пушкина)	1996	1996	Кладбище	Петровский В. А.	155	9085
12.	Усть-Альма	1996	1996	Могильник	Зайцев Ю. П.	2560	9106
13.	Усть-Альма	1996	2000	Могильник	Пуздровский А. Е.	1105	9384-9441
14.	Долинное	1997	1999	Могильник	Пуздровский А. Е.	10	9129
15.	Усть-Альма	—	1997	Изъятый у грабителей	Неневоля И. И.	86	9108
16.	Верхоречье	1998	1999	Скел	Неневоля И. И.	26	9130

ведника // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994

Лазаренко Е. И. Новые поступления археологического материала в фонды Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Resume

Lazarenko Ye. I. The Archaeological Collections in the Funds of Bakhchisaray State Historical and Cultural Preserve. New Acquisitions.

The article presents new archaeological materials which appear in the Funds of Bakhchisaray State Historical and Cultural Preserve after the excavations of the cemeteries on the territory of Bakhchisaray administrative region in 1993–1998.

И. Б. Арбутаило

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ В БАХЧИСАРАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

Бахчисарай, расположенный в одной из живописных долин Юго-Западного Крыма, привлекал многих живописцев восточным колоритом и удивительными памятниками старины.

Каждый из них сумел увидеть в нем нечто свое, заветное, наше, отклик в его душе.

Для некоторых пейзажистов работа в Бахчисарае носила эпизодический характер, но на творчество тех, кто длительное время жил и творил здесь, этот «волшебный край» оказал самое непосредственное и глубокое воздействие.

Одним из первых запечатлел на полотне Бахчисарай знаменитый пейзажист конца XVIII – нач. XIX в. М. М. Иванов. Его работа «Вид въезда в Бахчисарай» (1792) хранится в Государственном Русском музее.

Исторические памятники Бахчисарая и его окрестностей отразили в своем творчестве художники XVIII–XIX столетий: Ф. Я. Алексеев, В. П. Петров, А. Е. Мартынов, В. А. Жуковский, Н. Г. Чернецов, К. П. Брюллов, В. Ф. Тимм, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. А. Серов.

Особый интерес представляют работы П. П. Свинына, Г. С. Сергеева, Ж. К. Мивилия, К. И. Кюгельгена, А. Раффе, Ф. Гросса, К. Боссоли, имеющие документально-историческое значение.

Облик Бахчисарая вдохновил на творчество мастеров живописи и графики XX в. — К. А. Коровина, М. П. Латри, П. А. Шиллинговского, К. Ф. Богаевского, И. И. Машкова, А. В. Куприна, П. В. Кузнецова, А. В. Лентулова, П. П. Кончаловского, В. К. Яновского, А. П. Могилевского, Е. В. Нагаевской.

Средневековый Бахчисарай стал также объектом внимания: В. И. Благовещенского, В. А. Соколова, Ф. З. Захарова, А. А. Козлова, П. Л. Чистилина, С. Г. Пустовойта, Я. А. Басова, О. П. Федотова, В. Н. Хоришко, В. М. Келя, В. П. Иванова, Р. А. Нетовкина, А. А. Андреева, И. Ф. Сафонова, А. Ф. Сафонова, З. А. Трасиновой, А. У. Усеинова, Г. З. Яроша и др.

Указанное выше и привело к мысли о необходимости создания в городе художественного музея. Этот вопрос не раз ставился еще в 1950-е — 1960-е годы видными деятелями культуры, местной интеллигенцией, в частности, известным украинским художником В. К. Яновским и членом Московского отделения Союза художников Е. В. Нагаевской. В итоге предложение нашло поддержку в Министерстве культуры и искусств и Союзе художников Украины.

Открытие музея состоялось 8 июля 1996 г. Этому предшествовала пятилетняя работа по реставрации здания, сбору и подготовке экспонатов, созданию экспозиции.

Основу экспозиции художественного музея составили коллекции формировавшиеся сразу после окончания Великой Отечественной войны из произведений русской и украинской дореволюционной классики и современного искусства, поступившие из музеев Москвы, Ленинграда, Киева, Симферополя, Севастополя, Алушки, частных собраний.

Наибольшую ценность представляют произведения Ф. С. Рокова, Д. Г. Левицкого, С. С. Щукина, Гюне, В. Ф. Тимма.

Музей располагает крупными монографическими коллекциями: К. Ф. Богаевского, П. А. Шиллинговского, В. К. Яновского, А. П. Могилевского, Е. В. Нагаевской, Я. А. Басова — художников, жизнь и творчество которых тесно связаны с Бахчисараем.

За последние годы коллекция музея пополнилась произведениями О. П. Федотова, П. А. Чистилина, В. А. Соколова, Н. И. Семьикина, В. М. Киркевича, И. Ф. Сафонова, А. Ф. Сафонова, А. А. Андреева, Г. З. Яроша, Н. Е. Сидорука, В. П. Иванова, З. А. Трасиновой, А. У. Усеинова, А. В. Згурского и др.

В настоящее время собрание Художественного музея составляет свыше 1500 экспонатов живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. Лучшие из них представлены в экспозиции, развернутой в бывшем доме зрителя Ханского дворца.

Основная экспозиция «Произведения искусства XVIII – XX столетий в собрании Художественного музея Бахчисарайского Государственного историко-культурного заповедника» состоит из разделов «Портретная живопись в произведениях художников XVIII в.» (Зал №1), «Живописные мотивы Бахчисарая в произведениях мастеров искусств XIX – 1-й пол. XXв.» (Зал №2), «Бахчисарай в изобразительном искусстве современных художников (1950 – 1990-е гг.)» (Зал №3). Художественные полотна дополняются предметами декоративно-прикладного искусства, например, «Фарфор XVIII – XIX вв.» (Зал №4).

Зал № 5 предназначен для экспонирования выставок из собраний государственных музеев и частных коллекций.

По мнению искусствоведов, художников, краеведов, экспозиция Художественного музея привлекла пристальное внимание многочисленных посетителей к живописной летописи Бахчисарая и его окрестностям, повысила культурный потенциал Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника, расширила возможности международного туризма и стала центром пропаганды изобразительного искусства и культуры в Бахчисарае.

Resume

Arbitaylo I. B. On the Problem of Organizing Museum of Arts in Bakhchisaray State Historical and Cultural Preserve.

The item deals with organizing museum of arts in Bakhchisaray State Historical and Cultural Preserve. Its exposition includes works of native and foreign painters of the 18th – 19th century.

КРАЕВЕДЕНИЕ

М. М. Чореф

НОВЫЙ ТИП МОНЕТ ИСЛАМ-ГИРЕЯ III

Серьезный интерес к монетам Крымского ханства появился в XIX в. Первые описания монет этого государства были опубликованы Х. Френом (1832) и О. Блау (1876). В конце XIX вв. О. Ф. Ретовским была написана работа «Der Münzen der Girei» («Монеты Гиреев»), издававшаяся частями в ИТУАК (Ретьовский 1893), Трудах Московского нумизматического общества (Retowski 1903), а в 1905 г. вышедшая отдельной книгой (Retowski 1905). Каталог О. Ф. Ретовского до настоящего времени не потерял своего значения, оставаясь основной и наиболее полной работой по нумизматике Крымского ханства. Вместе с тем, в настоящее время в коллекциях музеев и частных лиц имеется достаточное количество неопубликованных монет Гиреев, соответственно появляются и публикации по нумизматике Крымского ханства (Хромов 1997а, с. 25–26; 1997б, с. 21).

В настоящее время появилась возможность дополнить данные о монетах ханства новым типом монеты Ислам-Гирея III.

Монета была найдена на южном склоне Чуфут-Кале под «Новым городом». Ее размеры 1,7 на 1,4 см, вес 2,95 г.

Лицевая сторона

тамга

سنة

года

[۱] ۰۵۴

[1]054

Оборотная сторона

باغچه

Багчи

ضرب

чекан

سرای

Сарая

Соотношение осей лицевой и оборотной сторон → ↑.

Такое размещение легенды не типично для известных на данный момент монет Крымского ханства. Обычно на аверсе помещалась тамга и обозначались год и место чеканки, а на реверсе — данные о правящем хане. Вероятно, на лицевой стороне также располагалась надпись, сообщающая имя хана, хотя на данном экземпляре она не читается. Но инициальный год — 1054 г. хиджры (=1644 г. н. э.) — определенно указывает на правление крымского хана Ислам-Гирея III (1644–1654 гг.).

До настоящего времени по изданию О. Ф. Ретовского было известно 3 типа серебряных монет Ислам-Гирея III. Публикуемая монета — пока единственный тип меди этого хана.

Среди медных монет, кроме выбитых особыми штемпелями, встречаются и так называемые «гнилые» деньги. Они близки по весу и оформлению серебряным, иногда на них есть следы амальгамирования. Вероятно, в данном случае мы сталкиваемся со следами государственной порчи монет. И, следовательно, нет основания выделять такие экземпляры в отдельные типы.

Для воссоздания монетной системы Крымского ханства важно изучение мелких номиналов разменной монеты. С этой точки зрения обнаружение медной монеты Ислам-Гирея III имеет немало-важное значение.

Ислам-Гирей III пришел к власти в первой половине XVII в. Его ханство пришлось на время проявления важных тенденций жизни Порты, связанных со взаимоотношением ее с Крымским ханством. В 40-х годах XVII в. в результате феодализации турецкого общества империя слабеет, вызванные этим неудачи в войнах приводят к серии дворцовых переворотов. В связи с этими неурядицами влияние Порты на Крымское ханство заметно ослабевает. В начале правления Ислам-Гирея III сложилась достаточно редкая ситуация — в результате очередного переворота империя осталась практически без монарха — султан Ибрагим в 1649 г. был задушен, а его преемнику было всего 7 лет.

Энергичный крымский хан решил, вероятно, вообще освободиться от турецкой зависимости, обезопасив себя союзом с запорожцами. В 1648 г. гетман Богдан Хмельницкий просит у хана покровительства и помощи в войне с поляками. Ислам-Гирей соглашается, так как такой договор давал ему возможность вмешаться в назревающий украинско-польский конфликт. Хан даже отказывает султану в посылке войск против Венеции, заявив, что «он сам по себе живет» и пригрозив повесить любого нового посла из Турции.

Союзы с казаками были одним из орудий крымской внешней

политики, уже Мухаммед III и калга Шагин использовали запорожцев в 20-е г. XVII в. для борьбы с турками (Санин 1993, с. 224). Ислам-Гирей III в политике альянсов мог опираться также и на собственное дворянство (Санин 1993, с. 225; Бахрушин 1993, с. 331).

Шесть лет просуществовал союз Богдана Хмельницкого и Ислам-Гирея. Войска хана принимали участие во всех походах казаков. Правда, хан не всегда был верен своему союзнику. Так, в битве под Берестечком он предал гетмана. Формальный союз давал Ислам-Гирею возможность фактически беспрепятственно грабить еще подконтрольные полякам территории Правобережной Украины.

Для гетмана в эти годы поддержка с юга была важна потому, что Москва еще не согласилась оказывать ему столь же действенную помощь. Но хан тонко чувствовал возможности такого сотрудничества, и, когда, по его мнению, усиление казаков стало чрезмерным, он начал оказывать поддержку Польше (Смирнов 1887, с. 555).

В годы правления Ислам-Гирея III во внешней политике ханства развились две тенденции, которым в будущем было суждено стать решающими в судьбе Крымского ханства. Хан на протяжении сравнительно долгого для Крыма правления (около 10 лет) не только уклонялся от указов Стамбула, но делал это демонстративно, доходя до угроз империи; даже нападал на ее владения (участвовал в походах 1650–1653 гг. с целью завоевания короны Молдовы для Тимоша Хмельницкого). Здесь заметны новые мотивы в политических взаимоотношениях Порты и окрепшего Крымского ханства (Санин 1993, с. 224–225).

С казако-татарским союзом связано и другое примечательное явление. В годы правления Ислам-Гирея III не отмечено значительных набегов на Московское государство. Причина, очевидно, заключалась в достаточно большой добыче, получаемой от совместных походов казаков и татар на Польшу и Молдавию. Передышка в отражении частых рейдов татар позволила России укрепить свою южную границу, создать Белгородскую линию обороны. Московское государство теперь смогло перейти к наступлению на Крымское ханство.

После Переяславской рады правящие круги ханства пошли на подписание договора о ненападении и взаимопомощи между Крымом и Польшей. Ислам-Гирей III не успел подписать это соглашение. Он умер в том же 1654 г. Договор был подписан его преемником — Мухаммед-Гиреем IV — по его условиям ханство оказывало помощь своим новым союзникам на протяжении 12 лет.

Правление Ислам-Гирея III — период наибольшего могущества Крымского ханства. В результате удачных войн и ослабления Турции ханство практически добилось независимости. Но такое положение было нестабильным. Разгром одного из сильнейших государств Восточной Европы — Речи Посполитой — привел к усилению Московского государства. С одной стороны, Крым лишился возможности нападать на практически беззащитные территории Юга России и Украины, с другой — его правители опять попадают в зависимость от Османской империи.

Появление в монетном обращении Крымского ханства меди, как видно, явилось следствием ориентации этого обращения на турецкие стандарты, где медная монета занимала прочное место. Обращение медной монеты наряду с серебряной предусматривает достаточную силу государственной власти, обеспечивающей ее принудительный курс. В результате временного усиления ханства в середине XVII в. и появилась возможность выпуска меди крымского чекана. При Ислам-Гирее III был осуществлен выпуск медной монеты на Бахчисарайском ханском монетном дворе. Но, как следствие дальнейшего ослабления власти ханов и усиления влияния Турции, происходит вытеснение медной монеты крымского чекана серебром и отказ от дальнейших попыток ввести ее в обращение.

Литература

Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства. МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.

Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. III. СПб, 1899.

Ретовский О. К нумизматике Гиреев // ИТУАК. №№18 и 19. Симферополь, 1893.

Санин Г. А. Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб, 1887.

Френ Х. М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб, 1832.

Хромов К. Медные монеты Ходжи-Гирея. // Нумизматика и Фалеристика №2. Киев, 1997.

Хромов К. Несколько неописанных монет династии Гиреев. // Нумизматика и Фалеристика №2. Киев, 1997.

Blau O. Die Orientalischen Münzen des Museum der Kais. Hist. – Archäol. Gesellschaft zu Odessa. Odessa, 1876.

Retowski O. Die Münzen der Girei. // Труды Московского Нумизматического Общества. Т. 3. Вып. 1. М., 1903.

Retowski O. Die Münzen der Girei. Moskau, 1905.

Resume

Choref M. M. The New Type of Coins of Islam-Geray III.

The new type of copper coins of the Crimean Khan Islam-Geray III (1644–1654) is described in the article. There are the historical review of his reign, the analysis of reasons by which copper coinage appeared in the period when the Ottoman Porta's power has been weakening, and the Crimean Khanate had been becoming stronger.

А. Е. Гайворонский

К ВОПРОСУ О ХРИСТИАНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ В АРМИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Данный очерк посвящен малоизвестному пехотно-стрелковому подразделению в войсках Крымского ханства XVI–XVII вв. Сведения о нём, содержащиеся в немногих разновременных источниках, к сожалению, недостаточно подробны, но, обнаруженные определенные связи между ними, позволяют, по крайней мере, поставить вопрос о том, какое реальное явление стоит за строками скурых сообщений источников.

Это вызывает интерес, так как даже известные виды крымской пехоты исследованы недостаточно. Крымскотатарское войско, имевшее лучшую в Европе конницу, располагало весьма незначительным пехотно-стрелковым компонентом, поэтому любые новые данные имеют немалое значение для изучения военного дела ханства.

До середины XVI в. функции мушкетеров в крымских вооруженных силах исполняли турецкие воины (Сыроечковский 1940, с. 58). Впоследствии они оформились в турецкий стрелковый отряд секбанов (сейменов), подчиненный хану. Это чисто османское подразделение возглавлялось офицером (капыджи-баши), которого назначал султан. Личный состав отряда секбанов в Турции набирался (например, сейменский отряд Сахиба I Герая прибыл в Крым из Стамбула вместе с ханом, когда тот был назначен на престол (Смирнов 1887, с. 404), а у Мехмеда IV Герая он состоял из исламизированных греков, что также указывает на их происхождение из османских краев — если не напрямую из рядов янычар (Че-

леби 1961, с. 223). Из Турции поступало и денежное содержание для отряда — *sekban aqcesi* (Смирнов 1887, с. 405). Численность секбанов, во времена Сахиба I равная 1000 человек (Смирнов 1887, с. 404), в последующее время установилась на уровне двух тысяч (Челеби 1961, с. 223; Тунманн 1936, с. 26). В большинстве своем сеймены были пешими ружейными стрелками. Тунманн называл их конным войском (1936, с. 26), но едва ли ханский секбанский отряд сильно отличался от султанского, в котором преобладали пехотинцы (Желтяков 1961, с. 289).

Сахиб I Герай учредил еще одно пехотно-стрелковое формирование — корпус капы-кулу (Смирнов 1887, с. 414). Капы-кулу финансировались за счет ханских средств (Броневский 1867, с. 364, д'Асколи 1902, с. 117) и специального налога на крымское население (Смирнов 1887, с. 465–466). Набирались они из ханских подданных — в основном из черкесов (Броневский 1867, с. 335; Смирнов 1887, с. 414). Численность капы-кулу имела тенденцию к росту: при Газы II Герае — 500 человек (Смирнов 1887, с. 465), при Джанибеке Герае — 1000 (д'Асколи 1902, с. 117), а в 1660 г. Челеби упоминает о наличии у Мехмеда IV Герая наравне с двухтысячным отрядом сейменов равного по численности отряда «ханской охраны» (1961, с. 223), под которым следует разумеать войско капы-кулу.

Создание отряда капы-кулу было лишь частью ханской программы по расширению класса, целиком зависящего от хана, лично преданного ему являющегося противовесом недружественному Сахибу I (да и его преемникам) родовой знати (Fisher 1978, p. 23). Ханы опирались на капы-кулу в конфликтах с крымской знатью, не раз выставляя этот отряд против бейских войск.

Таковы, вкратце, были два известных вида стрелковых подразделений ханского войска. Теперь мы приступим к обзору сведений, позволяющих предполагать наличие в армии крымских ханов третьего формирования подобного же рода.

Когда Мехмед IV Герай в 1666 г. собирал силы для военных действий против вошедших с ним в конфликт Ширинов, он уделил особое внимание комплектованию корпуса пеших ружейных стрелков. Ему удалось собрать до 4300 человек (из которых 2000 являлись пришедшими на подмогу черкесами). Кроме того, как сообщает Эвлия Челеби: «Когда настало утро... (из Бахчисарая — Авт.) было послано известие ага Татского иля, что находится в Кефинском эйялете. К полуночи прибыло 2000 прекрасных стрелков из ружей из Татского иля. Они расположились в центре (диспозиции войск, расположенной вокруг Бахчисарая с целью обороны столи-

цы — Авт) прочным оплотом и встали наготове» (Книга путешествий 1999, с. 115). Последнее четко указывает, что татские стрелки были не всадниками, вооруженными огнестрельным оружием, а пехотинцами — ибо в центре оборонительной диспозиции (а именно такой характер носило размещение войск по Бахчисарайской долине, на высотах которой были устроены временные укрепления и окопы для стрелков (Книга путешествий 1999, с. 115) по всем законам военного искусства могли располагаться только стрелковые части, но никак не конница.

Данное сообщение о наличии в Татском иле (горном Юго-Западном Крыму, до османского завоевания 1475 г. составлявшего территорию княжества Феодоро) пехотного формирования находит неожиданную параллель в известном повествовании 1554 г. де Бусбека. Тот встречался и беседовал в Стамбуле с представителями крымских готов — народа, некогда заселявшего ту территорию, что позже именовалась Татским илем. Выяснение вопроса о том, действительно ли готы продолжали существовать в Крыму в качестве особого этноса в XVI–XVII вв., находится за рамками этого исследования. Де Бусбек свидетельствовал, что готы всё ещё сохраняли национальную самобытность, но для нас важнее другое: крымские собеседники посла сообщили, что когда крымский хан отправляется в поход, «он зачисляет из этого народа к себе на службу 800 человек пехотинцев — главную силу своих войск» (Vasiliev 1936, p. 270–271). Мы не имеем оснований подвергать сомнению последнее сообщение, поскольку сведения о наборе ханом пехотинцев в землях бывшей Готии подтверждает и Эвлия Челеби.

Челеби ничего не говорит о «готском» войске. По его терминологии, данный отряд следует именовать «татским», однако эти два определения в Крыму были практически синонимичны: татами здесь именовали всех горцев вообще (Филоненко 1928, с. 130–132), в том числе и горцев-христиан (Хартахай 1866, с. 210), — а в число последних как раз и входили готы либо (если как отдельный этнос они уже не существовали) — их потомки.

Помимо «татов», татары могли называть потомков готов «румами». Данный термин применялся для обозначения эллинизированной части крымского населения. Греками в точном значении этнонима эту категорию крымских жителей назвать было нельзя, поскольку румы являли собой этнический конгломерат разных народностей, объединенных единой — греческой — религией и греческим языком (Араджиони 1993, с. 147–148) (иногда уступающим свое место диалекту, близкому к крымскотатарскому языку (Бер-

тье-Делагард 1920, с. 1–10)) Как известно, готы постепенно ассимилировались в этом конгломерате. Если, судя по некоторым сообщениям (Vasiliev 1936, р. 270–271, 274, 275), отдельные локальные исключения и имели место, они не меняли общей картины ассимиляционного процесса.

Мы предприняли этот краткий экскурс в этнографию крымских горцев для того, чтобы попытаться верно истолковать данные реляции Белоцерковского старосты 1628 г., подтверждающие существование в ханской армии стрелкового отряда из горцев-христиан

В 1628 г. во время одной из последних схваток Шагин Герая (калги хана Мехмеда III Герая) с войском хана Джанибека Герая отряд в 20 человек из стана Шагина совершил вылазку от Днепра к Орской крепости, захватив в ее окрестностях в плен 16 татар и 250 «военных румаков» (Грушевский 1914, с. 371)

«Румаки» — не кто иные, как румы, крымские горцы. То, что они особо обозначены определением «военные», подчеркивает исключительность нахождения христиан греческого закона на ханской службе. «Военные румаки» — явно не янычары греческого происхождения, ибо несколькими строками выше источник упоминает янычар под их собственным наименованием. Не могли они принадлежать и к упоминаемому Челеби «румскому войску», в названии которого был положен не этнический, а территориальный принцип (в данном случае термин «румское» означал «войско из Рума», т. е. из земель бывшей Византии). Румское войско составляли татарские наездники из подчиненных султану орд (Книга путешествий 1999, с. 115), а реляция четко различает «румаков» и татар. Само количество пленных показывает, что они были взяты пешими: два десятка всадников не могли захватить в плен по 12–13 конных воинов каждый, в то время как с пехотинцами (если те не были хорошо вооружены, а в данном случае, по-видимому, так и произошло) проделать подобное мог даже небольшой отряд татарской конницы. Таким образом, здесь речь может идти именно о пешех стрелках из Татского иля.

Как явствует из данных Челеби, татские стрелки постоянно находились не при хане, а в Горном Крыму. Едва ли они являлись регулярным войском, сконцентрированным в определенной местности: ни горских стрелков, ни каких-либо иных подразделений (за исключением гарнизонов трех тамошних турецких крепостей), на территории Татского иля современники не видели.

Остается считать, что в мирное время «готские» стрелки проживали в селах близ Мангуна (такая локализация может следовать

из оперативности подхода татского войска на кампанию Мехмеда IV — при размещении татской пехоты в глуби горных массивов сборы заняли бы больше времени)

Если мы правы в своем предположении, проясняются некоторые темные места в эпизоде, описанном д'Асколи и известном в московских источниках: отряд запорожских казаков в 500–700 человек высадился ночью на 10 мая 1629 г. (Новосельский 1948, с. 136) на крымском побережье и, пройдя лесом к Мангупу, ранним утром ворвался в крепость. Малочисленный крепостной гарнизон [в 1660-х гг. он исчислялся всего 15 воинами (Книга путешествий 1999, с. 33) по М. Бронеvскому — «несколько турок» (1867, с. 343)] не смог отразить нападение, и оно увенчалось захватом немалых ценностей. Однако всё же набег оказался неудачен: казаков атаковали местные жители и отобрали либо заставили бросить добычу. Часть отряда была перебита или попала в рабство, а часть загнана в леса, где и скрылась от преследования (д'Асколи 1902, с. 121). Московский источник, умалчивая о разгроме казаков, сообщает, что после описанной акции казаки ушли в море (Новосельский 1948, с. 136). Вероятно, это были те участники набегав, которым удалось найти временное убежище в горных лесах.

История казацких набегов на крымские поселения имеет здесь едва не единственный пример активного (и эффективного!) сопротивления местных жителей вторжениям с моря.

Всегда и везде — будь то на крымском либо турецком побережье — попытки обитателей приморских местностей оказать отпор казакам были бесполезны, поскольку каждый казак, выходя в морской рейд, вооружался, помимо прочего, двумя «рушницами» (Яворницкий 1990, с. 369). Даже большую толпу селян легко можно было разогнать ружейными выстрелами.

Обычной тактикой набегав на приморское поселение была именно та, которую использовали и в данном случае: «Запорожцы... выбирали какое-нибудь безлюдное, но укромное место на берегу моря, причаливали туда со всеми своими лодками, оставляли лодки на месте под охраной двух казаков и двух мальчиков на каждом челне, а сами, вооружившись саблями, пистолетами и ружьями, внезапно бросались на первый город, жгли жилища, грабили имущество, истребляли жителей (резня — несмотря на очень слабую заселенность Мангупа (Боплан 1896, с. 327) — имела место и в описываемом случае (Новосельский 1948, с. 136)), и потом, с добычей, быстро возвращались к лодкам, садились в них всей массой и уходили в море» (Яворницкий 1990, с. 391).

Как свидетельствуют московские документы, население края

было в панике, разбегаясь в горы, леса и степь (Новосельский 1948, с. 136) Это неудивительно. противостоять козакам с их огнестрельным оружием селяне не могли. В таком случае, кто же остался близ крепости и разгромил козаков, вторгшихся в Мангуп? Д'Асколи не сообщает, каким именно образом происходила схватка поселян с участниками набега, но победа первых (притом, по-видимому, не столь уж многочисленных по причине бегства основной массы населения) предполагает, по крайней мере, паритет в вооружениях. Ружейный огонь мог рассеять толпу сельских жителей — если только, конечно, сама толпа не имела ружей.

Не столкнулись в данном случае казаки с татским ополчением, проживавшим в округе Мангупа?

Таким соседством стрелков с крепостью объяснялось бы то, что Мангуп, являвшийся местом хранения немалых ценностей, был снабжен ничтожной охраной при неудовлетворительном состоянии (Боплан 1896, с. 327) самой крепости. В предыдущем, 1628, году Мангуп был безнаказанно выжжен во время набега донцов (Соловьев 1866, с. 285), а ведь именно в это время татские стрелки находились вдали от своей вотчины, принимая участие в конфликте хана Джанибека Герая с мятежным экс-калгой Шагином Гераем.

Остается рассмотреть вопрос о том, являлся ли стрелковый отряд из Горного Крыма частью ханской армии, либо же относился к султанской.

Татский иль находился вне пределов Крымского ханства, являясь частью Кефинского эйялета Османской империи. Из 7 кадылыков эйялета в Крыму находились 5: Балаклавский, Мангупский, Судакский, Кефинский и Керченский (Книга путешествий 1999, с. 88). Понятие «Татский иль» было обобщающим наименованием для трех кадылыков, населенных татами: Балаклавского, Мангупского и Судакского. Два первых округа были отрезаны от остальной части турецких владений в Крыму горными массивами, зато были и географически, и хозяйственно тесно связаны с Крымским ханством.

Турецкое военное присутствие в регионе было очень слабым (15 стражников в Мангупской крепости, 50 в Инкерманской и 180 — в Балаклавской (Книга путешествий 1999, с. 33, 27, 31)). Похоже, что в силу естественной географической общности этих земель с Крымским ханством, ханская администрация была наделена в них некоторыми особыми полномочиями. Так, например, крымские ханы издавали указы о землепользовании на этих территориях (Лашков 1895а, №20, №21; 1896, №72), обладали (наряду

со многими своими подданными) в границах османских владений собственными землями и свободно распоряжаясь ими по своему усмотрению (Лашков 1895а, №10, №12; 1896, №74, №95, №118, №119). Большие территории в этих краях (например, весь Южный берег) передавались в удел крымским придворным — и местные жители признавали их своими начальниками (Лашков 1895а, №23). Налоги в самом Мангупском кадылыке собирались (были взяты на откуп) опять же крымцами (Лашков 1895а, №23) и т. д. Всё, что известно об использовании Мангупской крепости в XVI–XVII вв., имеет отношение не к османам, а к крымцам: ханы и богатые персоны хранили там свои ценности (д'Асколи 1902, с. 121; Люк 1879, с. 484; Новосельский 1948, с. 136), там же они укрывались во время внутренних смут (Люк 1879, с. 484), в ту же крепость в годы конфликтов с Московией ханы заключали царских послов (Броневский 1867, с. 343). Не исключено, что и часть забот об охране края по малочисленности в нем султанских войск были поручены Бахчисараю.

Последнее мы заключаем из того, что тат-агасы — начальник татского войска — являлся не османским, а ханским должностным лицом. Он входил в иерархию ханского двора (Хартахай 1866, с. 210) и был включен в список получателей московской дани (Савелов 1906, с. 92) (в то время как турецкий правитель Мангупа (кади) в этих списках, понятно, не значился — как представитель властей другого государства).

Есть и другие основания не сомневаться в крымском подданстве тат-агасы. Крымские ханы имели в своем полном официальном именовании титул «государя Татского» (Лашков 1892, №43, №50, №52 и др.), ничуть не входя в противоречие с сюзеренитетом султанов над Татским илем. Дело в том, что часть территории Горного Крыма, населенная татами (в пределах от правобережья среднего течения Бельбека через верховья Альмы к северо-западу массива Демерджи (Лашков 1895а, №35)) находилась во владении крымских ханов. Эта заселенная отличным от крымцев населением территория могла иметь начальника в лице тат-агасы, подобно тому, как подвластные Крыму ногайцы управлялись ялы-агасы. Полномочия тат-агасы как командира татского ополчения, возможно, распространялись не только на ханских, но и на султанских татов, что не противоречило принципу взаимодействия крымской и османской властей на территории бывшей Готии. Пребывание же тат-агасы не в Бахчисарае, а в Татском иле целиком отвечало сути его обязанностей. Жан де Люк прямо говорил, что правителем Мангупа является татарин (Люк 1879, с. 484). Конечно же,

крымские татары Мангупом не правили, но поводом к ошибке де Люка могло послужить именно высокое положение в Татском иле начальника горского ополчения.

Итак, обобщая вышеприведенные факты и основанные на этих фактах заключения, мы приходим примерно к следующей картине: в XVI–XVII вв. Крымское ханство, испытывавшее недостаток пеших стрелков в структуре своей армии, приглашало на военную службу горцев-христиан из земель бывшей Готии. Не являясь регулярным воинским подразделением, татские («греко-готские») стрелки под командованием ханского тат-агасы являлись особым, третьим, видом крымской пехоты. Их можно было использовать в качестве ханской гвардии и, возможно, в качестве военных поселян, противостоящих вторжениям с моря.

Литература

Араджиони М. А. К вопросу о некоторых концепциях этногенеза тюркоязычного позднесредневекового христианского населения Юго-Западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. №57.

Боплан, Гильом де. Описание Украины // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. II. К., 1896.

Броневский М. Описание Крыма // ЗООИД. 1867. Т. VII.

Грушевский М. История запорожского козачества. Т. 2. К., 1914.

Д'Асколи Эмилио Дортелли. Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. 1902. Т. 24.

Желтяков А. Д. Терминологический комментарий // Челеби Эвлия. Книга путешествий: Перевод и комментарии. Вып. 1. М., 1961.

Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Перевод и комментарии Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999.

Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством, хранящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891.

Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения // ИТУАК. 1895. №22.

Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения // ИТУАК. 1895. №22, 1896. №24.

Люк, Жан де. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // ЗООИД. 1879. Т. XI.

Новосельский А. Л. Борьба Московского государства с татарами в первой половине 17 в. М.: Л., 1948.

Савелов Л. М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626–1628 гг. // ИТУАК. 1906. №39.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала 18 в. СПб., 1887.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. IX. М., 1866.

Сырочковский В. Е. Мухаммед Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. 1940. Вып. 61.

Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1936.

Филоненко В. И. К вопросу о происхождении и значении слова «тат» // ИТОИАЭ. 1928. №2.

Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар. Ч. I // Вестник Европы. 1866. №2.

Челеби Эвлия. Книга путешествий. Перевод и комментарии. Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М., 1961.

Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків: У 3 т. Т. I. К., 1990.

Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, 1978.

Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.

Resume

Haiworonsky A. Ye. On the Christian Subunits in the Army of the Crimean Khanate.

The article deals with the problem of existence of a special kind of infantry («the *Tat* riflemen») in the army of the Crimean Khanate in the 16th-17th centuries, which had not been under the study before.

The Crimean Tartar's army were considered to be the best cavalry in Europe however its infantry consisted just of two units (with total number of soldiers about 4000): *Seymen* (guard) put at the Crimean khans' disposal by the Turkish sultans and a similar local unit called *Qapz qulu*.

Taking the information of several sources one could suppose that the Crimean army included also the third infantry detachment. It was mentioned for the first time in 1554 by Ogier Ghiselin de Busbee, who asserted that he had met in Istanbul two Crimean Goths. They told him that the Crimean khans used to recruit about 800 infantrymen from the Goths. The assertion by Busbee seems to be confirmed by Evliya Celebi who wrote in 1666 that an infantry unit from the lands of former Gothia (conquered by the Ottomans in 1475) took part in military campaigns of the Crimean khan.

Celebi called them «the riflemen from the *Tat* land». The Crimean Tartars used the word *Tat* as a name of an ethnical conglomerate of people of different origin, partly of descendants of the Crimean Goths, being under huge Hellenistic influence, united by their common Orthodox religion, and living in the Crimean mountains.

It is possible to suppose, that the *Tat* riflemen inhabited the vicinity of the Mangup fortress (the former capital of the Principality of Gothia) as an irregular forces guarding the area from raids of Ukrainian Cossacks and sometimes being called up by the Crimean khans to military campaigns.

Р. И. Куртмев

ТЮРКСКИЕ СИМВОЛЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

Крым — перекресток мировых цивилизаций. Тюркская цивилизация определила этнополитическую историю полуострова. Тюркские племена способствовали появлению Крымского ханства и турецкого санджака, которые просуществовали до конца XVIII в. На данных территориях сформировались такие народы, как крымские татары, караимы, крымчаки. Каждый из них имеет отличительную этническую характеристику и общую для них культуру. Нами рассматриваются символы в элементах орнамента традиционной одежды крымских татар. Проблема сложная, тема никем еще не разработанная. В процессе исследования, мы столкнулись с тем, что некоторые компоненты одежды крымских татар утрачены в результате насильственного переселения их из Крыма — в местах ссылки они уже не воспроизводились. В орнаменте, как совокупности знаков в национальной одежде, прослеживается этническая история, и прежде всего культура тюркских предков крымских татар.

В традиционной крымскотатарской одежде, в орнаментах наиболее ярко отражаются элементы тюркской культуры. Анализ орнамента традиционной одежды, коллекции которых хранятся в Бахчисарайском, Ялтинском музеях и в фонде Хатидже Доброй (крымскотатарский музей изобразительного искусства г. Симферополя), орнаментное шитье и вышивки (Чепурина 1928, Саковец 1997) позволяют выделить тюркские символы в элементах орнамента традиционной одежды.

— древо жизни (мировое древо),

— символ богини Умай (на алтайском языке Май-эне), которые отражают главные черты традиционного мировоззрения тюрков.

Сущность мировоззрения объясняется через знаковые сигналы, охранно-запретных символов, гаммы цветов, украшения орнаментов. Эти особенности нашли отражение в орнаментах одежды и бытовых предметах. Изображение мирового древа (Дунья агъачы), обязательно присутствуют на полотенцах, украшающих углы гостинных комнат (Чепурина 1928, с. 52, 56), на покрывале люльки, на подвязках носков (чорап бавы), подвязке шароваров (учкур) мужчин, на мараме (женское головное покрывало) и т. д. Нетюркские племена (иранцы, германцы, греки, римляне) и тюркские племена (древние турки, болгары, кыпчаки и т. д.) представляли, что окружающий их мир состоит из мира, где живут люди, мира богов и мира духов предков. Они связаны между собой при помощи «древа жизни». Иными словами, таков миропорядок, который лежит в основе мировоззрения многих народов.

Схема древа жизни:

А — корни древа — нижний мир — дух предков;

Б — ствол — символ стабильности;

В — крона (ветви и листья) — живущее ныне поколение;

Г — космос (небо)

Каждая зона у разных народов обслуживает свои национальные персонажи, которые имеют разные имена.

Например, в «Слове о полку Игореве» мироздание охраняют : орел — небо, белка — средний мир, волк — преисподнюю.

В скандинавской мифологии Ясень Иггдрасиль имеет три зоны. Каждую из них оберегает конь. По представлению египтян, на ветвях древа жизни живет богиня Нут. У египтян поклонение древу жизни связано с культом Осириса (Евсюков 1988, с. 109–169, Давлетшин 1990). Иными персонажами представлено мировоззрение тюркских племен.

Например, алтайские турки считают, что нижняя зона (корни древа) — мир душ предков, которых обслуживает Бог Эрлик вместе с подругой Тенгри-Умай. Он отвечает за воспроизводство потомков (Традиционное мировоззрение 1990). Богиня Умай охраняет колыбели с душами будущих детей, которые находятся в горной пещере и охраняются Хозяином горы — белым как лунь Старцем. У входа в пещеру сидят птицы и звери. Дверь в пещеру открывается во время жертвоприношения белого барашка (Сагалаев 1991, с. 58). Другой вариант легенды говорит, что турки южной Сибири считают, что колыбели с душами будущих детей висят на ветвях деревьев (Традиционное мировоззрение 1990, с. 16–32). В леген-

дах крымских татар Золотая колыбель хранится в горной пещере. Автором данной статьи из рассказов информаторов о легенде о Золотой колыбели зафиксировано более восьми названий гор, где якобы хранилась Золотая колыбель: Бор-Кая (близ села Кишлав-Курское), Ак-Кая (близ г. Карасубазара — Белогорск), Каплы-Кая (близ с. Буюк Озенбаш — Счастливое), Бинбаш Коба — северный склон Чатырдага) и т. д. Более вероятно, что эти святые горы принадлежали определенному роду (племени). Материалы информаторов свидетельствуют о том, что жители каждого региона полуострова считали, что Золотая колыбель находится именно у них, в их священной горе.

В связи с материалами о Древе Жизни, символах на орнаментах одежды и на предметах быта, с учетом легенд о Золотой колыбели, с уверенностью можно утверждать, что изображения Умай в святилище урочища Кызыл-Коба и на Караби яйле принадлежат предкам крымских татар (Ядыкин 1993, с. 116–146).

Следовательно, легенда крымских татар о Золотой колыбели есть символ Древа Жизни со всеми его атрибутами. Однако, религиозно-магическое мировоззрение тюрков зеркально не копируется нетюркскими предками крымских татар, т. к. силу воздействия определяет не целостная тюркская нация, а родоплеменные объединения: древнетюркского и хазарского каганатов, печенего-кыпчакской общности и тюркских племен Крымского ханства. Глубину проникновения и географию распространения определяют более тысячелетние воздействия тюркской культуры и ислама на культуру нетюркских предков. Процесс культурной ассимиляции шел при соприкосновении с христианством. Все эти причины способствовали изменению в тюркской мифологии, и фактически сложилась синкретическая, мировоззренческая мифология крымских татар.

Под таким углом зрения рассматривается пантеон Тенгри, семантика сигнальных, охранно-запретительных знаков, гаммы цветов, украшений и орнаментов.

Пантеон Тенгри

В мировоздании тюрков Тенгри является верховным божеством, устройтеlem мира вместе с богиней Умай и Эрликом (Р. И. Эльхан). Тенгри — божество верхней зоны мира — представляет судьбы людей, распределяет срок жизни, дарует верховную власть в обществе, воздействует на нее. Орхонские турки Центральной Азии считали, что Умай является женой Тенгри (ха-

тын) (Традиционное мировоззрение 1990, с. 66, 67). Умай регулирует рождение детей, охраняет их души, женщин и очаг дома (Ядыкин 1993, с. 53). Эрлик владеет нижней зоной мира, т. е. духами предков, является опорой Древа Жизни, придает ему импульс вечности. Формирует круговорот жизни в мире.

Символы и семантика персонажей пантеона Тенгри

Тенгри имеет следующие символы: круг(солнце), орла (иногда лошадь), цвет — голубой, обозначающий восток.

Умай обозначается символом треугольника. Это знак детородного органа. Он олицетворяет животворную, производящую функцию женского организма, обладает охранной, защитной функцией женщин и детей, очага, посредством стрелы из лука поражает злых духов.

Она изображается символиками луны, гребня, ножниц и стрелы. Присутствие богини Умай выражается цветами белым (серебряным). Считается, что плодovitость женщин оберегается наличием красного цвета на элементах их одежды, ношением сережек, вышивкой символа рога козла или же барана на груди одежды женщин (оберегает грудь). Символ стрелы на нарукавниках платья (эль кьапагъы) оберегает руки и тело женщин.

Эрлик имеет символ звезды. Воплощает души умерших (на древнетюркском языке — кут), которые функционируют в зоне Тенгри. Присутствие божества Эрлик обозначается черным цветом.

Время и иноэтническая среда в Крыму в какой-то степени деформируют стройную систему пантеона Тенгри, но повышают его статус. По истечении тысячелетий в этнической истории крымцев имя богини Умай заменяется именем матери пророка Исы (в Библии Мария, мать Иисуса) — Мерьем ана, которая часто наделяется функциями богини Умай, в тоже время ее символика сохраняется в элементах орнамента вышивки женской одежды и на бытовых предметах: на рукаве платья (эль кьапагъы), на свадебных платочках, на подвязках чулок детей, кисете (сумочка для табака), на летней женской обуви и т. д. Белые и серебряные галуны используют при окантовке разрезов женского платья. Платок, повязанный на талии женщины, имеет форму треугольника. При переходе девочки в возраст девушки, на нее надевают передник (оглюк), символизирующий, что носительница передника находится под покровительством богини Умай (Традиционное мировоззрение 1990, с. 135). Имя бога Эрлика крымские татары ныне не употребляют. Однако, они сохраняют память о предках. Дух (душа) умер-

шего всегда присутствует при разговорах в семье и среди родственников.

Изложенные материалы свидетельствуют, что тюркская культура наложила определенный отпечаток на традиционную культуру крымских татар.

Литература

Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура. Казань, 1990.

Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988.

Куртиев Р. И. Календарные обряды и обычаи крымских татар. Симферополь, 1996.

Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Новосибирск, 1991.

Саковец Т. М. крымские орнаменты в рисунках В. В. Контральной (из фондов БГИКЗ) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I Симферополь, 1997.

Спасская Е. Ю. Татарские вышивки Старо-Крымского района / по материалам А. М. Петровой // Известия восточного факультета азербайджанского государственного университета. Востоковедение. Баку, 1926. Т. 1.

Традиционное мировоззрение тюрков южной Сибири. Новосибирск, 1990.

Чепурина П. Я. Орнаментное шитье Крыма, М; Л., 1928.

Ядыкин В. И. Изображение Умай в святилище урочища Кызыл Коба // Материалы по археологии, истории и этнографии. Вып. 3. Симферополь, 1993.

Resume

Kurtiev R. I. The Turkic Symbols in the Crimean Tartars' Traditional Culture.

The article deals with symbols in elements of the Crimean Tartars traditional clothes by means of the analysis of funds collections of museums, preserves, and private collections.

О. А. Желтухина

ФОНТАНЫ КРЫМА В ПОЭЗИИ ПУШКИНА

В произведениях о Крыме Пушкин часто пишет о фонтанах. Их описания мы находим в стихотворениях «Фонтану Бахчисарайского дворца», «В прохладе сладостной фонтанов», в поэме «Бахчи-

сарайский фонтан», где слово «фонтан» есть в названии и эпиграфе поэмы, неоднократно встречался в тексте: // Одни фонтаны сладозвучны // Из мраморной темницы бьют //, // Воздвигнул мраморный фонтан //, // Мрачный памятник оне // Фонтаном слез именovali //, // Дыханье роз, фонтанов шум // и т. д. Бахчисарайский фонтан Пушкин вновь вспоминает в отрывке из «Путешествия Онегина»: «Скажи фонтан Бахчисарая».

Из всех фонтанов, описанных Пушкиным, наиболее известен «Фонтан слез», с которым никто из путешественников до Пушкина не связывал легенду о горячо любимой и рано умершей жене хана пленнице-христианке. После выхода Пушкинской поэмы «Бахчисарайский фонтан». Он стал источником легенд и поэтического вдохновения» (Малиновская 1993, с. 19)

Далее легенда о «Фонтане слез» развивалась, в основном, в варианте, изложенном Пушкиным. В послевоенный период она печаталась в пересказе М. Г. Кустовой (1963, с. 153–156). Легенду о «Фонтане слез», по ее словам, она услышала в Бахчисарае от одной из наиболее известных рассказчиц в городе — Зулхат, — будучи еще молодой девушкой.

По новому взглянуть на «Фонтан слез» помогла работа Л. Н. Малиновской, попытавшейся понять, какие же мысли вложил сам восточный мастер в довольно многочисленные детали «Фонтана слез» (1993, с. 174–187).

Между тем, описание ряда деталей «Фонтана слез» Пушкиным, так и описание других фонтанов Крыма в поэзии Пушкина остались незамеченными исследователями его творчества.

Поэт же не случайно так много строк посвятил фонтанам Крыма. Как отметил академик П. С. Паллас: «Самое лучшее, что заслуживает похвалы в Бахчисарае, равно как и во всех татарских городах, это водопроводы. Вода, проведенная глиняными трубами из отдаленных гор, постоянно льется частью в резервуары, частью в красивые бассейны. Все водопроводы по татарским законам содержатся на общественный счет и в удивительном порядке (1881, с. 90).

В Крыму только в Бахчисарае было 120 фонтанов, которые питали 32 источника; около 100 фонтанов было в Феодосии, множество — в Карасубазаре, в Симферополе и других городах и селах Крыма. Здесь берегли даже самый маленький ручеек воды. Их направляли по каналам или глиняным трубам, даже роса собиралась в воронки из обточенных камней. В черновиках Пушкина есть такое наблюдение:

*В пустыне
Пробился ключ
Обложен камнями простыми.*

Устроить фонтан в степи, у дороги, дать воду путнику на Востоке считалось одним из высших благодеяний. Не мало фонтанов стояло по крымским дорогам. Фонтаны ставились в память об умерших родственниках и погибших воинах, для блага города, в память о важных событиях их устроителей. «Человек, желавший войти в расположение к Аллаху, почтить память предков, увековечить свое имя, мог сделать полезное для людей дело, построить фонтан» (Чурлу 1998, с. 34).

Строили фонтаны люди знатные, состоятельные. Описывая Бахчисарай в XVII в., Э. Челеби отметил: «В различных окрестных уголках находится 47 колодцев общественных, построенных за упокой души воинов, погибших в пустошах Кербелы. Это колодцы: Ислам Герай хана, Сефер Гази-ага, аги татов Танбури, Рамазан-ага, Алемшаха и другие колодцы придорожные» (1996, с. 111). В Бахчасарае же были фонтаны нураддина Селим Гирей Султана, ханов Каплан Гирея, Селим Гирея, Крым Гирея. Кроме фонтанов, построенных ханами для украшения своего дворца, в Бахчисарае на деньги ханов были построены фонтаны у городских ворот, на базарах города, у ряда мечетей. Деньги для их содержания шли по традиции, заведенной со времен ханов, с построенных ханами и сданными в аренду 20 торговых лавок, доходов с фруктового сада в Сюрени, с постоялого двора в Бахчисарае (Архив СМ АРК ф 489, оп. 1 д 650, с. 2–8).

Напиться воды из фонтана мог любой человек. «Пьют ее все беи, бедняки и все творения Аллаховы и радуют тем души, погибших за веру в пустошах Кербелы» (Челеби 1996, с. 74).

На фонтанах, кроме имени их строителей и даты постройки, обычно имелись цитаты из Корана, в том числе: «От воды всякая вещь получает жизнь». Данный стих Корана, который написан на всех фонтанах, показывает, что все мусульмане смотрят на воду как на источник жизни» (Эссад 1919, с. 259).

Фонтаны были центром общественной жизни крымской деревни. Здесь женщины могли встретиться, обсудить новости. А. Чеглок заметил, что в XIX в. в Крыму если встречалась женщина, шедшая навстречу путешественнику, то это была женщина, которая шла «с медными кувшинами за водой» (1910, с. 42). У фонтана парни высматривали себе невест.

Во времена Пушкина «Светлый фонтан» стоял в начале деревни Гурзуф. Видимо о нем писал А. С. Пушкин в связи с наблюдениями о гурзуфской жизни:

*Пока супруг тебя красавицу младую,
Между шести других еще не заключил,
Ходи к источнику могил
И черпай воду ключевую
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит и исчезает —
Так жизни время убегает,
В гареме так исчезну я.*

В стихотворении Пушкина фонтан назван «источником могил», возможно потому, что ему было известно, что в Крыму источник, фонтан часто связывался с легендой о пребывании или захоронении недалеко от этого места кого-то святого, а также, то что фонтаны ставились в память об умерших родственниках. В черновиках Пушкин так и писал «Ходи к фонтану близ могил» [т. 2 (2), с. 822]. Интересно и поэтическое сравнение жизни с движением воды, сравнение характерное для мусульманского мировоззрения.

Ряд исследователей творчества Пушкина предлагали фонтан в Гурзуфе включить в число Пушкинских мест (Бертье-Делагард 1995, с. 144).

Ко времени приезда поэта в Крым часть фонтанов в Симферополе, Феодосии «по своеволию и нерадению» (Паллас 1881, с. 90) была разрушена. Но основная часть фонтанов Бахчисарая охранялась. В штате дворца, наряду с садовником, был и фонтанщик, смотревший за ними. Вода фонтанов была свежей, прозрачной, позже в поэме Пушкин писал:

*Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью
Невольню предавался ум
Неуязвимому волненью.*

В начале XIX в. в Бахчисарайском дворце были следующие фонтаны: «каскадный фонтан» (так тогда назывался «Фонтан слез») и золотой фонтан в фонтанном дворике, два фонтана и каскад в цветнике, гаремный водомет и гаремный водомет в беседке, фонтан при большой кухне, фонтан смотрительский, фонтан на большом дворе, фонтан от большого двора к пустырю, фон-

таны у Персидского дворца, галерея с фонтаном у старого дворца (Маркевич 1895, с. 148).

Один из самых красивых фонтанов дворца находился в беседке на первом этаже. Фонтан, так же как и плиты окружающего его пола был изготовлен из мрамора. Рядом с этой беседкой был разбит небольшой садик с цветником. Об этих беседке и садике писал И. М. Муравьев-Апостол «Между сею полусгнившею беседкою и комнатою, о которой я говорил, на нижнем помосте, с мраморным фонтаном есть прекрасный цветник, где митр и розы могли некогда внушать песни татарскому Анакреону» (1823, с. 115).

Очевидно, вспоминая эту беседку, писал и Пушкин:

*В прохладе сладостной фонтанов
И стен обрызганных кругом
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.*

Ряд описаний, соответствующих реальным интерьерам и постройкам дворца, Александр Сергеевич сделал в основном тексте поэмы «Бахчисарайский фонтан». Хотя сам он отметил, что в эпилоге «... описание дворца в нынешнем его положении подробно и верно». (Т. 13, с. 83). К таким описаниям относятся упоминания о фонтанах в гареме. Об одном из этих фонтанов писал еще приехавший в Крым вместе с Екатериной II французский посол Сегюр. «... поместились в комнатах Серая, к ним примыкал красивый сад, окруженный высокою стеною. Единственной мебелью в этих комнатах были широкие диваны вдоль всей стены. Середину комнаты занимало вместилище для воды из белого мрамора, беспрерывно струившим поток чистой, свежей воды (Записки 1865, с. 211).

Эту беседку и описал Пушкин в поэме.

*Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели.*

К фонтану в гаремном саду, очевидно, относятся следующие строки Пушкина:

*Или при шуме вод живых
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов густых
Гуляют легкими роями.* (Т. 4, с. 385).

У Пушкина есть и другие описания гарема, соответствующие действительности:

//Как идут пленницы младые//

//Купаться в жаркие часы//

//Она в купальне потаенной//.

Наличие в гаремном саду каменных купален отметил и П. С. Паллас (1881, с. 78).

До нашего времени гаремные купальни не сохранились. В 20-е гг. XIX в. почти весь гарем был снесен.

Одним из первых фонтанов, которые Пушкин увидел в Бахчисарайском дворце был «Фонтан слез». Позже поэт писал: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан, из заржавой железной трубки по каплям падала вода» [Т. 8(1), с. 438]. Этот же фонтан Пушкин назвал «мрачным» или «печальным» памятником, заметив эту крымскую традицию ставить памятники — фонтаны. Ведь «если европейский владыка сооружает в ознаменование чего-нибудь монументальное сооружение со статуарной пластикой, — то татарский хан, конечно прежде всего, отдается самому милому его сердцу созданию — постройке тихого, прохладного фонтана», — отмечал М. Гинзбург (1992, с. 215–216).

Фонтан — памятник рано умершей жене или наложнице хана Крым-Гирея, известной под именем Диляры-Бикечь и описал Пушкин, не зная, что ей еще посвящена мечеть Ешиль-Джами, и не вспомнив о гробнице, где она похоронена. От этой гробницы, очевидно, и был перенесен фонтан во внутренний дворик, где его увидел Пушкин. Академик Н. П. Кондаков писал: «Старожилы Бахчисарая еще во времена Домбровского помнили, что фонтан слез находился ранее у этой могилы и перенесен был сюда уже при Екатерине. Плохая постройка, засоренность водопроводов были причиной недостатка воды в фонтане. Но романтическая мечта придала мысль этому недостатку. Фонтан стал «мрачным памятником», назван «фонтаном слез», а между тем надпись называет его Сель-Себийль, именем райского источника, поющего по Корану, души павших за ислам, воспевая хана, соорудившего фонтан для общего пользования. (1890, с. 44).

Фонтан, действительно, на европейцев не производил особого впечатления. При этом многие отмечали, что «Фонтан слез» некрасив. Вот как его описывал Л. П. Гроссман: «Приземистое и грубое сооружение, напоминающее камин, было вделано в стену

полутемного крытого дворика, как небольшая молельня или усыпальница» (1960, с. 62).

Между тем, фонтан интересен не только «поэтическими слезами», воспетыми поэтом, но и сам по себе как памятник восточной архитектуры малых форм, что почувствовал Пушкин, который, несмотря на болезнь и кратковременность пребывания в Бахчисарае, сумел дать его довольно таки подробное описание.

*Воздвигнул мраморный фонтан
В углу дворца уединенный
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.*

Перевод надписей над фонтаном был известен Пушкину; в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» он писал // Хвалу стране прочел я дальней // Но о Марии ты молчал //. В верхней надписи над фонтаном интересны последние строчки: «О! Шейхи! Кто будет утолять жажду, пусть самый кран языком своим скажет хронограмму: приди, пей воду чистейшую, она приносит исцеление» (Борзенко, 1850, с. 493–494).

Суфии считали, что шейхи — наставники в суфийских орденах могут входить в непосредственный контакт с Аллахом. Молитва, переданная через таких посредников, считалась действеннее. Эпиграфом к поэме «Бахчисарайский фонтан» Пушкин взял строчки из ... одного из шейхов Саади Ширази (1184–1291). «Многие так же как и я посещали сей фонтан, иных уж нет, другие странствуют далече»

Каллиграфически правильно выполненные надписи — важная составная часть восточных декораций. В облике «Фонтана слез» эти надписи гармонично включены в одну среду с чувством мрамора, растительным орнаментом, с мотивами райского сада. В Коране сады, плоды, источники описываются одновременно. «Для них — определенный надел плоды, и они будут в почете в садах благоденствия» (а. 40–42). «Будут обходить их чашей из источника прозрачного, услады для пьющих» (а. 44–45)

В «Фонтане слез», ниже надписи и растительного орнамента в арке, изображена вода — источник жизни. Жизнь прекращается, вода превращается в слезы (Бахчисарайский фонтан и Мисхор-

ский, связанный с легендой об Арзы-хыз или с Мисхорской русалкой).

Когда следишь за каплей «слез» из фонтана, как она течет из чашечки в чашечку, растекается по мрамору и остается одна — открытой, не защищенной, невольно думаешь о человеке, который сильно любил и сильно страдал

*Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами
Не умолкая никогда,
Так плачет мать во дни печали
О сыне падшем на войне.*

М. Волошин, описывая фонтаны Бахчисарайского дворца и сравнивая их с европейскими, писал: «И когда я припомнил много-саженные ракеты и тяжелые водопады версальских вод и римских фонтанов, тут мне стало понятно безнадежное варварство европейского искусства, играющего массами и количеством, сравнительно с этой строгою сдержанностью в средствах и щедростью в достижении нужного эффекта» (1988, с. 302).

В Бахчисарае над «Фонтаном Слез» изображен полумесяц (алем), знак, ставящийся над священными фонтанами. Интересны строчки Пушкина с описанием этого алама. // Над ним крестом осенена // Магометанская луна // Символ конечно дерзновенный // Незнания жалкая вина // В одном из писем поэт писал П. А. Вяземскому: «Оставь эти стихи, пускай они «Aux Saumaise futurs preparent des tortures». (1926, с. 66), что в переводе с французского означает «будущим Сомезам готовят пытки», то есть, хотя Пушкин и писал, что над фонтаном изображена осененная крестом магометанская луна, сам в этом не был уверен. Он просто создал загадку для исследователей своего творчества, и думал, что они, подобно французскому ученому и критику, долго будут дискутировать по поводу этих строк. Но если кто и обращал внимание на эти строчки Пушкина, то до ранее упоминаемой статьи Л. Малиновской (1993, с. 180) их воспринимали буквально, как крест и луну.

О полумесяце можно прочитать в Коране. Там есть клятва: «Клянусь месяцем!» (а. 35), а в суре «Воскресенье» сказано и «объединятся Солнце и Луна» (а. 9).

Над «Фонтаном Слез», кроме полумесяца есть изображение больше похожее не на крест, а на прорастающее растение или трилистник, который Пушкин назвал «крестом». Известный знаток

мусульманских орнаментов Г. Галвей цветущий лист рассматривает как изображение пальмы (1980, с. 28). Пальма — одно из деревьев, описанных в Коране. Такие деревья изображались обычно как символы будущей жизни. Близка им по значению и символика креста. В христианской символике крест означает возрождение человека к новой вечной жизни через крестные мучения.

Пушкин же, как «поклонник мира», соединил крест и полумесяц.

Еще один водоем, описанный Пушкиным в поэме «Бахчисарайский фонтан», — это «пучина вод», в которую бросили провинившуюся Зарему.

В этой связи все путеводители по Крыму XIX — нач. XX в., как одну из достопримечательностей Бахчисарая называли бассейн рядом с летней беседкой, куда, как они утверждали, исходя из слов Пушкина, опустили ревнивую Зарему.

Лишь один академик Н. П. Кондаков спорил с ними. Он говорил, что бассейн, наполняющийся водой из мраморного стенного фонтана, вовсе не напоминает «пучину вод» (1890, с. 443).

Действительно, в этом описании Пушкина, нужно отметить влияние Байрона. Это у Байрона в поэме «Гуляр» неверную наложницу бросили в море.

Наиболее известное произведение Пушкина, где он пишет о фонтанах, после поэмы «Бахчисарайский фонтан», — стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца». Рядом исследователей творчества Пушкина правильно было замечено, что в большей степени это обращение к фонтану созданному и описанному самим поэтом, чем обращение к скромному памятнику, стоящему в углу крытого дворика, рядом с официальными покоями крымского хана.

В конце этого посвящения Пушкин писал:

*Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минувшие виденья
Души неясный идеал?*

Этому фонтану Пушкин принес две розы. В черновиках Пушкин неоднократно повторил просто «несу розы» [Т. 2(2), с. 818].

В целом же в описании фонтанов Крыма Пушкин проявил свойство, отмеченное Ф. М. Достоевским, понимать культуру других народов так же хорошо, как культуру своего народа (1988, с. 422).

В описании фонтанов, как и в других описаниях в поэме «Бахчисарайский фонтан», проявилась лучшая сторона поэмы, «живые

картины мухаммеданского Крыма», отличающиеся «роскошью поэзии» (Белинский 1947, с. 426). Вместе с тем, при всем упоении Востоком, влиянии Байрона, загадке в описании «Фонтана слез» Пушкин создал ряд точных и достоверных зарисовок.

Литература

- Белинский В. Г. Избранные сочинения. М., 1947.
- Бертье-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин в Тавриде. Симферополь, 1995.
- Борзенко А. А. Бахчисарайские и турецкие надписи // ЗООИД. 1850. Т. 2.
- Волошин М. А. Сарьян // Лики творчества. Л., 1988.
- Гинзбург М. Татарское искусство в Крыму // Забвению не подлежит. Казань, 1992.
- Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. М. Л., 1960.
- Достоевский Ф. М. Пушкин // Светлое имя Пушкин. М., 1988.
- Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствовании Екатерины II. СПб., 1865.
- Кондаков Н. П. О Бахчисарайском Дворце и его реставрации. // Искусство и художественная промышленность. №6. СПб., 1890.
- Кустова М. Г. Легенда о фонтане слез // Легенды Крыма. Симферополь, 1963.
- Малиновская Л. Н. К вопросу о фонтане «слез» // Русская культура и Восток. Третьи Крымские Пушкинские чтения. Симферополь, 1993.
- Малиновская Л. Н. Семантическое поле Бахчисарайского фонтана («слез») в контексте исламской традиции // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Маркевич А. И. К истории Бахчисарайского дворца // ИТУАК. 1895. №23.
- Марков Е. Л. Очерки Крыма. Симферополь, 1994.
- Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.
- Паллас П. С. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. 1881. Т. 12.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 19 томах. М., 1994–1998.
- Пушкин А. С. Письма (под редакцией В. Л. Модзалевского). 1915–1925. Т. 1. М., 1926.
- Чеглок А. Красавица Таврида. М., 1910.

- Челеби Э. Книга путешествий. Симферополь, 1996.
 Чурлу М. Живительная стихия // Къасевет. 1998. №1.
 Эссад Д. Константинополь от Византии до Стамбула. М., 1919.
 Georg Callwey. Ornamente. Eintausedeins islamische Motive. Munchen. 1980.

Resume

Zheltukhina O. A. Fountains of the Crimea in Pushkin's Poetry.

Pushkin's descriptions of fountains of the Crimea are analysed in the article. There are explanations of several details of «The Fountain of Tears» and other fountains, which remained unnoticed by other scholars investigating the poet's creative works. In this respect there is a commentary to the poem *Poka suprug tebia krasavitsu mladuyu...* (While husband you, young beauty...). The enigma of *Fontan slioz* (The Fountain of Tears) is explained, the influence of Byron in the poet's creative works, Pushkin's ability to understand cultures of other people as well as his own are already mentioned.

А. Ю. Маленко

ПУШКИН И ЛЕГЕНДА О БАХЧИСАРАЙСКОМ ФОНТАНЕ СЛЕЗ

Тема «утаенной любви» проходит через всю лирическую поэзию Пушкина с 1819 по 1828 г., от стихотворения «Дорида» до поэмы «Полтава». Пик ее развития относится к первой половине 1820-х гг., то есть, ко времени создания поэтом «крымского» романтического цикла произведений. Тема вызвала большой интерес. В немалой степени этому способствовал сам поэт, воздействовавший на публику через переписку и определенную линию поведения. Постепенно у поклонников его поэзии, его окружения, сложилось представление о личном характере стихов об «утаенной любви», об их связи с крымскими впечатлениями Пушкина. Убедительность такому представлению придадо то, что автор стихов дал понять своим корреспондентам, что предмет его любви и женщина, сообщившая ему бахчисарайскую легенду о старинной любовной драме, — одно и то же лицо. Еще летом 1823 г. Пушкин писал брату об одесском поэте и сослуживце В. И. Туманском: «... прочел ему отрывки из «Бахчисарайского фонтана» (новой моей поэмы) сказав, что я не желал бы напечатать ее потому, что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен...» (Т. 10, с. 53). Позднее в письме к А. А. Бестужеву-Марлинскому поэт сделал важное признание:

«Я суеверно переключал в стихи рассказ молодой женщины» (Т. 10, с. 67). Особую роль в распространении этой версии сыграло «Письмо к Д.», литературная часть которого под названием «Отрывок из письма к Д.» была в 1826 г. напечатана в альманахе «Северные цветы» на 1826 г. С 1830 г. текст «Отрывка...» неоднократно печатался как приложение к поэме «Бахчисарайский фонтан», что способствовало закреплению в сознании читателей указанной мысли. В отличие от всех других источников, в «Письме к Д.» и его варианте (в «Северных цветах») есть зашифрованное указание на лицо, сообщившее автору легенду. Оно содержится в двух фразах, с которых начинается описание бахчисарайского дворца: «Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes». (Т. 6, с. 430)

Почитатели, а затем и многие биографы Пушкина стали считать неизвестную К. объектом тайной любви поэта и вдохновительницей «Бахчисарайского фонтана», рассказавшей ему предание, лежащее в основе поэмы. Усилия пушкинистов были в дальнейшем направлены на определение личности таинственной К. Вместе с тем, создавались концепции, в которых смысл и значение этого инициала трактовались иначе. Не всегда исследователи связывали вопросы об «утаенной любви» поэта и о женщине, сообщившей ему легенду, воедино. Еще в 1899 г. М. Б. Карский высказал мнение о том, что объектом чувств Пушкина была, «вернее всего», «юная и нежная Елена», дочь генерала Н. Н. Раевского. Он считал, также что «темой для поэмы послужил рассказ Кат. Ник. Раевской, слышанный Пушкиным в Гурзуфе» (Карский 1899, с. 48), а инициал К. расшифровывается как Катерина Николаевна Раевская.

В начале века П. И. Бартенев в комментарии по поводу фразы с буквой «К» писал: «Вероятно, эта та самая женщина, про которую Пушкин говорил, что поэма его Бахчисарайский фонтан есть не что иное, как переложение в стихи её рассказа. Буква К. поставлена в печать, может быть, для прикрытия» (1992, с. 154). Ученый считал, что Пушкину нужно было отвлечь внимание читателей от женщины, в которую поэт был влюблен.

Так же объяснил появление этой буквы в «Письме к Д.» и профессор П. Е. Щёголев, считавший объектом любви поэта Марию Раевскую. Он же доказывал, что предание о Фонтане слез Пушкин узнал от Николая Раевского-младшего. Его доказательство строится на анализе черновика пушкинского посвящения к «Бахчиса-

райскому фонтану». В заглавии посвящения поставлены инициалы «Н. Н. Р.» В черновике он обратил внимание на вариант позже измененного стиха:

*«Давно печальное преданье
Ты мне поведал в первый раз».*

В этом случае налицо противоречие между данным вариантом и известным П. Е. Щёголеву текстом «Письма к Д.». Исследователь объяснил появление буквы «К» тем, что поэт прибегнул к мистификации, цель которой — отвлечь внимание от сестер Раевских, на которых могли обратить внимание после публикации Ф. В. Булгарина и А. А. Бестужева-Марлинского (Щеголев 1931, с. 180–254). Такое объяснение нельзя признать удовлетворительным. Оно опровергается хронологией публикаций. Элегия «Редееет облаков летучая гряда...» была напечатана в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г., вышедшем в декабре 1823 г. Вскоре между поэтом и издателем А. А. Бестужевым-Марлинским возник конфликт из-за трех последних строк, опубликованных вопреки желанию Пушкина. Вторая публикация — заметка Ф. В. Булгарина «Литературные новости» — где автор предал гласности отрывок из письма Пушкина к А. А. Бестужеву-Марлинскому от 8 февраля 1824 г. (где он сообщал, что «суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины») была осуществлена в третьем номере первой части «Литературных листков» за 1824 г. А теперь посмотрим, когда впервые прозвучал инициал К. «Отрывок из письма к Д.» был напечатан в апреле 1825 г. в «Северных цветах» на 1826 г. Как видим, первые две публикации осуществлены намного раньше последней. Становится ясно, что Пушкин не преследовал цель отвлечь внимание читателей двух предыдущих публикаций от сестер Раевских, иначе «Отрывок из письма к Д.» появился бы в печати намного раньше. Таким образом, противоречие между двумя текстами Пушкина сохранялось, и функция буквы «К.» оставалась невыясненной.

Другая часть гипотез создавалась из предложения, что буква «К.» является инициалом женской фамилии.

П. К. Губер видел за этим инициалом графиню Наталью Викторовну Кочубей, дочь тогдашнего министра внутренних дел. (1990, с. 254–279)

В интереснейшей работе Ю. Н. Тынянова «Безыменная любовь» называется имя Екатерины Андреевны Карамзиной, жены великого историка. (1968, с. 209–232)

Б. Л. Недзельскому принадлежит новое прочтение первой черновой редакции исследуемой нами фразы: «В первой редакции черновика даже ясно читается: «К. поэтически описал мне его (фонтан), а не «описала» (1929, с. 77). Он же пришел к выводу о том, что «для решения вопроса о том, кто рассказал Пушкину Бахчисарайскую легенду, загадочная буква «К» в письме к Дельвигу не может дать никаких указаний» (1929, с. 77).

Отвергая либо принимая букву «К» в качестве инициала женского имени, все исследователи, в конечном итоге, искали объект привязанности поэта. При этом, как видим, абсолютизировалось биографичность пушкинского творчества. В этом, изначально неправильном подходе следует, очевидно, искать причину одностороннего характера поисков. Одним из результатов такого подхода стало недостаточное изучение текстов Пушкина. За пределами исследований остались черновые редакции «Письма к Д.» Одна из них, первая черновая редакция фразы, содержащей букву «К» имеет принципиальное отличие от окончательного варианта. Впервые она была опубликована в 1940 г. в восьмом томе академического издания сочинений Пушкина. В этой редакции фраза звучит так: «К поэтически описал мне его и называл *La fontaine des larmes*». (Т. 8, 1940, с. 1000). Дата опубликования в определенной степени объясняет причину, по которой первые исследователи вопроса не учли эту редакцию. Такое прочтение было осуществлено редакторским коллективом тома, который составляли виднейшие пушкинисты — С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, И. Н. Медведева, Б. Л. Модзалевский и общий редактор тома Б. В. Томашевский.

Более поздние исследователи могли ознакомиться с ней и в других изданиях. Так, в комментариях к «Отрывку из письма к Д.» в десятитомном издании сочинений Пушкина профессор Б. В. Томашевский отметил: «После слов «влюбленного хана» в черновом тексте следует: «К. поэтически описал мне его и называл *La fontaine des larmes*». Только в беловом тексте Пушкин заменил мужской род женским, согласно тексту поэмы». (Т. 6, с. 553). Анологичный комментарий М. Е. Мясоедовой содержится в сборнике автобиографической прозы Пушкина (1989, с. 333–334) и некоторых изданиях сочинений.

Но введение в научный оборот нового варианта прочтения не привело к смене в направлении исследований. Очевидно, сказалось влияние традиции, заложенной выдающимися пушкинистами многие десятилетия назад. В 1960 г. появилось исследование

Л. П. Гроссмана, где автор обосновывает версию, согласно которой «К.» — Софья Станиславовна Киселева, жена начальника штаба второй армии. «Киселева поэтически описывала мне его» (1960, с. 53) — так, по мнению Л. П. Гроссмана расшифровывается пушкинская фраза из «Отрывка ...».

Б. В. Томашевский изложил свою точку зрения по вопросу об источнике информации Пушкина с учетом нового прочтения исследуемой фразы, что стало исключением. В своей монографии «Пушкин» он утверждал, что легенду о фонтане слез поэт узнал «в семье Раевских». Наличие двух вариантов прочтения он объяснял тем, позднее Пушкин сам не мог установить точно от кого конкретно он ее услышал. Б. В. Томашевский писал: «Неопределенность этой буквы усиливается тем, что в черновике фраза читается».

«К. поэтически описал мне его и называл *La fontaine des larmes*». Итак, мы даже не знаем — он или она скрывались под буквой «К.» (1990, с. 119). Не претендуя на окончательное решение проблемы, ученый признал правомерным существование двух направлений исследований, соответствующих двум вариантам прочтения черновика «Письма к Д.».

Итогом проводившихся разысканий стало значительное число концепций, созданных в результате традиционного прочтения пушкинской фразы из «Письма к Д.». Разработки с учетом второго варианта прочтения не проводились, что обусловило односторонний характер исследований. Этим и определяется необходимость продолжения поиска, конечная цель которого заключается в получении ответа на вопрос: был ли в мужской части окружения Пушкина кто-либо с фамилией, начинавшейся с буквы «К», и кто мог бы сообщить ему бахчисарайскую легенду до приезда поэта в Крым.

В петербургском круге общения поэта нет никого, кто удовлетворял бы этим требованиям.

Такое лицо обнаруживается среди тех, с кем Пушкин встречался в Киеве в 1820–1821 гг. В монографии И. Л. Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки» (1968) опубликованы фрагменты воспоминаний Веры Ивановны Анненковой, урожденной Бухариной (1813–1902 г. г.), в детстве не раз видевшей Пушкина в киевском доме своего отца. Часть воспоминаний, напечатанных в этом исследовании, относится к 1820–1821 гг., когда поэт дважды побывал в Киеве. Впервые он приехал сюда 14 либо 15 мая 1820 г. и находился в городе недолго. Уже 15 или 16 мая Пушкин, направлявшийся в Екатеринослав, проехал Золотоношу. Тем не менее,

В. И. Анненкова утверждает, что именно тогда она увидела поэта.

Семья Бухариных была тогда самой известной в городе. Иван Яковлевич Бухарин (1772–1858 гг.) принадлежал к числу крупных администраторов Александровского царствования. Он служил вице-губернатором Кавказской губернии, был Выборгским вице-губернатором, финляндским, рязанским и астраханским губернатором. В 1820 г. его перевели на ту же должность в Киев.

Его жена, Елизавета Федоровна, урожденная Полторацкая (1789–1828 гг.), приходилась двоюродной сестрой Анне Петровне Керн и племянницей Елизавете Марковне Олениной — жене статс-секретаря и президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина.

Дом семьи губернатора был всегда полон гостей. Бывали здесь и их ближайшие соседи — Раевские. В. И. Анненкова вспоминала:

«Сад губернаторского дома был у нас общим для двух домов, и мы часто видели генерала. Сын генерала Раевского несколько раз приходил присутствовать на моих уроках» (Андроников 1968, с. 162). Кратко временность пребывания Пушкина в Киеве делает неизбежным вопрос: мог ли поэт, прожив 1–2 дня у Раевских, познакомиться с Бухариным? Первооткрыватель мемуаров по этому поводу заметил: «Много времени на это не требовалось, тем более что дома Раевских и Бухариных стояли в одном саду. Во всяком случае, утверждение Веры Бухариной, что это было в 1820 г., опровергнуто быть не может» (Андроников 1968, с. 163).

Среди постоянных посетителей Бухариных в мемуарах В. И. Анненковой упоминается «Капнист, сын поэта, наш сосед по деревне, с которым мои родители были близко связаны ...» (Андроников 1968, с. 162). Речь идет об Алексее Васильевиче Капнисте, сыне известного поэта В. В. Капниста, в то время активном участнике декабристского Союза благоденствия. В отличие от М. П. Бестужева-Рюмина, С. Г. Волконского, Г. Олизара, С. И. Муравьева-Апостола и других, он не был просто светским знакомым хозяев, так как связи семьи Капнистов с Бухариными имели к тому времени свою историю. Как сообщает И. Л. Андроников, детские годы Веры Ивановны «прошли в харьковском имении Боброво, где первым учителем ее был автор «Ябеды» — талантливый драматург Василий Васильевич Капнист» (Андроников 1968, с. 162). Вероятно, такое внимание к ребенку со стороны маститого литератора объясняется, в частности, его давней дружбой с А. Н. Олениным, внучатой племянницей жены которого была мемуаристка.

Во время первого приезда Пушкина в Киев поручик А. В. Капнист был частым и желанным гостем Бухариных. И это делает весьма вероятным его знакомство с поэтом в салоне киевского губернатора в середине мая 1820 г., когда опальный Пушкин был еще на пути в Екатеринослав. Вторично Пушкин приехал в Киев 30 января 1821 г. В этот раз его пребывание там было более продолжительным — по 12 февраля включительно, около двух недель. Как и в первый приезд, он остановился у генерала Н. Н. Раевского. Здесь в эти дни поэт проводил время в общении с Аглаей Антоновной и Александром Львовичем Давыдовыми, с генералом М. Ф. Орловым и поэтом-партизаном Д. В. Давыдовым. К этому же времени относятся его встречи с Бухариными в их доме. В. И. Анненкова в связи с этим вспоминала: «Мой отец, обязанный за ним наблюдать, просил его для облегчения этого дела считать губернаторский дом своим. Молодой поэт поймал его на слове и проводил свою жизнь у нас» (Андроников 1968, с. 162).

«В ту пору мне было около восьми лет», (Там же) — писала В. И. Анненкова. Действительно, в начале февраля 1821 г. ей было около восьми лет. Есть и другие моменты, свидетельствующие о точности ее воспоминаний. Таким образом, в Киеве его и в этот раз окружали люди, для которых Крым представлял большой интерес: Раевские, М. Ф. Орлов и А. В. Капнист, который мог рассказать о Крыме, и, в частности, о Бахчисарае больше, чем кто-либо другой в киевском окружении Пушкина. Надо полагать, в это время контакты А. В. Капниста с Н. Н. Раевским-старшим были более или менее активными. Косвенно это доказывается тем фактом, что 4 ноября 1821 г. сын поэта был назначен адъютантом генерала. Это же говорит в пользу того, что в феврале Пушкин мог с ним встречаться в обоих домах, и у Бухариных и у Раевских. Возможны встречи поэта и с другими членами этой семьи.

А теперь рассмотрим в историю семьи автора знаменитой комедии «Ябеда», рассмотрим внимательно, чтобы оценить значение киевских встреч Алексея Капниста с поэтом.

Связи рода Капнистов с Крымом были более давними и широкими, чем у любого другого рода из пушкинского окружения. Сестра Алексея Софья Капнист-Скалон оставила ценнейшие мемуары, в которых коснулась истории предков: «Дед мой, Василий Петрович К(апнист), отважный воин сделавшийся известным в Малороссии, был родом грек; начал службу свою под знаменами Петра Великого в несчастный Прутский поход, неоднократно разбивал партии крымцев и ногайских татар ... потом в 1736 г. он находился в Крымском походе

де под начальством графа Миниха и за оказанное мужество пожалован полковником миргородским» (1931, с. 298–299).

По данным В. Афанасьева, матерью В. В. Капниста была крымская турчанка Сальма (1986, с. 6).

Следующее поколение этой семьи представляют Петр Васильевич Капнист и его младший брат, известный поэт и драматург, «первый певец Тавриды» Василий Васильевич Капнист. Первый из них вскоре после присоединения Крыма к России приобрел имение в Судакской долине у горы Узун-Кыр (Низкая гора). Место это и сейчас известно как «капнистова земля». С. В. Капнист-Скалон вспоминала: «Обед наш был простой, но вкусный, и вместо дорогих вин подавались всегда выторочки из домашнего судацкого вкусный, и вместо дорогих вин подавались всегда выторочки из домашнего судацкого вина (у нас в то время был сад в Крыму) ...» (1931, с. 324).

В первые годы после присоединения Крыма к России сохранялась опасность турецкого вторжения на полуостров. В. В. Капнист беспокоился о брате, особенно с появлением слухов о скором начале войны с Турцией. Сохранилось его письмо к жене от 2 ноября 1786 г., в котором отражены его опасения за судьбу старшего брата Петра Васильевича: «Дорогая моя, напиши мне, где мой брат? Что о нем слышно. Я ему напишу, чтобы он уезжал из Крыма, ибо оставаться там теперь очень опасно, ежели война действительно неизбежна» (Капнист 1960, с. 298).

Значительную роль в развитии интереса В. В. Капниста к Крыму сыграли его общественная деятельность и личные связи.

Еще в январе 1773 г. поэт был переведен на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, где началась его дружба с Г. Р. Державиным, длившаяся всю жизнь. Позднее Г. Р. Державин создал несколько стихотворений, посвященных русско-турецким войнам и Крыму. Знаменитым стал его «Водопад», где показана деятельность Г. А. Потемкина по присоединению Крыма к России. Особую популярность получил стих «Великолепный князь Тавриды», повторенный Пушкиным во второй песни «Руслана и Людмила». В стихотворении «Осень во время осады Очакова» Крым упоминается Г. Р. Державиным под названием «царства Митридата». Эти и другие произведения друга, тематически связанные с Крымом, В. В. Капнист, несомненно, знал. Знал он и о роли Г. Р. Державина в решении проблемы крымских озер, возникшей в начале 1800-х гг., когда Гавриил Романович занимал пост министра юстиции. По его настоянию соляные промыслы Крыма были переведе-

ны в казенное ведомство, и тем самым, прекратилась разорительная практика их эксплуатации откупщиками.

Во второй половине 1770-х гг. В. В. Капнист завязал дружбу с Н. А. Львовым, талантливым архитектором, художником, критиком и поэтом. В 1787 г. Николай Александрович Львов был зачислен в свиту Екатерины II во время ее путешествия в Крым. 20 мая он побывал в Бахчисарае. Город с его восточным колоритом чрезвычайно понравился Н. А. Львову: «Бахчисарай показался нам действительно с тысяча одной ночи: чудное положение его в ущелье двух утесистых гор покрыто чудеснейшими еще строениями, одно с другим наперекос и кой-как связанными. Дворец ханской в котором приемница царя московского, данника Крымской орды ночевала, похож на клетку, в которой для роскоши и самая удобность жизни пожертвована пестроте, стеклам, фонтанам, решеткам» (Глумов 1980, с. 81–82). Н. А. Львов побывал во всех пунктах императорского вояжа по Крыму. Впечатления Н. А. Львова известны из его письма к С. Р. Воронцову. В подготовке встречи Екатерины II под Киевом и самой церемонии активное участие принял и В. В. Капнист, являвшийся тогда предводителем дворянства Киевской губернии. 28 января 1787 г. в урочище Казары, на границе Киевской и Черниговской губерний, состоялась встреча императрицы, на которой В. В. Капнист возглавлял депутацию дворянства. С этого события началось общение двух друзей, длившееся три месяца. Н. А. Львов был очень рад встрече с другом и родственником. Им не доставало еще одного друга и будущего родственника — Г. Р. Державина. Действительно, со временем дружба породнилась, женившись на дочерях сенатского обер-прокурора Алексея Афанасьевича Дьякова.

На следующий день после встречи в урочище В. В. Капнист выступил перед высокими гостями с приветственной речью. В Киеве императрица неоднократно приглашала поэта к столу, а 12 марта крестила только что родившегося у него сына Николая. Затем он получил от Екатерины II приглашение сопровождать ее до Кременчуга. Все эти обстоятельства дали возможность В. В. Капнисту многое узнать о Крыме.

Василий Васильевич Капнист первым из русских поэтов посвятил стихи Крыму, только что ставшему частью Российской империи. К 1784 г. относится его незаконченное стихотворение «На завоевание Тавриды». Уже первые строки произведения дают возможность почувствовать необычность образа Крыма, создававшегося автором.

*«Приятная весна обратно к нам спешит,
И птичек, и цветы, и голос мой живет.
Какую ж песнь на лире я настрою?...»*

(Капнист 1960, с. 98).

Крымовец П. Дегтярев отмечал, что «представление об этом крае ассоциируется у поэта с приходом весны». (1965, с. 8).

Спустя 12 лет в сборнике «Лирические сочинения Василия Капниста» (1806 г.) появилось еще одно «крымское» стихотворение «Другу сердца», в котором отразились впечатления поездки по Крыму в 1803 г. Путешествие завершилось в судакском имении брата. Здесь поэт прожил несколько недель и об этих местах написал восторженные стихи. В беседе со своим воображаемым другом автор говорит о желании жить на склоне лет в родных местах. Если же судьба распорядится иначе, таким местом может стать Крым:

*«Но ежели свирепством рока
Удела милого лишусь,
На тучный брег Солдайска тока.
В Тавриду древню преселюсь,
Где овцы пеленой обвиты,
Красу сребристых нежат рун,
Отколь в кумирах знаменитый
Владимиром сражен Перун.
Земли тот уголок счастливый
Всех боле мест манит мой взор:
Средь леса зреют там оливы,
Мед каплет из ущелья гор.
Там долго ветер весенний веет,
Гнетет недолго зимний хлад:
В долинах, как янтарь, желтеет
Токайский сладкий виноград»*

(Дегтярев 1965, с. 8).

Крым увлек его. Возвратившись в свое имение Обуховку поэт планировал посвятить полуострову очерк «Чем же займетесь теперь? Крымом? Знаю, верю, жду, что новое, хорошее, полезное о Крыме будет...» (Капнист 1960, с. 43) писал В. В. Капнисту протоиерей Киево-Софийского собора И. В. Леванда 23 января 1804 г. ».

Являясь знатоком античной истории и культуры, поэт исследовал вопрос о маршруте Одиссея во время его легендарного плаванья. С этой целью В. В. Капнист изучил древнегреческие поэмы

«Иллиаду» и «Одиссею». В результате он пришел к выводу о том, что Одиссей плавал не в Средиземном, а в Черном и Азовском морях. Летом 1815 г. он собирался в новую поездку по Крыму. Как писал поэт своим сыновьям, он планировал вместе с членами семьи поехать к Петру Васильевичу Капнисту в имение Трубайцы под Кременчугом, а затем «для рассеяния... ехать с ним в Крым, посетить места, где по моему мнению, мореходствовал Улисс» (Капнист 1960, с. 491). Желание В. В. Капниста осуществилось летом 1819 г. В этот раз поэт, члены его семьи и жена его друга, великого стихотворца Г. Р. Державина, Дарья Алексеевна объездили юго-западный Крым. Несколько дней они провели в Севастополе, где осмотрели руины Херсонеса. Затем некоторое время жили в Бахчисарае, где остановились в бывшей резиденции крымских ханов. Здесь одним из основных событий стала для них верховая поездка в пещерный город Чуфут-Кале. Затем, посетив Симферополь, путешественники уехали в Судак, где В. В. Капнист оставался до октября, активно знакомясь с окрестностями. Поэт осмотрел генуэзскую крепость, Отузскую долину и другие достопримечательности. Крымовед П. Дегтярев предположил, что «отсюда деятельный и непоседливый Капнист совершил поездку в Феодосию, Керчь и на Таманский полуостров, которые упоминаются в его переписке» (Дегтярев 1965, с. 11). Творческих результатов эта поездка не имела. Но это не означает, что она была менее результативна чем путешествие 1803 г. В том же году по итогам увиденного в Крыму он направил письма министру народного просвещения князю А. Н. Голицыну, в котором напомнил, что «ни один из ученых людей в Отечестве нашем не посвятил до сих пор трудов своих на точное исследование достопамятностей» Тавриды. Поэт предостерегает: «малейшее упущение времени и коснение в принятии нужных мер осторожности лишит и самых усердных изыскателей последнего средства к открытию древностей.» (1960, с. 526).

Спустя год он узнает о том, что на полуостров будет отправлена экспедиция академии наук. В связи с этим поэт писал сыну Сёмену, жившему в Петербурге: «Ты меня весьма обрадовал известием о посылке г-на Келлера в Тавриду... Постарайся познакомиться с г-ном Келлером и попроси его, чтобы он заехал ко мне: мы бы с ним о тамошних местах поговорили» (Капнист 1960, с. 532). В более позднем письме он высказывает сожаление о том что ему «нельзя будет поехать в Крым, как туда экспедиция академическая приедет» (1960, с. 533). По состоянию здоровья В. В.

Капнист не смог вновь отправиться в Крым. Вместо него туда поехал сын Семён, проживший на полуострове более шести месяцев, занимаясь поисками древностей. Здесь Семён Капнист создает стихотворение «Вечер в Тавриде», в котором отразилось его отношение к разрушениям памятников древности. В 1824 г. оно было опубликовано в части IX «Образцовых русских стихотворений». Несколькими годами раньше, в 1819 г., в журнале «Сын Отечества» была напечатана статья В. В. Капниста «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Чёрном и Азовском морях».

Вспомним о поездке 1819 г. и обратимся к главному — дням, прожитым им в Бахчисарайском дворце. Откроем мемуары С. В. Капнист-Скалон: «В Бахчисарай мы приехали довольно поздно, остановились в самом дворце, который вечером показался мне таким мрачным, что я почти целую ночь не могла уснуть; мне все казалось, что тени умерших ханов бродят по нем и что я вижу которого-нибудь из них в углу комнат разделенных большими арками и устланных какими-то соломенными блестящими коврами, которые от ветра из-под полу поднимались волнами. Дворец в то время не был ни обновлен, ни переделан и не испорчен, как теперь, и находился в том виде, как был при ханах. Вызолоченные пестрые потолки и стены высоких комнат были истинно великолепны, с их низкими парчевыми диванами. Мраморные ванны с фонтанами, бьющими со всех сторон и окруженными кустами цветущих роз, казались истинно чем-то волшебным... я не могла смотреть равнодушно на мрачный терем и на особенный фонтан с крестом наверху, принадлежавший пленнице последнего хана, княжне Потоцкой, которая прожила там несколько лет в заточении и похоронена в саду, близ дворца; на ее памятнике изображен тоже крест... Мы удивились, увидя в ее тереме картину, вышитую разными шелками в гладь по атласу, подаренную ей одним из буховских жителей, Ф. Г. Григоровским, которого и имя было там подписано. Он, будучи в Бахчисарае, до того понравился последнему хану, что тот предложил ему жить у него и забавлять за стеною любимую пленницу его Потоцкую игрою на гитаре и приятным пением русских и польских песен.

Он довольно долго жил там, но приближенные к хану, неизвестно за что, возненавидели его до того, что едва не лишили его жизни. Они подложили под его постель значительное количество ханского серебра, обличив его в краже, за что по их законам он был присужден к смерти; одно спасение его было, как он сам говорил,

в бегстве с опасностью жизни, ибо он должен был, чтобы спасти себя, броситься ночью с страшно высокой стены. Ф. Г. Григоровский был бедный дворянин, которого мой отец очень любил и впоследствии приютил у себя со всем семейством, выстроив ему особенный домик в саду и снабдив его землею, прислугою и всем вообще нужным». Последняя цитата. «Он до смерти не оставлял семейства нашего; три дочери его воспитывались вместе с нами матерью нашей, а два сына на счет нашего отца в казенных заведениях» (Капнист-Скалон 1931, с. 353–354).

Что же дал нам этот фрагмент воспоминаний? Возможность сделать окончательный вывод. Перед нами документальное свидетельство того, что семье В. В. Капниста, в том числе его сыну Алексею, была известна бахчисарайская легенда. Подобным доказательством не обладает ни одна из существующих версий. С учетом обстоятельств, перечисленных выше, можно предположить, что загадочный К — Алексей Капнист, представитель семьи, имевшей многолетние, разносторонние и прочные связи с Крымом.

Литература

Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1968.

Афанасьев В. Жуковский. М., 1987.

Бартенев П. И. Пушкин в Южной России // О Пушкине. М., 1992.

Глумов А. Н. А. Львов. М., 1980.

Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин. Исследования и материалы. М. Л., 1960.

Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина. М., 1990.

Дегтярев П. Земли уголок счастливый // Дегтярев П., Вуль Р. У литературной карты Крыма. Симферополь, 1965.

Капнист-Скалон С. В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. Т. 1. М., 1931.

Капнист В. В. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. М. Л., 1960.

Карский М. Б. Пушкин в Тавриде. Симферополь, 1899.

Мясоедова М. Е. Примечания // Пушкин А. С. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989.

Недзельский Б. Л. Пушкин в Крыму. Симферополь, 1928.

Пушкин А. С. Отрывок из письма к Д. // Полн. собр. соч. в 10-ти тт. Т. 6. Л., 1978.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т. Л., 1979.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16-ти т. М., 1940.

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2 М., 1990

Тынянов Ю. Н. Безыменная любовь // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1908.

Щегалев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.:Л., 1931.

Resume

Malenko A. Yu. Pushkin and the Legend of Bakhchisaray's Fountain of Tears.

The article presents an attempt to establish which person from Pushkin's surroundings told him the legend of Bakhchisaray's Fountain of Tears. This question is connected with the problem of the poet's «lost love.» The article's author proposes to change the direction of the work on the problem.

В. Н. Гуркович

В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

(О могиле погибшего в годы Крымской войны
капитана британской армии Горация Каста —
с. Вилино Бахчисарайский район)

Большую роль в победоносном для англичан Альминском сражении 8 (20) сентября 1854 г. сыграла дивизия герцога Кембриджского. Она понесла большие потери. После боя дивизионный командир выразил опасение, что если будет еще одна такая же победа, то английская королева останется без армии. Дивизия герцога Кембриджского состояла из двух бригад — гвардейской и армейской. Гвардейской командовал генерал Бентинк. В бригаду входило несколько полков, в том числе Колдстримский.

Британская гвардия первая форсировала реку Альму и повела наступление на узел обороны правого крыла русских войск (1-я артиллерийская батарея 16-й артиллерийской бригады за эполентом, Владимирский пехотный полк и другие части).

В сражении погиб капитан Виллиам Каст, адъютант генерала Бентинка. Он был похоронен на том месте, где получил смертельное ранение в начальной фазе боя, т. е. до форсирования Альмы. Могила находится южнее села Вилино (бывш. дер. Бурлюк), приблизительно в 100 м на север от реки и 700 м на восток от современного моста автодороги Саки — Севастополь.

Памятник на могиле был сооружен после окончания войны. Весьма вероятно, что он был установлен по инициативе и на средства родителей погибшего.

Памятник имеет форму прямоугольной надгробной плиты (размер в плане — 2,45 x 1,51 м). На верхней горизонтальной части плиты высечено стилизованное изображение шестигранного гроба, точнее, его крышки (2,06 x 1,25 м). В головной части «гроба» — рельефное изображение четырехлапчатого креста на фоне окружности. Размер креста — 0,69 x 0,73 м. Нижняя часть по периметру имеет четырехскатный наклон. На плоскости, примыкающей к головной части «гроба», — рельефное изображение палаша в ножнах (длина — 0,99 м). Холодное оружие в ножнах — традиционный символ на могилах (память об оконченных битвах, память о погибших воинах).

На лицевой стороне «гроба» на английском языке высечена эпитафия: *«ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ. ГОРАЦИЙ ВИЛЛИАМ КАСТ капитан Колдстримского полка Британской гвардии и адъютант генерала командующего Британской гвардией в битве при Альме. Смертельно раненный близ этого места, он умер 20 сентября 1854 года в возрасте 25 лет и был похоронен своими братьями офицерами».*

Можно предположить, что именно родители сочли необходимым сделать надпись и на русском языке. Она была специфической, не дублирующей английский текст. В ней было обращение, даже — просьба к русским людям по-человечески и по-христиански отнестись к праху поверженного иностранного воина, вступившего с оружием в руках на землю их Родины: «Чтите эту могилу», а по периметру надгробия — «В покои мертвеца упокой память его и не презри погребение его».

Примечательно, что русский текст исполнен со стилистическими и грамматическими погрешностями. Например, ненужный в начале предложения предлог «в», в словах «покой» и «упокой» нет черточки («краткой») в букве «й», слово «погребение» высечено так, что между «погребению» и «ние» расстояние около 10 см. Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что каменотес, высекавший текст, не знал русского языка и воспроизводил буквы и слова чисто механически.

Надгробие исполнено из гранита. Полированная плоскость памятника демонстрирует оригинальное равномерно-зернистое строение этой горной породы (мозаика бесчисленных темно-серых и более светлых структурных образований). Насколько известно автору, подобный тип гранита отсутствует в Крыму.

Таким образом, исходя из анализа эпитафии и гранита, можно предположить, что памятник был изготовлен за пределами Крыма,

наиболее вероятно — в Англии, в готовом виде привезен на поле Альминского сражения и установлен над могилой.

Следует отметить, что подобные двуязычные эпитафии были на многих памятниках британским солдатам и офицерам, погибшим в период Крымской войны. На некоторых эпитафии на русском языке были составлены с грамматическими ошибками и стилистическими погрешностями. Эти особенности (двуязычный текст и незнание русского языка резчиками) не остались без внимания 23-летнего московского поэта Константина Симонова. В стихотворении «Английское военное кладбище в Севастополе» есть строки, повествующие о памятниках, изготовленных на далеких Британских островах

*«На медных досках, на камнях надгробных,
На пыльных пирамидах из гранат
Английский гравер вырезал подробно
Число солдат и номера бригад.
Но прежде, чем на судно погрузить их,
Боясь превратностей чужой земли,
Все надписи о горестных событиях
На русский второпях перевели.
Бродяга-переводчик неуклюже
Переиначил русские слова,
В которых о почтенье к праху мужа
Просила безутешная вдова:
«Сержант покойный спит здесь. Ради бога,
С почтеньем склонись пред этот крест!»...*

Стихотворение было написано летом 1939 года сразу после посещения некрополя на Каткартовом холме. В тот период на кладбище было не менее 444 одиночных и братских могил жертв Крымской войны. Жестокие бои Великой Отечественной в районе Каткартова холма летом 1942 г. и весной 44 г. изувечили кладбище, но оно продолжало существовать. Даже в разгромленном виде само кладбище, памятники и эпитафии говорили о благородстве и милосердии народа России, который отдал последний долг своим вчерашним врагам, павшим на земле его Отечества.

В 1955 году некрополь был уничтожен.

Поэтому надгробие над могилой английского офицера Горация Каста уникально в силу нескольких причин. Прежде всего, потому, что это единственный английский неповрежденный памятник, установленный на могиле конкретного (!) лица, погибшего при извес-

тных обстоятельствах. Безусловно, интерес для исследователей представляет и анализ эпитафии, искусствоведческо-технологический аспект памятника, обстоятельства его создания и установки...

Могила Горация Каста, как и все (!) могилы на Альме, была осквернена злоумышленниками. Проникали гробокопатели в эту могилу не один раз. Можно только надеяться, что какие-то костные останки 25-летнего англичанина еще лежат под гранитной плитой...

Гвардейский капитан Каст — один из 23 тысяч воинов Британских вооруженных сил, погибших в эпоху Крымской войны. Большинство из них было захоронено в землю Тавриды. Русские ветераны той далекой войны всегда с чувством всепрощения и понимания относились к местам последнего упокоения вчерашнего врага...

Удивителен, непредсказуем и часто ирреален мир, в котором мы живем в год, когда было снесено воспетое Константином Симоновым Английское кладбище в Севастополе, на берегах реки Альмы стройбригада колхоза им. И. В. Сталина соорудила каменную ограду вокруг могилы британского офицера Горация Каста. Размер ограды, сложенной из бутового камня, — 6,63 x 5,25 м, высота — 0,6 м. Ограда сохранилась до настоящего времени в своем первозданном виде.

Знаменательно, что эта могила, находящаяся во фруктовом саду и не видимая для проезжающего по дороге путника, ни разу не упоминалась ни в дореволюционных ни в советских путеводителях, ни в каких-либо краеведческих изданиях.

15 лет назад, 19 апреля 1985 года, автор этих строк составил госпаспорт на могилу Горация Каста как на памятник истории (№2.4 772 (Е) — 2.12.2). Однако, по иронии судьбы, этой могилы нет в Государственном реестре недвижимых памятников истории и культуры Автономной Республики Крым.

Resume

Gurkovich N. V. ...Is Not Listed (The Grave of Captain of British Army Goratius Casta in the Autonomic Republic of the Crimea, Bakhchisaray administrative region, village of Vilino).

The article describes the grave of captain of British Army. Goratius Casta, who was killed in Battle of Alma (1854) during the Oriental war. The grave is located near village of Vilino in Bakhchisaray administrative region, the Autonomic Republic of the Crimea.

ГРАЖДАНИН ДАШЕВСКИЙ, КТО ВЫ?

17 февраля 1937 г. по Бахчисарайскому музею разнеслась страшная новость: «взяли» директора. Арестовали Владимира Львовича Дашевского сотрудники Бахчисарайского районного отделения НКВД, но здесь он долго не задержался. Его отправили в Симферополь, где и состоялся первый из многочисленных впоследствии допросов*.

Одним из приемов ведения следствия был в те годы повышенный интерес на первом этапе следствия к биографии арестованного. Делалось это неспроста. Если «зацепок» для следователя было недостаточно, их выискивали в биографии. Данная задача не была слишком сложной — для обвинения могло пойти непролетарское происхождение, родственная связь или служебные отношения с уже арестованным или осужденным человеком, принадлежность в прошлом к иным, кроме ВКП (б), партиям или участие, а то и просто сочувствие одной из многочисленных политических платформ в ней в 20-е гг. Часто факты, «выуженные» из биографии, «раскручивались» до основного обвинения.

Никаких доказательств антигосударственной деятельности В. Дашевского у следователей НКВД не было. Он проходил по показаниям другого арестованного. Сломленный на допросах, секретарь Крымского обкома партии Б. С. Ольховой указал на В. Дашевского, как на одного из участников антисоветской террористической организации, которую он, Ольховский, якобы возглавлял. Так директор Бахчисарайского музея оказался в переполненной камере Симферопольской тюрьмы.

Допросы Дашевского также начались с изучения фактов его биографии. Родился Владимир Львович в 1883 году в Полтавской губернии, в местечке Малые Сорочинцы в обычной украинской семье. Отец его был нотариусом, мать — учительницей. По тем временам юноша получил прекрасное образование: окончил в 1899 г. гимназию в Полтаве, историко-филологический факультет в г. Нежине в 1902 г. В 1904 г. — Восточный факультет в Петербурге, а в 1905 г. — военное училище в г. Вильно. После училища в армии не служил. Давал частные уроки, принимал активное участие в революционном движении. Из-за преследований царского

* Материал написан на основе документов архивно-следственного дела В. Л. Дашевского, хранящихся в архиве ГУ СБУ в АРК №0.

правительства эмигрировал Франция, Германия, Австро-Венгрия, Палестина, Персия — вот список стран, в которых приходилось побывать В. Дашевскому во время эмиграции. С началом империалистической войны возвращается в Россию, призывается в армию и до 1917 г. служит в должности заведующего хозяйством в чине капитана в Ижорском полку 74-й дивизии. В мае 1917 г. по рекомендации Ногина и Куйбышева вступает в РКП (б). С октября 1917 г. — в Красной Гвардии, затем в Красной армии. Состоял в должности политкомиссара полка, начальника политотдела отдельной заволжской бригады. Одновременно некоторое время возглавлял Григоропольский и Синельниковский ревкомы. При этом на первом допросе показал, что в годы гражданской войны был знаком с Фрунзе, Буденным и Ворошиловым. В марте 1923 г. уволился из РККА и более года возглавлял городской отдел здравоохранения в Павлодаре на Екатеринославщине. После этого с апреля 1924 г. по ноябрь 1925 г. заведовал губернским архивом в Екатеринославе. Бурная революционная молодость, видимо, не прошла для Владимира Львовича бесследно — вследствие болезни он получает 1-ю группу инвалидности и переезжает в Ленинград, где до 1930 г. нигде не работает и живет на пенсию. Надо полагать, что состояние его здоровья за эти годы несколько улучшилось, т. к. он решил заняться научной работой — поступил в Институт Востоковедения АН СССР. Сначала недолго был научным сотрудником, затем пошел вверх по служебной лестнице. Еще бы: много ли было в то время людей, владевших 24 (!) иностранными языками. В. Дашевский становится ученым секретарем института, позже заведующим рукописным отделом и научным сотрудником еврейского кабинета. По совместительству несколько лет работал заместителем заведующего рукописным отделом государственной публичной библиотеки. В июле 1935 г. по состоянию здоровья В. Дашевский увольняется из института и переезжает в Крым, где вскоре его назначают директором Бахчисарайского музея.

Давая показания о своем жизненном пути, Владимир Львович столь подробным изложением фактов своей жизнедеятельности наверняка пытался дать понять следователю, что его арест — явная ошибка, и что вся его жизнь — пример служения новому строю. Но следователь, лейтенант госбезопасности Модин (инициалы, к сожалению, установить не удалось. — Авт.) ухватился за факт пребывания за границей. Кроме этого, он заметил и некоторые разногласия в биографии подследственного. Так, в копии

учетной карточки члена партии, которая также оказалась подшитой к делу, значилось, что с 1906 по 1907 г. Дашевский занимался преподавательской деятельностью в частной гимназии в Прибалтийском городе Ломжа, а затем до июля 1914 г. давал частные уроки в г. Лубны Полтавской губернии и г. Одессе. Следовательно, об эмиграции сведений не было. Модин решил разобраться. В Полтаву, Одессу и Ленинград полетели запросы. Одновременно был сделан запрос в архив Красной Армии. Пока следователь ждал ответы на запросы, В. Дашевского почти не допрашивали. Состоялась лишь очная ставка с Б. С. Ольховым, на которой бывший секретарь обкома повторил, что он возглавлял в Крыму контрреволюционную троцкистскую организацию и давал указания Дашевскому развалить работу Бахчисарайского музея. Последний это отверг, что и было зафиксировано в протоколе. Нагрузка у следователей была большая (одновременно расследовалось несколько дел и особо в детали вникать было некогда, да и незачем), главное выявить и разоблачить «врагов народа». А ведь если бы к биографии Дашевского отнестись внимательнее, то можно было бы задать еще несколько вопросов. Почему человека, окончившего военное училище, отпускают из армии, тем более что идет война с Японией и началась революция? Почему в 1914 г. его призывают на службу и сразу присваивают звание капитана? Где и когда Дашевский изучил 24 иностранных языка? Почему на допросе (что зафиксировано в протоколе) он назвал только 13 из них? Следовательно, по-видимому, был человек не очень образованный, иначе его бы заинтересовал тот факт, что Дашевский знает афганский, ассирийский, вавилонский, айсорский, еврейско-турецкий, еврейско-татарский и т. д. Вопросов подследственному можно было задать много. Но такие «мелочи» никого не интересовали. «Пришить» шпионскую деятельность было важнее. Ответы из архивов пришли однотипные — компрометирующих данных на В. Л. Дашевского не имеется, как и о пребывании его на политических должностях в указанных дивизиях. Впрочем, архивисты сделали оговорку, что документы указанных частей имеются в весьма незначительном количестве.

Настоящая «бомба» пришла из Одессы. Чекисты нашли и допросили проживающую там сестру Дашевского. Она-то и дала показания, что ее брат никакой не Владимир Львович, а Вульф Лейбович, еврей, родился не на Полтавщине, а в местечке Добровеличко на Одессщине. Образования не имел не то что высшего, но и даже среднего. Окончил всего 4 класса, революционной деятель-

ностью не занимался, и поэтому никуда и никогда не эмигрировал, офицером не был. До 1914 г. безвыездно проживал в Одессе и работал музыкантом. С началом Первой мировой войны был призван в армию, но до 1917 г. пробыл в запасном полку рядовым и в боевых действиях не участвовал. Как и когда он попал в Красную Армию, сестра не знала, но из ее показаний следовало, что «настоящую биографию» В. Дашевский излагал только с 1923 г., т. е. после демобилизации из РККА.

Вызванный на допрос Владимир Львович, он же Вульф Лейбович, был вынужден признать, что сам выдумал себе такую богатую биографию, но по-прежнему отрицал свое участие в контрреволюционной деятельности. Однако следствие уже получило новый импульс. Во-первых, отпал факт знакомства с видными деятелями партии, а соответственно их рекомендации для вступления в РКП (б). В. Дашевский признал, что в партию на самом деле вступил в 1919 г., но затем сумел приписать себе два года стажа. А когда в 1927 г. уже в Ленинграде во время обмена партбилетов получал новый, то там все уже было «чисто». И это действительно так. В деле хранится «выписка из акта проверки партдокументов у коммунистов-одиночек города», датированная 9 декабря 1935 г., с заключением, подписанным секретарем Бахчисарайского райкома партии, о том, что партбилет и учетная карточка «тов. Дашевского Владимира Львовича являются подлинными и действительно принадлежат ему».

Так всплыло новое преступное деяние — проникновение обманым путем в партию с контрреволюционными целями.

В Москву в Центральный архив Революции ушел новый запрос с просьбой проверить, не проходит ли В. Дашевский как провокатор и секретный сотрудник контрразведки белых. Тем более, что теперь о своем вступлении в партию обвиняемый давал еще более путанные показания. Но твердо стоял на том, что ни в какой контрреволюционной троцкистской организации не состоял, никто его не вербовал и заданий проникнуть в партию с контрреволюционными целями он ни от кого не получал.

В. Дашевскому было предъявлено обвинение по статьям 58-10-11 и 58-8 УК РСФСР в том, что он был членом контрреволюционной террористической организации, готовившей террористические акты против руководителей партии и правительства.

В то же время, в обвинительном заключении (а в последствии и в приговоре) в нарушение закона без предъявления обвинения ему была вменена статья 58-7 УК РСФСР, предусматривающая нака-

зание за подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной сферы, расширена также была фабула обвинения — развал работы музея по заданию Б. Ольхового и проникновение в партию в контрреволюционных целях.

На судебном заседании В. Дашевский членство в контрреволюционной организации не признал. Он считал себя виновным только в том, что прибавил себе два года партийного стажа и скрыл свою национальность.

8 января 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР осудила В. Л. Дашевского к тюремному заключению на 15 лет с поражением в правах на пять лет и с конфискацией имущества. Каких бы то ни было сведений о его дальнейшей судьбе нет. Но, учитывая состояние здоровья, возраст (ему шел уже 65-й год), а также условия ГУЛАГА, можно делать вполне определенные предположения...

Что же представлял из себя человек, незаконно обвиненный в тяжких грехах и, по сути, лишенный из-за этого права на жизнь? Оставим в стороне тему дорисовки биографии и сокрытия национальности. Последним в те годы занимались очень многие, в том числе и на политическом Олимпе. Красивая биография? Дух авантюризма Вульфу Лейбовичу был явно присущ. В деле напрочь отсутствуют сведения о том, как он заведовал здравотделом и архивом, но человек он был явно не без способностей. По крайней мере, по более поздним свидетельствам людей, знавших его по Ленинградскому периоду жизни, В. Дашевский действительно владел тюркскими языками и довольно свободно читал по древнееврейски.

Обстоятельства переезда В. Дашевского в Крым противоречивы, как и все в его биографии: по одной версии он сделал это, уволившись из института по болезни, по другой, в том числе и его собственной, — он прибыл на полуостров по заданию Института Востоковедения для сбора древних рукописей и книг народов Крыма, в частности, крымчакских и караимских. Эту версию в своих воспоминаниях о В. Дашевском представляет известный крымчакский просветитель Евсей Пейсах.

Вероятно картина выглядела следующим образом: работая в институте Востоковедения, В. Дашевский один или несколько раз ездил в Крым в научную командировку, а в 1935 г. решил перебраться на полуостров на постоянное место жительства. В пользу этой версии свидетельствует хранящиеся в институте удостове-

рение и отчет В. Дашевского о командировке в Крым в мае 1930 г.

В. Дашевский выявил в библиотеках Крыма, музеях и у частных лиц большое количество бесценных материалов: древних книг и рукописей крымчаков. Их изучением и разработкой никто на месте не занимался, в архивах и музеях они не были описаны, хранились «валом», а часть была безвозвратно утеряна (Ачкинази 2000, с. 134). Судя по отчету, В. Дашевскому удалось получить от частных лиц и привезти в Ленинград 6 книг, 32 рукописи и 14 фрагментов рукописей. Возможно, эта успешная поездка и сформировала в институте мнение о Дашевском как о специалисте. Нет документов или свидетельств современников о том, что он был исследователем, знатоком истории и культуры крымчаков и караимов. Списка научных работ В. Дашевского также обнаружить не удалось. Не имея образования, он умно решил «развернуться» на том поприще, которое было ему под силу — на сборе документов и материалов. И в этом преуспел.

Он был продуктом своего времени. И тому есть реальное свидетельство. После снятия по политическим мотивам в 1934 г. с должности Бахчисарайского музея у Боданинского его преемником стал член партии Файков. Но уже 22 марта следующего года газета «Ени — Дунья» помещает материал о том, что и новое руководство допускает политические ошибки. В те годы существовала четкая практика реагирования на критические материалы в прессе. Бюро Бахчисарайского райкома партии провело расследование, но ничего политического и особо опасного не выявило. В постановлении по этому вопросу отмечалось, что Наркомпресс не осуществляет контроль за музеем, было указано на ряд ошибок. Наиболее серьезной была рекомендация отстранить от работы нескольких экскурсоводов. Вряд ли Дашевский имел отношение к этой статье — его еще не было в Крыму. Но по приезду он развернул чрезвычайную бурную деятельность, целью которой было сделать директорское место в Бахчисарайском музее вакантным. В декабре 1935 г. Наркому Просвещения Крымской АССР поступила докладная записка члена ВКП (б) В. Л. Дашевского, в которой указывалось на бесхозяйственность в музее, неправильное руководство работой музея и неисторическую реставрацию. Подобные заявления В. Дашевский делал и Бахчисарайском райкоме ВКП (б). В. Дашевский, видимо, сумел войти в доверие к руководителям Бахчисарайского райкома и по их представлению Наркомпресс утвердил его директором.

Но прошло совсем немного времени и спираль событий вышла

на новый виток. В июле 1936 г. теперь уже заместитель В. Дашевского по научной части подал заявление в Народный Комиссариат Просвещения Крыма, в котором обвинял своего начальника в дезорганизации работы музея. В вину вменялось отсутствие научных и производственных совещаний, непрерывные командировки директора, расходование средств не по назначению, содержание внештатного сотрудника, бывшего троцкиста. Нам трудно судить о правильности расходования средств, но в частое отсутствие директора в музее можно поверить. Во-первых, Дашевский имел квартиру в Симферополе. Во-вторых, он по-прежнему старался собирать рукописи. В-третьих, часто болел. Не практиковал директор и традиционные совещания, чем удивлял привыкших к этому сотрудников.

Заявление осталось без последствий. Тогда в ход была пущена тяжелая артиллерия — пресса. В той же «Ени — Дунья» 22 октября 1936 г. была помещена статья декана пединститута Усеинова, в которой повторялись аргументы заместителя директора Бахчисарайского музея по науке. Не дожидаясь приезда комиссии обкома, В. Дашевский пишет заявление секретарю обкома партии, его жена шлет депешу в Комиссию Советского Контроля при СНК СССР. Но комиссия обкома все равно приехала, обстоятельно ознакомилась с работой музея, побеседовав со всеми сотрудниками.

Выводы были неутешительны для В. Дашевского. Комиссия сделала заключение, что В. Дашевский совершенно не руководит работой музея. За шесть месяцев работы — два месяца отпуска, 72 дня командировок плюс частое отсутствие по болезни. Уже тогда проверяющие выяснили, что никаких поручений у В. Дашевского от института Востоковедения по работе в Бахчисарае не было, что его анкета об окончании двух институтов и знании иностранных и восточных⁽¹⁾ (так в тексте — Авт.) языков и об имеющихся у него научных работах неверна. Трудно судить, как к этому пришли проверяющие, но факт налицо. Они первыми разоблачили В. Дашевского. Возможно, он сам в чем-то им помог, т. к. в заявлении секретарю обкома партии написал, что окончил Сорбонну (вероятно, во время эмиграции). Тут ему явно изменило чувство меры. Копия справки комиссии обкома партии подшита к следственному делу, следовательно, несомненно, был знаком с ней. Может быть, это и стало первым шагом к проверке биографии директора.

Отвергла комиссия и версию В. Дашевского о травле его на национальной почве. Комиссия определила причины активного не-

довольства Зиядинова — Дашевский уволил его родственника, а сам заместитель настойчиво добивался директорского кресла. Конфликт между их женами также не мог быть отнесен к межнациональному — они обе были русскими.

Словом, это была обычная житейская склока. Но, в духе времени ей пытались придать политическую окраску. Чего стоит обвинение в том, что в музее не изучают проект Сталинской конституции?

Директорского кресла он, несомненно, лишился бы — комиссия отметила, что Дашевский не может обеспечить политическое руководство, и кто знает, как сложилась бы его жизнь дальше. Возможно, он уехал бы в другое место, но арест по совершенно иным мотивам радикально изменил всю его жизнь.

Попутно добавим, что в справке обкома партии, датированной 23 ноября 1936 г., дается совершенно убийственная характеристика состоянию Бахчисарайского музея. Он «представляет собой ряд пустых комнат, неряшливо содержанных, где по стенам размещены гравюры, изображающие ханов и их наследников, в то время как экспонаты оружия, предметов быта, тканей хранятся под замком».

Но не за это получил свой срок В. Дашевский. Он стал жертвой продуманной и спланированной кампании, истинные цели которой вряд ли и сейчас можно считать полностью понятными. В данной публикации не преследуется цель анализа научных концепций причин политических репрессий в СССР. Отметим только, что наиболее вероятным представляется мнение о том, что репрессии следует рассматривать как инструмент социального управления обществом, при котором оно раскалывается на противостоящие друг другу группы — те, кто сажает, и тех, кого сажают. Под первыми понимаются не только следователи, прокуроры, судьи. В него входят как те, кто управляет процессом на самом верхнем уровне, так и масса непосредственных исполнителей по эту сторону колючей проволоки: многочисленные надзиратели, охранники, сексоты, сюда следует отнести и членов семей всех перечисленных категорий. Всех, кто жил за счет того, что были подследственные и заключенные. При этом, разумеется, границы между этими группами весьма условны, поскольку из первой во вторую группу путь был необычайно легким, обратно же практически невозможным.

Как и миллионы невинно пострадавших, В. Дашевский был реабилитирован в соответствии с законом Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 г.

Произошло это совсем недавно, в январе 1995 г. Естественно, об этом не уведомили родственников осужденного, поскольку никаких сведений о них нет. Известно, что у него были жена — Елена Алексеевна Шостак и дочь Лидия, — которой в 1937 году было 7 лет.

Да и путь к реабилитации В. Дашевского был непрост. В 1956 г. Военная прокуратура СССР провела проверку дела Б. Ольхового, по результатам которой было составлено заключение о несостоятельности обвинения Б. Ольхового в принадлежности к правотроцкистской организации. Верховный Суд СССР в феврале 1957 г. отменил приговор 1938 г. Это означало реабилитацию бывшего секретаря Крымского обкома партии. Логично было бы предположить, что проведут и проверку дела В. Дашевского, ведь его обвинение строилось исключительно на показаниях Б. Ольхового. Но нет. До простых людей хрущевская реабилитация не дошла, а после его отстранения от власти и вовсе была свернута. Да что там хрущевская «оттепель»! Уже во времена независимой Украины, готовя дело В. Дашевского к пересмотру, высокий чин нынешних правоохранительных органов в заключении по делу сделал вывод, что В. Дашевский привлечен к уголовной ответственности обоснованно, ибо «... обманул партию, присвоив себе партийный стаж и скрыв свою национальность». К счастью, прокуратура Автономной Республики Крым сделала иной вывод.

Литература

Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000.

Resume

Omelchuk D. V. Citizen Dashevskiy, Who Are You?

Nearly detective story. Arrested and released in the years of 'big terror' the director of Bakhchisaray Museum V. Dashevskiy in practice turned out not to be a person he posed himself as during a long period. The article includes the analysis of real and false in V. Dashevskiy's biography, and also a version about motifs which impaled the man to correct his own biography.

О ХАРАКТЕРЕ ОТНОШЕНИЙ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С «ВАРВАРСКИМ» МИРОМ

во второй половине VII – второй трети IV в. до н. э.

Актуальной в настоящее время представляется проблема социально-политических отношений античных полисов Северного Причерноморья с «варварским» миром в период со 2-й пол. VII по 2-ю треть IV вв до н. э. Не смотря на то, что этот вопрос уже неоднократно рассматривался (Виноградов Ю. Г., Гавриш П. А., Ключко В. И., Марченко К. К., Русяева А. С., Рыбаков Б. А., Шрамко Б. А. и др.), он представляется не вполне решенным. Больше внимания уделяется истории полисов, историческим процессам в степной части Северного Причерноморья, социально-политическому же развитию лесостепной Украины меньше (см напр. Історія 1997, с. 156–160; Давня 1998, с. 81–119). При этом акцент делается на теме скифизации и эллинизации местного населения.

Не лучше обстоит дело и с источниковедческой базой. Представляется необходимым более внимательно изучить отчеты и материалы археологических экспедиций советского времени, попытаться восстановить социально-политический и духовный мир народов, которые населяли в то время украинские земли в их целостности и взаимовлиянии.

Одна из задач лежит в плоскости более пристального внимания к реалиям греческой колонизации северного побережья Черного моря. Ведь в основе переселения греков был поиск новых резервов развития своей цивилизации. И поэтому они создали своеобразную контактную зону, выдвигающую греческий мир на такие рубежи, которые позволяли ему решать целый ряд геополитических задач.

Политическая консолидация греков оказалась связанной с грандиозными завоеваниями и распространением античной культуры на Восток. Сама Эллада разрастается до мирового гиганта, который пытается объединить Запад и Восток, повсеместно привить здесь свои политические ценности, укрепить экономические позиции. В этом была главная суть задач той цивилизации, которая и «высадилась» в Северном Причерноморье, постепенно превращая Черное море в гостеприимное

То есть, какую бы из причин колонизации Северного Причерно-

морья мы не анализировали, то ли «теорию перенаселения» Греции Маркса (1957, т. 8, с. 567–568), то ли «аграрную» и «сырьевую» (Археология 1992, с. 215), то ли «торговую», «военную», «социальную» и «этническую» (Бойко 1999, с. 20–21), в каждом случае речь шла о борьбе за господство в регионе, который был своеобразным перекрестком разных цивилизационных потоков. При этом, в нем особое место занимали земледельцы лесостепной полосы, населявшие современные Галицко-Волынские, Киевские, Черниговские Переяславские земли, где чередующиеся лесные и степные полосы содержали 2/3 мирового запаса черноземов (Историческая 1973, с. 42).

На последнюю роль в создании контактной зоны сыграли географические коммуникационные возможности водных систем, способствовавших прогрессу экономических и социальных отношений. Даже беглое ознакомление с географическими особенностями региона позволяет увидеть значение реки Борисфен (Днепр) в выходе на Среднерусскую возвышенность, на Левобережье и на Правобережье, на Припять с притоками, то есть в зарождении древнейшего торгового пути «из варяг в греки».

Таким образом, эллины колонизировали не просто какие-то мало удобные земли, а вышли на границы «варварского» мира, богатого природными условиями, имевшего древние традиции земледельческой цивилизации, сохранявшего особые социально-политические и духовные черты. Этот мир в I тыс. до н. э. достиг такого развития, что был способен формировать собственные отношения с античным миром, а поставками дешевого хлеба удовлетворять его имперские интересы (Петров 1992, с. 59–60). По замечанию Н. Дейвиса «изобретение Эллина» происходило одновременно с «изобретением варвара» (2000, с. 121).

Этого процесс проявил себя прежде всего в экономических взаимоотношениях. Античные полисы Северного Причерноморья стали крупнейшими поставщиками сельскохозяйственной продукции и, прежде всего, хлеба в метрополию. Нет необходимости приводить известные факты, которые свидетельствовали, что поставки были крупными. Этому способствовала скоординированная экономическая политика Ольвии, Херсонеса, Боспора, Тиря и других городов. Не случайно на статерах Понтиканея в IV в. до н. э., когда спрос на хлеб особенно возрос, был изображен грифон с копьем в зубах на колосе пшеницы.

Безусловно, такие поставки можно было организовать только с помощью «варварского» мира, путем налаживания тесных эконо-

мических связей. Ведь не случайно Геродот подчеркивает, что скифы-земледельцы «сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу» (1972, с. 191). Это предполагало налаживание прочных торговых связей. Современные данные говорят, что в бассейне реки Ворскла на Бельском городище, которое отождествляют с известным по письменным источникам городом Геллоном, существовала эллинская торговая фактория (Давня 1998, с. 97).

Развитие торговли способствовало и развитию социально-политических отношений. Несмотря на то, что некоторые исследователи считают что «варваризация» эллинов не имела места, факты говорят об обратном. «Варвар» проникает во все сферы социальной структуры полисов, «варварский» мир «входит» в сознание греков через новых богов, через самих «варваров» которые живут в городах и их окрестностях, через многочисленные связи в общении с самыми отдаленными уголками Лесостепи, где археологи находят сегодня греческие посуду, изделия быта и другое. Греки брали в жены представительниц варварского мира. Они использовали элементы «варварской» культуры в посуде, одежде, постройке жилищ.

Это, естественно, не могло как-то не отразиться на характере политического развития городов-государств. Современные исследователи все чаще говорят, что оно часто зависело от характера связей с «варварским» миром. Например, Боспорские правители имели более тесные отношения с «варварами», и с этим, вероятно, связано господство монархических традиций. Да и в остальных государствах демократия постоянно смещалась то в сторону радикальной, то элитарной. И хотя некоторые исследователи стремятся подчеркнуть односторонний характер политического влияния греческого мира (Малик та ін. 1995, с. 10, Яковенко 1997, с. 21), именно на основе политического консенсуса эллинам удастся стабилизировать внешнеполитические отношения с «варварами» в свою пользу.

В изучении проблем взаимодействия двух необходимо больше внимания уделить социально-политическим отношениям в «варварском» мире. Сегодня очевидно, что уже изначально в самом определении «варвар», а так греки называли всех неэллинов, скрывается сущностная сторона различных этносов. Историческая и политическая география требует расшифровки, что скрывается за названием «Скифия», которое некоторые авторы закрепляют за всей территорией Украины. Вопрос уж не такой и риторический действительно ли мы скифы «с роскошными и жадными очами» (Блок 1968, с. 644).

В этой связи особенное значение приобретают идеи Гумилева о том, что человек — не только член общества, но и этноса (1993, с. 19), а «разнообразие ландшафтов — вот причина удивительной этнической мозаичной антропосферы» (там же, с. 5). Здесь необходимо подчеркнуть, что южные и юго-восточные границы сельскохозяйственного освоения Лесостепи находились в зоне соприкосновения земледельцев с кочевниками, которые волнообразно проносились через гигантский степной котел Северного Причерноморья. По словам Геродота: «У скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой» (1972, с. 198), «Скифы ведь не землепашцы, а кочевники» (с. 187). Установив контроль над торговыми путями между Лесостепью и городами Северного Причерноморья, они стали играть посредническую роль в контактной зоне, в то же время стремясь разными путями сдерживать устремления земледельцев, которые по справедливому замечанию Крипьякевича, всегда старались колонизировать степную часть, получив, таким образом, выход к морю (1990, с. 26):

Таким образом, о стране земледельцев греки узнавали в какой то мере у скифов. Именно через них шла конвергенция греческого и варварского миров. Поэтому Геродот исходя из характера этого влияния, и объединяет под общим названием «скифы» — «скифов-земледельцев» и «скифов-пахарей».

Месторасположение этого народа связано с лесостепной полосой украинских земель. Земледелие Лесостепи имело глубокие исторические традиции, непрерываемую линию развития с древнейших времен. По мнению ряда авторов, здесь раньше чем в Европе стали использовать железные орудия труда (Полонська-Василенко 1990, с. 26), двухпольную систему, выращивали яровые и озимые. Успешно развивалось животноводство. Лесостепь была центром обработки металлов. Не случайно исследователи хозяйственного развития украинских земель этого периода вполне обоснованно считают, что Украина была составной частью эволюции человечества с общностью исторических периодов и временем возникновения государственности (Украина 1994, с. 9).

К сожалению, у нас не сложились реальные представления о жизни этого этноса в рассматриваемый период, не получили достаточного раскрытия и этнические особенности земледельцев. Поиски классовых антагонизмов, как проявления государственности, иногда приводили к серьезным просчетам в оценках цивилизованности данного народа. У Геродота особо подчеркивается, что «варвары» не очень восприимчивы чужим обычаям: «Скифы, как и

другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев, при том они сторонятся не только обычаев прочих народов, но особенно эллинских» (1972, с. 206).

Такие принципы, формируя определенный образ жизни, способствовали высокому уровню внутренних межплеменных связей с образованием определенных историко-культурных областей, обеспечивающих контакты с другими народами. Центрами их стали поселения, которые постепенно превращаются в города. Среди них такие как Немировское, Матронинское, Трахтемировское, Бельское, площади которых охватывают сотни гектаров. Сегодня доказано, что они представляли целую систему, которая контролировала определенные торговые пути.

Очевидно окружающий мир оказывал большое влияние на социально-политическое развитие земледельцев. В VI в. до н. э. сокращается количество неукрепленных городищ. Товаро-денежные отношения усиливают имущественную дифференциацию, становится более сложной социальная иерархия общества, в которой выделяются вожди, воины, торговцы, жрецы, свободные земледельцы. Существующий этнополитический общественный организм пронизывался новыми общественными отношениями. Но каким бы не было влияние греческой демократии, эти классовые отношения не вышли за рамки этических норм земледельческого этноса.

Существует устаревшая традиция рассматривать политические отношения «варваров», как нечто отсталое и несовершенное. Не отрицая античное влияние, мы должны говорить о взаимовлиянии и определенном противостоянии, в котором одна цивилизация не вынесла испытания временем, «внеся» свою посильную лепту в развитие другой.

Четко разграничивая земледельцев Лесостепи, кочевников и греков, представляются верными идеи тех исследователей, которые отмечали, что влияние скифской культуры не привело к ассимиляции местного земледельческого поселения, что эти племена периода раннего железного века можно рассматривать как протославян, непосредственных предшественников венедов (Бондарь 1971, с. 43).

Литература

Археологія і стародавня історія України. К., 1992.

Блок А. Стихотворения. Поэма. Театр. М., 1968

Бойко О. Д. Історія України. К., 1999

Бондарь М. М. Минуле Канева та його околиць. К., 1971.

- Брашинский И. Сокровища скифских царей. М., 1967.
- Бунятян К. П., Зубар В. М., Селіцька С. І. Історія стародавнього світу. К., 1997.
- Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
- Гумилев А. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. К., 1993.
- Давня історія України. К., 1998. Т. 2.
- Дейвіс Н. Європа. Історія. К., 2000.
- Крип'якевич І. П. Історія України. Львів, 1990.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 8.
- Малик Я., Вол В., Чуприна В. Історія Української державності. Львів, 1995.
- Петров В. Походження українського народу. К., 1992.
- Полонська-Василенко Н. Історія України. Т. 1. К., 1992.
- Україна і світ. Історія господарства від первісної доби і перших цивілізацій до встановлення індивідуального. К., 1994.
- Яковенко Н. Нарис історії України. К., 1997.

Resume

Mamanchuk A. I. On the Nature of the Relations between the Ancient States of the Black Sea North Littoral and the «Barbarian» World in the Second Half of the 7th – Second Third of the 4th century BC.

The relations between the Greek colonies of the Black Sea North Littoral and population of the forest and steppe part of Ukraine are described in the article.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ** — Античная древность и средние века.
АИЗ — Археологические известия и заметки.
АИК — Археологические исследования в Крыму.
АИЮВЕ — Археологические исследования на юге Восточной Европы.
АО — Археологические открытия.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГИКЗ — Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник.
БИАС — Бахчисарайский историко-археологический сборник.
ВВ — Византийский Временник.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ГААРК — Государственный Архив Автономной Республики Крым.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры.
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НА НЗХТ — Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический».
Нис — Нумизматика и сфрагистика.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
ОАК — Отчеты Императорской археологической комиссии.
ПИИЭ — Полевые исследования института этнографии.

ПФЭЭ — Приазовские фольклорно-этнографические экспедиции КОИВ НАН Украины.

РА — Российская археология.

СА — Советская археология.

САИ — Свод археологических источников.

СХМ — Сообщения Херсонесского музея.

ТГЭ — Труды государственного Эрмитажа.

ТОКДП — Таврическое и Одесское Караимское Духовное Правление.

Хсб. — Херсонесский сборник.

ЭО — Этнографическое обозрение.

ID — *Inscriptions de Delos*

IOSPE, I² — Latyshev B. *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Petropoli, 1916. Vol. 1.

ISM — *Inscriptiile din Scythia Minor*

REB — *Revue des Études Byzantines*.

Содержание

От составителей	3
-----------------------	---

АРХЕОЛОГИЯ

Лобода И. И. Раскопки курганов у с. Вилино	4
Колтухов С. Г., Мыц В. Л. Курганный могильник скифской аристократии в Горном Крыму (Некоторые результаты полевых исследований)	27
Зубарь В. М., Антонова И. А. О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса	45
Щеглов А. Н. "Старый" Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: IV траншея 1967 года в вершине Казачьей бухты	53
Ланцов С. Б. Культы и адепты в святилище II в. до н. э. — III в. н. э. около г. Саки в Крыму	78
Кутайсов В. А. Северо-Западный Крым и Херсонес в I в. до н. э. — середине I в. н. э.	95
Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Левадки	105
Власов В. П. О зарубинецких формах в керамическом комплексе поздних скифов Крыма	168
Кропотов В. В. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац	182
Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек №3, 4, 7	189
Сазанов А. В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса. (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика)	229
Бобровский Т. А. Заметки о культовой скальной архитектуре Юго-Западного Крыма	256
Герцен А. Г., Могиричев Ю. М. Восточная оборонительная стена Чуфут-кале	279
Пономарев Д. Ю. Данные палеопатологии в интерпретации погребально-поминального обычая: влияние заболеваний опорно-двигательного аппарата на положение трупа в погребении	320

ИСТОРИЯ

Сорочан С. Б. О положении Церкви в Крыму в VIII — IX вв.	328
---	-----

<i>Науменко В. Е.</i> Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений	336
<i>Дмитриева В. А.</i> Обереги в родильно-крестильной обрядности греков Приазовья	362
<i>Белый О. Б.</i> Документы из истории каранмской общины г. Бахчисарая начала XX в.	376
<i>Зарубин В. Г.</i> Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.)	397
<i>Юрченко С. В.</i> Решения Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. и «Ялтинская система» в исторической ретроспективе	409

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

<i>Вдовиченко И. И.</i> Керамика Херсонеса в собрании Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника	414
<i>Лазаренко Е. И.</i> Археологические коллекции из фондов БГИКЗ. Новые поступления	426
<i>Арбитайло И. Б.</i> К вопросу о создании Художественного музея в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике	428

КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Чореф М. М.</i> Новый тип монет Ислам-Гирея III	431
<i>Гайворонский А. Е.</i> К вопросу о христианских подразделениях в армии Крымского ханства	435
<i>Куртнев Р. И.</i> Тюркские символы в традиционной культуре крымских татар	444
<i>Желтухина О. А.</i> Фонтаны Крыма в поэзии Пушкина	448
<i>Маленко А. Ю.</i> Пушкин и легенда о Бахчисарайском Фонтане слез	458
<i>Гуркович В. Н.</i> В списках не значится (О могиле погибшего в годы Крымской войны капитана британской армии Горация Каста — с. Вилино Бахчисарайский район)	471
<i>Омельчук Д. В.</i> Гражданин Дашевский, кто Вы?	475
<i>Маманчук А. И.</i> О характере отношений античных государств Северного Причерноморья с «варварским» миром во второй половине VII — второй трети IV в. до н. э.	484
Список сокращений	490

Contents

From makers	3
-------------------	---

ARCHAEOLOGY

Loboda I. I. Excavations on Barrows Near Vilino Village	4
Koltukhor S. G., Myts V. L. Scythian Aristocracy's Barrow Burial Ground in the Mountainous Crimea	27
Zubar V. M., Antonova I. A. On the Date and Circumstances of so-called Chersonesos Citadel's Appearance	45
Shcheglov A. N. Strabo's «Old» Chersonese. The Fortification on the Isthmus of the Mayachniy Peninsula. IV. The Trench of 1967 in Headwaters of Kazachya Bay	53
Lantsor S. B. The Cults and Adherents in the Sanctuary of the 2 nd century BC – 3 rd century AD near the town of Saki in the Crimea	78
Kutaysov V. A. The North-Western Crimea and Chersonesos in the 1 st century BC – 1 st century AD	95
Khrapunov I. N., Stoyanova A., Moold S. A. Late Scythian Cemetery Near Levadky Village	105
Vlasov V. P. About Zarubineisk Forms in Assemblage of Ceramics of the Late Scythians in the Crimea	168
Kropotov V. V. The Burial with a Fibulae of Mid-Latin Constructive Scheme from Neizats Cemetery	182
Beliy A. V. The Excavations of the Estate on the Kyz-Kermen Site of Ancient Town. The Building Assemblages №3,4,7	189
Sazanov A. V. The Ceramic Assemblage of the Beginning of the 11 th century from Chersonesos (Amphorae, Pithoses, and Plain Pottery)	229
Bobrovskiy T. A. Notes on the Rock Architecture of the South- Western Crimea	256
Gertsen A. G., Mogarichev Yu. M. The Eastern Defensive Wall of Chufut-Kale	279
Ponomarev D. Yu. Paleoanthropological Data in Interpretation of Funeral Rite: the Influence of Descases on Lokomotor... System on Position of a Dead Body in a Grave	320

HISTORY

Sorochan S. B. On the Status of Church in the Crimea through the 8 th – 9 th centuries	328
---	-----

<i>Naumenko V. Ye.</i> The Place of Bosphorus in the System of Relations between Byzantium and Khazaria	336
<i>Dmitriyeva V. A.</i> Amulets in the Maternity and Baptismal Rite of the Greeks of the Azov Sea Littoral	362
<i>Beliy O. B.</i> The Documents on the History of the Karait Community of Bakhchisaray in the Beginning of the 20 th century	376
<i>Zarubin V. G.</i> About the Ethnic and Confessional Conflict in the Crimea (1918)	397
<i>Yurchenko S. V.</i> The Decisions of Yalta Conference 1945 and «Yalta System» in Historical Retrospection	409

MUSEUM COLLECTIONS

<i>Vdovichenko I. I.</i> Ceramics from Chersonesos at Collection of Bakhchisaray Reserve.	414
<i>Lazarenko Ye. I.</i> The Archaeological Collections in the Funds of Bakhchisaray State Historical and Cultural Preserve. New Acquisitions	426
<i>Arbitaylo I. B.</i> On the Problem of Organizing Museum of Arts in Bakhchisaray State Historical and Cultural Preserve.	428

LOCAL STUDIES

<i>Choref M. M.</i> The New Type of Coins of Islam-Geray III	431
<i>Haiworonsky A. Ye.</i> On the Christian Subunits in the Army of the Crimean Khanate	435
<i>Kurtiev R. I.</i> The Turkic Symbols in the Crimean Tartars' Traditional Culture	444
<i>Zheltukhina O. A.</i> Fountains of the Crimea in Pushkin's Poetry	448
<i>Malenko A. Yu.</i> Pushkin and the Legend of Bakhchisaray's Fountain of Tears	458
<i>Gurkovich N. V.</i> ...Is Not Listed (The Grave of Captain of British Army Goriatus Casta in the Autonomic Republic of the Crimea. Bakhchisaray administrative region, village of Vilino	471
<i>Omelchuk D. V.</i> Citizen Dashevskiy, Who Are You?	475
<i>Mamanchuk A. I.</i> On the Nature of the Relations between the Ancient States of the Black Sea North Littoral and the «Barbarian» World in the Second Half of the 7 th – Second Third of the 4 th century BC	484
The list of abbreviations	490

Научное издание

Редакторы-составители
Могаричев Юрий Миронович,
Храпунов Игорь Николаевич

**БАХЧИСАРАЙСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Вып. 2

**BAKHCHISARAY HISTORICAL AND
ARCHAEOLOGICAL COLLECTED
WORKS
Vol. 2**

Перевод на английский Н. Н. Храпунов
Редактор Г. Н. Гржибовская
Компьютерная верстка Б. Т. Прокопенко

Подписано в печать 20.12.2000.
Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура ArialCyr.
Усл. печ. л. 26,04; уч.-изд. л. 34,46.
Тираж 1000 экз. Заказ № 38

Отпечатано в типографии издательства «Таврида»
г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

